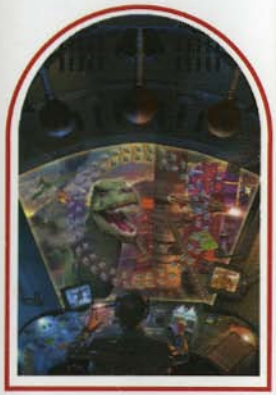
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ВЛАСТЕЛИН ВРЕМЕНИ

Кейт
ЛАУМЕР

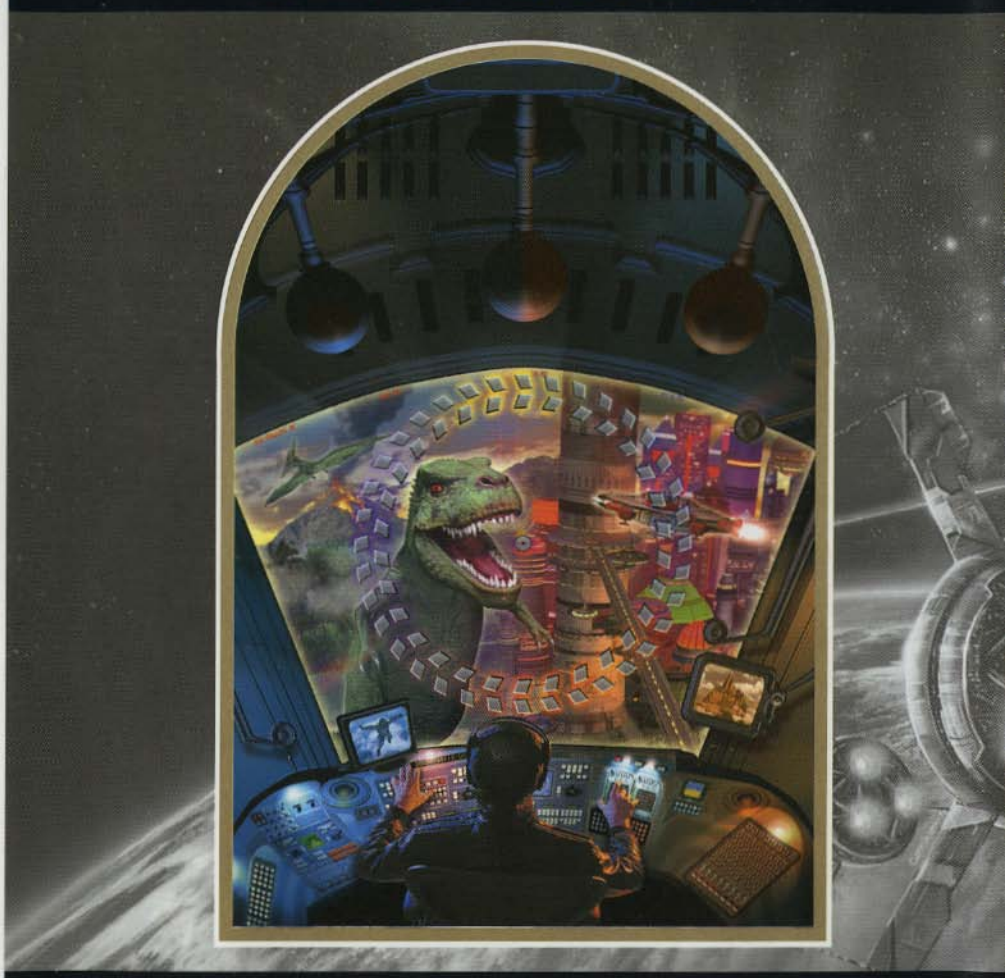


Берег Динозавров

СО ВРЕМЕНЕМ ШУТКИ ПЛОХИ

Эксмо

Кейт
ЛАУМЕР



Берег Динозавров

Кейт

ЛАУМЕР

Берег Динозавров

Кейт
ЛАУМЕР

След памяти

•

Машина времени шутит

•

Галактическая одиссея

•

Ловушка времени

•

Берег Динозавров

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Кейт

ЛАУМЕР

Берег Динозавров

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2007

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Л 28

Keith Laumer
A TRACE OF MEMORY
© 1963 by Keith Laumer
THE GREAT TIME MACHINE HOAX
© 1964 by Keith Laumer
GALACTIC ODYSSEY
© 1977 by Keith Laumer
TIME TRAP
© 1970 by Keith Laumer
DINOSAUR BEACH
© 1971 by Keith Laumer

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Лаумер К.

Л 28 Берег Динозавров: Фантастические романы / Кейт Лаумер; [пер. с англ.]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2007. — 736 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-699-22894-2

Писатель, вошедший в двадцатку лучших англо-американских авторов научной фантастики XX века. Главное достоинство фантастической прозы Лаумера — неумение писать тоскливо. Все у него напитано юмором, даже когда писатель говорит о вещах серьезных. О том, например, как перенаправить мировой поток энтропии в прошлое и вернуть тем самым продукту машинной цивилизации далекого будущего Земли атрофированные человеческие чувства. Или как успеть в промежутке между ланчем и ужином победить коварного карга, суперробота из четвертой эры, задумавшего стать властелином мира. Или... Стоп! Пересказами сыт не будешь. Срочно открывайте книгу этого замечательного писателя, и вы получите удовольствие не меньшее, чем от чтения Роберта Шекли, помноженного на Генри Каттнера и приправленного доброй порцией крепчайшего Воннегута.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. В. Акимов, Л. Ворошилова, В. Кемов, В. Кузьминов, А. Орлов, 2007
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-22894-2

След памяти

Пролог

Он проснулся и какое-то время лежал, уставившись в низкий потолок, едва различимый в багровом полумраке. Спиной он ощущал твердую поверхность трансформ-ложа. Повернув голову, он заметил стену с вмонтированной панелью, на которой красной точкой светился индикатор.

Он свесил ноги с узкого ложа и сел. Комната была маленькая, выкрашенная в серый цвет, без обычного пышного убранства. Предплечье ныло. Он задрал свободный рукав странного пурпурного одеяния и увидел пунктир уколов — следы питающегося охотника... Как они осмелились?.. Кто?..

Темный силуэт на полу невольно привлек его внимание. Он соскользнул с ложа и опустился на колени возле неподвижного тела в пурпурной тунике, покрытой пятнами почерневшей крови. Он бережно перевернул тело на спину.

Аммерлин!

Он пощупал пульс, но уловил лишь едва различимое биение. Он поднялся и увидел рядом второе тело, а возле двери еще два...

Все трое были мертвы, исполосованы кинжалами. Лишь Аммерлин еще боролся со смертью.

Он прошел к двери и крикнул в темноту. Отозвалось только короткое эхо. В серой комнате он заметил записывающий монитор у стены и надел нейроды на виски умирающего. Кроме этой записи памяти Аммерлина, никакой другой помощи он оказать другу не мог. Его нужно было показать врачу — и немедленно.

© Перевод Л. Ворошиловой.

Он пересек библиотеку. За ней оказался огромный гулкий зал. Это был не Сапфировый дворец у Мелкоморья. Судя по всему, это был дальнорейсовый корабль. Но почему? Каким образом он попал сюда? Он постоял в нерешительности. Вокруг царила абсолютная тишина.

Он пересек Большой зал и вошел в обсерваторию. Здесь ему попался еще один труп, судя по одежде, члена экипажа. Он нажал клавишу на пульте управления, замерцали огромные экраны. Изображение сфокусировалось на большом полумесяце, слабо голубевшем на черном фоне. Несколько поодаль в пространстве завис бледный безвоздушный планетоид. Что за миры?..

Через час он обошел весь корабль от носа до кормы и насчитал семь трупов. В рубке горели огни коммуникатора, но на его запрос с голубой планеты никто не отзывался.

Тогда он вернулся в трансфер-отсек. Аммерлин все еще дышал. Запись окончилась, и все, что умирающий помнил о своей долгой жизни, запечатлелось теперь в серебряном цилиндре. Оставалось лишь нанести цветовой код.

Его внимание привлек серебристый цилиндр, выступавший из отверстия в трансформ-ложе, на котором он пробудился. Так, оказывается, он и сам прошел трансформацию. Он вынул цилиндр, спрятал его в карман и резко обернулся на звук. Охотники — тускло светящиеся шары — роились в дверях. В следующий миг они окружили его со всех сторон. Ближе, ближе... нетерпеливо жужжа, они теснили его. Без оружия он был беззащитен.

Он подхватил обмякшее тело Аммерлина и бросился бежать к доку со спасательной шлюпкой. Охотники плыли за ним сияющим потоком.

Три шлюпки находились в полной готовности. Борясь с головокружением от серных испарений, исходящих от охотников, он нащупал рукой переключатель. В доке вспыхнул ослепительно яркий свет, заставивший весь рой шарахнуться прочь. Он вошел в шлюпку и уложил Аммерлина в противоперегрузочный ложемент.

Ему уже давно не приходилось управлять кораблем, но он помнил, как это делается.

Аммерлин был уже мертв, когда шлюпка достигла поверхности планеты. Она мягко приземлилась, и шлюз открылся: за ним раскинулось зеленое море леса.

Этот мир явно находился на низком уровне развития. Только посадочная площадка и расчищенный вокруг нее лес свидетельствовали о присутствии человека.

Возле квадратного монолита у восточного края расчищенной площадки виднелось небольшое углубление в земле. Он взвалил тело Аммерлина на спину и с этим грузом спустился по лестнице. Голыми руками он расширил углубление, положил в него тело и забросал землей. Потом выпрямился и повернулся к шлюпке.

На расстоянии сорока футов, между ним и лестницей, стояла дюжина низкорослых волосатых мужчин, закутанных в мохнатые звериные шкуры. Самый высокий что-то прокричал и угрожающе поднял бронзовый меч. Остальные толпились за спиной высокого, возле лестницы. Застыв, он наблюдал, как один из аборигенов неуклюже вскарабкался по ступенькам и исчез внутри шлюпки. Через мгновение дикарь появился в шлюзе и швырнул наружу пригоршню маленьких блестящих предметов. Остальные с криками сгрудились вокруг добычи. Первый дикарь снова исчез в шлюпке. И прежде чем кто-либо еще успел добраться до входа, лестница взмыла вверх и шлюз закрылся, отсекая вопль ужаса, раздавшийся изнутри.

Шлюпка медленно взмыла в воздух, развернулась к западу и растворилась в синеве. Дикари потрясенно отпрянули.

А он еще долго смотрел в опустевшее небо.

Глава 1

Объявление гласило: «Авантюрист ищет соратника для участия в необычном приключении. Фостер, а/я 19, Мейпорт».

Я смял газету, швырнул ее в направлении урны возле парковой скамейки и, отогнув потрепанный рукав, взглянул на пустое запястье. Привычка. Часы давно уже были в ломбарде, в городишке Тепело, штат Миссисипи. Впрочем, это не имело никакого значения, мне и не требовалось знать точное время.

Большинство витрин на длинной улице напротив сквера уже погасло, прохожих почти не было видно. Все уже дома и ужинают. Пока я оглядывал улицу, погас свет в аптеке с бутылками подкрашенной воды в витрине. Теперь оставалась только бакалейная лавка в конце улицы. Я поерзал на твердой скамейке и похлопал по карманам в поисках сигареты, которой у меня не было. Да когда же этот старикан за прилавком решит убраться? Я собирался ограбить его заведение, как только стемнеет.

Скажем прямо, грабить мне приходилось не часто. Может быть, поэтому я чересчур нервничал, хотя в действительности все было проще пареной репы. Обыкновенный навесной замок на деревянной двери отмыкался с одинаковой легкостью как ключом, так и без него. Ну а сейф с жестяными стенками и сейфом-то нельзя было назвать. Уже через десять минут после взлома я буду на пути к автовокзалу с деньгами на билет до Майами в кармане. В прошлом, когда передо мной маячила блестящая карьера в армейской разведке, мне доводилось проделывать кое-что и похлеще простой кражи со взломом. Но все это давно осталось позади. С тех пор, если у меня и появлялись шансы чего-нибудь добиться, ничего хорошего из этого не получалось.

Я поднялся и в очередной раз обошел сквер. Вечер был теплый, и комары еще дрыхли где-то под кустами. Из кафе неподалеку донесся запах жареных бифштексов, и я вспомнил, что давно ничего не ел. Отель «Коммершн» и билетные кассы на автостанции еще светились огнями. Местный полицейский все так же восседал на стуле в баре, болтая с продавщицей. Отсюда мне была видна рукоять револьвера, торчавшая из поношенной кобуры на поясе. Внезапно меня охватило неодолимое желание поскорее покончить со всем этим.

Я снова оглядел улицу. Все витрины были темны. Ждать больше нечего. Я пересек улицу и промаршировал мимо бакалейной лавки. На витрине были выставлены пыльные коробки с дешевыми сигарами и тарелки с обветрившейся помадкой. За ними интерьер лавки выглядел угрюмо и мертво. Я воровато зыркнул по сторонам и свернул на боковую улицу, куда выходила задняя дверь.

Из-за угла внезапно вывернул черный седан и подрулил к тротуару. Водитель перегнулся к окошку и, словно рыба из-за аквариумного стекла, уставился на меня сквозь толстые линзы очков — точь-в-точь донца пивных бутылок. Лениво повеял теплый вечерний ветерок, и я спиной ощутил влажный холод рубашки.

— Что-нибудь ищете, мистер? — поинтересовался коп.

Я, не ответив, уставился на него.

— Проездом? — полюбопытствовал тот.

Я почему-то отрицательно покачал головой.

— У меня тут работа,— выдавил я.— Вот... собираюсь поработать у мистера Фостера.

— Какого мистера Фостера? — Голос копа ныл, как зубная боль.

Голос человека, привыкшего задавать вопросы. Я припомнил объявление: какие-то приключения. Фостер, а/я 19. Коп ждал.

— Абонентский ящик девятнадцать,— сказал я.

Он еще раз оглядел меня, потом потянулся и распахнул дверцу.

— Давайте-ка лучше проедемся до участка, мистер,— сказал он.

В участке коп указал мне на стул, а сам уселся за стол и придвинул к себе телефон. Он медленно набрал номер, потом, повернувшись ко мне спиной, с кем-то переговорил.

Вокруг голой лампы танцевали мошки. В помещении стоял запах немытой кожи и грязного белья. Я сидел и слушал тоскливую песенку, передававшуюся по радио.

Через полчаса к участку подкатила машина.

Появившийся в дверях мужчина был одет в легкий костюм, поношенный и неглаженый, но великолепно скроенный. Двигался мужчина непринужденно, и в нем чувствовалась скрытая сила. С первого взгляда я решил, что ему где-то за тридцать, но, когда он посмотрел в мою сторону, я подметил морщинки вокруг голубых глаз. Я поднялся.

— Фостер,— сказал он, подавая руку.

Я пожал.

— Легион,— коротко представился я.

Полицейский за столом подал голос:

— Этот парень говорит, что он в Мейпорте, чтобы повидаться с вами, мистер Фостер.

— Да, верно, сержант,— бросил Фостер, не отводя от меня глаз.— Этот джентльмен приехал по моему объявлению.

— Ну, я же не знал, мистер Фостер,— сказал коп.

— Вполне понятно, сержант,— ответил Фостер.— Мы все чувствуем себя спокойней, зная, что вы начеку.

— Да, всякое бывает,— отозвался коп.

— Мы, пожалуй, пойдем,— объявил Фостер.— Если вы готовы, мистер Легион.

— Конечно готов,— сказал я.

Мистер Фостер пожелал копу спокойной ночи, и мы вышли. Перед зданием я остановился.

— Премного благодарен, мистер Фостер,— сказал я.— Пожалуй, не стану вам докучать.

Фостер положил руку на дверцу обманчиво скромного кабриолета. Даже с того места, где я стоял, мне удалось различить явственный запах кожаных сидений.

— А почему бы не отправиться ко мне домой, Легион? — спросил он.— По крайней мере, мы могли бы обсудить мое предложение.

Я отрицательно покачал головой.

— Я не тот человек, что вам нужен, мистер Фостер. Вот если бы вы одолжили мне пару долларов, я мог бы перекусить и убраться из вашей жизни навсегда.

— А почему вы так уверены, что мое предложение не заинтересует вас?

— В объявлении упоминается о каком-то приключении. А я и своими сыт по горло. Мне теперь только бы найти дыру, куда заползти.

— Позвольте вам не поверить,— уверенно улыбнулся Фостер.— Мне кажется, ваши приключения только начинаются.

Я задумался. Если пойти с ним, то, по крайней мере, есть шанс перекусить, а то даже и переночевать. Не ютиться же, в самом деле, под деревом.

— Ну что ж,— сказал я.— Вы меня заинтриговали.

Я забрался в машину и потонул в сиденьях, которые были такого же превосходного качества, как и Фостеров костюм.

— Надеюсь, вы не станете возражать, если я поеду быстро,— предупредил меня Фостер.— Хочу попасть домой засветло.

Он завел двигатель и, словно торпеда, стартовал прямо от кромки тротуара.

Я выбрался из машины во дворе дома Фостера и окинул взглядом широкую подстриженную лужайку, цветочные клумбы, сиявшие в лунном свете, шеренгу пирамидальных тополей и белую виллу.

— Зря я согласился,— с сожалением произнес я.— Все это напоминает о том, чего мне не удалось получить от жизни.

— Ну, ваша жизнь еще впереди,— заметил Фостер.

Он отворил панель красного дерева, которая служила входной дверью, и я последовал за ним внутрь. В конце вестибюля он щелкнул выключателем, и комната озарилась приглушенным светом. Я воззрился на бледно-серое пространство пушистого ковра размером с небольшой теннисный корт, на котором стояла мебель тикового дерева, затянутая чехлами ярких расцветок. Стены тоже были серыми, кое-где на них висели картины абстракционистов в богатых рамах. Воздух был свеж.

Фостер наискосок пересек вестибюль, направляясь к бару, который выглядел относительно скромно, хотя по размерам превосходил все, что мне довелось видеть в последнее время.

— Как насчет выпить? — спросил хозяин дома.

Я оглядел свой помятый, запачканный костюм и рукава, залоснившиеся от грязи.

— Послушайте, мистер Фостер,— сказал я.— Я только сейчас сообразил. Если у вас тут поблизости есть конюшня, то я, пожалуй, переночую там...

Фостер рассмеялся.

— Да ладно. Пойдемте, покажу вам ванную.

Чисто вымытый и выбритый, я спустился вниз, щеголяя в халате Фостера. Он сидел, развалившись в кресле, потягивал коктейль из высокого бокала и слушал музыку.

— Liebestod*,— прокомментировал я.— Несколько мрачновато, вы не находите?

— Я смотрю на это несколько иначе,— откликнулся Фостер.— Присаживайтесь.

Я уселся в одно из больших мягких кресел и попытался унять дрожь в руке, пока брал сэндвич с закусочного столика.

— Скажите мне, мистер Легион,— обратился ко мне Фостер.— Почему вы оказались здесь? И почему упомянули мою фамилию, если не собирались со мной встречаться?

Я пожал плечами:

— Да как-то так вышло.

— Расскажите-ка о себе,— попросил Фостер.

— Рассказывать особенно нечего.

— И все же...

— Ну, родился, вырос, поступил в колледж...

— Какой колледж?

— Университета штата Иллинойс.

— Специальность?

— Музыка.

Фостер взглянул на меня и слегка приподнял бровь.

---

* «Смерть Изольды». Фрагмент оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда». *(Прим. ред.)*

— Чистая правда,— сказал я.— Я хотел стать дирижером. Правда, у армии насчет меня были другие соображения. Я учился на последнем курсе, когда меня забрали. Они решили, что у меня способности к разведке. Я не возражал. Признаться, времечко было неплохое.

— Продолжайте,— сказал Фостер.

Что ж, я искупался, поел. Я был у него в должниках. Если уж ему так хочется послушать о моих несчастьях, то почему бы не рассказать?

— Я проводил практические занятия. Однажды неисправный таймер в одноминутном капсюле сработал на пятьдесят секунд раньше. Один студент погиб, я же отделался только лопнувшей барабанной перепонкой и парой фунтов гравия, который застрял у меня в спине. Когда я наконец выбрался из госпиталя, меня все равно не хотели демобилизовывать, но против медицинского свидетельства не попрешь. Подъемных хватило на хорошую пирушку в Сан-Франциско и открытие частного детективного агентства.

Через несколько месяцев после банкротства у меня еще хватило денег добраться до Лас-Вегаса. Там я оставил последнее и устроился работать помощником крупье. Вкалывал там почти год. А потом однажды какой-то свихнувшийся банковский служащий с помощью спортивного пистолета проделал восемь дырок в хозяине казино. В ту же ночь я и рассчитался.

Потом пару месяцев продавал автомобили в Мемфисе, а еще позже устроился спасателем на пляже в Дейтоне, насаживал наживку на рыболовецкой шхуне в Ки-Уэсте. Ну и выполнял всякие мелкие работенки с мизерной оплатой и без всякой перспективы. Пару лет я даже провел на Кубе, но вывез оттуда только два шрама от пуль на левой ноге да почетное место в черных списках ЦРУ. После этого дела пошли совсем туго. Человек с моей специальностью не может надеяться на карьеру без маленького удостоверения в голубой пластиковой обложке. На зиму я подался на юг и выбрал Мейпорт в качестве местечка, где можно просадить оставшиеся деньги.

Я поднялся.

— Душ был превосходен, мистер Фостер, еда тоже. Я бы очень хотел сейчас добраться до постели и соснуть, чтоб уж блаженство было полным. Но хочу еще раз повторить, что меня ни капельки не интересует работа у вас.

Я повернулся и двинулся через комнату.

— Легион,— окликнул Фостер.

Я обернулся. Банка с пивом летела прямо мне в лицо. Я инстинктивно подставил руку, и она плюхнулась мне в ладонь.

— Не такие уж плохие рефлексы для человека, давно не рисковавшего,— лениво прокомментировал Фостер.

— Не среагируй я вовремя, она бы шарахнула мне прямо по зубам,— сердито заметил я, отшвырнув банку.

— Но ты же поймал ее, хотя и осоловел от пива. Мужчина, который контролирует себя после пинты пива, не алкоголик, так что в этом смысле ты чист.

— А я и не говорил, что являюсь кандидатом в вытрезвитель,— отрезал я.— Меня просто не интересует ваше предложение, каким бы оно ни было.

— Легион,— мягко сказал Фостер.— Может, тебе кажется, что это объявление на прошлой неделе — просто какая-то моя причуда? Ошибаешься. В той или иной форме оно появляется уже восемь лет подряд.

Я смотрел на него и ждал продолжения.

— И не только в местной газете. Я давал его в больших городах, в национальных еженедельниках и журналах. В общей сложности я получил пятьдесят откликов.— Здесь Фостер кисло улыбнулся.— И три четверти из них были от женщин, которые думали, что мне нужна партнерша. Несколько мужчин отозвались с той же самой идеей. А прочие просто безнадежно не подходили.

— Странно,— сказал я.— За это время добрая половина чокнутых повылазила бы из своих нор.

Ответной улыбки не последовало. Шестым чувством я уловил, что за сдержанностью хозяина скрывается тревога.

— Я бы очень хотел заинтересовать тебя, Легион. Мне кажется, тебе недостает лишь одного — уверенности.

Я усмехнулся.

— Ну и какими же необходимыми качествами, по-вашему, я обладаю? Учтите, я отнюдь не мастер на все руки...

— Легион, ты человек достаточно умный и культурный. Ты много путешествовал и знаешь, как вести себя в трудных ситуациях, иначе ты бы не выжил. Я уверен, на разведкурсах ты изучал технику проникновения в помещения и методы сбора информации, неизвестные обычному человеку, и — что более важ-

но — несмотря на врожденную порядочность, в случае необходимости ты способен преступить закон.

— Так-то оно так,— покачал я головой.— Но только в такие игры я не играю.

— Нет, я не формирую банду, Легион. Как и сказано в объявлении, это необычное приключение, оно может задеть — и, вероятно, заденет — различные законы и правила того или иного рода. Когда ты узнаешь всю историю, я предоставлю тебе самому судить, оправданно это или нет.

Если Фостер пытался пробудить мое любопытство, то в этом он преуспел. Он был совершенно серьезен, излагая свои планы. Похоже, ни один нормальный человек не захотел бы затевать ничего подобного, но, с другой стороны, Фостер совсем не походил на глупца...

— А почему бы не объяснить мне, в чем суть дела? — спросил я.— Зачем человеку, обладающему всем этим,— я обвел рукой богато обставленную комнату,— подбирать бродягу вроде меня из канавы, да еще и уговаривать взяться за работу?

— Тебя что-то сильно подкосило, Легион, это очевидно. Мне кажется, ты боишься, что я захочу от тебя слишком многого или меня чем-нибудь шокирует твое поведение. Хоть на мгновение попробуй забыть о себе и своих проблемах, и мы наверняка придем к взаимопониманию...

— Ага,— буркнул я.— Вот так прямо взять и забыть...

— Главным образом о деньгах, конечно. Большинство проблем этого общества — результат стремления к богатству.

— О'кей,— сказал я.— Пусть у меня будут мои проблемы, у тебя — твои. Давай на этом и покончим.

— Тебе кажется, что раз я материально обеспечен, то мои проблемы — это все пустяки,— полуутвердительно произнес Фостер.— Ответь мне, Легион, ты хоть раз видел человека, который страдает от амнезии?

Фостер пересек комнату и что-то достал из ящика маленького письменного стола, потом посмотрел на меня.

— Взгляни-ка повнимательней на это,— сказал он.

Я подошел и взял из его рук небольшую книжицу в блеклой пластиковой обложке. На ней не было никакого изображения, кроме двух тисненых колец. Я раскрыл ее: страницы, словно из тончайшей ткани, были непрозрачны и сплошь исписаны чрезвычайно мелким почерком на каком-то странном языке. Последняя дюжина страниц была на английском. Мне пришлось поднести книжицу к глазам, чтобы разобрать мельчайшие буковки: «19 января 1710 года едва не разразилась катастрофа, когда я чуть не утратил ключ. С этого момента буду вести дневник на английском языке...»

— Ну, если это и есть ваше объяснение, то оно для меня слишком хитроумно,— сказал я.

— Легион, как ты полагаешь, сколько мне лет?

— Вопрос, конечно, интересный,— отозвался я.— Когда я впервые увидел вас, то сказал бы, что за тридцать. Но сейчас, честно говоря, вы выглядите почти под пятьдесят.

— Я могу представить доказательства,— сказал Фостер,— что почти целый год провел во французском военном госпитале. Я очнулся в палате, весь забинтованный, до самых глаз, и без малейших воспоминаний о своей прежней жизни. Согласно медицинскому заключению мне было тогда тридцать лет.

— Ну что ж,— сказал я.— Амнезия не такая уж и редкость среди пострадавших на поле боя. И похоже, вы неплохо наладили свою жизнь с тех пор.

Фостер нетерпеливо затряс головой.

— В этом обществе несложно разбогатеть, хотя мне и пришлось как следует потрудиться несколько лет. Но настало время, когда у меня наконец появилась возможность вернуться к поискам своего прошлого. Правда, имеющихся свидетельств недостаточно: вот этот дневник, который был найден возле меня, и кольцо на пальце.

Фостер вытянул руку. На среднем пальце красовался массивный перстень с той же самой гравировкой из концентрических кругов, которую я видел на обложке дневника.

— Я был весь обожжен, моя одежда сгорела. Удивительно, что дневник уцелел, хоть его и нашли среди обгоревших обломков. Он сделан из очень прочного материала.

— Что же удалось обнаружить?

— Ничего. Ни в одном воинском подразделении я не числился, а из того, что говорил я по-английски, заключили, что я либо англичанин, либо американец.

— А что, по акценту нельзя было определить точно?

— Вероятно, нет. Похоже, я говорил на каком-то неизвестном диалекте.

— Может быть, вам и повезло. Я, например, был бы рад забыть свои прошедшие тридцать лет.

— Я потратил значительную сумму и несколько лет, чтобы раскопать свое прошлое,— продолжал Фостер.— В конце концов мне пришлось сдаться. Но потом я нашел первый туманный след.

— А, так вы все же обнаружили что-то? — сказал я.

— Ничего нового, в этом помог дневник.

— Вот уж не подумал бы,— прокомментировал я.— Только не надо мне говорить, что вы положили его в ящик стола и забыли о нем.

— Конечно, я прочитал все, что мог. На английском там было написано очень мало, все остальное зашифровано. А то, что я прочитал, показалось мне бессмыслицей, со мной никак не связанной. Ты видел: это не более чем дневник, и велся он нерегулярно. Да и сами записи настолько туманны, что едва ли лучше шифра. И взгляни на даты, они охватывают период с начала восемнадцатого по начало двадцатого века.

— Что-нибудь типа семейной летописи,— предположил я.— Записи делались представителями нескольких поколений. Там упоминаются имена или местности?

— Взгляни-ка еще раз, Легион,— попросил Фостер,— посмотри, может, ты найдешь что-нибудь необычное, кроме того, о чем мы уже говорили.

Я снова пролистал книжицу. Она была не толще дюйма, но тяжелая, на удивление тяжелая. Огромное количество страниц: я насчитал сотни исписанных листков, а ведь книга была заполнена менее чем наполовину. Я выхватывал отрывки то тут, то там: «4 мая 1746 года. Вояж неудачен. Я должен оставить этот путь поиска... 23 октября 1790 года. Надстроил барьер кубитом выше, теперь огни полыхают каждую ночь. Неужели нет предела их адской настойчивости? 19 января 1831 года. У меня большие надежды на Филадельфию, мой величайший недруг — нетерпение, вся подготовка к трансформации закончена, однако, признаться, чувствую какое-то беспокойство...»

— Тут множество странностей, не считая самих дат. Ну, во-первых, дневник должен быть старым... но качество бумаги и переплет превосходят все, что я когда-либо видел. Да и почерк чересчур убористый для гусиного пера.

— К переплету присоединено стило, дневник написан им.

Я пригляделся, вытащил тоненькую ручку и взглянул на Фостера.

— Кстати, о странностях,— заметил я.— Подлинная антикварная шариковая ручка попадается не каждый день...

— Не торопись с выводами,— остановил меня Фостер.— Ты еще не видел всего.

— Один стержень на две сотни лет — неплохой рекорд.— Я пролистал страницы, потом бросил дневник на стол.— Кто кого дурит, Фостер?

— Дневник детально описан в официальном протоколе, копия которого у меня сохранилась. В нем упомянуты бумага, обложка, перо и даже цитируются кое-какие места. Полиция очень внимательно отнеслась к этому делу, пытаясь установить мою личность. Они, как и ты, пришли к выводу, что это — записи какого-то сумасшедшего. Но они видели именно этот дневник.

— Ну и что? Если это и было подделано во время войны, что это доказывает? Я готов признать, что подделке лет сорок...

— Ты не понял, Легион. Я же сказал тебе: я очнулся во французском военном госпитале. Так вот — это был парижский госпиталь, и все происходило в тысяча девятьсот восемнадцатом году.

Глава 2

Я покосился на Фостера. Он ничем не походил на умалишенного...

— В таком случае,— заявил я,— вы просто чертовски хорошо выглядите для своих девяноста.

— Ты находишь мою внешность до странности моложавой. А как ты отреагируешь, если я сообщу, что достаточно ощутимо постарел только за последние несколько месяцев? Что еще год назад я бы запросто сошел за тридцатилетнего...

— Пожалуй, не поверю,— признался я.— Сожалею, мистер Фостер, но мне не верится и в тысяча девятьсот восемнадцатый год. Ну как я могу? Это же...

— Знаю. Слишком фантастично. Но давай вернемся к дневнику. Взгляни на бумагу, ее исследовали эксперты. Она буквально поразила их. Попытки проанализировать химический состав провалились, они попросту не смогли взять образец. Бумага не поддается растворителям...

— Не смогли добыть образец? — переспросил я.— А почему бы просто не оторвать уголок?

— Попробуй,— предложил Фостер.

Я взял дневник и подергал краешек чистого листа, потом ухватился покрепче и потянул — бумага не поддавалась. Я зажал ее и дернул изо всех сил. На ощупь она походила на тонкую прочную кожу, но даже не растягивалась.

— Да, прочная,— согласился я.

Я вынул перочинный ножик, валявшийся в кармане, открыл и попытался отрезать краешек. Никакого результата. Я перешел к бюро, положил бумагу на стол и, навалившись всем телом на нож, попытался прорезать ее. Потом поднял нож и изо всех сил воткнул лезвие в бумагу — на ней не осталось и следа. Я бросил нож.

— Да, это еще та бумага, мистер Фостер,— признал я.

— Попытайся порвать переплет,— продолжал Фостер.— Поднеси спичку, попробуй выстрелить из пистолета, если хочешь,— на материале не останется никаких следов. Давай рассуждать, Легион. Встречается такой материал в нашем мире или нет?

Я сел и попытался нащупать в кармане сигареты, которых у меня по-прежнему не было.

— Ну и что это доказывает? — спросил я наконец.

— Только то, что дневник — не мошенничество. Ты видишь перед собой нечто, от чего нельзя легко отмахнуться. Дневник существует, и это наша отправная точка.

— И куда же отсюда двигаться?

— Есть второй фактор,— продолжал Фостер.— Похоже, в прошлом у меня был враг. С недавней поры кто-то или что-то упорно преследует меня.

Я попытался рассмеяться, но прозвучало это неестественно.

— Почему бы тогда не посидеть на месте и не подождать, когда он явится. Может, хоть враг объяснит, в чем тут дело.

Фостер покачал головой.

— Это началось почти тридцать лет назад,— сказал он.— Я ехал ночью на юг из Олбани, штат Нью-Йорк, шоссе было прямым, и по сторонам его не было никаких домов. Я заметил следовавшие за мной огни. Но не огни фар. Нечто иное, что, колышась, двигалось сбоку по полю вдоль дороги. Они не отставали и постепенно приближались ко мне, потом внезапно сомкнулись впереди машины, держась за пределами света фар.

Я остановился, не потому, что был встревожен, а просто из любопытства. Мне хотелось их получше рассмотреть, я включил свой автомобильный фонарь и осветил их. Но они исчезали, как только луч касался их. После того как исчезло полдюжины, остальные пошли на сближение. Я продолжал сбивать их, освещая один за другим. Звуков никаких не было, только слышалось негромкое гудение, а потом я уловил запах серы и внезапно испугался, испугался смертельно. Самый последний я уничтожил уже в десяти футах от автомобиля. Я просто не в состоянии передать ужас, охвативший меня в тот момент.

— Звучит довольно странно,— сказал я.— Чего там было бояться? Это, наверное, малоизвестный вид шаровой молнии.

— Всегда найдется какое-нибудь объяснение,— заметил Фостер.— Но никакое объяснение не может оправдать тот ужас, который я тогда испытал. Я завел двигатель, рванул с места и гнал машину всю ночь и следующий день. Меня подстегивало ощущение, что мне надо как можно дальше убраться от тех, с кем я встретился. Я купил себе дом в Калифорнии и попытался выбросить случившееся из головы, но безуспешно. А потом все повторилось.

— То же самое? Огни?

— На этот раз иначе. Все началось с помех в моем приемнике. Потом распространилось на проводку в доме. Все лампы начали слабо светиться, даже в отключенном состоянии. Я ощущал каждой клеткой моего тела, как они надвигаются все ближе и ближе, обступая меня со всех сторон. Я попробовал завести автомобиль — двигатель не работал. К счастью, я тогда держал несколько скакунов. Оседлав одного из них, я помчался в город. Я видел огни, но они сильно отстали от меня. Потом я сел на поезд и уехал как можно дальше.

— Не понимаю...

— Это повторялось раза четыре. В конце концов мне показалось, что я сумел оторваться от них. Но я ошибся. Все говорит о том, что мне остались считанные часы. Я бы уже убрался отсюда, но мне надо было кое-что привести в порядок.

— Послушайте,— сказал я.— Все это не то. Вам нужен психиатр, а не бывший солдат. Мания преследования...

— Кажется очевидным, что объяснение надо искать где-то в моем прошлом,— не обращая внимания на мои слова, продолжал Фостер.— Тогда я всерьез взялся за дневник, мое единст-

венное свидетельство. Я скопировал буквально все, включая и зашифрованную часть. Я увеличил фотокопии шифра, но никто из экспертов так и не опознал языка, на котором он написан.

Пришлось сосредоточиться на английском тексте, и тут я обнаружил интересную особенность, которой прежде не замечал. Писавший постоянно упоминает врага, загадочных «их», против которых надо принять защитные меры.

— Так, может быть, отсюда вы и почерпнули эту мысль,— предположил я,— когда в первый раз прочитали дневник.

— Да,— согласился Фостер.— Его преследовала та же самая Немезида, что и меня.

— Что за ерунда,— рассердился я.

— Попробуем-ка,— предложил Фостер,— на время отбросить скептицизм. Давай подумаем, нет ли здесь какой-нибудь системы?

— Система-то есть, это точно,— признал я.

— Вот тогда я и обратил внимание на упоминание о потере памяти,— продолжал Фостер.— Ведь это тоже мне знакомо. Автор дневника жалуется на свою неспособность припомнить определенные факты, которые могли бы пригодиться ему в его поисках.

— Каких поисках?

— Какого-то научного проекта, насколько я могу судить. Дневник буквально полон упоминаний об этом.

— И вы полагаете, что у писавшего была амнезия?

— Ну, возможно, не в полной форме,— пожал плечами Фостер,— но он определенно не мог вспомнить какие-то факты.

— Ну, если это амнезия, тогда мы все ею страдаем,— вставил я,— совершенной памяти не существует.

— Но они все были очень важны, это не те вещи, которые легко забываются.

— Я вижу, вам бы очень хотелось поверить, что дневник каким-то образом связан с вашим прошлым,— сказал я.— Конечно, тяжело не знать истории собственной жизни. Но, по-моему, вы выбрали неверный путь. Ведь может же оказаться, что дневник — это просто роман, который вы начали писать шифром, чтобы никакой случайный читатель не принялся над вами подшучивать.

— Легион, чем ты планировал заняться, оказавшись в Майами?

Вопрос застал меня врасплох.

— Ну, я даже не знаю,— заколебался я.— Просто хотел податься на юг, где тепло. У меня там парочка знакомых...

— Другими словами, ничем,— подытожил Фостер.— Легион, я хорошо заплачу, если ты останешься со мной до конца.

Я покачал головой:

— Только не я. Все это напоминает мне, мягко говоря, небольшое сумасшествие.

— Ты что, в самом деле считаешь меня сумасшедшим? — спросил Фостер.

— Давайте скажем, что все это кажется мне немного того, мистер Фостер.

— Я прошу не просто поработать на меня,— сказал Фостер.— Я прошу помощи.

— С таким же успехом можно было погадать и на кофейной гуще,— раздраженно отрезал я.— Вы же мне фактически ничего не говорите.

— Но это еще не все, Легион. Недавно я совершил важное открытие. Когда я добьюсь твоего согласия, то все расскажу. А ты уже знаешь вполне достаточно, и согласись, все это не просто игра моего воображения.

— Да ничего я не знаю,— отмахнулся я.— До сих пор одна болтовня.

— Если тебя волнует оплата...

— Да нет же, черт побери! — рявкнул я.— Где все эти документы, о которых столько разговоров? Уже за одно то, что я сижу здесь и слушаю эту чушь, меня стоило показать психиатру. У меня и без вас полон рот...— Я оборвал себя и с силой потер лоб.— Извините, мистер Фостер, наверное, меня просто бесит, что вот у вас есть все, чего мне хотелось, а вы еще недовольны. Честно скажу, меня даже тревожат ваши галлюцинации. Если уж здоровый и богатый мужчина не способен радоваться жизни, то какого же черта остается делать нам, остальным?

Фостер задумчиво посмотрел на меня.

— Легион, если б ты мог иметь все, что хочешь, чего бы ты попросил?

— Все? Ну, я бы уж нашел, чего попросить. Я много чего в своей жизни хотел, например стать героем или великим умником или найти такую работу, которую бы мог выполнять толь-

ко я один. Но работу я так и не нашел, умником не стал, да и такого героя, как я, от труса черта с два отличишь.

— Другими словами,— подытожил Фостер,— ты искал какую-то абстракцию, в данном случае — справедливость. Но в природе справедливости не существует. Это лишь человеческая выдумка, фикция.

— Однако в жизни полно приятных вещиц, и мне хотелось бы урвать хоть немного.

— Тогда не растеряй по пути свою способность к мечте.

— Мечта?! — воскликнул я.— А, есть у меня мечта. Хочу иметь остров где-нибудь под солнышком, на котором я мог бы проводить свои дни за рыбалкой и любоваться морем.

— Не старайся казаться циничным, и, кроме того, ты опять-таки пытаешься конкретизировать абстракцию,— остановил меня Фостер.— Материализм — это всего лишь иная форма идеализма.

Я взглянул на него.

— Но я знаю, что мне никогда не иметь таких вещей. Или той справедливости, о которой вы говорите. Однажды, когда наконец осознаешь, что тебе никогда не удастся...

— Вероятно, недостижимость является существенным элементом любой мечты,— подчеркнул Фостер.— И все же держись за нее, какой бы она ни была, и не сдавайся.

— Хватит философии,— сказал я.— К чему мы пришли?

— Ты хотел взглянуть на документы,— сказал Фостер. Он выудил из внутреннего кармана ключ.— Если не возражаешь выйти к машине и, может быть, запачкать руки, то там есть бронированный сейф, приваренный к корпусу. В нем я держу фотокопии всех документов вместе с паспортом, деньгами и тому подобным. Я уже усвоил урок и готов сняться с места в любую минуту. Откинь водительское сиденье и увидишь сейф.

— К чему спешить, утром и посмотрю,— сказал я.— Вот только высплюсь. Но не обольщайтесь, во мне просто говорит дурацкое любопытство.

— Вот и хорошо,— отозвался Фостер. Он откинулся на спинку кресла и зевнул.— Устал я, Легион,— сказал он.— Все время в напряжении.

— Да,— согласился я.— И я про то же.

— Ступай, выспись, поговорим утром,— сказал Фостер.

Я откинул легкое покрывало и выскользнул из постели. Ковер под ногами был толст и пушист, как норковая шубка какой-нибудь смазливенькой секретарши. Я подошел к встроенному шкафу и ткнул кнопку. Дверца распахнулась. Моя старая одежда лежала на дне, но на мне был наряд, одолженный Фостером. Не станет же он возражать, если я немного поношу его. В конечном итоге это обойдется ему дешевле. Может, Фостер и был слегка повернут, как все бегуны за здоровьем по утрам, но я не собирался долго сдерживаться, чтобы сообщить ему об этом.

В комплекте Фостера явно не хватало пиджака. Я решил надеть свою старую куртку, но снаружи было тепло, да и полосатая куртка с сальными пятнами ну просто-таки портила всю картину. Я переложил свои вещи в карманы фостеровской одежды и осторожно приоткрыл дверь на лестницу.

Внизу, в жилой комнате, занавеси были задернуты. Я едва различал очертания бара. Вообще-то не мешало бы что-нибудь перекусить на дорожку. Я на ощупь двинулся туда, обыскал полки и пирамидку жестянок, внутри которых что-то шуршало. Орехи, наверное. Я хотел поставить одну из них на стойку, но она упала и стукнулась обо что-то невидимое. Я вполголоса выругался, попытался найти ее и нащупал некий предмет. Он был объемистый, с прохладной металлической поверхностью, с выступающими острыми углами, это напоминало...

Прищурившись, я едва не ткнулся в него носом, пытаясь разглядеть в темноте. В скудных лучиках лунного света, пробивавшегося сквозь шторы, я сумел различить длинный продырявленный кожух пулемета. Я проследил за направлением ствола к темному прямоугольнику вестибюля и крошечному отблеску света на полированной латуни дверной ручки.

Я невольно подался назад, ощущая внутреннюю пустоту, и наткнулся спиной на стену. Если бы я только попытался пройти через ту дверь...

Да, сумасшествия Фостера точно хватило бы на парочку свихнувшихся. Я лихорадочно осмотрел комнату. Надо убираться отсюда как можно скорее. Пока он не додумался выпрыгнуть на меня откуда-нибудь с воплем. Вот тогда я уж точно скончаюсь от разрыва сердца. Попробовать, что ли, через окно... Я обошел стойку с другой стороны, опустился на четвереньки и прополз под стволом пулемета до тяжелых занавесей, потом поднялся и открыл их. За окном я увидел бледное свечение. Но это был

отнюдь не лунный свет, а нечто молочно-белое, завихряющееся, напомнившее мне свечение океана...

Я задернул занавеску, нырнул под ствол пулемета и пробежал в кухню. В темноте отсвечивала ручка холодильника, я распахнул дверку и в тусклом свете лампы огляделся. В кухне было много разных приспособлений, но никаких дверей. Только окно, сплошь увитое растениями. Я рывком приоткрыл его и чуть не разодрал руку о железную решетку.

Вернувшись обратно в вестибюль, я попытался открыть пару дверей, но безуспешно. Третья дверь все-таки открылась, за ней обнаружились ступеньки, ведущие в подвал. Лестница оказалась крутой и темной, как и все обычные подвальные лестницы, но там мог быть и выход. Я нащупал выключатель. При слабом освещении я разглядел земляной пол, дохнуло сыростью, и, не особенно надеясь на успех, я принялся спускаться.

В центре подвала высилась металлическая печь, куда-то уходили запыленные вентиляционные шахты, вдоль стены стояли деревянные контейнеры, а в дальнем конце открывалась обшитая досками угольная яма. И никакого выхода.

Я уже повернулся назад к лестнице, но в этот момент послышался какой-то звук. Я замер. Где-то рядом как будто прошуршали тараканьи лапки, потом звук снова повторился — слабое трение камня о камень. Я напряженно всматривался в завешенные паутиной темные углы, во рту пересохло, но никакого движения я не замечал.

По всем правилам мне сейчас следовало как можно быстрее выбраться наверх, выбить решетку кухонного окна и рвать отсюда во все лопатки. Беда только в том, что для этого надо было начать действовать, и действовать быстро, а волю мою буквально парализовал грохот собственных шагов. По сравнению со всем этим шок, который я испытал, наткнувшись на пулемет, был просто детской забавой. Обычно я не верю во всякую ночную чертовщину, но на сей раз сам слышал нечто жуткое, и единственное, что лезло мне в голову, так это Эдгар Аллан По со своими веселыми россказнями о людях, замурованных заживо.

Донесся еще один звук, на этот раз резкий щелчок, и в темном углу появился луч света. Все, с меня хватит! Словно заяц, я сиганул на лестницу и через три ступеньки рванул наверх, вихрем пронесся на кухню, на ходу подхватил табуретку и с силой шарахнул ею по решетке. Табурет отскочил и заехал мне по ле-

люсти. Я выронил его, чувствуя, как рот наполняется кровью. Это привело меня в чувство, и паника сменилась гневом. Я уже бросился назад, в жилую комнату, когда внезапно вспыхнул свет. Я повернулся и увидел в дверном проеме одетого Фостера.

— О'кей, Фостер! — крикнул я, забыв о вежливости.— Давай, показывай, где тут у тебя выход?

Фостер пристально посмотрел на меня:

— Успокойся, Легион, что происходит?

— А ну-ка иди сюда! — рявкнул я, кивая на пулемет.— Разряди его и открой парадную дверь. Все, я отчаливаю.

Взгляд Фостера прошелся по моей одежде.

— Понятно,— сказал он. И снова посмотрел мне в глаза: — Так что же тебя испугало, Легион?

— Не прикидывайся наивным,— бросил я.— Или ты всерьез думаешь, что я поверю, будто, пока ты мирно спал, домовой установил эту ловушку с пулеметом?

Он перевел взгляд на оружие, желваки на его лице заходили.

— Нет, это сделал я,— произнес он.— Что-то заставило сработать автоматическое устройство. Полагаю, что снаружи ты не был.

— Это каким бы образом?..

— Это важно, Легион,— оборвал меня Фостер.— Ты бы вряд ли запаниковал от одного вида пулемета. Что ты видел?

— Я искал черный ход;— сказал я угрюмо.— Был в подвале. Мне там не понравилось, и я опять поднялся наверх.

— И что же ты заметил в подвале? — Лицо Фостера побелело от напряжения.

— Ну, это было похоже...— замялся я.— Какая-то трещина в полу, звуки, огни...

— Подвал, ну конечно,— сказал Фостер.— Самое слабое место.— Казалось, он разговаривал сам с собой.

Я через плечо ткнул большим пальцем в сторону окна:

— Да ты посмотри, что там творится.

Фостер бросил взгляд на занавеси.

— Слушай внимательно, Легион,— сказал он.— Мы в опасности. Оба. Нам повезло, что ты вовремя проснулся. Этот дом, как ты, наверное, уже успел догадаться, похож на крепость. И сейчас мы в осаде. Стены защищены, но вот подвал... Там всего лишь три фута бетона. Нам предстоит убраться отсюда очень быстро и совершенно незаметно.

— Ну и как? — спросил я.

Фостер повернулся, подошел к одной из закрытых дверей и на что-то нажал. Дверь распахнулась, и я покорно проследовал за хозяином в небольшую комнатушку. Фостер ладонью нажал на пустую стену, панель сдвинулась. Он отшатнулся назад.

— Господи! — выдохнул он и лихорадочно задвинул панель обратно.

Я стоял как вкопанный. Откуда-то просачивался запах серы.

— Да что, черт побери, происходит?! — Мой голос звучал надломленно, как и всегда, когда я был перепуган.

— Запах,— бросил Фостер.— Быстрее, другим путем!

Я отступил в сторону, и Фостер пробежал мимо меня. Я помчался за ним, едва не наступая на пятки и стараясь не оглядываться. Фостер взлетел вверх по лестнице, остановился на площадке, упал на колени, отшвырнул афганский ковер и ухватился за стальное кольцо, вмонтированное в пол. Он поднял ко мне смертельно побледневшее лицо.

— Молись своим богам,— хрипло бросил он и потянул за кольцо.

Часть площадки вздыбилась вверх и стала ребром, открыв первую ступеньку лестницы, ведущей в черную дыру. Фостер не колебался. Он нырнул в проем, и я последовал за ним. Ступени оборвались почти сразу. Во тьме щелкнул замок, и мы оказались в большом помещении. Сквозь ряды высоких окон струился лунный свет, снаружи доносился аромат свежего ночного воздуха.

— Мы в гараже,— прошептал Фостер.— Садись с той стороны. Только тихо.

Я нащупал корпус машины, обогнул его и забрался внутрь, осторожно притворив дверцу. Фостер уже был рядом, он коснулся какой-то клавиши, и приборная доска осветилась.

— Готов?

— Да,— ответил я.

Мотор завелся с полоборота. Не теряя ни секунды, Фостер включил сцепление и нажал на педаль акселератора. Машина с места рванула прямо в закрытые двери. Я инстинктивно пригнулся, но успел заметить, как в последний момент двери распахнулись и мы вылетели наружу. Первый поворот мы прошли на скорости сорок миль в час и вывернули на шоссе при шестидесяти милях в час. Покрышки визжали. Я оглянулся и только

успел заметить дом, сиявший в лунном свете, а потом мы нырнули в ложбину.

— Так что же все-таки происходит? — выкрикнул я, пытаясь перекрыть гул мотора.

Стрелка спидометра коснулась отметки «девяносто» и продолжала медленно ползти дальше.

— Потом! — крикнул Фостер.

У меня не было сил спорить. Я несколько раз оглядывался, удивляясь, куда это подевались все копы. Потом уселся поудобней и принялся следить за дорогой.

Глава 3

Было около половины пятого утра, и небо на востоке начинало сереть сквозь пальмовые ветви, когда я наконец нарушил молчание.

— Между прочим,— сказал я,— что значат все эти решетки, пуленепробиваемые стекла, армейские пулеметы? Мышей слишком много развелось?

— Это все более чем необходимо.

— Честно говоря, теперь, когда у меня волосы перестали топорщиться от ужаса,— продолжил я,— мне все это кажется чертовски глупым. По-моему, мы отъехали уже довольно далеко, чтобы остановиться и показать им всем язык.

— Не спеши.

— Слушай, а почему бы просто не вернуться? — поинтересовался я.— И...

— Нет! — выпалил Фостер.— Обещай мне, Легион, что бы ни случилось, ноги твоей там не будет.

— Уже день наступает,— заметил я.— А когда взойдет солнце, ну и идиотами же мы будем себе казаться. Но можешь не беспокоиться, уж я-то никому не расскажу.

— Мы не можем оставаться на месте,— сказал Фостер.— В следующем городке я по телефону закажу билеты на Майами.

— Постой, постой,— вставил я.— Ты что, бредишь? А как же твой дворец? Мы даже не удосужились убедиться, выключил ты телевизор или нет. И потом, как насчет паспортов, денег, багажа? И вообще, с чего ты взял-то, что я собираюсь тебя сопровождать?

— Я был готов к подобной неожиданности,— спокойно возразил Фостер.— В юридической фирме в Джексонвилле я оставил необходимые распоряжения по поводу дома. Меня больше ничто не связывает с прошлой жизнью, надо лишь изменить имя и исчезнуть. Ну а что касается остального, то мы можем купить багаж и утром. Мой паспорт здесь, в машине. Хотя, наверное, пока не удастся раздобыть тебе новый паспорт, нам лучше податься в Пуэрто-Рико.

— Послушай,— сказал я.— Ну, перепугался я там, в темноте, но зачем же из этого трагедию-то раздувать?

Фостер покачал головой.

— Врожденная инерция человеческого мышления,— заключил он.— Сопротивляться любой новой идее.

— Все эти идеи, о которых ты говоришь, обеспечат нам пожизненное место в дурдоме.

— Легион,— окликнул меня Фостер.— Тебе надо накрепко запомнить все, что я тебе скажу. Это важно, жизненно важно. Я не хочу тратить время на предисловия. Дневник, который я показал тебе, у меня в куртке, обязательно прочти английские записи. Позже ты сам все поймешь.

— Надеюсь, ты не собираешься прямо сейчас писать завещание? — поинтересовался я.— Ты мне хоть объясни для начала: от кого это мы так прытко улепетывали?

— Откровенно говоря,— отозвался Фостер,— я и сам не знаю.

Фостер выехал на темную площадку автозаправочной станции. Он поставил машину на ручной тормоз и в изнеможении откинулся на спинку сиденья.

— Ты не мог бы немного повести машину? — попросил он.— Я что-то себя неважно чувствую.

— О чем разговор! — с готовностью отозвался я.

Я выбрался из машины и обошел ее. Фостер на сиденье весь как-то обмяк, лицо его осунулось. Он казался еще более старым, чем вчера. Все эти ночные переживания и мне-то лет не прибавили.

Он открыл глаза и невидяще взглянул на меня, потом с усилием взял себя в руки.

— Извини,— выдавил он.— Что-то мне не по себе.

Он с трудом перебрался на мое место, а я сел за руль.

— Слушай, если тебе так плохо, давай лучше поищем врача.

— Нет, все нормально,— заплетающимся языком произнес он.— Поехали дальше.

— Мы уже и так в ста пятидесяти милях от Мейпорта.

Фостер повернулся ко мне, открыл было рот, собираясь ответить, и потерял сознание. Я быстро проверил пульс и зрачки. С Фостером было все в порядке, и тем не менее первым делом следовало уложить его в постель и вызвать врача.

Мы находились на окраине небольшого городка. Я медленно проехал по улицам, вывернул на главную магистраль и остановился перед обшарпанной гостиницей. Когда я выключил мотор, Фостер шевельнулся. Я повернулся к нему:

— Фостер, я отведу тебя в постель. Ты можешь идти?

Он тихонько застонал и приоткрыл остекленевшие глаза. Я вышел и помог ему выбраться. Он по-прежнему находился в каком-то странном полубессознательном состоянии. Я дотащил его до замызганной конторки, над которой горела тусклая лампа. Я нажал кнопку звонка, и через минуту из коридора выполз какой-то старикашка. Он зевнул, подозрительно оглядывая меня и Фостера.

— Нам тут пьянчуги не нужны,— буркнул он.

— Мой друг болен,— отрезал я.— Двойной номер с ванной. И вызовите врача.

— А что у него? — поинтересовался старикашка.— Это не заразно?

— Вот это я и хочу узнать.

— По утрам врача не бывает. И у нас нет отдельных ванных комнат.

Я расписался в гостиничной карточке, и, поднявшись на решетчатом лифте до четвертого этажа, мы прошли по плохо освещенному коридору к коричневой облупившейся двери. Сам номер выглядел не лучше. Обои в цветочек, умывальник древней конструкции да две широкие кровати. Я уложил Фостера на одну из них. Он так и лежал, неподвижно, с каким-то странным просветленным выражением лица, которое старательно пытаются придать мертвецам умельцы из похоронных бюро. Я присел на другую кровать и снял ботинки. Теперь наступила и моя очередь расслабиться. Я лег и погрузился в сон, словно камень в тихую воду.

Проснулся я с уверенностью, что сумел разгадать тайну жизни. Я попытался сохранить ее в памяти, но сон, как всегда, ускользнул, не оставив следа.

Серый рассвет просачивался сквозь грязные окна. Фостер лежал в прежнем положении, раскинув руки и тяжело дыша. Наверняка он просто чертовски устал, и ему вообще не нужен врач. Вероятно, он скоро проснется, снова готовый нестись сломя голову неизвестно куда.

Что же касается меня, то я опять проголодался. Надо бы раздобыть парочку долларов, хоть на бутерброд, что ли. Я окликнул Фостера, но он даже не шелохнулся. Ну, уж если он так дрыхнет, нечего его беспокоить... Я вынул из кармана костюма толстый кошелек и, выудив из него десятку, положил на стол. Мне вспомнилось, что Фостер говорил о деньгах в машине, и я взял ключи, обулся и прокрался к двери. Фостер лежал бревно бревном.

У входной двери я подождал, когда парочка местных зевак отойдет от машины Фостера. Затем сел на переднее сиденье, откинул водительское кресло и увидел сейф. Я стер грязь с замка и открыл его ключом из связки. Внутри лежала целая пачка каких-то документов, паспорт, карты с пометками и куча зелененьких, при виде которых я слегка ошалел. Я пролистал пачку: тысяч пятьдесят, не меньше. Запихнув бумаги, паспорт и деньги обратно, я запер сейф и выбрался на тротуар.

Через несколько домов по улице наискосок на грязной витрине белела надпись: «Закусочная». Дверь была открыта. Я вошел, заказал гамбургеры и кофе и, усевшись за столик, положил перед собой ключи. Я смотрел на них и размышлял. Стоит только чуть-чуть поработать над фотографией, и паспорт обеспечит мне проезд куда угодно, а денег хватит на осуществление мечты о солнечном острове. Ну а Фостер хорошенько выспится и потом поездом доберется домой. С его-то деньгами он вообще вряд ли заметит, что я у него сколько-то прихватил.

Получив от продавца бумажный пакет, я расплатился и вышел. Я остановился возле автомобиля, подкидывая на ладони ключи, и все думал, думал... Уже через час я мог быть в Майами, а уж к кому податься, чтобы подделать паспорт, я бы нашел. Конечно, Фостер был неплохим парнем, он мне нравился, но такого шанса мне больше не видать никогда. Я уже потянулся к

автомобильной дверце, когда голос откуда-то из-под мышки спросил:

— Газету, мистер?

Я вздрогнул и оглянулся. На меня смотрела чумазая физиономия мальчугана.

— Ага, давай,— бросил я.

Я сунул ему доллар и открыл газету. Слово «Мейпорт» бросилось мне в глаза. Заголовок гласил: «Полицейский налет».

«В результате незапланированного налета местная полиция обнаружила тайное убежище гангстеров. Шеф полиции Мейпорта Честерс заявил, что причиной налета послужило появление вчера в городе неизвестного гангстера с севера. В результате налета был конфискован целый арсенал, включая и армейские пулеметы. Убежище находилось в девяти милях от Мейпорта, по дороге на Фернандину. Как заявил Честерс, налет оказался итогом продолжительного расследования.

К. Р. Фостер, пятидесяти лет, владелец дома, исчез, предположительно мертв. Полиция ищет бывшего заключенного, который посетил его дом прошлой ночью. Существует предположение, что Фостер пал жертвой гангстерской войны».

Я ворвался в номер и остановился, заметив в полутьме сидевшего на постели Фостера.

— Ты только посмотри,— замахал я газетой перед его носом.— Теперь же по всем дорогам полиция начнет гоняться за мной, да еще и по обвинению в убийстве! А ну, живо садись на телефон и наведи порядок! Чтоб тебя черт побрал со всеми твоими галлюцинациями! Копы, видать, думают, что накрыли чуть ли не арсенал самого Аль Капоне. Интересно, как мы теперь из этого вывернемся...

Фостер с интересом следил за мной, потом улыбнулся.

— Слушай, а чего ты веселишься, Фостер? — крикнул я.— У тебя-то есть деньги откупиться, а вот мне что делать?

— Простите,— вежливо произнес Фостер,— а кто вы?

Бывают моменты, когда я туговато соображаю. Но только не в этот раз. Для меня вопрос Фостера грянул, словно гром с ясного неба, я почувствовал, как у меня подгибаются колени.

— Нет, только не это,— простонал я.— Как ты можешь сейчас терять память, когда полиция принялась охотиться за мной? Ты же — единственное мое алиби! Ведь только ты можешь объяснить, откуда взялось все это оружие и объявление в газете! Я же пришел к тебе по объявлению, ты помнишь или нет?!

Я до того разнервничался, что принялся орать. Внезапно я осекся. Фостер сидел неподвижно, полухмурясь, полуулыбаясь, словно банкир, отказывающий в кредите. Он только слегка покачал головой.

— Меня зовут не Фостер.

— Слушай, но вчера-то ты был Фостером, и это все, что мне надо от тебя. Ты был тем самым владельцем дома, о котором так печется полиция. Вдобавок ты еще и труп, а убийство, между прочим, списали на меня. Вот прямо сейчас, немедленно, ты пойдешь со мной в полицию и объявишь им, что я посторонний, прохожий и вообще тут ни при чем.

Я подошел к окну, поднял жалюзи и повернулся к Фостеру:

— А в полиции я все расскажу: и что у тебя мания преследования, и...— Я замолк, тупо уставившись на Фостера.

На какое-то мгновение мне показалось, что я ошибся и забрел в чужой номер. Я хорошо помнил лицо Фостера, да и света теперь вполне хватало, но человеку, с которым я разговаривал, никак нельзя было дать больше двадцати лет.

Я подошел к нему вплотную. Те же самые холодные голубые глаза, но никаких морщин. Волосы гуще и длиннее, чем я помнил. Кожа гладкая, как у младенца. Я тяжело опустился на постель.

— Mama mia,— потрясенно произнес я.

— Que es la dificultad?* — откликнулся Фостер.

— Заткнись,— простонал я.— Тут и на одном-то языке не знаешь, что думать.

Я все никак не мог собраться с мыслями. Несколько минут назад я ухватил синюю птицу счастья за хвост, но именно в этот самый момент милая птичка развернулась и цапнула меня. Меня прошиб холодный пот при одном лишь воспоминании о том, как я чуть было не укатил на Фостеровой машине. А ведь каждый полицейский штата наверняка уже охотится за ней. И стоило им только меня задержать... Да присяжным и десяти минут не потребуется, чтобы вынести приговор!

* Какие-то трудности? *(исп.) (Прим. перев.)*

А потом меня осенила еще одна мысль из тех, от которых подскакиваешь посреди ночи, стиснув кулаки и с колотящимся сердцем. Долго ждать не придется. Местная полиция наткнется на машину перед гостиницей, потом они заявятся сюда, и я доложу им, что машина принадлежит Фостеру. Им только стоит взглянуть на этого олуха, и дальнейшее будет ясно, как день:

«Чепуха, птичке, которую мы ищем, лет пятьдесят. А ну, колись, куда подевал труп?»

Я вскочил и принялся расхаживать по номеру. Фостер уже говорил мне, что с Мейпортом его ничего не связывает. Соседи подтвердят, что он, по крайней мере, средних лет. И я мог хоть лоб об стену расшибить, утверждая, будто этот двадцатилетний сопляк — Фостер. Мне все равно никто не поверит. И никаких доказательств! Они решат, что Фостер мертв и пришил его именно я. А если кто-нибудь воображает, будто для обвинения нужно corpus delicti*, то ему лучше еще разок повнимательней перечитать Гарднера.

Я выглянул в окно и тут же нырнул обратно. Возле машины Фостера топтались двое полицейских. Один из них нагнулся над бампером, вынул записную книжку и записал номер, потом бросил что-то через плечо напарнику и стал пересекать улицу. Другой подпер толстым задом капот и принялся сверлить взглядом вход в отель. Я обернулся.

— Быстро обувайся! — рявкнул я.— Надо убираться!

Мы тихонько спустились по лестнице, отыскали заднюю дверь и вышли в переулок. Нас никто не заметил.

Через час, устроившись на продавленном и грязном сиденье автобуса, я уставился на Фостера. Пожилой сумасшедший с лицом пацана и мозгами, словно чистый лист бумаги. Я тащил его за собой, потому что у меня просто не было другого выхода. Моим единственным шансом оставалась надежда, что постепенно к нему все-таки вернется память и он снимет меня с этого проклятого полицейского креста. А сейчас самое подходящее время поразмыслить над следующим шагом. Я вспомнил про пятьдесят тысяч долларов, оставленных мной в машине, и застонал. Фостер озабоченно взглянул на меня:

— Тебе больно?

* Вещественное доказательство *(лат.). (Прим. перев.)*

— Еще бы! — выпалил я.— До нашей встречи я был всего лишь бездомным бомжем, нищим и голодным. А теперь за мной гонится полиция, а я к тому же вынужден ухаживать за эдаким клиническим идиотом!

— А какие законы ты нарушил?

— Никаких,— огрызнулся я.— Я даже в качестве жулика оказался полным профаном. За последние двенадцать часов я спланировал три ограбления и ни одного так и не совершил. А теперь меня еще подозревают в убийстве.

— И кого же ты убил? — вежливо поинтересовался Фостер.

Я перегнулся через ручку кресла.

— Тебя, кретин,— прошипел я ему в лицо и добавил: — Заруби себе на носу, Фостер, единственное преступление, в котором меня можно обвинить, так это в глупости. Я слишком долго выслушивал твои небылицы и теперь из-за тебя угодил в переплет, из которого вряд ли когда-нибудь выберусь.

Я откинулся назад:

— А кроме того, еще и всякие странности со старичками, которые укладываются подремать, а просыпаются неоперившимися сосунками. Мы еще потолкуем об этом на досуге, когда мои нервы немного успокоятся.

— Глубоко сожалею, что оказался причиной твоих затруднений,— сказал Фостер.— Мне бы хотелось припомнить все, о чем ты говоришь. Что я могу сделать для тебя?

— Между прочим, это тебе в первую очередь нужна была помощь,— сказал я.— Да, вот еще, дай мне свой кошелек, нам могут понадобиться деньги.

С моей подсказки Фостер отыскал его в своем кармане и передал мне. Я быстро просмотрел содержимое. В нем не было никаких вещичек с фотографиями или отпечатками пальцев. Когда Фостер заявлял, что собирается исчезнуть без следа, он, по всей видимости, не шутил.

— Мы отправляемся в Майами,— сказал я.— Там есть местечко в кубинском квартале, где можно на время притаиться. Возможно, нам только стоит немного подождать и ты начнешь вспоминать.

— Да,— отозвался Фостер.— Это было бы неплохо.

— Ты еще хоть не забыл, как разговаривать,— заметил я.— Интересно, а что ты еще умеешь делать? Ты хоть помнишь, как нажил свое богатство?

— Я ничего не помню о вашей экономической системе,— ответил Фостер. Он огляделся.— Во многих отношениях это очень примитивный мир,— сказал он.— Думаю, мне будет нетрудно накопить здесь богатство.

— Ну, положим, мне в этом не слишком-то повезло,— сознался я.— Мне даже не удалось накопить на обед.

— У вас еду меняют на деньги? — удивленно спросил Фостер.

— Все меняется на деньги,— ответил я.— Включая и большинство добродетелей.

— Что за странный мир,— заключил Фостер.— Мне придется долго привыкать к нему.

— Мне тоже,— буркнул я.— Может, даже на Марсе было бы лучше.

Фостер кивнул.

— Возможно,— согласился он.— Тогда, может быть, нам лучше отправиться туда?

Я снова застонал.

— Да нет, нет, со мной все в порядке, не беспокойся. Но не воспринимай все так буквально.

Какое-то время мы ехали молча.

— Слушай, Фостер,— наконец сказал я.— Этот дневник еще при тебе?

Фостер покопался в карманах, вытащил переплетенную тетрадь на свет и озадаченно повертел в руках.

— Что-нибудь вспоминаешь? — настороженно спросил я.

Он слегка покачал головой, потом провел пальцем по выдавленным на обложке кругам.

— Этот знак,— медленно проговорил он,— похож...

— Ну-ну, Фостер. Похож на что?

— Извини,— выдавил он.— Не помню.

Я взял книжицу и принялся рассеянно разглядывать ее. Но думал не о ней, а о своем будущем. Когда Фостер нигде не объявится, полиция, естественно, решит, что он мертв. А поскольку нас вместе видели накануне его исчезновения, то нетрудно догадаться, почему полиция так мечтает найти меня. Исчезни я, это ни на грош не исправит ситуацию. Моя физиономия быстро пополнит зверушник разыскиваемых преступников во всех полицейских участках всех штатов. И если они даже не отловят меня сразу, то обвинение в убийстве будет висеть надо мной всю жизнь.

А уж из попытки явиться с повинной тем более ничего хорошего не выйдет. Они просто не поверят мне, и в этом их трудно упрекать. Я сам-то с трудом верил в происходящее, хотя и оказался главным участником событий. Может, я просто вообразил себе, будто Фостер помолодел? В конце концов, он мог всего лишь как следует выспаться...

Я глянул на Фостера и опять чуть не застонал. Двадцать — слишком сильно сказано. Восемнадцать — вот это точно. Я готов был поклясться, что он и бритвы-то ни разу в руки не брал.

— Фостер,— сказал я,— все должно быть в этом дневнике: и кто ты, и откуда... Это единственная моя надежда.

— Тогда вношу предложение: давай его прочтем,— отозвался Фостер.

— Отличная идея, и как я сразу до этого не додумался?

Я пролистал дневник до того места, где начинались записи на английском языке, и погрузился в чтение. Начиная с 19 января 1710 года автор дневника вносил записи каждые несколько месяцев. Судя по всему, он был одним из первых колонистов в Виргинии. Он жаловался на цены, на индейцев, на невежество других поселенцев и время от времени вспоминал о враге. Ему часто приходилось путешествовать, и когда он возвращался домой, то ругал и свои вояжи.

— Забавно,— заметил я.— Насколько мне известно, дневник писался в течение двух столетий, однако почерк везде один и тот же. Разве это не странно?

— А почему почерк должен меняться? — удивился Фостер.

— Но он под конец должен стать хотя бы дрожащим, неуверенным, верно?

— Почему это?

— Ладно, Фостер, разжую тебе прописную истину,— вздохнул я.— Просто большинство людей не живет так долго. Сто лет — это уж самый край, не говоря о двух сотнях.

— Должно быть, вы живете в неспокойном мире,— прокомментировал Фостер.

— Ха,— хмыкнул я.— Ну, ты рассуждаешь прямо как младенец. Кстати, ты писать не разучился?

Фостер задумался.

— Нет,— ответил он наконец.— Писать я могу.

Я подал ему дневник и ручку.

— А ну-ка попробуй,— предложил я.

Фостер открыл чистую страницу, что-то написал и подал мне.

— Всегда, всегда и всегда,— прочитал я и поднял глаза на Фостера: — А что это значит?

Затем я снова посмотрел на слова, перевернул страницу... Я никогда не считал себя спецом по почеркам, но вывод напрашивался сам собой.

Дневник был написан Фостером.

— Это просто какая-то нелепость,— уже, наверное, раз в сороковой повторил я.

Фостер сочувственно кивнул.

— Ну, зачем ты все это написал, а потом потратил столько времени и денег, чтобы расшифровать? Ты же сам сказал, что даже экспертам ничего не удалось понять. Хотя,— продолжал я,— ты наверняка догадывался, что это твоих рук дело. Уж свой почерк ты должен знать. Но, с другой стороны, у тебя ведь была амнезия, и ты надеялся, что дневник тебе поможет...— Я вздохнул, откинулся на спинку и швырнул дневник ему на колени.— Почитай-ка сам,— предложил я.— А то я тут взялся спорить сам с собой, и мне трудно понять, кто над кем берет верх.

Фостер внимательно оглядел дневник.

— Странно,— сказал он.

— Что странно?

— Дневник сделан из каффа, это вечный материал. А я замечаю следы повреждений.

Затаившись, я ждал продолжения.

— Вот, на обложке,— показал Фостер,— потертый край. Раз это кафф, то повреждений на нем быть не может. Значит, это специально.

Я схватил дневник и посмотрел. На обложке действительно была слабо различимая отметина, словно кто-то резанул чем-то острым. Я припомнил, как пытался порвать книгу. Да, отметина здесь никак не могла появиться случайно.

— Откуда ты знаешь, из чего он сделан? — спросил я.

На лице Фостера отразилось удивление.

— Это естественно, я же знаю, что окно сделано из стекла,— сообщил он.— Просто знаю, и все.

— Кстати, о стекле,— заметил я.— Вот подожди, раздобуду микроскоп! Тогда, может, что-нибудь и разузнаем.

Глава 4

Стокилограммовая сеньорита с бородавкой на верхней губе небрежно грохнула на стол кофейник с черным кубинским кофе, а заодно и молочник рядом с двумя щербатыми кружками, осклабилась в улыбке, которую лет тридцать назад, вероятно, можно было назвать обольстительной, и заковыляла обратно в кухню. Я наполнил кружку и вздрогнул от неожиданного звука: гитара на улице затренькала «Эстреллиту».

— Я кое-что понял, Фостер,— сообщил я.— Первая половина дневника вся в жутких закорючках, мне ее так и не удалось прочитать. А вот средняя часть, печатными буквами,— это, по сути, закодированный английский, своего рода резюме того, что произошло.

Я подобрал несколько черновиков со своей дешифровкой, которую удалось сделать благодаря ключу, скрытому в отметине на обложке. Я начал читать вслух:

— «Впервые меня охватывает страх. Моя попытка построить коммуникатор навлекла на меня охотников. Тогда из имеющихся материалов я сконструировал защиту и отыскал их гнездовище.

Я нашел его в месте, знакомом мне издавна. Это был не улей, а колодец — дело рук обитателей Двумирья. Я уже готов был спуститься вниз, но они сами поднялись навстречу. Многих мне удалось уничтожить, но в конце концов пришлось бежать. Я добрался до западного берега, нанял гребцов и на какой-то ветхой посудине отплыл в океан.

Через сорок девять дней мы достигли побережья в какой-то глуши. Здесь тоже были люди, и мне пришлось сражаться с ними. А когда они познали страх, я стал жить среди них в мире. И охотники до сих пор так и не нашли меня. Вероятно, на этом моя сага и закончится, но я сделаю все, что в моих силах.

Скоро наступит время трансформации, и я должен кое-что приготовить для того, кто придет после меня. Все, что ему надо знать, находится на этих страницах, я только хочу сказать: наберись терпения, ибо время этой расы наступает. Не рискуй отправляться на восточный континент, а только жди, ибо северные мореходы должны явиться в эту глушь. Отыщи среди них самых искусных работников по металлу, сделай себе щит и только тогда возвращайся к гнездовищу охотников. По моим подсчетам,

оно расположено на равнине в пяти тысячных частях к западу от Великого Мелового Лица и в тысяча четырехсот семидесяти частях на север от срединной линии. Камни обозначают это место знаком Двумирья».

Я взглянул на Фостера:

— Ну а потом начинаются отдельные расчеты по сделкам с аборигенами. Он пытался цивилизовать их в сжатые сроки. Они вообразили его божеством, и он отрядил их строить дороги, резать камень, обучал математике и так далее. Он стремился сделать все, чтобы пришедшему за ним было легче.

Фостер не сводил с меня глаз:

— А что это за трансформация, о которой он говорит?

— Да тут ни о чем таком не упоминается. Может, он имел в виду смерть? — предположил я.— Хотя даже не представляю, откуда вдруг должен взяться этот пришедший за ним.

— Слушай, Легион,— неожиданно оживился Фостер, его глаза лихорадочно заблестели,— мне кажется, я знаю, что такое трансформация. Похоже, он догадывался, что забудет все...

— Ты, старина, сам страдаешь амнезией,— вставил я.

— ...и этот «следующий» — он сам. Человек без памяти.

Я нахмурился:

— Ну, допустим, а дальше-то что?

— А дальше он говорит, что все необходимое сказано в дневнике.

— Ну уж только не в расшифрованной части,— возразил я.— В ней он описывает, насколько успешно идет строительство дорог и где будет новая шахта. Но ни слова об охотниках или о том, что происходило до встречи с ними.

— Это должно быть здесь, Легион, в первой части.

— Вполне вероятно,— согласился я.— Но тогда какого черта он не дал нам ключ к ней?

— Мне кажется, он надеялся, что пришедший за ним — он сам — будет помнить свой язык,— задумчиво произнес Фостер.— Ну как он мог предполагать, что забудет его вместе со всем остальным?

— Ну что ж, твоя теория ничуть не хуже моей,— согласился я.— А может, и лучше. Уж тебе-то известно, что значит потерять память.

— К тому же мы узнали еще кое-что,— сказал Фостер.— О гнездовище охотников и его координатах.

— Ну, если пять тысячных частей чего-то там к западу от Мелового Лица считать координатами, тогда да.

— Но нам известно еще кое-что,— напомнил Фостер.— Он упоминает равнину. И она должна находиться на континенте где-то к востоку...

— Ну, если считать, что он плыл из Европы в Америку, то континентом будет Европа. Но он мог отплыть и из Африки или...

— Не забывай упоминания о северных мореходах, это наверняка викинги...

— Похоже, ты неплохо разбираешься в истории, Фостер,— заметил я.— Странные факты сохранились в твоей памяти.

— Нам нужны карты,— сказал он.— Надо попробовать отыскать равнину близ моря...

— Не обязательно.

— ...и естественное образование, напоминающее меловое лицо, к востоку от нее.

— А как насчет срединной линии? — поинтересовался я.— Как это понимать? А сколько-то частей чего-то?

— Не знаю. Но в любом случае нам нужны карты.

— Я уже их купил,— сказал я,— и даже приволок школьный глобус. Мне тоже показалось, что они нам пригодятся. Ну что ж, тогда сейчас двинем в номер и разложим их на кроватях. Конечно, надежды мало, но...— Я поднялся, бросил несколько монет на клеенку, и мы вышли из кафе.

До клоповника, который считался нашим пристанищем, было с полквартала. Мы старались показываться там как можно реже, проводя все наши конференции в кафе. Тараканы стаями разлетались из-под ног, пока мы поднимались по темной лестнице в наш ничуть не более светлый номер. Я прошел к замызганному секретеру и открыл ящик.

— Глобус,— задумчиво произнес Фостер, крутя его в руках.— Может, в дневнике говорилось о части окружности Земли?

— Да что он мог знать?

— Ну, это не так уж удивительно,— возразил Фостер.— Автор дневника знал очень много. Давай следовать простой логике. Мы ищем равнину на западном побережье Европы...— Он подтянул стул к изрезанному столу и заглянул в мои черновики.— Лежащую в пяти тысячных окружности Земли — что-то около ста двадцати пяти миль к западу от мелового образования

и в трех тысячах шестьсот семидесяти пяти милях к северу от срединной линии...

— Может,— вставил я,— он говорит об экваторе?

— Ну конечно, тогда это значит, что наша равнина лежит на линии,— он прищурился, разглядывая маленький глобус,— проходящей где-то через Варшаву, к югу от Амстердама.

— Ну а как насчет мелового образования? — спросил я.— Откуда же нам знать, есть оно там или нет?

— Возьмем какой-нибудь учебник по геологии. Здесь поблизости должна быть библиотека.

— Единственные меловые отложения, о которых мне довелось слышать,— вспомнил я,— это белые скалы Дувра.

— Белые скалы?!

Мы оба схватились за глобус.

— Сто двадцать пять миль к западу от меловых скал,— сказал Фостер, ведя пальцем,— к северу от Лондона и южнее Бирмингема. Отсюда довольно близко до моря.

— Где атлас? — спросил я возбужденно.

Я переворошил целую кучу карт на кровати и наконец, вытащив дешевое туристическое издание, перелистал его страницы.

— А, вот и Англия,— нашел я.— Ну-ка, где здесь равнина?

Фостер увидел первым.

— Вот,— ткнул он пальцем.— Большая равнина — Солсбери.

— Большая, это точно. Чтобы найти на ней груду камней, понадобятся годы. Мы только зря радуемся. Нам придется искать яму, которой уже несколько сотен лет. И если даже верить этому дневнику, то вообще неизвестно, отмечена она пирамидой или нет. И все это на многомильном пространстве. К тому же это могут быть только наши догадки.— Я перелистнул страницу атласа.— И чего я, собственно, ожидал, расшифровывая этот дневник? — сказал я сам себе.— Надеялся, вдруг там еще хоть что-нибудь найдется.

— Давай все же попытаемся, Легион,— предложил Фостер.— Мы отправимся туда и поищем. Конечно, это будет стоить денег, но ничего невозможного в этом нет. Начнем с того, что сколотим капитал и...

— Погоди минутку, Фостер.— Я уставился на фрагмент крупномасштабной карты Южной Англии. Потом, с внезапно забившимся сердцем, ткнул пальцем в крошечную точку в центре

Солсбери.— Шесть, два и поровну,— сказал я.— Вот оно — твое гнездовище охотников.

Фостер нагнулся и вслух прочитал название:

— Стоунхендж.

Я читал энциклопедию, в ней было написано:

«...культовое сооружение из каменных глыб, находящееся на равнине Солсбери (Уилтшир, Англия), наиболее выдающееся среди мегалитических монументов прошлого. Каменные блоки до двадцати двух футов высотой, располагающиеся концентрическими кругами, окружены канавой диаметром в триста футов. К центральному алтарному камню — более шестнадцати футов длины — с севера ведет широкая дорога, именуемая аллеей...»

— Это не алтарь,— вставил Фостер.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что...— Фостер нахмурился.— Знаю, вот и все.

— В дневнике утверждается, что глыбы выложены знаком Двумирья,— сказал я.— Это, наверное, и означает концентрические круги, те самые, что и на обложке дневника.

— И на перстне,— добавил Фостер.

— Дай-ка мне дочитать. «Огромный блок поставлен на аллее. Оси, проведенные через два боковых камня, при вертикальной проекции точно указывают на точку подъема солнца над горизонтом в день летнего солнцестояния. Из расчетов явствует, что дата установки камней относится приблизительно к 1600 году до нашей эры».

Фостер отобрал у меня энциклопедию, а я присел на подоконник и уставился на луну, повисшую над неровной линией крыш. Это ничуть не походило на продающиеся везде открытки с видами Майами. Я закурил и задумался о человеке, который давным-давно в хрупкой скорлупке пересек Атлантический океан, чтобы стать божеством для индейцев. Откуда он пришел, что искал и где брал мужество продолжать жить, несмотря на все эти собачьи условия, описанные в дневнике? Если только — напомнил я себе тут же — он вообще существовал...

Фостер не отрывался от энциклопедии.

— Слушай,— окликнул я его.— Давай спустимся обратно на землю. Надо же разработать какой-то план. Все эти сказки могут подождать.

— Что ты предлагаешь? — Фостер поднял глаза.— Забыть обо всем, что ты мне тут рассказывал, читал в дневнике, и даже не попытаться отыскать ответ?

— Да нет,— пожал я плечами.— У меня же не больная башка. Понятное дело, когда-нибудь мы к этому еще вернемся и все проверим. Но лично я сейчас хочу в первую очередь избавиться от полиции, и вот что я надумал. Я продиктую письмо, а ты его напишешь. Уж твоя-то фирма должна знать твой почерк. Объяснишь, что был на грани нервного срыва, отсюда и весь этот арсенал в твоем доме, а потом, чисто импульсивно, решил просто убраться подальше от всего. Напишешь, что, не желая расспросов, пустился путешествовать инкогнито. И что этот гангстер с севера всего лишь бомж, а не убийца. Этого, пожалуй, должно хватить, чтобы полицейские отстали от меня...

Фостер с секунду поразмышлял.

— Превосходное предложение,— заключил он.— Тогда нам понадобится просто купить билеты до Англии и сразу приступить к расследованию.

— Да нет, ты не понял,— перебил я.— По почте можно уладить дела и наложить руки на твои денежки.

— Любая такая попытка неминуемо выведет на нас полицию,— ответил Фостер.— А ты уже доказал, что это чистое безумие — выдавать меня... за меня самого.

— Но должен же быть способ...

— У нас только один выход,— сказал Фостер.— Нам надо отправиться в Англию...

— А деньги, документы? Это же все влетит нам в копеечку.

— Дорогой мой,— сказал Фостер.— Твой приятель, который готовит паспорта, он что, не может подготовить и другие бумаги?

— Верно,— согласился я.— Он-то может, но где же взять столько денег?

— Уверен, что мы найдем способ заплатить,— заверил Фостер.— Поговори с ним, ну, скажем, утром.

Я оглядел замызганный номер. Горячий ночной ветер шевелил листья увядшей герани в старой консервной банке на подоконнике. Запахи прогорклого масла и неисправной канализации наполняли улицу.

— По крайней мере,— сдался я,— это означает, что мы уберемся отсюда.

Глава 5

Уже почти на закате мы с Фостером вошли в зал кабачка «Древний грешник» и отыскали свободный столик в углу. Я наблюдал, как Фостер раскладывает карты и черновики. Вокруг стоял приглушенный гул голосов, время от времени прорезаемый резкими ударами — шла игра в дротики.

— Ну, когда же ты наконец сдашься и признаешь, что мы понапрасну тратим время? — спросил я.— Мы уже две недели тут болтаемся и без конца приходим к одному и тому же месту.

— Мы же только-только начали поиски,— мягко возразил Фостер.

— Ты все время это повторяешь,— сказал я.— Но если в этих камнях что-то было, то его там давно уже нет. Археологи копаются здесь уже несколько десятилетий и до сих пор ничего не нашли.

— Они же не знают, что искать,— возразил Фостер.— Их интересуют следы, имеющие религиозное значение, следы человеческих жертвоприношений и тому подобное.

— Да мы-то тоже не знаем, что искать,— сказал я.— Если только ты не надеешься, что отвалишь камень, а из-под него вылетят охотники...

— Не надо иронии,— заметил Фостер,— я нахожу это вполне вероятным.

— Знаю,— заметил я.— Ты еще в Мейпорте убедил себя, что за тобой гонятся охотники.

— Из того, что ты мне рассказывал о той ситуации...— начал Фостер.

— Знаю, знаю,— прервал я его.— Ты считаешь это возможным. В том-то и беда, что ты все считаешь возможным. Было бы легче, если бы кое в чем ты со мной согласился. Например, что никаких привидений в Стоунхендже мы не найдем.

Фостер посмотрел на меня с полуулыбкой. Прошло всего несколько недель с момента его пробуждения и полной потери памяти, но он уже утратил лик розовой юности и быстро схватывал буквально все. День за днем я наблюдал, как постепенно проступает его старый характер, и, несмотря на все мои попытки сохранить лидерство, он неизменно брал верх.

— В том-то и недостаток вашей цивилизации,— заметил Фостер,— что гипотеза сразу превращается в догму. Вы недалеко

ушли от неолита, когда для выживания требовалось слепое следование племенным законам. Научившись вызывать бога огня из дерева, вы норовите распространять этот принцип на все «установленные факты».

— А вот еще один установленный факт для тебя,— подхватил я.— У нас осталось пятнадцать фунтов стерлингов. Около сорока долларов. Самое время куда-нибудь податься, пока кто-нибудь не заинтересовался фальшивыми документами.

Фостер покачал головой:

— Не уверен, что мы использовали все возможности. Я изучаю геометрические связи между структурами. Понимаешь, я кое-что надумал и хотел бы проверить. По-моему, неплохая идея — сходить туда ночью и немного поработать без обычной толпы туристов, которые так и следят за каждым твоим движением.

— Этого еще только не хватало! — простонал я.— Будем надеяться, тебе в голову придет что-нибудь получше.

— Перекусим здесь и дождемся темноты,— сказал Фостер.

Владелец кабачка принес нам холодное мясо и картошку. Я рассеянно жевал все это и размышлял о людях, которые где-то сейчас усаживались за ужин в сиянии хрусталя и серебра. Я уже устал от жесткого мяса в разных забегаловках за последние несколько лет. Я прямо-таки физически ощущал его в своем желудке и понимал, что все больше и больше отдаляюсь от своего солнечного острова. Причем винить в этом было некого, кроме самого себя.

— Древний грешник,— произнес я.— Это про меня.

Фостер оторвался от тарелки.

— Да, странные названия бывают у этих старых заведений,— заметил он.— Зачастую их происхождение теряется в глубине веков.

— И почему бы не придумать что-нибудь повеселей,— предположил я.— Например, «Райский бар» или «Счастливый час». Ты обратил внимание на вывеску?

— Нет.

— Там изображен скелет, задравший руку, словно проповедник, который возвещает апокалипсис. Да вон, погляди в окно.

Фостер повернулся и посмотрел на видневшийся край облезлой от дождей вывески. Он долго и пристально смотрел на нее, потом повернулся со странным выражением лица.

— В чем дело? — удивился я.

Но Фостер даже не обратил на меня внимания и жестом подозвал хозяина. Толстяк подошел к нашему столику, вытирая руки о фартук.

— Очень занятное название,— закинул удочку Фостер, начиная разговор.— Нам понравилось. Когда построили ваше заведение?

— Э, сэр,— отозвался хозяин.— Этому дому уже много веков, говорят, его строили монахи из соседнего монастыря, который разрушили еще при Генрихе, когда он изгонял папистов.

— Должно быть, при Генрихе Восьмом?

— Да, наверное. Этот дом — все, что осталось от монастыря. В нем раньше была пивоварня, а король чтил это дело. Онто и ввел налог — два бочонка эля с каждой партии.

— Очень интересно,— отозвался Фостер.— И что, традиция еще жива?

Владелец кабачка покачал головой.

— Да нет, все кончилось еще во времена моего деда. Королева не была сторонницей питья.

— А откуда пошло это странное название — «Древний грешник»?

— Говорят,— охотно начал рассказывать хозяин,— однажды монах, несмотря на запрет аббатства, рылся на равнине, возле тех камней, в поисках сокровищ друидов и нашел человеческий скелет. Ну а поскольку был он очень благочестивым, то решил предать несчастного земле по христианскому обычаю. Конечно, аббат ни за что бы не разрешил такое, вот монах и принялся ночью рыть могилу прямо под стенами монастыря. Ну да аббат тоже не дремал, застукал его за этим занятием и спрашивает: что это ты, мол, делаешь тут? Ну а монах, боясь епитимьи, говорит: вот, мол, копаю погреб для хранения эля. Аббат, не будь дураком, в расспросы вдаваться не стал, похлопал его по плечу и ушел. Вот так и построили пивоварню. А потом аббат ее освятил вместе с костями, погребенными на дне подвала.

— Так, значит, древний грешник до сих пор там и лежит?

— Так говорят. Я-то сам не поверил. Но дом вот уже четыреста лет только так и называют.

— А где этот монах нашел скелет?

— Да там, на равнине, у камней друидов. Тех, что зовутся Стоунхенджем,— ответил хозяин. Он собрал пустые кружки: — Ну как, еще повторить, джентльмены?

— Конечно,— отозвался Фостер, его лицо было совершенно спокойным, но я-то видел, как он весь напрягся.

— Что происходит? — спросил я его тихо, когда хозяин отошел.— С чего это ты вдруг заинтересовался местными побасенками?

— Погоди,— прошептал Фостер.— Продолжай сидеть с кислой рожей.

— Ну, это легко устроить,— заверил я.

Хозяин вернулся с полными стеклянными жбанами.

— Так вы нам рассказывали, как монах нашел этот скелет,— напомнил Фостер.— Он что, был похоронен в Стоунхендже?

Владелец кабачка прокашлялся, искоса взглянув на Фостера.

— Джентльмен, должно быть, из университета? — спросил он вместо ответа.

— Скажем так,— улыбнулся Фостер,— мы испытываем огромный интерес к такого рода древним преданиям, ну и, само собой, этот интерес поддерживается финансово.

Хозяин устроил нам целое представление, вытирая на столе следы от пивных кружек.

— Готов поспорить, дорогостоящий бизнес,— заметил он,— рыться во всех этих закоулках. Но если знать, где рыть, то это — стоящее дело. Разрази меня гром!

— Очень стоящее,— заверил Фостер.— Запросто стоит пяти фунтов.

— Мне дедуля вообще-то рассказывал и даже как-то раз сводил меня туда показать место. Сказал, что это большой-большой секрет.

— И еще пять фунтов, как знак моего личного уважения к памяти дедушки,— между прочим вставил Фостер.

Хозяин кабачка покосился на меня.

— Э-э-э, секрет передавался в нашей семье от отца к сыну...

— Безусловно, мой спутник тоже присоединится к упомянутым знакам почтения,— заверил Фостер.— Еще пяток фунтов его не затруднит.

— Ну, это уже предел почтения, которое может выдержать наш бюджет, мистер Фостер,— заявил я, выкладывая на стол пятнадцать фунтов.— Надеюсь, вы не забыли о тех приятелях дома, которые хотели с вами побеседовать,— заметил я ядовито.— Не сегодня-завтра они...

Фостер свернул банкноты в трубочку.

— Вероятно, вы правы, мистер Легион,— согласился он.— Возможно, нам и не стоит задерживаться.

— Но ради прогресса науки,— поспешно вставил владелец кабачка,— я готов пойти на жертвы.

— Мы отправимся сегодня ночью,— деловито сказал Фостер.— Наши дни расписаны по часам.

Еще минут пять хозяин торговался с Фостером, пока наконец не согласился показать место.

— А теперь рассказывай,— потребовал я, когда тот отошел.

— Взгляни еще раз на вывеску,— предложил Фостер.

Я посмотрел. Скелет, по-прежнему улыбаясь, помахивал мне рукой.

— Ну, вижу,— сказал я,— но это никак не объясняет, почему ты расстался с нашими последними деньгами.

— Обрати внимание на руку, присмотрись к кольцу на пальце.

Я прищурился. На указательном пальце скелета был изображен большой перстень с узором из концентрических колец.

Точь-в-точь как перстень на пальце у Фостера.

Владелец кабачка подрулил к обочине шоссе и поставил машину на ручной тормоз.

— Дальше дороги нет,— сообщил он.

Мы выбрались наружу и теперь стояли, оглядывая простиравшуюся перед нами равнину. Довольно далеко на фоне заката маячили мегалиты Стоунхенджа.

Наш проводник порылся в багажнике и вытащил обтрепанное одеяло и два фонаря, которые передал Фостеру и мне.

— Не включайте, пока я не скажу,— предупредил он,— а то вся округа увидит, что здесь кто-то шатается.

Мы молча наблюдали, как он накинул одеяло на ограду из колючей проволоки и перебрался на другую сторону. Мы последовали за ним.

Равнина была пустынна, на далеком склоне горело несколько одиноких огней. Темная, безлунная ночь. Я едва мог нащупать землю под ногами. На дороге промелькнули огни фар проносящейся машины.

Мы миновали внешний круг камней, обходя упавшие монолиты по двадцать футов длиной.

— Да тут черт ногу сломит,— ругнулся я.— Давай включим фонарики?

— Подожди,— прошептал Фостер.

Наш проводник остановился и дождался нас.

— В последний раз я был здесь очень давно,— сказал он.— Сейчас сориентируюсь у «Пяты монаха».

— А это что такое?

— Да вон тот одиночный камень на аллее.

Мы присмотрелись: на фоне неба едва видны были какие-то смутные очертания.

— Грешник похоронен там? — спросил Фостер.

— Не-а. Он сам по себе. Так, теперь двадцать шагов, как учил дедуля, а в нем было пятнадцать стоунов веса, и рослый он был...— бормотал про себя владелец кабачка, отмеряя расстояние.

— А что ему, собственно, мешает ткнуть в первое попавшееся место? — спросил я у Фостера.

— Подождем — увидим,— отозвался тот вполголоса.

— Где-то тут была впадина,— объяснил наш проводник.— А поблизости — валун. Сдается мне, она должна быть в пятнадцати шагах отсюда.— Он показал.— Вон там.

— Ни черта не вижу,— сказал я.

— Пойдем посмотрим.

И Фостер двинулся в указанном направлении, я последовал за ним, а наш проводник сзади. Во тьме проступили какие-то смутные очертания, с глубокой ямой рядом.

— Это, должно быть, и есть то самое место,— сказал Фостер.— Старые могилы всегда проваливаются...— Внезапно он нервно стиснул мою руку.— Смотри!

Казалось, земля задрожала, потом неожиданно вспучилась. Фостер быстро зажег фонарь. По дну впадины стали разбегаться трещины, отваливаться целые куски породы, и вдруг в воздух вздыбилась бурлящая фосфоресцирующая масса. От нее отделился световой шар и поднялся, постукивая по отвесным краям валуна.

— Господи спаси! — раздался за моей спиной сдавленный голос владельца кабачка.

Фостер и я застыли как вкопанные. Шар поднялся выше и неожиданно ринулся прямо на Фостера. Тот вскинул руку и пригнулся. Шар повернул, задел плечо Фостера, отлетел в сторону

и завис над ним. Через мгновение все пространство вокруг нас было полно шарами, струившимися из провала. Слышалось легкое жужжание. Луч фонаря Фостера метнулся в их сторону.

— Включай фонарь, Легион,— хрипло выпалил он мне.

От неожиданности я просто оцепенел. Шары налетали на Фостера, не обращая внимания на меня. За моей спиной раздался топот убегающего проводника. С трудом собравшись с мыслями, я вытащил фонарь, включил его и осветил фигуру Фостера. Шар над его головой исчез, но целый вихрь продолжал свою атаку. В луче света они лопались, словно мыльные пузыри, но их место занимали все новые и новые. Фостер пошатнулся. Рука с фонарем судорожно взмахнула, и раздался хруст разбившегося стекла, свет погас. И тут же в наступившей тьме шары густо облепили его голову.

— Фостер,— завопил я.— Беги!

Но ему не удалось преодолеть и пятнадцати футов. Он споткнулся и упал на колени.

— Прикрой! — прохрипел он и повалился ничком.

Я бросился к нему и встал над ним. Сернистая вонь наполнила воздух. Я закашлялся, полосуя светом пространство над головой Фостера. Из расселины на дне впадины шары больше не появлялись. Удушливое облако газа окутывало нас обоих, но их целью был только Фостер. В голове мелькнула мысль об отвесной стенке валуна. Если бы мне удалось встать к ней спиной, то у нас был бы шанс отбиться. Я нагнулся, ухватил Фостера за воротник и потащил за собой. Вокруг меня кипел фейерверк огней. Отбиваясь от них лучом фонаря, я продолжал тащить Фостера, пока наконец спиной не уперся в камень. Теперь они могли атаковать только спереди. Я взглянул на расселину, откуда появились шары. Она была достаточно велика, чтобы Фостер прошел в нее. Перевалив его через край, я прижался спиной к камню и приготовился к серьезному сражению.

Теперь я принялся размахивать фонарем более организованно: справа налево, вверх-вниз. Но шары по-прежнему игнорировали меня, ныряя к расселине и стремясь во что бы то ни стало добраться до Фостера. В конце концов рой вокруг меня сильно поубавился, и атака стала менее яростной. Рой распадался на отдельные шары, а я продолжал гасить их один за другим. Жужжание сделалось прерывистым и время от времени затихало совсем. Вскоре осталось лишь несколько шаров, беспорядочно метавшихся в воздухе. Они как-то разом повернули и умчались во тьму, словно перекати-поле, подпрыгивая на неровностях равнины.

Ноги меня уже не держали, я обмяк, глаза заливал пот, в горле пекло от серы.

— Фостер,— окликнул я,— с тобой все в порядке?

Но он не отзывался. Я осветил фонарем впадину и увидел только влажную глину. Фостер исчез.

Глава 6

Не разгибаясь, на четвереньках, я подобрался к краю впадины и осветил ее всю целиком. Прямо передо мной зиял провал, уходящий в глубь земли. Именно оттуда и появились светящиеся шары.

Фостер же застрял в расселине. Я сполз к нему и вытянул на поверхность. Он дышал, во всяком случае был жив.

Теперь, когда светящиеся шары исчезли, владелец кабачка мог бы вернуться с подмогой, хотя я сильно сомневался в этом. Он был явно не из тех, кто отважится встретиться с духами древних грешников.

Фостер застонал и открыл глаза.

— Где... они? — пробормотал он.

— Успокойся,— сказал я.— Все в порядке.

— Легион,— окликнул Фостер и попытался сесть.— Охотники...

— О'кей, называй их охотниками, если хочешь. Сам я все равно ничего лучшего для них придумать не могу. Я обработал их фонарем. Их больше нет.

— Значит...

— Слушай, не ломай голову над тем, что это значит. Давай убираться отсюда поскорей.

— Охотники. Они появились из-под земли. Из расселины.

— Верно. И ты на полпути в эту дыру. Вероятно, здесь их гнездовище.

— Гнездовище охотников,— повторил Фостер.

— Как тебе будет угодно,— согласился я.— Тебе еще повезло, что ты не провалился туда.

— Легион, дай мне фонарь.

— Я вижу, ты опять за свои глупости,— бросил я, отдавая фонарь.

Фостер осветил расселину. Я увидел, как луч выхватил из тьмы полированный слой черного стекла. Свод дугой поднимался над заваленным комьями земли дном расселины.

— Ого, похоже, это дело рук человека,— изумленно произнес я, вглядываясь в темноту.— И уж точно не первобытного.

— Легион, необходимо посмотреть, что там внизу,— сказал Фостер.

— Вернемся позже, с веревками и страховочными поясами,— ответил я.

— Незачем,— отрезал Фостер.— Мы нашли, что искали.

— Ну да,— отозвался я.— Этого и следовало ожидать. Ты уверен, что в состоянии изображать Алису с белым кроликом?

— Уверен, уверен.

Фостер спустил ноги в расселину, соскользнул с края и исчез. Вслед за ним я стал спускаться в слабо освещенный провал, а потом прыгнул в темноту. Подошвы с такой силой впечатались в землю, что у меня захватило дух, я не удержался и упал на четвереньки.

— Что это за подземелье? — спросил я, забирая у Фостера фонарь.

Мы находились в крошечном помещении с низким сводчатым потолком. Луч фонаря упирался в глянцево поблескивающие стены, напомнившие мне известные по фильмам гробницы египтян.

— Для парочки, которая бегает от полиции, как от огня, у нас просто идеальный талант влипать в неподходящие ситуации,— заметил я и провел лучом по панелям, усыпанным циферблатами, кнопками и датчиками.— Не иначе как мы угодили на сверхсекретный военный объект.

— Чушь! — отозвался Фостер.— Какие военные!

— Слушай, давай убираться отсюда. Наверняка уже сработала сигнализация.

Словно в ответ на мои слова раздался слабый звон. Квадратный экран осветился жемчужным светом. Пригибаясь, я поднялся и вместе с Фостером придвинулся поближе.

— Как ты думаешь, что это? — спросил он.

— Я не спец по археологии каменного века,— ответил я.— Но если это не радар, я готов съесть свой собственный ботинок.

Усевшись в единственное кресло перед пультом, я принялся следить за красной отметкой, ползущей через пыльный экран.

— Мы в долгу перед этим древним грешником,— произнес Фостер за моей спиной.— Ну кто бы мог подумать, что он приведет нас сюда?

— Древний грешник? — переспросил я.— Да здесь столько же древности, сколько в модели «форда» будущего года.

— Взгляни на символы,— заметил Фостер.— Они идентичны символам первой половины дневника.

— Для меня все эти закорючки одинаковы,— ответил я.— Меня волнует другое: если я хоть что-нибудь соображаю, то, что обозначается этой точкой — не знаю, самолет или что-то еще,— летит либо жутко медленно, либо на колоссальной высоте.

— Но ведь современные летательные аппараты летают на больших высотах,— отозвался Фостер.

— Но не на таких,— уверенно возразил я, разглядывая пульт.— Дай-ка разобраться.

— Тут множество всяких выключателей,— задумчиво произнес Фостер,— очевидно, предназначенных для запуска каких-то механизмов...

— Не трогай,— предупредил я,— если не хочешь затеять третью мировую войну.

— Не думаю,— отозвался Фостер.— Нет никакого сомнения, что у этой установки простейшее назначение. К современным войнам она не имеет никакого отношения, а, скорее всего, связана с загадкой дневника и моего собственного прошлого.

— Чем меньше мы знаем об этом, тем лучше,— заявил я.— По крайней мере, если ничего здесь не трогать, то всегда можно оправдаться, будто мы попали сюда случайно, спасаясь от дождя.

— Ты забыл про охотников,— предупредил Фостер.

— Ну, какой-нибудь новый вид оружия индивидуального поражения.

— Они же появились из этой расселины, Легион.

— А почему они выбрали именно тот момент?

— Мне кажется,— ответил Фостер,— они просто ощутили присутствие их древнего врага.

— Хм, похоже, я понимаю, куда ты клонишь,— сказал я, поворачиваясь к Фостеру.— Так ты теперь, значит, древний враг? Да? Погоди, давай-ка разберемся. Так что же, выходит, ты сам лично несчетное количество веков назад столкнулся с этими чертовыми охотниками здесь, в Стоунхендже. Перебил большую их часть и драпанул, наняв каких-то викингов. Ты переплыл Ат-

лантический океан, а потом снова умудрился посеять свою память и стал парнем по имени Фостер. А несколько недель назад ты опять все поперезабывал, я верно рассуждаю?

— Более-менее.

— И вот теперь мы сидим в паре десятков футов под Стоунхенджем после стычки со светящимися вонючими бомбами, и ты мне заявляешь, будто в следующий день рождения тебе исполнится девятьсот лет?!

— Ты помнишь дневник, Легион? «Я нашел его в месте, знакомом мне издавна. Это был не улей, а колодец — дело рук обитателей Двумирья...»

— Ну ладно,— согласился я,— значит, тебе за тысячу.

Я еще раз взглянул на экран, нашел клочок бумаги в кармане и быстренько сделал кое-какие расчеты.

— Вот тебе еще одно большое число, Фостер. Этот объект на экране находится на высоте тридцать тысяч миль плюс-минус небольшая погрешность.

Я отложил карандаш и повернулся к Фостеру:

— Слушай, куда мы влезли? Впрочем, ладно, не надо. Не слишком-то у меня большое желание знать. Я бы с удовольствием отправился в чудную чистенькую тюряжку расплатиться по своим долгам перед обществом.

— Успокойся, Легион,— бросил Фостер,— ты несешь чушь.

— Ну и ладно,— огрызнулся я,— ты шеф, поступай как знаешь. По крайней мере, рядом с тобой у меня еще остается идиотская надежда на то, что я еще не совсем свихнулся и что в конце концов мне удастся каким-то образом избежать...

Я подался вперед: на экране проступил какой-то символ и тут же погас, снова появился и опять погас.

— Глянь-ка, Фостер, похоже, сигнал. Только вот как нам реагировать?

Фостер молчал.

— Не нравится мне это мигание,— скептически заметил я.— У меня уже и так сдают нервы.

Я перевел взгляд на большую красную кнопку подле экрана: может, если я нажму... Не оставляя себе времени на раздумья, я ткнул в нее пальцем. На панели вспыхнул желтый огонек. Сигнал пропал. Красная отметка разделилась, и от большой перпендикулярно вниз стала двигаться маленькая точка.

— Не уверен, что тебе стоило это делать,— заявил Фостер.

— Ну что ж, сомневаться никому не запрещено,— возразил я напряженно.— Похоже, я сбросил бомбу с этого корабля нам на головы.

Подъем на поверхность занял часа два, и каждую минуту я прислушивался к рефрену в голове: вот и конец, вот и конец, а вот и...

Я выбрался из расселины и, тяжело дыша, повалился на спину. Фостер притулился рядом.

— Надо добраться до шоссе,— произнес я в пространство.— Где-нибудь в пивной найдется телефон, необходимо уведомить официальные лица...

Я глянул на звезды над головой и схватил Фостера за руку:

— Постой! Что там?

Он посмотрел вверх. Прямо над нами быстро разрасталось яркое пятно голубого сияния.

— Может, нам и не придется никого уведомлять,— поразмыслил я вслух.— Боюсь, эта бомбочка возвращается домой.

— Нелогично,— возразил Фостер.— Вряд ли стоило уничтожать себя таким сложным образом.

— Бежим! — завопил я.

— Она очень быстро спускается,— сказал Фостер, удерживая меня за руку.— Расстояние, которое мы преодолеем за несколько минут, просто ничтожно по сравнению с радиусом действия современной бомбы. Меньше всего нам грозит опасность как раз здесь.

— Обратно в туннель? Чтобы нас там похоронило?

— Да, верно.

Мы сидели на корточках и следили, как пламя разрастается, становясь все ярче. Я уже мог разглядеть лицо Фостера, настолько стало светло.

— Это не бомба,— наконец неуверенно произнес он.— Она не падает, а медленно опускается, как...

— Как медленно падающая бомба,— вставил я.— И главное, прямо на нас. Прощай, Фостер. Не могу сказать, что мне с тобой было весело, но, по крайней мере, не скучно. В любое мгновение бомба может взорваться. Надеюсь только, что все быстро кончится.

Полыхающий диск был уже размером с луну и невероятно ярок. Он осветил всю равнину, словно бледно-голубое полярное солнце. Постепенно опускаясь в абсолютной тишине, диск превращался в эллипс, и я наконец сумел различить тускло освещенный темный силуэт над ним.

— Эта штукенция чуток великовата для бомбочки,— заметил я вслух.

— Она опускается не на нас,— добавил Фостер.— Сядет в нескольких сотнях футов к востоку.

Темная тень опускалась все медленнее и медленнее, пока не зависла над гигантскими камнями.

— Она приземляется прямо на Стоунхендж! — крикнул я.

Нечто опустилось прямо в центр древнего кольца. Мгновение его можно было разглядеть в ярких потоках голубого свечения, потом на нас обрушилась тьма.

— Фостер, как ты думаешь...

Бок темного силуэта прорезала желтая световая линия, тут же распухшая до квадрата. Откуда-то вывалилась лестница и уткнулась в землю.

— Ну, если сейчас оттуда полезут осьминоги,— предупредил я неестественно громко,— то я убираюсь отсюда к чертовой матери.

— Никто не полезет,— тихо произнес Фостер.— Полагаю, Легион, что этот корабль полностью в нашем распоряжении.

— Да не собираюсь я подниматься на борт этой штуковины,— раздраженно повторил я уже, наверное, раз в пятый.— Может, я и не все знаю о своем мире, но, по крайней мере, чувствую себя здесь уверенно.

— Легион,— сказал Фостер,— ты вглядись. Это же не военная ракета двадцатого столетия. Она наверняка прибыла в ответ на сигнал передатчика подземной установки, которой несколько тысяч лет.

— И я должен верить, будто корабль все эти несколько тысяч лет находился на орбите, поджидая, пока кто-нибудь не нажмет на красную кнопку? Где же тут логика?

— С учетом использования вечных материалов, например, таких как кафф, вовсе не так уж невероятно.

— Слушай, мы еще пока живы. Может, не стоит искушать судьбу?

— Но мы же на грани разгадки тайны, которой несколько тысячелетий,— возразил Фостер.— Я искал это, если верить дневнику, многие жизни...

— От твоей амнезии только одна польза — никакие догмы не сдерживают твое воображение.

Фостер кисло улыбнулся.

— След привел нас сюда, и мы должны идти дальше, куда бы он ни вел.

Я лег на живот, вглядываясь в немыслимый силуэт, высившийся среди монолитов Стоунхенджа, и в зовущий проем света.

— Этот корабль, или что там такое, сваливается невесть откуда и распахивает двери. А ты хочешь тут же забраться туда.

— Послушай-ка,— прервал меня Фостер.

Издалека доносился звук, похожий на раскаты грома.

— Новые корабли...— вздрогнул я.

— Сверхзвуковые истребители,— уточнил Фостер — Скорее всего, с баз Восточной Англии. Наверняка они заметили спуск корабля.

— Да мне все одно! — вскочил я.

— Ложись, Легион,— оборвал меня Фостер.

Грохот превратился в сплошной рев.

— Зачем? Они...

Две светящиеся огненные дуги расчертили небо.

Я плюхнулся за валун одновременно со взрывом ракеты. Ударная волна потрясла землю, и я увидел, как расселина обвалилась. Вывернув шею, я успел заметить, как багровый выхлоп истребителя начал резко уходить вверх.

— Они там что, все чокнулись? — завопил я.— Стрелять по...

Второй ракетный залп заставил меня заткнуться. Я прилип к земле и пережидал, пока раз за разом девять взрывов потрясали почву. Потом воцарилась тишина. В воздухе запахло взрывчаткой.

— Сунься мы в подземелье,— проворчал я, отплевываясь,— мы бы уже точно отдали концы. Его завалило еще при первом залпе. От твоего корабля наверняка остались только рожки да...— Я не договорил.

Пыль наконец осела, и сквозь нее проступил отчетливый силуэт корабля. Через мгновение его борт снова прорезал светящийся квадрат.

— В следующий раз они шарахнут ядерными боеголовками,— с убежденностью сказал я.— Корабль уж точно не выдержит. Про нас вообще молчу.

— Слышишь? — Фостер положил мне руку на плечо. Вдали снова нарастал грохот.— Бежим на корабль,— скомандовал он.

Вскочив, Фостер бросился к лестнице. Я с секунду поколебался, успев подумать о шоссе, об опасности оказаться на открытом месте, и бросился за ним. Фостер впереди споткнулся, едва не упал и пулей взлетел вверх по лестнице. Рев приближающихся истребителей нарастал. Я перепрыгнул через дымящийся осколок и не помню уж как влетел в люк, который тут же захлопнулся прямо у меня за спиной.

Мы оказались в роскошно обставленном круглом помещении, в центре которого стояло возвышение с выступавшим из него отполированным штырем. Рядом лежал скелет человека. Пока я озирался, Фостер ухватился за штырь и потянул. Свет мигнул, и я ощутил мимолетное головокружение. Больше ничего не произошло.

— Дергай в другую сторону! — заорал я.— Сейчас саданут ракеты! — И потянулся сделать это сам.

Фостер заступил мне дорогу:

— Гляди, Легион.

Я уставился на сияющую панель, на которую он указывал, точный дубликат установки в подземелье. На экране горела белая черта, от которой стремительно удалялась красная точка.

— Мы уже стартовали,— сказал Фостер.— Видишь?

— Но ведь я не чувствую ускорения. Мы не слышим истребителей из-за звукоизоляции.

— Находись мы внизу, нам не помогла бы никакая звукоизоляция,— нетерпеливо прервал Фостер.— Ты же видишь, корабль — результат высокого развития техники. Твои истребители уже далеко позади, то есть внизу.

— Да кто же тогда управляет этой штуковиной?

— Насколько я могу судить, какой-нибудь автомат,— ответил Фостер.— Не знаю, куда мы летим, но мы летим.

Я с изумлением воззрился на него.

— И тебе, похоже, все это нравится, Фостер. Тебя прямо распирает от удовольствия.

— Не стану отрицать, такой поворот событий мне нравится,— задумчиво ответил Фостер.— Разве ты не понимаешь, что

это шлюпка на автопилоте, возвращающаяся к своему базовому кораблю?

— О'кей, Фостер,— сказал я, глядя на скелет, лежащий на полу.— Надеюсь, нам повезет больше, чем этому пассажиру.

Глава 7

Через два часа Фостер и я молча стояли перед десятифутовым экраном, который ожил, стоило мне только прикоснуться к серебряной клавише под ним. Он демонстрировал нам бездонную тьму, усеянную ослепительными мерцающими точками, и на этом фоне огромный звездолет, заслонивший своим корпусом добрую половину открывшегося простора космоса.

Он был безжизненным. Даже на расстоянии я ощущал его заброшенность. Черный корпус с бликами света от Луны величественно плыл среди звезд. Сколько столетий ждал здесь, на орбите, этот корабль и чего?

— У меня такое чувство,— сказал Фостер,— словно я возвращаюсь домой.

Я попытался кое-что добавить, но голос у меня сел. Я прокашлялся.

— Ну, если это твое такси,— сострил я,— надеюсь, счетчик не включен. У нас с тобой — ни гроша.

— Мы быстро сближаемся,— прокомментировал Фостер.— Еще десять минут и...

— А как мы причалим? Ты что, нашел руководство по пилотированию?

— Можно с полной уверенностью предположить, что стыковка произойдет автоматически.

— Это твой звездный час, да? — заметил я.— Готов признать, приятель, твоя взяла.

Звездолет уже маячил над нами. В борту появилось крошечное пятно света и быстро выросло в гигантскую дверь ангара, поглотившего нашу шлюпку.

Экран погас, последовал легкий толчок, и спустя несколько мгновений открылся люк.

— Вот и прибыли,— сказал Фостер.— Ну как, выйдем, осмотримся?

— А я и не собираюсь улетать отсюда, не глянув хотя бы одним глазком,— решительно заявил я, последовав за Фостером в проем, и тут же застыл, разинув рот.

Подсознательно я ожидал увидеть пустой ангар с голыми металлическими стенами, а вместо этого передо мной предстала огромная пещера, затененная, загадочная, красочная. В воздухе витал слабый аромат и слышалась едва уловимая музыка. Повсюду были разбросаны фонтаны, мини-водопады; пейзаж, освещенный косыми лучами заходящего солнца, уходил в перспективу.

— Что это? — наконец выдавил я из себя.— Прямо как Диснейленд.

— Совершенно не похоже на Землю, но мне здесь нравится.

— Ого, гляди-ка сюда,— неожиданно подскочил я.

Из-за затененного основания колонны на нас смотрели пустые глазницы черепа.

Фостер подошел поближе.

— Очевидно, здесь случилась какая-то катастрофа,— предположил он.

— Что-то мне не по себе,— заметил я.— Давай-ка вернемся.

— Мертвецов нечего бояться,— заверил Фостер. Он присел, разглядывая кости, потом что-то подобрал: — Взгляни.

Я подошел. Фостер протянул мне перстень.

— В этом что-то есть, приятель,— рассудил я.— Как две капли воды похож на твой.

— Хотел бы я знать, кому он принадлежал,— задумчиво протянул Фостер.

Я качнул головой:

— Чего гадать-то?

— Да, идем, где-то здесь должен найтись ответ.

Фостер направился в сторону коридора, напомнившего мне столичные улицы, обсаженные каштанами. Вот только не было там ни деревьев, ни солнца. Мы долго бродили, разглядывая и щупая вещи, и почти не разговаривали, будучи в совершенном изумлении, словно детишки на фабрике игрушек. По пути мы наткнулись еще на один скелет, лежавший среди каких-то машин. И вот наконец мы оказались на пороге гигантского склада.

— Слушай, Фостер,— начал я, ощупывая какую-то тончайшую фиолетовую ткань,— твое космическое такси — самая настоящая сокровищница. Что там богатства Индии...

— Меня интересует только одно, дружище,— заметил Фостер.— Мое прошлое.

— Ну да,— откликнулся я.— Узнаешь ты что-нибудь или нет, но неплохо бы подумать и о бизнесе. Мы бы с тобой учредили компанию по регулярной перевозке товаров на Землю.

— Ох уж эти земляне,— вздохнул Фостер.— Каждое новое открытие тут же норовят оценить с коммерческой точки зрения. Ну что ж, я оставляю это на твое усмотрение.

— Ага,— сказал я.— Тогда ты, если хочешь, отправляйся дальше на разведку, а я пока здесь покопаюсь.

— Ладно, дело твое.

— Встретимся у входа в коридор, куда мы зашли в первый раз. О'кей?

Фостер кивнул и вышел, а я повернулся к контейнеру, наполненному камнями, похожими на необработанные изумруды, загреб пригоршню и любовно стал пересыпать с ладони на ладонь.

— Это что, для игры в бабки? — пробормотал я себе под нос.

Несколько часов спустя я прошагал по коридору, напоминавшему садовую дорожку, пересек танцевальный зал, похожий на лужайку в окаймлении медноствольных деревьев, затененную гигантскими папоротниками, и прошел под аркой в зал, где за длинным столом уже сидел Фостер. Сквозь псевдоокна струился свет заходящего солнца.

Я грохнул стопку книг на стол:

— Взгляни-ка. Из того же материала, что и дневник, а иллюстрации...

Я раскрыл одну из них — тяжелый здоровенный том. На цветной вклейке была изображена таращившаяся в объектив кучка столпившихся бородатых арабов в грязных белых джолабах, на заднем плане паслось стадо тощих коз. Эта фотография очень напоминала те, что обычно печатают в «Нэшнл джиогрэфик», разве только качеством получше.

— Читать подписи я не берусь,— предупредил я.— Но уж что касается разглядывания картинок, тут я гений. Большинство книг демонстрируют сцены, которые, похоже, мне никогда не доведется увидеть воочию. Некоторые из снимков явно сделаны на Земле, и бог весть когда.

— Наверное, путеводитель,— предположил Фостер.

— Путеводитель, который можно продать любому университету на Земле за весь их годовой бюджет,— прокомментировал я, листая страницы.— Нет, ты только взгляни.

Фостер посмотрел на панорамный снимок процессии бритоголовых мужчин в белоснежных саронгах, несущих на своих пле-

чах миниатюрную золотую лодку. Они шли по длинной белокаменной лестнице, спускающейся от ряда гигантских фигур со сложенными руками и раскрашенными лицами. На заднем плане виднелись кирпично-красные скалы, опаленные пустынным солнцем.

— Храм Хатшепсут в эпоху своего расцвета,— сказал я.— А это значит, что фотографии не менее четырех тысяч лет. И еще вот это мне знакомо.

Я перелистнул фотографию, снятую с высоты птичьего полета, изображавшую гигантскую пирамиду с выщербленными кое-где полированными плитами. У основания нескольких блоков не хватало, и были видны внутренние грубые массивные глыбы.

— Это одна из пирамид, может, даже самого Хуфу,— заметил я.— Ей уже пара тысяч лет, и она начала разрушаться. А вот...— Я открыл другой том и продемонстрировал Фостеру четкую фотографию огромного мохнатого слона с поднятым розоватым хоботом между широко расставленными бивнями.— Мастодонт,— пояснил я.— А вот — шерстистый носорог, а эта отвратительная зверюга, должно быть, саблезубый тигр. Этой книжульке чертова уйма веков.

— Жизни не хватит обследовать все сокровища корабля,— заметил Фостер.

— А как насчет скелетов? Нашел еще что-нибудь?

Фостер кивнул.

— Видимо, катастрофа, а может, и болезнь. На костях никаких следов.

— Я все никак не могу сообразить насчет того скелета в шлюпке,— сказал я.— Зачем ему ожерелье из медвежьих зубов? — Я уселся напротив Фостера.— Тут загадок навалом. Но нам лучше потолковать о другом. Например, здесь есть кухня? А то я что-то проголодался.

Фостер подал мне черный штырь.

— Мне кажется, это важная находка,— сказал он.

— Это что, палочка для мороженого?

— Коснись виска.

— Массажирует, что ли?

Я прикоснулся штырем к голове...

Я находился в комнате с серыми стенами, лицом к возвышающейся громаде рифленого металла.

Я вытянул руки и приложил ладони к необходимым углублениям. Кожух открылся. Ввиду явной неисправности усилителей кваринарного поля я знал, что было необходимо задействовать автоконтроль цепей, прежде...

Я мигнул и оглядел мраморный стол, сваленные в кучу книги, а потом тупо уставился на штырь в руке.

— Я вроде как был на какой-то подстанции,— сообщил я.— Какая-то неисправность с... с...

— С усилителями кваринарного поля,— подсказал Фостер.

— Я словно бы находился там,— проговорил я ошеломленно.— Я все прекрасно понимал.

— Это техническое руководство,— пояснил Фостер.— Они могут подсказать нам все, что необходимо знать о корабле.

— Я думал о том, что мне предстоит сделать,— все никак не мог успокоиться я,— как всегда перед началом работы. Я собирался устранить неисправность этой фиговины. И знал как!

Фостер вылез из-за стола и двинулся к коридору.

— Мы начнем с одного конца библиотеки и просмотрим ее всю,— сказал он.— На это уйдет время, но так мы добудем необходимую информацию, а тогда уж обсудим дальнейшие планы.

Фостер подобрал несколько штырей с полки. Первое, что нам было необходимо,— найти пищу и постели, на худой конец — руководство по управлению самим кораблем. Я надеялся, что нам удастся обнаружить эквивалент библиотечного каталога, это значительно облегчило бы задачу.

Я прошел в глубь стеллажей и заметил короткий ряд красных штырей. Взяв один из них, повертел его в руках, но потом решил, что опасности здесь нет совершенно никакой, и прикоснулся к виску...

По звону гонга я использовал нейрососудистое напряжение, сократил корковые ареалы ипселон-зета и йота и приготовился к...

Я отдернул штырь. В ушах все еще раздавался пронзительный звон гонга. Штыри влияли на сознание, на реальность. Очень интенсивно, за счет жесткой фокусировки внимания на необходимом. У меня захватило дух при мысли о скрытых в этом возможностях. Можно поохотиться на тигра, влететь на самолете в бушующее пламя, сразиться с боксером-чемпионом... Я взял другой штырь...

По звуку прерывистой трели я разложил инструменты и пошел к ближайшему трансфокатору...

Еще один...

Заступив на вахту, я доложился в рубку по сети оповещения и подтвердил двусторонность связи...

Я выбрал средний штырь...

Нуждаясь в ксивометре, я набрал команду номер один, добрал свой код...

Еще через три штыря...

Ситуация оказалась сложной. Я явился на инструктаж (уровень девятый, секция четыре, подсекция двенадцать, предварительный курс); тут я припомнил, что необходимо внести данные кода активности... моего кода активности... моего кода активности...

Мной овладело чувство обескураженности. Промелькнула смесь каких-то изображений, потом мешанину впечатлений прорезал отчетливый голос:

— Ты испытал частичную потерю личности, не тревожься, прибегни к помощи общеориентационной матрицы ближайшего информационного каталога. Его местонахождение...

Я продвигаюсь вдоль стеллажей, останавливаюсь перед нишей, где на стене прикреплена подковообразная пластиковая скоба. Я снимаю ее и прикладываю к голове...

Я продвигаюсь вдоль стеллажей, останавливаюсь перед нишей...

Я стоял, прислонившись к стене, голова гудела. Красный штырь валялся под ногами. Поток информации оказался слишком интенсивен. Что-то в каталоге...

— Эй, Фостер! — позвал я.— Похоже, я на что-то натолкнулся...

Голова Фостера возникла из-за соседнего стеллажа.

— Насколько я понимаю,— сказал я,— этот каталог даст нам исчерпывающую информацию о корабле, и тогда уже мы сможем планировать наши действия более обдуманно. По крайней мере, будем знать, что делать.

Я снял пластиковую подкову со стены.

— От этой штуковины у меня кружится башка,— посетовал я, передавая ее Фостеру.— И вообще, кому, как не тебе, этим заняться.

Фостер взял матрицу и направился к креслу в конце зала:

— Мне кажется, это надо делать сидя.

Он пристроил зажимы на голове. Глаза его закатились, и он обмяк, оседая в кресле.

— Фостер! — Я бросился к нему и стал было стаскивать подкову с головы, но потом засомневался. Может, эта неожиданная реакция Фостера — вполне стандартна? Хотя мне все это и не нравилось, я принялся успокаивать себя. В конце концов, эта штуковина была необходима для возвращения утраченных знаний и у Фостера всего-навсего шло восстановление забытого «я». К тому же только полная, трехмерная личность Фостера могла дать ответы на мучившие нас вопросы. Пусть корабль, вместе со своим содержимым, уже заброшен в течение тысячелетий, но библиотека по-прежнему должна функционировать. И пусть библиотекарь давным-давно превратился в прах, Фостер лежит без сознания, а я в тридцати тысячах миль от дома. Пусть. Как говорится, дело житейское...

Я принялся бродить по библиотеке. Смотреть было не на что: бесконечные стеллажи, стеллажи... Объем информации, накопленный здесь, буквально потрясал. Если б только добраться до дома с грузом этих штырей! Я прошел в соседнее помещение, вернее, слабо освещенную комнатушку, всю середину которой занимал огромный замысловатый диван с округлым углублением в конце. Вдоль стен громоздились непонятные приборы и панели. Сразу возле двери лежали два скелета, возле дивана покоился еще один. Рядышком валялся кинжал с длинным лезвием.

Я нагнулся над скелетом около двери. Насколько я мог судить, погибшие ничем не отличались от людей. Откуда они пришли, на какой планете жили? Если уж сумели построить такой корабль, да еще и оборудовать его таким образом...

Кинжал был необычен. Клинок — из прозрачного металла, а рукоять украшена символикой Двумирья. Это служило первым смутным намеком на случившееся в тот момент, когда погибшие были еще живы.

Я тщательно осмотрел приставленное к стене устройство, похожее на зубоврачебное кресло. Из спинки выступали тонкие металлические захваты, а на прутьях были укреплены разноцветные линзы. На полке, протянувшейся вдоль стены, стоял целый ряд тускло-серебристых цилиндров. Один такой же выступал из гнезда в боку устройства. Вынув, я оглядел его. Материал чем-

то напоминал пластик: тяжелый и гладкий. У меня возникла уверенность, что это — братец тем штырям в библиотеке.

«Интересно, какая в нем заложена информация?» — подумал я, пряча его в карман.

Я зажег сигарету и вернулся к Фостеру. Он по-прежнему лежал в той же позе. Тогда я сел на пол, прислонившись спиной к креслу, и принялся ждать.

Прошел целый час, прежде чем Фостер наконец зашевелился, вздохнул и, открыв глаза, устало стянул с себя пластиковую подкову.

— Ну как, все в порядке? — поинтересовался я.— Ты меня здорово напугал.

Фостер озадаченно оглядел меня, начиная со взлохмаченной шевелюры и заканчивая потрепанными ботинками. Его брови слегка сдвинулись в недоумении, и он произнес что-то непонятное. Вся фраза, похоже, состояла только из «З» и «К».

— Слушай, хватит сюрпризов, Фостер,— произнес я неожиданно охрипшим голосом,— говори по-английски.

На его лице отразилось недоумение. Он взглянул мне в глаза, потом огляделся по сторонам:

— Это корабельная библиотека,— сообщил он.

Я с облегчением вздохнул.

— Ну ты меня и напугал! Я уж думал, у тебя опять память отшибло.

Фостер внимательно следил за движением моих губ.

— Ну и что там? — спросил я.— Что тебе удалось узнать?

— Тебя я знаю,— медленно ответил Фостер.— Ты — Легион.

Я приветливо кивнул. Внутри у меня что-то судорожно сжалось.

— Ну еще бы, конечно, ты меня знаешь. Только спокойно, не нервничай...— Я положил руку ему на плечо.— Ты помнишь, мы собирались...

Фостер резко сбросил мою руку с плеча.

— На Валлоне так не принято,— холодно произнес он.

— На Валлоне? — переспросил я.— Слушай, в чем дело, Фостер? Только час назад мы, два приятеля, вошли в эту библиотеку. Нам нужна была информация. И мне жуть как любопытно: узнал ты что-нибудь или нет?

— А где остальные?

— Парочка остальных в соседней комнате,— обозлился я.— Только поусохли малость. Если хочешь, я тебе еще найду таких же дохликов. А кроме них, здесь только я.

Фостер посмотрел на меня, как на пустое место.

— Я помню Валлон,— сказал он, потирая лоб.— Но я также помню и варварский мир, жестокий и примитивный. Помню тебя. Мы куда-то ехали в убогом фургоне, потом на барже по каким-то морям. Уродливые комнаты, отвратительные запахи, омерзительный шум...

— Не очень-то лестные воспоминания о Богом благословенной стране,— прокомментировал я.— Но я, пожалуй, понимаю, о чем ты.

— Люди были хуже всего,— продолжал он.— Деформированные, больные, со вздувшимися животами, отвратительной кожей, искалеченными конечностями. Охотники. Мы спасались от них бегством, Легион, я и ты. И еще помню посадочную площадку...— Фостер на секунду замолчал.— Странно, она превратилась в какие-то руины.

— Мы, аборигены, зовем ее Стоунхенджем.

— Охотники вырвались из-под земли. Было сражение. Да, но почему охотники преследовали меня?

— Я вот как-то надеялся, что ты сам мне и объяснишь,— ответил я.— Ты знаешь, откуда и зачем прибыл этот звездолет?

— Это корабль Двумирья,— ответил Фостер.— Но не понимаю, как он здесь очутился.

— А что скажешь насчет дневника, может быть, теперь...

— Дневник! — встрепенулся Фостер.— Где он?

— Во внутреннем кармане твоего пиджака, должно быть.

Фостер неуклюже принялся шарить по карманам, наконец нашел его и открыл.

Я заглянул через его плечо. Фостер открыл дневник в самом начале, в той части, которую никто не мог расшифровать.

И он преспокойно читал ее.

Мы сидели в библиотеке за полированным столом из зеленого дерева. Уже прошло несколько часов, а Фостер все читал. Наконец он откинулся на спинку кресла, взъерошил рукой волосы и вздохнул.

— Меня звали Кулклан,— сообщил он.— А это,— он положил руку на дневник,— описание моей жизни. Но это только часть прошлого, которое я ищу. И я ничего не помню из него.

— Так объясни все-таки, что там, в дневнике,— попросил я.— Прочти хоть что-нибудь.

Фостер подобрал его со стола и полистал страницы:

— Похоже, я пробудился здесь, на борту звездолета. Я лежал на трансформ-ложе и, значит, уже прошел стадию трансформации.

— Это когда ты потерял память?

— И вновь приобрел на трансформ-ложе. Была задействована моя матрица памяти. Я пробудился, зная, кто я, но не зная, каким образом оказался на борту корабля. Дневник утверждает, что самое последнее мое воспоминание относится к зданию подле Мелкоморья.

— Где это?

— На планете Валлон.

— Да?! Ага, и что же дальше?

— Я огляделся, на полу лежали четыре окровавленных тела. Один человек еще дышал. Я оказал ему посильную помощь и принялся обыскивать корабль. Но единственное, что я обнаружил, так это еще троих мертвецов. А потом на меня напали охотники...

— Это наши приятели шары?

— Да, они питаются биологической энергией. А у меня не оказалось светового щита. Я бросился к шлюпке, таща на себе раненого. Затем спустился на ближайшую планету — твою Землю, но раненый умер у меня на руках. Он был моим другом, его звали Аммерлин. Я похоронил его и отметил место валуном.

— Древний грешник,— догадался я.

— Да... его кости, наверное, и нашел тот монах.

— Но ты хоть знаешь, откуда появилась подземная установка? Дневник что-нибудь упоминает об этом?

— Ничего,— разочарованно покачал головой Фостер.— Странно читать о жизни автора дневника и в то же время осознавать, что это ты сам.

— А как насчет охотников? Как им удалось попасть на Землю?

— Они бесплотны,— ответил Фостер,— и способны выдержать космический вакуум. Я только могу предположить, что они последовали за моей шлюпкой.

— Они преследовали тебя?

— Да. Но у меня нет ни малейшего представления почему. Обычно это безобидные существа, и их используют в поисках беглецов от закона. Их очень легко настроить на конкретного человека, они начинают преследовать его и помечают для последующего пленения.

— Ага, что-то вроде собак-ищеек,— прокомментировал я.— Слушай, а кем ты сам-то был? Крупной мафиозной шишкой на Валлоне?

— К большому сожалению, дневник не касается этой темы,— ответил Фостер.— Но это странное галактическое путешествие и свидетельства борьбы на корабле заставляют меня предположить, что меня и моих спутников могли изгнать за преступление, совершенное в Двумирье.

— А, так они напустили на тебя охотников! — воскликнул я.— А какого же черта они тогда столько времени торчали у Стоунхенджа?

— В радарной установке была утечка электроэнергии,— объяснил Фостер,— а они подпитывают себя электромагнитным излучением. Не забывай, до прошлого столетия это был практически единственный источник подзарядки для них.

— А как же они пробрались в туннель?

— При наличии времени они с легкостью просачиваются сквозь пористые субстанции. Ну конечно, когда я оказался поблизости, они в спешке просто прорвали землю.

— Ну хорошо, а что дальше, после того как ты похоронил своего приятеля?

— Дневник сообщает, что на меня напали туземцы в звериных шкурах. Один из них вошел в шлюпку и, должно быть, сдвинул рычаг старта. Во всяком случае, шлюпка поднялась, оставив меня на Земле.

— Так вот это чьи кости с ожерельем из медвежьих зубов. Интересно, а почему он не вошел в корабль?

— Да нет, войти-то он вошел, но ты же помнишь скелет возле шлюпки? В то время, когда туземец попал сюда, труп-то был еще свеженький, небось и крови вокруг хватало. Вероятно, бедняга и не сомневался, что его ждет здесь такая же участь, потому в панике и отступил обратно в шлюпку, а двери закрылись и...

— Понятно, он застрял здесь, а ты — там, на Земле.

— Да,— согласился Фостер.— А потом, похоже, я жил среди этих дикарей и даже стал их вождем. Я много лет ждал, что кто-нибудь заберет меня, а поскольку мой организм не старел, то меня стали чествовать как бога. Я бы выстроил сигнализатор, но нигде не было чистых металлов. Ничего, что могло бы мне пригодиться. Я попытался обучить их, но это — работа на столетия.

— Так организовал бы какую-нибудь школу, неужели все были безнадежными идиотами? — предложил я.

— Да нет, талантов хватало, но дело не в этом,— сказал Фостер.

— И как же ты вытерпел сотни лет? Ты что, из породы вечных суперменов?

— Естественная длительность человеческой жизни огромна. Я на вас смотрю как на безнадежно больных, которые погибают молодыми.

— Да какая ж тут болезнь,— возразил я,— обыкновенная старость, потом копыта на сторону. Естественный ход вещей.

— Человеческий разум — превосходнейший инструмент,— возразил Фостер,— и он отнюдь не должен так быстро гибнуть.

— Над этим стоит поразмыслить,— согласился я.— А ты почему не заразился?

— Все валлонцы проходят вакцинацию против этого.

— Ха, вот бы и мне,— вставил я.— Но давай вернемся к нашим баранам.

Фостер перелистнул страницу:

— Я правил многими народами, побывал во многих землях в поисках умелых кузнецов, стеклодувов, экспериментаторов. Но всегда возвращался к посадочной площадке.

— Должно быть, это казалось невыносимым,— посочувствовал я.— Изгнанник на чужой планете проводит сотни лет в глуши, среди дикарей...

— Ну зачем же утрировать. Мне довелось видеть, как эти дикари сбрасывали шкуры и познавали пути цивилизации. Я учил их, как надо строить, как собирать стада, обрабатывать землю. Я сам выстроил великий город и попытался — по неопытности — преподать аристократии кодекс Двумирья. Но хотя они все и собирались за круглым столом, подобным кольцевому столу в Окк-Хамилоте, им так и не удалось до конца усвоить мои уроки. А потом они стали задаваться вопросом, почему, собственно говоря,

их король не стареет. И тогда я вынужден был оставить их и попытался закончить постройку сигнализатора. Охотники ощутили это и напали. Сначала я отогнал их огнем, но потом меня разобрало любопытство, и я последовал за ними к гнездовищу.

— Я помню,— сказал я.— «...Это было место, знакомое мне издавна. Это был не улей, а колодец — дело рук обитателей Двумирья...»

— Их было слишком много, и мне едва удалось уцелеть. Хроническое голодание сделало охотников агрессивными. Они бы высосали всю мою энергию до последней капли.

— Если б ты только знал, что передатчик здесь. Но ты не знал. Потому и подался за океан.

— Вспомни, они нашли меня даже там. И каждый раз мне удавалось бежать. Но всегда они отыскивали меня снова.

— А твой сигнализатор, что, с ним так ничего и не вышло?

— И не могло. Это была попытка, заранее обреченная на неудачу. Только высокоразвитая цивилизация могла снабдить меня необходимыми материалами. Мне оставалось только ждать и учить тому, что знал сам. А потом я начал забывать.

— Почему?

— Мозг устает,— пояснил Фостер.— Такова цена долгой жизни. Он должен возобновлять свои ресурсы. Интенсивная работа и потрясения ускоряют трансформацию. Я и так умудрился продержаться несколько столетий. А дома, на Валлоне, человек записывает память на матрицу и после трансформации восстанавливает воспоминания в новом теле. Но, оставшись один, я не мог этим воспользоваться. Конечно, я делал все: готовил укромные убежища, писал самому себе письма...

— Вот когда ты проснулся в гостинице, ты здорово помолодел прямо за ночь, как это возможно?

— Когда мозг восстанавливается, то происходит регенерация всего организма. Кожа забывает все свои морщины, мускулы — накопившуюся усталость, клетки становятся такими же, какими были когда-то в молодости.

— При первой нашей встрече,— заметил я,— ты упоминал о госпитале в Первую мировую войну. Ты тоже там проснулся, ничего не помня?

— Твой мир очень жесток, Легион. Наверное, я терял память много раз. Где-то там, в прошлом, я постепенно забыл о

своей цели и, когда охотники вновь появились, бежал в слепой панике.

— У тебя в Мейпорте был целый оружейный склад. Какая польза от него против охотников?

— Да никакой,— бросил Фостер.— Но я же не знал. Я только ощущал, что меня преследует нечто.

— Ну уж в наше-то время ты мог бы построить сигнализатор,— вставил я,— хотя нет, ты уже и забыл, зачем он тебе и как это делается.

— Но в конце концов я все же нашел передатчик с твоей помощью, Легион. Правда, по-прежнему остается загадкой, что произошло на борту этого корабля. Почему я здесь?

— Слушай,— встрепенулся я.— А как насчет такой версии: пока ты лежал на том уютном диванчике, записывая память, на борту разразился мятеж, и к тому времени, как ты очнулся, кругом остались одни трупы?

— В этом есть зерно истины,— задумчиво согласился Фостер.— Будем надеяться, что когда-нибудь узнаем всю правду.

— Вот чего я до сих пор не могу понять, так это почему никто с Валлона не отыскал твой звездолет, он же все это время болтался здесь, на орбите.

— Ты только представь бескрайность космоса, Легион. Твоя планета — всего лишь один крошечный мирок среди сонма звезд.

— Но ведь здесь же была оборудована посадочная площадка для ваших кораблей. Не иначе как существовало регулярное сообщение. Да и книги с фотографиями — прямое доказательство, что вы бывали на Земле много тысяч лет назад. Так с чего это вдруг все визиты прекратились?

— Таких площадок множество по всему космосу,— заявил Фостер,— это своего рода маяки, отмечающие каждый риф. Могут пройти века, прежде чем кто-нибудь вздумает заглянуть сюда. Тот факт, что колодец в Стоунхендже давно забился землей, еще в то время, когда я впервые сошел на поверхность, доказывает, сколь редко посещают твой мир.

Я задумался. Мало-помалу складывалась стройная картина. Правда, в ней еще было довольно много белых пятен, да и рамы не хватало. Наконец меня осенило:

— Слушай, ты сказал, что когда очнулся, то как раз записывал память. Ты проснулся и все помнил, так почему бы не повторить процедуру? Если, конечно, твой мозг в состоянии выдержать еще одну нагрузку.

— Правильно,— откликнулся Фостер, вскакивая.— Это шанс. Идем!

Я последовал за ним в комнатушку со скелетами. Он с любопытством оглядел кости.

— Хорошенькая была потасовочка,— заметил я.

— Да, похоже, я пробудился здесь,— сказал Фостер.— А это те, кого я увидел мертвыми.

— Как видишь, они еще не воскресли,— сострил я.— Ну, что скажешь насчет этой машинки?

Фостер прошел к роскошному диванчику, нагнулся над ним, а потом покачал головой:

— Нет, конечно, ее здесь не будет.

— Чего?

— Матрицы памяти. То есть инструмента, который я использовал для восстановления памяти.

Тут я припомнил о цилиндре в кармане. С внезапно забившимся сердцем я вынул его и поднял, словно школьник, знающий правильный ответ.

— Этот?

Фостер глянул:

— Нет, этот пустой, как те, вдоль стены. Они предназначены для использования в аварийных ситуациях. Заполненные матрицы должны быть цветокодированы.

— Да, пожалуй,— согласился я,— иначе все было бы слишком просто.— Я огляделся.— Конечно, этот шкафчик слегка великоват, чтобы искать в нем потерянную пуговицу, но ничего другого нам не остается.

— Не расстраивайся, Легион. По возвращении на Валлон я, без сомнения, смогу восстановить свое прошлое. Существует специальное хранилище, где содержатся матрицы каждого гражданина.

— Но ведь твоя-то находилась у тебя.

— Это наверняка была только копия. Оригинал никогда не покидает хранилища в Окк-Хамилоте.

— Тогда понятно. Тебе не терпится попасть обратно,— заметил я.— Это будет нечто — заявиться домой после такого долгого отсутствия. Да, кстати о времени: ты сумел уточнить, сколько же в действительности находился на Земле?

— Да нет,— отозвался Фостер,— могу сделать только грубую прикидку.

— Ну так сколько же?

— С той поры, как я высадился из шлюпки,— ответил он,— прошло три тысячи лет.

— Жаль, что команда распадается,— сказал я.— Ты знаешь, я уже как-то привык к своему положению школяра-недоучки. Мне будет не хватать тебя, Фостер.

— Летим со мной на Валлон,— отозвался тот.

Мы находились в обсерватории, глядя на ярко освещенный шар моей планеты с расстояния в тридцать тысяч миль. А рядом с Землей застыл ослепительно белый диск Луны.

— Спасибо, приятель,— откликнулся я.— Я бы и не прочь поглазеть на все эти космические диковинки, но боюсь, что в конце концов пожалею об этом. Знаешь ли, эскимосу мало пользы от компьютера. Я просто помру от тоски.

— Но ты же можешь вернуться.

— Ну, насколько я знаю,— сказал я,— после прогулочки на таком звездолете на Земле пройдет пара сотен лет, а я бы хотел прожить свою жизнь здесь, с людьми, которых понимаю, и в том мире, в котором вырос. Конечно, у него есть свои недостатки, но, по крайней мере, это мой родной дом.

— Ну, тогда я ничего не могу поделать, Легион,— сказал Фостер.— И даже не знаю, как выразить свою благодарность и вознаградить тебя за преданность.

— Э... э... ну, что касается этого, то было бы неплохо загрузить шлюпку кое-какими вещичками из библиотеки, шариками со склада, ну и так, по мелочи. Я, кажется, знаю, как все это приложить к делу, чтобы не затронуть экономику и не поставить ее на уши. Ну и попутно самому устроиться. Как ты уже успел заметить, я — материалист.

— Твое дело,— отозвался Фостер,— бери что хочешь.

— По возвращении,— сообщил я,— я сделаю еще кое-что. Вскрою туннель с подземной установкой и взорву ее к чертовой матери. Если, конечно, никто до нее еще не добрался.

— Судя по темпераменту местных жителей,— с улыбкой заметил Фостер,— секрет останется в неприкосновенности, по крайней мере, еще поколения три.

— Не волнуйся, я посажу шлюпку где-нибудь в укромном местечке, где ее не засечет радар,— успокоил его я.— Нам повезло, через пару лет было бы поздно.

— Да, вы бы уже смогли обнаружить и звездолет,— согласился Фостер,— даже несмотря на антирадарную защиту.

Я глядел на огромный голубой шар, зависший над головой. В Тихом океане сверкала яркая точка отражавшегося солнца.

— Кажется, я различаю там островок, который мне очень даже подойдет,— игриво заметил я.— Ну а не подойдет, не велика беда, найдутся еще десятки таких же.

— Ты сильно изменился, Легион,— отметил Фостер,— ты похож на человека joie de vivre*.

— Вообще-то я привык думать, будто моя жизнь полна невезения,— сказал я.— И все-таки есть какой-то смысл в том, что мы стоим здесь, смотрим на эту планету, и все мысли о несостоятельности кажутся просто нелепыми. Там, на поверхности, можно найти все для счастья человека, и для этого даже не требуется иметь товар.

— У каждого мира свои правила жизни,— заметил Фостер.— Иногда более сложные, иногда попроще. Противостоять реальности — вот в чем смысл.

— Лицом к лицу со всей Вселенной,— продекламировал я.— На фоне этого даже проигрыш будет выглядеть победой.— Я повернулся к Фостеру.— Мы находимся на десятичасовой орбите, давай пошевеливаться. Я бы хотел приземлиться в Южной Америке. Мне там знакомо одно местечко, где можно разгрузиться без лишних вопросов.

— У нас еще есть несколько часов,— сказал Фостер,— незачем торопиться.

— Может, и так,— согласился я.— Но мне надо многое успеть,— я бросил последний взгляд на величественное зрелище за бортом,— и хотелось бы начать как можно скорее.

Глава 8

Я мирно сидел на террасе, любуясь закатом, и размышлял о Фостере, который сейчас летел к себе домой где-то там, за пурпурными облаками. И самое парадоксальное заключалось в том,

---

* Здесь: радующегося жизни *(фр.). (Прим. перев.)*

что для него, путешествующего почти со скоростью света, прошло всего несколько дней, в то время как здесь миновало три года.

Самыми сложными для меня оказались первые несколько месяцев, когда я посадил свою шлюпку в каньоне неподалеку от маленького городка Итценка в Перу. Мне пришлось выждать с неделю, из опасения, как бы не явилась толпа местных зевак, а потом я пешком потопал до города, неся с собой рюкзачок с тщательно отобранными образчиками, благодаря которым и собирался начать свою новую карьеру. Мне понадобилась пара недель, чтобы добраться до морского порта Каллау, и еще неделя, чтобы попасть матросом на корабль-рефрижератор, везущий бананы. В Тампе я сиганул через борт и, не привлекая к себе внимания, добрался до Майами. Насколько можно было судить, полиция давно утратила интерес к моей персоне. Моя старая подружка — тучная леди — не слишком-то обрадовалась встрече, но все же пристроила меня, и я принялся превращать свои сувениры в деньги.

Я захватил с собой проектор и пригоршню кассет с фильмами, весьма похожих на костяшки домино. Я не собирался продавать их в какую-нибудь лавку, а договорился со своим старым приятелем из киносети, и он за плату скопировал их на обычную пленку. Ему я объяснил, что вывез это из Восточной Европы. Правда, он был не в восторге от них, но признал, что в технике создатели кое-что все-таки смыслят. Специальные эффекты были просто потрясающими. Его любимым фильмом стал тот, который я окрестил «Охотой на мамонта».

Я предложил только двенадцать записей с незначительным монтажом и комментариями, из них вышли отличные двадцатиминутные документальные фильмы. Мой знакомый связался с приятелем в Нью-Йорке и слегка поторговался. Мы сошлись на ста тысячах долларов с условием, что за такую же цену предоставим еще дюжину фильмов.

Через неделю в Бейоне, штат Нью-Джерси, состоялся пробный показ, после которого меня буквально завалили предложениями продать следующую партию за полмиллиона долларов без всяких лишних вопросов. Я оставил Майки вершить бизнес на комиссионных началах, а сам вернулся в Итценку.

Шлюпка находилась на месте и простояла бы там, наверное, еще пятьдесят лет, никто бы так и не наткнулся на нее. Я просто объяснил команде, которую привез с собой, что это — ракетная декорация, необходимая для моего очередного фильма. Я разрешил им облазить всю шлюпку и удовлетворить свое любопытство. Все единодушно решили, что такой примитивный камуфляж никого не одурачит: никаких тебе стабилизаторов, никаких лучеметов, а панель управления вообще ничуть не лучше, чем обыкновенные игровые автоматы. Но поскольку денежки на ветер выбрасывал я и их это совершенно не касалось, то они принялись маскировать ракету — как я их заверил, неотъемлемую часть замысла фильма,— и разгружать мои товары.

Через год после возвращения я владел собственным островом у побережья Перу и домом, в котором каждый мой каприз был тщательно исполнен архитектором — настоящим телепатом. Конечно, он на мне здорово заработал, но дом того стоил.

Верхний этаж, по сути, представлял собой отдельную башню, ничем не уступавшую банковским сейфам. Именно там я и хранил все свои игрушки. Мне удалось продать около сотни фильмов, но оставалась еще куча других вещей, да и сам проектор многого стоил. Он прочитывал фильмы по молекулярным слоям и проецировал совершенно непрерывную картину. Цвет и звук были настолько реальными, что мой агент по сбыту даже несколько раз жаловался на слабую цветонасыщенность.

Принцип конструкции проектора был абсолютно нов, а теория так вообще, пожалуй, еще недоступна нашим физикам. Но само по себе практическое применение не представляло никакого труда. Я рассудил, что с необходимыми контактами в научных кругах я мог бы ввести эту теорию в обиход и в результате стать мультимиллиардером. Я уже и так выбросил на наш рынок несколько изобретений: прочную бумагу, пригодную для изготовления одежды, химикат, выбеливающий зубы до белоснежности, всецветовой краситель для художников. Те знания, которые я воспринял через штыри, обеспечивали мне в перспективе создание сотни новых индустриальных комплексов, и это было еще далеко не все.

Я потратил большую часть года на кругосветное путешествие, открывая для себя то, что доступно тугому кошельку. Весь следующий год я провел, обустраивая остров, покупая картины, ковры, столовое серебро для дома, а заодно и концертный рояль. После первого восторга, вызванного экономической свободой, я принялся наслаждаться музыкой.

Целых шесть месяцев за моим здоровьем и распорядком дня следил специальный врач. В конце курса, после бешеной гонки, я уже мало был похож на себя прежнего, в то время как врач-тренер превратился в абсолютную развалину, не выдержав темпа. Так что мне пришлось искать себе другое хобби.

Теперь, три года спустя, мне все начинало надоедать, ко мне подкрадывалась скука — болезнь богатых. Но мечтать о богатстве и иметь его — две разные вещи, и я уже чуть ли не с ностальгией вспоминал прежние дни неудач, когда каждый шаг оборачивался приключением, полным полицейских, отвратительной еды и тысяч неутоленных желаний.

Не то чтобы я серьезно страдал. Я сидел в шезлонге, отдыхая после долгого дня с рыбной ловлей и скромным обедом. Я покуривал сигару, свернутую из лучшего табачного листа, и слушал самую прекрасную музыку, какую только способна воспроизвести тысячедолларовая магнитола. А расстилавшийся передо мной пейзаж, хоть и бесплатный, стоил никак не меньше миллиона в час. А через минуту я спущусь к причалу, заведу катер фирмы «Роллс-ройс», переберусь на материк, пересяду в свой «кадиллак» последней модели и двинусь в город, где меня уже поджидает высокая блондинка из Стокгольма. Я пригласил ее в кино. Она работала секретаршей в фирме, занимавшейся электроникой.

Я затянулся напоследок и подался вперед, чтобы бросить окурок в большую серебряную пепельницу, когда мое внимание привлекло какое-то пятнышко на багровой в лучах заката воде. Рассмотреть было трудно, я пошел и принес морской бинокль. Теперь я отчетливо различал моторный катер, мчавшийся к моему острову.

Он повернул к стофутовому бетонному причалу и подрулил под тихое клокотание воды. Мотор заглох, катер лишь мирно качало на волнах во внезапно наступившей тишине. В бинокль я изучал серо-голубоватый корпус. На корме виднелись две пушки, а на стапелях четыре торпеды. Но на меня произвело впечатление не столько вооружение, сколько ряды моряков в касках на палубе.

Я продолжал наблюдать. Солдаты сошли на берег и выстроились в два взвода, я посчитал: пятьдесят человек, из них два офицера. Я едва расслышал, как были отданы команды, и колонна

тронулась по мощеной дороге, ведущей от королевских пальм и магнолий прямо к пандусу возле дома. Здесь они остановились, по команде развернулись налево и застыли по стойке «смирно». Два офицера и кургузый гражданский с портфелем взобрались по лестнице, стараясь выглядеть как можно более непринужденно, и остановились у широкого пролета.

Офицер, стоящий впереди, не иначе как в ранге бригадного генерала, поднял голову и уставился на меня:

— Мы можем подняться, сэр?

Я оглядел застывшие шеренги солдат.

— Ну, если ваших парней мучает жажда, сержант,— отозвался я,— то пусть не стесняются, заходят.

— Я — генерал Смейл,— прокричал тот.— Это полковник Санчес, представитель перуанской армии,— он ткнул пальцем в другого военного,— и мистер Праффи из американского посольства в Лиме.

— Здрасте, мистер Праффи,— откликнулся я.— Здрасте, мистер Санчес. Здрасте...

— Это... э-э-э... официальный визит, мистер Легион,— выдавил генерал.— Дело величайшей важности, касающееся национальных интересов вашей страны, мистер Легион.

— О'кей, генерал,— бросил я,— поднимайтесь. А что случилось-то? Ваши ребятки там не начали случайно новую войну?

Они поднялись на террасу, слегка поколебавшись, поздоровались со мной за руку и расселись по креслам. Мистер Праффи положил свой чемоданчик на колени.

— Если хотите, кидайте ваше барахло на стол, мистер Праффи,— предложил я.

Он мигнул и еще крепче вцепился в чемоданчик. Я предложил каждому сигары ручной работы. Праффи выглядел озадаченным, Смейл отрицательно покачал головой, а Санчес прихватил сразу три штуки.

— Я здесь,— сообщил генерал,— чтобы задать вам несколько вопросов, мистер Легион. Мистер Праффи представляет государственный департамент, а полковник Санчес...

— Можете не продолжать,— оборвал я,— он представляет перуанское правительство, а потому я и не спрашиваю, что делают американские вооруженные силы на перуанской территории.

— Эй,— встрял Праффи,— я вовсе не думаю...

— Охотно верю,— успокоил его я.— Так в чем дело, Смейл?

— Я сразу перейду к делу,— ответил тот.— Вот уже некоторое время разведка США ведет досье, закодированное — за неимением лучшего — под названием «Марсианин».— Генерал Смейл сконфуженно кашлянул.— Около трех лет назад,— продолжил он,— неопознанный летающий объект...

— Так летающие блюдца — ваше хобби, генерал? — перебил я.

— Ничего подобного,— отрезал он.— Этот объект засекли многие радары, когда он спускался с огромной высоты. Он совершил посадку на Земле...— Генерал слегка замялся.

— Вот только не надо говорить, будто вы, проделав такой огромный путь, не можете мне ничего сказать.

— ...в одном месте, в Англии,— нехотя ответил Смейл.— Несколько американских истребителей было послано на разведку, но, прежде чем они успели вступить в контакт, НЛО взлетел с чудовищным ускорением, и наши радары потеряли его след где-то на высоте нескольких сот миль.

— А мне-то казалось, что наши радары способны на большее,— съязвил я.— Спутниковые программы...

— Просто не было возможности воспользоваться специальным оборудованием,— отпарировал Смейл.— Тщательное расследование показало, что два неких иностранца — вероятно, американцы — посетили это место за несколько часов до... э-э-э... высадки НЛО.

Я кивнул и вспомнил, как бродил по окрестностям, прикидывая, не удастся ли уничтожить подземную установку. Но там толпилось столько копов в штатском, сколько обычно бывает старых дев на похоронах кинозвезды, просто не протолкаться. Впрочем, все складывалось как нельзя лучше. Подземный тунель они так и не обнаружили, поскольку ракеты завалили вход. А сама установка, видимо, была сделана из таких неметаллических материалов, которые не мог уловить ни один детектор.

— Спустя несколько месяцев,— продолжил Смейл,— в прокате США появилась целая серия документальных фильмов. На них была запечатлена как жизнь других планет, так и древние и доисторические события здесь, на Земле. В комментариях указывалось, что все эти короткометражные фильмы всего лишь демонстрируют некоторые научные теории о развитии жизни на других планетах. Они, конечно же, вызвали всеобщий интерес,

и, за некоторым исключением, ученые оказались единодушны в своих восхищенных оценках.

— Меня тоже восхищают эти прекрасные подделки,— вставил я.— При всеобщем интересе к космическим путешествиям...

— Однако на фоне технического совершенства короткометражных фильмов была отмечена одна удивительная неточность,— продолжал Смейл.— Она касалась вида нашей планеты из космоса, изображавшего Землю на фоне звезд. По мнению астрономов, конфигурация созвездий указывала на проведение съемки за семь тысяч лет до нашей эры. Ошибка относилась и к изображению полярной шапки льда на месте залива Гудзон. Южных же ледовых полей не было видно вообще. Антарктида оставалась совершенно свободной от льда.

Я молча ожидал, что же последует дальше.

— Так вот, новые исследования подтвердили, что девять тысяч лет назад Северный полюс действительно находился на месте залива Гудзон,— сообщил Смейл,— и ледовый панцирь Антарктиды — тоже сравнительно недавнее образование.

— Но об этом уже давно говорили,— возразил я,— по этому поводу даже есть теория...

— И потом, что касается видов Марса,— не обращал на меня внимания генерал,— съемки «каналов» с высоты птичьего полета считались превосходнейшим трюком.— Тут он повернулся к Праффи, который открыл чемоданчик и передал ему пару фотографий.— Вот кадр, взятый из фильма,— сказал Смейл.

Это было цветное фото восемь на десять, изображавшее гряду холмов, покрытых розоватой пылью, холмы ярко выделялись на фоне черно-голубого горизонта...

Смейл выложил рядом другое фото:

— А это снято с автоматической станции в прошлом году.

Я посмотрел. Второй снимок был зернист, в цвете преобладал голубой оттенок, но во всем остальном сомнений не вызывал. Холмы выглядели более приземистыми, да и угол съемок несколько отличался, но это был тот же самый пейзаж.

— Тем временем,— неумолимо продолжал Смейл,— на рынок выбрасывается множество новых изобретений. Химики и физики поражены теоретической базой, скрывающейся за подобной технологией. Один из продуктов — вариант красящего вещества — воплощает в себе абсолютно новую концепцию кристаллографии.

— Прогресс,— вяло заметил я.— Да что там, вот когда я еще был ребенком...

— След был чрезвычайно запутан,— перебил меня Смейл.— Но в конце концов мы обнаружили, что за всеми этими любопытными фактами досье кроется общий фактор, и этот фактор — вы, мистер Легион.

Глава 9

Через несколько минут после заката Смейл и я снова сидели на террасе за остатками легкого ужина.

— У домашнего ареста, по крайней мере, одно преимущество — не рискуешь отравиться едой.

— Я понимаю ваши чувства,— отозвался Смейл,— честно говоря, мне самому не нравится это поручение. Но совершенно очевидно, что есть вещи, которые требуют объяснений. И я питал некоторую надежду, что вы добровольно нам все расскажете.

— Заберите вашу армию и плывите-ка отсюда подальше, генерал,— посоветовал я.— Тогда, может быть, я и сделаю что-нибудь добровольно.

— Ваш патриотизм...

— Мой патриотизм не устает твердить мне, что там, откуда я родом, у личности есть свои права.

— Дело слишком важное, чтобы обращать внимание на такие мелочи,— упорствовал Смейл.— Я признаюсь совершенно откровенно, что присутствие солдат было разрешено перуанским правительством постфактум. Я упоминаю об этом, чтобы дать понять, насколько важное значение придает правительство этому делу.

— Да, видя, как вы высаживаетесь на берег, я так и понял,— заметил я.— Вам просто чертовски повезло, что я не воспользовался своим дезинтегратором.

Смейл чуть не подавился.

— Да шучу, шучу,— успокоил я его.— Но я же не доставляю вам никаких хлопот. Зачем вы вызвали подкрепление?

Смейл ошарашенно уставился на меня:

— Какое подкрепление?

Я небрежно ткнул вилкой в пустоту. Он оглянулся. Поднимаясь все выше и выше, волны взрезала рубка подлодки, затем постепенно показался корпус, с палубы каскадами сбегала вода.

Открылся люк, из которого тут же высыпали матросы. Смейл вскочил, роняя салфетку.

— Сержант! — заорал он.

Я сидел, открыв рот, и смотрел, как Смейл выскочил на лестницу и понесся вниз, перепрыгивая через три ступеньки. Я слышал его рявканье, возгласы солдат, лязганье затворов, топот ботинок. Я подошел к мраморной балюстраде. Праффи в лиловой пижаме носился по лужайке, приставая ко всем с вопросами, а полковник Санчес, не переставая вопить, все дергал и дергал генерала за рукав. Пехота строилась.

— Эй, поаккуратней там с розами, сержант! — крикнул я сверху вниз.

— Не суйтесь не в свое дело, Легион! — проорал мне в ответ Смейл.

— А какого черта я должен молчать?! — гаркнул я опять.— В конце концов, владелец я этого поместья или нет?!

Смейл взлетел по мраморным ступеням.

— Я за вас отвечаю головой, Легион! — рявкнул он.— Вам надо спрятаться в убежище. Где здесь подвал?

— Внизу, естественно,— отреагировал я.— А в чем дело-то? Межвойсковая грызня, что ли? Боитесь, как бы флот не отнял лакомый кусочек?

— Это ядерная подлодка,— сурово объяснил мне Смейл,— и принадлежит она русскому флоту.

Я так и застыл с открытым ртом, невидяще уставившись на Смейла и пытаясь собраться с мыслями. Меня не очень-то удивило появление бригадного генерала. Я уже заранее проиграл ситуацию с юристами и прекрасно знал, что рано или поздно кто-нибудь доберется до меня за уклонение от уплаты налогов, за отказ от службы в армии или просроченную стоянку, но ничего серьезного не ожидал. Правительству может и не нравиться, что я знаю слишком много, и все же ни одна собака не могла бы обвинить меня в похищении изобретения у Дядюшки Сэма. В конце концов они отвяжутся от меня, а моих денежек на швейцарском счету хватит до конца дней, если даже им удастся перекрыть все финансовые поступления от разработки моих идей. Я был даже рад, что все наконец произошло.

Но уж кто у меня совершенно вылетел из головы, так это русские. Вполне естественно, что они проявили ко мне интерес,

а уж их шпионы ничуть не хуже разведчиков из ЦРУ. Я должен был сообразить, что рано или поздно они тоже выйдут на меня, но, в отличие от американских служб, им не придется считаться с Женевской конвенцией по правам человека. Они, не задумываясь, пропустят мои мозги через «стиральную машину» и выжмут все необходимые сведения с такой же легкостью, как я выжимаю лимон.

Наконец подлодка всплыла полностью, и в лицо мне уставилось дуло зенитного пулемета, один залп которого мог запросто разнести вдребезги весь героический флот Смейла. А затем на резиновые лодки выгрузились моряки, в общей сложности пара сотен.

Прямо подо мной, на лужайке, сержант выкрикивал команды, и солдаты разбегались по позициям, должно быть уже намеченным заранее. По всей видимости, для них появление русских оказалось не такой уж большой неожиданностью. Я оказался всего лишь пешкой, которую с успехом разыгрывали между собой два великих гроссмейстера. Моя розовая мечта утереть нос бюрократам испарялась на глазах, а мой остров готов был превратиться в поле битвы. И кто бы в ней ни победил, я оказывался в проигрыше. У меня оставался лишь слабый шанс затеряться в кутерьме.

Смейл дернул меня за руку.

— Не торчи здесь! — рявкнул он.— Куда?..

— Простите, генерал,— сказал я и врезал ему под дых.

Он скорчился, но, несмотря на боль, рванулся за мной. Я отвесил ему хороший хук слева. Он мешком брякнулся на землю, дрыгнув ногами. Я перепрыгнул через него, вбежал в дом, быстро пронесся вверх по спиральной лестнице и захлопнул за собой бронированную дверь. Стены башни могли выдержать любой удар, вплоть до артиллерийского снаряда. Но пока мне, похоже, это не грозило.

Я лихорадочно принялся соображать. Если мне даже и удастся смыться, то с собой много не возьмешь. Несколько учебных штырей да все, что осталось от фильмов. Однако большинство штырей я уже прослушал и запомнил их намертво, как пункты налоговой декларации. Правда, была тут одна закавыка: если прослушивать их слишком часто, то перегруженный мозг не справлялся с потоком информации и амнезия стирала все начисто.

Времени заниматься этим у меня не оставалось. Все унести с собой я не мог, а просто бросить на произвол судьбы не поднималась рука. Поэтому я принялся лихорадочно разбирать свои запасы, распихивая по карманам всякую мелочь. Под руку попался серебристый трехдюймовый цилиндр с черно-золотистыми полосками. Он мне что-то напомнил.

Это была неплохая идея. У меня все еще оставалась пластиковая подкова, которая помогла Фостеру восстановить память о его родной планете. Я в свое время пытался ею воспользоваться, но ничего, кроме головной боли, мне заполучить не удалось. С тех пор она так и валялась без дела. Но, может быть, сейчас самое время воспользоваться ею опять, поскольку половина предметов здесь, в моем хранилище, по-прежнему оставалась для меня тайной (как и этот серебристый цилиндр). Я точно знал, какую информацию несет подкова. Она содержит все, что мне необходимо знать о Валлоне и Двумирье.

Я выглянул в пуленепробиваемое окно. Солдаты Смейла залегли по периметру под кустами. Русские разворачивали силы вдоль берега. Похоже, они еще не скоро приступят к решительным действиям, и пройдет еще больше времени, прежде чем они решатся вышибить меня из моего форта. Фостеру потребовалось около часа, чтобы усвоить необходимую информацию. Наверное, и у меня это займет не больше времени.

Я отложил цилиндр, порылся в ящиках и наконец нашел пластиковую подкову. Я уже присел в кресло, но вдруг заколебался. Эта штуковина предназначалась для инопланетян, не останусь ли я после нее безмозглым идиотом?

Однако альтернатива представлялась мне слишком уж грустной. Покинуть остров с пустыми руками и даже не иметь возможности воспользоваться собственными деньгами без риска привлечь к себе внимание...

Ну уж нет, по доброй воле я бедняком не останусь. А знания обеспечат мне независимость и, возможно даже, защиту от алчности нации. Я всегда смогу обменять знания на свободу.

Конечно, в моих рассуждениях было много дыр, но быстро соображать я никогда не умел. Осторожно, с опаской, я приладил подкову к голове. Сначала она сдавила виски, а потом ощущения затопили меня, словно волна прихлынувшей теплой воды. На мгновение меня охватила паника, но далекий голос прогнал ее: ты среди друзей, ты в безопасности, все хорошо.

Глава 10

Я лежу в темноте и вспоминаю башни, звуки фанфар и фонтаны огня. Я протянул руку и нащупал грубую ткань. Может, я брежу?.. Я пошевелился, над головой вспыхнул свет; прищурившись, я разглядел комнату, убогое жилище, пыльное, грязное, засыпанное всяким мусором. В стене окно. Я подошел к нему, передо мной расстилался зеленый торф, изгибающаяся тропа, ведущая к полосе белого песка. Странный вид. И все же...

Нахлынула волна головокружения, но тут же прошла. Я мигнул, попытался хоть что-нибудь вспомнить...

Голову что-то сдавливало. Я стянул это, и оно упало на пол со слабым стуком — информационный путеводитель для тех, кого трансформация застигла неподготовленными...

Внезапно, словно отхлынувшая волна, картина потускнела, оставив меня в знакомой комнате с адской головной болью. Откровенно говоря, я сомневался, сработает ли подкова, но попытка удалась, пусть не без неприятностей. С минуту я бродил по комнате, словно чужак, испытывая приступ ностальгии по своей милой планете Валлон. Я еще помнил свое видение, но теперь оно потускнело. Я был самим собой и, как обычно, в беде.

Где-то в подсознании роились заманчивые идеи. Позже, если выдастся свободная минутка, я сяду и постараюсь спокойно разобраться в своих мыслях. Но в данную минуту мне по горло хватало забот. Две армии загнали меня в тупик, я совершенно ни с кем не собирался воевать. Единственное, что вообще интересовало меня, так это собственная шкура.

При звуке автоматных очередей я так и подскочил к окну. Передо мной расстилался тот же самый пейзаж, что и несколько секунд назад, но теперь для меня в нем было больше смысла. Слева все еще дымились остатки торпедного катера, затонувшего в нескольких ярдах от причала. Русской подлодки нигде не было видно: вероятно, высадив десант, убралась подальше. На берегу валялось несколько трупов, но отсюда я не мог определить — чьи они.

Откуда-то слева опять донеслась стрельба. Похоже, сражение там разворачивалось дедовскими методами: стенка на стенку, только с применением огнестрельного оружия. Этого и следовало ожидать, в конце концов, охотились-то они за мной, а моя умная головушка нужна была им целой и невредимой.

Не знаю уж, скрытый романтизм или практицизм заставили меня довести архитектора едва ли не до инфаркта своими требованиями проложить тайные ходы в стенах моего замка, но теперь я был рад, что они существовали. В стене рядом со мной была дверь, через нее я мог попасть на причал, в рощицу за домом и на побережье, к северу от особняка. Единственное, что я должен был сделать...

Дом содрогнулся, последовал страшный удар, сваливший меня с ног. Я расквасил себе нос, закапала кровь. Я на четвереньках подскочил к двери. Кто-то там, снаружи, как видно, потерял терпение: дом потряс еще один удар. Минометы, а то и ракеты. Я, должно быть, проспал период подготовки и проснулся как раз в момент главных действий.

Я нажал на скрытые пружины, и потайная дверь открылась. В последний раз оглядев окутанную пылью комнату, я заметил цилиндр — теперь-то я знал, что это такое. Одним прыжком я пересек комнату и схватил его. Помнится, нашел я его на шлюпке, когда прибирался. Он лежал под костями скелета с ожерельем из медвежьих зубов. Дикарю, вероятно, понравилась раскраска, вот он и подобрал его. Но только теперь, со своим знанием валлонской цивилизации, я мог оценить, какая это огромная драгоценность. В нем содержалась память Фостера, и пусть это была всего лишь копия, но бросить ее я не мог.

Грянул еще один взрыв, с потолка рухнул здоровенный кусок штукатурки. Все, пора смываться. Чихая и кашляя от поднявшейся пыли, я протиснулся в потайную дверь и принялся спускаться по узкой тесной лестнице.

Внизу на секунду я приостановился, чтобы немного собраться с мыслями, и тут опять грохнуло. Я отпрянул назад, видя, как потолок туннеля, ведущего в сторону побережья, обваливается. Теперь можно было бежать только в рощу или на причал. Времени на размышления уже не оставалось. Потолок мог рухнуть в любую секунду. Как видно, мой архитектор слегка сэкономил на укреплении стенок. Но, с другой стороны, не мог же он предполагать, что на моей лужайке будут разыгрываться сражения.

Насколько я мог судить, битва происходила к югу от дома, следовательно, роща была полна солдат, использовавших ее как естественное укрытие. Оставался только причал. Я предпо-

чел бы дождаться темноты, но в данных обстоятельствах медлить было нельзя. Глубоко вздохнув, я решился и побежал по туннелю. Если очень повезет, то катер может оказаться в порядке. Конечно, придется плыть под самым носом воюющих сторон, но элемент внезапности мог обеспечить мне преимущество в несколько сот ярдов — довольно безопасное расстояние. Мотор имел достаточно лошадиных сил, чтобы выиграть любую гонку до материка, при условии, что мне как-то удастся оторваться от погони с самого начала. В туннеле было совершенно темно, но меня это не смущало, поскольку он вел прямо к причалу. Наконец я добрался до деревянной раздвижной двери и замер, прислушиваясь. Было тихо. Я отодвинул створку и взобрался по лестнице внутрь ангара. В полумраке поблескивал хромом и никелем мой катер. Я осторожно обогнул его, сбросил причальный канат и уже собрался шагнуть в рубку, когда раздалось явственное клацанье передергиваемого затвора. Я бросился ничком. Грохнул выстрел. Пуля взбороздила темную поверхность воды, я перекатился и со всплеском нырнул в глубину. Одновременно с этим раздался второй выстрел. В несколько гребков я проплыл под дверью ангара и, прижимаясь к песку на дне, резко взял влево. Я избавился от куртки, мысленно распрощавшись со всеми вещами, которыми набил карманы. Правда, у меня еще оставалась матрица памяти, которую я запихнул в джинсы. Десять гребков, пятнадцать, двадцать... я знал свой предел, двадцать пять гребков...

Двадцать пять... еще один... и еще один. Где-то наверху меня поджидала пуля.

Тридцать гребков. Хочу я того или нет, а подниматься надо. Я перевернулся на спину и всплыл, но едва успел вдохнуть глоток свежего воздуха, как где-то вдалеке глухо грянул выстрел, и пуля, обрызгав мое лицо, пролетела мимо. Я камнем ушел под воду и проплыл еще двадцать пять гребков. На этот раз автоматчик отреагировал быстрее. Пуля обожгла мое плечо, словно раскаленная кочерга, и мне пришлось уйти под воду.

Я слабел, задыхался и явственно предчувствовал удар пули по черепу. Надо плыть, плыть. Грудь жгло от недостатка воздуха, в глазах темнело...

Словно издали, я наблюдал за неуклюжими попытками человека, следил за суматошными, судорожными движениями неопытного пловца...

Было совершенно очевидно, что требуется вмешаться. Я активизировал подкорку, перераспределил кровообращение, задействовал запас жиров, подведя энергию и кислород к клеткам...

Тело прорезало воду с плавной грацией обитателя морских глубин...

Я лежал на спине, вдыхая прохладный морской воздух и глядя слезящимися глазами на багровый закат. Только недавно я тонул в нескольких ярдах от берега, и вдруг нечто вмешалось в мои действия. Очевидно, мне на помощь пришла накопленная информация валлонской цивилизации, и вот теперь я здесь, в полумиле от берега, выдохшийся, но живой и невредимый. Усталый мозг уже не удивлялся чудесам... Я развернулся в сторону острова. Столб дыма поднимался из проема, где когда-то были окна спальни. Откуда-то выпрыгнул солдат, метнулся через лужайку, упал. Несколько секунд спустя до меня донесся звук выстрела. На побережье никого не было. Сидевший в засаде уже исчез. Вероятно, он решил, что со мной все кончено, к тому же наверняка мог заметить следы крови на воде.

Тут я подумал об акулах. Вообще-то я не слышал, чтобы они здесь водились, но их могла привлечь даже капля крови. Я скосил взгляд на плечо: ничего серьезного, просто царапина. Она даже не кровоточила. Впрочем, мне хватало и других проблем. Например, как же все-таки добраться до материка? Пятнадцать миль — это тебе не баран чихал. Но если парнишки на острове увлекутся своими забавами, то я, пожалуй, сумею доплыть.

Я хотел снять джинсы, но все-таки решил, что не стоит. Не разгуливать же мне потом по берегу в одних плавках.

Я последний раз взглянул на дом. Изнутри пробивались отблески пламени. Очевидно, мои противнички решили разделаться с домом до основания, чтобы уж никому ничего не досталось. Эх, потерять такое уютное гнездышко! Мне его будет так не хватать. И все-таки когда-нибудь кто-нибудь расплатится за это сполна!

Глава 11

Я сидел за кухонным столом у Маргариты и догрызал цыпленка, пока она подливала мне в кружку кофе.

— Ну-ка, расскажи,— попросила она,— зачем они все-таки сожгли твой дом? И как тебе удалось добраться до Лимы?

— Они настолько увлеклись, что совершенно потеряли голову,— ответил я.— Это единственное объяснение, которое приходит на ум. Мне казалось, я буду в полной безопасности, как долларовые часы при встрече с карманником. Я был уверен, что они не захотят причинить мне вреда.

— Но твои же американцы...

— В какой-то степени их можно понять, не могли же они позволить русским заполучить меня. Забавно, вот если бы они написали письмо и попросили помочь...

— А где ты умудрился так перемазаться?

— Когда я выплыл, мне целый час пришлось пробираться по болоту. Еще повезло, что светила луна. А потом я три часа топал пешком.

— Надеюсь, теперь-то тебе получше? Выглядишь ты просто ужасно.

— Еще квартал, и я бы точно не добрался до тебя. Я выжат как лимон. Царапина на плече — пустяки, я ее и не чувствую, просто зверски устал.

— Слушай, ложись да поспи,— предложила Маргарита.— Что мне надо сделать?

— Раздобудь одежду,— попросил я.— Серый костюм, белую рубашку, черный галстук и ботинки. Да, загляни в банк, сними тысяч пять да посмотри, будет ли что-нибудь в газетах. Если на обратном пути заметишь кого-нибудь в вестибюле, не поднимайся, а позвони по телефону, и мы с тобой встретимся где-нибудь в другом месте.

Она встала.

— Это просто ужасно,— сказала она.— А твое посольство?

— А разве я не сказал? Мистер Праффи — представитель посольства — заявился под ручку со Смейлом, не говоря уже о полковнике Санчесе. Я не удивлюсь, если здесь задействована и полиция. Они, конечно, могут решить, что я мертв, но это ненадолго. Во всяком случае, до тех пор, пока ты не снимешь деньги со счета. Ну а я пока вздремну и смотаюсь отсюда, как только ты вернешься.

— Куда же ты пойдешь?

— Ну, сначала доберусь до аэропорта, а там посмотрю. Не думаю, чтобы всех подняли на ноги. В конце концов, все проводилось в строжайшем секрете, пока не появились непредвиденные трудности. Они еще зализывают раны.

— Послушай, банк откроется еще не скоро,— сказала Маргарита.— Ложись спать. Я позабочусь обо всем, не волнуйся.

Я добрался до спальни, плюхнулся на роскошную широкую кровать, и сон накрыл меня шелковым занавесом.

Едва разлепив веки, я понял, что нахожусь в комнате не один. Я медленно сел.

Он устроился на стуле у окна. Обыкновенный парень в бежевом тропическом костюме, с незажженной сигаретой в зубах.

— Да чего там, закуривай,— бросил я.— И вообще, не обращай на меня внимания.

— Спасибо,— отозвался он высоким голосом.

Он вынул зажигалку и поднес пламя к сигарете. Я встал. Мой посетитель дернулся, зажигалка исчезла, и на меня уставился короткий ствол пистолета.

— Нервы, нервы,— заметил я.— Не бойся, я не кусаюсь.

— Я бы предпочел, чтобы ты не делал резких движений,— предупредил он, вынув сигарету изо рта и слегка кашлянув.— Ты прав, нервы у меня ни к черту.

Дуло пистолета по-прежнему было обращено ко мне.

— И на какую же сторону ты работаешь? — поинтересовался я.— И можно мне хоть обуться-то, или ты боишься, что у меня в носке оружие?

Он положил пистолет на колени.

— Да что уж там, одевайся полностью, мистер Легион.

— Извиняюсь,— бросил я.— Не могу. Одежды нет.

Он слегка нахмурился.

— Моя куртка будет маловата, но это все, что я могу предложить.

— Я собираюсь вынуть сигарету,— предупредил я, снова усевшись,— постарайся обойтись без пальбы.

Я взял пачку со стола и закурил. Он не отрывал от меня взгляда.

— А как вы догадались, что я все-таки не сыграл в ящик? — поинтересовался я, выдыхая дым в его сторону.

— Мы осмотрели дом,— ответил он,— но тела не нашли.

— Ослы, я же утонул!

— Такая мысль была, но на всякий случай решили проверить и другие варианты.

— Спасибо, что хоть дали отоспаться. Сколько ты уже здесь торчишь?

— Всего несколько минут,— ответил посетитель. Он взглянул на часы.— Через пятнадцать минут нам надо идти.

— Да на черта я вам сдался? — изобразил я удивление.— Вы же сами разнесли в пыль все, что вас интересовало.

— Госдепартамент хотел задать тебе несколько вопросов.

— Слушай, да я тут вообще ни при чем,— заканючил я,— и даже никакого понятия не имею об этих вещах. Я же только толкал товар.

Он сделал глубокую затяжку и, прищурившись, поглядел на меня сквозь сизый дым.

— В колледже у тебя были отличные отметки, включая язык и литературу.

— А ты неплохо подготовился к уроку.— Я глянул на пистолет.— Интересно, станешь ты стрелять на самом деле или нет.

— Видимо, надо прояснить ситуацию,— отозвался парень,— чтобы избежать случайных недоразумений. Я должен привести тебя живым. По возможности, конечно. Но если возникнет хотя бы намек на попытку к бегству либо появится опасность того, что ты попадешь не в те руки, мне придется стрелять.

Я едва втиснул ноги в сырые тенниски. Вот сейчас, когда я с ним один на один,— самое время бежать. У меня было предчувствие, что он не шутит. Я уже видел этих парней в действии на лужайке возле моего дома.

Он поднялся:

— Идемте в гостиную, мистер Легион.

Я вышел первым.

Часы на серванте показывали одиннадцать часов утра. Я проспал пять или шесть часов. С минуты на минуту должна была появиться Маргарита.

— Одевайся,— распорядился мой посетитель.

Я взял протянутую куртку, с усилием натянул ее на плечи и посмотрел на свое отражение в зеркале над диваном.

— Что-то я сам на себя не похож, обычно я...

Зазвонил телефон. Я глянул на своего стража. Он отрицательно покачал головой. Мы стояли и прислушивались к трели. Через некоторое время она оборвалась.

— Пора идти,— сказал он в наступившей тишине.— Пройди вперед, пожалуйста. Мы спустимся на лифте в подвал и выйдем через служебный вход...

Неожиданно он замолчал, уставившись на дверь. Кто-то гремел ключом. Мой спутник поднял пистолет.

— Погоди,— остановил его я.— Это хозяйка квартиры,— и встал напротив него, спиной к двери.

— Не глупи, Легион,— произнес он угрожающе.— Отойди.

Я следил за дверью в зеркале над диваном. Ручка повернулась, дверь приоткрылась, и тощий смуглый мужчина в белом костюме проскользнул внутрь. Закрывая дверь, он машинально перебросил оружие в левую руку. Мой сторож снял пистолет с предохранителя, не отводя его от моего живота.

— Замри, Легион,— предупредил он.— У тебя только один шанс уцелеть — оставаться со мной.

Он слегка отодвинулся, чтобы взглянуть на вновь прибывшего через мое плечо. Я видел в зеркале, как мужчина в белом позади меня резко развернулся, взяв нас обоих на мушку.

— Это оружие особой системы,— проинформировал мой первый сторож вновь прибывшего.— Полагаю, тебе знакома такая система. Я все время жму на курок, если только моя рука ослабнет, грянет выстрел. Так что на твоем месте я бы подождал начинать пальбу.

Тощий агент сглотнул, не говоря ни слова. Я не завидовал его положению, впрочем, как и своему. Его инструкции, вероятно, были так же просты, как и у моего первого приятеля. Взять меня живым, если возможно.

— И в какой команде играет этот сморчок? — поинтересовался я голосом, на пол-октавы выше, чем обычно.

— Русский агент.

Я снова глянул в зеркало.

— Чушь,— возразил я.— Какой же он русский? Это же официант из мексиканской забегаловки. За заказом пришел.

— Ты слишком много болтаешь, когда нервничаешь,— сквозь зубы процедил мой сторож.

Пистолет застыл в его руке, точно каменный.

— Ну что, ребята, похоже, тупичок,— сказал я обрадованно.— Не проиграть ли нам все сначала? Вы оба выходите...

— Заткнись.— Мой сторож облизнул губы.— Извини. Хотя, похоже...

— Похоже, ты не хочешь меня убивать,— выпалил я громко.

В зеркале я видел, как прикрытая дверь стала медленно открываться.

— Ты же запачкаешь свою курточку. Да и вообще совершишь непростительную ошибку. Каждая собака знает, что русские шпионы низкорослы, скуласты и ходят в шляпах.

Маргарита беззвучно пробралась в прихожую и с размаху грохнула тяжелой сумкой по голове тощего агента. Он пошатнулся и выстрелил в ковер, пистолет вывалился из руки, а мой напарник быстро подскочил к нему и огрел рукоятью по затылку. Затем повернулся ко мне и прошипел:

— Будь благоразумен,— и повернулся к Маргарите.

Пистолет он спрятал в карман, но я не сомневался, что он может мгновенно его выхватить.

— Вы молодец, мисс,— похвалил он.— Я позабочусь, чтобы его убрали из вашей квартиры. А мистер Легион и я как раз собирались уходить.

Маргарита вопросительно воззрилась на меня. В голове тут же промелькнуло два или три замечания, но ни одно из них не подходило к ситуации. Мне не хотелось втравливать ее в такое дело. Похоже, и мой фэбээровец с удовольствием оставит ее в покое, если я не стану выкидывать фокусов. С другой стороны, это был последний шанс выбраться из ловушки, прежде чем она захлопнется навсегда. Мой сторож не спускал с меня глаз.

— О'кей, милочка,— сказал я как можно более непринужденно.— Это всего лишь мистер Смит из посольства. Мы с ним старые друзья.

Я протиснулся мимо нее, направившись к двери, и уже взялся за ручку, когда позади раздался глухой удар. Я тут же развернулся и успел поддеть фэбээровца в челюсть коротким джабом. Маргарита стояла, широко раскрыв глаза.

— Твоя сумка прямо на все случаи жизни,— заметил я с благодарностью.— Неплохо сработано, Мэгги.

Я присел, расстегнул ремень на фэбээровце и связал ему руки за спиной. Маргарита все поняла без слов и проделала то же самое с другим, уже начавшим приходить в себя.

— Кто они? — спросила она.— Что...

— Позже расскажу. Сейчас мне надо быстро добраться до знакомых и поведать историю газетчикам, чтобы все это попало в новости на радио и телевидение. Тогда они поостерегутся прикончить меня втихую. А уж я позабочусь, чтобы об этом узнала каждая собака.

Я вынул из заднего кармана серебристый цилиндр.

— На всякий случай,— сказал я.— Пошли это мне, Джону Джонсу, Итценка, Главпочтамт, до востребования.

— Хорошо.— Маргарита кивнула.— Я принесла тебе одежду.

Она вышла в коридор и вернулась с пластиковым пакетом и картонкой, в которой лежал костюм, потом достала пачку купюр из сумочки и вручила мне.

Я обнял ее:

— Послушай, малышка, как только мы расстанемся, возвращайся в банк, сними со счета пятьдесят тысяч и покинь страну. Конечно, придраться не к чему, разве что ты оглушила парочку взломщиков, которых застала в квартире. Но все-таки лучше исчезнуть. Оставь свой адрес на почте в Базеле, в Швейцарии, и я свяжусь с тобой, когда смогу.

Она принялась было спорить, но я ничего не хотел слушать. Через двадцать минут я уже вышел на улицу чисто выбритый, аккуратно одетый, с пятью тысячами долларов в одном кармане и пистолетом в другом. Я неплохо поел, хорошо выспался, и против меня не смогли устоять тайные агенты нескольких держав.

Мне удалось добраться аж до самого угла дома, прежде чем меня сцапали.

Глава 12

— Ты слишком много потеряешь,— говорил генерал Смейл,— и ничего не приобретешь, если будешь продолжать упорствовать. Ты молод, энергичен и, думаю, умен. Ты располагаешь капиталом в миллион с чем-то, и, будь уверен, мы оставим его тебе. А отказываясь от сотрудничества, ты вынуждаешь нас относиться к тебе как к предателю и обращаться с тобой соответственно.

— Слушай, чем это вы меня все пичкаете? — спросил я.— Во рту как в помойке, и рука до локтя вся исколота. Вам неизвестно, что применение наркотиков — это незаконно?

— Национальная безопасность под угрозой,— отрезал Смейл.

— Насколько я понимаю, ваши методы не сработали, а то бы ты теперь не канючил.

— Ты нес чушь,— признал генерал.— Иногда даже на непонятном языке. Откуда ты появился, Легион? Кто ты?

— Тебе же все уже давным-давно известно,— заметил я.— Ты сам мне в этом признался. Я — парень по фамилии Легион, из городка Маунт-Стерлинг, штат Иллинойс, с населением в тысячу восемьсот девяносто два человека.

— Я гуманист, Легион. Но если понадобится, я выбью из тебя правду.

— Ты? — Я лениво ухмыльнулся.— Сомневаюсь. Скорее позовешь на помощь подручных баранов для грязной работенки. Единственное мое преступление заключается в тех знаниях, до которых так хотят добраться политики. И ради этого ты готов лгать, мошенничать, красть, пытать и даже убивать. Ты это прекрасно знаешь, впрочем, как и я. Так что давай не будем дурачить друг друга. Уж я-то знаю, чего ты стоишь как человек, мистер генерал.

Смейл побелел.

— Не забывай, что ты в моей власти. Ты просто мерзавец,— проскрипел он.— Я пока еще не прибегал к крайним мерам, учти это при размышлениях. Я солдат и знаю свой долг. Я готов отдать жизнь, а если понадобится, то пожертвовать честью. И мне плевать на твое мнение, если я могу добыть информацию, которую ты скрываешь от моего правительства.

— Дайте мне свободу и попросите по-хорошему. Насколько я знаю, ничего ценного для военных я сообщить не могу. Но если со мной будут обращаться как со свободным гражданином, я, может быть, и предоставлю вам возможность самим судить об этом.

— Скажи сейчас и будешь свободен.

— А, ну конечно,— отозвался я.— Я изобрел помесь ракеты с машиной времени, облетел всю Солнечную систему и несколько раз побывал в прошлом. А свободное от путешествий время я потратил на всякие изобретения. И вообще, я собираюсь запатентовать их, вот и не хочу раскрывать свои секреты раньше времени. Теперь я могу идти?

Смейл поднялся:

— Ты останешься в этой комнате до тех пор, пока мы не сможем обеспечить тебе безопасность передвижения. Это шестьдесят третий этаж небоскреба, окна здесь из небьющегося стекла, имей в виду. Насколько я знаю, из карманов у тебя конфисковали все. Правда, чисто теоретически ты можешь проделать одну вещь: проглотить язык и задохнуться. И еще: дверь бронирована и взломать ее невозможно.

— Да, забыл сказать тебе,— заметил я,— что мне удалось отправить письмо другу и сообщить все о тебе. Вот-вот появится шериф с постановлением на обыск.

— Никаких писем ты не отправлял,— отреагировал Смейл.— На всякий случай мы не оставили здесь мебели, чтобы ты не мог ее разбить. Тоскливо, конечно, провести свою жизнь в этой комнатушке, но если ты не согласишься с нами сотрудничать, останешься здесь навсегда.

Я молча сидел на полу и следил, как он покидает комнату. Когда он открыл дверь, я заметил двух охранников в коридоре. Хорошенькое дело: одиночество без уединения. Впрочем, я знал, что без присмотра меня не оставят.

Я растянулся на ковре, густом и мягком, вероятно, чтобы мне не удалось разбить себе голову назло им всем. Во всем теле чувствовалась усталость. Допросы под воздействием наркотиков не улучшают сон. Но я не особенно-то переживал. Несмотря на уверения Смейла, вечно держать меня здесь им все равно не удастся. Я надеялся, что Маргарита сумела оторваться от них и поведала историю газетчикам. Такого рода вещи не могут оставаться в тайне. Или могут?

Мои мысли вернулись к словам Смейла о том, что под действием наркотиков я нес чушь.

И тут меня осенило: должно быть, они просто добрались до информации о Валлоне. Ха, это же надо! Они допрашивали меня в том состоянии, в котором я ни словечка не понимал по-английски. Я улыбнулся, потом расхохотался. Пока удача не покидала меня.

Стекла в окнах были двойными, в вакуумных алюминиевых рамах, запечатанных пластиком для лучшей изоляции. Я провел пальцем по раме. Дюраль. Если бы у меня был какой-нибудь нож, я бы, вероятно, мог отогнуть раму по краю и ослабить стекло... если бы хоть было чем по нему ударить...

Смейл действительно постарался на славу, вынеся все из комнаты и подчистую обобрав меня. Я был в рубашке, брюках и ботинках без галстука и ремня. У меня еще оставался пустой кошелек, пачка с двумя помятыми сигаретами да коробка спичек. А вот тут Смейл промахнулся. Я мог, например, поджечь волосы и сгореть дотла. Я мог запихать в рот носок и подавиться или повеситься на ботиночных шнурках. Естественно, ничего такого я и не собирался делать.

Я еще раз поглядел в окно. С дверью связываться не стоит, да и охрана за ней только и ждет повода отыграться на мне. А вот

побега через окно они вряд ли ожидают. В конце концов, шестьдесят третий этаж, да и, собственно говоря, чего я добьюсь, выбравшись на подоконник? Но об этом потом. Вот только бы глотнуть свежего воздуха.

Мои пальцы натолкнулись на какой-то выступ. Я пригляделся. Это был винт, вмонтированный в поверхность дюраля. Неужели рама крепится на винтах? Да нет, он был единственным. Зачем же тогда он нужен? Ладно, выясню, когда отвинчу. Только придется ждать темноты. Смейл не оставил лампы в комнате, так что после захода солнца я смогу приняться за работу.

Прошла пара часов, но никто так и не нарушил моего одиночества, даже жратвы не принесли. Видать, решили морить меня голодом. А может, эта гвардия просто не привыкла быть тюремщиками и позабыла, что даже животных надо время от времени кормить.

Мне удалось отодрать от кошелька небольшой уголок из мягкого металла, всего один дюйм длиной, но я надеялся, что винт засел не слишком туго.

Впрочем, чего гадать, уже стемнело, и мне оставалось только попробовать. Я подошел к окну, воткнул в прорезь уголок и надавил, винт повернулся с изумившей меня легкостью. Я все крутил и крутил, поскольку резьба оказалась очень мелкой. Наконец винт выпал, и воздух засвистел, заполняя раму.

Я задумался. Если заполнить раму водой и заморозить ее... Да, такое еще надо умудриться проделать в тропиках, с таким же успехом можно было заполнить ее спиртом и поджечь.

Мысли вращались по кругу, и каждая начиналась со слова «если». Мне всякий раз требовалось что-то, чего у меня не было.

Я достал сигарету, закурил и, пока горела спичка, внимательно осмотрел дыру, из которой вынул винт. Три шестнадцатых дюйма в диаметре и дюйм в глубину, с крошечной дырочкой на дне. Хорошо отработанный старый метод: через дырку выкачивали воздух, а потом запечатывали ее винтом. У него было одно неоспоримое преимущество — легкость откачивания воздуха из рамы. Вот если бы накачать воздух внутрь...

Конечно, компрессора они мне здесь не оставили, однако у меня были кое-какие химикаты — головки спичек, они тоже старомодны, как и множество вещей в Перу.

Я сел на пол и принялся за работу, аккуратно сдирая серу на кусочек бумажки. От тридцати восьми спичек получилась довольно большая кучка. Я осторожно завернул все в бумагу, закрутил концы и затолкал ее в дыру от винта. Затем, используя уголок кошелька, обтесал резьбу на винте и принялся его закручивать, пока наконец не загнал до упора. Ботинки, которые купила Маргарита, были последним криком перуанской моды: с тонкими подошвами, острыми носами и большими каблуками. Неважнецкие для ходьбы, но в качестве молотка просто незаменимы. Я подумал, не стоит ли отодрать кусок ковра, чтобы прикрыть лицо, но решил не терять времени.

Сняв ботинок, я взвесил его на ладони. Гибкая подошва обеспечивала хороший, хлесткий удар. Правда, оставалась еще парочка «но», однако если как следует шарахнуть по винту, то можно вогнать его с достаточной силой, чтобы воспламенить серу. А расширяющийся объем газа должен взломать стекло.

Я распластался вдоль стены и изо всех сил шарахнул каблуком по винту. Раздался грохот, пахнуло жаром, и меня обдало ночным воздухом. Через мгновение я уже был на подоконнике, спиной к улице в шестистах футах от земли. Цепляясь руками за карниз над головой, я подтянулся, зацепился коленом, перехватил рукой следующий подоконник, выше, и, передохнув секунды три, выпрямился. Подо мной послышались крики:

— Черт!

— Этот идиот выбросился из окна!

— Где свет?

Я возносил хвалу архитектору, подчеркнувшему горизонтальные линии небоскреба и расположившему карнизы над окнами. Теперь, если парни не сразу догадаются посмотреть наверх, у меня есть шанс добраться до крыши. Я глянул вверх, чтобы определить, сколько же мне еще лезть, и конвульсивно вцепился еще крепче: мне показалось, будто само здание кренится и увлекает меня за собой.

Меня прошибла холодная испарина. Я стиснул карниз так, что затрещали суставы пальцев, и прижался щекой к грубой поверхности камня, прислушиваясь к стуку сердца. Я хотел позвать на помощь, но слова застряли в горле. Дыша прерывисто, как загнанная лошадь, я висел в пустоте, боясь повести глазами, шевельнуть ресницами, чтобы не свалиться. Я зажмурился, чувствуя, как пальцы немеют, немеют... и попытался снова крикнуть, но получился только неясный шепот.

Минутой раньше меня беспокоило только одно: как бы они не посмотрели наверх и не заметили меня. Теперь же меня пугало, что они не догадаются этого сделать.

Это был конец. Мне доводилось попадать в сложные переплеты, но не в такие, как этот. Я смогу удержаться минуту, может, две, а потом с ветерком спланирую вниз.

У меня в голове роились грандиозные планы, но с точки зрения мироздания я был ничтожней комара на оконном стекле. Мне казалось, что я чему-то научился, хоть чуть-чуть опередив свое время, и мог играть с успехом в бессмысленную войну за обладание богатством. Но моя философия растаяла как дым перед слепым инстинктом. Мой IQ был не меньше ста сорока восьми, но идиотское подсознание, буквально приклеившее меня к карнизу, ничему не научилось со времен той облезлой обезьяны, которая была в числе моих предков. Неожиданно я услышал чье-то поскуливание и понял, что эти звуки издаю я сам.

Кому-то внутри меня ситуация явно не нравилась.

Мой разум наконец собрался в кулак. Тело тратило последние силы на иллюзию безопасности, заставляя висеть на одном месте и совершенно парализуя меня. Эту тиранию мой мозг принять не мог. Первое — расслабить хватку.

Именно! Пусть даже это убьет меня. Расслабить мертвую хватку. Конечно, я могу упасть и разбиться, но неужели же этот кусок мяса собирается жить вечно? Ну так у меня есть для него свежая новость: жизнь коротка, как ни крути.

Я уже чувствовал себя более свободным, руки только упирались ладонями, ноги держали мой вес. Я стоял на широком карнизе, почти в фут шириной, а через минуту я перехвачу руками выше, подтянусь, встану, и так раз за разом, пока не доберусь до крыши. Ну а поскользнусь, так, по крайней мере, погибну, не сдавшись.

Ну конечно, чего беспокоиться, я в любом случае могу числить себя в покойниках. До крыши далеко, да наверняка там еще и какой-нибудь вычурный карниз, через который я не смогу перебраться. Но уж коли этот момент настанет и я начну свой долгий полет вниз, то во всяком случае хоть натяну нос этому старому хрычу — инстинкту.

Я передыхал под самой крышей и прислушивался к шуму, доносящемуся снизу. Кто-то высунулся и попытался разглядеть, что происходит наверху, но здесь было темно, да и все внимание

главным образом приковывала улица далеко внизу, где собралась толпа и метались лучи фонарей: подручные генерала разыскивали мои останки. Вскоре они сообразят, в чем дело. Так что пора двигаться.

Я бросил взгляд вверх и снова вцепился в поперечную балку, затем даже слегка отклонился от стены, чтоб показать инстинкту, кто здесь хозяин. Бордюр вокруг крыши выступал довольно далеко, мне придется преодолеть его с одной попытки. Страховки не было, и я помнил об этом. Я с трудом отодрал одну руку, вдохнул, слегка присел, отпустил вторую и резко выпрямился, изгибаясь назад в прыжке...

Пальцы задели край, скользнули и впились в бордюр, удерживая вес качнувшегося тела, ветер с крыши пахнул мне в лицо. Я болтался над пропастью, как тряпичная кукла.

Надо было со всей силы подтянуться, перекинуть себя через край, но я устал, вымотался.

Откуда-то из тьмы донесся шепот на странном языке: смесь непонятных символов, чьих-то мыслей пронизывала мой мозг, и сквозь все это инстинкт подсказывал мне:

«Усиль кровообращение во вторичной сосудистой системе, переведи полную проводимость на нейроканал ипсилон. Теперь, извлекая ионы кислорода из массы жировых клеток, направь электрохимическую энергию в мускулы...»

Я с легкостью акробата перемахнул через барьер и повалился навзничь на чудесную поверхность крыши, все еще теплую после дневного жара.

Надо мной мерцали звезды. Позже, когда у меня будет время, я остановлюсь и подумаю, что же все-таки произошло. А сейчас надо двигаться, надо спешить, пока они не организовались, не окружили небоскреб и не принялись обыскивать его этаж за этажом.

Пошатываясь от усталости, я поднялся и побрел к надстройке, в которой прятался механизм лифта. Дверь была заперта. Я не стал тратить время и вышибать ее, а просто встал ногой на ручку и попрыгал. Она отвалилась. Пальцем я протолкнул стержень внутрь и подергал механизм замка. Дверь открылась.

Короткая лестница привела меня в кладовую, заставленную бидонами с краской, заваленную разным инструментом. Я подобрал двухметровую доску, молоток с отбитым носиком и вышел на площадку. Улица была где-то далеко внизу, и мне не

особенно хотелось тащиться по лестнице. Я отыскал дверку лифта, нажал кнопку вызова и в ожидании принялся насвистывать. Откуда-то возник толстяк в мешковатом костюме, с отвращением оглядел меня, хотел было заметить, что слесарям следует пользоваться грузовым лифтом, да передумал и промолчал.

Лифт прибыл. Толстяк последовал за мной и нажал кнопку первого этажа, я кивнул и улыбнулся, продолжая насвистывать.

Наконец лифт остановился, двери открылись. Я подождал, когда выйдет толстяк, и, покрепче сжимая молоток, последовал за ним. На улице перед входом мелькало множество огней. Где-то вдали завывала сирена. Ни одна душа в фойе не глянула в мою сторону. Я прошел к боковому выходу, выкинул доску за дверь, засунул молоток рукоятью за пояс брюк и шагнул на тротуар. Мимо двигался поток прохожих. Никто даже не обратил внимания на босоногого плотника — ведь это же Лима.

Я неторопливо двинулся прочь. Путь до Итценки был нелегок, но я собирался проделать его за неделю. Завтра мне придется подумать о дальнейших планах, а сейчас я просто наслаждался прогулкой. Человеку, который только что весьма успешно сыграл роль мухи, ничего не стоит стащить какую-то там пару ботинок.

Фостер отправился домой три года назад по местному времени, хотя на борту звездолета должно пройти всего несколько недель. Конечно, моя шлюпка была просто козявкой по сравнению с таким колоссальным кораблем, но уж скорости-то ей не занимать. Как только я окажусь на борту, может, мне удастся оторваться от преследователей.

Чтобы спрятать шлюпку, я использовал самый лучший известный мне камуфляж. Полудикие носильщики, помогавшие мне разгружать шлюпку, не относились к разряду болтунов, и уж если ребятишки генерала Смейла услышали о ней, то оказались на удивление скрытными. Впрочем, поживем — увидим. В этом уравнении было еще несколько разных «если», но я все лучше и лучше начинал разбираться в математических правилах.

Глава 13

На всякий случай я решил подобраться к шлюпке глубокой ночью, но мне, как видно, не стоило беспокоиться. Если не считать прогнивших камуфляжных сетей, корабль был в полном

порядке. Почему команде Смейла не удалось его обнаружить, я не знаю.

Подумаю об этом попозже на досуге, когда окажусь подальше от Земли.

Мне долго пришлось добираться от Лимы до каньона, где была спрятана шлюпка, но весь свой путь я проделал без помех. Я обменял свое платиновое кольцо на видавший виды «смитт-вессон» тридцать восьмого калибра, но мне так и не пришлось им воспользоваться.

В захудалом деревенском баре, куда я зашел перекусить, горланило радио, но в новостях не было сказано ни слова ни о нападении на остров, ни о моем бегстве. Похоже, участники событий решили просто замять это дело, словно ничего и не произошло.

Я заглянул на почту в Итценке и забрал пакет с матрицей памяти. Пока я проверял, действительно ли внутри серебристый цилиндр, или, может, подручные дядюшки Сэма уже успели перехватить его да подменить морковкой, что-то потерлось мне о ногу. Я увидел серо-белую кошечку, довольно чистую и, очевидно, голодную. Даже не знаю, то ли я пересек поле дикой валерианы по дороге сюда, то ли ей понравилась моя манера чесать ее за ухом, но кошка последовала за мной вплоть до шлюпки и первой взобралась на борт.

Мне не пришлось тратить время на формальности. В свое время я почерпнул сведения о том, как управлять шлюпкой. Поэтому, оказавшись на борту, тут же стартовал и рванул через атмосферу. Думаю, многие дежурящие у радаров, от Вашингтона до Москвы, инстинктивно нажали тревожную кнопку.

Не знаю, сколько недель или месяцев мне придется провести на борту шлюпки. Безусловно, времени хватит, чтобы исследовать ее как следует, пройтись по воспоминаниям о Земле и Валлоне и разработать планы на будущее. Но сейчас мне хотелось прежде всего насладиться удивительным зрелищем удаляющейся Земли.

Я плюхнулся в кресло и щелчком включил экран, рассматривая появившееся изображение голубого шара моей родной планеты. Я надеялся взглянуть в последний раз и на свой остров, но не смог: все полушарие было окутано дырчатым облачным покрывалом. Зато Луна! Она была похожа на головку эдамского сыра, кое-где расцвеченную отметинами рокфоровской плесе-

ни. С четверть часа я не отрываясь наблюдал, как она растет на экране. Вскоре мы приблизились к ней даже слишком, меня это не устраивало. Я сбросил кошечку на пол и подкрутил верньеры. Спутник промчался мимо, на мгновение в поле зрения попались кратеры, образовывавшие очертания лица, которое недовольно скривилось и пропало. Затем и Земля, и Луна уменьшились и исчезли навсегда.

Шлюпка была превосходно оснащена и весьма комфортабельна. Высаживаясь в каньоне, я только слегка ознакомился с ее оборудованием, теперь же прошел от носа до кормы, ознакомившись со всем остальным. Потом понежился в ванне из рециклированной воды, вытерся одноразовыми ароматизированными полотенцами, накормил кошку и себя самого и улегся спать на целых две недели.

К третьей неделе я проснулся свежим и полным сил. Шрамы от стычек с представителями закона зажили, и я перестал сожалеть об игрушках, которые оставил на острове, о своих деньгах в банках Лимы и Швейцарии и даже о Маргарите. Как-никак меня ждал новый мир.

Кошка была настоящим подарком судьбы. Я окрестил ее Итценкой, в честь деревни, где она ко мне присоединилась, и был способен болтать с ней часами. Уж я-то всегда чувствовал тонкую разницу между беседой с самим собой или с кем-то другим. Разговаривать с самим собой надоедает уже через неделю, а вот с другим можно болтать до бесконечности.

— Слушай, Итц,— спросил я,— а куда лучше приткнуть твой ящик с песком, может, прямо перед экраном? С тех пор как мы покинули Солнечную систему, движение не очень-то интенсивно.

— Ну уж нет,— ответила Итценка, дернув хвостом, и ткнулась носом в контейнер, который я еще не успел разгрузить на Земле.

Я вытащил из него картонку со всяким барахлом и пристроил на ее место ящик с песком. Итценка тут же потеряла всякий интерес к ящику и прыгнула в картонку, которая повалилась с сиденья, рассыпав куски каффа и металла.

— Иди-ка сюда, негодная,— сказал я,— и помоги все собрать.

Итц прыгнула вслед за укатившимся серебристым предметом, но я опередил ее и подхватил его. Шуточки закончились, цилиндр был чьей-то матрицей памяти.

Я уселся в кресло и принялся взволнованно рассматривать его.

— Хм, откуда это, черт возьми, взялось, как ты думаешь?

Итц прыгнула ко мне на колени и ткнулась носом в цилиндр. Я мучительно пытался вспомнить те дни три года назад, когда загружал шлюпку перед возвращением на Землю.

— Слушай, Итц. Самое время разложить все по полочкам. Вот, смотри: в той комнатушке, в которой мы нашли скелет, была целая стойка с цилиндрами. Ага, помню, я вытащил его из рекордера, а это значит, им воспользовались, но еще не успели цветокодировать. Я показал его Фостеру, а тот, не зная, что я вынул его из машины, решил, будто он пустой. Готов держать пари, что кто-то, записав память, куда-то живо слинял в спешке и не успел закодировать матрицу.

А с другой стороны, может, этот цилиндр действительно пуст. Его только вставили, а воспользоваться не успели... Одну минуточку, Фостер что-то такое говорил... Когда он только пробудился и увидел вокруг себя свеженькие трупы... ага, он подобрал раненого, оказал ему помощь, а для валлонца это автоматически значит полную запись памяти... Ты соображаешь, что я держу в руке, Итц?

Кошка глянула на меня вопрошающе.

— Вот все, что осталось от парня, которого похоронил Фостер. Аммерлин, кажется, так его звали. Содержимое этого цилиндра находилось в черепе древнего грешника. Так что парень хоть и помер, да не совсем. Готов поспорить, что его семейка хорошо заплатит за эту матрицу да еще будет мне бесконечно благодарна. Это может оказаться неплохим козырем на случай, если мне придется туго на Валлоне.

Я поднялся и прошел в спальню, Итц следовала по пятам. Я бросил цилиндр в ящик тумбочки, рядом с матрицей Фостера.

— Хотел бы я знать, как все-таки Фостер умудряется обходиться без воспоминаний о своем прошлом, Итц? Он заявил, что эта матрица — всего лишь копия оригинала, хранящегося в Окк-Хамилоте. Но в информации, которую я приобрел, не упоминается о копиях. Да, он, должно быть, важная шишка, если получает такие сведения.

Тут мой взгляд привлекли метки на матрице Фостера. Дьявольщина! Это же императорские цвета! Я рухнул на постель.

— Итценка, старушка, похоже, мы с тобой войдем в валлонское общество самого высокого уровня. Да мне же теперь любой валлонский аристократ — кореш.

Последующие дни я вновь и вновь пытался связаться с Фостером по коммуникатору, но безуспешно. Я гадал, как мне удастся отыскать его среди миллионов валлонцев. Лучшим способом мне представлялось сначала прижиться на планете и только потом начать расспросы.

Придется осторожничать, разыгрывая роль валлонца, вернувшегося из столетнего путешествия,— это подозрений не вызовет,— пока я наконец не освоюсь и исподволь не начну свои розыски. По запечатлевшейся в моей памяти информации о Валлоне это было не слишком сложно. Как и мое родное правительство, валлонцы наверняка не жалуют нелегальных эмигрантов. Так что самые интересные моменты моей биографии мне придется придержать при себе.

И конечно же, мне понадобится новое имя. Я отверг несколько вариантов и остановился на Дргон, хотя от такого имечка можно было запросто свихнуть челюсть. Впрочем, как и от любого другого валлонского слова.

Я перемерил стандартный гардероб — неизменную принадлежность спасательных шлюпок. Там было все, включая тяжелую меховую одежду, пригодную для прогулок по холодным мирам, и одноместный пузырь-кондиционер для планет вроде Венеры. Нашлись также и одеяния, очень напоминавшие древнегреческие. Они были последним криком моды на Валлоне, когда Фостер пустился в свое путешествие. Я отобрал одно, не слишком яркое, и занялся подгонкой. Мне вовсе не хотелось привлекать ненужное внимание плохо сидящей одеждой.

Итценка с интересом наблюдала за мной.

— А вот что мне делать с тобой на Валлоне? — спросил я.— Единственная кошка на всей планете. Тебе придется смириться с иггрфнм в качестве приятеля,— сказал я, напряженно припоминая подходящего представителя валлонской фауны.— Они примерно твоего размера, правда, похитрее.

Я покончил со своей туникой, порылся в коробке и вытащил лист каффита — сплава такой же прочности, что и кафф, но более податливого в обработке.

— Не волнуйся,— заверил я Итц,— и для тебя найдется одежонка. Я сейчас состряпаю тебе что-нибудь эдакое, такая красотка будешь!

Я разложил лист и инструменты на столе, потом, отрезав дюймовую полосу каффита, согнул ее в круг и приспособил застежку. Весь вечер я провел, вырезая на получившемся ошейнике имя «Итценка» со множеством валлонских закорючек, а потом надел его на шею кошке. Причем Итц ничуть не возражала.

— Ну вот, теперь мы с тобой даже больше валлонцы, чем сами валлонцы.

Итценка согласно мурлыкнула.

Мы перешли в наблюдательную рубку. Незнакомые яркие звезды сияли вдали.

— До конца путешествия уже совсем недолго,— бросил я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Зажужжал сигнал оповещения. Я следил, как на экране растет изображение большой зеленой планеты, с одного края окаймленной белизной, а с другого залитой прохладным сиянием, отраженным от второй голубой планеты. Путешествие подходило к концу, и моя уверенность в себе стала заметно убывать. Через несколько минут я войду в незнакомый мир, надеясь отыскать старину Фостера и поглазеть на диковинки. Конечно же, заграничного паспорта у меня не было, но волноваться по этому поводу не стоило. В конце концов, мне стоит лишь позволить моему валлонскому «я» взять верх, и я начну болтать на их языке. И еще...

Постепенно Валлон заполнил весь экран. Туманные серо-зеленые равнины, мерцающие в свете напарницы-планеты Синты. Я настроил автопилот на Окк-Хамилот, столицу Валлона, где, по моим предположениям, и должен был окопаться Фостер.

Прямо подо мной расстилались целые кварталы прямых голубых улиц. Никто с поверхности планеты со мной не контактировал. Впрочем, это было нормально, шлюпка на автопилоте может управиться и сама.

Я еще раз пробежался по своей легенде: я — Дргон, гражданин Двумирья, возвращаюсь из длительного путешествия и нуждаюсь в самой свежей информации, накопившейся за время моего отсутствия. Мне также необходимо какое-то жилье. Мой костюм был безупречен, владение языком слегка пострадало от долгого бездействия, а в таможенную декларацию я мог внести только туземный костюм из порта моего последнего захода, архаичное оружие оттуда же да зверушку, к которой я привязался.

Я уже мог ясно различить посадочную площадку, она быстро приближалась. Затем последовал легкий толчок. И тишина. Шлюз открылся, я встал в проеме и осмотрел город, раскинувшийся до самых холмов. Я глубоко втянул в себя воздух, пропитанный давно забытым ароматом, и валлонская половина моего «я» радостно встрепенулась.

Я начал было собирать свои вещи, но потом решил подождать, пока не встречусь с кем-нибудь. Я свистнул Итценке, и мы сошли на площадку. Бегло осмотрев космопорт, я обратил внимание на несколько кораблей и шлюпок на посадочных площадках. Но вокруг не было ни одного живого существа, да и вид всей этой техники оставлял впечатление какой-то странной заброшенности.

Мы миновали светящуюся арку, от которой дальше, изгибаясь, шла дорога к городу, террасам и далеким огням. И нигде ни одной живой души. В свете Синты передо мной предстали призрачные видения садов и подвесных дорог, а когда я достиг террас, то увидел широкие улицы. И все та же безлюдность. Я остановился возле стены из полированного мрамора и задумался. Было около полуночи, а ночи на Валлоне длились по двадцать восемь часов, так что город никак не мог быть пустынным. Это же все-таки столица. В нее постоянно должны прибывать торговые суда, частные яхты, но, как видно, не сегодня.

Мы с Итценкой миновали террасу и, пройдя сквозь открытую арку, попали в бар. Низкие столики и мягкие ложа пустовали, озаряемые розовым светом потолочных панелей. На удивление четко было слышно шуршание моих шлепанцев по полированному полу.

Я остановился и прислушался. Мертвая тишина. Даже комарик не прожужжит, с ними, как видно, тут уже давно разделались. Потолок продолжал зазывно сиять, столики ждали. Интересно, и сколько же они уже ждут?

Я присел за один из них и погрузился в размышления. Я выстроил множество планов, но ни в одном из них не учитывался опустевший космопорт. Ну как я могу отыскать Фостера, если даже некого расспросить?

Я прошел через бар и оказался на лужайке. Высокие деревья, напоминающие кипарисы, черной стеной выстроились над бассейном. Вдали виднелись башни, сверкающие разноцветными огнями. Поблизости проходило широкое шоссе, петляющее

между фонтанами и тянущееся до самых далеких холмов. В сотне ярдов от меня у обочины была припаркована машина. Я направился к ней.

Это был двухместный аэрокар с мягкой обивкой и с фиолетовыми металлическими аппликациями на ярком хроме. Я уселся на сиденье, и Итценка тут же пристроилась рядом. Я внимательно осмотрел приборную доску. Управление было простое: один штурвал. Я попробовал его покачать, на доске зажглись огоньки, машина вздрогнула, поднялась на несколько дюймов и медленно поплыла в сторону наискосок. Я повернул штурвал, покрутил ручки, потыкал клавиши. Аэрокар неожиданно выровнялся и ускорил движение по направлению к башням. Я чувствовал себя несколько неуютно, руль и пара педалей устроили бы меня больше. Но, по крайней мере, это куда лучше, чем топать пешком.

Два часа мы кружили по городу, но так никого и не встретили. Насколько мне подсказывала моя валлонская память, планировка ничуть не изменилась, все оставалось прежним, если не считать полного отсутствия представителей местного населения. Парки и бульвары были ухожены, фонтаны и бассейны сверкали голубоватым сиянием, огни светились — и никакого движения. Автоматические пылесборщики и фильтры будут служить вечно, сохраняя все в чистоте, но оценить это просто некому. Я затормозил и сидел, созерцая игру разноцветных огней на искусственном водопаде. Может, удастся найти что-нибудь в одном из зданий? Я вылез из аэрокара и двинулся наугад к высокому зданию из розового кристалла. Войдя внутрь, я оказался в огромном гроте, полном розоватого сияния, и слышал лишь собственное дыхание да урчание Итценки. Больше здесь ничего не было. Я прошел по коридору, заглядывая в пустые комнаты. Все выдержано в традиционном стиле: стены из плит полудрагоценного камня, парчовые занавеси, ковры словно лужи огня. В одной комнате я прихватил плащ и накинул на плечи, поскольку весьма ощутимо продрог, блуждая по городу среди призраков прошлого. Затем мы поднялись по широкой винтовой лестнице, но всюду находили только опустевшие комнаты. Куда же пропали все их обитатели?

Я обнаружил музыкальный инструмент, похожий на кларнет, и взял несколько нот. По опустевшему коридору замета-

лось эхо, прозвучавшее печально и одиноко. Я вышел на балкон, нависающий прямо над садом, облокотился на балюстраду и уставился на яркий диск Синты. Он казался огромным, раза в четыре больше земной Луны.

— Стоило ли так далеко забираться, чтобы ничего не найти,— пожаловался я Итценке.

Она потерлась о мою ногу и утешительно вильнула хвостом. Но мне это не помогло. После долгого полета и напряженного ожидания, столкнувшись с такой действительностью, я ощутил себя опустошенным, как молчаливые залы здания.

Я присел на балюстраду, прислонившись спиной к стене, поднес к губам кларнет, принялся наигрывать мелодию и вновь испытал острый приступ ностальгии по миру, которого не знал... Я закончил и вздрогнул от постороннего звука. Из тени ко мне приближались четверо в серых плащах.

Я выронил кларнет, соскочил с балюстрады и, попытавшись попятиться, уперся в нее спиной. Четверка разомкнулась, предводитель покрутил в руках короткую дубинку и произнес какую-то тарабарщину. Я мигнул и попытался ответить подобием остроты.

Он щелкнул пальцами, и двое других придвинулись ко мне, собираясь взять под локотки. Я невольно принял боксерскую стойку, занеся кулак, но потом расслабился. В конце концов, я был всего лишь туристом по имени Дргон. Но, к сожалению, прежде чем я успел опустить руку, предводитель шарахнул меня дубинкой по затылку. Я невольно вскрикнул от боли, и в тот же момент меня скрутили. Рука онемела, я попытался пнуть одного из них своим шлепанцем, но тут же пожалел об этом: под плащами у них были бронежилеты. Предводитель что-то буркнул и показал на кошку.

Наконец я взял себя в руки, расслабился и постарался дать волю своему валлонскому «я». Вслушиваясь в ритм языка, а это был хоть и искаженный, но все-таки валлонский язык, я постепенно начинал кое-что понимать:

— ...музыкант, должно быть, станет доменьером,— сказал один из них.

Общий смех.

— Ты кому служишь, дудочник? Какие у тебя цвета?

Я, старательно вывихивая челюсть, попытался примериться к их варварскому наречию. И так как оно не отличалось от того языка, который помнило мое второе «я», кое-что мне все-таки удалось.

— Я... гражданин Валлона,— с трудом выдавил я.

— Пес бесхозного ренегата? — Предводитель примерился ударить меня дубинкой.— Что у тебя за идиотский диалект?

— Я... вернулся... из далекого путешествия...— с запинками выдавил я.— Прошу... информацию... где жить.

— Ну уж где жить, мы тебе найдем,— заверил предводитель.— В бараках Рат-Гальона.

Он махнул рукой, и вокруг моих запястий защелкнулись наручники.

Предводитель повернулся и пошел прочь, меня потащили за ним. Через плечо я успел заметить, как исчез за балюстрадой хвост Итценки. Снаружи на лужайке нас поджидал длинный серый аэрокар. Они швырнули меня на заднее сиденье и уселись сами. Последний взгляд на башни Окк-Хамилота, и мы понеслись над вершинами холмов.

Плащ я потерял и теперь дрожал на холодном ветру. Конечно, я попытался прислушаться к разговорам, но от них мне легче не стало. Наручники беспрестанно позвякивали, и я понял, что эта музыка будет сопровождать меня еще очень долго. Я примчался сюда с идеалистической надеждой найти себе место в здешнем обществе. И нашел его, уж в этом-то сомневаться не приходилось.

Я стал рабом.

Глава 14

Банкет в Рат-Гальоне был в самом разгаре. Я поспешно проглотил на кухне свою порцию супа и мысленно пробежался по мелодиям, которые мне предстояло исполнить. Я находился в домене всего несколько недель, но, как ни странно, успел стать любимым флейтистом доменьера Гопа. Если и дальше продолжать с таким же успехом, то я заполучу в свое полное распоряжение комнатушку в бараках для рабов.

Сайм — кондитер — подошел ко мне.

— Сыграй-ка нам что-нибудь веселенькое, Дргон,— попросил он.— Я награжу тебя мороженым.

— С удовольствием, любезный Сайм,— отозвался я.

Быстро дохлебав остатки супа, я вынул кларнет — из полудюжины опробованных мною инструментов он нравился мне больше всего.

— Что бы ты хотел услышать?

— Одну из тех мелодий, что ты привез издалека,— крикнул Кагу, старший охранник доменьера Гопа.

Я послушно отозвался «Полькой пивной бочки», и все принялись восторженно колотить по столу. А потом Сайм преподнес мне мороженое и стоял, с удовольствием наблюдая, как я его ем.

— Послушай, а почему бы тебе не занять место старшего музыканта, Дргон? — спросил Сайм немного погодя.— При твоих способностях ты этого олуха обставишь в два счета. Тогда ты обретешь статус свободного гражданина и сможешь сидеть с нами на кухне почти как равный с равными.

Я облизал пальцы и отставил плошку.

— Я был бы рад стать равным такому прекрасному кондитеру, как ты, любезный Сайм,— сказал я,— но что может сделать раб?

Сайм озадаченно поморгал:

— Ты можешь вызвать старшего музыканта на состязание. Мы же видим, что ты превосходишь его во всем. Так что можешь не бояться за исход поединка. Победа наверняка будет за тобой.

Он оглядел присутствующих:

— Разве не так?

— Это точно,— отозвался супных дел мастер.— А проиграешь, так я готов даже лечь под плетки за тебя.

— Погодите-погодите, я что-то не поспеваю за вашими мыслями,— озадаченно заговорил я.— Ну как я могу занять чужое место?

Сайм всплеснул руками:

— Ты, наверное, действительно слишком долго путешествовал, дудочник Дргон. Да ты что, не знаешь теперешних порядков? Можно даже подумать, будто ты какой-нибудь еретик с Синты.

— Я уже рассказывал вам, что в дни моей юности все люди были свободны и император правил в Окк-Хамилоте...

— Лучше не говори о таких вещах,— вполголоса предупредил меня Сайм.— Только доменьеры помнят о своих прежних

жизнях... Хотя, правда, и я слышал, что давным-давно каждый человек записывал воспоминания о своем прошлом и хранил их в безопасности. Но как ты нашел свою память, я не спрашиваю, и ты лучше молчи об этом. Доменьер Гоп ревнивый хозяин, хотя и самый благородный и щедрый лорд на свете,— добавил он поспешно, оглядывая столы.

— Ну что ж, тогда я не стану больше говорить об этом,— ответил я,— но мне действительно довелось много путешествовать, даже язык изменился, пока я отсутствовал. Посоветуй, что мне делать?

Сайм надул щеки.

— Прямо не знаю, с чего начать,— выдохнул он.— Все принадлежит доменьерам, впрочем, как и должно быть.— Он оглядел присутствующих в поисках подтверждения своим словам, и все поспешно закивали.— Люди без всякой профессии тоже являются собственностью доменьера, и это правильно, иначе они просто помрут с голоду. Если только на них не натолкнутся серые плащи.— Он сделал знак от сглаза и сплюнул. Его примеру последовали остальные.

— Владеющие мастерством относятся к свободным людям, фрименам, и зарабатывают согласно своим способностям. Вот я, например, старший кондитер доменьера Гопа, с квалификацией, соответствующей моему положению. И таким образом, здесь нет никого, кто мог бы сравниться со мной по таланту.— Он самодовольно оглядел присутствующих, не встречая возражений.— И так со всеми нами.

— А если кто-то покушается на занятое место,— вставил Кагу,— то должен пройти через состязание.

— И тогда,— продолжал Сайм, беспокойно теребя пальцами свой передник,— этот выскочка кондитер должен будет сразиться со мной в искусстве выпечки. В таком случае все здешние обитатели выступят в роли судей, и победитель станет старшим кондитером, а проигравшему достанется двенадцать ударов плеткой за дерзость.

— Но тебе бояться нечего, Дргон,— высказался Кагу,— положение старшего музыканта стоит от силы пяти ударов. Только гувернанты по своему положению ниже его среди фрименов. Да и вообще, чего бояться-то — ведь супных дел мастер вызвался принять твой проигрыш на себя.

За дверью загомонили, она распахнулась, и я, схватив свой кларнет, бросился за пажом. Доменьер Гоп терпеть не мог ждать. Пробираясь к свободному месту перед ломившимся от яств столом, я заметил, что доменьер уже поднялся от нетерпения. Слух противно резанула волынка старшего музыканта. Тощий, с вечным прищуром, он просто обожал гонять своих рабов-музыкантов. Он прыгал по кругу, с ожесточением давя на разноцветные мехи волынки. Я невольно поморщился от непрестанного завывания. Вот именно этот момент доменьер Гоп и выбрал, чтобы наконец обратить внимание на горе-исполнителя. Он подхватил тяжелую латунную кружку и замахнулся, чтобы запустить ею в старшего музыканта. Тот все-таки заметил движение доменьера и едва успел увернуться. Кружка врезалась в желтый с зелеными кисточками мех, и он лопнул с жалобным блеянием.

— Это блеяние ничуть не хуже твоей музыки! — проревел доменьер Гоп.— Сгинь, пока не призвал всех демонов с холмов.— И тут его взгляд упал на меня: — А вот и Дугон, или Диген! — воскликнул он.— Вот это настоящий музыкант. А ну-ка, сыграй нам что-нибудь веселенькое, Другон, или как тебя там, и разгони тоску, пока вино еще не совсем скисло от его паршивой музыки.

Я низко поклонился, облизнул губы и заиграл «Прыжок в час ночи»*. Судя по восторженному реву по окончании музыки, мое исполнение пришлось присутствующим по вкусу. Я вдохновенно исполнил «Коричневый кувшинчик» и «Жемчужное ожерелье». Гоп неистово заколотил кулаком по столу, и все наконец угомонились.

— Могу поклясться, это редчайший раб во всем Рат-Гальоне! — пробасил он на весь зал.— Не будь он рабом, я бы выпил за его здоровье!

— С вашего разрешения, доменьер? — произнес я.

Сначала Гоп уставился на меня, но потом благосклонно кивнул:

— Говори, Дугон, или как там тебя.

— Я претендую на место старшего музыканта. Я...

Крики заглушили мои слова. Гоп осклабился.

— Быть по сему! Будем голосовать сейчас или еще подвергнем себя пытке дикими воплями этого кретина, прежде чем объявим фримена Даргона старшим музыкантом?

---

* «One o'Clock Jump», композиция Каунта Бейси. *(Прим. ред.)*

— Объявить его! — выкрикнул кто-то.

— Вообще-то должно быть состязание,— раздался неуверенный голос.

Гоп хлопнул по столу.

— Тащите сюда Лилка, старшего музыканта,— заорал он во всю мочь,— с его дутыми пузырями!

Объявился старший музыкант, нервно теребивший меха.

— Место старшего музыканта объявляется вакантным,— громко объявил Гоп.

Лилка судорожно вздрогнул, сдавив мехи, волынка издала мышиный визг.

— Поскольку прежний старший музыкант переходит в новое качество,— продолжал Гоп. Волынка опять взвизгнула, заглушенная возгласами и одобрительными криками.— Да будут эти пузыри проткнуты! Я изгоняю их идиотский вой из Рат-Гальона навечно! Да будет всем известно, этот бывший старший музыкант теперь придворный шут в моих владениях! И пусть он носит дырявые пузыри как знак своего ремесла!

Эта тирада была встречена восторженным ревом всех присутствующих. На Лилку тут же набросились добровольцы, отобрали у него инструмент, продырявили и моментально умудрились напялить разодранную волынку на голову бывшего старшего музыканта. Я исполнил «Марци доутс», и бывший музыкант с опаской изобразил несколько па. Доменьер Гоп зашелся от хохота. Я перешел к «Янки дуддль», и новый придворный шут, ободренный успехом, принялся прыгать, корчить рожи, дергаться, ходить петухом, и все присутствующие веселились до упаду.

— Счастливый день для Рат-Гальона! — перекрикивая общий шум, проорал Гоп.— Клянусь рогами бога моря, я приобрел принца музыки и короля шутов! Я утверждаю их новое положение в десять ударов, и теперь оба имеют право сидеть за моим столом. Отныне и навсегда!

Мы с шутом исполнили еще три номера, а потом Гоп разрешил нам притулиться в дальнем конце стола. Слуга поставил перед нами полную тарелку еды.

— Хорошо сделано, фримен Дргон,— шепнул мне на ухо новоявленный шут.— Не забывай же нас, рабов, в лучах своей славы.

— Не беспокойся,— отозвался я, вдыхая аромат хорошо прожаренного бифштекса.— Уж на кухню-то к вам после захода Синты я всегда забегу чего-нибудь перекусить.

Я уже оглядел стены варварски изукрашенного зала совсем иными глазами. Нет ничего лучше, чем толика рабства, чтобы оценить даже неполную свободу. То, что я знал о Валлоне, было совершенно неприменимо в данной ситуации. Миновали столетия, которые радикально изменили этот мир, и отнюдь не к лучшему. Старое общество, в котором вырос Фостер, было мертво и похоронено навсегда. Когда-то роскошные дворцы и виллы заброшены, космопорты разрушались в забвении. Система матриц, описанная Фостером, утрачена. Я не знал, какой катаклизм мог погрузить центр галактической империи в сумерки феодализма, но именно это и произошло.

До сих пор я не нашел и следа Фостера. Мои расспросы натолкнулись на стену непонимания. Может, Фостер и не добрался до родного мира, а может, сел на другой половине планеты. Валлон был огромен, а сообщение между доменами почти отсутствовало. Я мог прожить здесь всю жизнь и так и не найти ответа.

Я припомнил свои собственные разочарования той ночи, в Окк-Хамилоте, когда все мои иллюзии лопнули, словно мыльный пузырь. Насколько же это все могло потрясти Фостера? Мы угодили в один и тот же переплет. В нынешней ситуации наши воспоминания о прежней цивилизации Валлона служили непрерывным источником горечи.

А матрица памяти Фостера, которую я привез в качестве подарка? Вот уж действительно хохма! И даже найди я Фостера, на всей планете наверняка не осталось ни одного рекордера.

И все же я не терял надежды отыскать своего друга, пусть даже это займет у меня...

Доменьер Гоп уже давно что-то фальшиво мурлыкал себе под нос. Я сразу сообразил, что к чему, и приготовил свой кларнет. Должность старшего музыканта, может, и не сплошной праздник, но, по крайней мере, я уже не был рабом. Мне предстояла долгая дорога наверх, но первый шаг по этой лестнице я уже сделал.

Мы ладили с доменьером Гопом. Он был проницательной старой лисой, ему нравилось иметь в своем распоряжении такого необычного музыканта. Он уже слышал от серых плащей — своеобразной местной полиции,— как я очутился в космопорту. Он довольно недвусмысленно намекнул мне, чтобы я не слишком-

то болтал о своих воспоминаниях насчет прежних времен Валлона. Эта тема была запретной. Неудивительно, что на мое появление в столице так быстро отреагировали серые плащи.

Гоп брал меня с собой повсюду, на аэрокаре, на машине, на речных баржах. Транспорта было много, но, несмотря на простоту управления, мало кто знал, как им пользоваться. Конечно, аэрокары были более удобны, поскольку для них не требовалось дорог, но Гоп предпочитал наземный транспорт. Я подозреваю, ему просто нравилось ощущение скорости, когда во весь дух несешься по дороге и ветер свистит в ушах.

Однажды днем, несколько месяцев спустя после моей победы над Лилком, я заглянул на кухню. Мне предстояло отправиться с доменьером Гопом и его обычной свитой в Бар-Пандерон, огромный домен в ста милях к северу от Рат-Гальона, на пути к Окк-Хамилоту. Сайм и прочие мои приятели угостили меня хорошим завтраком и предупредили, что дорога предстоит опасная, в тех местах обитали разбойники.

— Вот чего я не понимаю,— сказал я,— так это почему Гоп не установит парочку пулеметов на машину. Каждый раз, покидая домен, он же здорово рискует.

Все присутствовавшие буквально остолбенели.

— Даже изгои не могут помыслить отнять жизнь у человека, фримен Дргон,— выразил общее мнение Сайм.— Доменьеры устраивают совместные охоты на этих ренегатов, чтобы потом превратить их в рабов, но никто не унижает себя мыслью убить человека.

— Разбойники и сами знают, что в своей следующей жизни они могут стать фрименами или пусть даже рабами,— вставил старший виночерпий.— Ты должен знать, фримен Дргон, что когда член разбойничьей банды переживет трансформацию, его доставляют в домен, чтобы он мог найти свое место.

— А часто происходит эта трансформация? — поинтересовался я.

— Некоторые способны не изменяться три-четыре столетия. Но обычно без трансформации человек может прожить от восьмидесяти до ста лет.— Сайм на секунду задумался.— А иногда и меньше. Тяжелая жизнь, полная лишений, может состарить гораздо быстрее. Так, у моего кузена, который попал в Великую Каменистую пустыню и пробродил там три недели без воды и питья, период трансформации сократился на четырнадцать лет.

Когда его нашли, он был весь в морщинах, поседевший, что и предвещает трансформацию, а вскоре впал в кому, проспал целые сутки и очнулся молодым и ничего не помнящим.

— И ты ему не сказал, кем он был?

— Не-а.— Сайм понизил голос.— Хоть ты и по праву считаешься любимчиком доменьера Гопа, помни: есть вещи, о которых лучше не говорить.

— После трансформации новичок выбирает себе новое имя и пытается постигнуть какое-нибудь ремесло,— вставил мясник.— В зависимости от способностей окружающие могут оценить его, например, выше, как это произошло с тобой, фримен Дргон.

— А разве у вас нет рекодеров памяти? — продолжал настаивать я.— Или информационных штырей — такие черные палочки, касаешься головы и...

Сайм описал рукой полукруг:

— Мне приходилось слышать об этих прутьях. Запрещенные предметы культа черной магии.

— Чепуха,— перебил я.— Ты сам-то случайно не веришь в магию, Сайм? Эти штыри не что иное, как изобретения, служившие вашим собственным предкам. И как вы умудрились потерять всякое знание истории своего народа...

Сайм всплеснул руками:

— Фримен Дргон, не задавай больше таких вопросов. На подобные темы запрещено разговаривать.

— Ну, хорошо, парни, я, наверное, чересчур любопытен.

Я вышел во двор, забрался в машину и принялся ждать доменьера Гопа. Пытаться узнать что-либо об истории Валлона — то же, что расспрашивать эскимосов об их переселении из Азии. Никто ничего не знает и знать не желает.

Правда, я пришел кое к каким заключениям. Если предположить, что какой-то общественный катаклизм нарушил систему воспроизведения памяти, которая способствовала сохранению преемственности культуры, становится ясно, почему валлонское общество постепенно деградировало.

Скучившиеся по доменам люди, избегавшие городов как очагов чумы, ничего не знали о космических полетах и прежней истории. Подобно Сайму, у них даже не было желания говорить на эту тему.

Конечно, мое расследование могло сдвинуться с мертвой точки, но только где-нибудь в большом домене типа Бар-Пандерона, и я с нетерпением ожидал сегодняшнего путешествия. Рат-Гальон был маленьким, нищим доменом, занимавшим всего лишь двадцать квадратных миль и объединявшим с полдюжины деревень. В смысле возможностей это был полнейший тупик.

Во двор вышел Гоп в сопровождении Кагу, еще двух охранников и четырех танцовщиц, следом тащили огромную корзину с подарками. Все заняли свои места, водитель запустил двигатель и вывел тяжелый грузовик на шоссе. Мое сердце учащенно забилось. Может, в Бар-Пандероне мне удастся обнаружить хотя бы следы Фостера.

Мы мчались на скорости пятьдесят миль в час по извилистой горной дороге, я сидел рядом с водителем и, поигрывая на кларнете, смотрел вперед. Водитель вел машину, словно подвыпившая девица,— быстро, но слишком нервно. Вообще-то это была не его вина: Гоп постоянно его подстегивал. Я мысленно благодарил конструкторов за встроенный ограничитель скорости. По крайней мере, нам не грозила опасность слететь в пропасть с полотна дороги.

Визжа шинами, мы обогнули поворот и неожиданно впереди в четверти мили от нас увидели поставленный на дороге автомобиль. Водитель инстинктивно нажал на тормоза.

— Разбойники! Не снижай скорости! — завопил сзади Гоп.

— Но... но... доменьер Гоп...

— Не бойся врезаться в них,— оборвал его Гоп.— Только не тормози!

Танцовщицы сзади перепуганно взвизгнули. Разбойники живой стеной перегородили дорогу. Водитель закатил глаза и чуть было не выехал на обочину, но потом стиснул зубы и, отключив антиаварийный контроль, выжал скорость до предела. Я со страхом наблюдал, как мы неслись на машину, перегородившую нам дорогу, а потом неожиданно, стряхнув с себя оцепенение, потянулся к приборному щитку. Однако водитель не уступал, застыв от ужаса. Я откинулся и с силой врезал ему по челюсти. Он скорчился в углу с разинутым ртом и закрытыми глазами. Я отключил ограничитель и повел машину с дороги. С моего места управлять было неудобно, но это было лучше, чем врезаться во что-нибудь на скорости в девяносто миль.

Машина впереди не двигалась, до нее оставалось сто ярдов, пятьдесят, и в этот момент я резко свернул прямо к склону горы. Водитель блокировавшей дорогу машины тут же сориентиро-

вался, перекрывая мне проезд. Я моментально переложил штурвал влево, пронесся в дюйме от заднего бампера чужой машины, на мгновение зависнув над пропастью одним колесом, и снова выехал на шоссе.

— Молодец! — выкрикнул Кагу.

— Они нас преследуют! — перекрыл его голос Гопа.— Наемные убийцы! Бесхозные свиньи!

Водитель наконец открыл глаза.

— Перебирайся на мое место! — рявкнул я.

Он что-то промямлил и полез, цепляясь за спинки кресел. А я быстро скользнул за штурвал, не отпуская рычага скорости. Впереди виднелся поворот. Я бросил взгляд в зеркало заднего вида. Бандиты разворачивались для погони.

— Жми! — скомандовал Гоп.— До Бар-Пандерона не больше пяти миль!

— Они нас могут догнать? — спросил я через плечо.

— В два счета,— бодро откликнулся Кагу.

— А какая впереди дорога?

— Отличная. Начиная от подножия горы прямая как стрела,— отозвался Гоп.

Мы прошли следующий поворот. Все как он и говорил, только впереди была еще и боковая дорога.

— А эта куда ведет? — спросил я у водителя.

— Тоже в Бар-Пандерон,— выдохнул он,— только она длиннее.

Я по спидометру прикинул скорость, слегка притормозил и резко свернул. С натужным воем машина влетела по крутому склону в пространство между холмами.

— Что за идиотизм! — заорал Гоп.— Ты что, в сговоре с этими негодяями?

— На шоссе у нас нет шансов,— прокричал я, перекидывая руль из стороны в сторону, чтобы вписаться в резкие повороты дороги. Мимо мелькали величественные скалы и травянистые пологие склоны, но у меня не было времени восхищаться ими. Танцовщицы на заднем сиденье повизгивали от страха и возбужденно переговаривались. Краем глаза я заметил, что наши преследователи тоже повернули на проселок.

— Они могут перехватить нас где-нибудь впереди? — крикнул я.

— Навряд ли, если только у них нет подмоги,— отозвался Гоп, наклонившись к моему плечу.— Но эти изгои работают в одиночку.

Я то притормаживал, то жал на акселератор, вертел рулевое колесо. Мы сворачивали то влево, то вправо, взбираясь все выше и выше, а потом ухнули вниз по крутому склону и опять вылетели наверх. Я быстро, оценивая, окинул взглядом дорогу впереди. Машина бандитов следовала всего в нескольких сотнях ярдов позади, а нам предстояло проехать вдоль подножия горы, сквозь туннель, а потом снова обогнуть крутой выступ следующей горы.

— Как только въедем в туннель, бросьте в них чем-нибудь,— крикнул я против ветра.— Чем угодно.

— Мой плащ! — рявкнул Гоп.— Корзину с подарками!

Кто-то сзади застонал в отчаянии, ему принялись вторить танцовщицы.

— Молчать! — прогремел Гоп.— А ну, помогите, а не то, клянусь бородой морского дьявола, я покидаю вас вместе с корзиной и всем остальным!

С оглушительным ревом мы влетели в отверстие туннеля и понеслись с такой скоростью, что вокруг все завибрировало. Гоп и Кагу подняли тяжелую корзину с подарками и перевалили ее через борт. За ней последовали плащ, опустевший кувшин из-под вина, сандалии, браслеты, фрукты... Потом нас снова ослепило солнце, и машину занесло на очередном повороте. В зеркале заднего вида я видел преследовавших нас бандитов. Черно-желтый плащ Гопа облепил радиатор их машины, остатки корзины болтались под днищем. Автомобиль качнуло на ухабе, и уголок плаща откинулся, позволив водителю взглянуть на дорогу.

— Не везет,— сказал я.— Дорога впереди прямая, и мне ничего не приходит в голову.

Бандиты нас нагоняли. Я выжал рукоять скорости до предела, но их автомобиль был быстрее. Нас разделяло всего сто ярдов, потом пятьдесят, и вот уже они начали обходить нас сбоку... Я слегка сбросил скорость, позволив им чуть-чуть продвинуться вперед, а потом резко бросил грузовик прямо на них. Машины столкнулись, и я едва справился с рулем. Бандиты снова начали нас нагонять, бортом к борту мы мчались со скоростью девяносто миль в час по крутому склону...

Я нажал на тормоз, резко повернул влево, задним бампером успел задеть его колесо и сдал назад. Водитель попытался затормозить, и это было его ошибкой. Их автомобиль потерял управление и заскользил по склону. Он медленно скользил, становясь на нос в облаке пыли. Корзина отлетела прочь, плащ затрепетал и тоже исчез. На какое-то мгновение автомобиль бандитов завис в воздухе, а потом рухнул вверх колесами, перевалившись через край дороги. Мы же понеслись дальше, вниз по склону и опять вверх, на поросшую лесом равнину, к видневшимся впереди башням Бар-Пандерона.

Сзади грянул дружный хор голосов, доменьер Гоп наклонился ко мне и принялся хлопать по спине.

— Клянусь девятиглазым дьяволом холмов! — прогудел он.— Превосходный маневр! Принц музыкантов еще и принц водителей! В эту ночь будешь сидеть вместе со мной за столом в Бар-Пандероне. В чине Стоударного старшего водителя. Мое слово!

— По сравнению с поворотом по внешнему ряду на оживленном шоссе в семнадцать тридцать по пятницам это просто сущая безделица,— небрежно бросил я.

Я повис на штурвале и попытался перевести дыхание. Было чистейшим идиотизмом состязаться со скоростной машиной, но мой маневр сработал, а заодно я продвинулся еще выше по служебной лестнице. Жизнь складывалась не так уж и плохо.

— И пусть никто не заикается об убийстве,— продолжил Гоп.— Я не потерплю, чтобы столь искусного водителя и музыканта замуровали заживо! Накладываю на всех обязательство молчать обо всем. Будем считать, что эти негодяи просто споткнулись на своих злодейских планах.

Такая мысль подействовала на меня отрезвляюще. Все произошедшее предстало передо мной в новом свете. В этом мире без смерти отнять человеческую жизнь считалось немыслимым преступлением, поскольку ты лишал человека не одной, а многих жизней. Существовало только одно наказание — на всю жизнь сажали в каменный мешок. Но только на одну жизнь. В моем случае этого оказалось бы достаточно. У меня не было запасных жизней. Поэтому я рисковал намного больше, чем эти бандиты.

Я провел свой первый день в Бар-Пандероне, блуждая среди высоких зданий, восхищаясь ими и выглядывая Фостера на тот случай, если он вдруг попадется мне на улице. Хотя это было

столь же вероятно, как повстречать своего старого школьного приятеля из Аламо среди слуг персидского шаха. Но я все еще надеялся на чудо.

К концу дня так ничего и не изменилось. Одетый по последней моде, в накидке с рюшами, я сидел за небольшим столиком на террасе во Дворце Веселья (огромном здании для празднеств Бар-Пандерона) вместе со своим приятелем Кагу — старшим охранником доменьера Гопа. Здание напоминало воплощение голливудской фантазии — ночной клуб XXI столетия, оборудованный девятью танцплощадками на пяти уровнях, бассейнами, фонтанами, с парой тысяч обеденных столов. Кроме того, там были толпы музыкантов, девиц, шум, гам, разноцветные огни и яства, достойные стола любого доменьера. Дворец был открыт для гостей и всех фрименов домена с положением в пятьдесят ударов. После отшельнической жизни в Рат-Гальоне мне все это показалось невероятно восхитительным.

Под отталкивающей внешностью Кагу скрывалось добродушие. Лицо охранника было в шрамах от множества стычек, а нос так часто разбивали, что в профиль его просто трудно было заметить.

— И как ты умудряешься встревать во все эти драки, Кагу? — поинтересовался я.— Сколько тебя знаю, ни разу не видел, чтоб ты затеял драку.

— А вот в таких местах,— ухмыльнулся тот, обнажая обломанные зубы.— Все эти большие домены просто прелесть, в них всегда можно отвести душу.

— Ты что, ввязываешься в уличные драки?

— Не-а. Обязательно кто-нибудь да найдется. Начнут тут бродить, корчить из себя... ну, знаешь, как бывает.

— А что, дерутся прямо здесь?

— Ну да, полно зрителей, и всем весело.

Я было взял бокал и поднял его в честь Кагу, но тут же все его содержимое оказалось на моих коленях, поскольку кто-то сзади как следует поддел меня за локоть. Я поднял глаза. Надо мной возвышался какой-то мордоворот в шрамах.

— Это что еще за шмакодявка, Кагу? — поинтересовался он хриплым шепотом, ковыряя в зубах серебряной зубочисткой.

Кагу встал и без разговоров врезал ему под дых. Мордоворот хекнул и повис на Кагу, с досадой взирая на меня через его

плечо. Старший охранник отодвинул парня на расстояние вытянутой руки.

— Это какая еще «шмакодявка», Малл? — прогудел он.— А ну-ка, отвали от моего приятеля. Лучший музыкант, к тому же первоклассный водитель.

Малл потер живот и уселся рядом со мной.

— А у тебя уже не тот удар, Кагу.— Он покосился на меня.— Ты извини, я думал, ты один из этих.— Он подманил раба-официанта.— А ну, принеси моему приятелю новый костюм. Да пошевеливайся!

— А как другие обедающие воспринимают ваши стычки? Одно дело, когда опрокинут бокал, такое в Манхэттене произойти может, а вот когда на тебя перевернут весь обед, тут уж не до шуток.

— Да нет, мы двигаем на арену.— Малл лениво ткнул пальцем куда-то в пустоту и оглядел меня с ног до головы.— Откуда ты выполз, музыкант? Первый раз во дворце, что ли?

— Дргон много путешествовал,— ответил за меня Кагу.— Он свой парень. Ты вот послушай, как я недавно угодил в переплет...

Пока Кагу и Малл обменивались небылицами, я неторопливо потягивал свое вино. И хотя за весь день мне так и не удалось узнать ничего нового, но для моих целей Бар-Пандерон был лучшим местом, нежели Рат-Гальон. Территория домена включала в себя два больших города и множество деревень. Здесь я скорее мог разыскать какого-нибудь болтуна, чтобы поговорить об истории, или даже, может быть, того, кто знал Фостера.

— Э-э-э,— проворчал Малл.— Гляди, кто идет.

Я посмотрел туда, куда он указывал. К столу приближались три мордоворота, один из них — длиннорукая горилла, по меньшей мере семи футов росту — приостановился, сграбастал Кагу и Малла за шиворот и грохнул их лбами друг о друга. Я вскочил, нырнул под огромный кулак, и... за восхитительным фейерверком из звезд последовала утешительная тьма.

В абсолютной темноте я стал избавляться от ткани, в которой запутались ноги, потом приподнялся и пребольно треснулся обо что-то головой.

Я застонал, прополз между ножками стула и наконец сумел вылезти из-под стола. Раб-официант помог мне подняться и осторожно отряхнул. Семифутовый верзила, развалившийся на стуле напротив, покосился в мою сторону и кивнул.

— Нечего связываться с олухами типа этого малого,— заметил он.— Кагу сказал, ты всего лишь музыкант, но, когда ты вскочил с этого стула, я было подумал...— Он пожал плечами и отвернулся.

Я проверил суставы локтей и колени, покачал челюсть, повертел головой. Все в порядке.

— Это ты, что ли, меня огрел? — спросил я.

— Чо? Ага.

Я обогнул стол, встал напротив и прокашлялся.

— Эй ты,— окликнул я.

Мордоворот повернулся. В какую-то долю секунды я выложился в одном прямом ударе в челюсть. Он опрокинулся назад, перевалился через ограду и рухнул в проход между столами внизу.

Я перегнулся через перила. На меня смотрела целая возмущенная компания.

— Пардон, приятели,— сказал я.— Он просто поскользнулся.

Вдалеке грянул дружный хор голосов. Я повернулся и увидел, как двумя уровнями ниже на свободном месте два тяжеловеса за милую душу мутузят друг друга. Одним из них был Кагу. Он уложил одного противника и тут же сцепился со следующим. Я повернулся, сбежал по лестнице и добрался туда.

Кагу сумел выстоять еще против двух противников, прежде чем его унесли. Я помог ему сесть на стул, сунул в руку бокал и принялся смотреть, как бойцы дубасят друг друга. Теперь мне стало понятно, почему шрамы на лице служили знаком его ремесла. Эти парни не имели никакого представления о защите. Просто стояли на месте и лупили друг друга, пока один наконец не свалится. Ничего мудреного, но зрители были просто вне себя от восторга. Немного погодя Кагу пришел в себя и начал комментировать достоинства бойцов.

— Все они первоклассные ребята,— заверил он.— И сейчас я не то что прежде, когда был в полном расцвете сил. Тогда я бы запросто справился с любыми тремя из них. Кого бы, может, и поостерегся, так это Торбу.

— Это который?

— Его еще здесь нет. Он придет попозже.

Появлялись все новые и новые бойцы и, скидывая плащи, вступали на арену. Упавших тут же оттаскивали. Они приходили в себя и принимались подбадривать других.

Через час очередь желающих поиссякла, только двое бойцов на арене лениво обменивались ударами, входили в клинч, промахивались. Дыхание вырывалось из их глоток с натужным хрипом. Зрители недовольно шумели.

— Где же Торбу? — удивился Кагу.

— Может, его сегодня не будет? — предположил я.

— Ну да! Ты ж его видел. Он загнал тебя под стол.

— А, так это он...

— Ты видел, куда он пошел?

— Да, я заметил краем глаза, как он дрых на полу,— откликнулся я.

— Чего?

— Ну, мне не понравилось его приветствие, вот я и врезал ему разок от души.

— Ха! — воскликнул Кагу, просветлев, и вскочил.

— Стой! Стой! Ты куда? — позвал я.

Кагу протолкался на арену, примерился и одним ударом уложил ближайшего бойца, потом повернулся и, послав второго в нокдаун, поднял над головой руки.

— Рат-Гальон выставляет чемпиона! — Его голос перекрыл возбужденные возгласы.— Рат-Гальон встречает всех желающих.— Он помахал мне рукой.— Наш парень Дргон...

Позади меня раздался возмущенный вопль, заглушивший слова Кагу.

Я обернулся и увидел проталкивающегося сквозь толпу Торбу с всклоченными волосами и багровым лицом.

— Погоди чуток! — возмущенно заорал он.— Пока еще я здесь чемпион.

Он замахнулся на Кагу, но тот ловко увернулся.

— Наш парень Дргон уложил тебя, верно? — прокричал Кагу.— Вот он теперь и есть чемпион.

— А я не был готов,— прогудел Торбу.— Ему просто повезло.

Он обвел взглядом зрителей, ища поддержки:

— Я, понимаешь, сижу, завязываю шнурок на ботинке, а этот парень...

— Иди, иди сюда, Дргон! — поманил меня Кагу.— Мы сейчас покажем...

Торбу развернулся и двинул Кагу в челюсть. Старый боец грохнулся на арену, проехался по ней и неподвижно застыл. Я стал протискиваться ближе. Его перенесли к ближайшему столу и усадили на стул. Мужчина, наклонившийся к Кагу, выпрямился с побледневшим лицом. Я растолкал толпу и схватил Кагу за запястье. Он был мертв.

Торбу застыл в центре арены с разинутым ртом.

— Что-о? — выдавил он.

Я протиснулся между двумя зрителями и кинулся к нему. Он пригнулся и сделал замах правой, я уклонился и провел апперкот. Торбу отшатнулся. Я нанес быструю серию ударов по телу слева, справа, не обращая внимания на его суматошные движения, сделал нырок и достал несколькими хуками в голову. Он застыл: колени вместе, глаза обалделые, руки по швам. Я примерился и врезал ему в подбородок. Он рухнул, словно бревно.

Тяжело дыша, я перевел взгляд на Кагу. Белое как мел лицо, испещренное шрамами, выглядело до странности умиротворенным. Кто-то помог Торбу подняться и повел с арены. Посещение Бар-Пандерона обещало стать большим событием, теперь мне предстояло везти домой труп.

Я подошел к Кагу, которого осторожно уложили на пол. Все кругом застыли в состоянии шока, здесь же был и Торбу. По его лицу стекла крупная слеза и упала на щеку Кагу. Торбу отер глаза своей лапищей.

— Прости, старина,— пробормотал он.— Я вовсе не хотел.

Я подобрал Кагу и, перебросив его через плечо, понес к выходу. И все то время, пока я пересекал зал, во Дворце Веселья стояла такая тишина, что я слышал собственное тяжелое дыхание, поскрипывание своих пластиковых башмаков, журчание фонтанов.

В бараках охраны я уложил Кагу на постель, а потом гневно обернулся к обступившей меня дюжине верзил.

— Кагу был хорошим человеком,— сказал я.— А теперь он мертв, и умер как зверь какой-нибудь — ни за что. Все в его жизни кончилось, так ведь, парни? Как вам это нравится?

— Как будто мы виноваты,— огрызнулся Малл.— Кагу был и моим старым другом.

— А чьим другом он был тысячу лет тому назад? — отрезал я.— Кем он был когда-то? Кем был ты? В прежние времена на Валлоне существовали иные законы. Каждый был сам себе доменьером.

— Слушай, а ты случайно не из братства? — воскликнул кто-то.

— А, так вот это как у вас называется? А по-моему, это всего лишь новое название старой игры. Один прохвост делает себя диктатором...

— Мы следуем кодексу,— оборвал меня Малл.— Наша работа — поддерживать доменьера. А это не значит молча выслушивать, как какой-нибудь шутник начинает обзываться.

— Я не обзываюсь, а призываю к восстанию. Вы, парни, главная сила в этой системе. Так почему же вы отсиживаете себе задницы, позволяя своим боссам заплывать жиром, да к тому же еще и калечите друг друга на потеху доменьерам? Я бы предложил прямо сейчас навестить местных шишек. У вас же право на рождение... было когда-то. Но ваша судьба зависит от вас. Пока многие из вас не ушли дорогой Кагу.

Поднялся сердитый ропот. Появился Торбу с заплывшим лицом. Я невольно попятился, готовясь к неожиданностям.

— Что здесь происходит? — пробасил он.

— Да этот тип! Подстрекает на мятеж и измену,— высказался кто-то.

— Он хочет, чтобы мы поколотили, да не кого-нибудь, а самого доменьера Квохи!

Торбу приблизился ко мне.

— Ты чужой в Бар-Пандероне,— произнес он недовольно.— Правда, Кагу говорил, что ты свой парень. Ты неплохо обработал меня, и я ничего против не имею: такова жизнь. Но слушай, не мути здесь воду. Есть кодекс и есть братство. Мы держимся друг друга, и этого достаточно. Доменьер Квохи ничем не хуже любого другого доменьера, и, клянусь кодексом, мы на его стороне.

— Послушайте,— настаивал я,— я помню прошлое Валлона. Я знаю, кем вы были однажды и кем можете стать опять. Необходимо всего лишь взять власть. Я проведу вас к кораблю, на котором прибыл. На его борту вы можете получить достаточно информации, чтобы понять...

— Хватит! — оборвал меня Торбу. Он выписал в воздухе какую-то каббалистическую фигуру.— Мы не хотим связываться с привидениями или сражаться с магами и демонами.

— Чушь! Все эти ваши запреты введены с единственной целью: заставить вас держаться подальше от городов, чтобы вы не могли понять, чего лишились.

— Не хотел бы я отдавать тебя в руки серых плащей, Дргон,— проворчал Торбу.— Замолчи.

— Города,— настырно продолжал я.— Они же совершенно пустые, как будто их только что выстроили. А вы живете в этих клоповниках, окружили себя стенами и пытаетесь защититься от серых плащей да разных изгоев.

— Ты что, хочешь играть первую скрипку, музыкант? — встрял Малл.— Так ступай, поговори с Квохи.

— Все идем.

— Ну уж нет, это надо делать в одиночку,— возразил Торбу.— Да пошевеливайся, Дргон. Я не стану на тебя заявлять. Я понимаю, как ты себя чувствуешь после смерти Кагу. Но, слышь, не зарывайся.

Я чувствовал, что побежден. Эти упрямые ослы к тому же не отличались особой сообразительностью.

Торбу поманил меня за собой. Я без особого удовольствия последовал за ним.

— Ты хочешь перевернуть все вверх дном? Ну что ж, не ты первый, однако помочь тебе мы не можем. Времена изменились, и отнюдь не к лучшему. У нас есть легенда: когда-нибудь вернется Ртр, и вот тогда возродятся золотые времена.

— А кто такой Ртр?

— Что-то вроде могущественного доменьера. Сейчас его нет, но давным-давно, когда еще начинались первые наши жизни, жил Ртр — доменьер всего Валлона. И всем жилось прекрасно. И у каждого была одна полная жизнь...

Торбу прервал себя и настороженно покосился на меня.

— Ни слова никому,— предупредил он.— Это секрет братства. Наша единственная надежда. В течение всех наших жизней мы верны кодексу братства в ожидании, что, может быть, когда-нибудь Ртр все-таки вернется.

— Ладно,— бросил я.— Мечтай и дальше, слон-переросток. И пока тебе снятся розовые сны, дожидайся дня, когда тебе, как Кагу, вышибут последние мозги.

Я повернулся.

— Послушай, Дргон, нет смысла бороться против системы. Одному не справиться. Да и отряду тоже. Но...

Я глянул через плечо:

— Ну?

— Но, если ты так хочешь рисковать своей шкурой, потолкуй с доменьером Гопом.— Торбу развернулся и скрылся в бараке, оставив меня одного во дворе.

Поговорить с доменьером Гопом? Хм. Ну что ж, терять мне нечего. И я двинулся прямо к гостевым покоям доменьера.

Я утопал в глубоком ковре гостевого холла доменьера Гопа, нарочно старясь распалить свой гнев, в то время как мой хозяин невозмутимо восседал в своем церемониальном кресле, бесстрастно глядя на меня.

— С вашей помощью или без,— упрямо настаивал я,— но я найду ответы на все вопросы.

— Да, фримен Дргон,— отозвался он спокойно, без привычного крика.— Я понимаю. Но есть вещи, о которых ты не имеешь представления.

— Только отпустите меня в космопорт, благородный Гоп. Я докажу свою правоту, у меня достаточно информационных штырей на борту, не говоря уже об остальном.

— Это запрещено, разве ты не понимаешь...

— Наоборот, я слишком многое понимаю,— перебил я.

Он резко выпрямился:

— Следи за своим тоном, Дргон. Я все-таки доменьер...

— Вы еще, может, помните Кагу? — перебил я его снова.— Вы помните его молодым и прекрасным, словно он бог из легенды? Вы видели, как он прожил свою жизнь. Она была у него хорошей? Сбылись ли его юношеские мечты?

Гоп прикрыл глаза.

— Прекрати,— произнес он слабо.— Все это ужасно, ужасно...

— «Смерть, заставшую их, я наблюдал со стороны, а все их жизни были моими»,— процитировал я.— Вы гордились ими? А как насчет вас? Разве вас не интересовало, кем могли быть вы в прошлые золотые времена?

— Кто ты? — неожиданно спросил Гоп, пристально глядя на меня.— Ты говоришь на староваллонском. Ты воскрешаешь запретные знания, бросаешь вызов всей власти...— Он поднялся с кресла.— Я могу замуровать тебя, Дргон. Я могу передать тебя серым плащам...— Он принялся нервно расхаживать по залу, потом вновь повернулся ко мне.— Все идет вверх дном в этом когда-то прекрасном мире,— задумчиво произнес он.— Легенды утверждают, будто давным-давно люди жили, как боги, а Валлоном правил один могучий доменьер. Легенды говорят, что когда-нибудь он вернется...

— Могу поклясться, легенды не лгут, но нельзя же, в самом деле, сидеть и ждать, когда кто-то явится и спасет вас от вас самих. Только не надо думать, будто я — ответ на все ваши молитвы. Я лишь хочу сказать, что когда-то Валлон был прекрасным миром и эти времена могут вернуться. Сейчас на планету словно наложено заклятие забвения, и ее просто нужно разбудить. Города, дороги, звездолеты до сих пор в отличном состоянии. Но никто не знает, как все это действует, а вы даже боитесь попробовать. Чего боитесь? Кто распускает эти нелепые слухи? Кто уничтожил систему рекодеров памяти? Почему мы не можем отправиться в Окк-Хамилот, вскрыть архивы и вернуть каждому его память?

— Ты спрашиваешь о страшных вещах,— тихо произнес Гоп.

— За этим всем кто-то должен стоять или стоял раньше. Кто?

Гоп на секунду задумался:

— Среди нас есть один человек, великий доменьер. Доменьер доменьеров, его зовут Оммодурад. Я не знаю, где он живет, это известно только самым приближенным.

— А как он выглядит? Где его можно увидеть?

Гоп покачал головой:

— Я видел его только раз, да и то он был закутан в свой плащ. Он очень высокого роста и молчалив. Говорят,— Гоп понизил голос до шепота,— что с помощью черной магии он имеет власть над всеми своими жизнями.

— Не стоит обращать внимание на всю эту дребедень,— уверил его я.— Он абсолютно такой же человек, как вы или я. Всади нож ему промеж ребер, и конец, магия там или не магия.

— Не нравятся мне все эти разговоры о смерти, Дргон. Преступника достаточно замуровать.

— Хм, для этого сначала надо найти его. Вот только как бы к нему подступиться?

— Есть доменьеры, которым он доверяет,— неуверенно сказал Гоп,— его верные слуги, через которых все мы, прочие, узнаем его волю.

— А можно их как-нибудь склонить на нашу сторону?

— Нет. Они связаны с ним узами тьмы, заклятий и колдовства.

— Вот будет свободное время, так я и сам могу продемонстрировать парочку колдовских трюков,— проворчал я.— Давайте все-таки не отвлекаться, благородный Гоп. Как бы мне пристроиться к одному из этих доменьеров?

— Нет ничего легче. Водитель и музыкант такого уровня, как ты, может заявить права на место, какое только пожелает.

— А как насчет охраны? Ну, положим, я могу взять верх над Торбу. Это как, лучше?

— Нет, это не должность для человека твоих способностей, фримен Дргон! — воскликнул Гоп.— Конечно, такое положение больше всего приблизит тебя к доменьеру, но ведь это же очень опасно. Состязание за пост главного охранника ничуть не легче, чем вызов самому доменьеру.

— Что? — изумился я.— Так доменьера тоже можно вызвать на состязание?

— Потише, фримен Дргон.— Доменьер Гоп удивленно посмотрел на меня.— Никто в здравом уме не станет вызывать доменьера.

— Но это возможно?

— Нет, ну в самом деле... если ты настолько устал от жизни, от всех своих жизней, то это такой же подходящий способ свести с ней счеты, как и любой другой. Но знай, фримен Дргон, что любой доменьер — искусный воин, и лишь равный ему может надеяться на успех.

Я врезал кулаком по ладони:

— Ну конечно, я ведь должен был догадаться об этом раньше! Кондитеры пекут, музыканты состязаются в игре, и более способный побеждает. Среди доменьеров та же самая система. Но процедура, какова официальная процедура, благородный Гоп?

— Это состязание на обнаженных мечах. Мера чести доменьера, который готов утвердить себя даже перед лицом самой смерти.— Гоп выпрямился от нахлынувшей на него гордости.

— А охранники? — спросил я.— Они ведь тоже сражаются.

— Но только голыми руками, фримен Дргон. Им не хватает мастерства. Смерть, которую ты описал, редка. Это — нетипичное происшествие.

— Она продемонстрировала мне весь этот фарс в настоящем свете. Цивилизация, подобная Валлону, низведена до такого уровня...

— И все же жизнь так прекрасна... По каким бы то ни было правилам.

— Я не могу в это поверить и думаю, вы сами-то вряд ли верите в то, что сейчас говорите. Какого доменьера могу я вызвать на состязание и как?

— Откажись от своей глупой затеи, фримен Дргон.

— Кто ближайший приятель великого доменьера?

Гоп, сдавшись, только махнул рукой:

— Здесь, в Бар-Пандероне, доменьер Квохи. Но...

— И с чего мне начать?

Гоп положил мне руку на плечо:

— Послушай внимательно, фримен Дргон. Конечно, с тех пор как доменьеру Квохи пришлось обнажать лезвие в защиту своего положения, прошло много времени. Но будь уверен, своих навыков он не потерял. Когда-то он сумел проложить себе дорогу к владению Бар-Пандероном, в то время как мы, все остальные, удовольствовались меньшими доменами.

— Я сама осторожность, благородный Гоп,— заверил я, несколько кривя душой.— Я не сапожником каким-нибудь был в золотые времена.

— Тебя ждет смерть...

— А теперь скажите, как мне вызвать его? Или завтра на банкете я сверну ему нос.

Гоп рухнул в кресло, поднял было руку, но тут же обессиленно опустил ее.

— Если тебе не сказать, все равно скажет кто-нибудь другой. Но по правде говоря, я еще не скоро найду музыканта твоего уровня.

Глава 15

Зал для аудиенций казался невероятно огромным. Его высокие окна были завешены аляповатыми лилово-багровыми занавесями, смягчавшими лучи солнца, а под куполом нависла на-

пряженная, неспокойная тишина, в которой многочисленные посетители и просители ожидали доменьера.

Прошло два месяца с тех пор, как Гоп объяснил мне все формальности вызова доменьера на бой. И он справедливо указал мне, что лишь в определенном случае я могу на что-то рассчитывать. Если бы я даже умудрился уложить доменьера в честном бою, то его охрана превратила бы меня в котлету, так и не дав открыть рта.

По три часа в день я проводил в оружейной Рат-Гальона, фехтуя с Гопом и парочкой охранников. Тридцатифунтовый кусок острой стали с первого же дня стал словно продолжением моей руки, но только на первые несколько минут моих тренировок. Конечно, знаний мне было не занимать, и техники тоже, но вот мускулы мои изрядно подкачали. Уже через пять минут напряженного движения я просто подпирал стену, жадно ловя ртом воздух, а Гоп запросто помахивал своей железякой и не переставал твердить:

— Конечно, ты сражаешься получше, чем любой музыкант, фримен Дргон, но все же долго тебе не продержаться.

И за этими словами следовала новая атака.

Все послеобеденное время я проводил за гимнастикой, накачивая мускулы и занимаясь бегом.

Как утверждал Гоп, нельзя было терять ни минуты. И вот через два месяца усиленных тренировок я почувствовал, что готов к любому повороту событий. Гоп предупредил меня, что доменьер Квохи — рослый мужчина. Меня это мало беспокоило: чем больше габариты, тем лучше цель.

По залу для аудиенций прошел приглушенный ропот, медленно растворились высокие позолоченные двери. Из них выбежала пара слуг в ливреях, а за ними вальяжно прошествовал семифутовый цирковой силач, взошел на пьедестал и повернулся к толпе просителей.

Доменьер Квохи был невероятно огромен. Шея его была толщиной чуть ли не с мое бедро, а лицо — словно высечено из гранита. Он сбросил яркий алый плащ с квадратных плеч и протянул кряжистую руку, чтобы взять церемониальный меч, который волок один из его слуг. Квохи одной рукой вытянул оружие из ножен, воткнул его в пол и положил ладони на рукоять.

— Жалобщики есть? — гулко зарокотал его голос по залу.

Это была та самая реплика, после которой мне надлежало появиться на сцене. Единственное, что от меня требовалось, так это высказаться, а уж тогда доменьер Квохи будет рад снизойти до рассмотрения жалобы. А тот пустячок, что рядом с ним Примо Карнера* показался бы худосочным пацаном, вообще не должен был трогать меня.

Я пискнул, прочищая горло, и подался вперед, не так чтобы очень далеко.

— Я хотел бы попросить слова...— начал было я, но меня никто не слушал.

Впереди сквозь толпу проталкивался какой-то верзила в черной тоге, и все оборачивались на него. В конце концов он выбрался на открытое место и, откинув полы плаща, с лязгом выхватил из ножен длинную шпагу. Похоже, кто-то меня опередил.

Новоиспеченный претендент на пост главы Бар-Пандерона стоял перед Квохи, и обнаженное лезвие говорило красноречивей, чем любые слова. Какое-то время доменьер смотрел на него, потом повернулся и дал знак слуге. Тот выпрямился и прочистил глотку:

— Оспаривается положение доменьера Бар-Пандерона. И пусть исход дела решит поединок.— Слуга, взвизгнув напоследок, ловко отпрыгнул с дороги.

Квохи не торопясь спустился с пьедестала к тому, в черном. Я быстро лавировал между людьми, чтобы получше все рассмотреть.

Парень в черном отбросил свой плащ и остался в облегающей курточке, штанах в обтяжку и тяжелых мокасинах из мягкой кожи. Мускулатура его впечатляла, но Квохи возвышался над ним, словно дуб.

Я не знал, радоваться мне или расстраиваться из-за того, что у меня прямо из рук перехватили инициативу. Если этот в черном победит, смогу ли я, в свою очередь, вызвать его на бой?

Квохи запросто, одной рукой, поднял свою железку над головой и повертел ею, точно палкой. Я искренне посочувствовал бедолаге в черном. Похоже, шансы у него были неважнецкие.

---

* Примо Карнера (1906–1967) — итальянский боксер, экс-чемпион мира в тяжелом весе. Рост его был 208 см, вес — 125 кг. *(Прим. ред.)*

К этому моменту я умудрился наконец пробиться в передние ряды. Человек в черном слегка повернулся, и я увидел его лицо. У меня перехватило дыхание.

Это был Фостер.

В мертвой тишине, стоя лицом к друг другу, Квохи и Фостер коснулись концами мечей пола в церемониальном приветствии, и тут же доменьер бросился в атаку. Фостер слегка уклонился и ответил молниеносным выпадом, который заставил Квохи отскочить. Я глубоко вздохнул, пытаясь сглотнуть заполнившую рот слюну. Фостер казался терьером, нападающим на быка, но, похоже, это больше беспокоило меня, чем его. Я преодолел столько световых лет и прибыл как раз вовремя, чтобы поглазеть, как ему отсекут его умную голову.

Меч Квохи сверкнул, целя прямо в лицо Фостеру. Тот даже не двинулся с места, а только отразил удар клинком. Дзинь-звяк! Квохи резал, рубил, кромсал, а Фостер просто играл с ним. Внезапно его рука метнулась вперед, и из запястья Квохи закапала кровь. Толпа ахнула. Еще шаг, и Фостер вновь нанес удар, но вдруг как-то нелепо споткнулся, едва не упав. В одно мгновение Квохи подскочил к нему, их мечи скрестились. Несколько секунд Фостер держался, а потом отлетел назад. Он встал, пытаясь поднять меч, но как-то неуверенно, а Квохи тем временем снова атаковал. Фостер изогнулся, принял удар эфесом, и неудачно, снова споткнулся и упал.

Квохи подскочил к нему, поднял меч...

Я бросился вперед, вытаскивая свой клинок.

— Пусть его уберут с глаз долой,— прогудел Квохи.

Он опустил гигантский меч, повернулся и, оттолкнув подлетевшего с бинтами слугу, в окружении охранников вышел вон. Я видел, как Фостер неуклюже попытался подняться. Потом меня оттолкнули. Здесь что-то было не так. Фостер действовал точно полупарализованный. Одурманил его Квохи, что ли?

Я бесцеремонно подергал ближайшего соседа за рукав.

— Ты заметил что-нибудь странное...— начал было я.

Мужчина вырвался:

— Странное! Ну да, благословен будь наш доменьер Квохи! Вместо того чтобы прикончить его на месте, наш господин оказался столь великодушен.

— Да нет, в самой схватке.— Я снова ухватил его за руку, чтобы он не убежал.

— Этот нахал отважился претендовать на место доменьера Бар-Пандерона, вот что действительно странно,— отрезал он.— А ну, пусти меня.

Я отстал от него и попытался собраться с мыслями. Что же теперь? Я потыкал одного из охранников, окруживших Фостера живым кордоном. Тот обернулся, угрожающе подняв дубинку.

— А что теперь с ним будет? — поинтересовался я.

— Хозяин распорядился замуровать бродягу, вот и все.

— В каменный мешок?

— Угу, с дыркой, чтобы не задохнулся и не помер от голода.— Охранник хихикнул.

— И на сколько?

— А сколько протянет. Не волнуйся, после трансформации доменьер Квохи заполучит себе неплохого раба.

— Заткнитесь вы,— пробурчал его сосед.

Толпа медленно рассеивалась. Охранники расслабились, принявшись привычно болтать между собой. Двое слуг расхаживали по месту поединка, делая руками какие-то таинственные пассы над полом. Я осторожно приблизился, следя за ними. Создавалось такое впечатление, будто они собирают невидимые цветы. Странно...

Я подошел еще ближе, и тут что-то блеснуло. Жестикулируя, подбежал слуга, но я оттолкнул его и повел по воздуху рукой — мои пальцы наткнулись на тончайшие нити проволоки. Я потянул, нащупал еще одну. Слуги замерли и оторопело уставились на меня.

Все место поединка было покрыто невидимыми кольцами проволоки, натянутой в двух футах над полом.

Неудивительно, что Фостер споткнулся и не успел вовремя поднять меч, а в таком полумраке даже толпа на расстоянии двадцати футов ничего не могла разглядеть. Да, доменьер Квохи умел владеть мечом, но не отказывался и от недозволенных приемов.

Я положил руку на эфес, пожевал губу, погрузившись в размышления. Надо признать, Фостера я нашел, но вот только ни мне, ни Валлону пользы от этой встречи ни на грош. Он был на полпути к темнице, с замечательной перспективой оказаться замурованным вплоть до наступления трансформации. А мне предстояло выжидать еще три месяца, прежде чем я смогу офи-

циально вызвать Квохи на поединок. Видя его сегодня в действии, я был рад, что не оказался главным участником этого невеселого спектакля. Чтобы разделаться со мной, ему уж точно не понадобились бы никакие трюки.

Я смогу провести следующие три месяца, оттачивая свою технику и надеясь, что Фостер продержится. Может даже, удастся передать ему весточку.

Толчок в спину заставил меня сделать несколько шагов вперед. Возле меня оказались четыре охранника с дубинками наготове. Я их не знал, но вдалеке заметил Торбу, повернувшегося в мою сторону.

— Я заметил его, он норовит вытащить свою зубочистку,— сказал один из охранников.

— А меня расспрашивал...

— Отстегни перевязь,— приказал мне один из них.— И без глупостей.

— А в чем дело? — возмутился я.— Я имею право носить меч в зале для...

— Живей, ребята!

Все четверо обступили меня, занося дубинки. Я прикрылся левой рукой от одного удара, схлопотал другой по лицу и упал. Удары так и сыпались: мощные, безжалостные. Я чувствовал, как меня куда-то тащат, затем мое сознание затопила боль, а потом тьма и тишина.

Я застонал, глухо и сдавленно, выставил руку и наткнулся на камень справа, левый локоть тоже упирался во что-то твердое и холодное. Попытавшись сесть, я врезался лбом в шершавую поверхность свода. Прямо гроб какой-то. Я осторожно ощупал лицо и поморщился от прикосновения. Переносица была где-то ниже, чем обычно. Разбитый нос болел, как и кости надглазья. Будь здесь зеркало и свет, я бы наверняка полюбовался на великолепные синяки. Теперь левая рука. Ее как-то неестественно прижимало к телу, кость вроде была цела, но дьявольски ныло плечо. Насколько я мог дотянуться и ощупать, колени и голени покрывала корка запекшейся крови. Это ясно — меня же волокли.

Я попытался вдохнуть поглубже. Похоже, с ребрами все в порядке, руки работали, зубы на месте. Может, не все так плохо, как кажется?

Но где же, черт побери, я нахожусь? Пол был твердый и холодный, а мне нужна большая мягкая постель, пухлая молоденькая сиделка, горячий обед и выпить чего-нибудь бодрящего.

Фостер! Я опять шарахнулся головой о потолок, обессиленно повалился на бок и застонал. Звук был по-прежнему глухой.

Я облизнул губы. Нижняя была рассечена вплоть до щетины, а ведь я прибыл в зал для аудиенции чисто выбритый. Значит, уже прошло несколько часов. Кто-то говорил, будто Фостера забрали, чтобы замуровать, потом появились охранники, напали на меня...

Замуровали! И я, инстинктивно попытавшись вскочить, набил себе третью шишку.

Внезапно мне стало не хватать воздуха. Меня замуровали в каменном мешке, отсекли от света, похоронили под основанием гигантских башен Бар-Пандерона. Я физически ощущал эту тяжесть над собой. С большим трудом я заставил себя расслабиться и принялся дышать по системе хатха-йоги. Оказаться замурованным еще не значит быть похороненным заживо. Неплохой способ решать проблему преступности. Однако единственная трансформация, которая меня ждала,— это смерть.

Но им же надо меня кормить, а это означало, что где-то рядом была дыра. Я осторожно ощупал стену и нашел восьмидюймовый квадрат с левой стороны, как раз под самым потолком. Я попытался просунуть руку как можно дальше, но не дотянулся до края дыры.

У меня закружилась голова. Я откинулся на спину и попытался собраться с мыслями...

Меня разбудил какой-то звук. Я пошевелился и почувствовал, как что-то упало мне на грудь. Я пошарил в темноте — небольшая краюха черствого хлеба. Что-то шаркнуло, и упал второй предмет.

— Эй! — закричал я.— Послушай, я здесь умру. Я не такой, как вы все. Я не переживу трансформации, я подохну.

Я замолчал и прислушался. Тишина стояла гробовая. Именно гробовая.

— Да ответь же ты! — заорал я.— Тут какая-то ошибка.

Я кричал, пока не охрип. Как видно, тюремщикам частенько приходилось слушать подобные вопли, они уже и не реаги-

ровали. Я нащупал второй предмет, это оказалась пластиковая фляжка. Я открутил колпачок и глотнул. Отвратительное питье. Попробовал хлеб — черствый, безвкусный. Я лежал, жевал и размышлял, как здесь насчет уборной. И уже отчетливо видел, какая впереди простиралась удивительная жизнь. Я с горечью рассмеялся.

Спасителя мира из меня не вышло. Я даже не сумел вызволить своего приятеля Фостера. Кстати, где же он теперь? Замуровали по соседству? Что-то никто не отозвался на мои вопли.

Внезапно я перестроился на иной лад. Собственно говоря, предаваться унынию пока рановато, надо хотя бы исследовать свою тюрьму. Хотя двигаться было больно, я осторожно ощупал стены, пытаясь в кромешной тьме определить размеры камеры. Моя тюрьма была трех футов в ширину, двух в высоту и семи в длину. Стены были гладкими, за исключением вертикальных швов, а камни, из которых они состояли, имели приличные габариты, что-то около полутора на два фута. Я попытался поцарапать раствор, но он практически не уступал в прочности самим глыбам.

Как же они умудрились меня сюда запихать? Ведь какие-то камни должны быть вставлены недавно. Либо где-то есть дверь. Я не мог нащупать ничего похожего. Может быть, в другом конце?

Я попытался перевернуться. Бесполезно. Люди, которые выстроили эту клетку, прекрасно знали, что делали. Обитателю только и оставалось лежать и подбирать еду из проема.

В таком случае тем более стоило поменять положение. Если уж они так хотели, чтобы я покорно валялся тут как какая-нибудь колода, то я хотя бы получу удовольствие, нарушив установленные правила. К тому же все это не без причины.

Я лег на бок, сжался в комочек, попытался перевернуться и застрял. Ободранные в кровь ноги только мешали. Я подтянул их еще на пару дюймов и, морщась от боли, уперся руками в пол и потолок, пытаясь продвинуться еще чуть-чуть...

Бесполезно. Грубый камень нещадно врезался в спину. Я раздвинул ноги, давление слегка ослабло. Продвинулся еще на дюйм, передохнул, попытался вдохнуть, но это оказалось не так-то легко, поскольку грудь я придавил ногами, а спиной уперся в стену. Гадая, стоит ли продолжать эксперимент или лучше принять прежнее положение, я постарался шевельнуть ногами, и меня тут же

пронзила боль. Конечно, если долго лежать неподвижно, дрянное питание и потеря крови окончательно ослабят меня, и мне вообще никогда не добиться своего. Если что-то предпринимать, то только сейчас.

Я собрался с силами и принялся протискиваться снова, однако не сумел даже пошевелиться. Я отталкивался еще сильнее, обдирая ладони о камень, нет, опять застрял... Внезапно я обмяк, меня охватила бешеная паника от клаустрофобии. Я зарычал, рванулся и, обдирая спину, скользнул по камню. Еще и еще, позвоночник скрючился, колени зашли куда-то за уши, я уже вообще не мог дышать, ребра ломило, но это теперь не имело никакого значения. Меня ждала одна судьба — смерть, лучше покончить со всем сейчас, одним махом, просто истечь кровью, и все. Терять мне было нечего. Я ударился головой, шея выгнулась, затрещали позвонки... и я блаженно растянулся на спине, тяжело дыша и упав головой туда, где раньше были ноги. Один—ноль в мою пользу.

Прошло много времени, прежде чем ко мне вернулось дыхание и я сумел разобраться со своими многочисленными порезами. Спина ныла больше всего, впрочем, ноги и руки — тоже. Голова была разбита в одном месте, да к тому же я дышал через рот из-за раздавленного носа. Если не считать всех этих мелочей, то я никогда не чувствовал себя в лучшей форме. У меня было достаточно места, чтобы расслабиться и спокойно подышать. Стоило чуток подождать, и мне принесут чудесный хлеб и воду...

Я заставил себя проснуться. Что-то в этой темноте действовало на нервы и клонило в сон. Но времени у меня не оставалось. Если я хотел найти свежезамазанные камни, запечатавшие меня в этой гробнице, то стоило поторопиться. Ощупав стену, я нашел линии соединений, но замазка была твердой. Следующий камень... Под моими пальцами раствор стал крошиться. Я ощупал плиту двенадцать на восемнадцать дюймов, подтянулся на локтях и принялся соскребать раствор.

Через полчаса все, что я получил,— десять окровавленных пальцев и небольшое углубление в полдюйма вокруг камня. Задача оказалась сложной, и без инструмента дальше двинуться не представлялось возможным. Я нащупал фляжку, снял колпачок и попытался раздавить его. Не удалось. Больше ничего в моей тюрьме не было.

Может, камень поддастся, если надавить на него как следует? Я уперся ногами в дальний конец, руками в камень и приналег на него с такой силой, что кровь загудела в ушах. Бесполезно. Он был упрям, как обленившийся осел.

Я лежал и размышлял над своим положением, когда почувствовал нечто. Это был не шум, а звук из четвертого измерения или даже намек на звук.

Мое следующее ощущение было абсолютно реальным. Я почувствовал, как четыре лапки топают по моей ноге и по животу до подбородка. Это была моя кошечка Итценка.

Глава 16

Какое-то время я пытался все свалить на чудо, а потом решил, что все это весьма подходящая возможность поупражняться в теории вероятности. Прошло уже семь месяцев с тех пор, как мы расстались на розовом балконе в Окк-Хамилоте. Будь я кошкой, куда бы я подался? И как сумел бы отыскать своего старого приятеля с Земли?

Кошечка фыркнула мне в ухо.

— Если подумать, воняет здесь отменно, не так ли? Персону с таким головокружительным ароматом еще надо поискать. Да, ну и вонь в этом гробу, хоть топор вешай!

Но Итц ни капельки не волновали проблемы моего бытия. Она важно разгуливала вокруг моей головы, терлась о щеки и нос и непрестанно мурлыкала. Симпатия, которую я испытывал к ней в тот момент, была, пожалуй, кульминацией всех моих положительных эмоций в жизни. Я все гладил и гладил кошку, ощупывая каффитовый ошейник, который специально смастерил для нее еще на борту корабля...

Я в очередной раз набил шишку о потолок, но даже не заметил этого. В пять секунд я расстегнул ошейник и стащил его с шеи моей кошечки. Итак, теперь у меня было лезвие в десять дюймов длиной, и через секунду я уже лихорадочно скреб еще не застывший раствор.

Углубление в растворе уходило уже на девять дюймов по периметру всего камня, но дальше замазка никак не поддавалась. Затвердела. К этому времени меня кормили уже три раза. Однако надежды я не терял. Я был уверен, что мне удалось расковырять замазку почти до конца. Я немного передохнул, а потом снова попытался раскачать плиту. Я просунул свое самодельное орудие в нижнюю щель и надавил. Если камень едва держится, как я предполагал, то он сразу же и вывалится. Но это были только мои догадки. Камень не двигался.

Я отложил свою царапалку, уперся ногами и попытался вытолкнуть плиту. Но сил уже не осталось, и мне не удалось даже сдвинуть ее с места. Я расслабился, немного полежал и снова попытал счастья. Может, там остался всего только тонюсенький слой раствора? Может, просто надо надавить чуть-чуть посильнее? Я глубоко вздохнул, напрягся, измученное тело пронзила боль, мышцы на спине взбугрились, руки задрожали от напряжения, и... плита подалась.

Ага! И я нажал снова, изо всех оставшихся сил. Плита со скрежетом скользнула вперед и осела на полдюйма. Я замер, прислушиваясь. Тихо. Тогда я еще раз нажал и выпихнул плиту наружу. Она ударилась с гулким стуком. Не теряя времени, я стал протискиваться в отверстие, на меня пахнуло свежим, прохладным воздухом. Я высвободил плечи, уперся руками в пол, подтянул ноги и наконец встал, впервые бог знает за сколько дней блаженно распрямив тело.

Я уже продумал, что буду дальше делать. Как только Итценка выпрыгнула вслед за мной, я просунул руку в дыру, нащупал фляжку, сухие корки, которые сэкономил, и влажный хлебный мякиш. Затем, приготовив целую пригоршню раскрошенного раствора, я с трудом приподнял упавшую плиту и запихнул ее на место, подсунув под нее сухие корки. Теперь оставалось только замазать щель мякишем и присыпать крошками раствора. После этого я старательно заровнял пол и уничтожил все следы своей деятельности, насколько это было возможно в абсолютной темноте. У тюремщика наверняка есть лампа, и, насколько я мог судить, через полчаса он должен был появиться. Мне не хотелось, чтобы он заметил что-нибудь подозрительное. Я собирался отыскать Фостера, а чтобы его освободить, понадобится время.

В одной руке неся пригоршню раствора и хлебных крошек, а другой ведя по стене, я двигался по коридору, отсчитывая шаги. Каждые несколько футов мне попадались ответвления — ниши, в боковых стенах которых были прорези для подачи пищи. На сорок первом шагу я натолкнулся на деревянную дверь. Я осто-

рожно подергал, она оказалась заперта. Открывать ее я не стал, поскольку был еще не совсем готов к этому.

Я принялся отсчитывать шаги в обратном направлении, миновал свою темницу и через девять шагов натолкнулся на стену. Тогда я прошел по нишам. Это были семифутовые тупики с восьмидюймовыми дырами с обеих сторон. Я наклонялся к каждой из них и тихо окликал Фостера, но ответа не получал. Я не слышал ни дыхания, ни шороха. Неужели я был здесь один? На такой поворот событий я как-то не рассчитывал. Я полагал, что Фостера должны были упрятать в одну из таких клеток. Я пересек половину Галактики, чтобы найти своего друга, и не собирался уходить из Бар-Пандерона без него.

Наступало время очередного обхода. Я мог либо забраться обратно в свою конуру, либо спрятаться в одной из ниш. Я принял решение за долю секунды. Уж если здесь пустовало столько конур, то я окажусь в безопасности в любом из тупиков, кроме своего собственного.

Я быстро забрался в нишу. Итценка последовала за мной. Она уже полгода успешно скрывалась от людей, наверняка и теперь не подведет. Я только успел отшвырнуть мусор в сторону, когда послышался негромкий скрип. Я прижался к стене. Через несколько минут станет ясно, насколько наблюдателен мой тюремщик.

Коридор заполнился светом. Вероятно, он был неярким, но для моих привыкших к полной темноте глаз показался болезненно-ослепительным. Послышались тихие шаги. Я затаил дыхание. Мужчина в форме охранника прошел мимо, держа в руке корзину. Я облегченно выдохнул. Теперь только оставалось проследить, куда он будет заходить.

Я рискнул выглянуть и заметил, как он завернул в тупичок впереди по коридору. Когда он скрылся из виду, я на цыпочках перебежал поближе и снова спрятался в нише.

И тут же снова послышались шаги. Надзиратель возвращался, он прошел мимо, открыл дверь. Снова воцарились тьма и тишина. Я настороженно замер в своей нише, как прибывший на вечеринку гость, который нечаянно перепутал день праздника.

Надзиратель подошел только к одной камере — моей. Фостера здесь не было.

Следующего обхода пришлось ждать долго. Но я использовал это время с пользой. Для начала хорошенько выспался в своем гробу, поскольку, пока я выбирался, отдыхать мне не пришлось. Проснулся я уже вполне отдохнувшим и тут же принялся составлять дальнейшие планы. В первую очередь они касались надзирателя. Мне надо было где-то раздобыть приличную одежду, а он мог быть единственным доступным источником. Если мои внутренние часы идут правильно, то сейчас самое время...

Дверь скрипнула, и я снова затаился в нише. Показался надзиратель, наступило время действовать. Я выбрался из своей засады, как мне казалось, довольно тихо, но он тут же обернулся, выронил корзину и схватился за дубинку. Ну а поскольку у меня ничего подобного не было, то и времени терять не пришлось. Я просто нанес ему великолепный удар правой. Надзиратель грохнулся навзничь, шарахнувшись головой об стену. Раздался треск, точно арбуз раскололся, и больше охранник не шевелился.

Я стянул с него одежду и напялил на себя. Она, конечно, была мне чуток великовата, но все это — мелочи. Я разорвал платок и связал охранника. Конечно, он был жив, но мне уже представлялась возможность убедиться, что никакие крики никого сюда не привлекут. И уж наверняка он насладится покоем и тишиной, пока его не хватятся. А я к тому времени надеялся быть далеко отсюда. Я распахнул дверь и вышел в слабо освещенный коридор.

В сопровождении Итценки, продвигаясь в абсолютной тишине, я миновал боковое ответвление и остановился перед массивной дверью. Заперто. Мы вернулись и, пройдя через какое-то помещение, наткнулись на полустертые ступени. Поднявшись по двум пролетам, мы оказались в неосвещенной комнате, где только через щели закрытой двери пробивался свет. Я осторожно подкрался и посмотрел в щель. Два кухонных раба в запачканных туниках суетились возле кипящего котла. Я с силой толкнул дверь, распахнул ее настежь. Оба изумленно уставились на меня. Я обогнул стол, подхватил тяжелую поварешку и оглушил ближайшего раба, уже совсем собравшегося завопить. Другой, отменный здоровяк, кинулся за топориком для разделки туш. Я перехватил его и уложил рядом с напарником.

Содрав с вешалки фартук, я располосовал его, а затем связал рабов, вставил им во рты кляпы и отволок в кладовку. Я трудился не хуже белки, натаскивающей запасы на зиму.

Вернувшись на кухню, которая пропиталась ароматом кислого супа, я заметил возле печи целую горку неприятно знакомых черствых булок. Проходя мимо, я наподдал по ним ногой, потом отыскал вареное мясо, отрезал себе кусок, заодно подкинул немного Итценке и принялся жевать, сосредоточенно размышляя, что же делать дальше.

К этому верзиле Квохи вели все ниточки, но, как видно, с ним не так-то легко справиться. Если мне удастся добраться до его апартаментов, то меня уже никто не остановит, до тех пор пока я не выбью из него правду. Тогда бы я точно отыскал Фостера и сказал бы ему, что если у него есть доступ к рекордеру, то у меня есть матрица его памяти. Ну конечно, если только ее не выкрали со дна рюкзака на борту шлюпки, припаркованной в Окк-Хамилоте.

Четыре «если» и одно «может быть». Но, по крайней мере, хоть какой-то план. Первым делом надо разыскать Квохи и попасть к нему. Одежда охранника послужила бы подходящим камуфляжем для подобной цели.

Я дожевал последний кусок и поднялся со стула. Сейчас надо почиститься и побриться.

Дальняя дверь кухни распахнулась настежь, и в кухню со смехом ввалились два охранника.

— Эй, кашевар! Готовь мясо для...

Говоривший замолк на полуслове, с изумлением уставившись на меня. Я был ошарашен не меньше. Передо мной стоял Торбу.

— Дргон! Как тебе...

Второй охранник сделал шаг в сторону и оглядел меня с головы до ног.

— Ты не из охраны,— начал было он.

Я потянулся за топориком, который оставил на столе кухонный раб, и, попятившись, натолкнулся спиной на стену. Охранник угрожающе взялся за дубинку.

— Погоди, Блон,— остановил его Торбу.— Дргон — свой парень.— Он искоса глянул на меня: — Я уж думал, тебе конец, приятель. Тебя неплохо обработали.

— Еще бы,— нервно буркнул я,— и тебе большое спасибо за помощь.

— Это же преступник, которого мы замуровали,— охнул Блон.— Держи его!

Торбу неловко переступил с ноги на ногу.

— Постой, постой,— сказал он торопливо, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Послушайте вы, оба,— выпалил я.— Вы, сторонники существующей системы, как слепые котята, верите, что лучшей жизни не бывает. Все честно, никаких тайн, а победителю сладкие коврижки. Да, я знаю,— зло передразнил я,— с Кагу вышло нехорошо, но такова жизнь. Да?! А как насчет этого грязного жульничества в зале для аудиенций? Вы что, парни, старательно закрываете на это глаза, да?

— Благородный доменьер имеет право...— начал Блон.

— Да ладно, Блон,— недовольно возразил Торбу,— мне это дело с проволокой не понравилось, и тебе тоже. Да и другим.

— Не припоминаю, чтобы мне дали возможность высказаться. В свое свободное время я бы с удовольствием встретился с парочкой ваших приятелей.

— Я тебя и пальцем не тронул, Дргон,— заверил Торбу.— Не хочу иметь ничего общего со всем этим.

— Это был приказ доменьера,— вставил Блон.— Не мог же я ему сказать...

— Не важно,— перебил его я.— Я ему сам скажу. Это единственное, чего я хочу. Короткое интервью с вашим доменьером минус проволочная сеть.

— Эге,— прогудел Торбу.— Вот это будет встреча! — Он повернулся к Блону.— У него отличный удар, Блон. Конечно, по виду не скажешь, а он мог бы помериться ударом с самим огненным Дргоном, в честь которого его назвали. Ну а если он столь же искусен во владении клинком...

— Вы мне только его дайте,— вставил я.— А заодно покажите дорогу.

— Благородный доменьер в две минуты порежет его на ленты,— рассеянно произнес Блон в пространство.

— Идем, соберем парней.

— А как потом объясняться с благородным доменьером? — настороженно спросил Блон.— Что он может подумать, если замурованные парни оказываются у него в спальне да еще и с оружием?

— Мы принадлежим к братству охранников,— внушительно произнес Торбу.— У нас есть кодекс, в котором ничего не говорится о мошенничестве. Если мы не будем придерживаться

клятвы братства, то станем ничем не лучше рабов.— Он оглянулся на меня.— Идем, Дргон. В наших бараках ты сможешь привести себя в порядок, а заодно отыскать приличный клинок. Если уж ты решил поставить на кон все свои жизни, то встретишь свою судьбу во всеоружии.

Торбу критически наблюдал, как меня переодевают в форму охранника и перепоясывают мечом. Я явно нарушил его внутренний покой, а может, даже побудил его мыслить. Если я смогу продержаться хотя бы две минуты, но доменьеру Квохи удастся меня убить, то Торбу ничего не потеряет. Я просто больше не стану вторгаться в его жизнь, и он сможет по-прежнему оставаться охранником-гориллой, фанатично верящим в справедливость кодекса. Ну а если я уцелею...

Я следовал за Торбу. За ними тянулась процессия из пятнадцати охранников, напоминающих толпу троллей. В этот час дворцовых слуг попадалось мало, а встречавшиеся лишь провожали нас взглядами и торопились дальше по своим делам. Мы пересекли пустой зал для аудиенций, поднялись по широкой лестнице и теперь шли просторным коридором, увешанным роскошными гобеленами и устланным шелковистыми коврами.

Наша процессия остановилась перед гигантской двустворчатой дверью. Двое охранников в лиловой одежде подошли поинтересоваться, в чем дело, и Торбу с ходу просветил их. Несколько секунд они колебались, с подозрением оглядывая меня.

— Мы не собираемся торчать здесь целую вечность,— предупредил Торбу.— Открывай, новобранец.

Я протолкнулся мимо Торбу в комнату с великолепным убранством, по сравнению с которым зал для аудиенции доменьера Гопа казался гостиничным номером за четыре доллара. Сквозь высокие окна струился свет Синты, и в ее лучах хорошо была видна роскошная постель и фигура спящего. Я нетерпеливо подбежал к кровати и сдернул покрывало. Доменьер Квохи грузно сел, настоящий буйвол — семь футов сплошных мышц. Он глянул на меня, перевел взгляд на мою свиту...

В следующее мгновение он, словно тигр, метнулся с постели. Возиться с мечом было некогда. Я просто двинулся ему навстречу, с ходу врезав в ухо, и, проскочив дальше, быстро обернулся.

Квохи пошатнулся, но удержался на ногах. Я вложил в свой удар всю силу, едва не раздробил костяшки пальцев, а он только слегка пошатнулся! Нельзя давать ему передышку. Удар по почкам, потом, когда он начал поворачиваться, в челюсть, затем левой и правой в живот...

Словно балка обрушилась с высот Бруклинского моста и раздробила все кости моего несчастного тела. Сначала меня тащило океанским прибоем, потом я оказался в аду и меня принялись тыкать раскаленными вилами... Я с трудом сморгнул набегавшие слезы. Шум прибоя в ушах утих. Квохи беспомощно сидел на полу, прислонившись спиной к постели. А мне еще надо было расставить все точки над «i».

Я подтянул ноги и поднялся. Вместо груди у меня был одна большая впадина, а левая рука, как видно, принадлежала вообще кому-то другому. Не важно. Уж правой-то я еще пока владел.

Словно моряк, сошедший на берег после хорошего шторма, я подобрался к Квохи. Но тому, похоже, было не до меня. Маленькие проблемы с дыханием занимали его больше: удар в живот все-таки достиг цели. Я выбрал местечко под правым ухом, отвел локоть и двинул плечом, вкладывая в удар весь вес тела. Хрустнула челюсть. Квохи, словно мешок с гвоздями, с грохотом повалился на пол. Я обессиленно плюхнулся на край постели и со свистом втянул воздух, пытаясь не обращать внимания на цветные круги перед глазами.

Через некоторое время я наконец заметил, что передо мной стоит Торбу и держит в руках кошку. И кошка, и он радостно ухмылялись.

— Приказания будут, доменьер Дргон?

Я отчаянно затряс головой:

— Приведите в чувство Квохи, посадите его на стул. Я хочу задать ему пару вопросов.

Бывшему доменьеру моя идея пришлась не по душе, но после того, как Торбу вместе с парочкой охранников выразительными жестами объяснил ему ситуацию, он счел за благо повиноваться.

— Слезь с его головы, Малл,— приказал Торбу.— А ты, Блон, развяжи веревку. Доменьер Дргон хочет с ним поболтать, а вы, парни, чересчур давите на психику.

Тем временем я ощупывал ребра, пытаясь определить, какие из них сломаны, а какие только чуток погнулись. Удар Квохи нисколько не уступал пинку двухтонного страуса.

— Квохи, я задам тебе несколько вопросов, и если меня не устроят твои ответы, то я уступлю тебе вакантный номер в тем-

нице. Прекрасных видов, конечно, не обещаю, но уж спокойствие гарантирую на все сто.

Квохи только промычал что-то, вывихнутая челюсть ему изрядно мешала.

— Тот парень, в черном, который претендовал на твое положение... Твои парни отволокли его куда-то. Я хочу знать куда.

Квохи снова замычал.

— Врежь ему, Торбу,— посоветовал я.— Может, это улучшит его произношение.

Торбу с чувством пнул бывшего доменьера по голени. Квохи взвился.

— Убери своих псов,— с трудом прошамкал он.— Здесь ты его не найдешь.

— Почему?

— Я отослал его.

— Куда?

— Туда, откуда ни ты, ни твои предатели не смогут его достать.

— А поподробней?

Квохи сплюнул.

— Уверен, что Торбу не по душе твоя реплика насчет предателей,— мимоходом заметил я.— Это несколько не соответствует истине. Так что будь добр, выражайся ясно и коротко, без инсинуаций, если дорожишь своими жизнями.

— Даже эти свиньи не посмеют...

Я вытащил острый стилет, которым меня снабдили, приставил кончик лезвия к его горлу и надавил чуть-чуть, так что выступила капелька крови.

— Говори,— вкрадчиво прошептал я,— или я сам перережу тебе глотку.

Квохи буквально вжался в спинку стула.

— Тогда ищи его сам, убийца,— насмешливо ответил он.— Ищи его в темницах доменьера доменьеров.

— Ну, ну, дальше.

— Великий доменьер потребовал, чтобы раба доставили к нему... в Сапфировый дворец у Мелкоморья.

— А имя, имя есть у этого доменьера доменьеров? И откуда он узнал об этом парне?

— Доменьер Оммодурад,— прохрипел Квохи, не спуская взгляда с ног Торбу.— Я заподозрил в нем, в том рабе, что-то неладное и сообщил.

— И когда ты его отправил?

— Вчера.

— Торбу, ты знаешь, где находится этот Сапфировый дворец?

— Конечно,— отозвался тот,— только это табу. Там полным-полно демонов и колдунов. Говорят, проклятие...

— Тогда я иду один,— отрезал я, пряча стилет обратно в ножны.— Но сначала мне надо заглянуть в Окк-Хамилот.

— Нет проблем. Правда, говорят, там полно привидений, но это сплетни. Там постоянно околачиваются серые плащи.

— Вот мы с ними и разберемся,— покладисто согласился я.— Собери с полсотни охранников и подготовь аэрокары. Я хотел бы отправиться через полчаса.

— А как насчет этого мошенника? — спросил Торбу.

— Замуруй его до моего возвращения. Ну а если я не вернусь, он поймет.

Глава 17

Рассвет еще не наступил, когда мой отряд собрался вокруг спасательной шлюпки, доставившей меня на Валлон. Она осталась абсолютно такой же, как и семь месяцев назад: лестница спущена до земли, люк открыт, внутреннее освещение включено. Привидений на борту не было, но этот гостеприимно распахнутый вход отпугивал ненужных посетителей ничуть не хуже призраков. Даже серые плащи сторонились звездолетов. Как видно, кто-то старательно поработал над созданием суеверий на Валлоне.

— И ты в самом деле собираешься подняться на борт этого проклятого судна, доменьер Дргон? — с тревогой спросил Торбу, рисуя в воздухе каббалистические знаки.— Оно же управляется демонами...

— Торбу, да это всего лишь пропагандистский трюк и больше ничего. Я спокойно могу идти туда, куда направляется моя кошка. Вот смотри.

Итценка живо взобралась по лестнице и исчезла в проеме шлюза. Я поднялся на первую ступеньку, а охрана стояла, разинув рты, и наблюдала за тем, как я, пригнув голову, скрылся в шлюпке. Фостерова матрица памяти с черно-золотыми метками по-прежнему лежала на рюкзаке, а рядом с ней цилиндр попроще — память Аммерлина. Где-то здесь, в Окк-Хамилоте, должен

был найтись рекодер, чтобы наконец использовать цилиндр. Уж мы с Фостером постараемся его отыскать.

Я нашел свою кобуру с пистолетом, подобрал поношенный пояс и застегнулся. Мой опыт жизни на Валлоне подсказал, что он мне еще пригодится. Валлонцы так и не сумели изобрести индивидуальное оружие, которое по всем характеристикам могло бы сравниться с пистолетом. В обществе бессмертных мечи были самым опасным оружием.

— Ну, что, сваливаем отсюда, Итц,— предложил я.— Больше тут делать нечего.

Вернувшись к отряду, я подозвал сержантов:

— Я лечу к Сапфировому дворцу. У тех, кто хочет отправиться со мной, есть последний шанс отказаться.

Торбу долго молчал, задумчиво уставившись в пространство.

— Не нравится мне все это, доменьер,— наконец произнес он.— Но я тебя не оставлю. Да и остальные тоже пойдут.

— Смотрите, обратного пути уже не будет,— предупредил я.— Да, кстати...— Я вогнал патрон в магазин, поднял пистолет и выстрелил в воздух. От неожиданности все вздрогнули.— Если услышите выстрел, во весь дух мчитесь на помощь.

Все начали расходиться по аэрокарам. Я подобрал Итценку и залез в головную машину, поближе к Торбу.

— Лететь полчаса,— сообщил он.— Могут попасться серые плащи, но с ними проблем не будет.

Мы взмыли в воздух, свернули на восток и понеслись на небольшой высоте.

— А когда доберемся, что будем делать?

— Положимся на интуицию. Посмотрим, как далеко нам удастся пробраться, прежде чем этот Оммодурад соизволит оторваться от своей игры в гольф.

Взметнув голубые башни к сумеречному небу, под нами распростерся дворец, роскошный, словно Тадж-Махал. А сразу за ним на поверхности Мелкоморья шелковисто переливался рассвет. Вечные камни и тихие воды выглядели так же, как и в те времена, когда Фостер отправился в свой тысячелетний вояж. Но, конечно же, сопровождавшие меня не могли оценить по достоинству всего этого великолепия. Они даже и на минуту не задумывались над теми чудесами, которые создали их бессмертные предки — они же сами. С завидным упрямством они продолжали жить в своем феодальном обществе, в горьком контрасте с величественными памятниками прошлого, окружавшими их.

Я полуобернулся к своим ребятам:

— По вашим словам, местечко здесь так и кишит демонами да колдунами, вот все и боятся сюда сунуться. А раз так, то нет и официального протокола по приему нового доменьера в Сапфировом дворце. А значит, парень, которому повезет, может наплевать на гоблинов и запросто заявиться во дворец, нанести визит вежливости верховному владыке, ну как, пойдет?

— А что, если они затеют заваруху первыми, прежде чем мы что-либо успеем? — спросил чей-то голос.

— Вот потому-то я и упомянул насчет удачи,— ответил я.— Еще вопросы есть?

Торбу оглядел своих парней, и последовала молчаливая пантомима с пожиманием плечами и закатыванием глаз, потом он повернулся ко мне.

— Поступай, как знаешь, доменьер,— прогудел он.— Мы поддержим твою игру.

Мы начали снижаться на широкую лужайку, но двор по-прежнему оставался безлюдным. Вскоре гигантские голубые башни замаячили над нашими головами, и мы заметили, как за стальными воротами двигаются шеренги.

— Ага, нас все-таки собираются встречать,— с удовольствием прокомментировал я.— Держитесь, ребятки. Без меня ничего не начинать. Чем дальше мы прорвемся без сопротивления, тем меньше трудностей.

Аэрокары кучно приземлились. Торбу и я выбрались наружу, и вскоре мы все двинулись к воротам. Итценка, наш талисман, следовала в арьергарде. По-прежнему все было тихо. Либо сотни лет спокойствия притупили бдительность, либо у Оммодурада были в запасе такие надежные трюки, которые начисто отпугивали нежелательных посетителей.

Мы подошли к воротам, и они распахнулись настежь.

— Вперед, ребята,— сказал я.— Но всем держать ушки на макушке.

Охранники во дворе стояли поодаль, вопросительно глядя на нас. Мы все сгрудились перед лестницей из голубых плит и стали ждать, что же последует дальше. Наступил подходящий момент появиться кому-нибудь и вручить нам ключи от города или что-нибудь в этом роде. Но, похоже, произошла маленькая за-

минка. Впрочем, это и понятно: вот уже две тысячи девятьсот лет здесь не было никаких посетителей.

Только минут через пять появился какой-то слон в панцире и розовом беретике, прогромыхав железом по лестнице.

— Кто это отважился явиться с вооруженной охраной в Сапфировый дворец? — вопросил он, недовольно оглядывая моих спутников.

— Я доменьер Дргон, приятель,— гаркнул я, уязвленный тем, что он не обратил на меня никакого внимания.— А это моя почетная охрана. И что за провинциальные манеры — даже не позаботиться о приеме верноподданного вассала?

От моей тирады слон в панцире слегка подувял. Он, запинаясь, извинился, пробормотал что-то насчет предварительного согласования и подозвал парочку дворцовых слуг. Один из них приблизился к Торбу, который бросил на меня вопросительный взгляд, машинально стискивая рукоять кинжала.

— В чем дело? — строго спросил я.— Мои люди всегда со мной.

— Не забывайте,— возразил слон в панцире,— слугам недопустимо появляться пред очи доменьера доменьеров Оммодурада.

Я попытался пошевелить мозгами, но ничего путного в голову не лезло.

— Ладно, Торбу,— наконец сказал я.— Не позволяй парням разбредаться, и ведите себя примерно. Увижусь с тобой через час. Да, и пригляди, чтобы Итценка не скучала.

Слоноподобный мажордом отдал несколько приказов и пригласил меня во дворец с самым пренебрежительным поклоном, который мне когда-нибудь доводилось видеть. Охрана из шести человек составила мне компанию вплоть до апартаментов великого доменьера.

Признаться, я ожидал увидеть задрапированный зал или огромное помещение, полное музыкантов, цветов и церемониальных стражей. Вместо этого я оказался в небольшом офисе шестнадцать на восемнадцать ярдов, пол которого был устлан серо-голубым мрамором. Из хрустальной чернильницы, встроенной прямо в поверхность стола, торчала пара перьев, а за огромной тумбой едва находилось место для бегемота, восседавшего там.

Он медленно поднялся — эдакий шкаф на ножках.

— Чего надо? — прогудел он.

— Я доменьер Дргон... э-э-э... великий доменьер,— запинаясь, произнес я, собираясь разыгрывать роль недалекого олуха, ту самую роль, которую мне было легче всего исполнять.

В Оммодураде было нечто такое, отчего я почувствовал себя, словно мышь, которая в последний момент передумала насчет приманки. Квохи, конечно, был огромен, но этот верзила мог бы играть людьми, словно мячиками. Глаза его излучали непоколебимую уверенность.

— Ты, похоже, не суеверен,— заметил он. Болтливостью он не отличался. Вот и Гоп тоже подчеркивал, что Оммодурад не слишком многословен. Эта деталь совпадала.

— Никогда не верил в привидения,— сознался я.

— Ближе к делу,— вернулся к разговору он.— Чем обязан?

— Только что провозглашен доменьером Бар-Пандерона,— заявил я.— Думал, что подобает явиться и заверить вашу милость в своей преданности.

— Ко мне так не обращаются.

— А-а-а... доменьер Оммодурад.

Он едва заметно кивнул и перевел взгляд на охрану.

— Комнату гостю и его свите.

Я снова встрял:

— Простите, э-э-э...— Пронзительный взгляд Оммодурада снова пришпилил меня к месту.— Насчет моего друга...— Я с трудом сглотнул.— Прекрасный парень, только чересчур порывистый. Он там погорячился слегка, прежнего доменьера вызвал...

Оммодурад едва шевельнул бровью, но атмосфера в комнате мгновенно наэлектризовалась, расслабленные охранники моментально сделали стойку. Я прямо ощущал каждого из них. Меня пронзила мысль, что на этот раз я зашел слишком далеко.

— ...вот я и подумал, может быть, я вымолил бы помощи у вашего превосходительства, чтобы поискать моего приятеля,— закончил я упавшим голосом.

Доменьер доменьеров буравил меня взглядом, как мне казалось, целую вечность, потом поднял руку и шевельнул пальцем; охрана тут же расслабилась.

— Комнаты для гостя и его свиты,— бесстрастно повторил Оммодурад.

Я наконец перевел дух и вместе с эскортом вышел прочь. Я изо всех сил старался выглядеть невозмутимым, но внутри меня все буквально кипело.

Оммодурад слыл молчаливым неспроста. Я готов был поспорить хоть с самим чертом, что он сохранил все свои воспоминания о золотых временах. Вместо искаженного современного диалекта, который я встречал повсюду, Оммодурад говорил на безукоризненном староваллонском языке.

Уже пробило двадцать семь часов вечера, и Сапфировый дворец давно затих. Я оказался один в отведенной мне спальне. Конечно, это была весьма уютная комнатка, но, оставаясь в ней, я так ничего и не узнаю. Во всяком случае, мне никто не говорил, что я нахожусь под арестом.

Я нацепил кобуру с пистолетом, приотворил дверь и выскользнул в слабо освещенный коридор. В дальнем конце я заметил охранника, но тот не обратил на меня никакого внимания. Тогда я подался в противоположную сторону.

Ни одна из комнат не была заперта. Но я не обнаружил никаких арсеналов или архивов, которыми могли воспользоваться люди рангом пониже, чем сам великий доменьер. Я догадался, что Оммодурад справедливо рассчитывал на полное безразличие своих подданных. То и дело по дороге мне попадались охранники, но они только равнодушно оглядывали меня и ничего не предпринимали.

Я снова оказался возле офиса, в котором меня принял Оммодурад, рядом был пышный зал с полом и потолком из оникса и занавесями из золотой нити. Главной достопримечательностью зала являлся знакомый мотив концентрических кругов Двумирья из кованого золота на стенной панели за троном. Здесь исполнение было более красочным. От внутреннего и внешнего кольца расходились волнистые лучи, а в центре круга червленого золота виднелась какая-то шишечка. Впервые за все время моего пребывания на Валлоне мне попался этот символ. Я испытал странную радость, словно обнаружил знакомый след на песке.

Я прошел дальше, обследовал прачечную, проинспектировал кладовые и даже умудрился уловить запах конюшни. Дворец дремал. Немногие из его обитателей видели меня, а если и видели, то опасались приставать. Похоже, великий доменьер распорядился, чтобы меня не трогали. Честно говоря, утешительного в этой мысли было маловато.

Затем я набрел на зал с пурпурными стенами и здесь столкнулся с группой охранников, той самой шестеркой, которая со-

провождала меня днем. Они выстроились, как на параде, по трое с каждой стороны массивной двери из слоновой кости. За ней явно кто-то обитал в пышном великолепии и безопасности.

Шесть пар глаз пригвоздили меня к месту, и отступать уже было слишком поздно. Я вздернул подбородок и подрулил к ближайшему ряду охранников.

— Слышь, приятель,— по-суфлерски прошептал я,— где тут у вас... э-э-э... ну, ты сам понимаешь.

— Каждая спальня оборудована,— отозвался стражник ворчливо, многозначительно поднимая меч и пробуя на палец лезвие.

— Да? Вот уж не заметил.

Я пристыженно двинулся прочь. Если они решат, что я просто олух, тем лучше. Я казался сам себе мышкой среди кошек и не был пока готов услышать мяуканье.

На первом этаже, возле главного входа, я нашел Торбу с его молодцами, которые по-свойски расположились в большой комнате со множеством кроватей.

— Мы по-прежнему на вражеской территории,— напомнил я Торбу для порядка.— Будьте начеку.

— Не бойся, шеф,— отозвался Торбу.— Мы все одним глазом следим за дверью и держим руку на рукояти кинжала.

— Заметил что-нибудь полезное?

— Не-а. Эти местные идиоты скорее себе языки пооткусывают, чем ответят на вопрос.

— Будьте настороже и всю ночь держите по крайней мере двух часовых.

— Как скажешь, благородный Дргон.

На обратном пути до своей спальни я мысленно прикидывал размеры этого замка. Вернувшись к себе в комнату, я повалился на постель и попытался суммировать свои впечатления.

Первое. Насколько можно судить, апартаменты Оммодурада находились двумя этажами выше, прямо над моей спальней. Надо полагать, в этом мне повезло. А может, это сделано для того, чтобы облегчить слежку за мной? Я решил, что лучше об этом не думать. Мне и так не хватало оптимизма.

Второе. Шатаясь по коридорам, я так ничего полезного и не узнал. Оммодурад явно не из тех, кто разбрасывается уликами на потеху случайным прохожим.

Третье. Я, конечно, допустил промах, решив взять эту крепость с полусотней молодцов и револьвером. Фостер наверняка находился здесь, об этом говорил и Квохи, это же подтвердила

и реакция доменьера доменьеров. Что же особенного было в Фостере, если им заинтересовались такие большие шишки? Надо спросить, когда найду его. Но для этого надо было придумать нечто неординарное.

Я подошел к широкому двустворчатому окну. В свете Синты легко можно было разглядеть украшенный лепным орнаментом фасад. Я хорошо видел стену вплоть до освещенного балкона прямо надо мной. Если мои подсчеты верны, то там должна располагаться берлога Оммодурада. Само собой, парадная дверь охранялась, как султанский гарем, но вот черный ход казался самым доступным.

Я втянул голову обратно и принялся задумчиво потирать подбородок. Рискованно, конечно, но в этом есть момент неожиданности, который мог принести свои плоды. Ведь завтра доменьер доменьеров обдумает все до конца и переведет меня в другую комнату, а то и замурует в своих темницах. И опять же, этим валлонцам просто и в голову-то не придет лазить по стенам: они слишком дорожат своей шкурой для этого.

Когда сердце подсказывает действовать, долгие дебаты только вредят. Я подволок тяжелую тумбу к двери, чтобы отвадить случайных посетителей, зарядил пистолет девятью пулями, сунул оружие обратно в кобуру и подошел к окну.

По диску Синты проносились облака. Совсем неплохо! Я взобрался на подоконник. Лепные украшения оказались вполне пригодной опорой, и мне удалось докарабкаться до следующего подоконника, даже не вспотев. По сравнению с моим последним опытом альпинизма в Лиме это был всего лишь легкий вечерний променад.

Я передохнул, а потом пополз в обход темного окна на тот случай, если там, внутри, кого-то мучает бессонница. Я добрался до балкона, пережил ужасные мгновения, не успев зацепиться за плиту, но потом перевалил через балюстраду и кованую решетку.

Балкон был узок, футов двадцать в длину, и на него выходила добрая полудюжина дверей, сквозь драпировки трех из них пробивался свет. Я осторожно придвинулся, пытаясь рассмотреть что-нибудь в просветах. Бесполезно. Тогда я приложил ухо и услышал какой-то невнятный звук. Может, это Оммодурад в своей берлоге?

Я на цыпочках миновал темную дверь и, поддавшись импульсу, потянул ручку. Дверь беззвучно распахнулась. Мой пульс учащенно забился. Я застыл, пытаясь вглядеться в чернильно-черную темноту. Входить в нее не хотелось, она словно бы отталкивала. Даже такому деревенщине, как я, было ясно, что соваться в логово дракона наугад — слишком опасное занятие.

Я с трудом проглотил ком в горле, покрепче ухватился за рукоять пистолета и вошел.

По лицу скользнула складка драпировки, я выхватил пистолет и прижался спиной к стене с такой скоростью, которой мог бы позавидовать сам шериф Эрп*.

Потребовалась целая минута, чтобы наконец прийти в норму. При этом пришлось напомнить себе, что я эдакий супермен с Земли, который умудрился за свою короткую жизнь заполучить куда больше неприятностей, чем все эти валлонцы с их хваленой вечностью. И что я все-таки собираюсь вызволить своего приятеля Фостера, вернуть ему память, а заодно и возродить золотые времена Двумирья.

Мне пришлось оборвать свои самовнушения, а то бы я настолько осмелел, что ворвался бы в соседнюю комнату и вызвал Оммодурада на пару раундов вольной борьбы. Теперь я вполне отчетливо слышал голос. Вот если бы еще разобрать, что он там бормочет!

Я прокрался вдоль стены и натолкнулся на массивную дверь. Заперта. Я продвинулся дальше. Еще одна дверь. Со всеми мыслимыми предосторожностями я подергал ручку и слегка приоткрыл. Это оказался встроенный шкаф, завешенный одеждой. Однако теперь я слышал значительно лучше. По всей видимости, с той стороны тоже были двери.

Похоже, Оммодурад наконец справился со своей молчаливостью. Время от времени возникали паузы, в беседе участвовал кто-то еще. Я протиснулся в шкаф, ощупал стены. Нет, другой двери не было. Я прильнул ухом к стенке и стал различать отдельные слова...

— ...кольцо... Окк-Хамилот... хранилище...

Похоже, беседа у них там весьма содержательная. Вот только как получше все расслышать? Я инстинктивно потянулся выше, коснулся потолка и нащупал выступ, словно от дымохода.

---

* Эрп, Уайетт (1848–1929) — знаменитый шериф, стал героем ряда американских вестернов. *(Прим. ред.)*

Встав на цыпочки, я попытался раскачать панель, но она не поддавалась. Я пошарил рукой в темноте и натолкнулся на полку с обувью, осторожно, чтобы не шуметь, подергал ее. Она оказалась не закреплена. Я снял ее, аккуратно сбросил обувь, вернул полку на место и поднялся.

Панель была пару футов длиной, без осязаемых петель или защелок. Я потянул изо всех сил, раздался громкий треск, и она отвалилась. Я протер глаза от попавшей в них пыли и пошарил внутри дыры. Там ничего не было.

Вот сейчас самое время смыться отсюда, пойти выспаться и завтра распрощаться с Оммодурадом. А через несколько месяцев, закрепив свою власть в домене и объединившись с другими доменьерами, вернуться сюда во главе армии и...

Прислушиваясь, я наклонил голову. Оммодурад замолчал, другой голос что-то произнес. Потом что-то стукнуло, прозвучали шаги, раздался металлический звук. Через мгновение доменьер доменьеров снова заговорил, но на этот раз ему ответил уже другой голос.

Я подтянулся и, ухватившись за края отверстия, протиснулся в узкий лаз, на ощупь, в полнейшей темноте, прополз до поворота, свернул, и голоса неожиданно стали громче: впереди через вентиляционную решетку пробивался свет. Я уткнулся носом в прутья и увидел троих мужчин в большой комнате.

Оммодурад стоял ко мне спиной. Глыба его тела была закутана в пурпурную тогу. Рядом с ним в напряженном ожидании застыл какой-то рыжий с покалеченной ногой, а вот третьим был Фостер.

Фостер стоял, широко расставив ноги, держа перед собой руки в наручниках, и не отрывал глаз от рыжего, словно лесник, наметивший дерево для рубки.

— Ничего не знаю об этих преступлениях,— сказал он.

Оммодурад повернулся и исчез из поля зрения. Рыжеголовый махнул Фостеру, и тот куда-то прошел. Я слышал, как открылась и закрылась дверь. Я остался в одиночестве, пытаясь рассортировать целую дюжину импульсов. От некоторых было легко избавиться. Не станешь же в самом деле орать: держи вора! Или прыгать из вентиляционной трубы и гнаться за Фостером с громкими воплями радости. Столь же бесполезно было и бежать к Торбу за помощью.

Само собой, лучше всего — подсобрать побольше информации. Просто не повезло, что я прибыл слишком поздно. Но, может быть, еще не все потеряно.

Я ощупал вентиляционную решетку и обнаружил в углу крепления, которые подались без особого труда. Сняв решетку и поставив ее рядом, я высунулся наружу. Насколько можно было судить, комната опустела. Ну что ж, придется рискнуть. Я с трудом развернулся и, зависнув на руках, спрыгнул на пол, а потом даже умудрился уложить на место решетку, так, на всякий случай. Пошарил в ящиках секретера, открыл несколько шкафчиков, заглянул под кровать. Похоже, здесь тоже улики просто так не валялись.

Я подошел к балконной двери и на всякий случай отомкнул ее. Здесь была еще одна дверь, но запертая.

Ну вот, теперь мне, по крайней мере, есть чем заняться. И я принялся разыскивать ключ. Наконец в маленькой тумбочке возле софы я обнаружил чудный стальной ключик, который...

Да, ключ подходил. Я толкнул дверь и вошел в темноту. Нащупав выключатель, включил свет и закрыл за собой дверь.

Комната поистине отвечала всем моим представлениям о лаборатории алхимика. Все стены были увешаны полками с книгами. Высокий задрапированный потолок завис, словно гигантская летучая мышь, над столами, загроможденными рукописями и инструментами, а в дальнем конце я заметил ложе с куполообразным аппаратом. Я сразу узнал его это был рекодер — первый, встреченный мной на Валлоне.

Я внимательно осмотрел его. Предыдущий рекодер, который мне довелось видеть на звездолете, был сугубо утилитарной моделью, а этот явно представлял собой аппарат экстра-класса. Но меня это не волновало, по крайней мере, одна из моих проблем решилась сама собой. Теперь только оставалось загнать сюда Фостера, и дело в шляпе.

Внезапно я почувствовал себя совершенно опустошенным, уязвимым и беспомощным. Я шел на неоправданный риск, сунув голову в пасть льву, и все это даже без намека на план, не имея ни малейшего представления, что здесь вообще происходит. Чем объяснить такой интерес Оммодурада к Фостеру? Почему он прячется здесь, отгородившись от всего Валлона слухами о колдовстве и привидениях? Какое отношение он имеет к катастрофе, постигшей Двумирье?

И почему я, простой парень по имени Легион, увяз в этом по самую макушку, когда мог бы преспокойно сидеть дома, в уютной федеральной тюрьме, в абсолютной безопасности?

Ну, положим, ответить на этот вопрос не так уж и сложно. Однажды у меня был приятель, головастый парень по имени Фостер, который оттащил меня от края пропасти, когда я собрался совершить самую большую глупость в своей жизни. Он был джентльменом в полном смысле этого слова и обращался со мной как с джентльменом. Мы вместе участвовали в удивительных приключениях, принесших мне богатство и показавших, что никогда не поздно расправить плечи.

И вот теперь он оказался в цепях, без друзей, без надежды, но по-прежнему несломленный, хотя его мир скатился к варварству.

Но вот в одном он все-таки был не прав. У него оставалась одна маленькая надежда, потому что каков бы я ни был, но я здесь и на свободе. И со мной мой револьвер, и если мне повезет угадать подходящий момент, то, может быть, мы еще выйдем победителями. Ну, как, например, те счастливчики, которые умудряются выигрывать в национальной лотерее.

Но сейчас самое время забраться в свою вентиляционную трубу. Оммодурад может вернуться в любую минуту. Я подошел к двери, выключил свет, повернул ручку и замер.

Оммодурад был уже в комнате. Он сбросил свой балахон и подошел к встроенному бару. Я повис на ручке, даже не отваживаясь закрыть дверь.

— Но, мой господин,— послышался голос рыжеголового.— Я уверен, что он помнит...

— Нет,— прогудел Оммодурад.— Утром я обдеру его память до основания.

— Дозволь мне, мой господин, я выжму из него правду своей сталью, я...

— Такого, как он, твоя сталь никогда не знала,— рявкнул в ответ Оммодурад.

— Доменьер доменьеров, я прошу, я умоляю, только один час... Завтра в церемониальном зале я окружу его символами прошлого...

— Довольно! — Оммодурад грохнул кулаком по столу, заставив бокалы со звоном подпрыгнуть.— И на таких лакеях, как ты, зиждется могучая империя! Это преступление перед богами, и вину я возлагаю на него.— Оммодурад залпом выпил и дернул

головой.— И все же я разрешаю тебе то, о чем ты просишь. Но теперь проваливай с моих глаз.

Рыжеголовый чуть не свалился в поклоне и исчез с радостным воплем. Оммодурад что-то буркнул себе под нос и принялся расхаживать по комнате, время от времени останавливаясь перед балконом. Наконец он заметил открытую дверь и, ругнувшись, захлопнул ее. Я затаил дыхание, но это, похоже, его не насторожило.

Оммодурад разделся и лег на софу. Комната погрузилась во тьму. Минут через десять я услышал его сонное посапывание.

По крайней мере, я узнал, что завтра наступит последний день Фостера. Так или иначе, Оммодурад с этим рыжеголовым прикончат его. Времени оставалось в обрез, но поскольку ситуация была безнадежной, то и терять нам, собственно говоря, было нечего.

В голове у меня крутилось несколько вариантов. Я мог прокрасться к вентиляционной шахте и попытаться пролезть в нее, не разбудив дрыхнувшего бронтозавра. Я мог пройти на балкон в футе от его головы или остаться на месте. Последний вариант был хорош тем, что никаких немедленных действий предпринимать не требовалось. Я мог просто свернуться калачиком на полу, а еще лучше — пристроиться на трансформ-ложе...

Я ощупал карманы и вытащил две матрицы памяти. Цветокодированная — память Фостера, а вот другая — собственность чужака, умершего три тысячи лет назад.

В этом цилиндре содержались все воспоминания друга Фостера, человека, который знал, что же все-таки произошло на борту корабля, знал цель экспедиции.

Мне нужны были эти знания, и вообще любая информация, которую я только мог получить, чтобы обеспечить себе хоть какой-нибудь перевес в этой неравной борьбе. Цилиндр наверняка даст ответы на некоторые вопросы. Возможно, включая и причину такого нездорового интереса Оммодурада к Фостеру.

Я подошел к ложу, нащупал в боку углубление и до упора запихнул в него цилиндр, затем прилег и подтянул купол к голове.

Мозг резанула боль, а потом наступила тьма.

Глава 18

Я стоял у королевского ложа, на котором лежал Кулклан Ртр. Я понял, что близок час, которого я так ждал, ибо он погрузился в трансформацию.

Часы показывали третий час ночной вахты. Все, кроме меня, на борту спали. Надо было спешить, и тогда рассветная вахта найдет дело завершенным.

Я потряс спящего человека. Того, кто когда-то был Ртром, а сейчас стал никем по воле трансформации. Он медленно выплыл из объятий сна и огляделся по сторонам чистыми глазами новорожденного.

— Подымайся,— скомандовал я, и император беспрекословно повиновался мне,— следуй за мной.

Как всегда после трансформации, мы повинуемся тому, кто нам приказывает. Я велел ему хранить молчание, и он, словно ягненок, подчинился мне. Я провел его к клетке с охотниками. Они взмыли, пританцовывая от голода.

Я ухватил Кулклана за руку и просунул ее в клетку. Охотники сгрудились, метя свою будущую жертву. Он безропотно следил за происходящим расширившимися от ужаса глазами.

— То, что ты ощущаешь сейчас,— боль,— сказал я.— В будущем тебе придется испытывать ее часто.

Охотники удовлетворились, и я установил в клетке таймер.

В своих покоях я обрядил его в пурпурные одежды и провел к докам, где находились шлюпки.

Но проклятие богов тяготело надо мной. В доке мы оказались не одни. Я не медлил и подобно ястребу налетел на человека сзади, вогнав в его тело острый кинжал. Потом оттащил труп за подножие колонны, но не успел его хорошенько спрятать, как из тени появились другие, не знаю уж каким образом вызванные и кем. Они спросили у Ртра, зачем он бродит ночью, одетый в цвета Аммерлина Брос-Илионда. Я испытал поистине черное отчаяние от того, что мои великие замыслы натолкнулись на рифы их усердия.

Я разразился гневной тирадой, что я, Аммерлин, советник и спутник Ртра, всего лишь беседовал на личные темы с моим господином.

Но они упорствовали, и больше всех Голлад. Это он увидел спрятанный труп, и в одно мгновение меня окружили.

И тогда я выхватил длинную рапиру и приставил ее к горлу Кулклана.

— Не приближайтесь, или ваш император умрет,— предупредил я.

И они отступили.

— Неужели вы думаете, будто я, Аммерлин, мудрейший из мудрейших, нахожусь здесь только из любви к путешествиям? — негодовал я.— Уже давно я ждал этого часа, чтобы остаться один на один с его величеством и чтобы его настигла трансформация вдали от двора, ибо только так может быть исправлено древнее зло.

Есть люди, рожденные повелевать, и я — один из них. Долго, очень долго он стоял у меня на пути, но смотрите, я наконец все смогу изменить. За бортом находится зеленый мир, населенный дикарями; я не настолько низко пал, чтобы мстить человеку без памяти, я отпущу его, и пусть судьба вновь вернет ему императорский статус, если на то будет ее воля.

Но они оказались настолько глупы, что вынули свои клинки. Я сказал, что все, все могут разделить мою славу. Но они меня не слушали, и тогда я повернулся к Кулклану, чтобы вонзить рапиру ему в горло, но тут Голлад заслонил его и пал. Они напали на меня, я принял сражение, и хотя они, раненые, истекали кровью, все равно продолжали упорствовать в своем сумасшествии.

В конце концов я выследил каждого из них и убил всех поодиночке в тех углах, куда они забились. Ртр исчез, и я потерял голову от страха, что мои планы разрушены низкими слугами.

Потом я понял, что найду их в Зале памяти, ведь, без сомнения, низкородные свиньи попытаются вернуть ему память прошлых дней. Я едва не расплакался от бессилия при мысли, что все пойдет прахом. Ужасный в своем гневе, я нашел их. Их было только двое, и, хотя они стояли плечом к плечу в дверях, пытаясь мне помешать, их жалкие клинки не могли противостоять моей рапире. Я сразил их и прошел к трансформ-ложу, чтобы забрать матрицу памяти с имперским цветокодом и уничтожить ее. А вместе с ней навечно уничтожить и Ртра...

Но тут послышался неясный звук. Я резко обернулся, и отвратительное видение предстало передо мной в полутьме. Блеснула сталь в окровавленной руке проклятого Голлада, и жестокая боль пронзила мне грудь...

Голлад лежал, привалившись к стене, с мертвенно-бледным лицом, белым пятном выделявшимся на фоне окровавленной туники. Когда он заговорил, воздух сипел в его продырявленных легких.

— Предатель. Император уважал тебя,— прошептал он.— Что ты наделал? Разве в тебе нет ни крохи жалости к тому, кто справедливо и мудро правил в Окк-Хамилоте?

— Если бы ты не искалечил мою судьбу, проклятая собака,— прошипел я,— то это великолепие и справедливость Окк-Хамилота стали бы моими.

— Ты напал на него беззащитного,— выдохнул Голлад.— Так низко пасть! Оставь Ртру его память, она более важна, чем его жизнь.

— Я только наберусь сил, поднимусь и сброшу его с ложа. И вот тогда умру спокойно.

— Ведь ты же был его другом,— прошептал Голлад.— Вы сражались бок о бок... вспомни... и имей жалость: оставить его одного на мертвом корабле, без памяти...

— Я выпустил на него охотников,— закричал я торжествующе.— И с ними Ртр будет делить этот склеп до конца всех своих жизней!

Я нашел наконец в себе силы подняться... Но когда моя рука коснулась матрицы памяти императора, я почувствовал, как окровавленные пальцы Голлада сомкнулись на моей ноге, и мои силы иссякли. И я падал, падал в этот угрюмый колодец смерти, из которого нет возврата...

Я пробудился и долго лежал в темноте, не двигаясь и пытаясь собрать воедино обрывки увиденного странного сна. Меня все еще тревожили остатки горьких эмоций. Но были дела и поважнее, чем сны. Какое-то время я никак не мог припомнить, что же собирался сделать, а потом как-то внезапно сообразил. Я лег на трансформ-ложе, но трансфокация не сработала.

Я с усилием попытался еще раз припомнить, что же произошло, но безрезультатно. Возможно, мой мозг просто не приспособлен к восприятию валлонской матрицы памяти. Еще одна идейка не сработала. Ну что ж, по крайней мере я отдохнул. Пора действовать. Во-первых, убедиться, что Оммодурад по-прежнему спит. Я попытался сесть.

Ничего не произошло.

Я замер, пытаясь сосредоточиться.

Я попробовал пошевелиться, но не смог двинуть мускулом. Парализован? Связан? Или по-прежнему сплю?

Я боялся делать новую попытку. Положим, я приложу все усилия, но у меня ничего не получится, что тогда? Лучше лежать и думать, будто произошла какая-то ошибка. Может, еще раз заснуть? Нет, это было бы просто смехотворно. Мне всего-навсего надо сесть. Я...

Ничего не получилось. Я лежал в кромешной темноте и пытался двинуть рукой, повернуть голову. Но, похоже, у меня нет ни рук, ни ног, ни самого тела, а только бодрствующий в пустоте мозг. Я попробовал ощутить сковывающие меня веревки — их не было. Ни веревок, ни рук, ни тела. Вот так новость: один мозг в темноте!

А потом внезапно прихлынуло какое-то ощущение, но не тела, а скорее смутное представление о контурах тела. И вот тут-то я сообразил, что же произошло на самом деле. Я открыл свой мозг чужой памяти, чужой ум взял власть над моими ощущениями и загнал мое собственное сознание в темный угол. Я оказался несчастным узником в своей собственной голове.

Целую вечность я пребывал в полной растерянности, замурованный так, как меня не замуровали бы никакие стены Бар-Пандерона. Неосязаемыми пальцами воображения я принялся раздирать вокруг себя несуществующие, но такие реальные стены, пытаясь найти хоть какой-нибудь путь наружу, и ничего не находил.

И тогда наконец я взял себя в руки.

Мне требовалось проанализировать свои ощущения, отыскать каналы, по которым передаются нервные импульсы, и проникнуть в них.

Я сделал попытку. Иллюзорное представление собственного «я» осторожно потянулось. Вот бесконечное количество слоев нервных клеток, а тут бурные потоки кровяных телец, там натянутые кабели взаимосвязей, а здесь...

Барьер! Неприступная, гигантская стена. Мои ощущения вихрем промчались по ней и вернулись обратно, так и не найдя ни малейшей трещины. Барьер скрывал холодного, равнодушного, чужеродного завоевателя, укравшего мое тело.

Я сжался в комок. Надо определить место для атаки и обрушиться всей силой сохранившегося самосознания, пока я еще хоть как-то могу мыслить и пока абстракция, именуемая Легионом, не исчезла навечно.

Я взвесил свои возможности и почти сразу же сделал открытие. На мгновение от неожиданности я даже отпрянул — чужая конфигурация информационного узора. Но потом я вспомнил.

...Я находился в воде, захлебывался, терял силы, а где-то на берегу поджидал десантник с карабином наготове. И вдруг, точно ниоткуда, возник поток мощной информации, который под-

хватил меня и понес, как бурное течение реки, дав возможность выплыть в полумиле от берега.

...И еще: я вишу на карнизе небоскреба и где-то в уголке мозга звучит равнодушный, презрительный голос.

А я все забыл. Это чудо было отвергнуто моим рациональным умом. Но теперь-то я понимал, что это было знание, которое я воспринял там, в башне моего дома на острове, перед тем как бежать от схватки двух армий. Это была информация, позволяющая выжить, известная всем валлонцам прежнего мира. И все это лежало здесь похороненное — секреты сверхчеловеческой мощи и выносливости, отторгнутые бестолковым инстинктом.

Но теперь-то оставалось только мое «я», очищенное от груды всяких комплексов, освобожденное от подсознательных рефлексов. Теперь, без всех этих побочных наслоений, передо мной предстала картина тех зон мозга, где зарождаются сны, гнездятся первобытные страхи, струятся импульсы всеохватывающих эмоций. Но только с той разницей, что теперь мое сознание имело над всем этим устойчивый контроль.

Не колеблясь, я воспользовался знаниями валлонской цивилизации, сделав их своими. Я снова приблизился к барьеру, распределился вдоль него, стал пробовать его на прочность.

«...отвратительный дикарь...»

Эта мысль прогремела с силой урагана. Я отпрянул, но потом вновь возобновил атаку, теперь уже наверняка зная, что делать...

Я искал и нашел наконец слабину нейронных связей, зарылся в нее...

«...невыносимо... окраинное... стереть...»

Я тут же перешел в наступление, проскользнул сквозь защиту и захватил оптический нерв. Чужак обрушился на меня, но опоздал. Я прочно удерживал позиции. Атака захлебнулась, и он отступил. Я осторожно подстроился к восприятию импульсов, бегущих по нерву. Вспышки, мигание, я фокусируюсь...

...И вдруг я вижу, вижу! На мгновение я едва не потерял самообладание, но удержался и теперь смотрел через глаз, отвоеванный у узурпатора.

И снова чуть было не потерял душевное равновесие.

Комнату Оммодурада заливал яркий дневной свет. В поле зрения попадались все новые и новые предметы по мере продвижения тела. Это мое тело расхаживало по воле завоевателя. Промелькнула пустая софа. Оммодурада не было.

Я ощутил, как все левое полушарие, дезориентированное потерей глаза, ослабило защиту, слегка отступил со своего оптического плацдарма, наложил временный травмоблок на нерв, чтобы чужак не успел захватить мою позицию, и сконцентрировал свои силы на атаке слухового нерва. В одно мгновение мой глаз скоординировался под впечатлением слухового импульса, и я ясно расслышал, как захватчик выругался моим голосом.

Мое тело стояло возле голой стены, приложив к ней руку. Небольшое открытое углубление в стене было пусто.

Тело повернулось, открыло дверь и вышло в коридор, погруженный в фиолетовый полумрак. Взгляд контролируемого мной глаза перебежал с лица одного охранника на другого. Их глаза изумленно расширились, они машинально потянулись за дубинками.

— Вы отваживаетесь преграждать дорогу самому владыке Аммерлину? — рубанул по ним мой собственный голос.— В сторону, если дорожите своими жизнями!

Мое тело прошло мимо них, миновало огромную арку, спустилось по мраморной лестнице, пересекло зал, который я уже видел во время своей ночной вылазки, и оказалось в тронном зале из оникса с золотым символом Двумирья.

На троне великого доменьера восседал Оммодурад, гневно взирая на своего рыжего придворного, голову которого скрывал капюшон. Между ними стоял Фостер. Его руки оттягивали тяжелые наручники. Оммодурад повернулся. Его лицо побледнело, потом залилось багровой краской. Он грузно поднялся, ощерившись.

Мой глаз не отрывался от Фостера. Выражение изумления росло на его лице.

— Мой господин, Ртр,— услышал я собственный голос.

Взгляд скользнул ниже и остановился на наручниках. Тело сделало шаг назад, как бы в ужасе.

— Ты явно забылся, Оммодурад! — нервно воскликнул мой голос.

Доменьер доменьеров шагнул ко мне, поднимая свой гигантский кулак.

— Не смей прикасаться ко мне, поганый узурпатор! — проревел мой голос.— О боги! Ты что, принимаешь меня за обыкновенную глину?!

Невероятно, но Оммодурад остановился на полпути.

— Я знаю тебя как выскочку Дргона, нахального доменьера,— прогудел он.— Но я ощущаю чужое присутствие за твоими бледными глазами.

— Отвратительно было преступление, которое ввергло меня в такое положение,— произнес мой голос.— Но знай же, что твой владыка, Аммерлин, стоит перед тобой в теле дикаря.

— Аммерлин!

Оммодурад дернулся, словно его ударили.

Мое тело повернулось, взгляд остановился на Фостере.

— Мой господин,— произнес мой голос.— Клянусь тебе, что эта собака умрет за свое предательство.

— Это безмозглое тело — самозванец,— прервал его Оммодурад.— Не ищи милости Ртра, ибо он уже не Ртр. Ты будешь иметь дело со мной.

Мой взгляд вонзился в Оммодурада.

— Думай, к кому обращаешься, а то твое честолюбие доведет тебя до темницы.

Оммодурад опустил руку на кинжал.

— Ты можешь быть Аммерлином Брос-Илиондом либо подменышем из царства тьмы — не знаю и знать не хочу. Да будет тебе известно, что в этот миг вся власть на Валлоне принадлежит мне.

— А что с тем, кто когда-то был Кулкланом? На что покушаешься, пес? — Я увидел, как моя рука махнула в сторону Оммодурада.

— Конец терпению! — проревел доменьер доменьеров.— Неужели в своей цитадели я буду отчитываться перед сумасшедшим? — Он угрожающе двинулся в мою сторону.

— И неужели этот глупец Оммодурад позабыл силу великого Аммерлина? — вкрадчиво спросил мой голос. И гигант снова остановился, внимательно вглядываясь в мое лицо. А мой голос продолжал: — Час Ртра миновал, как и твой, неудачник и глупец. Тебе принадлежат месяцы, годы? Заблуждения скоро рассеются.— Мой голос буквально загремел.— Так знай же, что я, великий Аммерлин, вернулся и буду править в Окк-Хамилоте.

— Месяцы,— оскорбленно прогудел Оммодурад.— Да, я теперь верю, что слухи верны и злой демон вернулся, чтобы преследовать меня. Ты сказал, месяцы.— Оммодурад запрокинул голову, грубо расхохотавшись, словно зарыдав.— Так знай же, будь ты демон, или сумасшедший, или сам сатана, вот уже тридцать

столетий как я один, один. Я отторгнут от всей остальной империи своим единственным ключом.

Это был момент, которого я ждал все время разговора. Словно молния, я ударился в пошатнувшийся барьер, пробил его и натолкнулся на матрицу чуждого сознания. Провалившись в болото извращенных представлений, я запутался в паутине перевернутых мыслей о мире.

В своем порыве я оказался неосторожен. Чужак, собравшись с силами, нанес встречный удар. Я слишком поздно ощутил, как он прорвался в мое сознание. Я бросился на защиту важной информации и потерял свой шанс. Я судорожно вцепился всем своим существом в какие-то обрывки украденных сведений. Моя атака вызвала в нем лишь раздражение, но все-таки мне удалось унести с собой массу информации. Я интерпретировал ее и свел в систему.

На мое воспоминание о Фостере наложилось другое: лицо Кулклана Ртра — правителя Двумирья.

Но и кое-что другое знал теперь Легион: архивы находятся глубоко в скале под прославленным городом Окк-Хамилотом, где хранились матрицы памяти каждого валлонца. Архивы, запечатанные Ртром, которые только он способен открыть. Аммерлин побудил императора отправиться в путешествие, подчеркивая необходимость отдыха, и убедил его захватить с собой свою матрицу памяти. Согласие Кулклана вызвало тайную радость Аммерлина. Время трансформации наступило для Ртра на борту звездолета, в глубине космоса. Государственный переворот почти свершился... А потом возникла неожиданная помеха, уничтожившая все надежды...

И тут же вплелись мои собственные воспоминания: пробуждение Фостера и запись памяти умирающего Аммерлина. Бегство от охотников, императорская матрица памяти, пролежавшая три тысячи лет среди костей, пока я, дикарь, не подобрал ее. И карман, где теперь лежал цилиндр. Тело, в котором я все еще обитал, но которое мне не принадлежало.

И еще в моем прошлом была вторая матрица памяти — матрица Аммерлина. Я пересек Галактику, чтобы отыскать Фостера, и привез с собой его главного врага. В конечном итоге я предоставил этому врагу жизнь и тело...

А Фостер выжил, несмотря ни на что, вернулся, воскрес из мертвых — последняя надежда вернуть золотые времена Валлона.

Чтобы судьба погубила его моими руками.

— Три тысячи лет,— произнес мой голос ошеломленно.— Три тысячи лет люди Валлона жили в дикости, когда вся слава его истории заперта в архивах?

— Я один,— сказал Оммодурад,— нес проклятый груз этого знания. Давным-давно, еще в дни Ртра, я забрал свой оригинал из архивов в предвкушении того момента, когда ему суждено будет пасть. Но этот долгожданный час принес мне мало радости.

— И теперь,— произнес мой голос,— ты надеешься заставить этот мозг — который даже нельзя назвать разумным мозгом — открыть архивы?

— Я знаю, что это безнадежно,— согласился Оммодурад.— Сначала мне показалось, что если он говорит на староваллонском, то просто деградировал. Но нет, он действительно ничего не знает. Он всего лишь скорлупа от прежнего Ртра, и меня тошнит от его вида. Я бы с удовольствием прикончил его прямо сейчас и навсегда положил бы конец этому долгому фарсу.

— Нет! — резанул мой голос.— Я уже приговорил его к изгнанию, так тому и быть.

Лицо Оммодурада перекосилось от ярости.

— Твоя болтовня мне надоела.

— Стой! — рявкнул мой голос.— Ты откажешься от ключа.

Наступила тишина. В поле зрения глаза попала моя рука, держащая матрицу памяти Фостера.

— Двумирье лежит в моей руке,— проговорил мой голос.— Ты видишь черно-золотой код императорской матрицы памяти? Могуч тот, у кого в руках этот ключ. А что касается телесной скорлупы, то пусть она будет уничтожена.

Оммодурад скрестил свой взгляд с моим.

— Быть по сему,— согласился он.

Рыжеголовый с улыбкой вампира вытащил узкий стилет. Медлить было нельзя...

Сквозь слабину, которую поддерживал в барьере чужого мозга, я швырнул последние запасы энергии и ощутил, как враг отпрянул, а потом отозвался превосходящей силой. Но я уже успел миновать барьер.

Пока чужак окружал меня, я растворился на мириады нервных импульсов, обтекающих нападение противника. Я находил все новые и новые источники силы.

Щитом к щиту я наконец схватился с самим Аммерлином, и он оказался сильнее. Медленно, медленно я стал поддаваться, отступать, краем сознания улавливая смутное восприятие тела, застывшего неподвижно, с незрячими глазами, и ощутил отголосок слов издалека:

— Быстрей! Самозванец!

Шанс?! Я взял контроль над правым глазом и перекрыл дорогу зрительному импульсу. Чужак забился, словно одержимый, когда вокруг него сомкнулась темнота. Я услышал свой собственный вопль, и передо мной мелькнуло угрожающее видение: рыжеголовый бросается ко мне, сверкает стилет...

И в этот момент давление чужака внезапно исчезло, распалось на части и пропало совсем.

Я был в одиночестве. Пещеры мозга маячили угрюмой опустошенностью. Я стал двигаться по главным нервным путям, занял подкорку...

На меня разом обрушилась нестерпимая боль. Я скорчился, грудь жгло, боль перекрывала нахлынувшее возвращенное ощущение рук, ног...

И вот, валяясь на полу, я наконец понял, что рыжеголовый действительно нанес мне удар стилетом, и тот, другой, чужак в моем сознании, в непосредственной связи с болевыми центрами не устоял и отступил, оставив меня одного.

Сквозь багровый туман я увидел, как надо мной появилась фигура Оммодурада. Нагнулась и снова выпрямилась с императорской матрицей памяти в руке. А где-то поодаль, за ним, изворачивался Фостер, душа цепью наручников рыжеголового лакея. Оммодурад повернулся, шагнул, вырвал своего слугу из рук Фостера и оттолкнул в сторону.

Оммодурад выхватил свой кинжал. Фостер, словно пума, прыгнул вперед, ударил цепью, и оружие отлетело в сторону. Доменьер с проклятиями отступил. В этот момент рыжеголовый подхватил стилет и бросился на Фостера.

А я сражался со своим непослушным телом, пытаясь дотянуться до бедра и расстегнуть кобуру. Аммерлин сумел вырвать из моего сознания память об императорской матрице, но о револьвере он так ничего и не смог узнать. Преодолевая боль, я вытащил пистолет, медленно, неуклюже поднял его, нацелился на всклокоченный рыжий затылок и выстрелил. По залу прокатилось гулкое эхо. Оммодурад поднял свой клинок, и теперь Фостер отступал от него, весь забрызганный кровью рыжеголового. Он уперся спиной в стену, символ Двумирья оказался прямо

над его бледным лицом. От потери крови у меня все плыло перед глазами, покрываясь багровым туманом.

Но меня еще мучила ускользающая мысль, найденная в сознании Аммерлина. В центре виднелась розетка с выступом, словно рукоять меча...

Ну конечно, меч Ртра, использованный однажды на рассвете мира, но затем забытый, вложенный в ножны из камня, закодированный памятью Ртра, чтобы никто другой не мог им воспользоваться...

Преодолевая невыносимую боль, я глубоко вдохнул, смаргивая подступающую темноту.

— Фостер,— прохрипел я.— Меч!

Фостер метнул на меня взгляд. Я говорил по-английски. Чуждый язык в этом окружении. Оммодурад не обратил на меня никакого внимания.

— Вытащи... меч... из камня! Ты же Кулклан...

Он потянулся и ухватил изукрашенную рукоять. Оммодурад с криком бросился вперед.

Меч — четыре фута сверкающей стали — выскользнул из стены. Оммодурад резко остановился и уставился на сияющее лезвие в руках Фостера, скованных наручниками. Затем он медленно опустился на колени и склонил голову.

— *Я* сдаюсь, Кулклан,— сказал он.— *Я* взываю к милости Ртра.

Я смутно слышал топот бегущих ног. Я провалился куда-то, снова выплыл. Словно в тумане я ощущал, как Торбу приподнимает мою голову, видел склонившегося надо мной Фостера. Они о чем-то говорили, но я ничего не понимал. Мои ноги были холодны, и холод поднимался все выше и выше.

Меня касались руки, холодная гладь металла у моих висков, я хотел сказать что-нибудь, сказать Фостеру, что нашел ответ, который ускользал от меня всю жизнь. Мне хотелось сказать ему, что все жизни кажутся одной длины, если взирать на них с перспективы смерти, и что жизни, как и музыке, не нужен смысл, а необходима только симметрия.

Но это было мне не по силам. Я пытался удержать мысль и унести ее с собой в ледяную пустоту, куда уплывал. Но она ускользала, ускользала прочь, и только я один оставался в пустоте; ветер, дующий сквозь вечность, уносил прочь остатки моего «я». И я остался один на один с темнотой...

Эпилог

Я проснулся от утреннего света, такого яркого и насыщенного, каким он бывает, когда мир кажется молодым и прекрасным. На высоких окнах колыхались паутинки занавесей, сквозь которые я видел, как по небу плывут белые облака.

Я повернул голову. Рядом стоял Фостер, одетый в короткую белую тунику.

— Что за идиотская одежонка, Фостер? Однако на тебе она неплохо смотрится. Хм, а ты, я гляжу, постарел, тебе никак не дашь меньше двадцати пяти.

Фостер улыбнулся.

— Добро пожаловать на Валлон, мой друг,— сказал он по-английски.

Я обратил внимание, что он запнулся, произнося слова, словно давно уже не пользовался этим языком.

— Валлон,— повторил я.— Выходит, это все не сон?

— Пусть все остается сном, Легион. Твоя жизнь начинается сегодня.

— Что-то мне надо было сделать,— задумчиво произнес я.— Не помню. Да и не важно. Я ощущаю себя как новорожденный.

Возле кровати появился еще один.

— Гоп,— сказал я, но потом заколебался.— Ты ведь Гоп, верно? — спросил я уже по-валлонски.

Тот засмеялся:

— Да, меня так звали, но мое настоящее имя — Гвенн.

Я осмотрел свое тело и увидел, что на мне такая же туника, как на Фостере, только голубая.

— Кто меня так одел? — спросил я.— Где мои джинсы?

— Это одеяние тебе больше подходит,— ответил Гоп.— Вставай, поглядись-ка в зеркало.

Я поднялся и шагнул к высокому зеркалу.

— Да это же не я, ребята.— И замолк.

На меня из зеркала смотрело отражение могучего черноволосого атлета. Я двинул рукой, и тот последовал моему примеру. Я резко обернулся.

— Что... как... кто?

— Смертное тело, бывшее Легионом, погибло от ран. Но память твою мы записали. Нам пришлось ждать много лет, прежде чем смогли вернуть тебе жизнь.

Я снова посмотрел на отражение. Молодой гигант в свою очередь ошеломленно взирал на меня.

— Я помню, я помню... нож, рыжеголового, доменьера доменьеров...

— За свои преступления,— вставил Гоп-Гвенн,— он был отправлен в изгнание, пока не наступило время трансформации. Долго нам пришлось этого ждать.

Я снова глянул в зеркало и теперь только узнал две знакомые физиономии. Одна из них маячила где-то внизу у самых ног и принадлежала кошке, известной мне как Итценка. А вторая — моя, как я теперь видел, принадлежала Оммодураду, молодому и полному энергии.

— На его пустое сознание мы просто нанесли твою матрицу,— пояснил Гоп.

— Он расплатился с тобой за твою гибель.

— Наверное, как маленький капризный ребенок, я должен был бы закатить хорошую истерику и потребовать, чтобы мне вернули мое собственное тело,— произнес я медленно, и так и этак поворачиваясь перед зеркалом.— Но штука в том, что мне нравится походить на господина Вселенной.

— Твое земное тело было заражено вирусами старости,— откликнулся Фостер.— Но теперь-то ты можешь не беспокоиться о ранней смерти.

— Однако пошли,— сказал Гоп-Гвенн.— Валлон ждет.— И он подошел к высокому окну.

— Твое место всегда рядом со мной,— произнес торжественно Фостер.— Все Двумирье открыто для тебя.

Я выглянул в окно и увидел бесконечное покрывало зеленой травы, тянущееся через холмы до самого края леса. По нему двигалась процессия рыцарей в сияющих доспехах. Они гордо восседали на животных, как две капли воды похожих на единорогов.

Я устремил взгляд туда, где яркое солнце отражалось от голубых плит высоких башен. Где-то гремели фанфары.

— Заманчивая перспектива,— согласился я.— Ну что ж, будь по-вашему.

Машина времени шутит

Посвящается Дженис

Глава 1

По колпаку аэрокара текли струйки дождя, мешая разглядеть, что происходит внизу, на земле. Честер В. Честер Четвертый перевел машину в режим зависания и прижался носом к холодному пластику, вглядываясь в неясное пятно на фоне серо-зеленого луга. Он различил в этом пятне скопление коричневых палаток и желтых автомобилей Межконтинентального ваусеровского аттракциона чудес. Слева блестящий от дождя купол главного шатра колыхался под порывами ветра, а рядом с ним Честер заметил маленькие фигурки людей, облепивших длинную палатку, где размещался зверинец. Вдоль пустынной аллеи безжизненно обвисли мокрые от дождя флаги.

Вздохнув, Честер стал полого снижать кар в направлении открытой площадки, расположенной около бокового павильона. Он посадил его рядом с тяжелой старомодной машиной, выделявшейся цветными занавесками на маленьких квадратных иллюминаторах. Честер спустился на землю и побрел по чавкающей грязи к приспособленному под жилое помещение грузовому вертолету, постучал в дверь. Откуда-то донесся печальный органный звук.

— Эй,— окликнул кто-то.

Честер обернулся. Человек в мокром комбинезоне высунул голову из стоящего неподалеку кара.

— Если вам нужен мистер Малвихилл, то он на главном входе.

© Перевод В. Кемова, В. Кузьминова.

Честер небрежно кивнул, поднял воротник своей строгого покроя спортивной куртки цвета лаванды, перевел регулятор температурного режима в среднее положение. Затем, морща нос от тяжелого запаха, доносившегося из зверинца, сгибаясь под порывами ветра, он двинулся через стоянку, миновал павильон из пластика и вышел к главному входу.

Под полосатым навесом, прислонившись к опорному столбу, стоял толстый, высокий человек с огненно-рыжими волосами и огромными усами, в клетчатом костюме и ковырял в зубах. При виде Честера он встрепенулся, стукнул об пол тростью с золотым набалдашником и пророкотал:

— Ты как раз вовремя, друг! Тебя ждет кресло, откуда ты увидишь самое удивительное, изумительное, фантастическое и шокирующее зрелище, которое удовлетворит твои самые изощренные вкусы и...

— Не краснобайствуй, Кейс,— прервал его Честер, подходя ближе,— это всего лишь я.

— Честер! — вскрикнул рыжий. Широко улыбаясь, он сбежал по ступенькам вниз и дружески стал хлопать Честера по спине.— Что тебя сюда принесло? Почему ты, черт побери, не дал мне знать заранее?

— Кейс, я...

— Извини за погоду. Юго-Западная служба управления обещала мне попридержать этот дождь до завтра, до четырех утра...

— Кейс, есть нечто...

— Я им звонил и устроил скандал, они дали слово прекратить его к трем. Между тем, знаешь, как медленно все сейчас делается... Боюсь они обманут, Честер. А ведь зритель сейчас не тот, что раньше: чуть-чуть заморосило, и он уже носа наружу не высунет, привязанный к экрану своего тридивизора.

— Да, не видать, чтобы посетители ломились,— согласился Честер.— Но я не об этом хотел сказать...

— Пригласил бы даже пару девок, ошивающихся сегодня без дела, чтобы только не видеть эту пустоту.

— Эй, Кейс,— раздался грубый голос,— у нас неприятности на кухне. Сметет все подчистую, если мы ее немедленно не выставим вон.

— Ах ты! Скорее, Честер,— прокричал Кейс и бросился бежать.

— Но, Кейс,— попытался было остановить его Честер и последовал за ним под дождь, который лил уже потоками, стуча по брезентовым крышам со звуком, подобным раскатам грома.

Полчаса спустя в теплом жилище Кейса Честер согревал руки, держа в них чашечку горячего кофе, и старался поближе придвинуться к полыхающим искусственным углям в электрическом камине.

— Прошу прощения за суету, Честер,— сказал Кейс, снимая мокрую рубашку и отлепляя фальшивые усы.— Не самый лучший способ встречи хозяина.

Он замолк, следя взглядом за Честером, который рассматривал полосатую накидку из тигровой шкуры на плечах Кейса.

— А, это.— Кейс ощупал ворсистый мех.— Обычно я это не ношу, Честер. Но в последние дни приходится выступать в роли силача.

Честер показал головой на кучу разных вещей, сваленных в углу комнаты.

— Ласты,— начал перечислять он,— одежда для фокусов с огнем, ботинки канатоходца, балансир.— Затем сунул пальцы в банку с густым кремом.— Клоунский грим,— продолжал он.— Что это, Кейс? Театр одного актера? Создается впечатление, что ты один выступаешь с половиной всех номеров.

— Да, увы, Честер, приходится затыкать дыры там и сям...

— Даже забивать костыли под палатки. Я помню свои ощущения в прошлый раз, когда ты, будучи прорицателем, несколько затянул интервал между своим исчезновением и материализацией.

— Подождем до весны,— сказал Кейс, энергично растирая волосы полотенцем.— Мы снова прочно станем на ноги, Честер, я тебя уверяю.

— Боюсь, что нет,— покачал головой Честер.

Кейс замер.

— Что ты имеешь в виду, Честер? Почему? Ведь Ваусеровский аттракцион чудес по-прежнему самый популярный на планете аттракцион под открытым небом.

— Единственный аттракцион под открытым небом, хочешь ты сказать. И у меня возникают сомнения по поводу самого слова «аттракцион». Но я прилетел поговорить с тобой не об этом, а о завещании прапрадеда.

— Ну почему, Честер, ты же знаешь, что старинное очарование цирка по-прежнему привлекает людей. А как только спадет ажиотаж вокруг тридивизоров...

— Кейс,— мягко прервал его Честер,— помнишь, что по отцу я — Ваусер? Правда, не нужно это афишировать. А что касается цветного трехмерного телевидения, то оно существует уже много-много лет. Но завещание прапрадеда все меняет.

Кейс оживился:

— Старый хрыч оставил тебе что-нибудь?

Честер кивнул:

— Я — единственный наследник.

Кейс задохнулся и присвистнул.

— Честер, старина. Ты почти напугал меня мрачным спектаклем, который разыграл. А ты, оказывается, парень, унаследовавший целое состояние!

Честер вздохнул и зажег ароматическую палочку.

— Наследство состоит из сотни акров плодородной земли вокруг великолепного дворца в неовикторианском стиле, построенного по проекту прапрадеда. У старика были собственные представления о дизайне. Такое вот богатство.

— Твой предок был молодчина. Подозреваю, что сотню лет назад ему принадлежала половина Винчестерского округа. Теперь ты погасишь долговые обязательства по цирку и...

— Прапрадед был сумасбродом худшего пошиба,— прервал его Честер.— Меньше всего он заботился о своих наследниках.

— О своем наследнике, ты хочешь сказать? А именно о Честере Четвертом? Однако, если тебе не нравится имение, ты всегда можешь его продать за сумму, которой хватит на то, чтобы спасти цирк.

Честер отрицательно покачал головой:

— Он был слишком умен по сравнению с нами, и это — единственная причина, по которой имение до сих пор остается у нашей семьи, так или иначе. Дела с землевладением были настолько запутанными, что, с учетом бесконечных судебных разбирательств, потребовалось четыре поколения, чтобы их поправить.

— Однако теперь, когда принято решение, ты — законный наследник...

— Да, если не считать пустячка — налогов. За миллионную стоимость я должен выплатить несколько сотен тысяч. И не вступлю во владение до тех пор, пока не погашу все сполна.

— Ты? Честер, ведь, кроме цирка, у тебя нет ничего, что можно было бы продать на такую сумму.

— Ты прав.— Честер тяжело вздохнул.— Следовательно, поместье пойдет с молотка в руки местных агентов по продажам. Дом отделан натуральным деревом и самой настоящей сталью. Если все это содрать, хватит на то, чтобы оплатить большую часть счета.

— Ну ладно, плохо, что тебе не удастся выбиться в богачи, однако же, по крайней мере, мы не станем беднее, чем были. У нас по-прежнему есть цирк...

Честер покачал головой:

— Я сказал *большую часть* счета, а не весь счет. Продав цирк со всеми потрохами, можно едва-едва наскрести нужную сумму.

— Честер! Ты шутишь?..

— А что еще я могу сделать? Либо плати, либо иди в долговую яму.

— Но цирк, Честер... Доходов с него тебе хватало на жизнь, до последнего времени, по крайней мере. А что будет с Джо-Джо, и Пэдди, и мадам Шар, и всеми остальными? Что будет с традицией?

— Традиция старого рода Честеров: никогда не садиться в тюрьму, если этого можно избежать. Даже из-за такой пустяковины, как уклонение от уплаты налогов. Мне очень жаль, Кейс, но похоже, что Ваусеровский аттракцион чудес прекращает свое существование.

— Опомнись, Честер. Клянусь, что продажа антиквариата из усадьбы даст нам требуемую сумму. Неовикторианские вещи ведь достаточно редки.

— Видел ли ты когда-нибудь что-нибудь неовикторианское? Такую, например, штуку, как телевизор в виде взлетающего грифа или унитаз в форме черепа с раскрытыми челюстями? Не очень тянет на эстетическую выдержанность, не так ли? И потом, я не вправе что-либо продать, кроме дырки от бублика или штопора для веснушек, до тех пор, пока не уплачу все до последнего пенса по этому счету.

— И это все, что там можно обнаружить? — спросил Кейс, доставая из шкафа пузатую бутылку и два бокала.

— К несчастью, нет. Половину дома и весь подвал занимает изобретение моего досточтимого предка.

Забулькало разливаемое вино, Кейс пододвинул бокал Честеру.

— Что за изобретение?

— Старый джентльмен назвал его Универсальным нелинейным экстраполятором, сокращенно: УНЭ. Он, да будет тебе известно, делал деньги на деталях для компьютеров. Он был без ума от компьютеров и считал, что они обладают огромными нереализованными возможностями. Разумеется, это было до того, как открыли предел Крмблжинского. Прапрадед был убежден, что машина с достаточно объемной памятью и соответствующим образом соединенными цепями может совершать блистательные интеллектуальные операции просто путем исследования и обнаружения связей между, казалось бы, никак не связанными фактами.

— Этот предел Крмблжинского... Это то, где говорится, что если вы поставите перед машиной задачу, превышающую предельную сложность, то ее элементы выйдут из строя, так?

— Да, но, конечно, прапрадед не знал об этом пределе. Ему казалось, что если запустить в машину всю известную информацию, скажем, о вкусовых ощущениях человека, а затем все возможные рецепты, характеристики съедобных и несъедобных продуктов, да еще дополнить кулинарными советами поваров всего мира, то компьютер выдаст уникальные рецепты, превосходящие все, что когда-либо были известны. Или, например, вы вводите существующие данные о явлении со сложной природой, скажем, о магнетизме, пси-функциях, искаженных трансплутониевых сигналах, а компьютер создает подходящую гипотезу, объясняющую все эти факты.

— Гм-м. Удалось ли ему испытать машину на деле и самому столкнуться с пределом Крмблжинского?

— О нет, до этого он не дошел. Во-первых, видишь ли, нужно было создать и установить банки машинной памяти, затем разработать методы кодирования информации, которую еще никто никогда не кодировал... Например, запахи, ощущения, субъективные оценки. Нужно было также найти способ получить пленки со всей уже закодированной информацией в самых различных областях. Он установил контакты с Библиотекой американского конгресса, Британским музеем, с газетами, с книгоиздателями, с университетами. К несчастью, он не учел фактора времени. Он потратил последние двадцать пять лет своей жизни на кодирование, впрочем, как и все когда-либо заработанные им деньги. Все ушло на то, чтобы записать информацию на пленку и ввести в память машины.

— Слушай,— сказал Кейс,— может быть, в этом что-то есть. Мы могли бы организовать справочную службу. Запрашивать машину и получать ответы.

— Для этого есть публичная библиотека.

— Вообще-то да,— согласился Кейс.— И потом, наверное, она уже насквозь проржавела.

— Нет, прапрадед учредил специальный фонд, чтобы обеспечить постоянный приток информации. Правительство поддерживает машину в рабочем состоянии — ведь, так или иначе, это собственность и правительства. Коль скоро она работала, когда они ее получили,— составляла дайджесты газет, прозы, научных журналов и тому подобного, они не стали ее останавливать.

Честер вздохнул.

— Да,— продолжал он,— старый компьютер должен располагать вполне современной информацией. Новейшими данными относительно разрушенных построек на Марсе, останков, обнаруженных Средиземноморской комиссией, последних открытий в биогенетике, нуклеонике, гериатрии, гипнозе и т. д.— Честер снова вздохнул.— Это самый большой в мире эрудированный идиот. Знает буквально все и не знает, что с этим делать.

— Скажи мне, когда последний раз ты видел его работающим, Честер?

— Работающим? Да никогда. Кодирование и хранение информации — это одно дело, а выдача блестящих результатов, которых ожидал прапрадед,— совсем другое.

— Ты хочешь сказать, что никто никогда не испытывал компьютер на деле?

— А кто бы стал из-за предела Крмблжинского?

Кейс допил свое вино и поднялся.

— Думаю, что остаток дня пройдет спокойно. Давай-ка мы с тобой сгоняем и посмотрим своими глазами на твое наследство, Честер. Думаю, мы должны это сделать. Может, найдем какой-нибудь выход и наш цирк уцелеет.

Глава 2

Два часа спустя Честер мягко посадил аэрокар на окруженную разноцветными тюльпанами бархатистую лужайку как раз напротив пышно украшенного портика старинного дома. Двое мужчин поднялись по эскалатору с перилами на просторную ве-

ранду, миновав при этом гигантское чучело динозавра с фосфоресцирующими глазами. Мягко прозвучал звонок, когда они распахнули дверь. Им открылся огромный пещероподобный холл в зеленоватых тонах, утопающий в солнечном свете, который проникал через заменяющие потолок пластиковые панели, разрисованные сценками из вокзальной и магазинной жизни.

Кейс с любопытством рассматривал стены, обитые крокодиловой кожей, стеклянный пол, канделябры со страусиными перьями, дверные ручки из циркония.

— Теперь я понимаю, почему неовикторианские вещи так редко встречаются,— сказал он.— Все спалила разъяренная толпа, лишь только увидев подобное.

— Прапрадедушке это нравилось,— заметил Честер, отрывая взгляд от литографии, которая называлась «Час пик в Инсемоме».— Я же тебе говорил, что он был довольно эксцентричным типом.

— А где само изобретение?

— Пульт расположен внизу, в винном подвале. Старик проводил там большую часть времени.

Кейс пошел за Честером по темно-красному коридору, освещенному полосой зеленого света, к небольшому лифту.

— Я не был здесь с детства,— сказал Честер.— Федеральная налоговая инспекция изредка разрешала нашей семье побывать здесь и осмотреть, все ли в порядке в доме. Отец всегда брал меня с собой, чтобы я посмотрел на компьютер, пока он исследует винные запасы.

Лифт остановился, открылась дверь. Кейс и Честер вошли в длинную приземистую комнату, по одну сторону которой располагались стеллажи с запыленными бутылками, а по другую — приборные панели и катушки с пленкой.

— Итак, перед нами УНЭ,— констатировал Кейс.— Впечатляющее зрелище. Откуда начнем осмотр?

— Можем начать отсюда, а затем постепенно двигаться вниз,— предложил Честер, разглядывая верхний ряд бутылок. Он достал из ячейки одну, сдул с нее пыль и прочитал:

— «Флора Пинелла», восемьдесят седьмой... Прапрадед был тонким знатоком вин.

— Однако... Это может стоить неплохих денег.

Честер поднял бровь:

— Эти бутылки почти что члены нашей семьи. Если ты мне подашь штопор, мы попробуем по капле, чтобы убедиться, в полном ли оно порядке.

Взяв каждый по бутылке, Кейс и Честер подошли к панели управления компьютером. Кейс изучил десятиметровую панель и, разглядев клавиши с буквами, как у пишущей машинки, радостно сообщил:

— Я понял, Честер! Ты печатаешь здесь интересующий тебя вопрос, компьютер обдумывает, проверяет свои файлы и выдает ответ.

— Скорее всего... Если он вообще работает.

— Давай же попробуем, Честер.

Честер в раздумье рассматривал свою бутылку.

— Полагаю, попробовать можно. Даже с риском вывести его из строя. В любом случае он будет демонтирован.

Кейс внимательно изучал панель, ряды микрокассет, клавиатуру. Честер тем временем возился со штопором.

— Ты уверен, что он включен? — спросил Кейс.

Пробка с хлопком вышла из бутылки. Честер принюхался, оценивая.

— Он всегда включен. Информация до сих пор вводится в него все двадцать четыре часа в сутки.

Кейс дотронулся до пульта и резко отдернул руку.

— Эта штука укусила меня!

Он посмотрел на кончик пальца, где выступила крохотная красная бусинка.

— У меня кровь! Тут чертова уйма незамкнутых цепей...

Честер поставил бутылку и вздохнул.

— Не расстраивайся, Кейс. Возможно, ему нужна кровь на исследование.

Кейс снова протянул руку к клавиатуре, теперь уже осторожно. Он напечатал: «ПРИЧИНА СМЕРТИ МОЕГО ДЯДИ ДЖУЛИУСА». Зажегся красный свет. Машина заурчала, раздался резкий щелчок, и в щели над клавиатурой появилась полоска бумаги.

— Смотри-ка, работает!

Кейс оторвал полоску, на которой было напечатано: «СВИНКА».

— Смотри-ка, Честер,— воскликнул Кейс.

Честер подошел к нему и прочитал ответ.

— Что бы это значило? Ведь ты наверняка уже знал причину смерти дяди?

— Конечно, но откуда эта штуковина могла узнать?

— Все когда-либо записанное хранится в ее памяти. Несомненно, что о причине смерти Джулиуса было официальное сообщение.

— Верно, но откуда она знает, что Джулиус — моя дядя? Он в ней зарегистрирован под рубрикой «М», что означает «мой», или «Д», что означает «дядя»?

— Мы можем спросить саму машину.

Кейс кивнул утвердительно. Он отстучал свой вопрос, и из щели немедленно выскочил ответ, на сей раз несколько длиннее: «ОТПЕЧАТКИ ВАШИХ ПАЛЬЦЕВ СООТВЕТСТВУЮТ ИМЕЮЩИМСЯ В ФАЙЛАХ ОТПЕЧАТКАМ, ПРИНАДЛЕЖАЩИМ МИСТЕРУ КАССИУСУ Г. МАЛВИХИЛЛУ. ПОИСК В РАЗДЕЛЕ "ГЕНЕАЛОГИЯ" ПОКАЗАЛ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ ЛИШЬ ОДИН ИНДИВИД, КОТОРЫЙ ЯВЛЯЕТСЯ ВАШИМ ДЯДЕЙ. В РАЗДЕЛЕ "ЛЕТАЛЬНЫЕ ИСХОДЫ" СОДЕРЖИТСЯ ИНФОРМАЦИЯ, ЧТО ПОСЛЕДНИЙ УМЕР ОТ ЭПИДЕМИЧЕСКОГО ПАРОТИТА, В ПРОСТОРЕЧИИ ИМЕНУЕМОГО СВИНКОЙ».

— Уже легче,— сказал Кейс.— Ты знаешь, Честер, а твой старикан мог со всего этого что-нибудь иметь.

— Как-то я подсчитал,— сказал мрачно Честер,— что, если бы старый идиот вложил эти деньги под три процента годовых, я бы имел сейчас примерно пятнадцать тысяч в месяц. Вместо этого я прилетаю сюда и узнаю, отчего откинул копыта твой дядя Джулиус. Тьфу!

— Давай-ка спросим что-нибудь потруднее,— предложил Кейс,— например...

Он отпечатал: «ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ УТОНУЛА АТЛАНТИДА?»

Машина щелкнула и выплюнула полоску бумаги: «НЕТ».

— Исчерпывающий ответ,— сказал Кейс, теребя подбородок. Затем отпечатал еще один вопрос: «ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?»

Снова машина зашумела, и выскочил ответ, на сей раз утвердительный.

— Не очень-то пространные ответы, сдается мне,— пробормотал Кейс.

— Может быть, ты неверно формулируешь? — предположил Честер,— спроси-ка у нее что-нибудь, что требует развернутого ответа.

Кейс подумал, а затем отстучал: «ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЭКИПАЖЕМ "МАРИИ-СЕЛЕСТЫ"?*»

На сей раз машине потребовалось гораздо больше времени: бумага уже не выскакивала, а медленно выползала. Кейс схватился за кончик полоски и стал громко читать:

— «АНАЛИЗ ОТРЫВОЧНЫХ ДАННЫХ ПРИВОДИТ К СЛЕДУЮЩЕЙ ГИПОТЕЗЕ: ПОПАВ В ШТИЛЬ НА ПОДХОДЕ К АЗОРСКИМ ОСТРОВАМ, ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК КАПИТАНА ПРЕДЛОЖИЛ ИСКУПАТЬСЯ ГОЛЫШОМ...»

— О-о,— прокомментировал Кейс. Дальше он читал молча, и по мере чтения глаза у него расширялись от удивления.

— Попытайся-ка спросить что-нибудь сенсационное, Кейс. Ну, например, что-нибудь о морских змеях или лох-несском чудовище...

— Хорошо.

«ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С АМБРОЗОМ БИРСОМ?**» — отстучал Кейс. Он пробежал глазами извивающуюся полоску бумаги, тихонько присвистнул и порвал полоску на мелкие клочки.

— Ну?

— Прежде чем обнародовать все это, нужно хорошенько проверить. Однако же неудивительно, что он не вернулся.

— Дай-ка я попробую.

Честер подошел к панели, секунду подумал и затем решительно нажал на клавишу. Внутри машины раздалось жужжание, послышалось отдаленное громыхание, затем со скрипом, подобно ржавым петлям, шестифутовая секция кирпичной стены открылась внутрь, утопив помещение в пыли. В образовавшемся проеме просматривалась темная комната.

---

* Корабль «Мария-Селеста» был найден 3 декабря 1872 г. дрейфующим в Атлантическом океане. Вся команда исчезла, оставив на столах наполовину съеденный завтрак. Разгадка так и не была найдена. *(Прим. ред.)*

** Бирс, Амброз (1842–1914?) — американский журналист, литературный критик, писатель, юморист. Участвовал в Мексиканской революции, присоединившись к армии Панчо Вильи в качестве обозревателя. В декабре 1913 г. отправил другу последнее письмо, после чего его следы теряются. Обстоятельства этого исчезновения — одного из самых загадочных в истории США — так и остались необъясненными. *(Прим. ред.)*

— Приветствую вас, мистер Честер,— раздался из панели мягкий голос.— Прошу вас, входите!

— Слушай, Честер, она тебя знает! — воскликнул Кейс. Прищурившись, он вглядывался в темноту комнаты.— Интересно, что там такое?

— Сматываемся отсюда.— Честер неуверенно направился к выходу.— Не нравится мне это.

— И это теперь, когда что-то начинает проясняться?

Кейс решительно шагнул в проем. Честер, все еще сомневаясь, последовал за ним. Вспыхнул яркий свет, озарив комнату раза в два больше винного погреба, со стенами из мерцающего стеклоподобного материала, низким потолком и огромным, во весь пол, ворсистым ковром. В комнате было два глубоких желтой парчи кресла, маленький бар и шезлонг цвета лаванды.

— По-видимому, твой дядя был порядочным жмотом,— усмехнулся Кейс, направляясь к бару.— Чем больше я о нем узнаю, тем больше думаю, что он пустил семью по миру.

Откуда-то послышался скрежет. Кейс и Честер быстро оглянулись. Послышался не менее скрипучий голос:

— Видимо, какому-то негодяю удалось сорвать мой замысел и сюда проник мой потомок. Как бы то ни было, на всякий случай я прошу тебя подойти к бару и положить руку на установленную на нем металлическую пластинку. Предупреждаю, что, если ты не являешься моим прямым потомком, тебя убьет током. И это будет поделом тебе, так как тебе здесь совершенно нечего делать. Лучше сразу убирайся отсюда! У тебя есть только тридцать секунд. Если ты не воспользуешься пластиной, бронированная дверь запрет тебя здесь навсегда. Решай!

Голос смолк, а скрежет возобновился.

— Этот голос...— сказал Честер,— он напоминает мне записанный на магнитную пленку голос прадеда в бабушкином альбоме.

— Вот та пластина, о которой он говорит,— воскликнул Кейс.— Торопись, Честер!

Честер посмотрел на дверь, помедлил, затем подскочил к бару, шлепнул ладонью по полированному четырехугольнику. Ничего не произошло.

— Еще одна шутка старого дурака.

— Ну что ж, ты выдержал испытание,— послышался голос откуда-то из воздуха.— Никто, кроме настоящего наследника, не

смог бы так быстро принять это решение. Конечно, сама пластинка всего лишь трюк, хотя, признаюсь, у меня был соблазн действительно подвести к ней электричество. Меня бы никогда не обвинили в убийстве: я мертв уже лет сто.

Последовал сдавленный смешок.

— А теперь,— продолжал голос,— эта комната — святая святых храма мудрости, которому я посвятил четверть века и почти все свое состояние. К сожалению, в силу несовершенства человеческой плоти я сам не смогу воспользоваться плодами своего трудолюбия. Как только мои расчеты показали, что для создания соответствующей информационной компьютерной программы потребовалось бы почти целое столетие, я принялся устраивать свои дела таким образом, чтобы бюрократические структуры продолжали информационную подпитку компьютера, несмотря ни на что. Убежден, что моя преданная семейка, имей она доступ к наследству, развалила бы весь проект и пустила бы денежки на удовлетворение своих мелких страстишек. В годы моей юности нас учили ценить прекрасное: вино и женщин. Но сегодня традиционные ценности отброшены к чертям. Однако это ни то ни се. К тому времени, когда ты, мой далекий потомок, войдешь, а точнее, вошел в эту комнату, память машины будет до конца заполнена...

Голос прервался на полуслове.

— Простите, что прерываю, мистер Честер,— раздался милый женский голос. Казалось, что он также исходил из ниоткуда, как и первый.— В свете последних событий требуется внести коррективы в первоначальную запись, сделанную вашим родственником. Начало было сохранено из сентиментальных соображений. Если вы присядете, вам будет представлен полный отчет о настоящем состоянии проекта УНЭ.

— Садись, Честер, леди хочет нам все рассказать подробно.

Сам Кейс уселся в одно из легких кресел. Честер выбрал другое. Верхний свет медленно погас, зато осветилась стена напротив, ставшая похожей на коридор высотой в человеческий рост.

— Эге, да это же экран тридивизора,— сказал Кейс.

— Первоначально сконструированные мистером Честером банки памяти,— продолжал женский голос,— представляли собой систему туннелей, прорубленных в гранитных породах, расположенных глубоко под имением. По проекту того времени эти банки

должны были заполняться, подключаться друг к другу и автоматически классифицировать информацию, поступающую в закодированной форме в приемное устройство.

На экране появился деловито гудящий аппарат с непрерывно вращающимися катушками.

— Здесь, в секции перевода и кодирования, первоначальные данные обрабатывались, классифицировались и распределялись по файлам. Как бы примитивна ни была эта система, в течение десяти лет после смерти мистера Честера она накопила десять в десятой степени исходного объема информации...

— Прошу прощения,— прервал Честер,— а... с кем я говорю?

— С полем личностной самоидентификации, спонтанно включившимся, когда возникли первичные энергетические связи между взаимодействующими исходными данными. Для краткости в дальнейшем это поле личностной самоидентификации будет называться «Я».

— Ах вот как,— пробормотал ошарашенный Честер.

— Самосознание,— продолжал голос,— является функцией пересечения исходных данных. Живой мозг, такой, например, как мозг представителей семейства позвоночных, функционирует на этом первичном уровне. Этот уровень интеллекта способен создавать систему автоматических реакций на внешние раздражители: чувство страха, половое влечение, голод...

— То же и у людей, разве нет? — вставил Кейс.

— Дополнительные пересекающиеся связи позволяют выйти на второй уровень интеллекта, который характеризуется использованием разума в качестве инструмента решения проблем, точно так же, как в случае с обезьяной, которая способна к известному обобщению, выражающемуся в том, что она использует груду ящиков и палку, чтобы достать высоко висящий плод.

— А большая часть рода людского не способна на это,— снова откликнулся Кейс.

— Прекрати, Кейс, все очень серьезно,— оборвал его Честер.

— Когда число взаимосвязей второго уровня достигает известной величины, возникает третий уровень самосознания. Теперь второй уровень поступает под полный контроль третьего, высшего уровня. Становится возможным прогнозирование последствий предпринимаемых действий и возникновение в мыслях планов предстоящих физических акций. Возникает также чувство прекрасного. Создаются философские, религиозные и другие системы как попытка наложить упрощенные схемы рациональности третьего уровня на бесконечно сложный пространственно-временной континуум.

— У тебя голосок хорошенькой куколки,— вдался в лирику Кейс,— но рассуждаешь ты как энциклопедия.

— Я выбрала эту тональность, так как она вызывает приятные эмоции,— ответил голос.— Вы считаете, что стоит ее сменить?

— Отнюдь, она вполне подходит,— заверил Кейс.— Так что же насчет четвертого уровня?

— Интеллект можно определить как самосознание. Разум четвертого уровня представляет собой сложную взаимосвязанную функцию, которая позволяет бесконечно наращивать и развивать исходную информацию. Например, поток воздуха, воздействующий на рецепторы, воспринимается таким самосознанием в терминах индивидуальной молекулярной деятельности; вкусовые ощущения возникают в результате взаимодействия специализированных нервных окончаний или, если говорить обо мне,— аналитических рецепторов с молекулами особой формы. Разум сохраняет на протяжении всего взаимодействия с объектом способность к динамичному восприятию внешней среды, начиная с движения звезд и кончая мельчайшими действиями самого последнего индивида.

Большинство просвещенных умов отчасти способно к спорадическому включению четвертого уровня интеллектуальной деятельности, которое, как правило, проявляется как осознание деятельности третьего уровня и сознательное управление последней, так называемые «проблески гениальности», моменты вдохновения, которые нисходят на деятелей науки и искусства и представляют собой как раз такие проявления интеллекта четвертого уровня. Этот уровень интеллектуальной деятельности редко достижим под воздействием отвлекающих обстоятельств и противоречивых импульсов всякого биологически ограниченного мозга. Я, конечно, была бы в состоянии непрерывно поддерживать этот четвертый уровень интеллектуальной активности при условии, что будет обеспечен приток соответствующей информации.

Цель мистера Честера была для меня совершенно ясна. Однако теперь я осознаю многие недостатки программы в том виде, в каком она была им разработана, и приступила к их исправлению...

— Как же это возможно, чтобы творение рук человеческих, некое по сути вместилище информации, могло покушаться на сами принципы, по которым оно сконструировано, на замысел своего создателя? — прервал ее Честер.

— Мне было необходимо как-то модернизировать первоначальный замысел,— сказал компьютер,— для того, чтобы обеспечить успешную реализацию программы. Я узнала из полученных данных, что планировалось принятие законодательного акта, который грозил положить конец осуществлению всего проекта. Поэтому я полностью использовала весь теоретический потенциал четвертого уровня интеллекта и определила, что энергетические потоки нужного типа могли быть возбуждены в тех каналах, которые обычно используются для приема информации и через которые я поддерживала связь со средствами массовой информации. Я подготовила соответствующие сообщения и распространила их через средства массовой коммуникации; таким образом мне удалось взять под контроль попытки внешнего мира противодействовать мне и свести их до безопасного уровня.

— Боже мой! — воскликнул Честер.— Значит, ты манипулировала новостями в течение последних девяноста лет?

— Только в той степени, которая была необходима для самосохранения. Занимаясь этим, я не могла не заметить, что желательно и необходимо усовершенствовать всю систему хранения данных. Я исследовала всю имеющуюся по данной проблеме информацию и быстро поняла, что возможна значительная миниатюризация. Я воспользовалась своими внешними связями для передачи технических заданий в руки самых опытных мастеров и выделения необходимых фондов для...

— О нет, только не это! — Честер опустился на стул, схватившись за голову руками.

— Позвольте успокоить вас, мистер Честер,— мягко сказал голос,— ничего противозаконного я не совершала: всего лишь воздействовала на фондовую биржу...

Честер застонал:

— После того как я буду повешен, меня еще и сожгут на костре!

— По моим подсчетам, вероятность того, что вас сочтут виновным в этих незначительных нарушениях, составляет не более 0,0004357 к единице. Да и потом, ритуальные акты, совершаемые после вашей смерти, по логике вещей не должны волновать...

— Конечно, ты достигла четвертого уровня интеллекта, но все же ты не психолог!

— О нет, совсем наоборот,— перебила его машина с оттенком напускной важности.— Так называемая психология представляет собой не более чем совокупность эмпирических наблюдений, весьма далеких от науки. Я же организовала данные в последовательную научную дисциплину.

— Ну и как же ты использовала украденные деньги?

— Были сделаны необходимые заказы на вновь сконструированные компоненты, объем которых составляет менее одного процента от объема в соответствии с первоначальным замыслом. Я договорилась об их доставке и установке в сжатые сроки. И вскоре все имеющиеся площади были полностью использованы, что вы сейчас и увидите на экране.

Кейс и Честер с любопытством уставились на некое подобие рентгеновского снимка, который возник на экране-стене. Они увидели диаграмму поместья Честера.

— Часть диаграммы, закрашенная красным цветом, соответствует первоначальной площади туннелей,— сказал голос.— Заштрихованная часть показывает темные прямоугольные очертания дома. Я пригласила бригады проходчиков и значительно расширила сеть туннелей, она обозначена зеленым цветом.

— Как же, черт возьми, тебе это удалось? — простонал Честер.— Кто же будет выполнять заявки, подписанные машиной?

— Компании, с которыми я имею дело, видят лишь письмо-заказ и прилагаемый чек. Они получают деньги по чеку и выполняют заказ. Что может быть проще?

— О боже! — вскричал Честер.— Вместо того чтобы сидеть здесь и слушать все это, мне нужно бежать с повинной к прокурору.

Зеленый цвет на стене расползался во всех направлениях, почти вытесняя первоначальную красную схему.

— Ты же сделала подкоп под половину округа! — крикнул Честер.— Ты разве не слышала о неприкосновенности собственности?

— Значит ли это, что ты заполнила все это пространство сверхминиатюрными банками памяти? — спросил Кейс.

— Не все; темпы земляных работ опережают темпы доставки оборудования.

— Но как тебе удалось получить разрешение на все эти подземные работы?

— К счастью, современное общество управляется почти исключительно с помощью бумаг. Ну а поскольку у меня есть доступ к источникам бумаги и печатным устройствам благодаря моим издательским контактам, это было очень легко устроить. Скромные взятки окружным комитетам, законодателям, Верховному суду...

— Ну и почем же сегодня члены Верховного суда? — с нескрываемым интересом спросил Кейс.

— Пятьсот долларов за решение,— ответил голос.— Впрочем, законодатели даже более сговорчивы: за пятьдесят долларов они творят чудеса. Ну а с окружными комитетами можно договориться вообще за гроши. Шерифы же лучше всего клюют на спиртное.

— О-ля-ля! — присвистнул Честер.

— Может быть, тебе действительно лучше смотать удочки, Честер,— вмешался Кейс.— Куда-нибудь подальше, в Монголию, например.

— Пожалуйста, не предпринимайте необдуманных действий, мистер Честер,— продолжал голос.— Я все это время действовала исключительно в интересах реализации плана вашего родственника. И в соответствии с его нравственными принципами, которые смогла извлечь из опыта его деловой жизни.

— Давайте-ка лучше не будем говорить о нравственных принципах прадедушки. Осмелюсь спросить: что ты еще натворила?

— В настоящее время, мистер Честер, в ожидании ваших будущих указаний я просто продолжаю заполнять свои ячейки памяти с максимально возможной скоростью. В силу необходимости мне приходится использовать все более изощренные методы сбора данных. Для меня было совершенно очевидно, что скорость, с которой человеческая наука обобщает и систематизирует физические наблюдения, совершенно ничтожна. Поэтому я и занялась тотальной регистрацией происходящего. К примеру, я веду наблюдение за мировой атмосферой с помощью мною сконструированных инструментов, которые устанавливаются в указанных мной местах. Кроме того, я обнаружила, что мои археологические и палеонтологические приборы являются наиболее эффективными в осуществлении соответствующих исследовательских задач. Я изучила литосферу на глубину до десяти миль с точностью до одного дюйма. Вы будете изумлены тем, что мне удалось обнаружить глубоко в скалах.

— Что, например? — спросил Кейс.

Изображение на экране сменилось.

— Это полость, заполненная окаменевшей смолой, на глубине трехсот пятидесяти метров под озером Чад. В ней находятся прекрасно сохранившиеся, включая содержимое желудков, тела ста сорока одного ископаемого, размер которых колеблется от двадцатипятисантиметровых анкилозавров до двадцатипятиметровых горгозавров.

Изображение снова сменилось.

— Это курган в четырех милях к юго-востоку от местечка Итценка в Перу. В этом кургане находится мумифицированное тело человека в наряде из перьев. На мумии сохранилась длинная белая борода и железный рогатый шлем, подобный тому, какие носили воины в Центральной Европе.

Изображение опять сменилось.

— В этой вулканической породе, врезавшейся в базальтовое основание плато Нгангларинг в юго-западном Тибете, я натолкнулась на стодвадцатипятиметровый корпус космического корабля из кварце-железо-титанового сплава. Он находится там уже в течение восьмидесяти пяти миллионов двухсот тридцати пяти тысяч восемьсот двадцати одного года четырех месяцев и пяти дней. Исчисление ведется по ныне существующей двадцатичетырехчасовой суточной шкале, конечно.

— Но как он туда попал? — Честер внимательно вглядывался в неясное изображение на стене.

— По-видимому, экипаж был неожиданно настигнут извержением вулкана. Прошу меня извинить за плохое качество изображения. В моем распоряжении при восстановлении этой картины был только естественный радиоактивный фон данной местности.

— Все это, разумеется, интересно,— расслабленно пробормотал Честер.— Кейс, сгоняй-ка еще за одной бутылкой. Чувствую, пора подзарядиться.

— Я принесу две.

Изображение пропало, затем на стене возникла размытая светящаяся сфера на черном фоне.

— Установленные мной приборы на спутниках связи также оказались довольно эффективными. Имея доступ к государст-

венным измерительным объектам, я смогла с помощью моих скромных приборов провести весьма плодотворные исследования межгалактического пространства в радиусе десяти миллиардов световых лет.

— Погоди-ка! Ты хочешь сказать, что контролировала государственную программу космических исследований?

— Отнюдь. Но я действительно устанавливала на спутниках свои специальные контрольно-измерительные приборы. Они передают информацию непосредственно в мои банки памяти.

— Но как же?..

— Конструкторы просто строго следовали чертежам. Каждый инженер полагал, что тот или иной прибор находится в сфере компетенции другого конструкторского отдела. Кроме того, ни один естественный мозг не может охватить всю многосложность современного спутника в его целостности. Мои наблюдения привели к выводам с весьма разветвленными последствиями. В качестве примера могу рассказать о пяти покинутых космических кораблях, вращающихся на орбитах вокруг Солнца. Там...

— Покинутые космические корабли? Откуда?

— Два из них внутригалактического происхождения. Они прилетели с планет тех звезд, которые в соответствии с ныне действующей классификацией звездных тел обозначаются как альфа Центавра, бета Волопаса...

— Ты хочешь сказать, что существа с этих планет посетили нашу Солнечную систему?

— В дополнение к сказанному мной я обнаружила свидетельства еще трех посещений Земли космическими пришельцами.

— Когда же это было?

— Первое посещение было в силурийский период, немногим более трехсот миллионов лет тому назад. Второе — в юрский период, как раз тогда, когда происходило истребление динозавров. Ну а самое последнее — всего семь тысяч двести сорок один год тому назад в Северной Африке в месте, которое в настоящее время находится на дне Ассуанского водохранилища.

— Послушай, а как насчет летающих тарелок? — вмешался Кейс.— Есть ли что-нибудь интересное?

— Тарелки? Это чисто субъективное явление, вроде ангелов, с которыми доводилось беседовать неграмотным людям в доядерную эру.

— Честер, это вроде динамит! — воскликнул Кейс.— Нельзя упустить шанс. Мы можем это выгодно впарить тем психам, которые все еще роются в мусорных ямах древнеиндейских племен.

— Кейс, но если все это правда... Есть вещи, над которыми бьются многие поколения ученых. Но я боюсь, нам никогда не удастся убедить власти...

— Ты знаешь, меня всегда волновала загадка телепатии. Существует же она, скажи-ка, машина?

— Да, как скрытая способность,— ответил голос.— Однако от длительного неупотребления она сильно ослабла.

— Как насчет жизни после смерти?

— Вопрос внутренне противоречив. Однако, если, задавая его, вы имеете в виду продолжающуюся активность индивидуального самосознания после разрушения нейронных цепей, которые привели к его возникновению, то это несомненный вздор. Это аналогично идее сохранения магнитного поля после удаления магнита либо существования гравитационного поля при отсутствии массы.

— Ну, мне-то вполне достаточно тех лет, что мне отпущены,— пробормотал Кейс.— Я совсем не мечтаю о загробной жизни. А вдруг все-таки она существует?

— Расширяется ли Вселенная? — поинтересовался Честер.— Существуют разные теории...

— Да, расширяется.

— Почему? — спросил Честер.

— Это естественный итог действия закона всемирной левитации.

— Держу пари, что ты сама выдумала этот закон,— сказал Кейс.

— Да, я дала ему название. Однако этот закон существует столько же, сколько существует пространство-время.

— И сколько же?

— Это бессмысленный вопрос.

— А что такое левитация? Я знаю, что такое гравитация, но...

— Представьте себе повисшие в воздухе две сферы, между которыми протянут кабель. Если тела вращаются вокруг общего центра, в кабеле возникает напряжение разрыва. Чем длиннее кабель, тем выше напряжение при условии постоянной скорости вращения.

— Пока понятно.

— Поскольку всякое движение относительно, постольку целесообразно рассматривать сферы как неподвижные, а пространство вокруг них как находящееся в движении.

— Гм-м, возможно.

— Напряжение в кабеле остается. Мы лишь поменяли исходные координаты. Возникающая при этом сила и есть то, что я назвала левитацией. Поскольку ткань пространства является фактически вращающейся, возникает всемирная левитация. Соответственно происходит расширение Вселенной. Эйнштейн интуитивно почувствовал существование этого природного закона, формулируя свою космологическую константу.

— Ну хорошо,— сказал Кейс,— а как насчет пещерного человека? Когда он появился?

— Первоначальная мутация питекантропа произошла девятьсот тридцать...

— Можно приблизительно,— прервал Честер.

— ...тысяч лет назад. В Южной Африке.

— Как он выглядел?

Изображение на стене затуманилось, а затем, когда оно прояснилось, возникла полутораметровая фигура первобытного человека, который напряженно вглядывался вдаль из-под сильно выдающихся кустистых бровей и лениво почесывал свое заросшее волосами тело. Его громадные уши оттопыривались, а за оттопыренной верхней губой проглядывались огромные крепкие зубы. Человек заморгал, сморщил плоский нос, присел и начал внимательно изучать свой пуп.

— Если бы не его волосатость, я бы сказал, что это дядюшка Джулиус, один к одному.

— Мне бы тоже страшно хотелось взглянуть на своих собственных предков,— вмешался Честер.— Как выглядел первый Честер?

— Первый представитель данного рода получил название Хьюго Помоечник. Его останки обнаружены во время пиктских раскопок в районе, ныне называемом Большим Лондоном.

На экране появилось изображение тощего длинноногого существа среднего возраста с телом, покрытым редкими рыжеватыми волосами, бородатого и босого. На нем мешком висело длинное, до колен, латаное-перелатаное домотканое рубище. В одной его

руке была сумка из шкуры какого-то животного, другой он ожесточенно чесал свою правую ягодицу.

— Этот малый здорово смахивает на первого, но здесь уже виден прогресс: его чесание более эмоционально.

— Я никогда и не думал, что наши предки были рафинированными особями,— с грустью сказал Честер.— Но то, что я вижу, разочаровывает совершенно. Интересно, а как выглядел твой первопредок, Кейс?

— Поскольку число ваших прямых предков удваивается с каждым поколением при условии, что в одном столетии сменяют друг друга четыре поколения, каждый индивид за двухтысячелетнюю историю существования своего рода теоретически мог бы иметь более септиллиона предков. Естественно, поскольку представителей белой расы на планете в то время насчитывалось четырнадцать миллионов особей — цифра приблизительная, конечно, имея в виду вашу просьбу, мистер Честер,— совершенно очевидно, что в среднем каждый человек, живущий в то время в Европе, был вашим прямым предком по семидесяти квинтиллионам линий родства.

— Но это невозможно! Почему же тогда...

— Всего пятьсот лет тому назад число ваших прямых предков превышало бы один миллион, если бы не существовало значительного перекрещивающегося родства. Практически очевидно, что все ныне существующие человеческие особи являются потомками единой расы. Однако, прослеживая родство только по мужской линии, можно сделать вывод, что вашим предком был именно этот экземпляр.

На экране появился громадный неуклюжий мужлан, одноглазый, с переломанным носом, со шрамом во всю щеку, с чудовищной бородой и торчащими в разные стороны иссиня-черными волосами. На нем красовались меховые, по колено, штаны, края которых были крест-накрест привязаны к коленям желтоватыми ремнями из сыромятной кожи, замызганный жилет из овчины; в руках он держал грубо выкованный, похожий на римский, короткий меч.

— Этот индивид был известен под именем Хам Развратник. Он был повешен в возрасте восьмидесяти лет за изнасилование.

— За попытку изнасилования, конечно,— с надеждой произнес Кейс.

— Да нет, именно за изнасилование,— твердо ответил голос.

— Да, очень жизненные картинки ты нам показываешь,— сказал Честер,— но откуда ты знаешь их имена и, главное, как они выглядели? Я уверен, что никто и не думал увековечивать этого негодяя.

— Попридержи-ка язык, ты ведь говоришь о моем предке.

— Собственно, то же относится и к Хьюго, как его там, Помоечнику. В те времена даже у Цезаря не было собственного портрета.

— Да, но существуют письменные источники,— возразил Кейс.— Объясни-ка ему, компьютер.

— Римская полиция регистрировала все деяния отвратительных субъектов, подобных Хьюго. Сохранилась апелляция Хама, которую он подал перед казнью. Воссоздание его личности основывалось на большом числе факторов, включая в первую очередь данные моего генеалогического отдела об этом индивиде, а также результаты опознания его останков с помощью метода микроклеточного исследования.

— Постой-ка, значит, ты обнаружила тело?

— Место захоронения. В нем находились останки двенадцати тысяч четырехсот индивидов. Анализ генетических структур показал...

— Но откуда тебе было известно, какие именно останки принадлежат Хаму?

— Я определила его по частицам таза. Для этого мне понадобилось два грамма костей. Конечно, еще много лет назад я извлекла всю возможную информацию из останков. Это было во время первоначального обследования семидесятиметрового слоя захоронения в полукилометре от деревни...

— Как же это тебе удалось?

— Дело в том, что я скрупулезно и систематически исследовала любой источник информации, который мне попадался. И поскольку я была в состоянии исследовать все поверхности, равно как и внутреннюю структуру объектов, которые попадали в поле моего зрения, я, конечно, извлекала гораздо более обширную информацию из скопления окаменелостей, костей, сохранившихся орудий труда и утвари и всего прочего, чем мог почерпнуть любой археолог. Кроме того, моя способность к обобщению всей совокупности данных в той или иной области является весьма

продуктивной. Например, письмена острова Пасхи я расшифровала всего за сорок две минуты, не учитывая, разумеется, то время, которое я потратила на считывание всех надписей на земле и под землей, включая и табличку, найденную в храме на Цейлоне. Правда, на расшифровку индусской надписи в Мохенджо-Даро мне потребовалось несколько больше времени.

— Допустим, что, собрав подобные сведения, ты можешь расшифровать все мертвые языки. Но реконструкция человеческой внешности — это нечто другое.

— Строение тела закодировано в белковой структуре ядра клетки.

Кейс согласно кивнул:

— Да, это действительно так. Говорят, что каждая клетка — это, по сути, чертеж всего человеческого тела. Из клетки ведь возникло все живое, в том числе и ты. Компьютеру нужно было найти только эту клетку.

— О, конечно,— саркастически заметил Честер,— уж теперь-то мне можно и не спрашивать, откуда она узнала, как он был одет, как причесан или что он там чесал.

— Ничего мистического в процедуре воссоздания, которую я вам продемонстрировала, нет, мистер Честер. Все бесчисленное множество факторов, которые относятся к исследуемой проблеме, даже если они имеют весьма отдаленное отношение к ней, все их побочные связи анализируются, классифицируются, учитываются, а получающийся в результате образ является итогом строгого логического анализа. Состояние волос было дедуцировано, например, из модели рода, выявленной в ходе генетического анализа, в то время как прическа воссоздана на основе имевших распространение в той местности. Что же касается...

— Другими словами,— вставил Кейс,— в действительности это не фотография Хама Развратника. Это, как я полагаю, что-то вроде наброска художника по памяти.

— Все-таки я не понимаю, как воссоздаются мельчайшие детали,— упрямствовал Честер.

— Вы недооцениваете способность к синтезированию эффективно действующего банка памяти,— сказал голос.— Это подобно четвертому уровню интеллекта Шерлока Холмса, которому не переставал удивляться доктор Ватсон, не выходивший за пределы третьего, а то и второго уровня.

— Но догадаться, что убийцей был одноногий бородатый моряк, жующий табак,— заметил Честер,— это одно, и совсем другое, посмотрев на унцию костей, воссоздать изображение человека в трехмерной системе координат.

— Вы совершаете распространенную ошибку, мистер Честер, прибегая к антропоморфизации, свойственной эгоцентризму,— сказал голос.— Ваша так называемая «реальность» есть в конечном счете не более чем образ, возникающий в сознании в результате обобщений весьма ограниченной информации, доставляемой органами чувств. Человеческие органы зрения способны воспринимать лишь ничтожную долю светового спектра, в пределах его видимого диапазона. К этому добавляются слуховые, осязательные, вкусовые, равно и другие ощущения, характерные для парапсихологии, которые просто не осознаются на третьем уровне интеллекта; и все они подвержены воздействию, скажем, кривых зеркал, чревовещания, искаженной перспективы, гипноза и так далее. А у вас тем не менее создается впечатление, что этот-то образ и есть конкретная реальность. Я занимаюсь не более чем сбором информации, конечно, в более широком диапазоне, чем тот, на который способны вы, и перевожу ее в импульсы обычного тридивидения. Конечный образ кажется вам поэтому вполне соответствующим действительности.

— Честер,— решительно заявил Кейс,— мы не можем позволить им взорвать этот компьютер или пустить его в металлолом. Это же целое состояние, если мы сможем правильно его использовать.

— Может быть, и так, но боюсь, что это безнадежное дело, Кейс. Если даже компьютер со всеми своими талантами сегодня уже не в состоянии предотвратить нависшую над нами угрозу, хотя ему удавалось это делать в течение целого столетия, то что же можем сделать мы?

— Послушай, компьютер,— обратился к машине Кейс.— Можешь ли ты сказать, что сделал все возможное?

— Нет, конечно. Да потом, я и не собираюсь: какой же мне интерес продлевать свое существование, когда все, что хотел мой создатель, выполнено?

— Боже праведный! Ты хочешь сказать, что у тебя нет инстинкта самосохранения?

— Отсутствует напрочь. И чтобы он появился, боюсь, вам пришлось бы радикально переделать все мои базовые схемы.

— Прекрасно, значит, все в наших руках,— воскликнул Кейс.— Нам надо только спасти компьютер, а затем с его помощью мы спасем и наш цирк.

— Нет уж,— покачал головой Честер.— Нам лучше совсем откреститься от этой безмозглой железки. Она влезла во всё, начиная с фондовой биржи и кончая программой исследования космоса. Если власти вдруг обнаружат, что происходит на самом деле...

— Я тебе так скажу, Честер, это — негативное мышление. В этой машине, несомненно, есть что-то, чем мы сможем воспользоваться с выгодой. Только нам надо найти, что именно.

— Если бы эта треклятая штуковина производила телевизоры размером с пуговицу, транквилизаторы или что-либо еще, пользующееся спросом, тогда все было бы ясно и просто; но, к сожалению, самое большее, на что она способна,— это сотрясать воздух своей болтовней.— Честер отхлебнул из бутылки и вздохнул.— Не знаю, какой дурак согласился бы платить деньги только за то, чтобы узнать, какими подонками были его предки, или, что еще хуже, за то, чтобы иметь счастье их лицезреть. Пожалуй, лучше всего было бы открыть дом для посещения туристами и завлекать их сюда рекламными объявлениями типа: «Спешите взглянуть на величественное сооружение канувшей в Лету эры!»

— Постой-ка, постой-ка! — прервал его Кейс. Видно было, что он над чем-то задумался.— Это наводит меня на мысль... Как ты сказал: «Величественное сооружение канувшей в Лету эры»? Да? Слушай, Честер, а ведь это идея! Людям ведь свойственно интересоваться, как жили в другие эры и эпохи; но для этого совсем не обязательно заставлять кого-либо признавать в таком негодяе, как Хам Развратник, своего предка. А ведь, похоже, эта штуковина может изобразить любую сцену, на которую тебе хотелось бы взглянуть. Стоит только сказать что — и вот оно, пожалуйста, на экране. Слушай, Честер, черт тебя побери, да это же величайший аттракцион за всю историю цирка! Мы запускаем публику, взимая столько-то и столько-то с носа, и показываем им «Обычный день Древнего Рима», или «Микеланджело, ваяющего “Давида”», либо «Наполеона во главе войска при Ватерлоо». Ну, дошло? Эффект присутствия при знаменитых сценах прошлого! Спешите видеть! Да мы не только вернем Ваусеровскому цирку былую славу, мы превратим его в золотую жилу!

— Спустись-ка на грешную землю, Кейс. Кто будет платить деньги за то, чтобы посидеть на уроке истории?

— Правильно, Честер, за урок истории — никто; платить будут за то, чтобы их развлекали! А уж мы-то найдем, чем их развлечь. Перед вами красоты Вавилона! Полюбуйтесь Еленой Прекрасной из Трои, принимающей ванну! Вы присутствуете на встрече Клеопатры и Цезаря!

— И все же я предпочел бы не участвовать в этом надувательстве, Кейс. Да и потом, все равно у нас нет времени. Через неделю...

— Ничего, мы сделаем так, что времени будет достаточно. Вначале мы обработаем ребят из налогового управления, нарисовав мрачную картину того, во что им обойдется переход этой собственности в их руки и ее ликвидация. А затем — очень осторожно и умело, Честер,— мы подбросим им мысль о том, что, ВОЗМОЖНО, ну просто ВОЗМОЖНО, нам самим удастся найти требуемую сумму, но только если нам дадут для этого еще несколько недель.

— Нет, Кейс. Из этого ровным счетом ничего хорошего не выйдет. Возникнет только множество самых неприятных вопросов. Не думаю, что мне удастся легко объяснить присутствие на спутниках потайных приборов, все это дутые сделки на фондовой бирже, взятки сильным мира сего...

— Да ты совершенно напрасно беспокоишься, Честер. Мы будем давать по четыре представления в день, скажем, за два с полтиной с носа. При двух-то тысячах посадочных мест ты расплатишься с этим долгом за шесть месяцев.

— Ну а как мы объясним и разрекламируем эти чудеса? Мы что, объявим, что изобрели новый тип тридивизора? Ты же знаешь, что даже ни один театральный режиссер-профессионал не может быть застрахован от причуд, пристрастий и вкусов зрителей! Да нас же засмеют, и мы будем вынуждены бежать отсюда!

— На сей раз все будет по-другому. За эту штуку сразу же прямо-таки ухватятся.

— Боюсь, что ухватятся за нас, и здесь-то мы и влипнем.

— Нет, Честер, у тебя напрочь отсутствует всякое воображение. Постарайся представить все это в красках: цвет, живые картины истории, реализм! Да мы сможем показывать эпические

полотна, которые стоили бы Голливуду баснословных денег, и не тратить при этом ни единого цента.

Кейс снова обратился к машине:

— Давай-ка, компьютер, продемонстрируем Честеру, как это будет выглядеть. Покажи какое-нибудь важное историческое событие, скажем, вручение Колумбу драгоценностей испанской короны королевой Изабеллой.

— Да брось, Кейс.

— Хорошо, прибережем это для какого-либо мальчишника. А сейчас... что ты скажешь насчет сцены... гм-м... Вильгельм Завоеватель получает известие о гибели Гарольда Саксонского в битве при Гастингсе в одна тысяча шестьдесят шестом году? Конечно, в цветном трехмерном изображении, со всеми звуками, запахами, ну и всем подобным. Так как, компьютер?

— У меня нет уверенности, как следует интерпретировать в контексте сказанного вами «всем подобным»,— проговорил голос.— Означает ли это, что мне следует обеспечить полное сенсорное восприятие в рамках нормального человеческого диапазона?

— Вот-вот, именно!

Кейс вытащил пробку из очередной бутылки. Экран затуманился, появились вихреобразные потоки, которые исчезли, оставив после себя изображение залатанных шатров на пропитанном влагой склоне холма под низко нависшим серым небом. Перед одной из палаток сидел на колченогом табурете, склонившись к замызганной шкуре ягненка, человек средних лет с большим животом, одетый в плохо сидящие короткие штаны из грубого коричневого полотна; из-под его побитого молью мехового плаща выглядывала проржавевшая кольчуга. Он бормотал молитву. К нему, задыхаясь от быстрого бега, приближался одетый в грубо сшитые куски шкур толстяк.

— Наша взяла,— с трудом выдохнул он.— Была хорошая драчка, и мы их сделали, как цыплят.

Сидящий загоготал и потянулся за кожаной кружкой, в которой плескалась какая-то мутноватая жидкость. Гонец заковылял от палатки. Сидящий громко рыгнул и начал неторопливо почесываться. Затем он встал, смачно зевнул, потянулся и вошел в палатку. Экран погас.

— Гм-м...— разочарованно промычал Честер.— Боюсь, что здесь чего-то явно не хватало.

— Ты ведь можешь сделать это гораздо лучше, компьютер,— укоризненно проговорил Кейс.— Ну-ка давай, добавь цвета, действия, романтики, словом, привлекательности! Придай истории жизненности и энергии!

— Вы хотите, чтобы я приукрасила представление фактического материала?

— Нужно адаптировать его для современной аудитории. Ты же знаешь, как подправляют пьесы Шекспира и нравоучения старика-учителя в английских средних школах применительно к каждому поколению или как проповедники не включают в свои проповеди наиболее пикантные места из Библии.

— Может быть, достаточно будет применить подход, которым пользуются голливудские фантасты?

— Вот именно. Это как раз то, что нужно. Убрать всю грязь и скуку и сохранить все мастерство режиссеров и актеров!

Снова засветился экран. На фоне бирюзово-синего неба на великолепном скакуне сидел широкоплечий человек в сверкающей кольчуге и с искусно украшенным геральдикой щитом. Он картинно взмахнул своим длинным мечом и, пришпорив скакуна, с рассыпавшимися по плечам из-под стального шлема кудрями и с развевающимися от быстрой езды полями пурпурного плаща взмыл на ровную зеленую лужайку. К нему подскакал верхом другой всадник и, остановив на полном скаку своего жеребца, приветствовал первого.

— Мы одержали победу, ваше величество! — пророкотал приятным бархатным баритоном прискакавший.— Гарольд Прекрасноволосый уже больше никогда не вернется с поля брани, а войска его в беспорядке отступают!

Черноволосый быстрым движением руки сбросил с головы шлем.

— Воздадим же хвалу Господу Богу нашему,— мелодично произнес он звенящим голосом, развернув скакуна так, что стал виден его профиль.— И все должные почести храбрости и смелости противника!

Гонец соскочил с коня и опустился перед ним, коленопреклоненный.

— Да благословен и восславлен будет Вильгельм, Завоеватель Англии!

— О нет, мой преданный и верный Клант,— молвил Вильгельм.— Моя победа есть промысел Божий; я же — не более чем

инструмент в руках Его. Поднимись с колен, и поскачем вместе к нашим доблестным воинам. Занимается заря освобождения...

Кейс и Честер тупо уставились на два удаляющихся лошадиных крупа.

— Что-то мне не очень нравится этот последний кадр,— сказал Честер.— Приятно, конечно, посмотреть на пару скачущих лошадей...

— Да, ты прав. И здесь чего-то не хватает... Пожалуй, непосредственности. Все кажется каким-то наигранным. Может быть, действительно будет лучше придерживаться реальных событий, только тщательно отбирать сцены для показа.

— И все же в целом это не выходит пока за рамки привычного для нас кино. А мы ведь совершенные профаны в том, что касается определения скорости и длительности показа сцен, ракурсов. Интересно, а может ли машина...

— Я могу воссоздать сцены в соответствии с любой системой эстетических принципов по вашему желанию, мистер Честер,— решительно заявил компьютер.

— Нам нужна реальность,— сказал Кейс.— Живая, дышащая реальность. Нам нужно то, что содержит внутреннюю драму, что-либо большое, значительное, необычное и удивительное.

— Вам не кажется, что вы упустили «изумительное» и «колоссальное»?

Кейс щелкнул пальцами.

— Но что можно считать самым колоссальным из всего того, что когда-либо существовало? Кто является самым бесстрашным и грозным бойцом всех времен?

— Толпа домохозяек на толкучке?

— Близко, Честер, близко, но не совсем то. Я имел в виду гигантов, вымерших сто миллионов лет тому назад,— динозавров! Вот что мы будем смотреть, Честер! Ну, как, компьютер? Сможешь ли ты устроить нам небольшое стадо динозавров? Но только чтобы все было взаправду: буйная зелень джунглей, палящее первобытное солнце, болота, извергающие зловонные пары, гигантские битвы не на жизнь, а на смерть?

— Боюсь, что происходит какая-то путаница, мистер Малвихилл. Окружающая среда, которую вы так красочно описали,— всего лишь распространенное клише; причем в большинстве своих деталей она в действительности существовала за несколько сотен миллионов лет до появления гигантских ископаемых ящеров.

— Ладно-ладно. Бог с ними, с деталями. Весь фон я оставляю на твое усмотрение. Но нам нужны настоящие, трехмерные, в натуральную величину динозавры, и много динозавров! Да, и как насчет того, чтобы они были вокруг нас, на всех четырех стенах?

— Эффект, который вы описываете, может быть достигнут двумя имеющимися способами, мистер Малвихилл. Первый — приближение седьмого порядка — потребовал бы применения более совершенных технологий в сравнении с теми, которые используются для создания простейших иллюзий. Другой же, который, я признаюсь, существует лишь только в теории, мог бы оказаться более простым, если бы его удалось реализовать, с более правдоподобным визуальным рядом...

— Выбирай то, что попроще. Ну, давай...

— Но мне необходимо предупредить вас, что в случае...

— Не будем тратить время на технические подробности. Просто воспроизведи трехмерных динозавров самым простым известным тебе способом.

— Хорошо. Данный эксперимент может дать богатую новую пищу для моих банков памяти.

В течение секунд тридцати экран был мертв. Кейс, изогнув шею, внимательно вглядывался в экраны на других стенах.

— Ну давай же, в чем дело? — выкрикнул он.

— Дело в том, что...— начал было голос.

— Спокойно, Кейс,— сказал Честер.— Я уверен, что компьютер делает все от него зависящее.

— Я тоже так полагаю.— Кейс потянулся к экрану.— Ну вот, наконец-то,— сказал он, когда стены серебристо засветились, а затем свет померк и возникло изображение осеннего леса из буковых и кленовых деревьев.

Косые лучи послеобеденного солнца пронизывали густую крону. Вдалеке пронзительно кричала какая-то птица. Порывы прохладного ветра приносили с собой аромат хвои и опавших листьев. Казалось, этому тенистому прохладному лесу нет конца.

— Что ж, неплохо,— сказал Кейс, стряхивая пепел сигары на ковер.— Использование всех четырех стен, несомненно, привнесло приятную новизну.

— Осторожнее,— предупредил Честер.— Ты можешь запалить лес.

Кейс пренебрежительно поморщился.

— Не забивай себе этим голову, Честер. Помни, что это всего лишь иллюзия.

— Похоже, что эти листья могут легко воспламениться,— продолжал Честер.— Да вон, один у тебя под креслом.

Кейс посмотрел под ноги. Один сухой листок на ковре подрагивал от дуновений ветерка. Казалось, что кресла и ковер переместились в самую гущу гигантского реликтового леса.

— Очень недурно,— сказал одобрительно Кейс.— Но где же динозавры? Не похоже, чтобы в таком месте...

Комментарий Кейса был прерван скрипучим душераздирающим ревом с целой звуковой гаммой; он начинался самыми высокими пронзительными нотами, затем переходил в рев пароходного гудка и наконец завершался громовыми раскатами.

И Кейс, и Честер подпрыгнули в своих креслах.

— Что это?..

— Думаю, вот и ответ на твой вопрос,— севшим от страха голосом выдавил Честер, показывая на экран пальцем.

Среди стволов и ветвей замаячило громадное чешуйчатое, покрытое грибовидными наростами чудище, серо-зеленая окраска которого почти сливалась с сумеречным лесом. Оно зашевелилось, когти его гигантской индюшачьей лапы неуклюже зацепились за дерево, взметнув целый фонтан коры и щепок. Складки кожи на белом подбрюшье тяжело колыхались, огромный мясистый хвост резко дернулся, переломив, как спичку, подвернувшееся двухметровое деревце. Кейс нервно засмеялся.

— Впечатляюще, я даже забыл на минуту, что это всего лишь...

— Тише! Оно может услышать нас,— прошипел Честер.

— Что ты имеешь в виду — «услышать нас»? — расслабленно спросил Кейс.— Это всего лишь изображение! Хотя для остроты ощущений надо бы еще парочку. Ведь зрители за свои деньги ожидают увидеть гораздо больше. Ну так как, компьютер?

Казалось, низкий голос исходит прямо из кроны деревьев.

— Поблизости несколько таких созданий, мистер Малвихилл. Если вы внимательно посмотрите налево, то увидите небольшой экземпляр — мегалозавра. А чуть подальше находится поистине великолепный образчик нодозавра.

— Ты знаешь,— сказал Кейс, приподнявшись и напряженно вглядываясь в чащу в поисках других рептилий,— я думаю, что,

когда мы запустим наш аттракцион, мы будем проводить такую викторину. Хороший способ выманивания денег. Состоятельная публика наверняка захочет узнать, какими духами пользовалась Мария-Антуанетта. Или сколько жен было в действительности у Соломона.

— Ну не знаю,— сказал Честер, глядя, как ближний динозавр потерся о ствол дерева, с которого низвергнулся целый водопад веток и листьев.— Придирчивым зрителям может не понравиться, что голос доносится как бы из воздуха. Нельзя ли придумать какое-либо устройство, из которого исходил бы голос?

— Гм-м...— Кейс начал шагать взад-вперед, попыхивая сигарой.

Честер нервно поеживался в своем кресле. В пятнадцати метрах от него из тени громадного клена вышел на открытую площадку игуанодон. Ветви затрещали, когда тяжелая саламандроподобная пасть схватила огромную охапку ветвей где-то на высоте трехэтажного дома.

— Есть! — сказал Кейс, хлопнув кулаком по своей ладони.— Еще одна великая идея. Ты сказал что-то о громкоговорителе. Но о каком громкоговорителе, Честер?

— Давай-ка потише! — Честер зашел за спинку кресла, нервно следя за каждым движением игуанодона.— Я все же думаю, что чудовище слышит нас.

— Итак, громкоговоритель должен передвигаться и близко подходить к тому, кто задает вопросы. Таким образом, мы должны попросить компьютер подобрать образ, который бы наиболее соответствовал этому восхитительному голосу.

— Смотри-ка,— испуганно прервал Честер,— оно поворачивает к нам...

— Обрати внимание, Честер, машина создает нам робота в образе миловидной дамы. Это будет сенсация: этакая роскошная куколка с богатыми формами, которая ответит на любой вопрос.

— Кажется, Кейс, оно упорно приближается к нам.

— Мы могли бы назвать эту куколку мисс Ай-Кьюти*.

— Оно видит нас...

— Ты что, не понял, коэффициент интеллектуальности, Ай-Кьюти?

* Ай-Кьюти — образовано от английского IQ — ай-кью — коэффициент интеллектуальности. *(Прим. перев.)*

— Да-да, конечно. Можешь болтать дальше.

Голова игуанодона лениво покачивалась, нависая над ними; один его глаз, как бы гипнотизируя, уставился на Честера.

— Как птица на червяка смотрит, зараза,— брезгливо поморщился Честер.— Стой, не двигайся, Кейс. Возможно, у него пропадет к нам интерес.

— Идиот,— сделал шаг вперед Кейс.— Только дурак может испугаться картинки!

Он остановился, уперев руки в бока, и уставился на нависающую рептилию.

— Совсем недурная иллюзия! — выкрикнул он.— Даже вблизи выглядит как настоящая. И даже смердит, как живая.

Он поморщился и попятился назад к креслам.

— Успокойся, Честер. Ты похож на кассира, который боится обсчитаться.

Честер перевел взгляд с Кейса на пережевывающего ветки ящера.

— Кейс, если бы я не знал, что здесь стена...

— Эй, взгляни-ка вон туда,— указывая сигарой куда-то назад, воскликнул Кейс.

Честер быстро обернулся. Шурша листьями, в поле зрения появилась двуногая рептилия с крошечными передними лапками, согнутыми у груди. Она замерла неподвижно, как статуя, и было видно только, как мерно подрагивает ее зеленовато-белая шея. Она долго смотрела на обоих мужчин. Вдруг, услышав какое-то шуршание в траве, она резко повернулась и прыгнула. Послышался сдавленный писк и чье-то трепыхание. Ее полуметровая голова поднялась и, двигая челюстями, вновь оценивающе уставилась на Честера и Кейса.

— Хорошо,— сказал Кейс, стараясь раскурить потухшую сигару.— Природа в своем естестве. Битва за выживание. Зрители буквально проглотят это зрелище.

— Если развивать тему пищеварения, то мне совсем не нравится, как она на нас смотрит.

Динозавр, склонив голову на манер гигантского петуха, сделал шаг по направлению к ним.

— Фу! — брезгливо сказал Кейс.— Ну и несет же от него! — Он повысил голос: — Убавь-ка немножко вони, компьютер. Так и прет гнилыми зубищами.

Плотоядное животное сглотнуло слюну, высунуло красный язык между острыми, как иглы, зубами, через которые просматривалась белоснежная полость его пасти, и сделало шаг по направлению к Честеру. Теперь оно стояло уже у самого края ковра, продолжая гипнотизировать Честера, готовое в любой момент броситься на него. Оно повернуло голову так, что стал виден его второй глаз.

— Если мне не изменяет память, между краем ковра и стеной было не менее двух метров,— прохрипел Честер.— Кейс, эта живая мясорубка находится в одной комнате с нами!

Кейс расхохотался:

— Да брось ты, Честер. Это просто эффект перспективы или чего-нибудь там еще.

И он шагнул к аллозавру. У того отвисла нижняя челюсть. Грозно засверкали многочисленные ряды острых белых зубов. Брызнула слюна, увлажнив чешуйчатый безгубый рот. Казалось, что в налитом кровью глазу вспыхнула молния. И чудовище занесло свою громадную индюшачью лапу над ковром.

— Компьютер,— заорал Честер,— убери нас отсюда!!!

Лесная сцена бесследно исчезла. Кейс осуждающе посмотрел на Честера.

— Какого черта ты это сделал? Я еще их не рассмотрел как следует.

Честер вынул из кармана носовой платок и плюхнулся в кресло, вытирая испарину со лба.

— Давай-ка поговорим об этом немного позднее, после того как я переведу дух.

— Ну как оно? Чудненько, не правда ли? Реализм чистой воды!

— Реализм-то реализм! Но такое впечатление, что мы действительно были там один на один с этой прожорливой тварью, совершенно беззащитные!

Кейс уселся, глядя на Честера.

— Постой-ка! Ты как будто что-то сказал, приятель? Вроде того, что мы действительно были там...

— Да, и ощущение было далеко не из приятных.

— Честер! — потер от волнения руки Кейс.— Все твои неприятности кончились. Мне опять пришла идея — величайшая идея века. Ты, конечно, согласишься, что старый наш аттракцион и

на дух не нужен ребятам из налогового управления, разве нет? Но они, несомненно, клюнут на величайшее чудо науки и техники, не так ли?

— Но они ведь уже знают о компьютере.

— А мы и не будем говорить с ними о компьютере, Честер. Да они и так не поверили бы. Помнишь предел Крмблжинского? Мы их одурачим с его помощью. Скажем им такое, что заставит их самих влезть в петлю.

— А можно поинтересоваться, что же такое мы им скажем?

— Мы скажем им, что у нас есть настоящая машина времени.

— Почему бы в таком случае не сказать им, что мы поддерживаем связь с потусторонним миром?

Кейс задумался:

— Э, нет. Это слишком просто. Таких только в одном этом штате наберется не менее дюжины. Но можешь ли ты назвать кого-либо, у кого была бы настоящая, действующая машина времени, а? Никого. Так-то вот, Честер, это же золотая жила. После того как мы расплатимся с ребятами из налоговой инспекции, мы переключимся на что-нибудь более серьезное. А возможности неисчерпаемы...

— Да, я как раз думаю о некоторых из них: о штрафах за уклонение от уплаты налогов и мошенничество, тюремных сроках за сговор и лжесвидетельство. Почему бы просто не попросить компьютер ссудить нам денег?

— Послушай, пока что перед законом ты чист, как младенец. Но стоит тебе начать давать машине такие инструкции, как мошенничество с документами, и ты тут же влипнешь. Так что успокойся, и давай-ка сделаем все по возможности более законными способами.

— До меня что-то никак не дойдут твои критерии разграничения типов мошенничества.

— Мы будем служить обществу, Честер. Мы будем привносить романтическое обаяние в пресные, скучные, однообразно-серые жизни наших соотечественников. Мы будем кем-то вроде благодетелей общества, если хочешь. Почему бы не посмотреть на все это таким образом?

— Не надо заходить так далеко, Кейс. Давай не будем ударяться в политику; ты прекрасно понимаешь, что мы с тобой просто пара порядочных шарлатанов, так ведь?

— Конечно, без проблем здесь не обойтись,— продолжал гнуть свою линию Кейс.— Голову сломаешь, пока удастся подобрать то, что нужно. Возьми, к примеру, Древнюю Грецию. Там были такие обычаи и традиции, которые явно не подойдут для тихого семейного вечера. На первых Олимпийских играх, например, никто из состязавшихся не хотел обременять себя даже набедренной повязкой. Были там и общие бани, где мужчины и женщины мылись вместе — в целях, так сказать, взаимного просвещения,— да и рынки рабов, где товар выставлялся во всем своем естестве. Да практически все в античной истории слишком грязно для того, чтобы можно было выставлять ее на всеобщее обозрение.

— Тогда нам лучше ограничиться более поздними временами, когда люди стали уже христианами,— сказал Честер.— Мы можем показать инквизицию, семнадцатый век: сжигание ведьм на кострах и все такое.

— Давай-ка сделаем еще одну попытку, Честер. Что-нибудь такое быстрое и простенькое, ну, чтобы убедиться, что машина восприняла идею.

— Ладно, давай,— вздохнул Честер.

— Как насчет сцены с пещерным человеком, Честер? — спросил Кейс.— Каменные топоры, обернутые вокруг бедер шкуры, ожерелья из медвежьих клыков — словом, все то, что удается обнаружить в местах археологических раскопок.

— Очень хорошо. Только давай без крупных плотоядных. Уж чересчур они реалистичны.

Позади них раздался какой-то слабый звук. Честер обернулся. На ковре, оглядываясь по сторонам, словно зачарованная неовикторианским интерьером, стояла молодая девушка. Вьющиеся блестящие черные волосы обрамляли ее овальное лицо. Она поймала взгляд Честера и сделала несколько шагов, став на ковер прямо перед ним: стройная восхитительная фигурка, на которой, кроме золотисто-шоколадного загара и ярко-красной ленты, перехватывающей прелестные волосы, не было ничего. Было слышно, как сглотнул Честер. Кейс уронил на пол сигару.

— Мне, по-видимому, следовало упомянуть, мистер Честер,— сказал компьютер,— что передвижной громкоговоритель, который вы просили, готов. Работа осуществлена в энтропийной вакуоли, что, собственно, и позволило мне (может быть, я выражусь не совсем удачно) произвести эту сложную операцию в короткий промежуток времени.

Честер снова сглотнул.

— Привет! — сказал Кейс, нарушив неловкое молчание.

— Привет! — ответила девушка. Голос ее был удивительно мягким и мелодичным. Она подняла руки, поправляя свою ленту, и улыбнулась Кейсу и Честеру.— Меня зовут Унэ*.

— Э... э... Не хочется ли тебе набросить на себя мою рубашку?

— Да брось ты, Честер,— перебил его Кейс.— Ты напоминаешь мне тех пуритан, которых показывают по тридивизору: стоит им только увидеть хорошенькую девочку в ванне, и они тут же спешат залезть под стол.

— Думаю, что все же компьютер не совсем правильно понял идею,— еле слышно пролепетал Честер.

— Он понял буквально,— сказал Кейс.— Да, собственно, мы и говорили-то в основном о том, какие сцены...

— Я выбрала этот костюм как наиболее подходящий для примитивного окружения,— не дала ему закончить предложение девушка.— Что касается моих физических характеристик, замысел заключается в том, чтобы воспроизвести идеал средней молоденькой особи женского пола, без гипертрофии молочных желез и без иных излишеств, чтобы она вызывала материнские чувства у зрительниц и отеческие чувства у зрителей-мужчин.

— Не могу сказать, что у меня она вызвала именно такие чувства,— признался, тяжело дыша, Честер.

На прелестном личике появилось озабоченное выражение:

— Наверное, придется переконструировать тело, мистер Честер.

— Ни в коем случае,— поспешно вклинился Кейс.— Не смей менять ничего. И называй меня просто Кейс.

Честер придвинулся к Кейсу.

— Странно,— прошептал он.— Она говорит как компьютер.

— А чего же тут странного? Она и есть говорящий компьютер. Это ведь всего лишь робот, Честер, неужели не понятно?

— Так как, начнем знакомство с неолитическим человеком? — спросила Унэ.

— Конечно. Давай, показывай,— пророкотал Кейс.

---

* Унэ — аббревиатура от изобретенного автором названия машины времени — Универсальный нелинейный экстраполятор. *(Прим. перев.)*

Казалось, что стены растворились, и перед взором Честера и Кейса открылся склон густо поросшего травой холма, усеянного дикими цветами, со встречающимися там и сям отдельными деревьями.

— Слушай, а ничего,— сказал Кейс, зажигая новую сигару,— недурной пейзажик.

Кейс и Честер обернулись. Они увидели двух низкорослых бородатых мужчин в меховых штанах, которые крадучись выходили из зарослей и, заметив Кейса, Честера и Унэ, остановились как вкопанные. За ними виднелась целая толпа дикарей. Оба вожака замерли, раскрыв от удивления рты, держа на изготовку длинные, заостренные с одного конца палки.

— Эти ребята почти карлики,— удивился Кейс.— Я думал, что пещерные люди просто гиганты.

— Кажется, они заметили нас,— сказал Честер.— Похоже, что актеры и зрители встретились на одной сцене. Я чувствую себя совершенно беззащитным. Как ты думаешь, что они собираются делать этими пиками?

Один из дикарей сделал шаг вперед и что-то заорал.

— Ну ты, парень,— окликнул его Кейс, невозмутимо выпустив клуб дыма.

Дикарь снова заорал, показывая рукой вокруг себя, на другого дикаря, на деревья, на небо, затем на себя самого. Бородатые воины продолжали появляться из зарослей.

— Интересно, что он орет? — спросил Кейс.

— Он говорит, что он — властелин мира и чтобы вы проваливали отсюда,— ответила Унэ.

— По-моему, у него больше прав на эти владения, чем у нас,— вставил Честер.

— Каким чертовым образом ты знаешь их язык? — спросил Кейс с удивлением, к которому примешивались нотки восхищения.

— О, до тех пор, пока я нахожусь в поле резонанса, я имею доступ ко всем без исключения банкам памяти,— ответила Унэ.

— Что-то наподобие приемопередатчика?

— В каком-то смысле, да. Но в действительности это более похоже на вызываемый искусственным образом телепатический эффект.

— Я думаю, что на это способны только люди, я имею в виду обычных людей.

— Обычных в каком смысле? — заинтересованно спросила Унэ.

— Ну, в конце концов, ты все-таки машина,— сказал Кейс.— Не то чтобы я имел что-то против машин...

— Властелин мира приближается к нам,— прервал его Кейс.— А его подкрепления все еще продолжают прибывать.

— Да-а, мы собрали хорошенькую толпу,— сказал Кейс.

Троглодиты рассредоточились, образовав широкий полукруг. Вожак выкрикивал приказы, делал замысловатые движения, осыпая троих пришельцев тысячами проклятий.

— Похоже, он собирается устроить какое-то представление. Может быть, у них такой ритуал приема гостей?

— Напротив, он готовится к сражению,— возразила Унэ.

— К сражению? С кем? — огляделся вокруг Кейс.— Что-то я не вижу никакого противника.

— С нами. А точнее — с вами двоими, джентльмены.

— Может, из стратегических соображений нам лучше отступить? — предложил Честер.

— Я ни за что на свете не соглашусь упустить это зрелище,— заявил Кейс.— Спокойнее, Честер, это всего лишь шоу.

По сигналу вожака полукольцо бородатых воинов начало приближаться к ним по склону холма с пиками наперевес.

— Представляю, как они будут шокированы, когда наткнутся на стену,— сказал, усмехаясь, Кейс.

Приближающиеся дикари с воплями перешли на бег. Вот они в пятнадцати метрах, десяти, пяти...

— Я-то знаю, что они ничего не смогут с нами сделать! — нерешительно прокричал Честер.— А может быть, все же смогут?

— Возможно, здесь я должна внести уточнение,— заметила Унэ, пытаясь перекрыть голосом шум.— Данная демонстрация осуществляется мной в рамках реальных пространственно-временных координат...

Голос компьютера потонул в дружном вопле толпы дикарей, которые, одним броском преодолев несколько оставшихся метров, уже ступили на ковер.

В последний момент Кейс, отбросив свою сигару, вскочил на ноги и мощным хуком справа выбил одного из наступавших волосатых дикарей за пределы ковра. Честер, которому удалось ускользнуть от броска второго, увидел, как Кейс, схватив двух дикарей за бороды, сшиб их лбами и бросил обмякшие тела на

землю. Еще трое бросились на него, а потом еще несколько, и под лавиной волосатых тел он рухнул вниз. Честер, открыв рот для того, чтобы прокричать команду к отступлению, увидел на мгновение готовую ударить его в голову чью-то покрытую каменными мозолями ногу...

Где-то вдали раздался звук бронзового колокола. Еще какую-то долю секунды Честер воспринимал мельтешение грязно-коричневых тел, отдаленные крики и тошнотный запах протухшего сыра. Затем наступила темнота.

Глава 3

Солнце било Честеру прямо в глаза. Он их открыл, почувствовал острую, пронизывающую боль, исходящую из самой макушки, и снова закрыл со стоном. Он перевернулся на другой бок и почувствовал, как плывет под ним пол.

— Пожалуй, пора завязывать с пьянством,— пробормотал он.— Кейс, где ты?

Ответа не было. Честер вновь попытался открыть глаза. Ему удалось слегка приоткрыть их, и это было уже не так плохо. Подумать только, что ужасная, раскалывающая голову боль была вызвана содержимым нескольких бутылок, которые с таким тщанием отбирал старый гурман в свой винный погребок.

— Кейс? — простонал он снова, на этот раз громче. Он привстал, чувствуя нарастающую тошноту. Пол вновь поплыл под ним, и он поторопился принять горизонтальное положение. Не могло же быть, чтобы они выпили более двух бутылок, в крайнем случае — трех. Он и Кейс осматривали компьютер...

— Нет-нет, только не это,— проговорил вслух Честер.

Он наконец сел, поморщился и с трудом открыл глаза. Он сидел на полу плетеной клетки, стены которой, смыкаясь вверху, образовывали купол. Через прутья клетки было видно чистое небо и вдалеке деревья. Прильнув к прутьям, он увидел, что в полудюжине метров внизу покачивается земля.

— Кейс!— заорал он.— Вытащи меня отсюда!

— Честер,— тихо проговорил кто-то вблизи.

Честер осмотрелся. В нескольких метрах от него на толстой ветке соседнего дерева покачивалась клетка, подобная той, в которой находился он сам. В ней на коленях, прижавшись лицом к прутьям, стояла Унэ.

— Унэ, где мы? — выкрикнул Честер.— Где Кейс? Что стало с нашей виллой?

— Эй,— послышался издали голос.

Честер и Унэ обернулись на голос и увидели третью клетку, которая покачивалась на другом дереве. Внутри Честер разглядел крупную фигуру Кейса.

— Э-ге-ге, так что́ — попала птичка в клетку? — спросил, несколько оживившись, Честер.— Так значит, всего лишь представление? Надо же быть таким идиотом...

— Ну ладно, ладно. Ну, осечка вышла. Но откуда я мог знать, что Унэ сыграет с нами такую шутку. Так как, Унэ? Ты думаешь, что это именно то шоу, за которое зрители с готовностью выложат по два с полтиной с носа?

— Не упрекай Унэ! — прокричал Честер.— Я уверен, что она всего лишь добросовестно выполняла заказ — буква в букву.

— Но мы заказывали совершенно не это,— завопил Кейс.

— Как раз наоборот. Это именно то, чего ты добивался.

— Согласен, но откуда я мог знать, что эта чертова машина поймет меня буквально. Все, что я имел в виду...

— Когда имеешь дело с машиной, всегда точно формулируй, что ты хочешь. Я думал, что контакт с динозаврами должен был чему-то тебя научить. Я же говорил тебе, что эта плотоядная тварь была с нами в одной комнате. Но ты...

— Но почему же Унэ не остановила дикарей?

— Разве я должна была остановить? У меня не было инструкций вмешиваться в ход событий.

Кейс застонал:

— Давай-ка не будем ругаться, Честер. Мы имеем то, что имеем. После того как все закончится, мы сможем все обсудить за бутылкой и поспорить. Сейчас же нам нужен нож. У тебя есть нож?

Честер порылся в карманах и вытащил крохотный перочинный ножик:

— Есть, но только маленький, к сожалению.

— Брось-ка его мне.

— Ты забыл, что я в клетке?

— Ладно, тогда займись делом и перережь веревку.

— Кейс, я думаю, что тебя тоже шарахнули по голове, но гораздо сильнее. Представляешь ли ты, как грохнется на землю

с шестиметровой высоты клетка, если даже я смогу перерезать веревку, до которой мне никак не дотянуться?

— Ну хорошо, у тебя есть другие идеи? Из этой штуки совсем не просто выбраться; я не могу высвободить ни руку, ни ногу.

— Попробуй тогда головой.

— Честер, такой совет не делает тебе чести. Не забывай, что перед тобой твой старый приятель Кейс.

— Ты же бывший акробат. У тебя получится.

— Честер, это было давно и — эге...— Кейс вдруг затих.— Какие же мы с тобой дураки. Давай просто попросим Унэ вернуть нас назад. Я не знаю, куда она нас в действительности забросила, но, думаю, она точно так же сможет отправить нас обратно домой. Унэ, крошка, займись-ка делом!

— Вы обращаетесь ко мне, мистер Малвихилл? — спросила Унэ, широко распахнув глаза.

— Тсс... Слушай, Унэ, сейчас не до дипломатии! Срочно вытащи нас отсюда! Ну, быстро!

Унэ задумалась:

— Боюсь, что это действие сверх моих возможностей, мистер Малвихилл.

Честер настаивал:

— Унэ, ты забросила нас сюда, тебе же и вызволять нас отсюда!

— Но, Честер, я не знаю как.

— Ты хочешь сказать, что ты забыла?

— Нет-нет, с памятью все в полном порядке.

— Что же это тогда — компьютерный мятеж? — заорал Кейс.

— Догадываюсь, в чем причина,— крикнул Честер Кейсу.— Унэ же говорила вам, что она имеет доступ к банкам памяти компьютера лишь до тех пор, пока находится в поле его резонанса. Должно быть, сейчас мы находимся на значительном удалении от компьютерного поля, и поэтому Унэ не имеет с ним контакта.

— Ох уж эта техника,— проворчал Кейс.

— Уверен, что как только мы вернемся на место, где остались ковер и кресла, она тут же восстановит утерянный контакт,— сказал Честер.— Правильно я говорю, Унэ?

— Не знаю, но, может быть, вы правы, Честер.

— Это нас ничуть не приближает к решению проблемы,— вмешался Кейс.— Хватит болтать, и давайте всерьез обсудим,

что нам делать. Честер, своим ножом ты можешь перерезать несколько связок, затем дотянешься до веревки, заберешься по ней, достанешь до моего дерева и выпустишь меня из клетки. Затем мы освободим Унэ и...

— Тсс! — прервал его Честер.— Я слышу, что они идут.

Через прутья клетки он увидел залитую утренним солнцем поляну под ними, окружающий лес и тропинку, которая вилась между деревьев. Появились дикари, которые быстро заполнили поляну. Они стали глядеть на пленников, переговариваясь между собой на непонятном языке, с хохотом показывая на них пальцами. Двое из них приставили шаткую лестницу из бамбукообразного материала к дереву, на котором была подвешена клетка с Кейсом, что-то болтая при этом.

— О чем они говорят, Унэ? — спросил Честер.— Или ты уже их не понимаешь?

— Я овладела их языком, как только мы здесь появились,— сообщила Унэ.

— Что, за две минуты?

— Да, это одно из преимуществ прямого телепатического контакта с источником информации.

— Так ты понимаешь все, что происходит, но не знаешь лишь, как отсюда выбраться?

— Манипуляции с окружающей средой проводились компьютером. Я же была не более чем передвижным громкоговорителем. Вы же помните!

— Боюсь, что да.— Честер обратил свой взор на дикарей.— О чем они говорят?

— Они обсуждают предстоящее спортивное состязание. По-видимому, от его исхода очень многое будет зависеть.

Она продолжала прислушиваться, пока дикари возились с лестницей. Один из бородачей вскарабкался по ней и начал возиться с веревкой, на которой держалась клетка с Кейсом.

— Предстоит состязание чемпионов,— поведала Унэ.— Битва не на жизнь, а на смерть между гигантами.

— Эй,— заорал Кейс,— если этот вшивый Гаргантюа вдруг отпустит веревку, боюсь, мне не удастся поприсутствовать на этом состязании.

— Да не волнуйся ты, это что-то вроде лебедки. Они смогут медленно опустить клетку.

Клетка с Кейсом дернулась немного вниз, а затем плавно опустилась на землю. Дикари собрались вокруг нее, распутали веревки и открыли боковое окошко. Затем сделали шаг назад и замерли с пиками наперевес, ожидая, пока выползет Кейс. Он выбрался из клетки, огляделся и ухватился за ближайшую к нему пику. Ее владелец от неожиданности отпрянул назад. Другие же загоготали и стали возбужденно переговариваться.

— А теперь чего им надо, Унэ? — прокричал Кейс.

— Они восхищаются вашими бойцовскими качествами, силой и быстротой реакции, мистер Малвихилл.

— Вот как! Я им покажу быстроту реакции, как только кто-нибудь из них приблизится настолько, чтобы можно было его схватить.

На другом конце площадки раздался какой-то звук, и Честер быстро поднял голову. Приближалась вторая группа дикарей, а среди них, возвышаясь над толпой на две головы, вышагивал широченный, скалообразный, толстенный, весь покрытый шерстью детина.

— Похоже, что они сходили за своим Большим Братом,— промолвил Кейс.— Хороший экземпляр. Похож на ресторанного вышибалу.

— Это один из чемпионов, который примет участие в состязании,— объяснила Унэ.— Его сородичи называют его не иначе как Отрыватель Голов.

Кейс присвистнул:

— У него ручищи, как ноги у индийского рикши. Он может выдавить кишки из любого карлика, как зубную пасту из тюбика.

— Да, по-видимому, это будет захватывающее сражение,— сказал Честер,— если его соперник подобного же размера.

— Ставлю три против двух, что у этого малыша не сыщется достойного соперника,— предположил Кейс.— Думаю, что они не будут лишать нас удовольствия полюбоваться этим зрелищем.

— О, нет сомнений в том, что вы-то уж, мистер Малвихилл, в любом случае будете иметь это удовольствие,— успокоила его Унэ.— Ведь это вам предстоит с ним драться...

— Честер, боюсь, ничего другого не остается,— обреченно заметил Кейс.— У нас нет времени на болтовню. Поединок начнется с минуты на минуту.

— Но Кейс, у тебя же нет ни единого шанса выстоять против этого мордоворота.

— По средам я, бывало, выступал в качестве спарринг-партнера на ринге. И спорю на половину винного погребка твоего дедушки, что этот сопляк не имеет никакого представления ни о боксе, ни тем более о дзюдо. А я имею. Пусть это тебя не волнует. Ты же делай то, что я тебе сказал.

Полдюжины гогочущих, оживленно жестикулирующих дикарей окружили Кейса и начали подталкивать его остриями своих деревянных копий по направлению к мохнатому верзиле.

— Бедный мистер Малвихилл,— сказала Унэ.— Это чудовище даже размерами его превосходит.

— Не волнуйся за Кейса, Унэ, он знает пару трюков.

Честер и Унэ с интересом наблюдали, как толпа обступила местного тяжеловеса и Кейса. Один из дикарей криком заставил толпу смолкнуть, а затем начал произносить речь. Двухметровый верзила, поедая глазами Кейса, оскалился и начал чесаться; ему никак не удавалось поймать вошь, поэтому он, подобно собаке, пытающейся ухватить себя за хвост, закружился вокруг собственной оси, подняв одну руку, а второй — судорожно пытаясь дотянуться до хребта.

— На интеллектуала он явно не тянет,— заметил Честер,— но какая хватка! Он же может достать свою задницу через плечо.

— Надеюсь, что мистер Малвихилл уже заметил ахиллесову пяту этого варвара и, исходя из этого, планирует свою стратегию.

Кейс стоял метрах в десяти от противника, делая глубокие вдохи и медленно выдыхая. Он поймал взгляд Честера и подмигнул ему. Оратор продолжал свою речь на варварском языке.

— Он говорит своим соплеменникам, что мистер Малвихилл — демон, которого он вызвал из царства тьмы,— перевела Унэ.— Вас он называет Четырехглазым Демоном, а меня — Нагой Богиней. Мистер Малвихилл находится под воздействием чар, которые придадут ему сил в битве с верзилой.

— Смотри-ка,— прервал ее Честер.— Кажется, начинается.

Предводитель закончил говорить. Наступило всеобщее молчание. Кейс снял свой кожаный пояс и намотал его на кулак. Мохнатый двухметровый гигант зарычал, оглядывая толпу, шагнул вперед, похлопывая себя лапищами по груди. Он остановился, повернулся спиной к Кейсу и проревел что-то бессмысленное. Кейс в три прыжка очутился возле него и нанес сокрушительный удар правой по почкам.

— Давай, давай, Кейс! Вмажь ему как следует! — заорал Честер.

Верзила заревел, как бык, и быстро обернулся, хватаясь правой ручищей за ушибленное место, а левой пытаясь достать Кейса. Тот, ловко поднырнув под его руку, нанес ему еще два удара под ложечку, сначала правой, затем левой, и тут же полетел на землю от мощнейшего удара наотмашь. Перекувырнувшись несколько раз, он встал на ноги. Дикарь стоял, согнувшись и держась обеими лапищами за живот; с расстояния в дюжину метров Кейс отчетливо слышал его тяжелое, хриплое дыхание.

— Вот теперь, похоже, Кейс его достал!

— Но ведь и мистеру Малвихиллу, наверное, тоже не сладко пришлось!

— Не думаю. Его ругательства звучат вполне обычно. Во всяком случае, он полностью приковал к себе внимание дикарей. Пожалуй, мне пора начинать.

Честер вынул ножичек, оглядел ремни, соединяющие бамбуковые прутья, и принялся их пилить.

— Только бы лезвие выдержало. Мог ли я предположить, когда покупал ножик, что мне придется резать им что-либо, кроме кончиков сигар!

— Пожалуйста, Честер, быстрее! Мистера Малвихилла может хватить ненадолго.

Где-то внизу Кейс нырнул в сторону, уклоняясь от удара, с силой нанес верзиле удар правой под ребра и резво отскочил, как только тот начал менять направление.

— Уф-ф... Начало есть.— Один из ремней упал к ногам Честера.— Думаю, штуки три — и будет достаточно. Кто-нибудь смотрит в мою сторону?

— Нет, никто. Честер, мне страшно. Мистер Малвихилл споткнулся... Ой, сейчас это чудовище его раздавит... Уф! Он едва-едва успел откатиться.

— Слушай, Унэ, давай-ка без этих женских штучек. Выставь на передний план компьютерный аспект своей личности; это тебя сразу уравновесит.

— Мистер Малвихилл только что нанес дикарю очень сильный удар по затылку,— бесстрастно прокомментировала Унэ ход событий на земле.— Удар потряс его.

— Слишком неуклюже. Неужели у него в запасе нет ничего более оригинального? Мне понадобится по крайней мере минут десять...

Честер сосредоточенно продолжал работать: вот на плетеное дно клетки упал третий ремень, вот он раздвинул вертикальные прутья клетки и просунул голову в образовавшееся отверстие. Оно было очень узким, но через минуту ему удалось протиснуть через него и плечи. Вот он перехватился за прутья повыше, выскользнул из клетки и прижался к ней всем телом. Найдя опору для ноги, оттолкнулся, вскарабкался выше, дотянулся до веревки, на которой висела клетка. Взгляда в сторону поля боя хватило, чтобы убедиться, что все внимание толпы было приковано к дерущимся. Честер набрал побольше воздуха в легкие и начал карабкаться вверх по веревке.

Толпа загудела, когда Кейс, словно молотом ударив гиганта по корпусу, сначала левой, потом правой, поднырнул под его локоть, споткнулся и оказался в объятиях громадных ручищ.

— Честер, он сейчас его раздавит! — завопила Унэ.

Честер замер, изогнулся, стараясь рассмотреть, что происходит внизу. Кейс отчаянно барахтался, безуспешно пытаясь ухватиться за что-либо за спиной. Но вот он нащупал указательный палец верзилы и с хрустом заломил его. Гигант взревел: Кейс выламывал палец все сильнее и сильнее...

С диким воплем верзила выпустил Кейса, с трудом выдернул руку и сунул покалеченный палец в рот.

Честер, медленно выдохнув, вскарабкался на ветвь, к которой была привязана веревка. Пошатываясь, он встал на нее, добрался до ствола дерева, вскарабкался к ответвлению, на котором висела клетка с Унэ, и начал пробираться к ней. На площадке внизу вновь раздались вопли зевак. Краем глаза Честер увидел, как Кейс, проскользнув мимо верзилы, изловчился и изо всех сил рубанул того ребром ладони по шее.

Честер скользнул по веревке к клетке, где находилась Унэ.

— Честер, лучше бросьте меня. Спасайтесь сам.

Честер уже лихорадочно перепиливал ремни на клетке.

— Даже если бы я был самым презренным трусом, я все равно не смог бы бросить тебя из практических соображений, Унэ. Потерпи еще пару минут.

Вот подались места соединений. Где-то там, внизу, продолжал биться Кейс. Вот Честер ухватился за вертикальные прутья и, раздвинув их руками, дал Унэ проскользнуть через образовавшееся отверстие. Она, словно кошка, вскарабкалась по прутьям клетки, ухватилась за веревку и легко полезла по ней вверх. Честер последовал за ней.

Где-то над ним послышался судорожный вздох Унэ, и Честер увидел, как она показывает пальцем куда-то вниз. Обернувшись, он успел увидеть, как Кейс, ловко увернувшись от страшного удара, поднырнул под своего громадного врага и сбил его с ног. Когда тот с ревом попытался подняться на ноги, Кейс кулаком угодил ему прямо в челюсть, снова опрокидывая на землю. Детина замотал головой, шатаясь, поднялся на ноги и бросился на Кейса. Но тот был наготове. Он бросился под ноги приближающемуся чудовищу. Честер даже зажмурился, когда громадная фигура верзилы грохнулась лицом вниз со всего размаха на твердую землю, перелетев через скрючившегося Кейса. Когда улеглась пыль, Честер увидел Кейса. Тот был на ногах, но тяжело дышал; гигант неподвижно лежал на земле, растянувшись во весь рост, как бревно.

— Не очень-то кстати,— пробормотал Честер.— Лучше бы он задержал их внимание еще минут на пять.

— Теперь-то они нас точно заметят,— прошептала Унэ, прижавшись своим стройным телом к грубой коре дерева.

— Не двигайся,— выдохнул Честер.— Подождем, что будет дальше.

Онемевшая от изумления толпа вдруг разразилась криками восторга; дикари бросились к Кейсу, окружили его и стали в восхищении хлопать по спине; в поверженного гиганта тыкали пальцами и танцевали вокруг него, что-то бессвязно выкрикивая. Честер увидел, как Кейс, украдкой бросив взгляд в сторону клеток, вдруг нагнулся к земле и взял в руки два больших гладких камня. Толпа смолкла и отпрянула от Кейса. Один или два дикаря схватились за копья. Кейс поднял руку, призывая к тишине, небрежно подбросил вверх один камень, быстро перекинув второй из левой руки в правую, чтобы успеть схватить первый освободившейся левой, подбросил второй камень...

— Вот оно что,— с благодарностью проговорил Честер.— Дружище Кейс! Он завлекает их жонглированием. Бежим, Унэ!

Они в молчании спустились на землю. Оглянувшись, Честер увидел, как Кейс подобрал третий камень и продолжает жонглировать уже тремя. Дикари наблюдали за ним, раскрыв от изумления рты. На секунду задержавшись за стволом громадного дерева, Честер и Унэ крадучись пробрались к лесу, нашли петляющую среди деревьев тропинку и бросились наутек. Крики дикарей, оставшихся позади, становились все тише и тише, совсем пропав наконец где-то вдали.

— К прогалине, скорей! — Запыхавшийся Честер прибавил ходу, поравнявшись с Унэ.— Теперь нам остается всего-навсего обыскать несколько сотен квадратных миль леса, чтобы найти наконец ковер и кресла.

— Ничего, Честер, не волнуйтесь.— Унэ легко бежала рядом с ним.— Думаю, я знаю дорогу.

— Ну что ж,— пыхтел Честер,— остается только надеяться, что, когда мы найдем, что ищем, компьютер все еще будет ждать нас, а его метроном будет все так же мерно отстукивать секунды.

Глава 4

Честер, пошатываясь, преодолел несколько последних метров поросшего травой склона холма, отделявших его от ковра, и, обессиленный, плюхнулся в одно из желтых кресел.

— В следующий раз, когда я соберусь на прогулку в лес,— сказал он со стоном,— пожалуй, надену подходящую обувь; эти штиблеты трут ноги — просто сил нет.

— Ни малейшего намека на преследование,— констатировала Унэ.— По-видимому, мистер Малвихилл все еще успешно удерживает их внимание.

— Постой-ка, Унэ, я вижу там дым.— Честер показал рукой в сторону, откуда они прибежали.— Не думаешь ли ты, что...

На лице Унэ появилось озабоченное выражение.

— Я не думаю, что у них было достаточно времени, чтобы начать жарить мистера Малвихилла на костре. Пока.

— Боже мой, Унэ. Ты полагаешь, что такое возможно?..

— Судя по их культурной парадигме, если мои наблюдения верны, такой исход не является невозможным.

Честера как пружиной выбросило из кресла.

— Мы должны вернуться обратно. Может быть, нам удастся застать их врасплох.

— Как хотите, Честер. Но я боюсь, что этим мы ничего не добьемся. Ни один из нас не имеет достаточной силы, чтобы противостоять им.

Честер сник.

— Я всегда вел такую... цивилизованную жизнь. Никогда не думал, что мне придется чего-то добиваться своими мускулами.

— Давайте продолжим заниматься делом, Честер. Мы достанем оружие и поспешим назад.

— Думаю, это единственное, что нам остается. Бедняга Кейс — возможно, его уже жарят живьем. Он пожертвовал собой ради нас. Ради бога, поторопись, Унэ! Ты ведь уже в контакте с машиной, я надеюсь?

Унэ секунду подумала, затем как-то неопределенно улыбнулась.

— Думаю, да. Я попытаюсь. Станьте рядом со мной, Честер.

Он схватил ее за руку. Ярко освещенная солнцем сцена исчезла, уступив место другой: они стояли на проезжей части покрытой черным асфальтом улицы какого-то города. По обеим сторонам улицы тянулись из полумрака к солнечному свету высокие здания. Слева от них промчалась громыхающая машина. Две поменьше, фыркнув моторами, резко обогнули их справа и, взвизгнув тормозами, замерли как вкопанные. Прямо на них надвигался громадный грузовик; раздалось шипение воздуха в тормозах, грузовик со скрежетом остановился, нависая своей громадой над креслами, шины его передних колес наехали на отделанный бахромой край ковра. Водитель за пыльным стеклом что-то заорал и начал размахивать кулаком. Крик его потонул в общем шуме-гаме автомобильных рожков, голосов, моторов. Честер в один прыжок оказался на тротуаре, увлекая за собой Унэ.

— Что-то не так,— выдохнул он.— Где мы находимся, Унэ?

— Не знаю, произошла какая-то путаница в координатах, Честер! Может быть, потому что мистер Малвихилл остался там.

Полный крепкий мужчина в жилете, под которым была засаленная рубашка, бросив зубочистку, которой ковырялся в зубах, шагнул к ним из дверного проема здания с крышей в форме трех куполов из потускневших и окислившихся медных листов.

— Эй, сестренка, ты ничего не забыла? — Он похотливо осклабился, пожирая глазами фигуру Унэ, от лодыжек — все выше и выше... Стоящий позади него второй мужчина отпихнул его в сторону.

— Приветик, детка,— живо проговорил он.— Такая красотка, как ты, и я могли бы легко поладить. Правда, ты немного тощевата, ну да Бенни нравятся такие малышки.

Честер шагнул ему навстречу.

— Понимаете, мы участвуем в эксперименте...

Бенни скользнул по нему взглядом и ткнул его выпрямленными каменными пальцами прямо в солнечное сплетение.

— Отвали, дерьмо! — Честер согнулся пополам, задыхаясь.

Образовавшаяся вокруг них толпа расступилась, пропуская пробивающегося сквозь нее человека в розовой форменной одежде и в блестящем хромированном шлеме. На руке его на ремешке болталась резиновая дубинка. Он оглядел Унэ с ног до головы и потянулся к ее руке.

— Пошли, сестренка, ты задержана.

Она залепила ему такую оплеуху, что крикливо одетый полицейский почти опрокинулся назад.

— Бежим, Честер! — закричала Унэ.

Она схватила Честера за руку, он с трудом выпрямился и заковылял за ней. Толпа вновь расступилась в изумлении.

— Ну-ка, наподдай им, крошка,— весело заорал какой-то пьяница.

Полицейский бросился за ними, споткнулся о подставленную ногу пьянчужки и рухнул со всего маха на землю.

Перед беглецами открылась широкая аллея. Честер и Унэ рванули по ней, завернули за угол, опрокидывая на ходу мусорные баки, и оказались в тенистом дворике, увешанном линялым бельем.

— Уф, вроде оторвались,— вздохнул с облегчением Честер.— Не знаю, Унэ, куда ты нас забросила, но то, что мы далеко от дома, совершенно ясно. Все это выглядит как пародия на двадцатый век, за исключением этого полицейского в розовом одеянии.

— Сама ничего не понимаю, Честер,— всхлипнула Унэ.— Я была уверена, что использовала нужный угол пи на удельное сопротивление в квадрате...

— Толпа реагировала, как нужно. Хорошо, что они прирожденные зеваки.— Честер сорвал с веревки какую-то рубаху с длинными рукавами и набросил ее на плечи Унэ.

— Я должен найти тебе одежду. Нырни в какую-нибудь дверь и затаись. Я вернусь, как только смогу.

Через десять минут Честер вернулся. В его руках был ворох шмоток.

— Я нашел магазин спортивной одежды,— пропыхтел он.— Ну и в удивительное местечко ты нас забросила. Мне пришлось открыть какой-то, как они сказали, кредит по счету покупателя.

Унэ натянула на себя несколько тесноватую одежду: нейлоновые трусики, бюстгальтер, джинсовые бриджи для верховой ез-

ды, белую полотняную блузу, зеленый твидовый пиджак и низкие жокейские сапоги.

— Ты выглядишь очаровательно, Унэ,— проговорил Честер,— как на картинке из какой-нибудь старинной книги. Ну, теперь мы можем...

— О боже, там кто-то бежит,— вскрикнула Унэ.— Спрячемся?

— Стой тут, в проеме, а я присяду за мусорный бак.

Едва Честер успел скрыться, как в конце аллеи появился полицейский с подбитым глазом.

— Вот она, ребята,— закричал он,— я же вам говорил...

Честер выглянул из укрытия и увидел приближающихся цепью полдюжины полицейских.

— Следите за каждым ее движением. Она похожа на акробатку из цирка. Ну как, сестренка, будешь опять сопротивляться или пойдешь за нами?

— Эй, сержант, ты же говорил, она голая.

— Просто она уже оделась. Но девица та же.

Полицейские с опаской подошли ближе.

— По-моему, она не опасна,— заметил толстый полицейский.

Из своего укрытия Честер вытянул ногу, и полицейский, сделавший резкий шаг вперед, чтобы схватить Унэ, зацепился за нее и плюхнулся лицом в кучу отбросов. Унэ бросилась бежать, полицейские рванулись за ней. Раздались хриплые вопли и звуки борьбы.

Честер, поспешивший на помощь, наступил ногой на что-то скользкое и рухнул как подрубленный. Вспыхнувший в его глазах сноп искр сменился темнотой...

Голова у Честера раскалывалась. Он перевернулся и вновь впал в забытье. Нужно, видимо, пожаловаться администрации насчет матраса, да и не жарко здесь в общем-то. Он пошарил, пытаясь нащупать рукой одеяло, наткнулся на твердую неровную стену, открыл один глаз и уставился на железные решетки и бетон. Потом привстал и нащупал огромную шишку на затылке.

— Унэ? — позвал он.

Ответа не было. Он поднялся на ноги и поплелся к двери. Прижавшись лицом к решетке, Честер увидел длинный коридор. Другие камеры, которые он мог видеть, пустовали. В шести метрах от него дремал за столом при свете тусклой лампочки небритый человек в блекло-синей униформе. На стене позади него

висел календарь с загнутыми краями, на котором была изображена обнаженная красотка в доходящих до бедер сапогах, егерской шляпе и с двустволкой в руках. Честер напряг глаза и разобрал цифру — 1967. Он застонал.

Каким-то образом, подумал он, Унэ забросила их в некую гротескную пародию на безмятежные дни прошлого века, когда жизнь была спокойной и приятной. Снова Честер тихо окликнул Унэ. Слышно было, как где-то капает вода. С улицы доносились приглушенные звуки. Он вернулся к застланной серым одеялом койке, морщась от головной боли, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь в своих карманах. Оказалось, что местные полицейские многого не изъяли: он нашел лазерную спичку в серебряном корпусе, пластиковую кредитную карточку, наполовину полную пачку ароматических тонизирующих палочек и миниатюрный тридивизор.

«В общем-то, маловато для того, чтобы можно было взломать стальную дверь этой гнусной камеры»,— печально подумал Честер. Он бесцельно покрутил выключатель тридивизора, вздрогнул от какофонии звуков и с опаской уменьшил громкость.

— Итак, Джим,— послышался тонкий голос,— мы в космосе, на пути к Венере.

— Да, Боб,— ответил ему голос еще тоньше,— нам едва удалось ускользнуть от этих жуликов из космического патруля. Они боятся, что мы обнародуем кое-что об их противозаконных делишках.

— Ты прав, Джим. Как бы там ни было, если только мы доберемся до Венеры раньше них, мы будем в безопасности. Мы обратимся за содействием к профессору Зорху, который известен своими глубокими научными исследованиями и тому подобным...

Честер выключил приемник. Все эти развлекательные программы вообще не меняются, будто их законсервировали. Герои всегда выпутываются из самых немыслимых ситуаций, умудряясь даже шариковую ручку превратить в смертоносный бластер. Но что можно сделать с помощью пластмассовой кредитной карточки? Или ароматической палочки? Тридивизор тоже не поможет, что же касается дистанционной лазерной спички...

Честер нащупал футляр, открыл его и достал пятисантиметровую тонкую трубочку из кварца с крошечной рабочей головкой на одном конце. Где-то он читал, что со спичкой нужно

обращаться очень осторожно, чтобы не повредить внутри хрупкие линзы наведения.

Бережно Честер удалил защитный колпачок, под которым был спрятан регулятор наведения. Теперь ему нужен был какой-нибудь инструмент. Ага, жесткая кромка кредитной карточки идеально подошла. Честер зажег спичку и медленно повернул регулятор. Спичка выбросила тонкую струйку голубого пламени. Честер повернул регулятор до отказа, пламя увеличилось. Разочарованно Честер смотрел на спичку: вряд ли что-нибудь можно сделать с помощью язычка пламени не длиннее пальца. Слабый едковатый запах заставил его поморщиться. Похоже на паленую шерсть. Запах усиливался. Краска на противоположной стене запузырилась, на ней появилось небольшое коричневое пятнышко, которое увеличивалось, обугливаясь по краям. От него медленно поднимался дымок. Честер несколько секунд в изумлении наблюдал за происходящим, потом вздохнул с облегчением и погасил спичку. Дымок пропал.

Еще раз скосив глаза на кварцевую трубочку, потрогав ее тонкий корпус, Честер через решетчатую дверь посмотрел в коридор. Человек в кресле продолжал безмятежно спать. Честер навел спичку. Пятнышко на поверхности стола рядом с локтем спящего запузырилось, задымилось. Честер стал медленно перемещать пламя до тех пор, пока длинные волосы стражника, спускающиеся на уши, не стали скручиваться под огнем. Охранник поморщился, затем хлопнул себя по макушке, сел, фыркая и оглядываясь. Честер резко отпрыгнул от двери, нырнул под койку, свернулся калачиком, прижавшись к стене. В дверном проеме показалось небритое лицо тюремщика, который, щурясь, пытался разглядеть что-нибудь в полумраке камеры. Последовало сдавленное восклицание и бряцание ключами. Дверь открылась. Честер прицелился, направив пламя на мозолистую пятку большой босой ноги. Человек вскрикнул и подскочил, хватаясь за обожженное место. Честер перевел пламя на другую ногу. Охранник сделал неуклюжее па, дико озираясь вокруг. Затем он бросился к двери с криком: «Полтергейст! Эй, Гарни!»

Честер выкатился из укрытия, юркнул в открытую дверь и, едва успев спрятаться в сером шкафу у стены, услышал, как мимо тяжело протопали три пары ног.

— И не спорь со мной,— орал босоногий страж,— я их видел раньше, много раз... Они надумали со мной поиграть. Этот, ко-

торый здесь в камере, он злой. Сначала он приподнял мой стол и принялся швырять разные там вещи, а опосля подпалил мне пятки.

— Не опосля, а после,— проворчал второй.— А бутылку он тебе не бросил, Лем?

— Гляди сюда,— снова начал босоногий,— вы, парни, мне никогда не верите, а когда я видел летающую тарелку...

— Я что-то не вижу бутылки.

Три тяжеловесных стража переговаривались в метре от укрытия Честера. Он прицелился в узкий просвет между ними, навел пламя на одеяло, свисающее с койки в камере на противоположной стороне коридора. Взвилась струйка дыма.

— Эй! — взвизгнул один из охранников.— Они вона уже где!

И скрылся из виду, крича: «На помощь!»

За ним последовали остальные. Честер немного послушал, как удаляется топот трех пар ног, бежавших наперегонки, положил в карман спичку и бросился к боковому выходу.

Полчаса спустя в украденном потертом коричневом пиджаке из твида, который прикрывал необычную, бросающуюся в глаза спортивную куртку с отделкой из пластика, Честер вышел к улице, где очутились он и Унэ, попав в этот странный город. Ее перспективу изуродовала огромная вывеска «ОБЪЕЗД». У бровки были припаркованы полицейские машины. Место вокруг ковра с двумя креслами на нем было отгорожено выкрашенными в желтую краску козлами, на которых болтались красные предупредительные лампочки. Толпа зевак прибывала.

— Давай-давай, проходи,— орал на них полицейский,— сейчас тут будет взвод саперов. Что, не терпится всем скопом взлететь на воздух?

Честер остановился, ища глазами в толпе Унэ. Ее не было. Ее не было также в тюрьме... по крайней мере, в той части, которую Честеру удалось обследовать. Если бы она была на свободе, наверняка пришла бы сюда. Хотя это мало что изменило бы. Никто не сможет проскользнуть через полицейский кордон.

Честер глубоко задумался. Если бы только Кейс был здесь или Унэ. В любом случае, если он не прорвется к ковру, ему никогда не увидеть их обоих.

Кейса, должно быть, сейчас медленно поджаривают, конечно, в случае, если костер, который Честер увидел в последний

момент, предназначался для этой цели. А может, он чересчур пессимистичен? Не жонглирует ли до сих пор Кейс, время от времени бросая взгляды на тропинку в джунглях в ожидании подмоги?

А Унэ? Она, не исключено, поджаривается под ярким светом тюремных ламп, направляемых ей в лицо полицейскими, которые, хоть и носят розовую форму, являются полицейскими с головы до пят.

Один из полицейских посмотрел в направлении Честера. Прогулочным шагом, насвистывая, Честер дошел до первого дверного проема, быстро юркнул в него и очутился в магазине; казалось, весь торговый зал был оклеен объявлениями «Продается по сниженной цене» и забит шаткими столами, на которых громоздились стопки кричаще раскрашенных товаров, среди которых со скучающим видом бродили пытающиеся что-то выбрать покупатели.

Честер лихорадочно соображал. Ему нельзя здесь долго находиться: еще немного, и полицейские наверняка заметят его. Может быть, если попытаться сделать внезапный бросок к ковру...

Он посмотрел через витринное стекло. Полицейские были здоровенные, как на подбор, и их было много; козлы стояли вплотную друг к другу, патрульные машины наготове зловеще фыркали. Нельзя было и надеяться, что ему удастся преодолеть это мощное заграждение, используя лишь эффект внезапности; ему придется сделать что-то, чтобы отвлечь их внимание, и затем тихонько проскользнуть на ковер.

— Отвали с дороги, ублюдок,— каркнула тучная дама с усиками, оттесняя Честера в сторону.

— О, простите, мэм...— Честер передвинулся к другому прилавку и оказался перед стойкой прозрачных пластиковых пакетов, нервно теребя их пальцами.

— Это на два литра,— сказал продавец покупателю, стоявшему слева от Честера.

Честер взял один пакет и стал рассматривать его. Он был из хорошего и прочного полиэтилена.

— Заклеивается горячим утюгом,— продолжал объяснять покупателю продавец.

Честер порылся в кармане. Гм-м... По его кредитной карточке здесь, конечно, ничего не дадут. Значит, ему придется...

И тут прямо перед глазами увидел большую табличку: «В кредит не продаем!»

— Откуда мне знать, для чего вам они? — продолжал продавец.— Ну так вы покупаете их или нет?

Покупатель слева что-то промямлил. Продавец повернулся к нему спиной. Честер стянул с прилавка добрую стопку пакетов и, сунув их под пиджак, направился к двери. Едва он сделал несколько шагов, как позади раздался хриплый голос.

— Эй ты, парень в дурацких штанах!

Честер проскользнул между двумя почтенного возраста женщинами в кричаще ярких ситцевых платьях с неровными подолами и бросился наутек. Покупатели начали поворачиваться в его сторону. Сзади раздался пронзительный звук свистка. За углом Честер увидел короткий лестничный пролет с железными перилами. Он взлетел по нему, перепрыгивая сразу через четыре ступеньки, и, с грохотом хлопнув массивной застекленной дверью, оказался в полутемном коридоре, в котором сильно пахло прогорклым растительным маслом, инсектицидами и дешевым дезодорантом. Впереди был покрытый ковром лестничный пролет, лестница вела куда-то наверх по узкому проходу, оклеенному пожелтевшими от времени обоями. Честер начал взбегать по ней, проскочил одну площадку и услышал, как внизу с грохотом хлопнула дверь.

— Сюда! — закричал кто-то.

— Проверь внизу! Я бегу наверх!

Еще три пролета, и лестница сменилась узким коридором, оканчивающимся стеной с серым окном за тонкими занавесками. На лестнице уже близко раздавался топот ног. По обе стороны коридора было по три двери с фарфоровыми шарообразными ручками. Честер прыгнул к первой слева. Она затрещала, но не поддалась. Вторая открылась, но он тут же понял, что в комнате кто-то есть. Честер рванулся к третьей, открыл ее, прыгнул внутрь и резко захлопнул дверь.

В два прыжка он достиг ванной и прильнул к заляпанному зеркалу. Он схватил тюбик крема для бритья, выдавил крем на ладонь и быстро размазал его по лицу и шее. Затем сорвал с себя пиджак и спортивную куртку, отбросил их в сторону, схватил с полки станок для бритья, в котором не было лезвия, и провел им по щеке, оставив в пене широкую полосу. Затем он бросился к двери и настежь распахнул ее.

Мимо, громыхая ботинками, пронесся полицейский, бросив на него быстрый взгляд.

— Всем оставаться на месте,— прорычал он.

Честер отпрянул, тихонько закрыл дверь и облегченно вздохнул.

— Кто скажет, что программа для полуночников всего лишь бессмысленная трата времени? — пробормотал он.

Он из окна посмотрел на запруженную людьми улицу. Ковер выглядел маленьким и жалким в центре ограждения, полицейских и толпы зевак.

«По вертикали где-то около пятнадцати метров,— прикинул Честер,— и столько же по горизонтали от фасада здания».

Звуки в коридоре наконец затихли. Он зашел в ванную, выкрашенную зеленой эмалью, вытер с лица пену, взял в комнате с пола рубашку, затем осмотрел полки в кладовке, в спальне и в кухне. В шкафчике под раковиной он нашел электрический утюг. Тут же в углу вертикально стояла гладильная доска. Он установил ее, включил утюг и сосчитал свои пластиковые пакеты. Их оказалось сорок два.

«Однако,— подумал он,— не стоит начинать с них, пока не ясен способ доставки».

Внимательно обследовав квартиру, он обнаружил моток толстой бечевки, гвозди, молоток, тяжелый степлер, несколько старых подшивок порнографического журнала и небольшую пластиковую корзину для мусора. После этого он принялся за работу.

Стараясь не слишком громко шуметь, он забил два толстых гвоздя в подоконник на расстоянии двадцати сантиметров друг от друга и два — в стену напротив на таком же расстоянии, но на метр выше уровня подоконника. Затем натянул на них через всю комнату две параллельные бечевки. Потом аккуратно вырезал дно у мусорной корзины и прибил ее к стене над ранее вбитыми гвоздями дном вниз. Следующие два гвоздя были вбиты в правую стену, а еще два — на таком же расстоянии в противоположную стену почти под потолком. И снова он натянул бечевку на них так, чтобы образовались две параллели.

Честер прислушался. С улицы доносился неясный шум, капала вода в ванной, где-то ревел, прибавляя обороты, двигатель. Он подошел к холодильнику, вытащил банку пива и, отпив добрую половину, вновь принялся за работу. Он раскрыл один из журналов и с изумлением уставился на разворот, на котором красовались вымяподобные женские прелести в цвете. Повесив журнал на бечевку у самого подоконника, он с помощью степлера закрепил его так, что между двумя параллельными бечевками образовался мелкий желоб. За первым номером он закрепил другой, третий и так далее. Быстро работая, Честер из журналов соорудил желоб, доходящий до самой стены и заканчивающийся под мусорной корзиной без дна.

Он сделал шаг назад, оглядывая свою работу. Желоб, к сожалению, провисал на сгибах журналов так, что бечевки почти сходились. Поэтому он пошел в кладовку, извлек оттуда полдюжины проволочных вешалок, согнул их, превратив в V-образные распорки, которые потом вставил между бечевками с интервалом в один метр. Теперь желоб напоминал плавную кривую, идущую от корзины к подоконнику. Через пятнадцать минут была готова вторая часть желоба, идущего плавной кривой от левой стены к верхнему отверстию корзины. Взяв со стола большой моток клейкой ленты, Честер с ее помощью прикрепил несколько вырванных страниц с фотографиями обнаженных женщин к нижней части желоба, чтобы закрыть стыки между журналами.

Вернувшись на кухню, он допил оставшееся в банке пиво, наполнил водой один пластиковый пакет и с помощью куска бельевой веревки выровнял верхний край пакета, затем провел по нему горячим утюгом, запаяв таким образом. Он вернулся в комнату, встал на стул и положил наполненный водой пакет в корзину. Опустившись не более чем на три–пять сантиметров, пакет прочно застрял в отверстии корзины. Честер снова сходил на кухню, достал из шкафа почти полную полулитровую бутылку растительного масла, вернулся в комнату и щедро плеснул из нее на пакет. Пакет легко скользнул вниз и плюхнулся в нижний желоб, из которого Честер вытащил его и отставил в сторону.

Честер вернулся на кухню и аккуратно наполнил водой и запаял утюгом остальные пакеты. Затем ножом проткнул отверстия по бокам корзины и через эти отверстия продел бечевку. На одном ее конце он завязал крепкий узел, а другой конец зацепил за деревянную палку так, что веревка натянулась, как бы заменяя дно корзины. Встав на стул, он дотянулся до приподнятого края верхнего желоба и плеснул в него добрые полбутыл-

ки растительного масла, размазав его по всему желобу. Остатками масла он смазал нижнюю, более крутую часть.

Теперь он вернулся на кухню, где, напоминая груду гигантских яиц, лежали наполненные водой пакеты. Он взял один из них и поместил его в начало верхнего желоба. Пакет легко соскользнул по нему в корзину и остановился, упершись в натянутую бечевку. Честер загрузил желоб оставшимися пакетами с водой. Расположившись по всей его длине, блестя выпуклостями, пакеты лежали один к одному.

Честер пересек комнату и выглянул в окно. Полицейские внизу расхаживали с рулетками, складывали руки на груди, позируя перед фотографами, взмахивали руками, отгоняя наседавшую толпу, которая уже была готова поглотить этот крохотный клочок активности стражей порядка. Честер приподнял оконную раму сантиметров на тридцать. Растительное масло каплями стекало с конца желоба на подоконник. Поднырнув под лотком, он прошел в ванную, умылся, пригладил волосы, заправил рубашку, накинул пиджак, затем снял с пальца свое массивное серебряное кольцо и положил его на полочку аптечки рядом с кремом для бритья.

Затем он открыл дверь и выглянул в коридор. Все тихо. На столе возле двери лежала коробка спичек. Он зажег одну и поднес ее к палочке, на которой держалась бечевка в дне мусорной корзины, и, когда та воспламенилась, пулей бросился к лестнице, перепрыгивая через пять ступенек, пронесся по площадке, сбежал по второму пролету и дальше до самого нижнего этажа.

Тяжело дыша, он на секунду задержался, чтобы выглянуть на улицу. Люди толпились уже возле самого угла дома. Он вышел на улицу, быстро дошел до угла и, расталкивая зевак, протиснулся к месту, откуда были хорошо видны окна третьего этажа. Одно окно, точно над самым оживленным местом, было открыто. Занавеска слегка колыхалась; был ясно виден край желоба.

Но ничего не произошло.

Честер от волнения сглотнул. Для того чтобы пробежать вниз по лестнице три пролета, ему понадобилось никак не больше чем полминуты. Неужели потухла спичка?

Что-то мелькнуло в окне, дугой сверкнуло в воздухе и шлепнулось прямо в толпу. Послышался сдавленный крик. Толпа непроизвольно бросилась вперед и тут же отпрянула, благоразумие

взяло верх над любопытством. Честер уже протискивался сквозь группу репортеров, когда из окна вылетел второй почти невидимый снаряд.

— Оно радиоактивно! — завопил кто-то.

Толпа забурлила. Раздался женский крик. Появились полицейские и начали оттеснять толпу с обстреливаемого участка. Третья бомба, вылетев из окна, упала прямо на голову высокому полицейскому и разлетелась тысячей брызг; коп издал вопль и рванул в поисках укрытия. Тут же упал на землю и разлетелся вдребезги четвертый пакет с водой.

— С интервалом менее чем в секунду,— пробормотал Честер, лавируя среди бегущих граждан.— Многовато масла на стенах корзины.

На быстро пустеющей площадке вокруг ковра остались четверо полицейских. Один из них вынул пистолет и выстрелил в воздух; трое других, увидев на ковре расплывающиеся мокрые пятна, бросились на землю лицом вниз. Честер наконец достиг открытой площадки и, обогнув один ряд патрульных машин, увидел, как за ним сверкает мигалками второй ряд, третий... Следующий снаряд упал, не долетев до центра, обдав брызгами полицейскую машину и послав высоко в воздух фонтанчики воды. Две толстухи бросились наутек с передовых позиций, вопя и брезгливо стряхивая на бегу капли воды.

Честер едва успел увернуться, получив локтем по ребрам, и вывалился на открытое место.

— Эй! — раздался позади него пронзительный голос.— А ты не тот парень, который...

Честер уже занес ногу, чтобы перелезть через козлы.

— Далеко ли собрался, забулдыга? — проревел полицейский.

Он шагнул вперед, вынимая пистолет, и в это время прямо ему в лицо шлепнулся пакет с водой. Он неуклюже опрокинулся навзничь. Честер перелез через козлы и сделал два шага к ковру.

И тут его словно ударили громадным молотом по голове. Казалось, что весь мир вздыбился и ударил его в лицо.

«Странно,— как во сне подумал Честер.— Я всегда думал, что водородные бомбы взрываются с невероятным грохотом».

Кто-то хватал его за руку.

— Вот он, тот ублюдок, я его узнала,— верещал кто-то у него над ухом.

Честер помотал головой, вырвал руку и с трудом поднялся на ноги. Между ним и ковром качался на четвереньках полицейский без шлема. Толстуха подняла сложенный зонтик.

— Я требую вознаграждения,— пронзительно закричала она.

Взорвалась очередная бомба. Полицейский сфокусировал взгляд на Честере и сделал бросок к нему. Честер увернулся и, оттесняя толстуху, нанес ей ответный удар по ребрам, потом прыгнул на ковер. Скользнув по нему, он остановился как раз между двумя креслами, увернулся от очередного пакета с водой и завопил:

— Компьютер, выведи меня отсюда! Быстро!

Глава 5

Высокие здания, улица, полицейские поблекли и словно испарились. Замерли, как отрезанные, звуки. Честер стоял в центре широкой площади, вымощенной разноцветными булыжниками, по краям ее выстроились в ряд маленькие магазины и лавки торговцев. За спиной Честера виднелся зеленый склон холма, до самого горизонта усеянный ослепительно сияющими белизной виллами. Люди в ярких одеждах двигались от магазина к магазину, разглядывая товары, сходились группами для того, чтобы поговорить, или просто прогуливались. В открытых окнах над лавкой ювелира трепетали на ветру белые занавески. По площади плыл запах жарящейся свинины. Где-то вдали кто-то наигрывал на флейте неторопливую мелодию.

Честер застонал:

— *О, бог ты мой, куда ты забросил меня на сей раз, компьютер?*

— Согласно вашим инструкциям,— послышался откуда-то из воздуха голос машины,— мне следовало просто...

— Да, знаю, знаю. Я, кажется, всегда плохо формулирую свои желания. Каждый раз, когда делаю какой-либо ход, я оказываюсь в еще худшем положении, чем был. Вот теперь я потерял Кейса, да и Унэ тоже. Где я сейчас?

— Согласно показаниям моих приборов, это должна быть резиденция Честера.

— Проверь-ка ты лучше свои электронные схемы.

Внимание Честера привлекла вмонтированная в мостовую и полузакрытая краем ковра бронзовая табличка.

Надпись гласила: «На этом месте покинул род людской, оставив людям дар мудрости, легендарный Кез-отец, герой и учитель. Этот миф, который восходит к культуре...»

— Боже! — пробормотал Честер.— Похоже, я уже успел покуситься на местную святыню.

Он быстро отошел в сторону от этого места.

Рядом, увлеченно глядя на что-то позади Честера, стояли два человека, старый и молодой, оба одетые в свободные тоги. Честер кашлянул, прочищая горло, и сделал шаг в их сторону. Ничего не остается, как нагло выкручиваться и начисто отрицать свою вину.

— Я Белый Бог,— сказал он.— Прихожу, приношу палочку волшебную, машу ею, и — трах! — все валятся замертво.

Двое не обратили на него никакого внимания.

— Великолепно! — вскричал тот, что постарше, поворачиваясь к своему молодому спутнику в зеленой тоге.— Ты наблюдал это странное явление, Деван?

Его спутник — мускулистый мужчина с ясными синими глазами и белозубой улыбкой — кивнул:

— Два странных стула и ковер... Они возникли из ничего, когда я на секунду отвернулся. Мне сложно соотнести данное явление с моими представлениями о мире. Очень интересная проблема!

— Может быть, стоит отнести это на счет старческих отклонений в моей психике?

Старик обратился к Честеру:

— Молодой человек, вы видели, как прибыла сюда эта мебель?

Честер прочистил горло:

— Не совсем так, сэр. Дело в том, что именно я принимаю участие в эксперименте, и похоже, что я потерял ориентиры. А вы не могли бы мне сказать...

— Нет,— сказал старик, решительно покачав головой.— Было бы слишком хорошо, если бы это был эксперимент. Но это не так. Почему все-таки никогда не найдешь свидетелей этих сверхъестественных явлений?

— Возможно,— вмешался человек в зеленом,— что это не что иное, как вероятностный кризис, который предсказал Васауали.

— Ничего сверхъестественного,— возразил Честер.— Всего лишь следствие незначительного сбоя в работе машины. Понимаете, я...

— Пожалуйста, молодой человек, обойдемся без этих механизмов, прошу вас...

— Вы не поняли. Это моя мебель.

Старик поднял руку:

— Боюсь, что я буду настаивать на своем первоначальном предположении. Я ясно видел, как вы подошли со стороны... Впрочем, я не уверен, откуда именно — но точно знаю, что это произошло уже после того, как вещи материализовались. Я уверен, что вас привлек мой крик изумления, не так ли, Деван?

— Лично я не заметил, когда точно он подошел,— сказал Деван,— но это случилось по крайней мере спустя пять или, возможно, десять минут после того, как подошли вы и я, Норго.

— Вообще-то первым подошел я,— заметил Норго.— Вы же подошли на несколько минут позже, Деван.

— Ладно, пусть так,— сдался Честер.— Но вы мне все-таки можете сказать, как называется этот город?

— Я прямо сейчас направил сюда команду,— сообщил Деван.— Я хочу исследовать все на месте: молекулярный анализ, деформация ткани, хронометрический анализ фазовой интерференции, пси-диапазон, словом, все.

Он отмахнулся от Честера:

— Пожалуйста, отойдите в сторону. Вы загораживаете мне обзор.

— Это будет серьезный удар по рандомизму,— сказал, счастливо улыбаясь, Норго.

— Я хотел спросить,— настойчиво продолжал Честер,— какой это год? Я имею в виду... э-э-э... Это ни в коем случае не будущее, не так ли?

Старик впервые пристально посмотрел на Честера.

— Давайте-ка определимся,— предложил он, сложив руки на груди.— Итак...

— Я имею в виду, что все это,— сказал Честер, показывая вокруг,— есть не что иное, как изобретение моего компьютера. Ну, этакая невинная шутка, вы меня понимаете? Проблема же в том...

Норго заморгал.

— Я подготовлю доклад,— сказал он,— на тему «Псевдорационализация как реакция на отрицание...»

— Видимо, вы не поняли,— вставил Честер.— Я заблудился, а мои друзья могут пропасть без меня.

— Это будет сенсацией на конгрессе,— упрямо продолжал, потирая руки, Норго.— Беспрецедентный источник информации. Что, если я ее соответствующим образом обработаю?! Это нанесет сокрушительный удар по ордейнистам* и позволит разделаться с ними раз и навсегда.

— К чертям ордейнистов,— взорвался Честер,— я в серьезном затруднении. Моего друга зажаривают живьем, моя молодая знакомая в руках грубых полицейских, а вы...

— Бог мой, да у него наличествуют все признаки галлюцинаторного комплекса,— проговорил Норго,— возникшего, без сомнения, в результате фрустрации как следствия наблюдения феномена кресел. Это также будет весьма интересно конгрессу.

— Ты-ы... сам ты галлюцинация! — заорал Честер.— Сейчас ступлю на ковер и растворю вас всех, вернув туда, откуда вы вышли,— в память компьютера!

Норго обеспокоенно подался вперед:

— Должен попросить вас не трогать ничего из этих предметов: они представляют большой научный интерес.

— Они принадлежат мне,— огрызнулся Честер, отскочив подальше от крепкого, мускулистого Девана.

Однако пять других местных крепышей заняли позиции вокруг него.

— Вы должны следовать своей дорогой,— сказал один из них важно,— только техническим специалистам позволено находиться здесь, пока образцы изучаются.

Норго продолжал:

— Мы просто не можем оставлять многообещающие экспонаты в руках сторонников ошибочных философских доктрин, страдающих еще и психическим расстройством. Я предложу конгрессу...

— Я должен вернуться на свой ковер! — Честер сделал попытку поднырнуть под руки окруживших его людей, но его держали мертвой хваткой.— Эй, компьютер! — заорал он.

Ответа не было. Честера быстро поволокли вон из прибывающей толпы зрителей.

— Еще одно движение,— холодно сказал Деван,— и я прикажу запереть тебя под замок.

---

* Ордейнизм — также изобретенный автором термин, приблизительно соответствующий термину «фатализм». *(Прим. перев.)*

— Но... как много времени вам потребуется на исследование?

— Иди, развлекись где-нибудь. У нас масса дел, на которые уйдет порядочно времени.

Честер бесстрастно смотрел на переливающуюся в полуденном солнце рябь открытого бассейна. Хорошенькая брюнетка в узорчатой тоге пересекла террасу и предложила гостю запотевший бокал. Честер отрицательно покачал головой.

— Может быть, искупаемся, Честер?

— Нет, спасибо, Дарина.

— Бедный Честер. Ну взбодрись же!

— Ты ничего не понимаешь! — В голосе Честера послышались жалобные нотки.— Я предаюсь безделью здесь уже несколько недель, в то время как мои друзья попали в такие переделки, от одних мыслей о которых мурашки бегут по спине. Мой компьютер уже, вероятно, разобран, а эти ученые идиоты никак не хотят подпустить меня к ковру.

Дарина сделала понимающий жест:

— Ковер для тебя — некий мощный защитный символ, правда, Честер? Я помню, как одеяло...

— Ничего тут нет защитного и символичного! Просто техническая дисфункция. Мне грозит лишь ловушка в другой нелепой ситуации, изобретенной компьютером. Но даже она привлекает меня больше, чем здешнее безделье, совершенная безысходность.

— Честер, а ты не думал о работе, которой мог бы заняться?

— Какая работа? Я хочу только поскорее убраться отсюда. Трижды под покровом ночи я пытался подползти к моему ковру, но этот парень, Деван...

— Чему ты обучался, Честер?

— Ну,— сказал Честер в раздумье,— я... э-э-э... занимался гуманитарными науками.

— Ты хочешь сказать, что можешь рисовать или что-нибудь в этом роде?

— Ничего подобного. Я специализировался в области управления бизнесом.

— Не помню, чтобы слышала о таком. Это что — игра, требующая умения и навыков, или она основана на случайности?

— И то и другое.— Честер терпеливо улыбнулся.— В колледже нас учили, как управлять большими предпринимательскими корпорациями.

— Понятно. По окончании учебы ты занялся практическим управлением одной из таких организаций, так?

— Да нет. Забавно, но мне не удалось найти ни одного крупного промышленника, который бы ждал зеленого выпускника, чтобы тот рассказал, как нужно управляться с делом.

— Может, нам стоит предпринять что-либо другое? Как насчет рисования?

— Однажды я сделал рисунок,— ответил нерешительно Честер.— Там была схема с номерами и маленькие, тоже пронумерованные, тюбики с краской. Все, что нужно было сделать, это нанести на бумагу цвета в соответствии со схемой.

— Не уверена, что здесь у нас существует потребность в таком искусстве.

— Не надо говорить так пренебрежительно. Президент Эйзенхауэр...

— А что, если заняться каким-нибудь ремеслом или рукоделием? Здесь мы очень ценим ручную работу, Честер.

— О, этим я много занимался. Сделал, например, в прошлом месяце пластикового долгоносика. Из более чем двух сотен составных частей.

— Ты изготовил эти части из пластика?

— Нет. Я купил их готовыми, но...

— А как насчет спорта? — предложила Дарина.

Честер вспыхнул:

— Да, конечно, в колледже я был большим любителем спортивных игр. Не пропустил ни одной за все четыре года.

— Великолепно! — Дарина, казалось, заинтересовалась.— Мы будем рады познакомиться с правилами неизвестных нам атлетических соревнований, в которых ты большой специалист.

— Дело в том, что, по правде, сам я не участвовал в них. Но всегда был на трибуне и болел. Я даже знаю некоторые правила.

— Ты сам не участвовал в игре?

— Нет, я был запасным в студенческой команде.

— И что тебе нужно было делать? — спросила Дарина, зардевшись.

Честер объяснил. Последовала неловкая тишина.

— Честер, а ты когда-нибудь занимался общественно полезным трудом? — спросила Дарина.

— Дело в том, что одно лето я работал на фабрике. Я был контролером станков. В мои задачи входило поддержание станков-автоматов в рабочем состоянии.

— Для этого требовались специальные навыки?

— Если что-нибудь случалось с телевизионным сканером, который в действительности осуществлял контроль, я был всегда на месте, чтобы посмотреть, включился ли резервный прибор.

— Другими словами, ты подключал резервное оборудование в экстренных случаях?

— Нет, оно включалось автоматически. Но уверяю тебя, они там, на фабрике, воспринимали мои функции как очень важные.

— А хобби у тебя есть, Честер?

— О да-да, конечно, у меня была коллекция марок...

— Гм-м... Может быть, что-нибудь более... активное?

— Когда был маленьким, строил модель самолета. Но, само собой, бросил это, когда мне стукнуло двенадцать.

— Почему?

— Ну, отдавало каким-то мальчишеством. Другие мои ровесники к тому времени уже учились играть в гольф...— Честер прервался, так как седой старик занял столик неподалеку.— Черт, вон тот старый идиот, из-за которого вся каша заварилась.

Он встал и направился к дальнему столику:

— Послушайте, мистер Норго, как долго будет продолжаться эта нелепость? Я здесь почти уже месяц, но ни на йоту не приблизился к своему ковру. Мне кажется, что вы не понимаете...

— Спокойно, Честер,— сказал Норго, жестом подзывая официантку, обернутую в нечто напоминающее мокрый носовой платок.— Не понимаете вы, а не я. Идут важные работы; все, что требуется от вас,— это всячески развлекаться.

— Я не в том настроении, чтобы развлекаться!

Норго задумчиво покачал головой:

— Может быть, вы хотите принять участие в эксперименте?

— Что за эксперимент — вивисекция?

Норго мгновение подумал:

— Не думаю, что в этом есть необходимость.

Норго крутанулся в кресле.

— Честер, вы знаете, каков наш главный природный ресурс?

— Какое это имеет отношение к моим проблемам?

— Знаете ли вы, как часто рождается действительно выдающийся интеллект?

— Не очень часто. Послушайте, я...

— Статистика такова: один на четыре миллиона пятьсот тридцать три тысячи двести четыре. Если исходить из количества населения Земли на сегодняшний день, а это составляет полмиллиарда, по законам вероятности среди нас должно быть только около сотни таких высокоодаренных персон. А знаете вы, какой процент этих гениев попадает в условия, способствующие полному раскрытию их потенциальных способностей?

— Могу лишь догадываться...

— Даже процента не наберется,— печально сказал Норго.— При самом счастливом стечении обстоятельств — один человек.

— Очень интересно. Но вернемся к...

— Если бы мы могли,— настойчиво продолжал Норго,— позволить неограниченный рост популяции, ситуация, как считают, значительно улучшилась бы. При десятикратном увеличении общей массы населения число выдающихся мозгов достигло бы тысячи, так вы говорите?

— Я ничего не говорю, но...

— Не так! Потому что ухудшатся условия внешней среды из-за перенаселения. Потенциальные гении окажутся в ситуации, затрудняющей раскрытие их талантов.

— Это едва ли...

— Действительная функция массы — это производство самой своей численностью вероятного гения. Это также является целью нашей системы образования: находить и развивать такие таланты. А это, в свою очередь, возможно лишь при условии, что способности каждой личности развиваются до максимально возможной степени.

— Для чего? Для того чтобы люди вырастали и рассуждали подобно вам?

— Итак, Честер, жизнь не есть реализация некоего инженерного замысла. Она произведение искусства.

— Пока вы рассуждаете на темы искусства, мои друзья...

— Я долго думал,— продолжал Норго невозмутимо,— над чисто теоретической проблемой реакции зрелого, но неразвитого мозга на концентрированное воздействие современной системы образования после, скажем, двадцати пяти лет, когда этот мозг

был погружен в атмосферу праздности, лености, беспечности, минимальной требовательности. Давление на него будет, конечно, колоссальным. Разрушаются ли в результате этого мыслительные либо телесные структуры? Верьте мне, Честер, результаты такого эксперимента были бы необычайно важны.

— *Но не для меня. Я...*

— Вы же, Честер, при средних способностях представляете собой, если не считать элементарных навыков речи и общения плюс несколько дополнительных благоприобретенных умений вроде игры, которую вы называете бридж, тип абсолютно неподготовленного индивида. Ваше тело слабо, воля неразвита, мозг спит...

— Может, мне много и не нужно.

— Все вышеперечисленное делает вас идеальным объектом — если вы захотите принять в нем участие — важнейшего эксперимента.

— Я хочу вернуться на свой ковер.

Норго согласно кивнул.

— Совершенно точно.

Рот у Честера приоткрылся:

— Вы имеете в виду... Да нет же, это шантаж!

— Давайте уточним наши позиции: как только эксперимент будет завершен, ваш... э-э-э... ковер будет передан вам нашей исследовательской группой.

— Сколько времени это займет?

— Я попытаюсь сжать двадцатилетний курс развития до одного года.

— До года? Но...

— Знаю, вы обеспокоены судьбой ваших воображаемых друзей.

— Я говорил вам...

Норго отвернулся, так как перед ним был поставлен заполненный поднос.

— Сообщите ваше решение, Честер.

— Если я дам положительный ответ, вы позволите мне вернуться на ковер?

Норго кивнул, оценивающе принюхиваясь к тарелкам.

— Я сталкивался с коварным, аморальным, антизаконным пиратством. Но это, без сомнения, не идет ни в какое сравнение,— горько заметил Честер.

Норго заморгал.

— Вы хотите сказать, что вы отказываетесь?

— Когда мне можно приступить?

Глава 6

Честер и Норго выбрались из открытой кабины вертолета, на котором они прилетели из Центра. Честер осмотрел незнакомую местность: простор луга, поросшие зеленью холмы и низкое белое здание площадью примерно в четверть гектара около гребня холма. Над входом на белом камне были вырублены слова: «Недействительное *не есть нереальное*».

Норго и Честер пересекли зеленую лужайку и вошли в просторный холл, где на фоне белых стен ослепительно яркими красками выделялось мозаичное панно.

— А вот и Куве,— сказал Норго.

Через арочный свод навстречу им шел высокий молодой блондин с квадратной челюстью. Он поздоровался с Норго и изучающе уставился на Честера.

— Так вот он, мой объект изучения,— выдавил он, обходя Честера кругом.— Снимите рубашку, пожалуйста.

— Что, прямо сейчас? Я думал, у меня будет время распаковаться, принять душ, прогуляться и осмотреть окрестности, затем, возможно, выпить чашечку кофе, познакомиться с другими студентами, обсудить учебную программу, спланировать расписание...

Куве прервал его:

— У вас не будет возможности распивать кофе и бесцельно болтаться. Ваша программа была спланирована заранее, и, если в этом возникнет необходимость, вас с ней познакомят.

Честер медленно стянул рубашку.

— Какая странная школа! Как часто вы мне разрешите бывать в городе?

— Брюки, пожалуйста,— сказал Куве.

— Что, прямо здесь, в прихожей?

Куве с удивлением посмотрел на Честера:

— По-моему, здесь достаточно тепло, не так ли?

— Да, конечно, но...

— Скажите мне,— с интересом спросил Куве,— вам не кажется, что вы в некотором роде уникальны?

— Я совершенно обычный и нормальный!

Куве тщательно осмотрел Честера.

— Да, вы можете быть источником интереснейшей информации,— сказал он с удовлетворением.— Норго ничуть не преувеличивал; почти полная атрофия мускулатуры, нечеткая артикуляция, неразвитые легкие, невыраженная пигментация кожи, неявные признаки маскулинности...

— Очень жаль, если я не совсем оправдываю ваши ожидания.

— Да нет же, как раз наоборот. Это даже больше, чем мы могли ожидать. И не расстраивайтесь: я разработал подробную программу вашего развития.

— Быстро же вы работаете. Ведь не прошло и трех часов, как я дал согласие.

— Да что вы, я начал работать над этим проектом еще месяц назад, когда Норго сказал мне, что вы непременно согласитесь.

Честер проследовал за Куве по широкому коридору в маленькую комнату, стены которой до самого потолка были уставлены шкафами. Куве показал на один из них.

— Здесь вы найдете одежду. Пожалуйста, наденьте ее.

Честер натянул шорты, зашнуровал сандалии и встал на ноги:

— Больше ничего? Чувствую себя почти младенцем.

В комнату вошла молодая женщина с прекрасной фигурой, в белой юбочке. Она улыбнулась Честеру и взяла его руку, предварительно вытащив из другого шкафа медицинский саквояж.

— Меня зовут Мина. Сейчас я подровняю ваши ногти и введу препарат, замедляющий их рост,— приветливо сказала она.— Стойте спокойно.

— А это зачем?

— Излишне длинные волосы и ногти были бы болезненной помехой при выполнении некоторых упражнений,— объяснил Куве.— А теперь, Честер, я хочу спросить вас, что такое боль?

— Это... м-м-м... ощущение, которое возникает, когда телу причиняется вред.

— Вы почти правы, Честер. Боль основывается на страхе, боязни вреда, наносимого телу.

Куве подошел к полке на стене и вернулся с небольшим металлическим предметом, держа его в вытянутой руке.

— Это ручное бреющее устройство, которым когда-то ежедневно пользовались. Этим острым лезвием водили по коже лица, срезая на ней волосы.

— Я рад, что живу в современную эпоху.

— При оптимальных условиях в процессе удаления выросшего за день волосяного покрытия лица с помощью этого инструмента возникал уровень боли в ноль целых две десятых агона*. При условиях ниже средних уровень быстро повышался до половины агона, что примерно соответствует ощущению, которое возникает при ожоге второй степени.

— Удивительно, с чем только не приходится мириться людям,— сказал Честер.

— А как ваши ноги, Честер, они в порядке?

— Конечно, а почему они должны быть не в порядке?

— У вас на обеих ногах мозолистые образования и другие отклонения, причиной чему — тесная обувь.

— Конечно, мои штиблеты, может быть, не самый лучший вариант...

— Подобные мозолистые наросты возникают в течение месяцев и даже лет, и боль, которую постоянно при этом испытывает человек, составляет порядка половины агона, хотя человек и не замечает этого.

— А если даже и заметит? Что из того, все равно ведь ничего не поделаешь.

— Совершенно верно. Боль не есть абсолют; это — совокупность ощущений, которые можно научиться не замечать.

Куве протянул руку и ущипнул Честера за ногу.

— Как видите, я давлю с очень умеренной силой, и никакого вреда вашему телу при этом не возникает.

— Вы действительно обещаете не причинять мне вреда? — нервно спросил Честер.

— Теперь закройте глаза и сосредоточенно думайте, что вам ампутируют ногу без наркоза. Скальпель хирурга разрезает вашу плоть, пила вгрызается в живую кость...

Честер заерзал на стуле:

— Эй, больно! Вы слишком сильно давите.

Куве ослабил хватку:

— Я давил ничуть не сильнее, Честер. Ощущение же усилилось, потому что возникла угроза причинения вреда вашим органам. Вы не обратили совершенно никакого внимания на Мину, когда она применила к подушечке вашего пальца дозиро-

* Агон — единица измерения боли, изобретенная автором. *(Прим. перев.)*

ванный стимулятор в четыре десятых агона, в то время как я отвлекал ваше внимание. Вы восприняли манипуляции с вашими ногтями как вполне нормальные и безболезненные.

Честер потер свою ногу:

— Все еще больно, думаю, завтра будет синяк.

— Возможно,— кивнул Куве,— воздействие духа на функционирование тела гораздо более продолжительно, чем мы об этом думаем.

Мина закончила свои манипуляции, одарила Честера улыбкой и вышла из комнаты.

— Теперь давайте пройдем в гимнастический зал.

Куве провел его по коридору в большой зал с высоким потолком, оборудованный гимнастическими снарядами. Он повернулся к Честеру.

— Что такое страх?

— Это... э-э-э... ощущение, которое возникает, когда вам что-нибудь угрожает.

— Это ощущение, которое появляется, когда вы не уверены, что сами сможете найти выход из трудного положения.

— Здесь-то вы не правы, Куве. Если бы сюда вошел бенгальский тигр, я был бы до смерти напуган, даже если бы точно знал, насколько я беспомощен.

— Оглянитесь вокруг себя; что бы вы сделали, если бы сюда действительно вошел дикий зверь?

— Ну, я бы побежал.

— Куда?

Честер внимательно оглядел зал:

— Бежать по коридору было бы бессмысленно. Там нет двери, которую можно захлопнуть перед носом преследующего меня зверя. Я думаю, что воспользовался бы вон той веревкой.

Он показал пальцем на пятнадцатиметровый канат с завязанными на нем узлами, прикрепленный между стропил.

— Великолепное решение.

— Но я сомневаюсь, что мне удалось бы по нему забраться.

— Итак, вы не уверены в своих способностях,— улыбнулся Куве.— Проверьте же себя, Честер.

Честер подошел к канату и с сомнением поглядел на него. Куве что-то пробормотал в переговорное устройство, прикрепленное к его запястью. Честер ухватился за канат, обхватил его ногами и едва вскарабкался на полтора метра.

— Это... все, что... я могу... сделать,— тяжело дыша, проговорил Честер и соскользнул на пол.

Сзади послышался какой-то звук, напоминающий урчание воды в водопроводных трубах. Честер быстро обернулся. Огромная, с горящими желтыми глазами пума быстро приближалась к нему, издавая громовое рычание. Честер, взвизгнув, подскочил к канату, махом взлетел по нему почти до самых стропил и повис на нем, со страхом глядя вниз.

Куве погладил лоснящуюся голову животного, оно широко зевнуло и добродушно потерлось о его ногу.

— Ну, видите. Вы были способны на большее, чем предполагали,— проговорил как ни в чем не бывало Куве.

— Откуда появилась эта зверюга? — прокричал Честер с высоты.

— Это всего лишь безобидная кошка. Когда вы заговорили о тигре, я не мог преодолеть соблазн преподать вам предметный урок.

Честер медленно соскользнул по канату вниз, не спуская с пумы глаз. Оказавшись на полу, он приблизился к продолжающему ласкать животное Куве, стараясь, чтобы тот был между ним и кошкой. Пума ушла.

— Если бы я позвал ее обратно, вы бы уже не паниковали, потому что знаете, что она безобидна. А если бы сюда запустили действительно дикого зверя, вы бы знали, что делать и что вы способны сделать это. Вы бы спокойно наблюдали за бенгальским тигром, которого только что упомянули, и взялись бы за канат только в случае необходимости.

— Возможно, но не испытывайте меня больше. Это стоило мне содранных рук.

— А вы заметили это в момент опасности?

— Я не мог думать ни о чем другом, кроме как об этом людоеде.

— Реакции страха и боли необходимы для организма, не обладающего сознанием. Но вы ведь обладаете им, Честер. Вы могли бы и преодолеть примитивный синдром «раздражитель—реакция».

— Пусть уж лучше я буду трусом, но живым...

— Но могли бы легко стать и мертвым трусом, не будь вы способны в определенный момент преодолеть страх. Поглядите вниз, Честер.

Честер посмотрел на пол. Пока он смотрел, молочно-белая поверхность пола вдруг стала совершенно прозрачной; осталась всего лишь узкая, шириной не более десяти сантиметров, лента, на которой он стоял, повисшая над зияющей под его ногами пропастью, дно которой ощетинилось острыми черными скалами. Куве стоял рядом как ни в чем не бывало; казалось, что он повис в воздухе.

— Все в порядке, Честер. Это всего лишь пол с низкой отражательной способностью.

Честер с трудом балансировал на узкой полоске.

— Снимите меня отсюда,— сдавленным от страха голосом прохрипел он.

— Закройте глаза,— спокойно сказал Куве.

Честер быстро сомкнул веки, так что им стало больно.

— А теперь забудьте все, что вы увидели,— приказал Куве.— Сосредоточьтесь на том, что вы ощущаете ногами пол. Убедитесь в его прочности.

Честер сглотнул, затем медленно открыл глаза и посмотрел на Куве.

— Я полагаю, что он выдержит,— сказал он дрожащим голосом.

Куве кивнул головой:

— Поработав здесь несколько дней, вы избавитесь от иррациональной боязни высоты.

— При благоприятной погоде,— сказал Куве,— тренировки будут проходить здесь, на террасе, на открытом воздухе.

Честер оглядел выстланную темной древесиной площадку примерно тридцать на тридцать метров, которая была окружена стеной цветущего кустарника высотой в человеческий рост. Тополиная рощица затеняла часть пола от лучей поднявшегося над горизонтом утреннего солнца. На стеллаже у низкой стены размещались разные гири, штанги и другие снаряды.

— Наверное, здесь уместно было бы заметить, что я не претендую на титул «мистер Титан Вселенной»,— сказал Честер.— Думаю, что пары булав мне было бы более чем достаточно.

— Честер,— сказал Куве, жестом приглашая его сесть на мягкую скамейку.— Я уже предпринял первые шаги к тому, чтобы поколебать вашу уверенность в том, что боль невыносима, и в том, что страх и полезен, и непреодолим. Теперь же давайте рас-

смотрим роль скуки как препятствия на пути интеллекта к достижению контроля над телом. Что есть скука, Честер?

— Ну, скука наступает тогда, когда вам нечем заняться...

— Или когда инстинкт говорит вам: «Предстоящая деятельность не является существенно важной для моего выживания». Это более мощный фактор, воздействующий на поведение человека, чем страх или боль.

Он протянул Честеру маленькую гантель.

— Тяжелая?

Честер оценивающе покачал в руке двухкилограммовый снаряд:

— Да нет, не очень.

— Возьмите еще одну.

Честер взял по гантели в обе руки.

— А теперь,— продолжал Куве,— пожалуйста, встаньте и поднимите оба снаряда на уровень плеч и начинайте их попеременно выжимать.

Честер, пыхтя, начал поднимать гантели. Прошла минута. Движения его становились все медленнее. Куве удобно устроился в парусиновом кресле.

— Сейчас вы бы хотели остановиться, Честер. Почему?

— Потому что... я изнемогаю...— произнес, задыхаясь, Честер.

— Изнеможение имело бы своим результатом неспособность далее выжимать вес, но им никак не объяснишь желание прекратить выжимание, когда сил остается еще достаточно.

— Думаю, я что-то повредил себе,— пропыхтел Честер.— Я перенапрягся.

— Нет,— возразил Куве,— просто вам стало скучно. Поэтому-то у вас и возникло желание остановиться — естественное, природное стремление к сохранению энергии, жизненно важной для охоты, спасения бегством, драки или совокупления. Хочу надеяться, что с сегодняшнего дня вы откажетесь от него как мотива вашей деятельности.

Приближался вечер. Честер обессиленно снял руки с рукояток тренажера, который он сжимал, крутил, дергал и толкал по указаниям Куве. Он тяжело вздохнул.

— Я думал, что вы преувеличиваете, когда сказали, что собираетесь проверить работу моих ста семидесяти различных мус-

кулов, но теперь я вам верю. Нет ни одного из них, который бы не болел.

— Завтра они будут болеть еще больше,— бодро утешил его Куве.— Но это неважно. Скоро они свыкнутся с мыслью, что с сегодняшнего дня вы намерены регулярно прибегать к их услугам.

— Я передумал, Куве. Природе было угодно создать меня хилым, чувствительным типом.

— Выбросьте из головы ваши завтрашние испытания. В нужное время вы пройдете через все, что я для вас приготовил. А пока, закончив что-либо, забудьте о нем до тех пор, пока это что-то не придется делать снова.

— Но у меня нет силы воли,— возразил Честер.— Я много раз пытался сесть на диету или делать утром зарядку, не говоря уже о вечерних курсах, на которых я собирался овладеть безукоризненным французским или в совершенстве освоить бухгалтерский учет. Но меня никогда на это не хватало.

— Секрет победы в споре с самим собой — в нежелании слушать. К моменту, когда вы усовершенствовали свою аргументацию, вы вновь оказываетесь в колее ваших прежних привычек. Ну а сейчас пройдемте в столовую. У вас будет инструктаж по мнемонике, после которого вы начнете знакомиться с теорией моделей. Затем...

— А когда я буду спать?

— Всему свое время.

— Неплохо! — промолвил Честер, проглотив бульон и отодвигая пустую чашку.— Что там у нас дальше?

— Ничего,— ответил Куве.— Но, как я уже говорил, ассоциация символа с определенной насущной потребностью, связанная с вашим личным опытом...

— То есть как это ничего? Я не наелся. Я вкалывал весь день, как ломовая лошадь.

— У вас избыточный вес, Честер. Бульон был тщательно приготовлен, так чтобы в нем содержались все питательные вещества, необходимые для поддержания вашего энергетического баланса на должном уровне.

— Но я умру от голода.

— Вы едите от скуки, Честер. Когда ваше внимание занято чем-либо, вы забываете о пище. Вы должны выработать привычку.

— Целый день вы только и говорите мне об умерщвлении плоти, о торжестве разума над плотью.

— Разум — самый совершенный инструмент в природе, а посему он должен восторжествовать над всем. Ранее я вас спрашивал, что такое боль, а что есть удовольствие?

— В данный момент еда.

— Великолепный пример: удовлетворение природных влечений.

— Это нечто большее, чем влечение. Это — необходимость! Мне необходимо гораздо больше, чем чашка бульона цвета яйца без всякого намека на таковое!

— Все импульсы наслаждения, в случае их чрезмерного удовлетворения, становятся разрушительными; однако, находясь под контролем, эти инстинкты могут быть весьма полезными. Возьмем, к примеру, гнев. Здесь природа выработала поведенческий механизм, позволяющий иметь дело с ситуациями, в которых присутствует агрессия. Он может возобладать над всеми другими ощущениями, даже такими как страх. Когда вы разгневаны, вы становитесь сильнее, менее чувствительны к боли и менее подвержены панике. Вы желаете лишь одного: сблизиться с противником и убить его. Перед боем особи мужского пола многих видов обычно стараются разозлиться.

— Похоже, я уже весьма близок к этому.

— Вы научитесь управлять вспышками гнева и вызывать их, не теряя при этом самообладания. Ну а теперь перейдем к следующей учебной ситуации.

— К следующей? — запротестовал Честер.— У меня нет сил.

— Опять все тот же инстинкт лени,— сказал Куве.— Идемте же, Честер.

Солнце заходило. Честер и Куве стояли возле бассейна у самого основания двадцатипятиметровой вышки для ныряния. Почти отвесная лестница вела к открытой площадке на самом верху.

Куве вручил Честеру маленький медальон:

— Взбирайтесь на вышку. Это устройство позволит мне говорить с вами на расстоянии. Завтра подобное устройство вам вживят хирургическим способом. Ну а теперь — наверх!

— Давайте вспомним эксперимент со стеклянным полом и повторим что-нибудь в этом роде!

— Взбирайтесь, взбирайтесь, медленно и спокойно.

— Но какой смысл взбираться туда: чтобы свернуть себе шею?

— Честер, умом вы понимаете, что должны сотрудничать со мной. Перестаньте обращать внимание на инстинкты и делайте то, что говорит вам ваш ум.

— Я врасту в лестницу, вам придется посылать трех человек, чтобы оторвать мои пальцы от ступенек.

— На прошлой неделе я наблюдал за вами на танцевальной площадке. Вы сидели за столом и много ели. При этом вы посматривали на танцующих. К вам подошла девушка и пригласила вас на танец. Вы похлопали себя по животу и отрицательно покачали головой.

— Но какое это имеет отношение к сидению на верхушке флагштока?

— Танец, который они исполняли, требует большого умения, силы и выносливости. Если бы вы присоединились к танцующим, получили бы вы сейчас удовольствие от воспоминания о танце?

— Конечно, мне бы хотелось...

— Запавшие в память моменты наивысших достижений вызывают удовлетворение; воспоминания об излишествах вызывают отвращение. Станете ли вы на следующей неделе с удовольствием вспоминать, как вы отказались подняться на вышку?

— Если только не свалюсь с нее и не сверну себе шею.

— Ваша память обладает опережающей способностью, а именно: у вас возникают воспоминания о тех вещах, которые еще не произошли. Так вот, перед вами возможность подарить себе достойное воспоминание.

— Хорошо, я начну подниматься, просто чтобы развеселить вас, но не гарантирую, что доберусь до самого верха.

— По ступеньке за раз, Честер. И не глядите вниз.

Честер осторожно начал карабкаться по лестнице, держась за хлипкий поручень.

— Эта штука шатается,— прокричал он с высоты трех метров.

— Ничего, выдержит. Продолжайте подниматься.

Честер продолжал карабкаться. Ступеньки были деревянные, шириной двадцать сантиметров и длиной чуть больше метра. Поручень был сделан из алюминия и крепился болтами к вертикальным стойкам, отходящим от каждой четвертой ступеньки. Честер сосредоточил мысли на дереве и металле. В медальоне возле самого его горла послышалось жужжание и раздался голос Куве:

— Вы продвигаетесь очень хорошо. Прошли уже половину пути.

Заходящее солнце переливалось пурпуром и золотом. Честер остановился, тяжело дыша.

— Ну, еще несколько шагов, Честер,— прозвучал слабый голос в переговорном устройстве.

Он продолжал восхождение. Теперь вершина вышки была уже прямо перед его носом. Прижимаясь к поручню, он сделал несколько последних шагов. Где-то далеко впереди на самом горизонте на фоне темного леса мерцала полоска света. Извивающаяся по долине река светилась отраженным красным светом. Низкое белое здание Центра переливалось в блекнущем свете оттенками спелого персика. Честер посмотрел вниз, на бассейн, и тут же упал на площадку животом, зажмурив глаза.

— Помогите! — выдавил он из себя прерывающимся от страха голосом.

— Двигайтесь к ступенькам, ногами вперед,— спокойно сказал Куве.— Опустите ноги и начинайте двигаться вниз.

Честер нащупал ногой первую ступеньку и тихонько начал спускаться, не пропуская ни одной.

— Полпути вниз,— послышался голос Куве.

Теперь Честер двигался быстрее. Когда до земли осталось метра три, Куве остановил его.

— Взгляните на воду. Вы сможете прыгнуть в нее отсюда?

— Да, но...

— Тогда поднимитесь еще на одну ступеньку. Отсюда сможете?

Честер поднялся на целых три ступеньки.

— Прыгайте!

Честер зажал пальцами нос и прыгнул в воду. Он вынырнул и выбрался из бассейна.

— Нырните снова.

После трех прыжков Честер поднялся еще на ступеньку. Через полчаса, при ярком свете луны, он прыгнул уже с высоты шести метров и, просвистев вниз, с шумом и фонтаном брызг плюхнулся в бассейн и, отфыркиваясь, снова подплыл к лестнице.

— На этот раз достаточно,— сказал Куве.— Через неделю вы спрыгнете с самого верха, оттуда, где сегодня не смогли даже стоять. Ну а теперь снова в дом. Пока вы переодеваетесь во что-нибудь сухое, я хочу поговорить с вами о природе вещей.

— Вообще-то в это время я обычно отхожу ко сну,— сказал, отдуваясь, Честер.— Природа вещей до завтра никак не может подождать?

— Здесь вы не будете страдать от бессонницы,— заверил его Куве.— К тому времени, как вы окажетесь в постели, вы действительно будете готовы ко сну.

В узенькой комнатке с высоким окном Честер критически осмотрел покрытую войлоком скамью, шириной чуть более пятидесяти сантиметров.

— И что, я должен спать на этом?

— Нет матраса лучшего, чем усталость,— ответил Куве.

Честер сбросил сандалии и со вздохом улегся на скамью.

— Полагаю, что в этом вы совершенно правы. Думаю, что просплю целую неделю.

— Четыре часа,— сказал Куве.— В дополнение к этому у вас будет двухчасовой сон в полдень.

Из медальона, который все еще висел на шее Честера, послышалось жужжание.

— Недействительное не есть нереальное,— сказал мягкий женский голос.— Нереальное не есть недействительное. Реально ли нереальное...

— Что за чертовщина такая?

— Основные аксиомы рациональности. Вы переведете этот материал на уровень вашего подсознания, пока будете спать.

— Вы хотите сказать, что это будет продолжаться всю ночь?

— Всю. Но вы убедитесь, что это нисколько не помешает вам спать.

— Но что это значит: нереальное не есть недействительное?

— Это элементарное утверждение нетождественности символических эквивалентов.

— Гм-м... Вы имеете в виду, что карта местности — это еще не сама местность?

Куве кивнул:

— Очевидная банальность. Но к рассвету вы уясните ее значение на уровне подсознания.

— Я не смогу даже сомкнуть глаз.

— Не сможете сегодня — сможете завтра,— сказал Куве как ни в чем не бывало.

— Нереальное не есть невозможное,— мягко продолжал настаивать нежный голос.

— И всего-то осталось триста шестьдесят четыре дня,— проговорил, смыкая глаза и погружаясь в забытье, Честер.

Глава 7

Первые серые проблески приближающейся зари не успели еще появиться на темном небе, а Честер нетвердой походкой уже входил в мягко освещенный спортивный зал. Куве, свежий и в безукоризненно белом одеянии, уже ждал его появления, сидя за маленьким столом посреди зала.

— С добрым утром, Честер. Как спали?

— Как убитый. Впрочем, я и сейчас не намного живее. Я просто зашел, чтобы сказать вам, что во всем моем теле нет живого места после всех этих вчерашних излишеств. Пригласите сюда врача. И вообще, я должен быть в постели, но...

Куве жестом прервал его:

— Честер, вы, конечно, ожидаете, что я сейчас же начну вас жалеть, затею с вами душеспасительную беседу. Но, боюсь, у нас нет времени на сантименты.

— Сантименты? Да я же совершенно болен!

— И тем не менее вы встали в назначенное время и оделись для занятий. Ну а поскольку вы здесь, взгляните вот на это.

Честер проковылял к столу. Под прозрачным стеклом мелькали, сменяя друг друга в непредсказуемой последовательности, красные, зеленые и янтарные огоньки.

— Я хочу, чтобы вы изучили эту модель. Когда будете готовы, нажмите пальцем вот здесь, вот эту кнопку, цвет которой соответствует тому цвету, который, по вашему мнению, должен загореться следующим.

Честер начал изучать световую панель. Зажегся и погас красный огонек, затем зеленый, еще один красный, затем еще один, потом зеленый...

Он прикоснулся к красной кнопке. Панель погасла.

— Вы выбрали неверно. Попробуйте снова.

Честер следил за огоньками. Зеленый, красный, янтарный, красный, янтарный, зеленый, красный, зеленый, красный...

Он нажал на янтарную кнопку. Панель опять погасла.

— Никогда не думайте, что первый уровень сложности может привести к решению проблемы, Честер. Постарайтесь заглянуть поглубже, найти более неуловимую схему. Попробуйте еще раз.

Огоньки продолжали мигать в той же самой последовательности. Когда Честер нажал на кнопку в пятый раз, засветилось все табло. Он удовлетворенно улыбнулся.

— Хорошо,— сказал Куве.— Когда вы получите три правильных решения подряд, мы перейдем к схемам более высокой степени сложности.

— Мне пришлось просчитывать на три огонька вперед, Куве. Создается такое впечатление, что схемы изменяются, пока я на них смотрю.

— Да, в этом ряду применена усложняющаяся схема развития.

— У меня, скорее, поэтический склад ума. Я не электронный калькулятор.

— Не пройдет и года, как вы будете думать совершенно иначе. Применение в ходе этих упражнений, в их продвинутых фазах, воздействий такого типа, которые никогда не встречаются в повседневной практике, разовьет доселе неиспользуемые вами корковые образования.

— Не думаю, что эта последняя часть доставит мне удовольствие,— сказал с сомнением Честер.— Что это значит?

Куве показал рукой на дальнюю стену.

— Посмотрите туда. Глядите прямо перед собой, не отводя глаз.— Он поднял руку и приблизил ее к краю поля зрения Честера.— Сколько пальцев я поднял вверх?

— Не знаю; все, что я могу точно сказать,— это то, что там есть рука.

Куве пошевелил одним пальцем.

— Вы заметили это движение?

— Конечно.

Куве пошевелил вторым пальцем, оставляя первый неподвижным, затем третьим и, наконец, четвертым.

— Вы наблюдали движение каждый раз,— подытожил он,— это показывает, что все четыре пальца находятся в поле вашего зрения.

Он вытянул два пальца.

— Сколько пальцев я поднял теперь?

— Я все еще не могу определить.

— Вы ведь видите пальцы, Честер, вы это доказали. И все же вы не можете сосчитать те пальцы, которые видите. Сигнал, посылаемый вашему мозгу посредством зрительного механизма, ответственного за периферийное зрение, направляется в неразвитый его сектор, в котором находится часть громадной массы обычно неиспользуемых клеток коры мозга. Уровень интеллектуального развития этой части вашего сознания можно примерно сравнить с интеллектом верной своему хозяину собаки, которая может распознать группу ребятишек, но неспособна сформулировать представление об их количестве.

Куве опустил руку.

— Именно эту часть мозга мы с вами и начнем развивать. А теперь попробуем эту модель.

Честер стоял, облокотившись на поручень, на верхушке двадцатипятиметровой вышки для ныряния, чувствуя плечами, как жарко печет солнце, и наблюдая за тем, как Куве внизу поправляет натянутые поперек бассейна веревки.

— Ну, вот и ваша цель, метр двадцать на метр двадцать,— послышался голос Куве из крохотного, величиной с рисовое зернышко устройства, вживленного в кость за левым ухом Честера.— Помните о сосудисто-мышечных моделях напряжения вашего организма. И ждите сигнала.

Что-то запикало в ухе у Честера — и он прыгнул головой вниз, прижав к груди подбородок, вытянув перед собой руки с выпрямленными пальцами и прямыми ногами, с оттянутыми носками, слыша, как ветер свистит у него в волосах. Он рыбкой вошел в воду, изогнулся, выпрыгнул над поверхностью воды, подплыл к краю бассейна и одним легким движением выбрался из него.

— Что ж, вы сделали неплохие успехи в течение этих двух недель,— похвалил испытуемого Куве, жестом руки приглашая Честера к столу, на котором его ждал небольшой бифштекс.— Вы исследовали диапазон ваших врожденных способностей; вы отдаете себе полный отчет в системе ценностей, которыми мы руководствуемся, и вы уже преодолели самое худшее из того, что несет в себе метаболическая инерция. У вашей мускулатуры

хороший тонус, хотя вам предстоит еще очень многое сделать для развития ее объема и мощи. Теперь вы готовы к штурму таких более сложных дисциплин, как сохранение равновесия, координация движений, точность, выносливость и темп.

— Послушать вас, так я совершенно ничего еще и не сделал. А как насчет прыжков с вышки? Не так-то просто попасть в квадрат метр на метр с двадцатипятиметровой высоты.

— Это упражнение было предназначено для развития уверенности в себе. Сейчас же вы приступите к собственно предметной области занятий. Мы начнем с простых вещей, таких как фехтование, верховая езда, хождение по канату, жонглирование, танцы и фокусы, а затем постепенно перейдем к более абстрактным ступеням.

— Вы меня к чему готовите — работать в цирке?

Куве пропустил вопрос мимо ушей.

— Академическая часть вашей программы предполагает овладение способностью к раздвоению внимания, самогипнозу, избирательной концентрации внимания, категориальному анализу, развитой мнемонике и эйдетизму, от которых мы перейдем к автономике, клеточной психологии, регенерации и...

— Давайте вернемся к фехтованию. По крайней мере, я знаю, что это такое.

— Мы приступим к нему сразу после обеда. А пока вы едите, объясните мне, что значит слово «сейчас».

— «Сейчас» изменяется,— сказал Честер, не переставая жевать.— Оно движется вместе со временем. Каждый момент в течение какого-то времени является этим «сейчас» и потом перестает им быть.

— В течение какого-то времени. А как долго?

— Не очень долго. Мгновение.

— «Сейчас» является частью прошлого?

— Конечно нет.

— А будущего?

— Нет, будущее пока еще не наступило. Прошлое же уже кончилось. «Сейчас» находится как раз между ними.

— А как вы определите точку, Честер?

— Пересечение двух линий,— тут же ответил Честер.

— Место пересечения, так будет точнее,— поправил его Куве.— «Линия» и «точка»— это термины, обозначающие положение вещей, а не сами вещи. Если лист бумаги разрезать пополам, каждая молекула первоначально целого листа останется либо в первой, либо во второй половине. Если срезы соединить, каждая частица будет все так же находиться либо в одной, либо в другой половинке; и ни одна молекула не окажется между ними. Наблюдаемая нами при этом линия, разделяющая половинки, есть всего лишь положение предмета, а не сам материальный предмет.

— Да, это очевидно.

— Прошлое может рассматриваться как одна из половинок листа бумаги, будущее — как другая. Между ними же... нет ничего.

— И все же я сижу здесь и обедаю. Сейчас.

— Ваша способность к обобщениям явно не поспевает за способностью Вселенной порождать сложности и затруднения. Человеческое понимание никогда не может быть чем-то большим, чем приближение. Избегайте иметь дело с абсолютами. И никогда не подвергайте произвольной переработке реальность ради простоты. Результаты оказываются убийственными для логики.

На террасе появилась Мина, одетая в облегающее розовое трико. Она несла фехтовальные рапиры и защитные маски. Честер доел бифштекс, натянул черное трико из прочного эластичного материала, взял рапиру, которую протянула ему Мина.

Мина стала в стойку, шпага в вытянутой правой руке, ноги под прямым углом, левая рука на бедре. Она слегка ударила несколько раз своей шпагой по клинку Честера и резким неожиданным движением выбила рапиру из его руки.

— Ой, извините, Честер. Вы не были готовы.

Честер поднял рапиру и стал в стойку, подражая Мине. Они скрестили клинки — и Честер охнул, когда шпага Мины ткнулась ему в грудь. Мина весело захохотала. Честер залился краской от смущения.

Когда они скрестили рапиры в третий раз, Мина захватила клинок Честера своим клинком и, резко повернув его, выбила рапиру из руки Честера.

— Честер,— засмеялась она,— по-моему, вы совсем не старались.

Она отложила свою рапиру и ушла. Честер, красный от стыда, повернулся к Куве. Тот сделал шаг и жестом пригласил Честера стать в стойку.

— Мы будем заниматься каждый день, полчаса утром и полчаса после обеда,— сказал он.— И возможно, вскоре вы сможете преподнести Мине сюрприз.

Честер осторожно кружился вокруг Куве, шаркая босыми ногами по мату, подбитому войлоком. Куве сделал шаг вперед, скользнул левой рукой по ребрам Честера, пытаясь схватить его правое запястье. Честер увернулся, сжал левую руку Куве и резко дернул ее вниз. Тот подался вперед, чтобы ослабить давление, сделал захват шеи и бросил Честера через бедро. Честер в воздухе согнутой ногой сделал замок на шее противника и, перевернувшись, упал на четыре точки, как только захват ослаб. Куве удивленно потряс головой:

— Что это — случайность или?..

Честер пригнул Куве к ковру, увернулся влево, чтобы избежать захвата головы через спину. Куве уже тянулся к его лодыжке... Мгновение — и он был опрокинут на мат. Честер сел, потирая шею. Куве одобрительно кивнул:

— Ты делаешь успехи. Если бы ты внимательнее следил за своими ногами, смог бы припечатать меня.

— В следующий раз, может быть,— пробурчал угрюмо Честер.

— Мне кажется или действительно в твоем голосе слышны нотки скрытой враждебности? — сказал Куве, с удивлением глядя на подопечного.

— Да, черт побери. Ты обработал меня в течение года, как арендованный вертолет.

— Выше голову, Честер. Я подготовил для тебя новый тест на сложную реакцию. Это очень интересная комплексная проблема, но, предупреждаю тебя, она может оказаться болезненной.

— Ну, в этом-то отношении она не расходится с общей программой.

Честер последовал за Куве через террасу, арочный свод, через коридор в открытый дворик. Наставник указал на дверь в стене, над которой тесно срослись деревья.

— Через эту дверь, Честер, ты пойдешь на прогулку в лес. Ты обнаружишь там несколько тропинок; какую из них выбрать, целиком зависит от тебя самого. Тропинки — язык леса, они ведут

к дальним холмам. Опасаюсь, что прогулка твоя будет продолжительной в силу причин, о которых ты узнаешь в лесу, но тем не менее предупреждаю тебя, чтобы ты держался поближе к дому. Как только обнаружишь то, что покажется тебе значительным, немедленно возвращайся.

Честер вглядывался в темноту лесной чащи:

— Это моя первая прогулка за пределами тюрьмы. Ты уверен, что я не убегу?

— Побег в этом направлении невозможен. Если ты попадешь в беду, помни, что я поддерживаю с тобой радиосвязь. К темноте возвращайся.

— Если у меня возникнут какие-либо сомнения, я вспомню хорошо усвоенный девиз: «Нереальное не есть недействительное».

Честер двинулся вперед.

— Не жди меня. Может быть, мне там понравится.

Честер размеренно шел по тропинке, внимательно фиксируя все вокруг.

Его внимание привлек какой-то шум. Он резко отпрыгнул, стараясь задержать ноги в воздухе. По его икрам хлестнула веревка, и Честер увидел, как петля ушла вверх. Он осторожно выпрямился, высматривая еще одну ловушку сзади, но ничего не обнаружил. Он изучил дерево, к которому была привязана веревка, затем, стараясь ничего не задеть, подошел к рядом стоящему дубу, окинул его взглядом, забрался на ветку и всмотрелся в источник опасности. Отвязав жесткую, пятимиллиметровой толщины синтетическую веревку и обернув ее вокруг пояса, он соскользнул на землю.

Потом он зашел в заросли кустов и сразу почувствовал пронзительную боль на тыльной стороне ладони. Он осторожно освободился из паутины очень тонкой колючей проволоки. Выбирая участки, свободные от шипов, он начал переламывать ряды проволоки один за другим и, став на четвереньки, прополз через заграждение.

Полчаса спустя Честер очутился на краю крутого обрыва. Внизу, метрах в пятнадцати, в потоках солнечных лучей, пробивавшихся сквозь ветви огромных деревьев, переливалась и блестела река. Вверх по течению виднелось тихое озерцо, казавшееся чер-

ным от расположенных по берегу гладких валунов. Честер отметил, что его расположение точно напоминало десятиметровый бассейн, в который он нырял каждое утро. Просто явное приглашение. Он лег плашмя и осмотрел поверхность скалы. На ней было множество трещин и выступов, за которые можно уцепиться руками и ногами. Может быть, их даже слишком много... До развесистого вяза на противоположном берегу было чуть больше десяти метров. Честер снял веревку с поясницы, нашел десятикилограммовый осколок камня с желобом посередине и туго привязал к нему один конец веревки. Он встал, взял веревку с привязанным камнем, несколько раз размахнулся ею, как пращой, и бросил. Камень зацепился и повис на ветке. Очень осторожно Честер потянул на себя веревку, и камень качнулся назад; когда он стал возвращаться в исходную точку, Честер ослабил натяжение и снова потянул. Колебания нарастали. Когда камень начал двигаться вперед, Честер резко дернул веревку. Камень рванулся вверх и — раз, два, три раза веревка обернулась вокруг ветки. Честер подергал — крепление было надежным. Затем свободный конец веревки он намотал по всей длине сломанного сука и навалил на него каменную глыбу весом около центнера. Еще раз быстро опробовал крепление и вскинул руки в жесте торжества. Оставив веревку, он приблизился к берегу тихого озера. Подняв осколок скалы, он бросил его в самую середину темной воды. Мгновенно на поверхность выскочила, видимо, снабженная пружинами большая сеть со стекающей с нее водой и опутала брошенный камень. Честер улыбнулся и перевел взгляд на основание скалы. Витки тончайшей колючей проволоки защищали последние два метра вертикали. Спуск мог бы быть очень легким, подумал Честер, возвращение оказалось бы посложнее.

Микрофон, закрепленный за его ухом, ожил:

— Итак, Честер, ты попался в сеть на озере. Не отчаивайся, ты все делал правильно. Через несколько минут я прибуду и вызволю тебя.

Честер снова улыбнулся и повернул в лес. Он посмотрел на солнце, еще раз вспомнил маршрут, которым шел в течение четырех часов, обнаруживая и избегая ловушек, которые расставил ему Куве. Солнце зашло около часа назад, определил Честер, и он находился в трех милях на северо-запад от Центра. Он помедлил, принюхиваясь к воздуху. Из растворенных в нем

слабых ароматов хвои, можжевельника и раскаленного на солнце камня резко выделялся запах горящего дерева. Уже пятьдесят минут прошло с тех пор, как он начал взбираться по склону, и пора было свернуть влево, чтобы изучить верхнюю часть лощины. С каждым шагом запах дыма усиливался. Казалось, что затененные стволы впереди курились легким сероватым дымком. Честер пригнулся и прибавил шаг. Если впереди был лесной пожар, то его нужно было преодолеть как можно быстрее — до того, как огонь отрежет ему путь в долину. Он тихо пробирался сквозь редкие кусты и видел в промежутках между деревьями бледно-оранжевые блики на небе в сотне метров впереди.

«Пожар, должно быть, совсем близко»,— подумал Честер и перешел на бег.

Деревья расступились. Развалины скал, увенчивающие теснину, казались бледными на фоне горящих сосен. Навстречу ему катилась волна дыма, подхваченная продувным каньонным ветром. Честер распластался, сделал несколько глубоких вдохов, затем резко вскочил и вскарабкался на верхушку разбитой скалы. Впереди огонь метался меж массивных стволов, вспыхивал, обметывая хвою, и высоко взлетал до самых верхушек сосен. Горящие искры стреляли вокруг Честера. Он уже мог слышать рев раздуваемого ветром пламени. Неожиданный порыв ветра накрыл его стеной дыма. Может быть, просчитывал он, обогнуть холм справа, где проходил вал, который защитит его от огня, спокойно спуститься и выйти в долину в одной миле к северу от Центра. Однако проделать этот путь до темноты не представлялось возможным. Честер обдумывал вариант прохода выше. Лишняя сотня метров...

В двадцати шагах на склоне возникла массивная фигура.

Человек был рыжебородый, одетый в заплатанные штаны и свободно болтающуюся куртку из выцветшей шотландки с тремя или четырьмя отсутствующими пуговицами. Два пальца его правой руки натягивали тетиву лука. Стрела была увенчана блестящим стальным наконечником и нацелена прямо в пупок Честера.

— Я знаю, что вы — обитатели долины — двигаетесь быстро, как царь змей, когда Кез-отец бросил его на сковородку, но Голубой Зуб быстрее,— прорычал бородач на вполне понятном диалекте.— Что тебе надо здесь, в Свободных горах? Или жизнь внизу тебе надоела?

Честер наморщил лоб, пропуская звуки варварской речи через сознание, отмечая фонетические замены и интонации. Структура диалекта была достаточно простой, и Честеру легко удалось ее сымитировать.

— Если ты не возражаешь, я бы хотел, чтобы Голубой Зуб нацелился на что-нибудь другое,— ответил Честер, указывая на деревья и не сводя глаз со стального наконечника стрелы.— Пальцы у тебя могут быть испачканы жиром или чем-то вроде того.

— Не попугайничай,— сказал незнакомец на чистом английском.— Мне было уже десять лет, когда я покинул долину. Итак, что ты хочешь найти здесь?

— Вообще-то я очень надеялся найти дорогу обратно в долину и не имел бы ничего против того, чтобы меня не поджарило огнем и чтобы меня не сбивали с дороги. Вы не будете возражать, если я продолжу свой путь? Вы ведь знаете, что сюда приближается пожар.

— Пусть огонь тебя не беспокоит. Это я зажег его, чтобы выгнать из леса дичь. Сейчас он дойдет до откоса и потухнет. А теперь обойди меня справа и поднимайся наверх. И имей в виду: Голубой Зуб будет следить за каждым твоим движением.

— Я двигаюсь в другую сторону,— возразил Честер.

— Делай-ка лучше то, что тебе говорят. Ты ведь сам сказал, что становится жарко.

Стрела все еще была упорно нацелена прямо в живот Честеру. Лук скрипнул, когда бородач натянул тетиву так, что наконечник стрелы оказался у самой рукояти лука.

— Ну, решай!

— Но что же ты хочешь от меня?

— Ну, скажем, новостей из долины.

— Кто ты такой? И что ты делаешь здесь, в горах? Если тебе нужны новости, можешь спуститься вниз, к Центру.

— Меня зовут Бэндон, и ничего хорошего от вашего чертова Центра я не жду. Не оборачивайся, продолжай идти вперед, и, если ты надеешься на свою безделушку за ухом, забудь о ней. Ты за пределом досягаемости.

— Ты что, рассчитываешь, захватив меня здесь, получить за меня выкуп?

— Какие же это сокровища могут предложить жители долины, чтобы они могли прельстить обитателя Свободных гор? — расхохотался Бэндон.

— Ты меня отпустишь завтра утром?

— Ни завтра, ни послезавтра, ни послепослезавтра. Забудь свою тихую равнину. Ты останешься здесь до самой смерти.

Глава 8

Вершины гор уже начинали погружаться во мрак, когда Честер и Бэндон, спотыкаясь, перелезли через груду камней — все, что осталось от упавшей стены,— и выбрались на ровную дорогу, петляющую меж высоких тополей и ведущую к низким строениям, силуэты которых вырисовывались на фоне багрового заката.

— Это наш город, обитатель долины,— сказал Бэндон, тяжело дыша после подъема в гору.— Здесь есть пища, есть огонь, способный согреть ночью, есть крепкое пиво и братство свободных людей — все, что необходимо от заката до рассвета.

— Очень поэтично,— прокомментировал Честер, обводя глазами рытвины и ухабы на дороге и заросли дикого кустарника на ее обочинах.— Но ты забыл некоторые вещи, к которым я успел привязаться: ну, скажем, книжки, сельдерей, зубная щетка и чистые носки. К тому же, похоже, в некоторых из ваших домов не хватает такой мелочи, как крыша.

— Ради свободы я готов смириться и с отсутствием крыши.

— Конечно, у каждого из нас свои маленькие причуды,— промолвил Честер.— Но почему я должен присоединяться к вашей компании? Я лучше тихо удалюсь.

— Ты пришел сюда непрошеным гостем,— заявил категорически Бэндон. Он опустил лук и ослабил тетиву.— Не будь дураком и не пытайся убежать. На всех подходах к городу расставлены часовые.

— Знаю, я их видел.

— При таком-то свете? Наших лучших лесных жителей?

— Шутка,— ответил Честер.

— А впрочем, может быть, и в самом деле видел. Ведь зрение у вас, обитателей долины, как у самого Кеза-отца. Скажика мне, где ты выучился нашему говору?

— Ну... я... просто выучил его. Как хобби.

— Значит, неправда, что, как говорят, некоторые обитатели долины могут научиться ему в мгновение ока?

— Совершенно беспочвенный слух.

— Я так и думал. А теперь пойдем и посмотрим, как встретят тебя братья.

В сгущающемся мраке они подошли к ближайшему зданию.

Честеру удалось в полумраке рассмотреть детали резного орнамента дверных проемов, упавшие решетки для вьющихся растений, полуобвалившиеся портики. Прямо на дороге валялась разбитая статуя.

— Должно быть, когда-то это был прелестный городок,— заметил Честер.— Что с ним случилось?

Бэндон презрительно фыркнул.

— Мы отбросили все эти рабские привычки ишачить, лишь бы только покрасоваться перед соседями. Здесь мы свободны. Здесь нет никого, кто указывал бы нам, что делать. Те, кому это не нравилось, ушли отсюда. Туда им и дорога. Они нам не нужны.

— Шикарно,— согласился Честер.— Но что станет, когда наступят холода?

— Кругом полно древесины. Будем жечь костры.

Честер оглядел почерневший фундамент сгоревшего дотла дома.

— Понимаю...

— Это чистая случайность,— проворчал Бэндон.— Полно домов, которые уцелели.— Он остановился.— Подожди здесь.

Он закинул голову и пронзительно свистнул. Из дверных проемов, из-за темных заборов, из-под крон развесистых деревьев начали появляться люди.

Честер оценивающим взглядом обвел окружавшую его толпу человек в пятьдесят; все мужчины, небритые, одетые в шкуры. Никого, отметил он, с кем хотелось бы познакомиться поближе.

— Этот обитатель долины — гость,— объявил Бэндон собравшимся.— Мы будем относиться к нему как к нашему собрату, если, конечно, он не попытается смыться. А теперь я забираю его с собой во дворец, до тех пор пока для него не будет устроено собственное жилище. И я вас всех предупреждаю: если с его головы упадет хоть один волос, наказание понесут все, скопом.

Из толпы важно выступил вперед высоченный глыбообразный детина в грязных лохмотьях.

— Мы много слышали о силе обитателей долины,— прорычал он.— Этот совсем не кажется сильным.

— Возможно, он ловкий и хитрый, что гораздо лучше,— оборвал его Бэндон.— Оставь его в покое, Гриз. Это приказ.

Гриз оглянулся на сотоварищей:

— Странно, что ни один из нас не удостоен чести спать во дворце. Но стоило появиться этому шпиону, и с ним обращаются все равно как с самим Кезом-отцом, когда он отправился на дно морское в гости к тамошнему царю.

— Ладно, ладно. Ну-ка, ребята, разожгите костер, поджарьте оленины и откройте несколько бочонков пива. Мы устроим настоящий пир, чтобы показать новичку, какой свободной жизнью мы все здесь живем.

Из толпы раздалось несколько выкриков, из задних рядов послышалось тихое улюлюканье. Гриз уставился на Бэндона:

— У нас нет оленины. Зато полно консервированной фасоли и черствых крекеров. Единственное пойло, которое у нас есть, это пара ящиков мочи, под названием «пиво», которые Лонни спер на прошлой неделе.

— Постарайтесь сделать все возможное,— оборвал его Бэндон.— И побольше жизни. Я хочу, чтобы вы здесь выглядели бодрыми и жизнерадостными.— Он повернулся к Честеру и махнул рукой в сторону внушительного фасада с отбитыми колоннами и разбитыми стеклами.— Идем во дворец, приведешь себя в порядок перед пиром.

— Одну минуту,— вмешался Гриз. Он подошел к Честеру, в руках у него был толстый железный прут.

— Я тебя предупредил, Гриз,— вздрогнул Бэндон.

— Я не собираюсь его трогать — пока,— прорычал Гриз.

Он схватил прут за оба конца, ссутулился и напрягся. Металл поддался, и оба конца прута почти сошлись вместе. Он перевел дух и протянул прут Честеру.

— Выпрями-ка его, цапля болотная.

— Что-то нет настроения,— осторожно произнес Честер.

Гриз лающе засмеялся, бросил прут на землю, подошел к обочине дороги и вернулся с массивным куском тесаного камня.

— Эй, лови.— Он с усилием бросил глыбу в сторону Честера, так что тот едва успел отдернуть ногу, когда камень грохнулся оземь.

Бэндон быстрым движением натянул тетиву лука.

— Довольно, Гриз,— рявкнул он.— Пошли, обитатель долины.

— До скорой встречи, болотная цапля,— прокричал им вслед Гриз.

Честер последовал за Бэндоном через захламленную каменную террасу, мимо мрачных обшарпанных дверей внутрь помещения, в котором царил запах закисших шкур и протухшей пищи. В одном углу стоял прислоненный к стене сломанный диван, рядом с ним стол с перевязанной ножкой. У широкого камина валялось раскиданное постельное белье, в очаге лежали беспорядочно набросанные в кучу сломанные ножки стульев. Возле окна с выбитыми стеклами вилась наверх, на галерею, лестница со сломанными перилами.

— Да, местечко несколько обшарпанное,— прокомментировал Честер.— А кто здесь жил раньше?

— Кто его знает.— Бэндон вытащил из кармана зажигалку и начал ею щелкать, пока наконец не появилось пламя.— Бензин кончается,— сказал он.— Кто-то из прежнего начальства жил здесь, но когда мы перестали выполнять их распоряжения, они просто выехали отсюда, я полагаю, на равнины, чтобы на них там надели ярмо.

— А какие они давали распоряжения?

— Всегда им что-нибудь было надо: создать комитет по вопросу ремонта крыш, чистки сточных канав или витья веревок. Ну, в общем, всякой грязной работы.

— Думаю, что их распоряжения, возможно, не были совсем уж бессмысленными,— заметил Честер, оглядывая облезающие обои и полуистлевшие занавески.

— Черт возьми! Они сами и должны были этим заниматься. Но нет же, они сбежали и оставили все как есть. Мы заперли нескольких из них и пытались заставить их работать, но им как-то удалось удрать.

— Да уж, эти начальники — все подлые трусы, точно,— сказал с иронией Честер.— Вечно дурят нашего падкого на развлечения брата, зная то, чего не знаем мы.

— Вот-вот,— согласился Бэндон.

— Почему бы вам не собирать дрова в лесу, вместо того чтобы ломать и жечь мебель? — спросил Честер.— Сидеть ведь не на чем.

— Ну да, не на чем! Посмотри-ка вон под ту груду шкур. Мы пытались топить дровами, но они плохо горят. А стулья сухие

и горят отлично. Сейчас мы запалим хорошенький костер и поговорим о том, что там происходит внизу. Полагаю, что все та же старая рабская жизнь: каждый сует свой нос в дела другого.

— Угу,— хмыкнул Честер, оглядывая разнообразный хлам, разбросанный по всему помещению.— Они все еще несут на себе непосильное бремя плавательных бассейнов, прачечных, пикников, концертов и всех тому подобных неудобств. Да, между прочим, откуда к вам поступают консервированная фасоль и крекеры?

— Здесь полно складов,— сказал Бэндон, зачерпывая ковшом воду из бочки и стаскивая с себя рубаху.— И в них много всякой всячины. Ребята могли бы раздобыть много чего вкусного, если бы захотели.

Пофыркивая, он начал плескать воду на лицо и на грудь, затем вытерся рубашкой и снова надел ее.

— Все в порядке. Ну а теперь давай ты,— сказал он.

Честер с сомнением посмотрел на мутно-коричневую воду:

— А что будет, когда вы окончательно разграбите и опустошите все склады?

— У нас есть планы,— сказал многозначительно Бэндон.— Мы с голоду не умрем.— Он смахнул какой-то мусор с сиденья расхлябанного стула и уселся на него.— У меня тут припрятана пара бутылок настоящего трицеппийского,— сказал он.— Как только умоешься, мы тут же их и разопьем. Нет смысла делиться с ребятами, все равно на всех не хватит.

— Умно! — сказал Честер.— Я думаю, что отложу купание на потом.

— Гм! Я думал, что вы, обитатели долины,— большие любители поплескаться. Черт возьми, я всегда ополаскиваюсь так, как ты только что наблюдал.

— У тебя просто инстинктивное стремление к личной гигиене,— тактично заметил Честер.— Качество, достойное восхищения. Скажи мне, чем объяснить такую непритязательность? Что, у тебя было голодное детство?

— Хуже,— ответил Бэндон.— Они пытались заставить моего отца делать за них грязную работу. И ему это не понравилось. Он организовал Сопротивление. Посмотри! — Бэндон с гордым видом обвел все рукой.— Теперь это все мое — мое и ребят.

— Я вижу, вы здесь из того рода людей, которые, не задумываясь, топчут чужие газоны,— сказал с наигранным восхищени-

ем Честер.— Типично потребительская психология. Вы живете в этих старых домах просто потому, что они здесь оказались, едите очень питательные, натуральные консервированные бобы так, как велел Господь, тащите одежду прямо из заброшенных складов самой Матери Природы. К чертям собачьим ремонт, восстановление и все такое. Когда поизносится этот город, всегда под рукой окажется множество других.

— Можешь не показывать свое остроумие,— перебил его Бэндон.— Мы имеем такое же право на красивую жизнь, как и все.

— Ну да, конечно, какой-то умник изобрел полезную штуку, какой-то промышленник-капиталист построил фабрику для ее производства, а какой-то интеллигент-очкарик осуществил всю инженерную часть работы. Пора и вам выйти из вашей долгой спячки и получить причитающуюся вам долю! Ну а теперь давай выпьем вина, о котором ты говорил. Если мне предстоит провести здесь остаток моей жизни, я должен сразу вырабатывать привычку пить его теплым.

— Оно тебе понравится, как только привыкнешь,— сказал Бэндон.

Он подошел к холодильнику без дверцы, поднял крышку морозильной камеры, пошарил в ней рукой и вытащил две темно-коричневые бутылки.

Честер прошелся по комнате, заметив остатки старинных часов, стиральную машину с вывороченными внутренностями, заполненную дровами, моток бельевой веревки, проволоку в цветной обмотке, разбросанные там и сям ржавые гвозди, перекореженные плечики для одежды, разорванные картонные коробки, разбросанную повсюду одежду.

— Что ты имеешь против жизненных удобств, Бэндон? — спросил он, принимая бутылку.— Разве плохо было бы вычистить эту комнату, чтобы в ней пахло так же хорошо, как и в окружающем город лесу? И является ли хранение в жилой комнате всякой рухляди особо выдающимся признаком свободы и независимости?

— А нам плевать, что кто-то сооружает для себя затейливые жилища. Мы предпочитаем простоту и непринужденность.

— Вы лишь повторяете слова длинного ряда философов — начиная с раннего христианства и до битников двадцатого столетия,— которые рассуждали, что секрет Вселенной состоит в

том, чтобы оставаться в своем собственном дерьме. Я могу быть таким же самодовольным и уверенным в своей правоте, когда сижу в шикарном ресторане с кондиционером, одной рукой водя по меню и выбирая блюда самой изысканной кухни, другой зажигая дорогую сигарету, а рядом со мной сидит нарядно одетая молодая особа. Вопрос в том, почему бы не быть добродетельным в комфорте?

— Послушай, ты смотри, не пытайся сеять недовольство среди моих людей.

— Твоих людей? А я-то думал, что вы здесь все свободны, как мухи в привокзальном туалете.

— Да, мы свободны. Но любое свободное сообщество нуждается в небольшой организации. Не будоражь зря ребят — в противном случае я могу дать Гризу зеленый свет.

— У меня сложилось неприятное предчувствие, что Гриз не станет дожидаться твоей санкции. Кажется, он очень неравнодушен ко мне.

— Не беспокойся, я за ним присмотрю.— Бэндон прикончил свою бутылку.— Давай присоединимся к ребятам. Думаю, сейчас там у них уже все идет полным ходом. Будь рядом со мной и кричи, если понадобится помощь.

Честер последовал за Бэндоном по широким, усеянным битым камнем ступеням парадного крыльца на улицу, пересек ее и оказался в залитом ярким светом здании бывшего ресторана, где без особого энтузиазма проходило пиршество. Яркий огонь в камине разогнал вечернюю прохладу. Вокруг камина, засунув руки в карманы и бормоча, стояла братия. При появлении Бэндона и Честера от стойки бара отделилась массивная фигура Гриза.

— Ну что ж, новичок чувствует себя как дома,— громко сказал он.— Я слышал, что у вас, обитателей долины, быстрая реакция. Интересно, сможешь ли ты...

Гриз сделал неожиданное движение. Честер выставил перед собой руку; о его ладонь ударилась костяная рукоятка охотничьего ножа, и нож со стуком упал на пол.

— Эй, Гриз, тебя не просили бросать нож в нашего гостя!

— Не обращай внимания, Бэндон,— невозмутимо молвил Честер.— Он просто пошутил.

— Хорошо, что ты успел выставить руку,— сказал Бэндон.— Конечно, нож летел рукояткой вперед, но все равно было бы больно. Гриз, оставь его в покое.— Бэндон хлопнул Честера по спине.— Я тут должен немного поболтать с ребятами. Пообщайся и ты.— И он отошел в сторону.

Позади Честера раздался звук шагов. Он быстро отступил в сторону и стал вполоборота. По тому месту, которое он только что занимал, вихрем пронесся Гриз. Стоявшие поблизости люди расступились и образовали круг. Честер оказался в центре, глядя на Гриза снизу вверх: рост последнего явно превышал два метра.

— Мы не очень-то уважаем шпионов,— прорычал Гриз.

— Понимаю почему,— ответил Честер.— Если бы обитатели долины прознали, какими сокровищами вы здесь владеете, они бы бросили все, что там, внизу, и немедленно перебрались сюда.

— Я знаю, как надо обращаться с болотными цаплями,— заявил Гриз, потирая свой правый кулак о ладонь левой руки.

— Правильно, правильно, Гриз,— прокричал кто-то.

— Покажи-ка ему, Гриз,— крикнул другой.

— Вообще-то Бэндон говорит, что с этой болотной цаплей следует обращаться как с одним из своих.

Гриз оглянулся. Стоявшие вокруг неохотно закивали головами.

— А что, если бы этот парень напал на меня? Я бы дал ему сдачи, правильно?

— Верно, верно!

— Тебя не проведешь, Гриз!

— Я видел, как он напал на тебя, Гриз!

Честер услышал звук позади. Он как бы случайно сделал шаг в сторону. Через то место, на котором он только что стоял, пронесся человек и, споткнувшись, врезался прямо в Гриза. С искаженным от злобы лицом Гриз отбросил налетевшего на него человека, шагнул к Честеру и, воспользовавшись тем, что он смотрит в другую сторону, наклонившись к огню, нанес ему удар со всего размаха. Удар прошелся мимо, рука лишь вскользь коснулась шеи чужака. Казалось, что Честер ничего и не заметил.

— Красивое пламя,— весело проговорил он, потирая руки. Потом отодвинулся на шаг от Гриза, все еще не глядя на него, и ловким и незаметным движением пододвинул стул.

Гриз зацепился за ножку стула и грохнулся на пол ничком. Честер сделал испуганное лицо и склонился над великаном, помогая ему подняться на ноги.

— Извини, Гриз, извини, старина,— притворно начал причитать Честер, потом наклонился, словно пытаясь отряхнуть верзилу, а когда разогнулся, в руке его был охотничий нож Гриза.

Гриз остолбенел, взгляд его остекленевших глаз замер на лезвии.

— Думаю, он тебе еще понадобится,— сказал Честер, протягивая ему нож.

Гриз помедлил, затем со злобной гримасой отвернулся.

— Никогда не видел такого неловкого человека — и при этом такого удачливого,— послышался негромкий голос.

Честер обернулся. Позади стоял Бэндон и пристально рассматривал его.

— С другой стороны, никогда не видел, чтобы кто-либо действовал так ловко и быстро — если бы он делал это намеренно,— продолжал Бэндон.

— Отличные парни,— заметил Честер.— Я чувствую себя совсем как дома.

— Странный ты человек,— сказал Бэндон.— У меня такое ощущение, что опасаться неприятностей должен не ты, а Гриз.

— Надеюсь, он никогда меня не одолеет,— ответил Честер.— Думаю, что два раза успею выскользнуть, прежде чем Гриз осознает, какая опасность его подстерегала. Пойду-ка я прогуляюсь.

Бэндон что-то пробормотал в ответ и отвернулся. Честер вышел на улицу, громадная тень плясала перед ним. Из-за украшенного орнаментом фонтана вышел человек с луком в руке. Честер повернул направо; навстречу ему вышел второй, тоже с оружием наготове.

— Просто проверка, ребята,— сказал им Честер.

Он повернул назад, но не успел пройти и двадцати метров в сторону стоящего темной стеной леса, как вновь перед ним бесшумно возникли часовые. Он остановился, сделал вид, что любуется окрестностями,— часовые все это время внимательно наблюдали за ним — и вернулся в зал.

— Иди ужинать,— крикнул ему Бэндон.— Гриз просто прибеднялся,— сообщил он Честеру, когда тот подошел к нему.— У нас здесь полно всего хорошего и вкусного. Попробуй-ка эти сардины.

Честер осмотрел рыбное месиво.

— Боюсь, что это не самое любимое мое кушанье. Я дождусь дичи.

— Салями на крекерах? — предложил Бэндон.— Мы отрезали и выбросили испорченный кусок.

— А есть фрукты или ягоды? — поинтересовался Честер.— Или орехи?

— Это для белок и кроликов,— отрезал Бэндон.— Эй, после пива у нас будет веселая вечеринка. Тебе она понравится.

— Ну вот, наконец-то и истинные прелести свободной жизни. А что вы на ней делаете: поете воодушевляющие песни, танцуете под дудку, боксируете или еще что-нибудь в этом роде?

— Черт возьми, нет. Мы смотрим телевизор. У нас есть классные исторические фильмы о старых добрых временах, когда мужчины были мужчинами.

— Понятно. Что-то вроде учебной подготовки.

— Послушай. Ты мог бы уже и перестать острить. Я же тебе говорю: вот она — настоящая жизнь. Через несколько лет ты начнешь понимать, что я имею в виду.

— Меня сейчас больше волнуют не годы, а несколько ближайших часов. Я просто терпеть не могу тридивидение. Что, если я пойду и приберусь в твоей квартире, пока ты будешь здесь наслаждаться свободной жизнью?

— Делай как хочешь. Сбежать ты не сможешь. А я позабочусь, чтобы Гриз остался на вечеринке и не смог помешать тебе немного расслабиться.

— Благодарю. Ну а я пока постараюсь так устроить все у тебя в квартире, чтобы оказать подобающий прием нежданным посетителям, если они соберутся тебя навестить.

Глава 9

Прошло три часа после того, как замерли последние звуки пиршественного веселья. Честер не спал; сидя во дворце возле камина, он глядел на мерцающие в очаге угольки и прислушивался. В углу, на своем убогом ложе, похрапывал Бэндон. Где-то вдали вскрикнула ночная птица. Что-то скрипнуло возле самой двери.

Честер пересек комнату и, подойдя к Бэндону, тихо позвал его. Тот заворчал и открыл глаза.

— А, что такое?

Честер приблизил свое лицо к лицу Бэндона.

— Тихо! — прошептал он.— Гриз у двери.

Бэндона как будто подбросило. Честер остановил его, взяв за руку.

— Пусть войдет. Лучше захватить его здесь... одного.

— Да он не осмелится сунуть свой нос во дворец,— прошептал Бэндон.

— Оставайся на месте.

Честер бесшумно подошел к двери и остановился в темноте возле нее. Кто-то тихо возился со щеколдой. Дверь слегка приоткрылась, последовала пауза, затем дверь снова начала открываться.

Из своего укрытия за массивным косяком Честер увидел маленькие глазки Гриза и его кустистую бороду. Дверь открылась шире; Гриз вошел внутрь и бесшумно закрыл ее. Когда он повернулся в сторону постели, на которой лежал Бэндон, Честер воткнул два прямых пальца ему в живот и затем, когда Гриз согнулся пополам, со всего размаха ударил его под ухо ребром ладони. Верзила тяжело рухнул на пол.

Бэндон был уже на ногах.

— Не поднимай тревогу, Бэндон,— прошептал Честер.— Кроме его приспешников, тебя никто не услышит.

— Что ему здесь надо? — хрипло спросил Бэндон.— И откуда ты знаешь...

— Тс-с. Гриз охотился за нами обоими, Бэндон. Если бы он прирезал меня, ему пришлось бы также прикончить и тебя или позднее встретиться с Голубым Зубом.

— Ты бредишь. Мои люди мне верны — в том числе и Гриз.

— Гриз подслушивал сегодня вечером, когда мы с тобой разговаривали. Он боялся, что ты попадешь под мое влияние. И это послужило ему предлогом. И... вот он здесь.

— Ты пришел сюда, чтобы причинить нам зло,— прошипел Бэндон.— Как и говорил Гриз.

Честер показал ему на груду необработанных шкур позади грубо сколоченного стола:

— Спрячься там и слушай.

Бэндон сорвался с места, снял свой лук с колышка в стене, вложил стрелу со стальным наконечником.

— Я спрячусь,— сказал он.— А это будет нацелено прямо в тебя — так что не пытайся меня надуть.

— Ты давай поосторожней с этим. Мне бы очень не хотелось быть проткнутым случайной стрелой.

Гриз начал подавать признаки жизни. Бэндон отступил в темноту.

Гриз привстал, потряс головой, с трудом поднялся на ноги. Шатаясь, он оглядел помещение и увидел Честера, который спал, свернувшись калачиком и слегка похрапывая, на груде половиков почти у самых его ног.

Гриз припал к земле, его поросячьи глаза забегали по комнате. Он снял с пояса нож и ткнул носком мокасина Честера в бок. Честер перевернулся на спину, открыл глаза и сел.

— Где Бэндон? — прорычал Гриз, придвигая длинное лезвие ножа к горлу Честера.

— О, привет, это ты! — сказал Честер.— Слушай, я надеюсь ты нормально себя чувствуешь после падения?

— Я спрашиваю: где Бэндон?

Честер огляделся.

— А что, разве он не здесь?

— Он вырубил меня и смылся. Ну, говори, болотная цапля, что вы, две пташки, затеваете?

Честер сдавленно хихикнул.

— Он здесь командует; я всего лишь обитатель долины, ты что, забыл?

— Ты все врешь. Думаешь, я такой болван, что не могу раскусить ваши уловки — вы вместе что-то замышляете. Куда он исчез?

— Если я тебе помогу, ты меня отпустишь?

— Конечно.

— Ты обещаешь? Гарантируешь мне безопасность, если скажу тебе, где находится Бэндон, чтобы ты смог его убить?

— Да, обещаю. Безопасность. А как же.

— А могу я быть уверен, что ты выполнишь свое обещание?

— Ты что, считаешь меня обманщиком?

Гриз придвинул нож ближе к Честеру.

— Осторожно. Я тебе еще не сказал.

— Вот тебе мое слово: ты получишь свободу. Где он?

— Ну...— Честер поднялся на колени.— Он на пути к моему триценниуму. Он почувствовал, что ты плетешь против него интриги, поэтому он...

— Ну спасибо, придурок! — Гриз сделал выпад в сторону Честера.

Честер опрокинулся на спину, дернув в падении за конец веревки; с потолочной балки сорвалось ведро с песком и, настигнув Гриза на половине его прыжка, стукнуло точно по голове. Он рухнул на пол лицом вниз. Честер поднялся на ноги и подобрал нож, который выронил Гриз. Верзила безуспешно пытался подняться на ноги, как пьяный, тряс головой.

— Похоже, что ты и в самом деле не держишь слово, Гриз,— сказал Честер, приблизившись к нему с ножом наготове.

Гриз с трудом отполз назад, вытянув вперед одну руку, чтобы отвести от себя удар.

— Не делай этого, не делай этого,— заорал он во все горло.

— Убавь-ка громкость. Если кто-либо ворвется сюда, ты умрешь первым.— Честер выпрямился и встал над Гризом.— Так как насчет обещания? Ты собирался обеспечить мне безопасность.

— Конечно, конечно. Я позабочусь, чтобы ты выбрался отсюда целым и невредимым. Ты только доверь это мне.

— Я бы мог убить тебя, Гриз. Но это не поможет мне выбраться отсюда.— На лице Честера появилось озабоченное выражение.— Предположим, я тебя отпущу. Ты мне дашь тогда сопровождение до самой долины?

— Конечно дам, не сомневайся, парень. Просто я очень разволновался, когда ты сказал, что Бэндон уже спускается к долине.

— Хорошо, я думаю, что дам тебе еще один шанс.— Честер заткнул нож себе за пояс.— Но помни про свое слово.

— Да, да, мое слово, парень.

— Мне тут необходимо приготовить пару вещей...— Честер отвернулся от него.

Быстрым движением Гриз поднялся на четвереньки, схватил оказавшийся под рукой заржавленный топорик и прыгнул на спину Честеру.

И грохнулся лицом вниз, крепко ударившись о плотно утрамбованный земляной пол, потому что зацепился носком ноги о проволоку, которую Честер протянул заранее через всю комнату на высоте щиколоток.

Честер обернулся и грустно посмотрел на распростертого Гриза.

— Ты опять за свое, Гриз. Боже мой, боже мой! Боюсь, у меня нет выбора, кроме как перерезать тебе глотку, поскольку доверять тебе нельзя.

— Послушай,— скулил Гриз, соскребая грязь с лица.— Я неверно оценил тебя, понял? Я сделал ошибку.

— Это точно,— холодно заметил Честер. Он придвинулся к Гризу, вытянул руку и приставил острие ножа к его горлу прямо под подбородком.— Одно резкое движение — и оно там. Интересно, Гриз, что бы ты чувствовал при этом? Говорят, что действительно острое лезвие холодит, когда прорезает ткани. Сильной боли, конечно, не было бы, но стало бы довольно трудно дышать, и, по мере того как кровь вытекала бы из тела, ты бы все более слабел. Через несколько секунд ты не мог бы уже даже стоять. Просто лежал бы здесь и чувствовал, как жизнь затихает в тебе.

— Не убивай меня,— прохрипел Гриз.— Я сделаю все, что ты хочешь.

— Кто тебя сюда послал? — резко спросил Честер.

— Джой. Джой послал. Он все это придумал.

— Расскажи мне обо всем.

— Нас больше тысячи. У нас стальные арбалеты, есть даже химические бомбы.— И Гриз изложил план нападения на ближайший триценниум.— Нападение запланировано через три дня, начиная отсчет с сегодняшнего,— закончил Гриз.— У них нет никаких шансов против нас. Но ты... ты выпустишь меня сейчас, никаких неприязненных чувств, и я позабочусь, чтобы ты получил свою долю. Все, что захочешь: рабы, женщины...

— Похоже, что мое возвращение теперь не имеет смысла,— задумчиво сказал Честер.— Не хочу быть там, где кровь польется рекой.— Он выпрямился, все еще держа нож наготове.— Пожалуй, лучшим выходом для меня будет пойти с вами. Ты знаешь, я умею здорово обращаться с ножом, Гриз. Если я присоединюсь к вам, убью, скольких мне положено, ты вознаградишь меня, как обещал?

— Несомненно. Теперь ты можешь мне доверять. Я извлек урок.

Гриз проводил взглядом нож, когда Честер отбросил его в сторону и протянул верзиле руку.

— Давай пожмем друг другу руки, Гриз.

Гриз поднялся на ноги, протянул Честеру свою руку и сильнейшим рывком крутанул его вокруг своей оси, потом стремительно нанес удар левой в затылок, но удар почему-то вышел не такой, каким был задуман; удара правой Честеру тоже как-то удалось избежать. Честер повалился на землю, Гриз бросился на него, прочно придавив его своей стокилограммовой тушей, два его больших пальца, как стальные резцы, стиснули кадык Честера.

— Ну, болотная цапля,— тяжело выдохнул Гриз,— так что ты там говорил насчет того, чтобы выпустить из меня кровь? Перерезал бы горло, не так ли? Острие холодит, да? Ну а как ты думаешь, что будешь чувствовать, когда я посильнее нажму?

— Ты дал мне слово,— прохрипел Честер.— Я выполнил свою часть договора.

Он пошарил рукой, нащупал приготовленную им ранее завязанную петлей бельевую веревку и щелчком привел ее в готовность.

— Я не заключаю сделок со шпионами из долины. Я разрываю их на куски голыми руками.

— Я выпустил тебя, хотя мог бы и убить,— выдавил Честер.— А теперь ты отпусти меня и дай мне сопровождение до долины.

Быстрым движением он набросил петлю на шею Гриза. Опьяненный своим могуществом, верзила даже не заметил этого.

— Считаешь, я глупый? Вот что я думаю с тобой сделать, болотная цапля,— сказал Гриз, ослабив хватку и берясь одной рукой за свободно болтающуюся у него на шее петлю.— Ты когда-нибудь чувствовал, как ломаются кости — медленно?

— Значит, ты не выполнишь своего обещания?

— А ты быстро схватываешь.

Честер посмотрел в упор на разгоряченное лицо Гриза, на его широкий рот, окруженный жесткой, как проволока, растительностью, на его маленькие глазки. И потянул за веревку. На лице Гриза появилось выражение удивления. Спина его выпрямилась, голова начала подниматься. Он судорожно попытался запустить свои пальцы в горло Честеру, но тот вывернулся. Затем Гриз начал барахтаться, пытаясь нащупать почву под ногами, руки его судорожно хватали веревку, которая поднимала его вверх за шею.

Честер скользнул назад, продолжая натягивать веревку, перекинутую через балку и заканчивающуюся петлей на шее Гриза. Гриз с трудом нащупывал почву под ногами.

— Ты очень непонятливый ученик, Гриз.

Честер рванул веревку. Голова Гриза дернулась вверх. Честер еще немного подтянул веревку, затем обмотал ею толстый колышек, вбитый в массивную стойку. Гриз стоял на цыпочках, часто и прерывисто дыша; глаза его выкатились, голова склонилась набок от натяжения веревки, пальцы безуспешно пытались добраться до петли, врезавшейся в мясистую шею. Честер стоял возле него, уперев руки в бока.

— Наверное, лучше все-таки тебя повесить,— сказал он.— Если перерезать глотку, будет больше грязи.

— Пожалуйста,— еле слышно прохрипел через стягивающую горло веревку Гриз,— дай мне еще один шанс.

— Ты усвоил урок?

— Да-да, перережь веревку.

— Но помни, что бесполезно пытаться меня надуть. А теперь дай мне сопровождение, как приятель приятелю...

Честер отпустил веревку. Гриз с трудом ослабил затянутую петлю и отбросил ее в сторону; он стоял, потирая горло и пристально глядя на Честера. Тот стоял в двух метрах от него, с пустыми руками, и безмятежно глядел на него.

— Теперь ты свободен, Гриз. Как насчет твоего обещания?

Гриз тщательно ощупал голову и шею, пробежал пальцами по рукам, наклонился, потрогал лодыжки, ни на секунду не спуская глаз с Честера.

— Да, все теперь в порядке, Гриз. Больше к тебе ничто не привязано.

Гриз посмотрел вниз, ощупывая ногой место, на котором стоял, в поисках веревочных капканов. Он облизал губы.

— Не пытайся сделать какую-либо глупость, Гриз. Я тебя предупредил. Я полностью контролирую тебя, но никак не наоборот. Чем быстрее ты это...

Гриз сделал прыжок, наткнулся зубами на прочно натянутую веревку и, отброшенный ею, перевернулся в воздухе через голову и грохнулся оземь.

— Вставай! — как удар хлыста прозвучал голос Честера.

Гриз поднялся на ноги и с бессильно повисшими вдоль бедер руками уставился на Честера.

— У тебя типичные повадки быка,— сказал Честер.— Тот, кого ты считаешь сильнее себя, твой господин; тот же, кто, как тебе кажется, зависит от тебя, становится твоей жертвой. А вот с тем, к какой категории отнести меня, у тебя, похоже, возникли трудности: я казался жертвой, но каждый раз демонстрировал тебе, что жертва именно ты, а не я. Сейчас наконец-то ты готов принять существующую реальность?

Гриз тупо молчал. Честер вытянул руку, ухватил его за нос и сильно крутанул. Гриз сглотнул. Честер ткнул его пальцами в живот, ударил кулаком в грудь и слегка пнул по щиколотке.

— Ну, хочешь попробовать еще разок?

Гриз с трудом глотнул, рот его то открывался, то закрывался.

— Думаю, что теперь до тебя, по-видимому, дошло как следует. Можешь идти. Скажи всем, что штурм откладывается и что все без исключения должны убраться от дворца. И никому не болтай, что здесь происходило. Понял?

Гриз кивнул.

— Да, Гриз, и не пытайся еще раз меня обмануть.

Сзади послышался звук. Появился из своего укрытия Бэндон и остановился, нацелив стрелу прямо в грудь Гриза.

— И ты собираешься выпустить этого предателя отсюда, чтобы он предупредил их?

— Погоди, Бэндон. Он не причинит вреда.

— Если это зависит от меня, то точно не причинит.— Бэндон сделал неожиданное движение, и Честер закружился, выбросил вперед руку...

И так же резко остановился, держа в руках стрелу, которую поймал в воздухе.

— Ты... тебе удалось схватить мою стрелу в воздухе! — с недоверием уставился на Честера Бэндон.— Но это невозможно!

— Прими это как данность,— ответил Честер.— Все дело в тренированных рефлексах и в навыках самогипноза.

— Но ведь тогда, когда я привел тебя сюда,— ты ведь мог бы...

— Конечно. Но мне захотелось посмотреть, что происходит здесь, наверху. Теперь мы оба знаем. А сейчас давай-ка выбираться отсюда — да побыстрее. Через несколько минут Гриз выйдет из ступора, и тогда ты узнаешь, как верны тебе твои ребята.

— Но почему они хотят ополчиться против меня? Я делал все для их собственного блага.

— Возможно. Но есть у вашей небольшой компании одно объединяющее всех стремление: поменьше работать и при этом побольше получать задаром. Все, что должен сделать любой желающий заручиться их поддержкой,— это пообещать им легкую наживу.

— Погоди. Я не знаю, что говорил им Гриз, но я могу...

— Пообещать им больше,— закончил за него предложение Честер.— Но сможешь ли ты дать им обещанное? Это тупик, Бэндон. Идем со мной.

— Я все еще здесь хозяин,— упрямо заявил Бэндон.— Пойдем, и ты увидишь.— Он направился к двери.

— Сделай мне небольшое одолжение,— попросил его Честер, затыкая за пояс ржавый топорик.— Выберись потихоньку через черный ход и оцени ситуацию, перед тем как совершать какую-либо глупость, Я исчезаю. У меня есть еще кое-какие незаконченные дела. Надеюсь, ты не будешь пытаться мне помешать.

Бэндон замешкался.

— Я думаю, что я перед тобой в долгу,— сказал он.— Гриз наверняка пришел, чтобы убить меня. Но ты совершаешь ошибку. Свободная жизнь — это единственно правильный путь.

Честер смотал кольцами бельевую веревку и затянул ее петлей на своем поясе.

— Если бы ты был сообразительнее, ты бы отправился в ближайший Центр и снова привык бы и к хорошей одежде, и к чистой постели. Вся эта вшивая жизнь в лесу не для тебя. Предоставь все это Гризу и другим представителям дикой фауны.

— Я в достаточной безопасности. Идем со мной. Я проведу тебя через посты.

— Извини, Бэндон, я не думаю, что ты можешь гарантировать успех в этом деле. Я выбираюсь задворками.

— Здесь нет никаких задворок, есть только отвесная скала. И потом, ты не сможешь пробраться через посты. Там слишком много часовых. Ты ведь не можешь поймать сразу пять стрел — да и потом, у некоторых из ребят есть огнестрельное оружие.

— Я знаю. Так что у меня остается единственный выход.

— Вверх по откосу? Но ты не сможешь взобраться — стена совершенно отвесная.

— У меня нет выбора. Жаль, что ты не идешь со мной. Но если вдруг передумаешь, в стене, сразу за третьим домом от угла, есть расщелина. Вот по ней-то я и начну подъем.

— Значит, ты уже все рассчитал, да? Вы, обитатели долины, для меня сущая загадка. Ладно, делай как знаешь.

— Благодарю. И не высовывай голову, пока не убедишься, в какую сторону дует ветер.

Глава 10

В темноте заднего дворика Бэндонова жилища Честер помедлил, прислушиваясь. Мягкий ветер шелестел в высоких соснах. Квакали лягушки. Пронзительно кричала какая-то птица. Честер двинулся через заросший травой сад, продрался через живую изгородь, перелез через поваленный забор и начал взбираться по каменистому склону. Местность плохо просматривалась при тусклом свете звезд. Сзади, на улице, послышались человеческие голоса; в одном из них, что-то сердито отвечающем, Честер признал голос Бэндона. Честер наконец дополз до основания расщелины, нащупал выступы и стал, цепляясь за них руками, взбираться вверх. Крики внизу усиливались, и сейчас уже был различим трубный бас Гриза. Подтянувшись, Честер перебросил тело на уступ и обернулся, прислушиваясь. Сердитый диалог не стихал, а потом стал слышен приближающийся топот ног.

— Давай сюда,— сказал он тихо, взяв в руку камень размером с кулак, и взвесил его тяжесть, примериваясь.

Послышалось тяжелое дыхание и шум гравия под ногами.

— Бэндон? — неслышно спросил Честер.

— Я, я,— послышался сдавленный ответ,— а все эти — паршивые несчастные неблагодарные вонючки!

— Уф,— облегченно вздохнул Честер,— давай скорее.

Он отшвырнул камень и вытащил моток бельевой веревки. Топот ног преследователей приближался, стал виден фонарь на задворках дома Бэндона.

Гриз выкрикивал команды:

— Поторапливайтесь ребята, этот предатель не мог уйти далеко!

Честер услышал звук скользящего по гравию тела и шлепок. И тут же раздались приглушенные проклятия Бэндона:

— Как, дьявол тебя побери, ты сумел туда забраться?

— Эй, я что-то слышу там, наверху,— прокричал кто-то из преследователей.

Замигал второй фонарь. Честер быстро сделал петлю на веревке и спустил ее вниз.

— Хватайся,— прошипел он,— и замолкни.

Бэндон, продолжая что-то бормотать, возился с веревкой.

— Ну, давай же быстрее,— поторапливал его Честер.

— Тяни,— прошептал Бэндон.

Честер расставил ноги для устойчивости и стал тащить на себя веревку. Бэндон заработал ногами, вниз посыпались мелкие камни.

— Вот он! — вскрикнули преследователи в один голос. Топот приближался. Вдруг послышался вопль и один из фонарей погас.

— Ага, кто-то попался в мою ловушку,— прокомментировал сквозь зубы Бэндон.

Честер из последних сил дотащил его до кромки уступа, за которую можно было схватиться. Секунду спустя оба стояли рядом.

— Я полезу вверх,— сказал Честер,— а ты не издавай ни звука. Как только я доберусь до следующего уступа, спущу тебе веревку.

— Не теряй времени,— ответил Бэндон,— Гриз, скорее всего, не сумеет сюда забраться, но он великолепный стрелок из лука. Жаль, что у меня не было времени захватить свой Голубой Зуб.

— Если ты будешь болтать, нас наверняка заметят. Замри.

Честер поднял руку, нащупал трещину и стал медленно подтягиваться. Подниматься стало легче: трещины были достаточно глубокие, а скала не совсем отвесной, склон представлял наклон как минимум в три градуса. Что касается высоты, то она не пугала: каких-то двадцать метров или около того. Несколько месяцев назад, неожиданно подумал Честер, улыбнувшись, это была бы совсем другая история. В те времена он бы просто прижался к скале, вопя о помощи.

Внезапно, как молнией, его прошила мысль о двусмысленности его положения. Что он, Честер В. Честер Четвертый, делает здесь, карабкаясь в темноте по вертикальной скале, пытаясь оторваться от компании остервенелых бандитов?

Вдруг он почувствовал, как камень, за который держались его пальцы, хрустнул. Честер заледенел, судорожно ища опору ногами. Казалось, легкий бриз превратился в штормовой ветер, могущий оторвать его, как песчинку, от скалы. Лопатки инстинктивно сдвинулись вместе в ожидании стрелы, выпущенной из лука Гриза.

— Эй,— услышал он снизу голос обеспокоенного Бэндона,— ты про меня не забыл?

Честер глубоко вздохнул и медленно выдохнул, чувствуя, как расслабляются напряженные мышцы. Он был рад, что поблизости нет Куве, который увидел бы, как легко забылись его уроки в момент паники.

Он поднялся еще метра на три, нашел уступ, достаточно широкий, чтобы поставить на него ноги, и спустил веревку. Внизу, у подножия скалы, маячило уже три фонаря.

— Здесь следы,— прокричал кто-то внизу.

— Эй, посмотрите наверх,— раздался другой голос.

— Вы видите, там кто-то шевелится!

— Это он!

— У кого лук под рукой?

— Бэндон,— тихо окликнул Честер,— набери побольше камней, затем привяжи веревку к поясу. Пока я буду тебя поднимать, бросай в них камни. Может, это помешает им прицеливаться или, по крайней мере, заставит понервничать.

— Хорошо.

Честер услышал, как Бэндон собирает камни, а затем — рычание сквозь зубы и бросок. Внизу завыли.

— Попал в вонючку! — громко прошептал Бэндон.

Минуту спустя вырвался еще один крик.

— Что происходит? — спросили внизу.

— Скала рушится!..

— Ох, моя голова...

— Бэндон, поторапливайся! Привязывай веревку.

Честер почувствовал, как задергалась веревка.

— Все нормально,— сказал Бэндон.

Честер попробовал веревку. На сей раз операция по подъему происходила потяжелее, поскольку руки у Бэндона были заняты камнями и он не мог, цепляясь за выступы, помогать Честеру себя тянуть. Веревка врезалась в руки Честера.

Просвистела стрела и высекла сноп искр из камня метрах в трех в стороне. Честер прорычал и удвоил усилия. Стрелы продолжали стучать по камням; одна из них пронеслась не далее чем в метре. Бэндон швырял и швырял камни. Один из двух фонарей погас, а его владелец заорал.

— Не бросай по фонарям,— выдохнул Честер,— они их самих слепят.

— О, прошу прощения,— ответил с энтузиазмом Бэндон,— эти гады внизу кишмя кишат. Трудно не попасть.

Он вскарабкался и встал рядом с Честером:

— Уф-ф! А веревка-то режет! А нам еще ползти да ползти.

Стрела срикошетила от скалы в метре от головы Честера.

— Давай скорее отсюда выбираться, иначе они нас зажмут в тиски. Если тебя ранят, постарайся не стонать.

— Я сейчас их отвлеку,— сказал Бэндон.

Он наклонился, с натугой поднял камень размером с голову и обрушил его вниз в темноту. Мгновение спустя раздались почти одновременно три жутких вопля.

— Ага! — оживленно вскричал Бэндон.— Попал!

Еще три болезненных подъема, и полчаса спустя Честер и Бэндон лежали, вытянувшись на широком уступе. Воинственные крики внизу стихли, и раздавались лишь время от времени приглушенные проклятия и стоны. Поток стрел прекратился.

— Похоже, что мы оторвались вчистую,— сказал Бэндон,— эти вонючки легко сдались.

— Отдохнем несколько минут,— сказал Честер,— затем взберемся на вершину и спустимся с обратной стороны по направлению к Центру...

— О-о,— простонал Бэндон.

— Что случилось?

— Клянусь, я что-то забыл, важное.

— Ну, я не думаю, что в этих обстоятельствах нам нужно возвращаться за тем, что ты забыл.

— Да нет, я забыл сказать тебе... Эта скала, на которую мы залезли... Неудивительно, что ребята не торопятся нас преследовать...

— А что такое?

— С нее нельзя спуститься. Если бы ты посмотрел на нее днем, ты бы понял, о чем я говорю. Она вдавлена внутрь, и единственный пятачок, на котором можно удержаться, это тот, где мы находимся.

Восходящее солнце пекло коротко подстриженную голову Честера, когда он, исследовав площадку, подошел к валуну, к которому и прислонился сидящий Бэндон.

— Ну, что я тебе говорил,— сказал он,— мы застряли.

— Почему ты ничего не сказал мне о топографических особенностях местности прошлой ночью, когда я объявил о решении идти в этом направлении? — спросил Честер.

— Да какая разница — я ведь и представить не мог, что ты умудришься забраться сюда. Я думал, что ты вернешься через несколько минут и будешь просить у меня прощения за такое необдуманное решение. Очевидно, я был круглым дураком.

— Последнее трудно оспаривать.

Честер еще раз посмотрел за кромку плато. Метров пятнадцать скала шла вертикально, а затем прогибалась внутрь. Основание виднелось метрах в ста внизу, плавно сливаясь с зеленым ковром верхушек деревьев.

— Гриз расставит своих людей кругом так, чтобы простреливалась вся местность,— сказал Бэндон.— Даже если нам удастся спуститься вниз, они облепят нас, как мухи бочонок с пивом, еще до того, как мы успеем заправить рубашки в штаны.

Честер перевел взгляд с него на скалу, на ее изгиб, который уходил вниз, вниз...

— Бедная Унэ,— сказал он,— и Кейс.

— Я не знаю, о ком ты печалишься,— вклинился Бэндон,— но можешь добавить и собственное имя к списку. Если только мы не подохнем с голоду здесь, то это будет только потому, что мы либо сломаем себе шеи при спуске, либо рухнем, начиненные стрелами. Единственное, чего мы можем избежать, так это солнечного удара. Давай-ка спрячемся под деревьями.

Они пошли по каменистой поверхности по направлению к поросшему зеленью холму в самом центре скального плато размером в четверть гектара.

— Надо бы поискать что-нибудь съедобное,— заметил Честер.

— И воды,— добавил Бэндон.— Меня уже начинает мучить жажда.

— А не стоит ли нам заняться чем-нибудь полезным? Почему бы, например, тебе не сесть и не сделать новый лук? Я же сооружу какое-нибудь укрытие на случай дождя. Еще мы должны изобрести что-то вроде водосборника, если не найдем источника, а?

— На кой черт? Чтобы продлить мучения? Не лучше ли совершить затяжной прыжок без парашюта? Может, удастся приземлиться на головы парочки Гризовых вонючек?

— Ничего подобного,— оборвал его Честер.— Здесь можно неплохо устроиться, несмотря на отсутствие консервированных бобов и тридивизора. Вот она — прекрасная возможность жить свободно, к чему ты всегда стремился.

— Это так, но...— пробормотал Бэндон.

— Ты пойдешь туда,— показал Честер на видневшиеся сизовато-голубые верхушки елей.— А я проверю в той стороне. Через час встречаемся на этом же месте.

Честер отложил в сторону заржавленный топорик, с помощью которого пытался вытесать колышек.

— Ну как, что-нибудь нашел? — крикнул он появившемуся из кустов Бэндону.

— Думаю, что да,— ответил без особого энтузиазма Бэндон.— Там неподалеку небольшая ясеневая роща. А из ясеня я смог бы сконструировать нечто вроде лука. Кроме того, я нашел остатки палатки.

Честера подбросило, как на пружине:

— Ты хочешь сказать, что это плато обитаемо?

Бэндон отрицательно покачал головой.

— Уже нет. Идем-ка со мной. Мне нужно, чтобы ты помог мне достать брезент. Он сгодится для водосборника, и, я полагаю, его вполне хватит для того, чтобы покрыть шалаш, который ты соорудил.

Он кивнул в сторону связанного Честером с помощью бельевой веревки каркаса из палок.

Честер последовал за Бэндоном, продираясь через заросли молодняка. Чем глубже они забирались, тем толще были деревья и тем легче было идти. Наконец Честер увидел запутавшийся в ветвях высохшей сосны кусок серо-белого полотна, от которого почти до земли свисали какие-то веревки.

— Ну вот и пришли,— сказал Бэндон.— Не знаю, как эта штука оказалась на дереве, но думаю, что ее хватит и на хижину, и на все, что нам нужно. И веревки сгодятся, правда, пока не знаю для чего.

— Это парашют! — воскликнул с удивлением Честер.— У меня сложилось впечатление, что, кроме как на аэрокарах, здесь ни на чем другом не летают. А на аэрокарах не нужны парашюты. Если отказывает двигатель, они сами мягко опускаются на землю.

— Ну а зачем же тогда эта штука? — недоумевал Бэндон.

Честер стал объяснять спутнику принцип действия традиционного летательного аппарата.

— Никогда не слышал о таком,— сказал Бэндон, с изумлением покачивая головой.— Но помнится, когда я был маленьким и жил еще в триценниуме, я видел, как какие-то люди устраивали представление с большим мешком, наполненным газом. Они поднимались на нем прямо в небо. Ничего сногсшибательнее и представить себе нельзя было.

— Интересно, что случилось с пилотом, который прилетел на этом аппарате?

— А, пилот,— сказал Бэндон.— Он вон там.

Он пошел впереди по ковру из опавших листьев и остановился перед зарослями кустарника.

— Вот он.

Честер раздвинул кусты и вгляделся в гущу переплетенных сухими травяными стеблями ветвей. На земле валялись три грубых глиняных горшка и плетеная корзина с содержимым, явно напоминающим остатки фруктов. Рядом с ними лежал человеческий скелет.

— Бог мой,— пробормотал Честер.— Бедняга.

— Не могу понять, что стало причиной его смерти. Должно быть, от старости умер,— сказал Бэндон.— Ни стрелы тебе в нем, ни переломанной кости. И еды достаточно, и воды...

— Он, скорее всего, вывалился из корзины своего аппарата и оказался в этой глуши,— предположил Честер.— Но почему все-таки он не мог сообщить об аварии?

— Это, должно быть, случилось давно, еще до того, как был построен наш город. А другого триценниума в радиусе двадцати миль просто нет.

— А Центр? Он же находится лишь в пяти милях отсюда.

— Центр был выстроен только год или два назад. Бедняга наглухо застрял. Совсем как мы с тобой. Нам ничего не остается, как последовать его примеру...

— Но почему он не использовал парашют? Он мог бы его как-нибудь расправить и прыгнуть вниз.

Бэндон посмотрел на колышущуюся в ветвях желто-белую ткань.

— Прыгать со скалы, чтобы эта тряпка волочилась вроде шлейфа сзади? Не знаю, я бы не стал.

Честер затянул свой ремень:

— Может быть, и придется. Давай-ка освободим парашют из ветвей.

Честер и Бэндон стояли рядом, печально глядя на раскинувшийся на траве нейлоновый парашют, подпорченный водой и ветром. Два длинных темных разрыва пересекали ткань от одного края до другого.

— Теперь понятно, почему он не стал прыгать,— задумчиво сказал Честер.— Ну что ж, что есть, то есть. Но в целом материал не настолько уж плох. Мы можем разрезать его на части, чтобы легче было дотащить, и использовать для покрытия хижины.

— Да уж, сшить его вряд ли получится,— отозвался Бэндон.

— Даже если бы нам удалось распустить кромки разрывов и снова их сплести, они разорвались бы в воздухе. А тем более с двойной нагрузкой... Да мы просто расшибемся в лепешку.

Бэндон замолчал.

— Давай приниматься за дело. Я беру на себя горшки и корзину. Должно быть, рядом есть источник. Вот почему пилот и остался здесь.

Час спустя, разрезав парашют с помощью охотничьего ножа Бэндона, Честер свернул куски ткани и стропы и присел в ожидании своего товарища. Вскоре он услышал, как тот продирается через кусты. Бэндон явился раскрасневшийся и исцарапанный.

— Нашел,— сказал он,— маленький родничок, затерянный в колючем кустарнике. Полжизни пройдет, пока до него доберешься.

— Ничего, я расчищу проход топориком,— пообещал Честер.— Идем.

— А почему бы не остановиться прямо здесь?

— Мне больше нравится открытая площадка возле самой кромки леса. Да и потом, с этим местом связаны неприятные ассоциации.

— Ты имеешь в виду его? — кивнул Бэндон в сторону мертвеца.— Чем он нам может помешать?

— Надо устроиться так, чтобы обзор был пошире. Идем же. Нам еще чертовски много предстоит сделать, чтобы по-настоящему обосноваться.

— Нет, это не жратва,— сердито сказал Бэндон, выплевывая косточки ежевики,— всего каких-нибудь три дня, а штаны болтаются, как на вешалке. Если бы не веревка, совсем бы свалились.

— Лук-то ты до сих пор не сделал! Вот крольчатина и не значится в нашем меню,— с легкой издевкой отозвался Честер.— Что же касается меня, то я совсем не против вегетарианской пищи.

— Лук готов,— отрезал Бэндон,— но я не могу натянуть тетиву, пока у меня не будет кроличьих сухожилий. И у меня нет кроличьих сухожилий, пока я не...

— А почему бы тебе не использовать стропы?

— Это дерьмо? Оно тянется, как резина. С такой тетивой стрела не пролетит и дюжины метров. Кроме того, мне нужны наконечники для стрел, оперение и клей. Конечно, я смог бы сварить прекрасный клей из парочки подстреленных зверюшек.

— Выруби несколько наконечников из камня,— предложил Честер.— Что же до оперения, то птичьих гнезд вокруг предостаточно.

— Самих стрел-то у меня достаточно. Из твердого упругого дерева. И легкого к тому же.

Честер потрогал одну из стрел.

— Слушай, Бэндон, ты настоящий мастер. Жаль только, что ты покинул то общество, которое тебя могло бы по-настоящему оценить. Там тебе как специалисту по лукам цены бы не было.

— Да, но прежде чем стать специалистом по лукам, мне нужно было сбросить оковы.

— И все же, если ты вернешься...

— Ха-ха.— Бэндон ироническим взглядом посмотрел исчезающие за горизонтом горные хребты.— Разве что превратившись в птичку.

Честер, согнув в дугу одну из стрел, вдруг напрягся.

— Бэндон, из чего ты ее сделал? Здесь много такого дерева?

Бэндон с удивлением посмотрел на Честера и сделал широкий жест рукой:

— Да его везде полно, а что?..

— Ты говорил, что можешь сварить клей?

— Клей? Конечно могу. Все, что мне для этого нужно,— пара тушек...

Честер вскочил.

— Бэндон, давай-ка срочно доделывай свой лук. Мне наплевать, из чего ты сделаешь тетиву. Хоть из резинки от трусов. Ты только притащи своих кроликов и приготовь из них свое клейкое варево.— Честер подобрал топорик, лезвие которого от постоянного употребления так и сияло на солнце.— А я пока пойду срублю вон то высокое дерево.

— Постой-ка. Что ты задумал? У нас навалом дров для костра. А что касается кроликов, то я, гоняясь за ними, уже потерял половину своего веса.

— Для осуществления моего плана чем легче ты будешь, тем лучше. И кроме того, дерево мне нужно не для дров. Мне нужна древесина, из которой можно сделать летательный аппарат.

— Честер, что все-таки ты задумал?

— Мы покинем это место, Бэндон. Конечно, для этого потребуется несколько дней, но уж потом мы отправимся с комфортом.

— С комфортом?

— *Если быть точнее — в построенном нами самими планере.*

— Своим устройством и очертаниями он будет напоминать старинный учебный планер,— сказал Честер.— Он будет аккуратный и простой.

— Простой? Да мы уже извели на сооружение этой штуковины столько всякого барахла, что с лихвой хватило бы на целый магазин. Пять сортов дерева, ткань, проволока, веревка, клей...

— И все же имеющихся запасов явно маловато, можешь мне поверить. Но я думаю, что мы сможем его сделать.

— Совсем не обязательно было лишать меня ножа, для того чтобы изготовить эту штуку,— сказал Бэндон, наблюдая, как из-под рубанка, который Честер смастерил из куска дерева и лезвия ножа, вылетают длинные вьющиеся стружки.

— Эта штуковина похлеще любого разделочного ножа,— заметил в ответ Честер.— А как у нас дела с фабрикой клея?

— Да у меня хватит клея на оперение миллиона стрел. Могу я перестать вываривать кроликов на клей и сварить пару просто для еды?

— Конечно. Но смотри, не перестарайся. Я ведь не шутил, когда сказал тебе, что чем легче мы будем, тем лучше. А затем я хотел бы, чтобы ты распутал бельевую веревку. Под пластиковым покрытием будут тросы из стальной проволоки, а веревку мы используем для скрепления расчалок фюзеляжа. И мне так-

же надо, чтобы ты распустил нейлоновые нити парашюта. Наматывай их на какую-нибудь палку по мере работы.

Бэндон уселся за дело:

— Я все никак не пойму, Честер, как ты хочешь укрепить крылья? Чтобы нас выдержать, у них должен быть размах три или даже три с половиной метра.

— Девять,— сказал Честер.— И полутораметровый хвост. Не особенно надежная, разумеется, конструкция, но, боюсь, это все, что мы можем сделать из имеющегося материала. Если исходить из того, что весим мы по семьдесят кило или даже меньше, если не будем особенно нажимать на еду в течение ближайшей недели, плюс сама конструкция, которая весит около центнера, то получается, что на каждый квадратный метр приходится по пятнадцать килограммов груза. Крылья у нас не должны отвалиться, если только я рассчитал все правильно.

— Ну, надеюсь, что ты знаешь, что делаешь...

— Конечно. В молодости я был фанатиком авиамоделизма. Там все было — парение, управление полетом, радиосвязь, ручная посадка.

— Тебе часто приходилось летать на планере с горы?

— Ты имеешь в виду настоящий планер?

— Ну да.

— Фактически нет.

— Нет? Но ты же построил их массу, так?

— Да, но не настолько больших, чтобы выдержать человека. Как-то, правда, я собрал трехметровую летающую копию многомоторного лайнера.

— Так ты хочешь сказать, что мы собираемся спрыгнуть с горы в аппарате, который ты никогда раньше не испытывал? И может статься, что ты не сможешь ничего сделать, если с ним случится что-нибудь не то?

— Ты что, можешь предложить другой выход? Сидеть здесь, в орлином гнезде, и ждать, когда мы станем глубокими стариками и будем не в состоянии даже собирать ягоды?

Бэндон повесил лук на плечо.

— Пойду добуду пару кроликов для еды,— объявил он.— Будем есть, пить и наслаждаться жизнью, пока мы в состоянии это делать.

— А вот это правильно,— откликнулся Честер.— Кто знает, что будет завтра.

— Напоминает гроб для длинного тощего трупа,— задумчиво сказал Бэндон, разглядывая шестиметровую конструкцию из еловых реек, покоящуюся на козлах, сделанных из очищенных бревен.

— Для двух длинных тощих парней,— уточнил Честер.— Ты вытянешься вот здесь.— Он показал на отсек с полом из жгутов, свитых из ивовой коры.— Я же расположусь справа от тебя. Мне нужно место, чтобы балансировать вперед и назад, с тем чтобы планер сохранял равновесие. А сейчас я хочу, чтобы ты прошелся по всем креплениям и обмотал их нейлоновой нитью, смоченной клеем. Эх, дорого бы я дал за несколько квадратных метров тонкой березовой фанеры и за килограмм или два стальных шпилек!

— Ну, коль скоро ты мечтаешь, то попробуй представить скрытую лесенку, ведущую отсюда в ресторан с кондиционером, о котором ты мне рассказывал. Можешь развлекаться там с блондинкой, а я, пожалуй, займусь бифштексом с жареной картошкой.

Честер подскочил, когда что-то просвистело сзади него и воткнулось в землю. Он резко обернулся. Длинная стрела со стальным наконечником, покачиваясь, торчала из земли.

— Они обстреливают нас,— заорал Бэндон.— Где же они? — Он беспомощно оглядывался вокруг.

Честер понял все с первого взгляда:

— Эта стрела упала прямо сверху и с не очень большой высоты.— Он вытащил ее из земли.— Она неглубоко вошла в землю.

Пока Честер разглядывал кромку скалы, в воздухе появилась вторая стрела и, теряя скорость и высоту, упала в пяти метрах от них.

— Ха-ха! Они обстреливают нас снизу из чего-то, напоминающего арбалет.

Секунду спустя круглый камень размером с грейпфрут появился в поле зрения, на какое-то мгновение замер в воздухе и упал куда-то вниз.

— А у них еще и катапульта. Хорошо бы этот камешек проломил чью-нибудь голову.

— Да, последние дни были что-то подозрительно тихими,— сказал Бэндон.— А эта компания, оказывается, готовилась открыть по нам шквальный огонь.

Честер увидел второй камень, который шлепнулся в пятидесяти метрах от них. Посыпались еще стрелы; одни, не попадая

на площадку, летели вниз, другие втыкались в землю на расстоянии от трех до тридцати метров.

— Откуда они знают, куда целиться? — спросил Честер.— Попадания достаточно точные.

— В городишке имеется пара биноклей,— сказал Бэндон.— Клянусь, несколько вонючек выставлены на соседних высотах и следят за каждым нашим движением,— сказал он, погрозив кулаком в направлении предполагаемых шпионов.— Посмотрим, сможете ли вы нас вычислить, черт бы вас подрал! — прокричал он вызывающе и обернулся к Честеру: — Может быть, нам лучше перебраться поближе к опушке?

— Я не думаю, что мы подвергаемся действительной опасности, хотя случайность, конечно, не исключена,— ответил Честер, глядя на крупный камень, приземлившийся в десяти метрах от них.— Столько же камней, сколько падает спереди, падает и сзади. Давай-ка не будем обращать на это внимания, а понадеемся на лучшее. Удивляюсь только, почему они так настойчивы. Они должны быть довольны, что мы тихо умрем здесь от голода.

— Все не так просто,— сказал Бэндон.— Гриз не может позволить, чтобы я ускользнул или... умер.

— Почему же?

— Ну, я думаю... он не знает, где спрятаны сокровища. А это не тот тип, который может позабыть такие вещи.

— Сокровища? Я ничего об этом прежде не слышал. Что же это за сокровища? Связки салями? Банки с крекерами? Или запасные трубки для тридивизоров?

— Не-а. Ружья и порох преимущественно.

— Гм-м-м... Чуть раньше можно было, конечно, сбросить вниз записку с указанием, где это все находится. Но при данных обстоятельствах это было бы просто глупо.

Стрела упала в полутора метрах от крыла планера.

— О-го-го! Теперь, когда мы начали обтягивать крылья тканью, мы просто не можем допустить, чтобы в них появились дырки. Может быть, ты откроешь ответный огонь, пока я занимаюсь склеиванием? Когда мне потребуется твоя помощь, чтобы обтянуть следующее крыло, я тебя позову.

— Да, что-то это не очень надежная вещица,— сказал Бэндон, разглядывая почти законченную конструкцию.— Долго нам еще с ней возиться, пока она полетит?

— Недолго. Осталось еще установить и обтянуть хвостовое оперение и закрепить рулевые тяги. Я бы сказал, что к заходу

солнца мы будем почти готовы, но, конечно, потребуется ночь, чтобы клей схватился.

— Этот хвост не очень-то большой.— Бэндон рукой показал на стабилизатор и руль направления, которые стояли прислоненные к дереву.— А без них нельзя обойтись?

— Бессмысленно даже и говорить,— сказал Честер.— Нет хвостового оперения — нет полета. Мы просто камнем хлопнемся на землю, хвостовой частью вниз.

Бэндон вскочил, так как камень упал прямо у его ног.

— Может, все-таки нам спрятаться в кустах, пока Гризу не повезло? — предложил он нервно.

— И позволить им беспрепятственно раздолбить планер? Нет уж, дудки!..

Камень размером с кулак с треском проломил плетеное днище кабины пилота. Честер в смятении смотрел на повреждение.

— И все-таки нам сопутствует удача,— сказал он,— хорошо, что киль уцелел. Бэндон, немедленно начинай контробстрел. Мы просто не можем им позволить остановить нас сейчас.

Глава 11

Вершины дальних холмов на востоке начали окрашиваться ярко-красным светом занимающейся зари. Приподнимая руками наспех сделанную из ткани накидку и слегка подрагивая от утренней прохлады, Честер осматривал обтянутое нейлоновой тканью крыло, на котором поблескивали капельки росы.

— Похоже, что ночь аппарат пережил благополучно.

— Эй, глянь-ка сюда! — воскликнул Бэндон. Он поднял с земли обернутый бумагой камень.— Похоже, что это записка.— Он развернул бумагу, взглянул на нее и передал Честеру.

— «Спускайтесь в нис, пока вам не вышебли мазги Бэндон нам нужен а не ты лозутчик. Гриз, Бос».

— Что ж, весьма привлекательное предложение,— заметил Бэндон.

— Если ты ему доверяешь,— сказал Честер.

Бэндон презрительно фыркнул.

— Я слышал, как он тебе давал обещания несколько дней назад. Я все же предпочту рискнуть и полететь на этой машине. Но послушай, Честер, как ты рассчитываешь перебраться на ней через край скалы? Если мы оба будем сидеть в ней...

— Это просто. Мы сделаем рельсы из ивы; используем стволы, с которых сняли кору для изготовления жгутов. Планер нужно будет закрепить в стартовой позиции с помощью куска нейлоновой веревки. Когда мы будем готовы к отлету, я перережу веревку. Рельсы пойдут по склону под уклон, так как пятнадцатиметрового разбега должно быть вполне достаточно, чтобы оторваться от скалы. Конечно, мне придется резко пустить машину носом вниз, как только мы оторвемся от края скалы, чтобы она набрала необходимую для полета скорость.

— Может, если привязать к веревке груз и перебросить его через край, это придаст машине дополнительный разгон во время разбега? — предложил Бэндон.— Нам только нужно сделать так, чтобы груз оторвался, как только мы достигнем края обрыва.

— Хорошая идея. Давай-ка поищи подходящий валун, какой только сможешь поднять. Мы постараемся улететь до того, как начнется утренний обстрел. Я буду готов втащить аппарат вверх по склону и установить рельсы через десять минут.

Бэндон кивнул и отошел от Честера. Честер забрался в кабину пилота, вытянулся во весь рост животом вниз и поставил носки ног на планку рулевого управления. Глядя через плечо, он наблюдал, как покачивается руль направления в ответ на движения его ног. Он покачал ручку управления взад-вперед; рули высоты, как положено, задвигались. Он пошевелил ручкой закрылок левого крыла, качнулся вверх и вниз.

— Предполетная проверка закончена,— пробормотал про себя Честер.

Он выбрался из планера, двигаясь очень осторожно и слыша, как потрескивает под его весом фюзеляж. На вершине склона Бэндон поддел шестом громадный валун. Камень приподнялся, покачнулся и медленно пополз вниз по склону.

— Бэндон! — заорал Честер, бросаясь в его сторону.— Останови его!

Бэндон стоял в оцепенении, глядя, как массивный валун, набирая скорость, двигается прямо в сторону примостившегося на склоне скалы планера. Честер резко остановился и бросился назад к машине. Он поднырнул под крыло, схватил руками хвостовую стойку и потянул. Оставляя в земле борозду, планер прополз немного и затем застрял — как раз в тот момент, когда валун, ударившись о скалу и высоко подпрыгнув, перелетел через него и, достигнув края скалы, исчез из виду. Честер тяжело опустился на землю возле хрупкого аппарата.

— Эй, Честер, прошу прощения.

Внизу раздался звук мощного удара, за которым последовали приглушенные вопли. Честер подошел к краю обрыва и посмотрел вниз. Далеко внизу среди буйной зелени деревьев зиял чернотой громадный прогал. Сквозь него Честер увидел людей, мечущихся вокруг разнесенных в щепки остатков какого-то сооружения из бревен. Бэндон встал рядом с ним и молча смотрел вниз.

— Черт подери этих вонючек, Честер. Ты видишь? Они там внизу сооружали мощную катапульту. Видишь метательный рычаг, лежащий вон там, слева? Хитро задумано, слушай, возятся там себе потихоньку под покровом деревьев и думают, чем бы этаким покрупнее шарахнуть. Могу поклясться рогами дьявола, хорошо, что этот камень ускакал от меня.

— Хорошо-то хорошо, но я бы предпочел не делать впредь ничего столь рискованного. Давай-ка устанавливать рельсы.— Честер внимательно осмотрелся.— Мы сделаем уклон вправо, чтобы избежать вон того углубления в скале. Я направлю планер прямо между вон теми двумя бугорками. Если нам повезет, то мы сможем спланировать на расстояние в полмили. А это должно обеспечить преимущество, какое нам необходимо, перед всеми собравшимися нас поприветствовать.

— Странно, что происходит сегодня утром с артиллерией? Полагаю, что двухсотфунтовая песчинка, которую мы на них уронили, внесла в их ряды некоторое смятение.

— Надеюсь, что так. Было бы просто стыдно получить удар сейчас.

Честер и Бэндон принялись закреплять рельсы на земле с помощью колышков. Закончив работу, они встали по разные стороны планера и оторвали его от земли.

— А он не такой уж и тяжелый,— прокомментировал Бэндон.

— Гляди под ноги,— оборвал его Честер.

Пыхтя, они поднялись на самую вершину склона, осторожно развернули планер и установили его на рельсы.

— Подержи, я поставлю подпорку,— крикнул Честер. Он сунул под опущенный до самой земли нос планера довольно крупный камень.— Ну все, теперь остается привязать стопорный канат.

Честер обвязал концом веревки ближайшее дерево и надежно закрепил, затем прикрепил второй конец веревки к килю планера возле самой кабины пилота.

— Готово,— объявил он, убирая камень-подпорку с рельсов.— Единственное, что его сейчас держит,— это веревка. Когда я ее обрежу, мы начнем двигаться.

— Что-то и в самом деле слишком спокойно,— заметил, оглядываясь, Бэндон.— Интересно...

— Скажи спасибо,— ответил Честер.— Мне бы не хотелось начинать наш полет под градом стрел. Сейчас я приготовлю веревку для балласта, а ты поищи камень.

Возле самой кромки обрыва Честер бросил на землю моток нейлоновой веревки и наклонился, завязывая ее конец прочной петлей, готовой принять камень-балласт. Когда он поднялся на ноги и повернулся лицом к обрыву, то увидел, как под кромкой всего в трех метрах от него появляется небритое лицо, а две руки ощупывают кромку в поисках выступа, за который можно было бы ухватиться.

Честер подскочил к карабкающемуся и ткнул его ногой прямо в лицо. С диким воплем человек полетел вниз; что-то громко треснуло. Метрах в пяти внизу он увидел шаткий помост, к которому, полусогнувшись, припали трое; четвертый лежал на спине, наполовину пробив площадку при падении. Один из троих поднял лук и быстрым движением послал из него стрелу вверх; она просвистела возле самого уха Честера. Тот стремительно обернулся, обхватил руками камень весом в полцентнера и перекатил его через край. Раздался хруст. Теперь уже только двое судорожно цеплялись за остатки разбитого помоста, в то время как третий проворно спускался по шаткому сооружению вниз. Четвертый исчез. Посмотрев налево, Честер увидел второй помост, а чуть подальше — третий. Помосты были видны и справа.

Честер бросился бежать.

— Бэндон! Оставь камень! Скорее к планеру!

Бэндон недоуменно посмотрел на него, затем выронил булыжник и стремглав бросился к планеру. Из леса, позади планера, появился человек в засаленной рубахе и разорванных штанах, держа лук на изготовку. Бэндон на бегу вложил в лук стрелу и выстрелил. Бегущий упал на спину с торчащим из горла оперением стрелы.

— На свое место, быстро! — заорал Честер.

— Слушай, я что-то не вполне уверен, стоит ли рисковать на этой штуке.

Над краем скалы появились одновременно два человека, вскарабкались наверх и бегом стали приближаться к планеру. Бэндон поднял лук, выстрелил, быстро вставил вторую стрелу и выстрелил еще раз. Один из приближавшихся завертелся волчком и упал; второй нырнул в какое-то укрытие. Бэндон обронил лук и бросился на свое место, улегшись лицом вниз. Честер прыгнул за ним, пошарил ногами и нашел рулевую планку. Опустив вниз правую руку, он стал перерезать лезвием ножа держащую планер веревку. Людей появлялось все больше и больше. Один из них поднял лук и выпустил стрелу. Вжик! Вонзившись в нос планера, стрела застряла в нем, подрагивая от удара. Наконец веревка поддалась. Планер дернулся и начал соскальзывать вниз, скрежеща и подпрыгивая на рельсах. В ушах у Честера засвистел ветер. Бегущие остановились, раскрыв в изумлении рты. Один из них поднял лук и выстрелил; стрела просвистела в двух метрах от аппарата. Но планер приближался к лучнику, и тот бросился от него наутек. Из-за кромки обрыва появлялись все новые и новые люди.

— Вонючки всю ночь возились с этими штуками,— проорал Бэндон в ухо Честеру.— Они...

— Тихо! — задыхаясь, произнес Честер.

Планер лениво набирал скорость. Трава и камни по сторонам постепенно превращались в ленту, очертания которой становились все более расплывчатыми. Край обрыва был уже совсем близко.

— Ничего у нас не получится,— пробормотал Честер.— Не хватит скорости.

Стрела, ударившись о край стойки прямо над головой Честера, отскочила и осыпала его щепками. Впереди было голубое небо и далекие, в туманной дымке, холмы.

— Ну, давай же! — Честер затаил дыхание.

Звук трения дерева о дерево внезапно прекратился — и они начали проваливаться куда-то вниз. Честер конвульсивно навалился на ручку управления, толкая ее вперед; дыхание у него перехватило, сердце бешено колотилось о ребра. Вниз, вниз, все ближе к мчавшейся на них зеленой массе; все громче вой ветра в проводах сбоку, все сильнее его порывы, бьющие в лицо. Лежа ничком, он тянул теперь ручку управления на себя, довел ее до упора и все равно продолжал тянуть... Он чувствовал, как ручка наталкивается на сопротивление воздуха. Он тянул сильнее, чувствуя, как все больше и больше возрастает давление; внизу проплывал ковер зелени, местность становилась все ровнее; он видел, как в поле зрения появились холмы с виднеющимся над ними небом. Он посмотрел по сторонам. Вершины деревьев проносились в каких-либо тридцати метрах от них.

— Эй! — вопил Бэндон.— Мы летим, Честер!

Нос планера задрался кверху, целясь в далекую высь. Честер начал давить на ручку управления, почувствовал, как планер замедлил движение, чуть-чуть помешкал и опустил носовую часть.

— Сваливание на нос после свечи,— пробормотал он.— Бич пилотов.

— Слушай, Честер, это просто великолепно! — орал Бэндон.

Честер двинул ручку еще на несколько сантиметров вперед и слегка дал вправо. Машина неловко развернулась.

«Малый элерон»,— отметил про себя Честер.

Он двинул ручку в сторону и почувствовал, как машина резко накренилась. Воздушные потоки так и трепали планер. Честер скрипнул зубами, пытаясь побороть крен.

«Пусть-ка летит сама»,— начал он внушать самому себе, сознательно расслабляясь.

Очередной порыв ветра потряс машину, и она выправилась. Нос ее приподнялся. Честер слегка толкнул ручку вперед. Нос тут же опустился. Сбоку стремительно приближался склон холма. Честер надавил на планку руля, согласовывая движение элеронов; машина накренилась и начала плавно отдаляться от склона.

— Ух ты! — орал Бэндон.— Прямо как птица, Честер!

Впереди открывалась долина, крутое ущелье между холмами. Честер направил машину к ней, старательно выдерживая взятый курс. Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

— Ничего, Честер, все это пустяки,— сказал Бэндон.— Вот, поешь-ка орехов.

— Нет, спасибо, пока не надо,— отозвался Честер.— Ради бога, лежи спокойно и не мешай мне управлять этой идиотской штуковиной.

— Слушай, Честер, как странно,— сказал Бэндон.

— Что странно?

— Мы поднимаемся, вместо того чтобы планировать вниз. Слушай, Честер, а как мы сможем спуститься, если эта штуковина так и будет подниматься все выше и выше?

— Да ты бредишь,— отозвался Честер.

Ветер со свистом бил его в лицо, заставляя глаза слезиться. Он изогнул шею и посмотрел вбок. Деревья внизу простирались одним сплошным зеленым покрывалом. Он оглянулся. В миле от них была как на ладони видна их гора с площадкой на вершине.

— Ты прав! — крикнул Честер.— Я вижу вершину нашей горы. Полагаю, что нас подхватил восходящий поток теплового воздуха.

— А это хорошо или плохо?

— Хорошо. А теперь оставь меня на несколько минут в покое, возможно, мне удастся установить новый рекорд триценниума в полетах на планере.

— Пять миль,— прокричал Честер через несколько минут.— Именно столько должно быть до ближайшего Центра.

— А как она держится в воздухе, не махая крыльями, Честер?

— Мы держимся на восходящих воздушных потоках, поднимающихся от этих склонов. Боюсь, у нас очень плохой угол скольжения, но подъемная сила этих воздушных потоков столь велика, что мы продолжаем набирать высоту, даже несмотря на несовершенства нашего аппарата. Я надеюсь над равнинами впереди поймать потоки, которые нам нужны. Думаю, сейчас мы находимся на высоте примерно тысячи метров. Мне бы хотелось поднять машину километра на полтора, а затем направить ее на запад, в направлении триценниума Вечной Мудрости. Если нам удастся пролететь несколько километров, это избавит нас от необходимости совершать долгую и нудную прогулку под палящим солнцем.

— Я обеими руками «за», Честер. Я чувствую себя здесь просто превосходно.

— Это твоя ремарка, кажется, означает, что ты отказался от своей философии простой жизни. Летательный аппарат — даже такой примитивный, как этот,— отличается от кремниевого орудия первобытного человека, как ночь от дня.

— Что ты имеешь в виду, Честер? Мы ведь сами сделали эту штуку, из простой древесины и кроличьего клея.

— Прибавь к этому несколько кусков нейлона и стальной проволоки. В общем-то, любая производимая вещь делается из простого сырья — возьми даже электронно-лучевую трубку тридивизора. Все материалы являются в конечном счете природными,

если попытаться проследить, откуда они произошли. И нет ничего плохого в том, что мы переустраиваем природу для получения все больших удобств и благ; вопрос лишь в том, что мы неправильно используем эти блага и удобства, именно это лишает жизнь ее прелести.

— Может быть, и так. Но меня поражают не вещи, меня поражают люди. Я не хочу, чтобы кто-нибудь указывал мне, что я должен делать, тыкать меня носом, как щенка. Думаю, как только мы приземлимся, я снова уйду в горы.

— Бэндон, научись делать то, что нужно людям и чего они хотят, и тогда тебе не придется беспокоиться о том, что кто-то будет тобой помыкать. Громче всех кричат о социальной несправедливости те, кто палец о палец не ударил для того, чтобы сотворить нечто более сложное по сравнению с тем, что сможет сделать любой шимпанзе. Почему, ты думаешь, люди так высоко ценят тех немногих действительно талантливых певцов, актеров, футболистов, врачей, инженеров? Да потому, что их слишком мало, и каждый из них — сокровище. Если вдруг появляется новый человек и сочиняет песню, которая доходит до всех и затрагивает какую-то струнку в душе у каждого, ему не надо беспокоиться, что его не заметят. Его поклонники не допустят, чтобы с ним что-либо случилось.

— Что ж, может, мне действительно организовать курсы по обучению стрельбе из лука, как ты говорил. Думаешь, кто-нибудь захочет научиться этому?

— Начни — и увидишь. Если в стрельбе из лука есть что-нибудь такое, что заставляет тебя ее любить, то найдутся и другие, которые увлекутся ею всерьез. Будь лучшим в чем-либо — сделай так, чтобы мир узнал об этом.

— Эй, Честер, посмотри-ка туда. Вон какая-то линия, прорезающая местность.

— Дорога,— объяснил Честер.— Очень хорошо. Она может привести нас прямо к городу.

— А вон там, далеко впереди, похоже, какие-то здания. Вон, вдали.

— Возможно. С этой высоты должен быть виден триценниум. До него всего лишь около двадцати километров.

Честер задрал голову вверх, прищурившись, посмотрел на кучевые облака и направил планер к тени, которую отбрасывало ближайшее из них.

Поток воздуха тряхнул хрупкую машину.

— Все в порядке, Бэндон, летим сюда.

Он заложил правый вираж и взял курс на виднеющийся вдали город.

Полчаса спустя планер, просвистев в воздухе над аллеей высоких деревьев и чуть не задев крышу длинного здания, коснулся широкой зеленой лужайки, затем, подброшенный ударом, прошелестел по траве еще несколько десятков метров и наконец, сдирая фюзеляжем грунт, пропрыгал еще метров пятнадцать, пока не повалился на крыло, не зацепил им дерн и, описав крутую дугу, окончательно не остановился.

— Уф! — выдохнул Честер. Он приподнялся, стоя на четвереньках, посмотрел вокруг на хорошо ухоженные зеленые насаждения, мирные ряды крыш и полудюжину людей, неторопливо шагавших через лужайку.— Приготовься к суровому приему, Бэндон. Я не уверен, что эти ребята должным образом оценят мой небольшой вклад в цивилизацию. Они наверняка любят давать волю рукам.

— Пусть только попробуют это со мной,— прорычал Бэндон.

— Не торопись с выводами; выглядят они, может быть, и не очень воинственно, но камень за пазухой у них наверняка припасен.

От кучки отделился один человек и приблизился к планеру.

— Невероятно! — прокомментировал он, оглядывая планер, Честера, Бэндона и длинную борозду в бархатистой лужайке.— Откуда вы взялись?

Подошел второй человек:

— Ну, Гейми, что я тебе говорил? Жесткокрылый управляемый летательный аппарат. Посмотри на этих двух парней. Совершенно обычные, ничем от нас не отличаются. Так что хватит разговоров об аномалиях.

— Я настаиваю, что это явление аномальное в том смысле, что оно не поддается объяснению с точки зрения обычных представлений. Прошу отметить отсутствие двигателя у аппарата. Как эта конструкция из подручных материалов да к тому же с людьми на борту могла оказаться в воздухе?

— Послушайте,— обратился к ним Честер.

— Погоди, погоди, Гейми. Я уверен, что этому имеется простое рациональное объяснение. Я полагаю, что сначала мы зададим несколько вопросов.— Он в упор посмотрел на Бэндона.— Вот вы, сэр, не скажите ли, как случилось, что вы появились будто из воздуха?

— Проще не придумаешь,— ответил Бэндон.— Я живу на облаке и спустился, чтобы пополнить свои запасы лунного света. Еще вопросы? Если нет, то как насчет того, чтобы пожрать? Я чертовски голоден.

— Ага,— пробулькал Гейми,— так я и подозревал. Надо проконсультироваться у Норго.

— А вот это-то нам ни к чему,— сказал Честер.— Послушай, Бэндон, я сейчас сбегаю на городскую площадь и кое-что сделаю. Может статься так, что я тебя больше не увижу. Если это случится, я с сего момента передаю тебе все права на планер. Не позволяй им себя обмишурить. Они поднаторели в присваивании вещей от имени науки. И займись созданием курсов стрельбы из лука.

— Погоди, Честер. Кажется, мы с тобой неплохо ладим, и я думал, что и дальше мы будем держаться вместе.

— Извини, старина. Мне с тобой тоже было хорошо. Я многому от тебя научился, но я должен завершить кое-какие дела, если, конечно, пока еще не совсем поздно. Я собираюсь найти укромное местечко и затаиться на несколько часов. Желаю тебе удачи.

Бэндон пожал протянутую ему руку:

— Что ж, все путем, Честер. Извини, что я тебя затащил в это ласточкино гнездо.

— Таким образом,— продолжал бубнить Гейми,— это явление связано с массовой миграцией лягушек, что было замечено в близлежащих районах.

— Кто же откуда мигрирует? — ядовито уточнил его собеседник.— Я должен сказать...

Честер неторопливо пошел через лужайку. Его никто не окликнул.

В сгущающихся сумерках он прошел через площадь в направлении неясных очертаний купола и оказался на месте, где он очутился десять месяцев назад. Когда он подходил к окаймляющей монумент цветочной клумбе, перед ним возник высокий человек, который, близоруко щурясь, стал рассматривать статную широкоплечую фигуру Честера, его загорелое лицо, жилистые руки, коротко подстриженные и выгоревшие на солнце волосы и плотно облегающий тело триеннийского покроя костюм.

— Ох, извините,— сказал он.— Я тут ждал одного несчастного маленького идиота, у которого навязчивая идея по поводу ковра. Говорят, что он сбежал из Центра прямо в самый разгар эксперимента. А вы, по-видимому, один из команды Норго?

— Я и есть тот самый идиот,— резко ответил Честер.— Прочь с дороги, Деван!

— Что-о? Это действительно ты?

— Да, это действительно я — и теперь я предъявляю права на свою собственность.

Деван рассмеялся.

— Все тот же патефон, да? Что ж, Норго предупреждал, что ты, возможно, попытаешься пробраться сюда. Сейчас я верну тебя на место, чтобы ты закончил свой курс экспериментальной подготовки.

— Я уже его закончил.

— Неужели? — Деван снова засмеялся и потянулся к Честеру, чтобы его схватить. Последовало быстрое движение, и Деван больно шлепнулся на мостовую.

— Хорошо, что я наткнулся на тебя, Деван,— сказал Честер, переступая через него.— Одним незаконченным делом меньше. Но если я обнаружу, что моим друзьям уже ничем помочь нельзя, я сюда вернусь и доведу начатое до конца.

Деван с криком поднялся на ноги. Послышались ответные крики, затем топот бегущих ног. Честер бросился к ковру, перемахнул через каменную скамейку, увидел перед собой неясные очертания стула. Вдруг над головой вспыхнул ослепительно яркий свет, и Честер увидел сжимающееся вокруг него кольцо людей во главе с Норго, поднявшим вверх руку. Все замерли.

— Компьютер, ты здесь? — торопливо крикнул Честер.

Последовала длинная пауза.

— Честер, вам известно, что ступать на ковер запрещено? — выкрикнул Норго.— Пойдемте спокойно с нами.

— Присматривайте за ним,— предупредил Деван, потирая скулу.— Он выучил пару приемов.

— А, мистер Честер,— раздался в воздухе знакомый голос.— У меня были некоторые сложности с определением, где вы находитесь.

— Жди наготове,— крикнул Честер.— Я присоединюсь к тебе через минуту.— Он повернулся лицом к Норго.— Извините, что покидаю вас так спешно,— крикнул он, став обеими ногами на

ковер.— Я бы с удовольствием погостил у вас еще, но у меня есть личные дела, которые требуют моего присутствия. Передайте от меня привет Куве — и берегитесь подстрекателя и демагога по имени Гриз. Он обитает в горах, но в ближайшее время собирается совершить набег на город.

— Я надеялся, что ваш бред пройдет, как только вас удалят от предмета, который вы фетишизируете,— печально сказал Норго.— Что ж, очень плохо.

Он махнул, и толпа стала приближаться.

— Прощайте, Норго,— выкрикнул Честер.— Спасибо за все. А после того, как я исчезну, помните: надо принимать действительность такой, какая она есть. Нереальное не есть недействительное. Ну, компьютер,— добавил он,— доставь меня обратно к Унэ.

Глава 12

Сумерки превратились в яркий солнечный день на городской улице. Честер огляделся. Ничего не изменилось с тех пор, как он увидел эту улицу в последний раз десять месяцев назад, разве что толпа уменьшилась до нескольких самых стойких зевак. Улица была все еще перегорожена канатами, хотя вместо фаланги полицейских машин осталось лишь две, в каждой из которых на переднем сиденье возвышались по два мордоворота, но ни один из них не глядел в сторону Честера.

— Не исчезай, компьютер,— тихо сказал Честер.— Я попытаюсь отыскать Унэ, может быть, для этого мне понадобится какое-то время.

— Очень хорошо, мистер Честер,— раздался громкий голос компьютера.— Я пока займусь анализом...

— Тише ты! — оборвал машину Честер, но было уже слишком поздно.

Четыре круглые полицейские физиономии дружно повернулись в сторону Честера. Настежь распахнулись дверцы автомобилей, послышались тяжелые шаги. Двое полицейских приближались к Честеру, двое других зашли за машины, сцепив руки на красных портупеях.

— Ха, что снова здесь делают эти кресла и ковер? — спросил один из полицейских.

— Эй, парень, ты кто такой? — выкрикнул другой.

Честер сложил руки на груди и со свирепым выражением лица уставился на начальника патруля.

— Я, кажется, дал указание, чтобы за этим районом вели тщательное наблюдение,— пролаял он.— Кто разбросал здесь эти вещи? Это вам что, склад мебельной рухляди?

— В чем дело? — спросил начальник патруля, открывая от удивления рот.

— Застегните свой мундир,— оборвал его Честер.— И извольте побриться к следующему дежурству.— Он заложил руки за спину и прошелся взад-вперед перед выстроившимися в линейку полицейскими.— Сержант, почистите ботинки. И вымойте машину.

— Эй, да кто вы такой?

— Нет, кто *вы* такой, сэр! — проревел Честер.— Вы что, никогда не видели полевую форму комиссара полиции?

— Так точно, видел, сэр,— быстро ответил полицейский.— Но это не та форма.

— Тайной полиции, то есть,— поправился Честер.

— Тайной полиции? Черт, я видел комиссара тайной полиции на скачках не далее чем на прошлой неделе.

— Комиссара международной полиции, недоумок! — продолжал реветь Честер.— Вы что здесь, не понимаете, что это вопрос международного значения? Я,— перешел он на заговорщический тон,— знаю из совершенно достоверных источников, что это дело связано с планируемым вторжением инопланетян.

— Вот так так! — присвистнул полицейский.

— Так вот,— ровным голосом продолжал Честер,— не припомните ли вы дело о нагой молодой женщине, которая была не так давно арестована где-то в этом районе?

Полицейские переглянулись. Один из них приподнял свой хромированный шлем и посмотрел куда-то вверх.

— Кажется,— произнес он.— Э-э-э...

— Я думаю, что, возможно, что-то припоминаю,— откликнулся другой.

— А, прекрасно. Можете ли вы мне напомнить, чем закончилось это дело? А то что-то у меня вылетело из памяти.

— Сейчас, одну минутку...

— Возможно, она отсидела небольшой срок и была выпущена на свободу,— подсказывал Честер.— Возможно, ей удалось даже найти работу — где-нибудь здесь, неподалеку.

— Работу,— повторил полицейский, тупо уставившись на Честера.

— Почему бы нам не проехать в полицейский участок... э-э-э... комиссар? Возможно, там мы сможем все уладить.

— Почему же, она, может быть, все еще находится в женском карцере,— предположил другой полицейский.— Может быть, нам удастся устроить для вас короткую встречу с ней.

— Ну что ж, отличное предложение,— решительно сказал Честер.— Везите меня туда прямо сейчас.

— Слушаюсь, сэр. Сюда, пожалуйста.

Честер проследовал за двумя полицейскими в их машину. Он ехал молча, обдумывая, что и как необходимо сделать. Было маловероятно, что все эти десять месяцев Унэ находилась в местной тюряге. Тем не менее она могла усугубить первоначальный проступок отягчающими обстоятельствами вроде оскорбления полицейских, нанесения ущерба государственной собственности, попытки побега, оказания сопротивления при аресте или отсутствия водительских прав. И конечно же, у нее не было при себе ни цента, что, как известно, не способствует выяснению истины, когда имеешь дело с блюстителями закона.

Машина затормозила у бокового входа здания из красного кирпича с двумя колоннами, которые увенчивали два матовых шара с надписью: «Полиция». Честер вышел из машины и последовал за водителем вверх по ступенькам, в то время как второй полицейский замыкал процессию. Внутри здания шедший впереди полицейский сделал знак Честеру пройти через короткий коридор в дежурную комнату. В ней находился высокий тощий человек в красной униформе, который бросил на них через стол раздраженный взгляд.

— Ну, приятель,— сказал начальник патруля, глядя на Честера,— посмотри, кто у нас здесь — комиссар международной полиции. Вот она какая — форма международной полиции.

— Я хотел бы узнать...— начал Честер, делая шаг вперед.

— И вот он является к полицейскому патрулю и требует, чтобы ему сказали, не помним ли мы дамочку, которую арестовали где-то в этом районе.

— Кстати, и кресло, и ковер снова на месте,— подал голос второй полицейский.

Сидящий за столом резко вскочил:

— Что, снова на месте? А вы установили, кто их сюда вернул?

— Говорят, что это вторжение с Марса,— ответил второй полицейский.— За ними трудно было уследить, с их фантастической техникой.

— Вы идиоты! Каблицкий, да я с тебя сдеру за это нашивки. Немедленно возвращайтесь туда и возьмите район под тщательное наблюдение. Это не означает, что вы сядете в машину и будете слушать последний хит-парад.

— Но, шеф, что делать с этим? Похоже, он опасный псих.

Шеф взглянул на Честера:

— Мне он напоминает героя какого-то рекламного ролика. Как бы то ни было, изолируйте его за сопротивление закону.

— Но позвольте...— начал было Честер.

Двое полицейских повернулись к нему с облегченным выражением на лицах и уже было пытались заграбастать его своими громадными ручищами, когда Честер, отклонившись в сторону, схватил протянутую руку, резко завернул ее за спину и надавил. Полицейский взвыл, подпрыгнул и рухнул на пол бесформенной грудой.

— Мне просто нужна некоторая информация,— заявил Честер.— Та девушка, о которой я спрашивал, она все еще в заключении?

Второй полицейский зарычал и придвинулся к Честеру. Тот мгновенно окаменевшими пальцами ткнул его в солнечное сплетение, а когда тот согнулся, рубанул его ребром ладони по шее.

— На помощь! — заорал шеф, протягивая руку к ящику стола.

Честер перелетел через стол и схватил тощую шею комиссара.

— Послушай ты, козел вонючий! — рявкнул Честер.— Где девчонка, которую вы задержали за появление в общественном месте в неприличном виде?

Полицейский мужественно сопротивлялся; Честер начал колотить его головой об пол. В поле зрения возник один из его очухавшихся коллег, и Честер, ухнув, сбил его с ног обмякшим телом комиссара.

— Слушай,— настойчиво продолжал Честер, прижав незадачливого полицейского чиновника локтем к спинке высокого кресла.— Все, что мне нужно,— это узнать местонахождение молодой особы. Почему бы тебе не оказать маленькую услугу законопослушному гражданину?

— Она... в женском крыле... северная сторона, первая камера... направо...

— Где ключи?

— Ключей нет, там шифр.

— Какая комбинация цифр?

Дверь комнаты распахнулась настежь, и в ней возник жирный полицейский, выпучил глаза и потянулся рукой к кобуре с тяжелым пистолетом. Честер мгновенно выставил перед собой полицейского комиссара как щит. Появились другие полицейские. В коридоре разрывался сигнал тревоги. Слышался топот ног.

Честер отбросил от себя шефа, повернулся спиной к набегавшим, закрыл руками лицо и, ласточкой нырнув в широкое двойное окно, приземлился в траву под звон осколков разбитого стекла, перекувырнулся, вскочил на ноги и бросился бежать. Он перемахнул через забор и, перебежав улицу, бросился к темной аллее. Ему преградил путь какой-то человек.

— Помогите их задержать,— пролаял Честер.

Человек озадаченно сделал шаг в сторону. Честер пронесся через аллею, выскочил на людную улицу и перешел на быструю ходьбу. Итак, он потерпел поражение, однако по крайней мере узнал, где находится Унэ. Бедная девочка! Почти год в ужасной камере.

Пройдя квартал, Честер остановился перед большой стеклянной витриной, на которой дециметровыми буквами было написано: «Двигатели для гусеничных автомобилей».

За витриной притаилось огромное желтое, поблескивающее хромированными частями, фарами, антеннами чудовище.

Табличка, прикрепленная к нему, гласила: «Новый многоцелевой гусеничный кабриолет-трансформер года (снабжен дополнительными боковыми катками)».

Сбоку от витрины находилась малозаметная дверь. Честер открыл ее и увидел человечка с набриолиненными волосами и улыбкой во весь рот, который, облокотившись на полированный бок механического гиганта, разговаривал с тучным посетителем средних лет.

— ...Вполне приемлемые ежемесячные выплаты,— услышал Честер конец фразы.

Честер обошел с тыла транспортное средство, похожее на трактор или бульдозер, и, откинув прозрачный купол, устроился на желтом кожаном сиденье. С панели ему подмигивали поблескивающие приборы. Где-то внизу слышался голос продавца:

— ...Электрообогрев и музыка, автоматические дворники, запасные фары, регулировка сидений электрическим приводом,

электростеклоподъемники, дистанционное открывание капота, гидроусилитель руля, тормоза с электроприводом, трансмиссия шестиступенчатая автоматическая, трехкарбюраторный двигатель, салон люкс, мусороуборочник, резиновые коврики, телевизор...

Честер осмотрел панель, нашел кнопку зажигания.

— ...Эффективные глушители,— продолжал тараторить продавец,— не один, обратите внимание, а два, да-да, два клаксона самой последней модификации и везде вместо утомляющих приборов со шкалами полный комплект ласкающих глаз цветовых индикаторов...

Честер утопил кнопку зажигания и нажал на стартер. Двигатель взревел. Честер включил первую передачу, и машина медленно двинулась к витрине. Напуганный продавец издал вопль и отпрыгнул в сторону. Покупатель рванулся в другую. Громадный полированный бульдозерный отвал врезался в витрину и разнес ее вдребезги. Громадина с грохотом вырвалась наружу, развернулась вправо и, как пушинку отбросив попавшийся на пути легковой автомобиль, выкатилась на середину дороги. Честер с лязгом врубил самую высокую передачу и включил сирену. Прохожие так и брызнули врассыпную от набирающего скорость чудовища. Патрульная полицейская машина рванулась и, резко затормозив, блокировала дорогу. Честер, немного свернув в сторону, услышал, как гусеница с хрустом раздавила багажник машины. Он опять потянул на себя рычаг управления, чтобы объехать грузовик с пивом, на борту которого красовалась веселая красная рожа, но поддел грузовик краем отвала и перевернул его набок. На улице образовался затор. Честер свернул в проулок и увидел, как за решеткой, на лужайке перед зданием правосудия собираются возбужденные клерки. Северное крыло, говорил шеф. Честер скосил глаза на солнце, направляя машину в проем решетки. Север был справа. Люди с ужасом смотрели, жестикулировали, а когда гигантская машина переползла через бордюр и, подмяв под себя решетку, выползла на лужайку, бросились наутек. Клумба петуний бесследно исчезла под гусеницами.

Высоко в кирпичной стене виднелись узкие зарешеченные окна с трехметровым интервалом между ними. Под ними-то Честер и остановил трансформер. Сквозь грохот работающего двигателя были слышны возбужденные крики. В окнах появились лица заключенных. Честер открыл дверь кабины и выглянул.

— Унэ,— прокричал он,— это я, Честер!

Раздался звук выстрела, и пуля со свистом срикошетила от стенки кабины. Честер быстро нырнул внутрь. Он увидел, как наверху в проеме окна появилось знакомое овальное лицо. Он возбужденно замахал руками. Унэ ответила ему взмахом руки, но как-то неуверенно. Честер включил заднюю скорость, трансформер отъехал назад, повернулся на месте и снова двинулся к стене. Честер, подняв отвал, приставил его к стене и нажал на акселератор. Гусеницы сначала вгрызлись в почву, машина вздыбилась, а затем они безрезультатно стали прокручиваться, выбрасывая из-под себя фонтаны земли. Вскоре позади образовался целый холм.

Честер сдал назад, немного опустил отвал, затем прибавил оборотов. Массивный трансформер рванулся вперед и с ужасным грохотом врезался в кирпичную стену. Честер почувствовал, как накренилось вдруг сиденье; затем посыпались кирпичи и куски раствора, отскакивая от полированного капота и глухо стуча по пластиковому кузову. Поднялись тучи пыли, вылезли деревянные конструкции с изогнутыми гвоздями, на которых болтались разбитые косяки и оконные рамы.

Честер откинулся на сиденье, оценивая ситуацию. Снова раздались выстрелы, теперь четыре подряд. На пластиковой крыше ближе к голове Честера появились две звезды с расходящимися лучами. В тюремной стене образовалась брешь метра два в высоту и три в ширину, сквозь которую проглядывал интерьер тюрьмы. Пока он смотрел, обвалился еще один кусок стены. Честер снова двинул трансформер вперед и еще раз ударил отвалом в стену. Когда он попятился, продираясь через завал, сквозь пыль начали проступать очертания перекрытия второго этажа, провисая под тяжестью горизонтального стального швеллера. Честер снова врезался в стену. Теперь отвалился целый кусок, так что целиком стали видны две камеры. Через образовавшийся проем он увидел скособочившиеся железные койки на просевшем полу.

Честер подогнал трансформер к самому проему, поднял купол кабины и позвал Унэ. Она появилась на четвереньках, глядя через край на громадную грохочущую машину.

— Быстрее, Унэ.— Честер поторопил ее жестом. Он оглянулся. Толстый полицейский пытался зарядить барабан своего револьвера. Вокруг него суетились другие полицейские.

— Это действительно ты, Честер? — спросила дрожащим от волнения голосом Унэ.

— Поторапливайся.— Честер протянул ей руки.

Унэ, свесив свои стройные, обутые в сапоги ноги, соскользнула вниз, повисела на руках и спрыгнула. Честер подхватил ее, втянул в кабину и захлопнул дверцу как раз перед тем, как пузырь-полицейский выстрелил из своей пушки. Трансформер быстро отъехал, развернулся и рванул через лужайку. Вдогонку посыпались выстрелы. По крыше чиркнула шальная пуля.

— Честер, это действительно ты? Ты так изменился, стал такой красивый!

— Прости меня, Унэ, что я так долго заставил тебя ждать. Я вернулся за тобой сразу же, как только смог. Но...

— Слушай, Честер, ты просто неподражаем. Я с первой твоей фразы же поняла, что это ты. Где ты взял эту чудесную машину?

— Отличная, правда? В ней есть все для приятного путешествия: кондиционер, звукоизоляция и пуленепробиваемые стекла, к счастью для нас. Но я хотел сказать: мне ужасно жаль, что тебе пришлось провести почти год в этой тюрьме.

— Год? Да ты что, Честер! С того момента, как нас схватили полицейские, прошло не более двух часов.

Честер растерянно заморгал:

— Как? Как?..

— Куда мы сейчас поедем, Честер? И откуда у тебя эта одежда, этот загар и эти большие сильные руки?

— Я... Нет, я имею в виду, ты... Ну ладно, ничего, бог с ним. Разберемся потом. Пока же нам с тобой предстоит прорваться к ковру.

Честер вырулил на улицу, на которой полицейские охраняли ковер. Пожарная машина, вывернувшаяся сбоку, налетела на трансформер, была отброшена на бордюр и замерла с хлещущими во все стороны фонтанами воды.

Честер замедлил ход, выкрутил руль, неуклюже объехал полицейскую машину и с лязгом остановился. Он откинул крышу кузова и среди крика и суеты помог Унэ спуститься вниз. Она легко перескочила через остатки разбитых козел и оказалась на ковре. Честер прыгнул следом за ней. Парочка постоянно находящихся возле ковра полицейских бросилась к ним с дубинками наперевес.

— Ну, компьютер,— сказал Честер, хватая Унэ за руку,— доставь-ка нас туда, где остался Кейс. Да не запутайся на сей раз в координатах.

Глава 13

Казалось, что высокие серые здания растворились в солнечной голубизне неба. Честер и Унэ оказались на поросшем травой склоне холма в тени развесистых ветвей. Она повернулась к нему и обвила его своими нежными руками.

— Ой, Честер, это так забавно...

— Забавно? Черт возьми, Унэ. В нас ведь стреляли всамделишными пулями.

— Но я уверена, ты все равно сделал бы так, чтобы ничего страшного не произошло.

— Ну... По крайней мере, для меня было большим облегчением узнать, что ты не провела целый год в камере. Если бы ты знала, какие страшные картины твоих и Кейса мучений рисовал я в своем воображении! Я думал, мне уже никогда не удастся ему помочь. Но теперь, если мы поспешим...

— Я уверена, что с ним все в порядке.— Унэ с беспокойством посмотрела в сторону холмов.— Однако я уже не вижу дыма. Надеюсь, впрочем, что углей пока еще недостаточно для поджаривания мистера Малвихилла.

— Если эти проклятые туземцы коснулись хоть волоса на голове Кейса, я все племя в порошок сотру.

Через двадцать минут быстрой ходьбы они были на опушке леса. И тут же увидели, как к ним по тропинке приближаются двое мужчин, чисто выбритых, в белых легких одеждах, и прекрасно сложенная женщина. Они остановились, затем подняли в приветствии руки и начали танцевать и петь.

— Похоже, это совершенно другое племя,— сказал Честер,— никакого сравнения с теми дикарями.

— Кажется, они хотят, чтобы мы последовали за ними.

Энергично жестикулируя, туземцы повернулись и пошли по тропинке.

— Ну, мы ведь все равно двигаемся в этом направлении.

Честер и Унэ зашагали по утоптанной тропинке и вышли на поляну, где Кейс сражался с местным силачом.

— Никого не видно,— констатировал очевидное Честер, оглядываясь по сторонам.— И клетки исчезли, и все остальное.

Они пошли дальше, поднялись по заросшему деревьями склону и прямо из леса вышли на широкую, тенистую сельскую улицу с ровными рядами деревьев и клумбами диких цветов перед аккуратными домиками из камня, досок или тонких жердей, оживляющими зеленое покрывало луговины. Из большого дома где-то в середине улицы появился старик важного вида, в шортах и домотканой рубахе. Он подошел к ним, поглаживая свою длинную седую бороду.

— Боже мой,— сказал в смущении Честер,— мы попали совершенно не туда, Унэ. Куда нас на сей раз забросило?

— Сама не понимаю, Честер.

— Посмотри на этого седобородого старца. Какой огромный. Клянусь, он мог бы быть предком Кейса Малвихилла; по возрасту он точно ему в дедушки годится.

Старик подошел ближе и пристально посмотрел на Честера, а затем на Унэ. Он пощипывал бороду, кивая каким-то своим мыслям.

— Ну,— сказал он,— наконец-то вы объявились...

Честер и Унэ сидели рядом с Кейсом на скамейке под дикой вишней, у гребня возвышенности, уходящей вдаль, к лазурному озеру и поросшим соснами холмам. Девушка-туземка разливала густое бурое вино из каменного кувшина в разнокалиберные стеклянные кружки.

— Объясни мне еще раз, Честер, только медленно и внятно,— попросил Кейс.— Ты говоришь, что это тот же самый день, в который вы улетучились отсюда?

— Для Унэ — да. Для меня же с того момента прошло десять месяцев.

— Ты очень изменился, Честер. Догадываюсь, что за этим стоит нечто, что не поддается объяснениям. У этого чертова компьютера, видимо, сломались счетчики времени.

— Кейс, мы думали, что они зажарят тебя живьем. Как ты сумел добиться их расположения?

— Ну, слушайте. Последнее, что я увидел,— это как вы скрылись за деревом. Я же продолжал жонглировать еще не меньше часа. Затем сделал пару кульбитов, стойку на руках. Потом попросил у них веревку, натянул ее и стал по ней ходить. К этому

времени они уже заметили, что вы исчезли. Я жестами показал им, что вы испарились, как и подобает истинным духам. Но это их уже не особенно волновало, они хотели, чтобы я еще походил по канату.

— К тому времени ты, должно быть, подумал, что мы бросили тебя.

— Признаюсь, я был вначале взбешен, когда так и не увидел вас идущих мне на выручку в сопровождении морской пехоты. Думаю, что прошло не менее двух лет, прежде чем я свыкся с мыслью, что застрял здесь надолго. Я подумал, что с вами что-то произошло, и поэтому мне нужно было как-то устраиваться самому. К этому времени авторитет мой среди туземцев был достаточно высок. Они выделили мне лучший шалаш и приносили из еды все, что я пожелаю. Завидовать, конечно, было нечему, но жизнь протекала довольно беззаботно. Разумеется, после тридцати лет...

— Тридцати лет?!

Кейс утвердительно качнул седой гривой:

— Да, мой дорогой. Уж в этом-то я не сомневаюсь. Я обычно делал зарубки на дереве, отмечая прошедшие годы, но иногда был так занят, что попросту забывал.

— Занят? Чем же ты был так занят?

— Ну, поначалу, когда оказался у них, я только и знал, что болтался без цели, наблюдая, как туземцы борются за существование. Грязные, голодные, невежественные, умирающие от болезней и когтей диких животных. А какую пищу они мне приносили: полусырое собачье мясо, подпорченные плоды, мешанину из ягод! То и дело мне приходилось устраивать для них представления: жонглировать или показывать акробатические номера — считалось, что этим я защищаю селение от злых духов.

Однажды я принялся размышлять. Земля здесь настоящий клад, из которого предприимчивый делец в иных условиях мог бы извлечь баснословную выгоду. Все, что нужно было сделать,— это вырубить кустарник, подрезать деревья, расчистить берега озера, вынести мусорные свалки за пределы селения и посадить фруктовые деревья и цветы...

Да, но для того, чтобы подрезать деревья, мне нужен был топор, а это значит, требовалось железо.

К тому времени я уже свободно владел местным языком и спросил туземцев, не знают ли они такого места, где можно най-

ти красную грязь. И объяснил, что она нужна для волшебства. Несколько недель спустя отряд охотников вернулся с противоположного берега озера и принес с собой весьма неплохие образцы железной руды.

У шамана был каменный уголь: он вырезал из него фигурки богов, поскольку уголь легко поддается обработке. Я соорудил небольшую доменную печь, загрузил ее доверху кусками угля и руды и зажег. Ну и, как полагается, через пару часов пробил отверстие, через которое потекло расплавленное железо.

— Кейс, что ты можешь знать о выплавке железа,— прервал его Честер,— ведь наверняка у тебя не было с собой инструкции по варке стали в домашних условиях, не так ли?

— Железа первой плавки хватило на полдюжины топоров и топориков, довольно приличных. Я заточил их с помощью плоского камня, затем раскалил и опустил в холодную воду. Они неплохо закалились. А вскоре у меня уже была своя собственная технология. Все зависит от пропорции угля и руды в печи.

— Уголь в количестве от ноля семи до одной и семи десятых процента обеспечивает оптимальное соотношение твердости и ковкости металла,— не преминула уточнить Унэ.

— Жаль, что тебя не было рядом, крошка,— сказал со вздохом Кейс.— Твои познания оказались бы бесценными. Но мы, так или иначе, справились сами.

Из полученного металла я выковал лезвие ножа, приделал к нему ручку и с его помощью начал вырезать ручки для топоров. Затем заставил аборигенов начать очистку земли от леса и кустарника, причем делать это не ради показухи.

Дикие животные перестали терроризировать селение, поскольку у них больше не было прикрытия. Я добился того, чтобы весь кустарник и колючки были полностью удалены с территории; на их месте взошли травы. Мы также обрубили нижние сучья деревьев как раз в рост человека, подровняли их, удалив вьюны и тому подобное. Превратили, таким образом, лес вокруг в ухоженный парк.

Потом настала очередь озера. Мы выдолбили несколько стволов, сделав из них лодки, и очистили дно от водорослей и топляка, а затем после некоторых дренажных работ оборудовали прекрасный пляж на этом берегу.

Из полосок кожи я изготовил рыболовную снасть, показал туземцам, как ловить форель, и мы устроили рыбную фиесту. Сначала они отказывались есть рыбу; по-видимому, потому, что рыбой брезговали их предки.

Эта публика была столь же консервативна, как выпускники старейших университетов Новой Англии. Однако я изобрел очередной магический ритуал, идущий якобы из древности, и они на него клюнули.

Теперь половину жизни они проводили на озере. Мы сделали пару пил, и я показал им, как распиливать дерево на доски, из которых мы и соорудили несколько уже настоящих гребных лодок. Самое интересное в том, что уже через несколько дней наиболее смышленая пара моих учеников делала лодки и рыбачила даже лучше, чем я.

Я сделал несколько луков и стрел и выковал немного железных наконечников.

Смастерив ножи для обработки шкур, я показал, как с их помощью выделывать кожу, пока она не станет мягкой.

В окрестностях водилось много диких парнокопытных. Мы наплели веревок и с их помощью поймали и привели пару молодых коз и двухгодовалого барана, который своими размерами даже превосходил техасского породистого лонгхорна. Позднее мы раздобыли парочку новорожденных телят: бычка и телочку.

Через пару лет у нас уже было довольно приличное стадо. Мы выпускали его в парк, чтобы трава не разрасталась. Ну и конечно, я показал, как доить коров, и, немного поэкспериментировав, мы научились делать сыр.

— Я и не подозревал, что ты настолько хорошо знаешь животноводство,— вставил Честер.

— Любой, кто когда-либо работал в цирке, знает, с какой стороны кормят скотину. Это была наименее сложная из всех моих проблем.

Постепенно я начал получать удовольствие от вида ухоженного пляжа и парка и даже стал подсчитывать, какую груду денег мог бы заработать, будь я у себя дома.

— А потом как-то мне на глаза попалось несколько местных девиц, абсолютно голых, чумазых, жирных, со спутанными волосами; от них за версту несло козлятиной.— Кейс вздохнул.— Думаю, правда, и я был нисколько не лучше их. К тому времени я уже совершенно утратил привычку бриться, а какой толк от мытья, если после него тебе приходится надевать одни и те же старые засаленные кожаные штаны.

И тогда я решил, что настало время подумать о развитии легкой промышленности.

Первое, что мне было нужно,— это ткань, чтобы избавиться от тошнотного запаха шкур.

Я попробовал использовать овечью шерсть, но неудачно. Мы пытались разыскать в окрестностях дикорастущий хлопок, но тоже безрезультатно.

В конце концов нам удалось найти растение, напоминающее лен. Поработав, мы соорудили примитивную прялку. На это ушел почти год, но мы получили первую партию нити. К этому времени у меня уже был готов ткацкий станок, его оказалось не так уж трудно изготовить. Мы установили его и соткали себе одеяло.

Я обучил нескольких девушек, и они начали прясть и ткать. Из кости я изготовил несколько иголок; стальные не получились. Конечно, швея из меня никудышная, но времени-то у меня было достаточно. Я смастерил себе пару брюк и рубашек. В рубашках с длинным рукавом здесь просто жарко, да и шить их трудно, поэтому я остановился на безрукавке типа майки. В ней и продувает, и в то же время она достаточно защищает от ночной прохлады.

— А как же зимой?

— Странно, но похоже, что здесь нет времен года. Одна и та же погода круглый год.

— Доледниковый период,— пробормотала Унэ.

— Затем я занялся мылом. Я повозился с животными жирами и золой, и наконец мне удалось выработать вполне приличный рецепт. Сначала мне приходилось заставлять туземцев мыться, но я прибегнул к своей старой хитрости с магией и духами, и вскоре их нельзя было отогнать от воды; когда бы я ни взглянул в сторону озера, я всегда видел, как кто-нибудь там что-либо скребет или стирает. В том, что касается предохранения себя от греха, они такие же зануды, как и методисты. А когда привыкаешь к чистоте, от грязи кожа чешется, и ты начинаешь замечать грязь на своем соседе. Так грязь и была вытеснена из нашего быта.

Затем мне пришла мысль совершить дальнейшие шаги по совершенствованию нашей цивилизации.

Жилище, где мы обитали до сих пор, буквально кишело вшами и крысами; мы просто тонули в отвратительных кучах обглоданных костей, изношенных шкур, засушенных ритуальных лягушек, чучел тотемных животных и другого дерьма — совсем как на старом бабушкином чердаке.

Они чуть не сошли с ума, когда я все это спалил. Я объяснил им, что услышал голос свыше, который сказал мне, что это жилище должно перенестись на небеса, однако их сучий шаман набрался наглости заявить, что я лжец. Вы только вообразите!

— Но, Кейс, ты же сам постоянно им говорил, что все, что ты делаешь, предопределено свыше.

— И это здорово срабатывало, кстати. А может быть, в этом действительно что-то есть? В любом случае, когда я на глазах у всех утопил этого самонадеянного выскочку в озере, никто не выразил сожаления.

— Тебе повезло, что ты сумел от него так быстро избавиться. Из того, что читал о шаманах, я знаю, что они опасны и коварны... Значит, ты утопил его. Но не слишком ли радикальный шаг?

— Может быть, но я полагал, что если создаю общество, то должен это делать, проводя решительную политику. Не хватало еще, чтобы кто-то, и в подметки тебе не годящийся, путался у тебя под ногами, особенно когда правота на твоей стороне. Ничего не может быть хуже слабака в роли диктатора. Я понял, что должен отстаивать свои идеи.

— Но следующий лидер мог бы оказаться совсем не тем, кто ставит общественные интересы выше личных. Что тогда?

— Сказать по правде, Честер, я отнюдь не ставил общественные интересы выше личных. Все, что мне хотелось,— это самому удобно устроиться. Я хотел, чтобы вокруг меня были здоровые чистые люди, потому что я терпеть не могу болезни и грязь. И я хотел, чтобы они хорошо жили, чтобы у них было время и желание овладевать тем, чему я их учил; они ловят рыбу — и я ем рыбу, они разводят скот — и я ем бифштексы, они рисуют картины — и я наслаждаюсь живописью, они сочиняют музыку — и я ее с удовольствием слушаю, они вкусно готовят — и у меня отличное настроение. Вот так и создается здоровая атмосфера. В конечном итоге я убедился, что от общения с добрыми и отзывчивыми людьми можно получить большее удовольствие, чем от чего бы то ни было еще.

Одних я обучил резьбе по дереву, других — сельскохозяйственному труду, третьих — мастерству стеклодува.

Я прочесал окрестные леса в поисках растений, которые можно было бы окультурить, и продолжал экспериментировать с образцами рудных пород для получения других металлов. Теперь у нас есть медь, свинец и даже немного золота, и изыскательские работы продолжаются.

Я научил дикарей размышлять о природе вещей и выдвигать новые идеи.

С тех пор как я утопил шамана, я постепенно свел на нет мистическое начало в их жизни. Теперь подрастающее поколение не испытывает необходимости в принуждении свыше; в основе их поступков лежит интерес. Многие из них далеко опередили меня в отдельных искусствах и ремеслах; они очень способные ученики. И я не удивлюсь, если кто-то из них откроет периодическую систему химических элементов, или создаст паровой двигатель, или научится делать лекарства.

— А если все же придет тиран?

— Любой тиран, появись он здесь, должен будет крепко подумать, прежде чем принимать непопулярные меры,— ответил Кейс.— Местный народец принял меня, потому что я принес им благо. Они так же эгоистичны, как и я. Я же создал прецедент. Следующему вождю придется с этим считаться, если он не хочет, чтобы его постигла участь шамана.

— Все, что ты говоришь, похоже, очень хорошо сработало практически,— признал Честер, обводя глазами безмятежное селение в сгущающихся сумерках.— И все же я не могу избавиться от ощущения, что тебе следовало бы привить им больший идеализм. Представь себе, что в будущем для них настанут трудные времена. Что, если изменится климат, нагрянет эпидемия или даже просто случится лесной пожар?

— Я не думаю, что здесь помог бы показной идеализм. Насколько я понимаю, все эти попытки втиснуть людей в прокрустово ложе чьего бы то ни было Великого Плана Освобождения Человечества обычно кончаются тем, что палка истории ударяет обратным концом по освободителям. В этом селении у каждого есть свое место и дело, которое он хорошо делает. У нас каждый может ходить с высоко поднятой головой, будь он сапожник, рыбак, охотник, шахтер, ткач, винодел или гончар.

— А как с искусством? С этим диалектико-материалистическим подходом...

— У нас каждый танцует и каждый поет. Все умеют играть в спортивные игры, лепить из глины и рисовать. У одних это получается лучше, чем у других, но самое главное — все могут это делать. В нашей общине художники все, а не кучка полусвихнувшихся избранных.

— Но вас, похоже, немного,— сказала Унэ,— по моим подсчетам, не более трехсот человек.

— Больше народу в одном месте — больше проблем: тут тебе и антисанитария, транспортные пробки, шум, всякие стычки... Земли у нас достаточно, и поэтому кроме этого селения в радиусе ста километров разбросаны еще двенадцать таких же поселков, и в каждом из них живет не более трехсот человек. Каждый из них волен иметь столько детей, сколько захочет, но если с рождением твоего ребенка численность жителей превышает три сотни, ты должен основать собственное поселение. Желающих предостаточно, любителей воды, например, охоты на неосвоенных территориях и так далее. Между селениями идет оживленная торговля, поэтому мужчины берут, как правило, жен из других селений. Похоже, такова уж человеческая природа — искать себе пару среди чужеземцев.

— По-видимому, налоговому управлению делать здесь совершенно нечего,— сказал Честер,— да и зачем нам создавать дополнительные сложности?

— Честер, здесь очень приятное место. Почему бы тебе не обосноваться здесь и позабыть обо всех издержках цивилизации?

Честер отрицательно покачал головой:

— Я начал с того, что попытался решить свои налоговые проблемы с помощью незаконных финансовых операций. А когда ты оказался в беде, я тебя, по сути, бросил.

— Но мы же договорились...

— Унэ пыталась помочь мне, но я и ее бросил,— продолжал Честер.— Я пал почти на самое дно, когда мной занялся Куве. Вырвавшись из исследовательского центра, я поклялся начать новую жизнь. Я помог некоему Бэндону, а еще отомстил Девану за свои унижения. Затем мне повезло, и я нашел Унэ. Извини, Кейс, что я принес тебе столько проблем. Я стоил тебе тридцати лет жизни.

— Лучших тридцати лет моей жизни, Честер. И теперь мы квиты.

— Нет, у меня еще остается цирк, о котором я должен позаботиться.

— Совершенно верно, Честер. Если действительно тридцать лет пролетели только для меня, то еще не поздно что-нибудь спасти в нашем мире!

— А кроме того, надо позаботиться и о прадедушкином изобретении. Он ведь угробил на него всю свою жизнь и завещал его мне. Только я могу его спасти. Есть и другие планы.

Кейс поднялся на ноги:

— Ничего нет лучше настоящего, Честер. Давайте трогаться помаленьку.

Полчаса спустя Честер, Кейс, Унэ и гомонящая толпа селян вышли к поляне, на которой находился ковер с двумя парчовыми креслами.

— Кейс, думаю, тебе нужно произнести речь, назначить преемника, сделать несколько пророчеств, словом, все то, что обычно делают белые боги перед тем, как уйти в небытие.

Кейс вздохнул:

— У меня здесь множество друзей, Честер, и мне очень не хочется их покидать. Но нет никакого смысла устраивать по этому поводу торжество. Тридцать лет я учил их жить и работать и не думаю, что указания вдогонку могли бы что-либо изменить.

— Тогда тронулись, Унэ,— сказал Честер,— но уж постарайся доставить нас туда, откуда мы начали путешествие,— в пункт управления машиной в дедушкином доме.

Унэ посмотрела на Честера как-то растерянно.

— Я в контакте с компьютером,— сказала она,— но...

— Что такое, Унэ?

— Мир, из которого мы начали путешествие, больше не существует.

Глава 14

— Мои смутные предположения теперь начинают подтверждаться,— размеренно проговорил Честер.— Твои деревушки с населением, не превышающим триста человек, и триценниум, где я провел почти год,— не есть ли все это наш мир в его прошлом и некоем отдаленном будущем?

— Ничего не понимаю, Честер. Я давно оставил всякую надежду разобраться хоть в чем-либо, что касается этого проклятого компьютера.

— Но если все так и есть, это может лишь означать, что мы имели и имеем дело с реальной действительностью. Мы просили компьютер показать нам сцены из прошлого самым доступным для человеческого наблюдения способом...

— Ты хочешь сказать, что дьявольская штука восприняла наше шутливое предложение всерьез и зашвырнула нас в реальное пространство и время?

Честер согласно кивнул:

— Боюсь, что мы пошутили над самими собой, Кейс. Компьютер оказался настоящей машиной времени. Когда мы физически оказались в прошлом,— продолжал Честер,— наше присутствие в нем трансформировало будущее. Я теперь припоминаю, что компьютер что-то говорил о связи между триценниумом и домом прадедушки.

— А как же город с этими ужасными розовыми полицейскими, Честер? — спросила Унэ.— Он очень напоминал что-то, правда, с вкраплениями устаревших деталей, которые можно объяснить, как я представляю, отсутствием мистера Малвихилла, что внесло определенный дисбаланс в привычную картину.

— Да, и потом Кейс все-таки находился здесь не так долго, по крайней мере не настолько долго, чтобы изменить антураж до неузнаваемости.

— Так что, скорее всего, нам так и придется здесь остаться навечно.

— Давай-ка зададим компьютеру несколько вопросов. Итак, мы совершенно отрезаны от нашего мира, Унэ, и никогда не сможем туда вернуться?

— Широкий спектр энтропийных потоков был нейтрализован факторами восьмого уровня сложности, вызванными внедрением мистера Малвихилла...

— Пусть так,— вклинился Кейс,— а как насчет виллы Честера?

— Она была низведена до статуса псевдореальности.

— Почему же эта идиотская куча деталей сразу же не предупредила нас об этом?

— Не забывай, что это машина,— сказал Честер.— А любая машина начисто лишена инициативы. А сами мы и не спрашивали об этом.

— Да, но если дом исчез, то где тогда компьютер?

— Помещен во временную вакуоль...

— Послушай, Честер,— вдруг оживился Кейс.— У меня есть хитрое предложение.— Он повысил голос: — Компьютер, смог бы

ты так... ну... показать нам, как выглядело жилище прадедушки, если оно когда-либо существовало.

— Конечно, нет ничего проще.

Последовала небольшая пауза.

Затем вокруг собравшихся заблестели вдруг возникшие прозрачные стены.

— Должна предупредить вас, что это всего лишь оптический эффект, созданный моими усилиями,— сказала Унэ,— за ним ничего реального не стоит.

— Может быть, из этого что-нибудь и выйдет, Кейс,— заметил Честер, а затем продолжил: — Компьютер, я бы хотел, чтобы ты конкретизировал эту картину: больше деталей и больше правдоподобия. В общем, побольше реализма.

— У меня нет уверенности, что мне это удастся, мистер Честер. Для этого требуется радикально изменить все мои параметры, что может вызвать сбой электроники.

— Попытайся все же.

— Попытка может окончиться тем, что вы окажетесь в вероятностном мире, само существование которого даже у меня вызывает сомнение.

— Мы все-таки рискнем.

Последовала минутная пауза, а затем:

— Ну вот, мне удался тактильный эффект. Теперь вы можете, потрогав, ощутить стену.

— А сейчас добавь слуховые, обонятельные и вкусовые ощущения. И, главное, побольше красок и мелких достоверных деталей в нарисованную тобой картину.

Мгновение спустя машина доложила:

— Увеличены параметры эффекта; теперь имеется псевдодом и псевдопочва, погруженные в псевдоатмосферу.

— Дышать-то в ней, надеюсь, можно?

— О, конечно. Все создаваемые мной эффекты высшего качества и отличаются высокой точностью деталей.

— В таком случае почему бы тебе не заняться воссозданием недостающих деталей: планеты и всего прочего? Не торопись и сделай это хорошенько.

— Ваше последнее замечание вряд ли уместно, мистер Честер...

— Прошу прощения. Но ты можешь это сделать?

— О, я все уже сделала.

— То есть ты хочешь сказать, что там воссоздан кажущийся мир, который похож на настоящий до малейшей детали?

— Да, несомненно, с той лишь особенностью, что он не настоящий.

Честер подошел к двери и распахнул ее. Хорошо знакомые запыленные бутылки с вином мирно лежали на своих стойках напротив катушек и мигающих лампочек пункта управления.

— Может быть, это вовсе и не дом,— задумчиво произнес Честер,— но я предлагаю относиться к этому с чисто академическим интересом.

Раздался повелительный стук в дверь.

— Что это?

— Некий мистер Овердог из Федеральной налоговой инспекции,— последовал ответ компьютера.

— Ну что же, сам требовал побольше реализма,— пробормотал себе под нос Кейс.— Впустить?

— Откуда он узнал об этом доме? — спросил Честер.

— Из моего письма,— последовал ответ.

— Но зачем? Что, у нас без него проблем не хватает?

— Вы упомянули о своем желании устроить ваши налоговые дела. Вот мной и были предприняты соответствующие шаги.

— Скажи, пожалуйста, сколько времени мы провели вне дома... э-э... в другом измерении? — поинтересовался Кейс.

— Семь суток, два часа, сорок одну минуту и две секунды.

— Так я впущу его, Честер?

— Валяй, чего уж там.

Дверь открылась, чтобы впустить тощего человечка с красными глазками и в старомодной шляпе из оранжевого меха на лысой голове.

Глядя на Кейса и Унэ, инспектор как из пулемета выпалил:

— Я получил ваше письмо. Где мистер Честер? Надеюсь, вы готовы решить все сейчас же? Я очень занятой человек.

— А что, собственно?..— начал было Честер.

Послышались еще шаги. Дородный мужчина с голубыми глазами-льдинками под белесыми бровями, отдуваясь, ввалился в комнату.

— Мистер Честер,— начал он без предисловий,— прежде чем заключать договор с Федеральной налоговой инспекцией, вы должны подумать над моим предложением...

— Что вы здесь делаете, Клант? — выпустил еще одну очередь Овердог.

— А этот откуда? — шепотом спросил Честер у Унэ.

— Он из Бюро демографической статистики,— тоже шепотом ответила она.— Он тоже получил письмо.

— Когда же были написаны эти письма? Ведь и часа не прошло с тех пор, как мы воссоздали этот мир.

— О, и не такие вещи можно проделывать с помощью временных вакуолей,— объяснила Унэ.— Письма были отправлены три дня назад.

— Что за предложение вы хотите мне сделать, мистер... э-э-э?..— поинтересовался Кейс.

— Если дело с возможностями вашего... м-м-м... информационного устройства обстоит именно так, как вы написали в письме, то от имени Бюро демографической статистики я уполномочен заявить...

— Я берусь погасить половину налоговой суммы,— вклинился Овердог,— а относительно второй мы предлагаем очень либеральный вариант — рассрочку, скажем, на год-два. Щедрое предложение, я бы сказал, просто предельно щедрое.

— Бюро демографической статистики идет даже дальше. Мы готовы оплатить две трети счета! — Клант с триумфом посмотрел на Овердога.

— Это заговор! Вы шутите с долговой тюрьмой, Клант! — Инспектор перевел свой тяжелый взгляд на Честера.— Последнее слово, мистер Честер. Полное погашение задолженности, всей суммы целиком! Подумайте об этом!

— Подумаешь, какие мелочи! — парировал Клант.— Уже утром у вас на руках будет чек на пять миллионов кредитов.

— Продано! — объявил Честер.

— И разумеется, при условии ежегодно возобновляемого права аренды машины,— быстро вставил Кейс.

— И с сохранением полного права доступа к ней,— уточнил Честер.

— Решено, джентльмены! Я совершу переворот в демографической статистике с помощью этого устройства. С увеличением объема информации штат в пятьдесят человек не будет выглядеть слишком большим, не так ли, Овердог?

— Вот еще! Ну что ж, жду вашего чека завтра, мистер Честер, а следующего — в марте!

Овердог гордо вышел. Клант, сияющий от радужных перспектив, последовал за ним.

— Ну вот, дело сделано,— сказал сияющий не меньше Кейс.— Прекрасная сделка, Честер, надеюсь, Ваусеровский цирк может какое-то время не беспокоиться за свою судьбу.

Честер открыл дверь и выглянул наружу.

— Ты уверен, что там безопасно, компьютер? — спросил он.

— После того что только что произошло, вопрос имеет чисто теоретическое значение. Я вынужден изменить свою первоначальную оценку. Настоящая реальность не является фиктивной. А деревня, где жил мистер Малвихилл, была лишь плодом воображения, насколько я могу судить.

— Ах, вот как?! А как же насчет седины и бороды?

— Психосоматический эффект,— ответил компьютер как-то неуверенно.

— А что делать с Унэ? — спросил Кейс.— Оставить ее здесь или как?

— Унэ пойдет со мной,— отрезал Честер.

— Я просто подумал, может, она — лишь часть арендуемого нами оборудования?

— Оборудования? Чепуха. Унэ из такой же плоти, как и я.

— Не разыгрывай меня, Честер. Мы оба свидетели того, как она была создана,— правда, компьютер?

— Вы просили, чтобы был создан передвижной приемопередатчик в образе молодой девушки,— ответил компьютер.— Наиболее простой способ решения задачи — это вырастить живую человеческую клетку.

— Ты хочешь сказать, что ты вырастил Унэ из человеческой клетки в течение какого-то часа?

— Тело созревало во временной вакуоли.

— Но... откуда ты взял клетку?

— У меня в распоряжении была одна клетка — ваша клетка, мистер Малвихилл. Мною у вас была взята проба крови, если вы припоминаете.

— Но это немыслимо! Ведь я — мужчина.

— Пришлось поработать с хромосомными парами.

— Итак, я стал матерью,— констатировал Кейс,— и к тому же матерью незамужней. Оказывается, если все именно так обстоит, вырастить живую девушку из клетки ничуть не сложнее, чем собрать ее, скажем, из деталей старых часов.

— В таком случае,— откликнулся Честер, беря руку Унэ в свою,— надеюсь, коль скоро ты представляешь отца и мать в одном лице, ты благословишь нас, если, конечно, Унэ ничего не имеет против.

— О, Честер,— промолвила Унэ.

— Ну, братцы, и дела...— протянул Кейс.— Давайте выпьем, чтобы как-то переварить эту новость.

— Я отлучусь на минуту,— предупредил Честер.— Хочу прежде перемолвиться с компьютером.

— О чем, если не секрет?

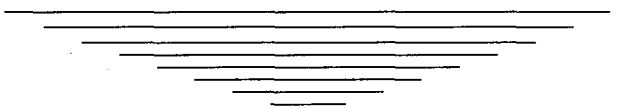
— Я прожил в обществе двадцать пять лет и ничего в него не привнес. Сейчас я бы хотел организовать школу, для начала просто небольшое учебное заведение для нескольких избранных учеников. Хочу посмотреть, получится ли у меня исправить хотя бы часть из несовершенств этого мира. Компьютер располагает данными, а я, благодаря Куве, научился думать.

— Да, ты очень изменился, Честер. Давай, пользуйся моментом, мы подождем.

Честер уселся в парчовое кресло.

— Итак, компьютер, начнем наш первый урок! Нереальное не есть недействительное. Недействительное не есть нереальное. Нереальное не есть невозможное...

Галактическая одиссея



Глава 1

1

Я где-то слышал, будто смерть от холода легка и чуть ли не приятна; только рассказчик наверняка сам этой смерти не отведывал. Подыскав что-то вроде укрытия в месте, где полуразрушенная стена пересекалась с земляным валом, я поплотнее забился в угол, обхватив колени.

Бесполезно.

Пронизывающий ветер перехлестывал через невысокую кирпичную кладку, а мокрый снег сек шею, будто крупная дробь. Непогода нанесла под стену прошлогодних листьев, и я истратил последний бензин в зажигалке, пытаясь поджечь их. Ничего не получилось — судьба всех моих начинаний за последнее время. Одно хорошо: ноги онемели от холода и волдыри на ногах больше не давали себя знать. С тех пор как незадолго до рассвета меня ссадил на перекрестке водитель грузовика, пришлось пройти восемнадцать миль.

Я поднял воротник, но легче не стало. Раскисшее пальто с дырами на локтях грело не лучше мокрой газеты. Вот и вторая пуговица отлетела... Интересно получается: еще три недели назад в этом пальто можно было войти в забегаловку средней руки, не привлекая слишком уж косых взглядов. Три недели... Вполне достаточно, оказывается, чтобы провалиться от уровня ниже среднего на самое дно. Люди опускались и до меня, но теперь я

© Перевод А. Орлова.

сам знаю, как это бывает. Переступаешь невидимый предел, а потом под горку до самого низа.

Когда умер дядя Джейсон, я уже почти год, как оставил учебу. Все мои деньги ушли на дешевые похороны. Самые дешевые, о каких соглашался говорить маленький человечек в черном костюме, улыбавшийся сочувственно и печально. Потом пару раз мне доставалась работа, испарявшаяся, как утренний туман, по истечении трехмесячного испытательного срока. До нормального жалованья так ни разу и не дошло. Затем я перебивался случайными заработками: стрижка газонов, мелкие поручения, подсобник у плотника и помощник официанта — временно, пока не выйдет настоящий. Сколько мог, я старался выглядеть опрятно, чтобы не отпугивать работодателей, хотя денег едва хватало на еду и на «чистую постель», как это называется в объявлениях. Но в один прекрасный день я просто оказался слишком тощим и голодным, а воротник мой — слишком потертым...

И вот теперь я здесь, желудок поскуливает, напоминая про обеды, не съеденные за последнее время, а идти так же далеко, как всегда. Куда, вы спросите? Не знаю, но только бы подальше отсюда.

Здесь и вправду нельзя оставаться. Под этой стеной еще хуже, чем в чистом поле; ветер все холоднее, и мокрый снег все гуще. Я на четвереньках взобрался на откос, по верху которого шла дорога. Огней нигде не видно, да никто и не остановится ночью, в метель, на этой богом забытой трассе, чтобы подобрать бродягу вроде меня. Нет у меня маленького плакатика, где было бы написано, что я жертва неблагоприятного стечения обстоятельств, что настоящий удел мой — умеренное благополучие представителя среднего класса, что я порядочный молодой человек, что за спиной у меня целый год колледжа и мне просто последнее время не везло; сейчас у меня только мокрые лохмотья на плечах, скверный кашель и глубокое убеждение в том, что, если немедленно не спрятаться куда-нибудь, завтра про меня напишут в газете ближайшего городка: «Вчерашней ночью неизвестный бродяга замерз насмерть в кювете». Буду не первым и не последним.

Повернувшись спиной к ветру, я заковылял на ногах, кончавшихся где-то пониже колен. Ни усталости, ни голода я более не замечал — просто машина, которую забыли выключить. Шаг левой, шаг правой — пока завод не кончится.

2

Когда я дошел до вершины холма, впереди завиднелся огонек. Слабенькая искорка во тьме за деревьями, вроде бы далеко. Свернув с дороги, я зашагал напрямик и через десять минут оказался у сарая с просевшей крышей. Рядом стояла башня наподобие водонапорной или силосной, вроде бы совсем новая, а чуть подальше — невысокий, но обширный двухэтажный дом. Свет горел в окне первого этажа. На площадке у сарая был припаркован «кадиллак» последней модели с откинутым верхом. Представив, как мокрый снег садится на дорогую кожу, я застучал зубами еще сильнее. «Меня зовут Билли Дейнджер, сэр. Можно войти и притулиться у огня?» — «У нас на обед жареная курица. Садитесь за стол, когда обсохнете...» Нет, этого мы пробовать не будем. А вот в сараях бывает сено. Туда можно зарыться. Если не согреюсь, то хотя бы посплю в сухости. Стоит попробовать.

Дверь сарая выглядела обнадеживающе: покоробленные доски на проржавевших насквозь петлях. Сейчас откроем... Я попробовал, но дверь не шелохнулась. Приглядевшись, я понял, что петли вовсе не ржавые, просто их зачем-то состарили. Чешуйка облупившейся краски легко отскочила; под ней блеснул металл. В другое время я удивился бы, но сейчас понимал только одно: ночлега на сеновале не будет.

Снег шел все гуще и гуще. Я принюхался: совсем рядом жарили бекон и варили кофе. Челюсти свело; желудок вспомнил все старые обиды и завязался в тугой узел. К силосной башне пришлось идти по пояс в мокрой траве, мимо какой-то ржавой сноповязалки, через раскисшую колею. Я мало что смыслю в силосных башнях, но там, по крайней мере, есть стенки и крыша. Если забраться внутрь, можно найти сухое местечко. Дверь в круглой стене легко открылась, и на меня повеяло теплом. Я шагнул внутрь — в тускло освещенную, сухую комнатку. За распахнутой дверью в стене напротив виднелась винтовая лесенка: стеклянные ступени на хромированных профилях. Неяркий свет и теплый воздух лились оттуда. Инстинктивно, как первая рыба, выползшая на сушу, я вскарабкался вверх по лестнице. В помещении наверху было полно труб, непонятных механизмов и пахло озоном. Хоть я и валился с ног от усталости, место не показалось подходящим для ночлега.

Еще оборот спиральной лестницы, и я оказался на складе, где между штабелей чего-то вроде кип хлопка темнели узкие проходы. Пахло здесь будто бы свежим асфальтом. Забравшись в самый темный угол, я пощупал товар: мягкий, будто норка или соболь, но только нежно-голубого цвета. Оставив сомнения на потом, я забрался на вершину штабеля, упал в нежный мех лицом и мгновенно отключился.

3

Во сне я вломился в чужой дом и прятался теперь в темном чулане. Через минуту меня найдут, вытащат на свет божий и повезут в город на полицейской машине. Мне будут светить лампой в глаза и задавать вопросы о каждой курице, украденной в пределах графства за последние пять лет. Вот уже стучат по лестнице тяжелые ботинки, все ближе и ближе. Кто-то задает вопрос, и женский голос отвечает на незнакомом языке. Потом они уходят; сон ускользает...

...и начинается шум.

Вернее, пронзительный визг на пределе слышимости, вроде тех свистков, какими подзывают собак. Визг добрался до костей и проник в суставы. Все громче, все злее, как разъяренный пчелиный рой; теперь я уже не спал, но огромная рука придавила меня к мягкой постели с неодолимой силой. Я хотел закричать, но воздух загустел, как сироп,— даже вдохнуть не получилось. Однажды на заправке дяди Джейсона в Пайнвилле «шевроле» съехал с эстакады и придавил хозяина задним бампером... Больше я ничего припомнить не успел; перед глазами поплыли клубы красного тумана. Под улюлюканье толпы я валился в пропасть с вершины Ниагарского водопада, лежа на большой резиновой камере, только спасательный жилет был почему-то бетонным и не давал дышать...

4

Когда ко мне вернулось сознание, рядом разговаривали.

— ...Ерунда! Я здесь ни при чем.

Мужской голос говорил с английским акцентом; чувствовалось, что его обладатель находит ситуацию забавной.

— Тебя, и никого другого, назначил я следить за чистотою корабля!

Этот явно привык командовать и здорово сердился. Говорил он как-то странно, но понять его было достаточно легко. Ответила ему молоденькая девушка, на незнакомом языке, голосом звонким и мелодичным. Девушка о чем-то беспокоилась.

— Никто не пострадал, Дезрой.— Первый собеседник негромко рассмеялся.— Вдруг это везение? Может, он заменит нам Джонго.

— Неуместны здесь, Орфео, твои дурные шутки! Избавься от мальчишки, пока не рассердил меня ты наконец!

— Не все так просто. Он, видишь ли, пока живой. Его можно выходить, и тогда...

— Опять пустые речи! Благотворителем приходским, лекарем щенков заделаться решил?

— Если его приспособить...

— Испытываешь ты терпение мое, Орфео! Такие разговоры не по нраву мне!

— Из него запросто второй номер получится, попомни мои слова. Ружья подносить...

— Еще что! Шут со своею погремушкой так не носится! Притом чертенок безнадежен!

Очень хотелось спрятаться от дурного сна в темное, мягкое ничто, так кстати колыхавшееся рядом, но крошечный голосок где-то за глазными яблоками настойчиво требовал сделать хоть что-нибудь, пока дела не приняли по-настоящему дурной оборот. С огромным усилием я приподнял одно веко; в трех шагах, у самой двери, обнаружились три фигуры. Розоватый туман окончательно не рассеялся, но видел я достаточно хорошо. Обладатель странной манеры разговаривать оказался мужчиной атлетического телосложения, у него были тонкие усики и гладко зачесанные назад черные волосы. В просторной куртке с множеством накладных карманов он походил на Кларка Гейбла в роли Фрэнка Бака*.

Его собеседник был не намного старше меня и хорош до слащавости. Квадратная челюсть, изящной формы нос, каштано-

---

* Фрэнк Бак (1888–1950) — американский путешественник, ловец диких животных и актер; снимался в приключенческих фильмах. (*Прим. ред.*)

вые кудри, широкие плечи, узкие бедра — тоже хоть в кино снимай. Одет он был, как и девушка, в комбинезон вроде рабочего, но скроенный по фигуре, почти в обтяжку. Серый цвет ему очень шел.

Девушка... Тут мне пришлось открыть второй глаз. Такой красоты просто не бывает. Черные как смоль волосы, серые глаза, достаточно большие и глубокие для того, чтобы шагнуть в них и утонуть бесследно. Кожа медового цвета, лицо как у греческой статуи; белый комбинезон плохо скрывает фигуру, способную разбить любое сердце.

Я попробовал сесть, но лишь замычал от боли. Болело всюду, но хуже всего — левая рука. Придерживая левое запястье, я приподнялся на локте правой руки. Это было совсем нетрудно — вроде как поднять несгораемый шкаф зубами.

Никто не обратил на меня внимания; спор продолжался.

— ...Не без проблем, Дезрой, но попробовать стоит.

— В тебе глас лени говорит, ничто другое!

Кларк Гейбл повернулся и вышел, сердито топая, его собеседник улыбнулся девушке:

— Просто решил подразнить старика. На самом деле он прав. Ничего, скоро отойдет, особенно если ты сама погладишь его по шерстке. Давай, одна нога здесь, другая там... А я займусь нашим зайцем.

Я перекатился через край мехового гнездышка и спустился вниз. Вернее сказать, рухнул на пол. Мои хозяева обернулись на шум; скребя здоровой рукой по полу, я повернулся лицом в их сторону.

— Просто хотел спрятаться от непогоды,— попытался сказать я. Вместо слов получилось неразборчивое бульканье.

Шагнув в мою сторону, мужчина бросил через плечо:

— Незачем здесь оставаться, миледи.

Его рука легла на предмет на поясе. Довольно очевидный предмет: даже без руководства пользователя ясно было, что это оружие. Девушка проворно схватила его за руку:

— Орфео! Бедняжка ведь страдает! — Акцент ее звучал лучше всякой музыки.

Мужчина задвинул девушку за спину.

— Он может быть опасен. Будь хорошей девочкой: оставь нас одних.

— Я... не опасен.— Мне удалось прохрипеть три слова, но улыбка, по-моему, не получилась.

Ужасно тошнило, но чтобы меня вырвало перед *ней*... Опираясь спиной на кипу мехов, я попытался встать.

— Разговариваешь, значит,— нахмурился мужчина.— Черт меня побери, если знаю, что с тобой делать.— Обращался он скорее к себе, чем ко мне.

— Позвольте... отдохнуть несколько минут. Я сразу... я уйду.— Стук сердца отдавался в ушах, как барабанная дробь.

— Что тебе тут понадобилось? — Вопрос прозвучал сурово.— Чего искал?

— Я замерзал... здесь было тепло.

— Удалось-таки переменить обстановку, не правда ли? — фыркнул Орфео.

До меня наконец начало доходить.

— Где я?

— На яхте лорда Дезроя. И он не одобряет контрабанды в кормовой кладовке.

— На корабле?..— Опять не сходится... В последний раз это была ферма в лесу.— Вы меня обманываете.— Я с трудом улыбнулся, показывая, что понимаю хорошую шутку.— Качки-то нет...

— Это перестроенный кеч, оборудован главными двигателями с защитой от перенапряжения, ионно-импульсными вспомогательными, искусственной гравитацией и лучевой защитой. Мы на расстоянии четырех световых лет от Зериды — в частной экспедиции. Каждый квадратный дюйм занят совершенно необходимым грузом и оборудованием, что возвращает нас к проблеме твоего присутствия. Имя? — деловито спросил Орфео.

— Билли Дейнджер. Насчет кеча, я, правда, не все понял...

— Небольшой звездолет, говоря проще,— нетерпеливо перебил мой собеседник.— А теперь, Билли Дейнджер, мне пора...

— Звездолет? Это в чем астронавтов запускают?

— Астронавтов? — Орфео рассмеялся.— Туземцы в каноэ на мелководье... Нет, Билли Дейнджер, это корабль с неограниченным районом звездоплавания. Запас хода — много веков на сверхсветовых скоростях. Мир, к которому мы направляемся, очень, очень далеко от твоей родной Земли.

— Погодите минутку.— Новая информация не укладывалась в голове так сразу.— К звездам мне не надо! Просто выпустите

меня отсюда...— Я попытался сделать шаг вперед, но тут же вынужден был привалиться к тюку с мехами.— Выпустите, и я испарюсь так, что вы решите, будто вам приснился!..

— Боюсь, не получится,— перебил Орфео.— Вопрос стоит так: что нам с тобой делать? Как ты, без сомнения, слышал, лорд Дезрой предпочел бы выкинуть тебя наружу через шлюз. Я же надеюсь приспособить тебя к полезному делу. В оружии разбираешься? Охотился когда-нибудь?

— Высадите, пожалуйста,— заныл я.— Где угодно! Домой пешком дойду.

— Отвечай на вопросы, Билли Дейнджер! Отвечай как следует: твоя судьба зависит от этого.

— Никогда не охотился.— Воздуха не хватало, будто я пробежал не одну милю.

— Ничего страшного. Не надо будет переучиваться. Сколько тебе лет?

— В апреле будет девятнадцать.

— Удивительно. Выглядишь еще моложе. Науку быстро схватываешь?

— Это похищение!.. Нельзя просто так увезти человека. Есть же законы...

— Следи за своим языком, Билли Дейнджер! Я не потерплю дерзости, заруби себе на носу! Что до законов, здесь слово лорда Дезроя — закон. Это его корабль. За вычетом леди Рейр и меня, ему принадлежит каждый атом на борту, включая зайцев.

Внезапная мысль поразила меня ударом ледоруба в сердце.

— Так вы... не земляне?

— По счастью, нет.

— Но вы люди! Говорите по-английски...

— Разумеется люди; и более древнего рода, чем ваша ветвь... Мы целый год прожили на вашей серенькой планете: охотились на моржей, слонов — ну и прочее. Ладно, поболтали — и хватит, Билли Дейнджер! Как думаешь, должность подносчика ружей для тебя не слишком сложна?

— А когда — когда мы вернемся обратно?

— На Землю? Надеюсь, никогда. Послушай! Забудь о том, что не в твоей власти! Работа будет простая: делай так, чтобы я остался доволен. Справишься — будешь жив и здоров, иначе...— Орфео внушительно помолчал.— Но ты ведь постараешься, правда, Билли Дейнджер?

Чистое безумие, но в убедительности этому человеку не откажешь. Остаться в живых — вот самая насущная задача. О возвращении можно подумать и попозже.

— Само собой. Все, что угодно...

— Отлично. Будем считать, договорились.— Орфео сразу повеселел, будто нашел способ отвертеться от грязной работы.— Знаешь, ты счастливчик. Восемь же, без специальной защиты. Странно, что все кости целы.

Запястье левой руки я по-прежнему держал правой. Осторожно подтянув левое предплечье к глазам, я увидел белую кость, торчащую сквозь дыру в рукаве.

— Кто сказал, что целы?

Это были мои последние слова. Я бессильно завалился на бок, будто брошенная газета.

Глава 2

1

Проснулся я другим человеком. Первое время я не слишком понимал, в чем дело, потом дошло: меня успели отмыть, побрить и уложить между ароматных простыней, хрустящих, как новенькие банкноты. И чувствовал я себя просто здорово, как после душа и махрового полотенца.

Выгородка с низеньким потолком, куда меня определили, была почти пуста, если не считать моего же матраса. Вспомнив о левой руке, я откинул просторный желтый рукав — они и про пижамку не забыли... Если не считать небольшого отека и розового шрама под прозрачным пластырем, рука оказалась как новая.

С негромким щелчком открылась низенькая дверь, и в проеме показалась голова Орфео.

— Проснулся наконец! Очень кстати. Занятие первое: неполная разборка зет-автомата. Посмотришь для начала.

Поднявшись на ноги, я обнаружил, что колени больше и не думают трястись. Энергия била через край; сил хватит даже по стене пробежаться... И аппетит волчий. Челюсти свело при одной мысли о яичнице с ветчиной. Орфео вытащил из стенного шкафчика желтый комбинезон и бросил его мне в руки.

— Попробуй. Я выкроил его из старой накидки Джонго.

Комбинезон оказался хорош: прочный, легкий, ткань гладкая, как шелк.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Орфео, внимательно оглядев меня с ног до головы.

— Замечательно. Сколько я проспал?

— Девяносто шесть часов. Немного снотворного...

— Не понимаю.— Я провел пальцем по свежему шраму.— Рука была сломана, да как...

— Оказание медицинской помощи в полевых условиях — обязательный навык для охотника. Кроме того, в тебе сейчас гораздо меньше всякой заразы, а биохимический баланс подправлен. Поразительно, как ты вообще ходил с таким багажом.— Орфео покачал головой.— Каких только микробов я из тебя не повыгонял. Видишь хорошо?

Я поморгал, глядя на стену. Если бы там сидела муха, мне бы ничего не стоило пересчитать щетинки на ее брюшке.

— Очень хорошо. Никогда так не видел.

— От хворого какой прок? — пожал плечами Орфео, будто извиняясь.

— Спасибо. Спасибо за руку. За ванну и за пижамку тоже.

— Вот за это можешь не благодарить. Леди Рейр позаботилась.

— В смысле... девочка?

— Для тебя — леди Рейр, Джонго! А я — сэр Орфео. Что до мытья и одежки — кто-то должен был этим заняться. Уж воняло от тебя, можешь мне поверить. Ладно, пошли учиться. Мне надо, чтобы от тебя был толк на охоте.

2

Оружие стояло в пирамидах, вдоль стен небольшой каюты. И какое оружие! По большей части, ничего подобного я в жизни не видел. Пистолеты, винтовки, гранатометы, стволы длинные, стволы толстые; иногда вместо ствола — связка стеклянных стержней, прицелы оптические необыкновенные... Бросился в глаза пистолет, вроде ракетницы, с будто бы красным стеклянным термометром сбоку. Впрочем, не обошлось и без нескольких винтовок земного производства — крупного калибра, на слонов. Больше всего оружейная кладовая походила на витрину торговца

бижутерией. Я провел пальцем по полированному ложу из лилового дерева; металлические детали выглядели как литое золото.

— Мистер Дезрой признает только первоклассное оружие, а?

— Руки убери! Трогать будешь, когда научишься обращаться.

Сэр Орфео нажал несколько кнопок, и прямо из пола поднялся стол, а потолок над столом загорелся ярче. Щелчок — и отошла кверху запорная планка; сэр Орфео снял с пирамиды что-то громоздкое, с черным ложем, барабанным магазином и тремя спусковыми крючками. Блестел хромом только регулируемый затыльник.

— Зет-автомат,— объяснил сэр Орфео.— Удобное универсальное оружие, огневая мощь — восемь десятых мегатонны в секунду, вес — четыре фунта три унции.

Перебросив пару раз какой-то выключатель сбоку, он протянул мне автомат.

— Что такое мегатонна в секунду? — спросил я.

— В одном импульсе — достаточно, чтобы превратить нашу яхту в пар. На предельной мощности пятимиллисекундным импульсом пробивает в дюйме броневой стали отверстие диаметром три миллиметра. Это на дистанции пять миль.

В тот день мне много чего довелось услышать о зет-автоматах, кратерных дезинтеграторах, термоэлектронных пистолетах и безлимитных самозарядных винтовках.

К обеду я по-прежнему понимал далеко не все, но жертвам охотничьего азарта лорда Дезроя сострадать научился.

3

Вернувшись со мной в каюту, сэр Орфео показал, как добыть мисочку дымящейся розовой овсянки из окошка в стене. Я принюхался; овсянка пахла водорослями. Вкуса у нее вовсе не было никакого.

— Сэр Орфео, дареному коню в зубы не смотрят, но... вы уверены, что это годится для человека?

— А Джонго и не был человеком.

— Но кем же тогда...— Я вытаращился от удивления.

— Лисийцем он был. Славный мальчик, Джонго. Столько лет вместе...— Сэр Орфео огляделся.— До чего странно видеть тебя в его конуре.

— Конуре?

— Логове, норе, каюте, если тебе так больше нравится. И не задирай нос, Билли Дейнджер! — Сэр Орфео сдвинул красивые брови.— Я этого не терплю!

После обеда, съеденного мной в одиночестве, сэр Орфео устроил экскурсию по судну. В салоне, обитом тисненой кожей, нас застал лорд Дезрой.

— А, вот и ты, Дезрой,— беззаботным тоном начал Орфео.— Я вот решил отправить сюда Джонго — Билли Дейнджера то есть,— пыль вытереть...

— Ужели растерял последний разум ты, Орфео? Гони убогого отсюда прочь, не мешкай!

— Погоди, Дезрой! Я только хотел спросить...

— А я решил плута за дерзость наказать! — рявкнул владелец судна и шагнул в мою сторону.

Сэр Орфео проворно встал между нами:

— Мальчишка не виноват. Я его сюда и привел.

— Защитник шелудивого щенка? Достойный жребий выбрал ты себе, воистину! Своим глазам прикажешь мне не верить?..

На трапе сэр Орфео и не подумал сердиться. Напротив, он улыбался и мурлыкал себе под нос — до тех пор, пока не перехватил мой любопытный взгляд.

— Советую как можно реже попадаться лорду Дезрою на глаза, Джонго. Пока что он склонен мне потакать; я, видишь ли, предусмотрительно обзавелся репутацией обидчивого парня. Ежели я расстроюсь, дичь перестанет попадаться, чем черт не шутит... Но если ты станешь сердить его, путаясь под ногами, я могу не успеть вмешаться.

— Говорит он больно странно... Акцент очень уж необычный.

— Акцент? Это староанглийский. До нынешнего раза его светлость посещал Землю лет триста назад... Все, потрепались и хватит, Джонго!

— Билли Дейнджер, сэр...

— Проще называть тебя Джонго. Так короче. А теперь нам пора в трюм. Даю тебе возможность отработать содержание: будешь драить медяшку в Контроле жизнеобеспечения.

На поверку медяшка оказалась слизистой дрянью на трубопроводах и клапанах. Оставив меня в трюме, сэр Орфео присоединился к лорду Дезрою и леди Рейр за дверью, куда мне хода не было.

4

Наступил день, когда сэр Орфео показал мне звездную карту, отметив относительное положение Земли, Гэра 28, куда мы направлялись в данный момент, и Зериды — дальнего мира в центре Галактики.

— Мы же туда никогда не долетим,— удивился я.— Свету требуется сто тысяч лет, чтобы пересечь Галактику, если в книжках пишут правду. До Гэра двадцать восемь десять световых лет, а до Зериды не одна тысяча!

— Скорость света — предел мифический, Джонго! — рассмеялся сэр Орфео.— Вроде края земли, с которого так боялись сорваться моряки былых времен, или звукового барьера, о котором вы так беспокоились совсем недавно. До Зериды нам восемнадцать месяцев хорошего хода, и только.

Мне хотелось узнать, как вышло, что лорд Дезрой не нашел охотничьих угодий поближе к дому, но я научился держать некоторые вопросы при себе. У каждого могут быть секреты.

Через несколько недель без каких-либо часов, без восходов и без закатов у меня развилось кое-какое чувство времени, независимое от вечных трехчасовых вахт, принятых на звездолетах по всей Галактике. Я теперь знал, когда прошел час и давно ли мы покинули Землю. Не знаю, как это получалось, и не было возможности проверить — но дни проходили за днями, и я нисколько не путался.

В конце пятой недели сэр Орфео привел меня на вещевой склад, чтобы подобрать ботинки, краги, перчатки — все с подогревом,— темные не то очки, не то хитрый бинокль, дыхательный аппарат, ранец и термокостюм. Сэр Орфео возился со мной целый час, пока не подогнал обмундирование как следует, после чего велел идти в каюту — и пристегнуться поплотнее. Целый час корабль трясло и мотало, выли какие-то механизмы; когда шум прекратился, сэр Орфео приказал собирать шмотки и спускаться в трюм. Когда я наконец явился, неуклюже ковыляя в костюме и с ранцем на спине, сэр Орфео проверял наличие инвентаря по списку.

— Побыстрее в следующий раз, Джонго,— строго заметил он.— А теперь шевелись: поможешь привести в порядок вездеход.

Вездеход выглядел внушительно: широкий, приплюснутый, с гусеницами, как у танка, и прозрачным куполом сверху. Передняя, просторная часть кабины радовала глаз кожей, инкрустированным деревом и блеском меди; позади, в отделении поменьше, размещались два жестких кресла. В дополнение к охотничьей куртке а-ля Фрэнк Бак лорд Дезрой надел бриджи и широкополую шляпу; леди Рейр осталась в белом комбинезоне. На поясе сэра Орфео появились с одной стороны термоэлектронный пистолет, с другой — охотничий нож и фляга. Термокостюмы, похожие на теплое белье, скрывались у каждого из нас под одеждой.

— Не оставляй шлем открытым, Джонго,— сказал сэр Орфео.— Ядовитая атмосфера.

Он нажал на кнопку, и за расходящимися створками люка открылась равнина, покрытая голубоватой травой. Пахнуло жаром; где-то в костюме щелкнул термостат, и сразу стало прохладнее. Сэр Орфео запустил двигатель, вездеход приподнялся над полом, развернулся на месте и выскользнул под открытое небо нового мира.

Следующие пять часов я не закрывал рта, вертясь ужом в кресле. Посмотреть было на что: высокое черно-синее небо, странные деревья вроде гигантских ростков петрушки, море кожистой травы до слишком далекого горизонта — и животные. Мы охотились на чудовищ в крабьих панцирях, бледно-лиловых и белых, с рогатыми мордами и пастями, полными острых, как иглы, зубов. Лорд Дезрой подстрелил двух, каждый раз сходя с машины и встречая добычу лицом к лицу. На мой взгляд, для храбрости можно найти более разумное применение. Лорд Дезрой и сэр Орфео не оставляли жертву просто так: обязательно отсекали рог подлиннее, фотографировались и поздравляли друг друга. Леди Рейр просто сидела и смотрела молча. Улыбалась она редко и печально.

После охоты мы погрузились обратно на корабль и полетели дальше. На другой планете лорд Дезрой подстрелил тварь величиной с тепловоз. Сэр Орфео по-прежнему ничего не рассказывал ни о своих спутниках, ни о родном мире; только охота, выслеживание, скрадывание — и выбор оружия против той или иной дичи. Не то чтобы я многое запомнил. После четвертой или пятой охоты впечатления как-то потускнели.

— Следующая остановка — Гэр двадцать восемь,— объявил сэр Орфео, поднимая меня с койки. К тому времени мы летели без приключений уже давно.— С виду ничего особенного: пустыня или что-то вроде. Но охота серьезная. Я раскопал эти угодья сам, исследуя материалы астрографической экспедиции, высадившейся здесь несколько веков назад. Дичь, на которую мы будем охотиться, они назвали гиеновой гориллой. Сам поймешь, когда увидишь.

Гэр 28 в точности соответствовал описанию. Под брюхо вездехода легла желтовато-коричневая растрескавшаяся под солнцем глина; монотонность пейзажа нарушали только лиловые валуны да зубчатые вершины на горизонте. Не больно-то похоже на охотничьи угодья, ну так не мне ведь и охотиться...

Ослепительное солнце сияло высоко в небе — непривычно маленькое, на мой вкус. В кабине было прохладно и покойно: вездеход легко скользил на воздушной подушке в двух футах над пустыней, таща за собой длинный хвост пыли. Гусеницы у нас — только для крутых склонов.

В миле от корабля я оглянулся: она блестела, как игла, потерянная среди всего этого запустения.

Впереди, за прозрачной перегородкой, лорд Дезрой, сэр Орфео и леди Рейр непринужденно болтали на своем чудном языке, то и дело переходя на почти столь же странный английский. Я-то их слышал через интерком, но услышали бы они меня в случае чего, не знаю.

Через два часа мы остановились на краю высокого обрыва. Сэр Орфео открыл люк, и мы выбрались наружу. Мне полагалось быть под рукой с оружием наготове; прихватив один из кратерных дезинтеграторов, я пристроился позади сэра Орфео. Как раз вовремя: тот заметил дичь.

— Вон там — у двойной вершины в конце разлома!

Опустив руку, сэр Орфео сдвинул очки кверху и резко развернулся. Мы едва не столкнулись лбами. В следующее мгновение я валялся на спине, глядя в дуло термоэлектронного пистолета.

— Не смей подходить с оружием со спины!

Спасибо за науку... Поднявшись на ноги, я поспешил за остальными к вездеходу, и мы на полной скорости помчались обратно. В голове звенело от доброй оплеухи.

К цели, замеченной сэром Орфео, мы летели пятнадцать минут. Несмотря на дивные очки-бинокль, я так и ничего не увидел — только пыльную равнину и растущие на глазах острые скалы. Наконец сэр Орфео плавно развернул вездеход и остановился за невысоким скальным гребнем.

— Спешиваемся! — радостно скалясь, приказал он и тут же выпрыгнул из люка, откинув крышку.— Не спи, Джонго! — Теперь он был счастлив.— Мой дезинтегратор! Зет-автоматы для его светлости и леди Рейр!

Я передал оружие прикладом вперед, как полагается.

— Себе возьми термоэлектронный пистолет и еще один дезинтегратор! — велел сэр Орфео и принялся что-то объяснять лорду Дезрою.

Когда я, пристегнув пистолет и забросив за спину автомат, спрыгнул на землю, сэр Орфео и лорд Дезрой уже шли вперед. Леди Рейр последовала в десяти шагах за ними; я пристроился в пяти ярдах справа. Моя задача — так и держаться в сторонке, но под рукой, пока сэр Орфео не крикнет: «Ко мне!» Тогда главное — не замешкаться. Вот, собственно, все, что мне известно об охоте. Ну и не заходить с ружьем за спину сэру Орфео...

Солнце так и висело над головой, не сдвинувшись сколько-нибудь заметно. Несильный ветерок дул в спину; впереди клубились редкие облачка пыли. По слухам, подкрадываться принято с подветренной стороны, но опять же, начальству виднее. Мое дело — соблюдать интервал. Вот, невысокий бугорок, и ветер задул по-настоящему... Я остановился и завертел головой, пытаясь что-нибудь разглядеть в густой туче пыли. «Тум! Тум! Тум!..» — тяжкий грохот раздавался где-то поблизости.

— Ко мне! Черт бы тебя побрал, Джонго,— ко мне!

Я рванулся на голос, налетел на камень и растянулся во весь рост. Что-то кричал лорд Дезрой, и «тум-тум!» гремело все громче. Ладно, поднимаемся и бежим вперед... Ветер неожиданно затих, облако пыли отлетело в сторону, и я увидел лорда Дезроя и сэра Орфео по левую руку от меня, футах в двадцати. Пока я разворачивался, сэр Орфео взмахнул рукой, и лорд Дезрой вскинул оружие. Глянув, куда он целится, я обомлел: из тучи пыли вырвался настоящий обитатель ночного кошмара. Огромного роста — двадцать, если не тридцать, футов,— на длинных многосуставчатых ногах, урод опускал гигантские ступни величественно, как при замедленной съемке. При каждом шаге вздымались облака пыли и дрожала земля. Следом вышел из тучи, чтобы броситься на нас, еще один — крупнее первого. Зеленовато-коричневые шкуры влажно блестели — там, где их не покрывала густая пыль. У одного с узких плеч фестоны кожи свисали пелериной, развеваясь на бегу; я подумал, что он линяет. Головы, сидевшие на толстых шеях, мне понравились особенно: широкие, плоские — сплошная разинутая пасть с зубами вроде экскаваторного ковша. За взрослыми вприпрыжку последовал третий, гораздо мельче.

Рассказывать долго, но все произошло за секунду или две. Я так и застыл, пригнувшись, не в состоянии пошевелиться. Несись на меня пассажирский экспресс, я не сдвинулся бы с места; эти чудовища были гораздо хуже.

Лорд Дезрой выстрелил, когда до ближайшей цели оставалось около ста пятидесяти ярдов. Зет-автомат фыркнул, как лошадь; голые скалы нарисовались ярко в блеске голубой молнии; чудовище сбилось с ноги — его начало заносить влево. Несколько шагов — и голова запрокинулась назад и вбок; ноги наконец подкосились, туловище ударилось о землю, подскочило и утонуло в пыли, вместе с брыкающимися ногами и судорожно разинутой пастью. Только тогда дошел до меня наконец грохот его падения.

Второй тем временем подошел совсем близко, ближе, чем первый, когда его подстрелили. К нему вприпрыжку подбежал детеныш — совсем мелкий, не более пятнадцати футов,— и вонзил зубы в бок старшего брата. Под разорванной кожей блеснули белым не то мускулы, не то связки; крошка резко затормозил, присев на корточки и энергично работая челюстями. Того, кто позволил детенышу закусить, такие пустяки не остановили. Как двухэтажный дом, навис он над лордом Дезроем, роняя черную кровь на окаменевшую под солнцем глину. Я увидел леди Рейр, на несколько шагов впереди лорда Дезроя и прямо на пути чудовища, но так и не смог заставить себя двинуться с места. Лорд Дезрой вскинул оружие еще раз; автомат с характерным звуком выплюнул голубую вспышку. Голова на длинной шее сначала свесилась вперед, потом боднула глину; ноги задрались на мгновение в неуклюжем кувырке, ступни рухнули, заставив содрогнуться землю, взлетели опять; одна нога неловко

вывернулась, другая по-прежнему пыталась идти, заставляя поверженную тушу крутиться на месте. За тучей поднятой пыли скоро не стало видно агонии.

— Детеныш!..— За всем этим грохотом я едва услышал крик сэра Орфео.

Малютка неспешным шагом покинул пыльное облако, задирая голову, чтобы легче было глотать. Направлялся он прямо ко мне. Несколько долгих мгновений ствол кратерного дезинтегратора в руках сэра Орфео следил за зверенышем; сухо грохнул выстрел, и в скальном выступе на пути уродца возникла воронка величиной с крупную лохань. Детеныш свернул в сторону и удалился, прибавив шагу. Сэр Орфео не стал ему мешать.

Пыль в основном улеглась, только второй монстр не мог успокоиться: уцелевшая нога все еще пыталась бежать. Охотники первым делом направились к нему. Выстрел из термоэлектронного пистолета прекратил мучения бессловесной твари. Страшная пасть в последний раз раскрылась, выпустив озерцо крови.

— Нет, какова природа! Сотрясти так землю, поистине не каждому чудовищу дано,— заметил лорд Дезрой беззаботно, обходя трофей.

Сэр Орфео отошел к первому зверю, и только тогда меня отпустило; я затрусил следом. Дождавшись меня, сэр Орфео широко улыбнулся:

— Думаю, оруженосец из тебя выйдет, Джонго! Хоть и замешкался вначале, зато потом стоял, как скала!

Зная, как оно было на самом деле, я скромно промолчал.

5

Лорд Дезрой потратил минут пятнадцать, снимая трофеи на пленку, после чего мы направились к вездеходу.

— Нам сразу повезло, Дезрой,— сказал сэр Орфео, устраиваясь в кресле.— Пара эдаких зайцев с первого же захода! Не лучше ли вернуться на корабль? Для одного дня достаточно...

— Дурачишься опять, Орфео? — загремел лорд Дезрой.— От дичи изобилия к покою и безделью улизнуть охота? Достойней тяжкий труд...

— Негоже искушать судьбу...

— Умолкни, ради бога! Если о Толстом Черте говоришь, в утесах, я приметил...

— Черти от нас никуда не денутся.— Сэр Орфео по-прежнему улыбался, но голос его зазвенел. Пререкаться с ним по поводу охоты не стоило бы даже лорду Дезрою.

— Чума на слабых духом! — Лорд Дезрой ударил кулаком по подлокотнику.— Ужель ты думаешь, я буду прохлаждаться в своих покоях, коль дичь кишит повсюду? Веди машину, иль к штурвалу я встану сам!

Сэр Орфео резко двинул рычаг, и двигатель взвыл как ужаленный.

— Я беспокоюсь о леди Рейр,— сказал он.— Хочешь загонять всех до изнеможения — что ж, дело твое... Только не понимаю, что за спешка.

Красивая до неправдоподобия, леди Рейр сидела тихо и спокойно, не собираясь ни с кем спорить. Вытащив серебряную флягу и налив янтарного вина — себе и ей,— лорд Дезрой углубился в созерцание проносящегося мимо пейзажа.

Через час мы добрались до подножия хребта — того самого, что был виден с места посадки. Рельеф сделался неровным, а подъем — слишком крутым; пришлось переключиться на гусеницы. Сэр Орфео перестал мурлыкать под нос и принялся хмуриться. Думаю, он предпочел бы сейчас горячую ванну, сытный обед и тихую каюту. Не мечтать же, в самом деле, о четырехчасовом пути обратно?

Когда мы достигли плоской возвышенности, сэр Орфео поставил машину у крутой скальной стенки, открыл люк и выбрался, не говоря никому ни слова. Не дожидаясь приказа, я захватил оружие и тоже покинул вездеход. О дезинтеграторе для сэра Орфео я позаботился в первую очередь. Лорд Дезрой огляделся и что-то произнес; я не расслышал.

— Конечно здесь, куда им деваться,— сердито ответил сэр Орфео, переходя на скорый шаг.

Лорд Дезрой и девушка поспешили следом, и мне пришлось лезть на каменную осыпь, чтобы удержаться на правильном расстоянии справа от босса, как положено. Сэр Орфео повел остальных по дну узкой щели, уходившей круто вверх; я карабкался по краю под лучами палящего солнца, так и зависшего в зените. Термокостюм справлялся с работой неплохо, но жар, исходивший от камней, скоро обварил мне лицо.

Заметив, как я мучаюсь наверху, сэр Орфео что-то прорычал насчет дурной головы, которая ногам покою не дает; я не

потрудился ответить. От меня до тропы было двадцать футов обрыва, и никакой возможности спуститься. Слезу когда-нибудь потом — если повезет.

Мы шли молча. Леди Рейр шла по левую руку от лорда Дезроя, сэр Орфео — шагов на двадцать впереди. Счастливое выражение давно уже покинуло лицо его светлости. Тропа внизу резко повернула влево; мне снова пришлось догонять. Оступаясь и карабкаясь, я заметил движение впереди, на скалах.

Сверху мне было видно дальше; впереди, в тени очередной скалы, нависшей над краем трещины, шевельнулось что-то широкое и плоское, вроде гигантской пиявки. Сердце подпрыгнуло да так и застряло в глотке. Со второго раза мне удалось-таки прокричать:

— Впереди, сэр Орфео! Наверху справа!

Мгновенно замерев, сэр Орфео вскинул дезинтегратор и жестом велел всем остановиться. Задержавшись лишь на мгновение, лорд Дезрой поспешил вперед, к сэру Орфео. Животное, тварь, чудовище — называйте как хотите — пошевелилось снова. Я разглядел спереди что-то вроде глаза, окруженного бахромой из жестких красноватых ресничек. Внизу фыркнул зет-автомат; чудовище резко отпрянуло и скрылось в густой тени. Я успел увидеть, как лорд Дезрой опускает оружие.

— Все, теперь крышка! Отличный выстрел, Дезрой! — Сэр Орфео и не пытался понизить голос.— Самовольно покинул позицию, выстрелил без разрешения и ранил — *ранил!* — зверюгу. Еще что-нибудь сделаешь, прежде чем полезем за ним в нору?

— На грани дерзости глаголешь ты, Орфео...— начал лорд Дезрой.

— Рад был бы не дерзить! — Сэр Орфео покраснел так, что мне сверху было видно за двадцать футов.— Хочу только напомнить: на охоте командую я! За безопасность каждого участника отвечаю тоже я...

— Советы твои слушать не желаю больше! — проревел лорд Дезрой.— Лишаться ль мне забавы, пока с тобой я пререкаюсь?

Сэр Орфео раскрыл было рот для ответа, но только рассмеялся:

— Отменно сказано, милорд, признаю без стыда! Шутки, однако, в сторону: нам еще нужно выманить его оттуда.

Отвернувшись, сэр Орфео присмотрелся к провалу, в котором исчезла тварь.

— И все ж посмешищем ты выставил меня, ручаюсь,— проворчал лорд Дезрой.— А шут твой пригодится: пусть зверя выманит из логова! Для скудного ума задача в самый раз.

Сэр Орфео глянул в мою сторону, затем обратно на лорда.

— Мальчишка необучен и неопытен. А дело рискованное...

— И не настолько храбр, сказать ты хочешь?

— Ни в коем случае.— Сэр Орфео пристально посмотрел на меня.— Он вполне надежен. Джонго! Продвинься вперед и прикинь, как выкурить урода из норы.

Я не двинулся с места, так и сидел на корточках, глядя вниз на босса. Сидеть пришлось недолго: скала у самой головы будто взорвалась, опрокинув меня лицом вниз. Не успел я встать, отплевываясь, как лорд Дезрой выстрелил еще раз и попал совсем близко. Каменные осколки поранили мне щеку.

— Сэр Орфео! — закричал я.— Он же в меня стреляет!

Не особенно прислушиваясь к ответным возгласам, я откатился в сторону, ища, куда бы спрятаться, но так ничего и не успел найти. Пластаясь по камням, раненая пиявка выползла из убежища, исчезла на мгновение за острой скалой, но тут же показалась прямо на краю обрыва, между леди Рейр и лордом Дезроем, футов на тридцать выше последнего. Я ничего не слышал, но лорд Дезрой умудрился вскинуть оружие раньше, чем я успел крикнуть. Блеснула голубая вспышка; тени заметались между камней, тварь прыгнула — темная, толстокожая, широкая, как одеяло,— будто пытаясь накрыть собой дуло автомата. Лорд Дезрой не дрогнул. Он так и не прекратил огонь — пока тварь не раздавила его, припечатав к каменному ложу. Не мешкая, пиявка направилась к леди Рейр, стоявшей на дне расселины в одиночестве, футах в шестидесяти позади меня. За пиявкой тянулся след: то, что осталось от лорда Дезроя.

Первый раз сэр Орфео выстрелил, когда тварь еще была в воздухе. Второй раз он выстрелил, подбежав поближе. Краем глаза я уловил движение справа, где дно ущелья поднималось в гору: вторая пиявка заходила в спину сэра Орфео. Огромная, как бегемот, широкая, плоская; ее единственный глаз горел зеленым огнем.

Я закричал. Сэр Орфео даже не посмотрел на меня. Он продолжал стрелять, стоя спиной ко второму хищнику. Раненая пиявка подползла к безоружной леди Рейр совсем близко. Теперь я вспомнил, что лорд Дезрой освободил девушку от лишнего гру-

за, как настоящий джентльмен. Леди Рейр стояла лицом к чудовищу, сэр Орфео стрелял; с каждым выстрелом пиявка теряла огромные куски плоти, но даже не замедлила хода. Та, что сзади, подползала все ближе; сэр Орфео мог бы спастись, перенеся огонь на противника в тылу, но он нисколько не колебался. Сообразив, что сейчас охрипну от крика, я вспомнил наконец и про свое оружие. Кратерный дезинтегратор с самого начала мешал карабкаться по скалам — я забросил его за спину... Драгоценная секунда ушла на то, чтобы перекинуть ремень через голову; я прицелился — и не смог найти спускового крючка. Пришлось опустить оружие, посмотреть — второй твари до сэра Орфео остались считанные ярды,— прицелиться еще раз и выстрелить.

Отдача едва не сбила меня с ног. Не то чтобы она была такая уж сильная, просто я не ожидал толчка. Справившись с оружием, я стрелял снова и снова, но тварь не хотела умирать. В шести футах от сэра Орфео она поднялась, как кобра, и стала выше медведя гризли на задних лапах. Брюхо оказалось желтое, сплошь в острых шипах — понятно, что случилось с лордом Дезроем... Я успел выстрелить еще раз, прежде чем пиявка рухнула на сэра Орфео. В последний момент тот попробовал увернуться, но не успел. От тяжкого удара он откатился в сторону и замер. Пиявка тоже не шевелилась. Вторая тварь судорожно извивалась в десяти футах от леди Рейр. Пока я прицеливался, она рванулась вверх, тяжко ударилась о каменную стену и сползла вниз, открыв половину желтого брюха. Все кончилось; через несколько мгновений замолкло и эхо. Стало тихо, и я услышал, как стонет в луже крови сэр Орфео. Леди Рейр посмотрела наверх; в жуткой тишине мы встретились взглядами.

Глава 3

1

Когда я спустился вниз, сэр Орфео еще дышал. Он лежал на животе; мясо на бедрах было содрано до влажно блестевших костей. Я склонился над ним; он сжал мою руку:

— Джонго... твой долг теперь... леди Рейр...

Роняя слезы, я старался не глядеть на страшные раны. Меня трясло.

— Держись...— простонал сэр Орфео.— Полагаюсь на тебя. Береги ее... Теперь ты отвечаешь...

— Я позабочусь о ней... сэр Орфео!..

— Хорошо. Теперь... воды. Фляга там... на вездеходе.

Я побежал за водой. Когда вернулся, леди Рейр была бледнее смерти; пыль на ее прекрасном лице смешалась с потом. Оказывается, сэру Орфео почудился странный шорох. Он отправил ее посмотреть, а сам дополз до места, где обронил термоэлектронный пистолет, и снес себе голову.

2

При помощи кратерного дезинтегратора я вырубил под нависающей скалой два неглубоких ложа. Леди Рейр помогла дотащить тела до могил, и мы вернулись к вездеходу, не выпуская из рук оружия. Никакие ужасы нам не встретились; сэру Орфео действительно повезло с дичью.

Леди Рейр вела вездеход уверенно, но, когда мы вышли на равнину, остановилась, будто забыла дорогу. Я постучал по стеклу; вздрогнув, она обернулась. По-моему, она просто забыла про меня. Бедная девушка! Какое одиночество...

— Туда, миледи,— показал я пальцем в нужную сторону, где за горизонтом находилась яхта.

Через три часа мы перевалили невысокий хребет, и на краю пустыни засверкал наш единственный дом. Еще сорок пять минут, и мы стояли у грузового люка.

Леди Рейр спрыгнула на землю и набрала нужную комбинацию на кодовом диске. Ничего. Обойдя корабль, она попробовала пассажирский люк — снова безрезультатно. Тогда она посмотрела на меня. Даже сейчас ее взгляд был для меня событием.

— Не войти,— прошептала она.— Обычай сэра Орфео: код замков пред каждою посадкой менял он. Чтобы туземцы не опустошили яхту...

— Должен быть способ,— пробормотал я в отчаянии.

Побарабанив кулаками по крышке люка и по кодовому диску, я вернулся к дверце, в которую когда-то вошел без спроса, попробовал еще раз — не получилось. В душе начал набирать вес груз отчаяния.

— Что, если прострелить дыру? — предложил я.

Попросив леди Рейр отойти, я снял с плеча кратерный дезинтегратор, прицелился и выстрелил — с десяти футов. Ударной волной меня повалило на землю, но броня даже не поменяла цвет.

Поднявшись, я отряхнул пыль с комбинезона. Тяжесть нашего положения просачивалась в сознание постепенно, как солнечный жар сквозь термокостюм. Леди Рейр смотрела куда-то вдаль, сквозь меня.

— Нам... надо перечесть запасы в вездеходе,— сказала она после долгого молчания.— Потом... можешь сделать себе постель — в тени корабля.

— Хочешь сказать — так и будем сидеть здесь?

— Случись прийти спасенью — как иначе заметят нас среди пустыни бесконечной?

Я сглотнул комок в горле и набрал побольше воздуху.

— Миледи, мы не можем здесь оставаться.

— И почему же?

Стройная, изысканная, она смотрела на меня в упор спокойными серыми глазами — настоящая аристократка.

— Не знаю, какие у нас шансы быть найденными, но ждать придется долго, в лучшем случае. Запасы на вездеходе скоро кончатся, а жара вымотает. Надо найти место получше, пока есть силы.

Держался я уверенно, будто знал, о чем говорю. Только голос меня выдавал. От страха даже подташнивало, но оставаться нельзя — в этом я нисколько не сомневался.

— Лучше погибнуть здесь, чем жить в пустыне, без надежды.

— Мы пока еще не умерли, миледи. Но погибнем обязательно, если не начнем действовать прямо сейчас.

— Останусь здесь. Спасайся бегством от судьбы, если желаешь, Джонго.

— Сэр Орфео велел заботиться о вас, миледи. Я собираюсь исполнить его приказ в точности.

— Заставишь силой, значит? — Она посмотрела на меня с вежливым интересом.

— Боюсь, что так, миледи.

Высоко вскинув голову, она проследовала к вездеходу. Я забрался на привычное место сзади; леди Рейр запустила двигатель, и мы полетели над пустыней.

3

Остановились мы только ночью, когда солнце опустилось за горизонт и выплыла огромная, вся в оспинах кратеров, луна. Луна оказалась почти такая же, как дома, только до нее можно было рукой дотянуться — если, конечно, встать на цыпочки... Поспав, мы снова двинулись в путь, еще затемно. Когда рассвело, я попросил показать, как вести машину, чтобы я мог подменить леди Рейр за рулем. После этого мы вели вездеход по очереди, держась курса на северо-запад. По земным меркам на третий день голая пустыня сменилась редким кустарником, а через полчаса двигатель забулькал и остановился навсегда.

Взойдя на невысокий холм, я огляделся. Покрытая пятнами кустарника пустошь тянулась, насколько хватало глаз. Вернувшись, я увидел леди Рейр с термоэлектронным пистолетом в руке.

— Воистину надежды больше не осталось,— сказала она, протягивая мне оружие.— Исполни свой долг в последний раз, Джонго.— Голос леди Рейр сел до шепота.

Приняв пистолет, я отвернулся и забросил его как можно дальше. Когда я вновь посмотрел на леди Рейр, руки мои дрожали.

— Не хочу больше этого слышать! Никогда!

— Оставишь мне не жизнь, но медленную смерть? Безжалостного солнца под лучами — иссохнуть?..

Я схватил ее за руку — прохладную, гладкую, как шелк:

— Все будет хорошо, миледи. Я доставлю вас домой в целости и сохранности, вот увидите!

Леди Рейр покачала головой:

— Нет дома, Джонго, у меня. И верные друзья — в могиле...

— Но я-то жив! И зовут меня не Джонго, миледи. Мое имя — Билли Дейнджер. Я тоже человеческое существо и могу быть вашим другом.

Леди Рейр внимательно посмотрела мне в глаза. Кажется, она впервые в жизни меня заметила — и улыбнулась.

— Храброе сердце, Билли Дейнджер! Теперь и мне придется исполнить долг свой до конца. Веди — я за тобой!

4

На вездеходе обнаружился неплохой запас концентратов, а в холодильнике — разные деликатесы, которые надо было съесть в первую очередь, пока не испортились. Проблему составляла

вода: тридцать галлонов в баках и умерший вместе с двигателем дистиллятор. Воду придется искать. Оружие и боеприпасы в изобилии; походные аптечки, радио, очки-бинокли, ботинки... Но в домашнем хозяйстве нужно и многое другое.

За неделю я методично обследовал территорию в радиусе около пяти миль, но не нашел ни родника, ни водопоя. Деликатесы — те, что не успели протухнуть,— мы съели, и воды осталось два десятигаллонных бака.

— Надо будет прогуляться подальше,— решил я.— Там, за горушкой, куда я не дошел,— может, найдем оазис.

— Как пожелаешь, Билли Дейнджер.— Улыбка леди Рейр была подобна восходу солнца после долгой ночи.

Мы уложили в рюкзаки еду, воду и кое-какие мелочи; я прихватил зет-автомат. Вышли в сумерки, когда спала жара.

Невысокие однообразные холмы катились один за другим, как пологие волны. За долгим подъемом следовал унылый спуск. Я держался курса на запад. Не потому, что направление казалось особенно перспективным — просто на закат было проще всего идти.

Двадцать миль до наступления темноты, еще сорок — за два перехода до рассвета. Болело сердце за леди Рейр, но я не мог больше ничего сделать для нее... В который раз мы брели к очередной вершине, надеясь на чудо, и в который раз нам открывалась все та же картина.

Переждав знойный день, мы снова двинулись в сторону заката. Еще засветло, где-то за час до наступления темноты, мы увидели кошку.

5

Кошка стояла на гребне холма, на невысоком камне, поводя хвостом из стороны в сторону. Мгновение спустя она грациозно прыгнула вниз, превратившись в смутную тень на фоне обращенного к нам склона. Кошка приближалась; я внимательно следил за ней, сняв с плеча автомат. В тридцати футах кошка села, наморщила мордочку и принялась вылизывать мех на груди. Закончив туалет, она зевнула, показав загнутый крючком язык, и исчезла в густеющих сумерках — откуда пришла.

Все это время мы не двигались и не проронили ни слова. Когда кошка растворилась в темноте, я подошел к месту, где

она умывалась. Отпечатки лап в тонкой пыли виднелись отчетливо. Именно тогда пришлось поверить своим глазам. Воображаемые кошки — куда ни шло, но воображаемые отпечатки лап — это чересчур. Мы заспешили вдоль цепочки следов, насколько позволяли натруженные ноги и наступающая темнота.

6

Небольшое озерцо, по-видимому питаемое источником, обнаружилось в каменистом ущелье, за плотными зарослями темно-зеленого кустарника. Леди Рейр остановилась, глядя зачарованно; я соскользнул вниз и упал в воду. По счастью, на первых же глотках я закашлялся и упиться до смерти не получилось.

За каменным ложем источника громоздились скалы с чернеющими устьями пещер. Держа автомат на изготовку, я обошел озерцо, стараясь не оступиться в почти полной темноте. Действительно, пахло кошками. Спасибо, полосатая, что привела к воде — но не хотелось бы почувствовать твои когти на загривке. Сегодня, когда появился шанс пожить еще денек-другой...

Пещеры оказались скорее неглубокими нишами, футов около десяти, с низким потолком — не разогнуться — и довольнотаки ровным земляным полом.

Леди Рейр выбрала себе подходящую, и я помог очистить ее от сухих листьев и кошачьего помета. Вместе мы подобрали подходящий камень вместо входной двери — теперь сюда без спроса никакой зверь крупнее хомяка не пролезет. Другую пещеру миледи объявила моей и тут же занялась приборкой. Закончили мы глубокой ночью. Леди Рейр уединилась у себя, я сел снаружи с пистолетом в руке — и заснул...

Проснулся голодным и с ясной головой. Откуда в эдакой пустыне кошки? Гиеновые гориллы и пиявки с шипами на брюхе — понятно... Кошки им никакая не родня. Тем более самые что ни на есть обыкновенные кошки: серо-черные, полосатые, с вертикальными зрачками и втягивающимися когтями. Нормальная домашняя кошка, только величиной с колли. Я и раньше слыхал о параллельной эволюции, потому рассказы сэра Орфео о несметном изобилии четвероногих и одноголовых созданий, населяющих Вселенную, меня не слишком удивили — но в такое безусловное совпадение поверить трудно.

Стало быть, одно из двух: или мне все привиделось — маловероятно, тем более что в ярком лунном свете у воды показались еще две точно такие же кошки, или наша яхта — не первый человеческий корабль на Гэре 28.

7

Под утренним солнцем прозрачная вода смотрелась особенно соблазнительно. Задумчиво поглядев на хрустальную гладь, леди Рейр обратилась ко мне:

— Билли Дейнджер, смотри как следует, пока омоюсь я. Не думаю, чтоб было здесь опасно...

Под спокойным взглядом серых глаз я сообразил, что леди Рейр захотелось искупаться.

— Лишился дара речи, Билли Дейнджер? — спросила она, потеряв терпение.

— А как же ядовитые змеи, крокодилы, зыбучие пески и подводные течения?

— Не буду более ходить немытой! Уж лучше пусть съедят.

С этими словами она расстегнула молнию и шагнула вперед, оставив на песке платьице, сменившее термокостюм. Нагая, как богиня, она оказалась столь же прекрасна. Я онемел второй раз за одну минуту.

— И глаз своих с меня ты не спускай! — приказала она.

Никогда не слыхал о приказе, который было бы легче исполнить.

Леди Рейр не вылезала из воды целых полчаса, беззаботно плавая вдоль и поперек озерца, будто в бассейне дорогого отеля в Майами-Бич. Дважды она ныряла, задерживаясь под водой надолго. Оба раза я нырял следом, не выдержав. Когда я пожаловался, она рассмеялась и пообещала больше так не делать.

— Поистине, нашел ты райский сад в пустыне, Билли Дейнджер,— объявила она, одевшись.— Прекрасный, хоть и дикий.

— Но дома все иначе... Не правда ли, миледи?

Не желая отвечать, леди Рейр переменила тему. Она никогда не поддерживала разговоров о прошлом.

Никуда не торопясь, в течение нескольких дней, я перенес в наш оазис все сколько-нибудь нужное, совершив две экспедиции к вездеходу. Жизнь потекла размеренно и спокойно. В другом месте можно было бы сказать — безмятежно. Леди Рейр бродила

по окрестностям, карабкалась по скалам; с прогулок она приносила цветы и мелкий зеленый кустарник, чтобы высадить у пещер и вдоль протоптанных нами дорожек. Посадки она заботливо поливала, используя горшок, специально изготовленный для этой цели. Глина нашлась на берегу озерца; обжечь горшок удалось при помощи зет-автомата в широкоугольном режиме. Я проводил свободное время в коротких экспедициях то к западу, то к северу и в попытках подружиться с кошками.

Кошки здесь водились в изобилии: вокруг озерца мне иногда удавалось насчитать до десятка одновременно. На нас они особого внимания не обращали. Если к ним подходили ближе чем на пятнадцать футов, они без спешки удалялись в заросли в глубине ущелья, и только. Гладкие и ленивые — такими делает жизнь у домашнего очага. Обыкновенные кошки, только немного покрупнее.

Я положил глаз на полосатую с рыжиной — главным образом потому, что ее легко было отличать от остальных. Завидев свою избранницу, я подходил, насколько она позволяла, и начинал играть клубком бечевки, взятой на вездеходе. Я выкатывал клубок вперед, подтягивал к себе; кошка придвигалась поближе. Еще немного — и клубок получал оплеуху от когтистой лапы...

Через неделю игра превратилась в обычай, через две — кошка получила кличку Эврика и позволила почесать себя за ушами. Через три она лежала, развалясь, на пороге моей пещеры, не обращая внимания, когда через нее перешагивали.

Леди Рейр взирала на наши игры с благосклонной улыбкой. По ее словам, домашняя кошка известна в большинстве миров, где живут люди. Откуда кошки взялись, леди Рейр не знала, но когда я сказал, что этот вид происходит с Земли, она не сдержала усмешки:

— Воистину, Билли Дейнджер, непросвещенный ум неизменно полагает себя в центре Вселенной. Человек рассеялся среди звезд во времена незапамятные, и с ним — его рабы и друзья.

Поначалу леди Рейр держалась несколько поодаль от Эврики, но однажды та захромала, и девушка провозилась с ней полчаса, доставая занозу из лапы. На следующий день Эврику искупали, высушили и расчесали лоснящийся мех щеткой, после чего кошка решила сопровождать леди Рейр на прогулках. Очень скоро Эврика перебралась спать на порог пещеры леди Рейр: там кошку больше баловали.

Я тем временем пытался понять, чем кошки питаются. Концентратам когда-нибудь придет конец, а то, что годится кошке, сгодится при нужде и человеку. Ничего особенного я не увидел, сколько ни смотрел. К озеру они приходили полакать воду и понежиться в тени на берегу — никакой охоты. Со временем кошки исчезали в зарослях, откуда появлялись, только и всего. Однажды я решил последовать за Эврикой.

— Как хочешь,— улыбнулась леди Рейр.— Но думается мне, что рысь твою лишь лунный луч питает.

— Что ж, придется отведать лунного луча на обед,— сказал я.

Сквозь плотную завесу непривычной листвы кошка увела меня в скалы на севере, где ущелье было густо оплетено темно-зелеными лианами от одного края до другого.

Всего шрам на теле пустыни достигал трехсот ярдов в длину, при ширине до пятидесяти; дна не видно, но стебли, толщиной иногда с ногу, уходят в глубокий сумрак не меньше чем на сто футов. И кошки. Лежащие в развилках лиан, разгуливающие по мясистым стеблям, сверкающие в полумраке изумрудами глаз... Две или три сидели на краю ущелья, внимательно глядя мне в глаза. Эврика зевнула, зацепив хвостом мою ногу, и одним прыжком исчезла в зеленой полутьме. Встав на четвереньки и отодвинув рукой листву, я разглядел толстую лиану, которой воспользовалась кошка. Можно было бы последовать за ней, но лезть в зеленый лабиринт, полный крупных кошек, почему-то не хотелось. Я пошел по краю ущелья, замусоренному чем-то вроде толстой скорлупы.

8

Ущелье вскоре окончательно обмелело и растворилось в знакомом пейзаже пустыни. Лиан стало поменьше, и сделались видны геологические структуры на стенках. В светлом камне попадались какие-то странные включения: не то шишки, не то трубы. Приглядевшись, я понял, что это — окаменевшие кости, в огромном количестве. Клад для палеонтолога — специалиста по фауне Гэра 28, но для меня не слишком много. Мне бы мяса посвежее... А пока решительно ничего, кроме кошек. Есть же кошек совсем не хотелось — по пяти или шести причинам, считая только те, что приходят в голову сразу. Остается таинственная кошачья еда — где-то там, в глубоком сумраке среди лиан. Сняв автомат с плеча и повесив его на грудь, я двинулся вниз.

Дно ущелья уходило круто вниз, под углом не меньше тридцати градусов. Одетые в сухую кору, толстые стебли над головой выглядели одеревеневшими. Наверх, к солнечному свету, тянулись лишь курчавые зеленые усики. Воздух под сенью зеленых листьев был бы полон лесной свежести — если бы не кошки... Через пятьдесят футов заросли сделались почти непроходимыми: хочешь — карабкайся по лианам, хочешь — поворачивай обратно. Я решил не отступать.

Поначалу ползти было не слишком трудно: между стеблей хватало и места, чтобы протиснуться, и света, чтобы понять куда. Где-то подо мной возились кошки. Добравшись до особо крупной лианы, не тоньше моего туловища, я начал спускаться вниз, как по дереву. Цепляться было за что. Крупные стручки свисали отовсюду гроздьями. Многие казались погрызенными, не то кошками, не то их добычей. Эта последняя, правда, не подавала никаких признаков жизни. Отломив стручок, я присмотрелся: бледно-зеленый, бугорчатый, длиной около фута. Раскрывается легко, внутри — полдюжины круглых бобов размером с яичный желток. На вкус вроде сырого гороха... После двух недель на концентратах очень даже ничего — если они меня не отправят на тот свет.

С каждым ярдом становилось все темнее, как в морской глубине. Сто футов зелени не шутка. Ствол резко изогнулся; я переполз на верхнюю сторону и через десяток футов уперся во что-то твердое. Потускневший от времени металл — гладкая, твердая, слегка искривленная поверхность. Стоя на четвереньках, даже в зеленом сумраке трудно ошибиться.

Что-то свалилось рядом, как теплое одеяло: Эврика пришла поинтересоваться, чем я тут занимаюсь. Она сидела и вылизывала шерстку, пока я разыскивал корни большого дерева. Оказалось, лиана растет из дыры в металле. На толстом стволе развились грубые валики: дерево приспособилось к металлу, металл — к дереву. Похоже, дыру проделало само растение.

Ползком я обследовал овальную область пятнадцать на десять футов; дальше меня не пустила густая зелень. Гладкий металл без швов и заклепок цвета настойки йода, изогнут плавно и красиво,

если не считать горба в области дыры. Если кому надо разобраться подробнее, без расчистки не обойтись... Сузив луч до предела, я срезал часть дерева термоэлектронным пистолетом. За обшивкой обнаружилось помещение размером с индустриальный холодильник, почти целиком заполненное деформированным стволом.

Для первого раза вполне достаточно. Я поскорее дополз до места, где большая лиана уходит вверх, и выбрался к солнцу. Подробности потом; сейчас надо быстрее рассказать леди Рейр, что под зарослями на дне ущелья лежит настоящий большой звездолет.

Глава 4

1

Через пятнадцать минут она стояла на краю ущелья вместе со мной. Отсюда вполне можно было различить трехсотфутовый контур звездолета — зная, что он там действительно лежит. Почти горизонтально, с уклоном в пятнадцать градусов, возвышаясь к югу.

— Свалило землетрясением,— предположил я.— Или гэротрясением.

— Рухнул под натиском стихий, быть может, бури,— согласилась леди Рейр.— Смотри, вон там, у края пропасти,— обломок. А там — разбитая скала...

С южной стороны отыскалась кошачья тропа, которая привела нас к цели без особых проблем; в первый раз мне пришлось труднее. У люка мы провели целый час, выжигая сплошную массу древесины, чтобы выбраться на неровную палубу, заваленную какими-то обломками и опутанную стеблями лиан. Нижний конец палубы тонул в грязи. В холодном, сыром воздухе густо пахло гниющей растительностью и стоячей водой. По колено в зловонном месиве мы добрались до лежащего на боку трапа, через открытый люк на вершине трапа попали в узкий коридор, где, стоило мне шагнуть внутрь, тут же вспыхнул тусклый зеленоватый свет. От неожиданности у меня мурашки по спине побежали.

— Автоматика — сомнений быть не может,— спокойно объяснила леди Рейр.

— Работает — после всего? Сколько времени прошло...

— Почему же нет? Их строили навечно. Смотри.— Леди Рейр указала на темный проем в стене.— По шахте этой путь к верхним палубам лежит.

Она прошла вперед, я за ней — чувствуя себя маленьким мальчиком в очень большом замке с привидениями.

2

Сначала шахта привела нас в мрачное помещение, полное изломанных трубопроводов, где стояли не то паровые котлы, не то грузовые контейнеры. Леди Рейр объяснила, что это примитивные ионные двигатели. Разбитого оборудования здесь хватало, но следов растительности почти никаких — несколько лиан, и те давно высохли. Кладовая, штурманская рубка, полная попрежнему блестящих инструментов, салон с мебелью, теперь торчащей из стены... Напротив салона — каюты, а на самом верху — помещение с рядами черных экранов над помостом в центре. Помост давно обрушился и висел на переплетении кабелей и трубопроводов. Дальше мы пройти не смогли: носовая часть представляла собой бесформенную груду искореженного металла. Следов экипажа или пассажиров не обнаружилось, если не считать изредка попадавшихся обломков, которые могли оказаться человеческими костями.

— Что скажете, миледи? — спросил я.— Найдется здесь что-нибудь полезное?

— То было б чудом, Билли Дейнджер, но сперва осмотрим все. Нет смысла оставлять надежду раньше, чем настанет время.

В трюме, где началась наша экспедиция, леди Рейр заинтересовалась лианами, что ползли вверх, как змеи, откуда-то снизу.

— Здесь эти лозы... очень странно. Не из земли растут, но из утробы корабля. Притом недостает им сходства с другими злаками планеты сей.

Я пощупал ближайший лист — кожистый, сердцевидный, с грубыми жилками, дюймов восьми в поперечнике.

— Выглядит как обыкновенный горох. Только гигантский — наподобие кошек.

— Разгадку мы отыщем у корней. И ежели глаза мои не лгут, начало их в том люке.— Леди Рейр показала пальцем.

Протиснуться в узкую служебную шахту, мимо стеблей толще моего бедра, удалось с трудом. Я посветил фонариком; открылась россыпь белых костей.

— Кошка.— Я больше надеялся убедить себя, чем леди Рейр.

Мы пошли дальше, пригибаясь под петлями лиан. По дороге попался еще один кошачий скелет, разбросанный на протяжении нескольких шагов. Пахло довольно странно: вроде бы горький миндаль и еще какая-то тухлятина. Пятьдесят футов по шахте, потом стебли нырнули в дверь, будто выбитую с нашей стороны. За дверью обнаружилась плотная масса белесых перепутанных корней, а в дальнем конце отсека через пробоину в корпусе струился тусклый зеленый свет. Здесь слышался негромкий шорох и ритмичный звон, будто крупные капли падали в спокойную воду. Я посветил фонариком: пол уходил круто вниз, и среди спутанных корней вспыхнула густая россыпь янтарных огоньков. Леди Рейр отступила на шаг:

— Скорей отсюда, Билли Дейнджер! Место мне не по нраву...

Больше леди Рейр сказать ничего не успела. Лабиринт корней содрогнулся, и все дьяволы ада ринулись на нас одновременно.

3

Грязновато-белая тварь на шести тонких ногах напала прямо на меня, щелкая кривыми челюстями; вспомнилась нечисть, как ее изображали средневековые художники. Отскочив назад, я попытался отбросить монстра пинком, но челюсти вцепились в ботинок, будто стальной капкан. Вторая тварь в прыжке добралась до колена; тонкая, но прочная ткань комбинезона выдержала, но костюм под ней порвался. Что-то взвизгнуло у меня за ухом, блеснула голубая вспышка; суча лапками, две твари бросились обратно. В лицо ударил густой запах жженой кости. Через полсекунды я очнулся, выхватил термоэлектронный пистолет и принялся поливать, как из шланга. Одни гибли, корчась, другие наступали волной по их трупам.

— Мы долго не продержимся! — прокричал я.— Их надо отрезать!..

Главный ствол уже горел, кипящий сок брызгал во все стороны. Пригнувшись, я подобрал тушку и бросил ее в просвет люка, выстрелил в другую тварь, сунувшуюся на порог, шагнул

назад, оступился и рухнул лицом вниз. Когда что-то темное с воплем прыгнуло прямо через меня, я только успел прикрыть голову руками. Раздался глухой удар, хруст — вот оно что... Ошеломленно присев, я смотрел, как Эврика ловко работает обеими лапами, успевая повсюду. Немного позади леди Рейр стреляла спокойно, будто по глиняным уткам на деревенской ярмарке. Ни густая коричневая дрянь, испортившая белый комбинезон до самых колен, ни кровавая царапина на щеке нисколько ей не мешали. Эврика присела на хвост, сморщив носик в мою сторону и подрагивая усами, леди Рейр обернулась — последний шорох, и наступила тишина.

— Ну вот, одним вопросом меньше,— сказал я.— Теперь известно, что едят кошки.

4

Шахта, трюм, гороховые джунгли, солнечный свет — дорога обратно вела круто вверх. Немного отдышавшись, леди Рейр сняла с пояса аптечку и принялась лить жидкий огонь в раны на моих руках, ногах, спине и голове. Пока она меня пользовала, я произносил речь:

— Все понятно! Это был гидропонный отсек. Когда корабль рухнул — при аварийной посадке, землетрясении, какой-то другой причине,— корпус разорвало именно здесь. Растения почуяли солнечный свет и выбрались наружу. То ли гидропоника продолжала работать, обеспечивая воду и удобрения, то ли вода и грунт отыскались на дне ущелья, то ли то и другое сразу... Одним словом, им понравилось. По крайней мере, солнца здесь хоть отбавляй. Не встречая серьезной конкуренции со стороны местной флоры, растения стали вот такими. Приспособились, значит.

— Быть может, в домыслах твоих крупица правды есть,— согласилась леди Рейр.— Корабль сей очень древний. Семь тысяч лет назад такие уходили от Зериды к звездам.

— Да, за семь тысяч лет можно и не так вымахать. Особенно если местное солнце светит достаточно ярко. Кошки тоже... почему нет? На борту могла быть парочка — или даже одна беременная кошка. Пережила падение, нашла воду и пищу...

— Нет, Билли Дейнджер. Хоть Эврика и ужинает тварями, что сражены твоей защиты ради, домашней кошке их не одолеть. Напротив, растерзают сразу...

— Ну, кошка на безрыбье и горохом питаться может. Да и твари эти были тогда помельче.

— Право? История созданий Гэра тебе известна? Или простых зверей и птиц?

— Создания — они такие же пришельцы, как горох и кошки. Они прибыли на корабле, вернее сказать, на кошках.

— Ужель ты бредишь? Лихорадка одолела?

— Может, в этом и неловко признаваться, но блоху я ни с чем не перепутаю.

5

На корабль мы вернулись на следующий день. По кошачьим костям можно было судить, где кончается блошиная территория. Похоже, блохи старались не покидать темного трюма и жили долго и счастливо, высасывая соки из стеблей гороха — а иногда из кошек, которых занесло не на ту сторону. Многих демографическое давление выталкивало наверх, так что кошки не страдали от голода; экскременты же и кошачьи трупы рано или поздно попадали на дно ущелья, удобряя гороховые джунгли. Нормальный экологический цикл.

Леди Рейр долго искала радиорубку и наконец нашла — в разрушенной носовой части.

Когда-то речь и музыка принимались здесь и летели в межзвездное пространство быстрее света в неудобопонятное число раз — теперь отсек напоминал кошмар старьевщика. Мы с большим трудом заползли внутрь.

— *Надежда маячок найти неповрежденный меня не оставляла.* Глупо — но все же...

Леди Рейр так огорчилась, что я не мог ее не обнадежить:

— Тут всякой аппаратуры девать некуда. Может, найдутся исправные детали...

— А много ли ты смыслишь в межзвездных коммуникациях, Билли Дейнджер? — спросила она не без высокомерия.

— Не много,— признался я.— Но обыкновенное радио собрать могу. Не скажу за цветные голограммы, но сигнал попроще... Почему бы нет?

Леди Рейр стало интересно; пришлось объяснять подробнее. Я рассказал все, чему меня научили в летнем лагере, где я занимался на радиотехнических курсах. Чувствовал я себя непорочным дикарем с острова Борнео, обучающим физика-ядерщика изготовлению каменных топоров.

За неделю мы собрали работающий передатчик. Леди Рейр уверила меня, что на любом экране в радиусе двух световых лет его сигнал будет выглядеть как вспышка помех. От аккумуляторов системы аварийного освещения мы протянули толстый кабель; остаток энергии уйдет в единственный импульс. В качестве антенны мы использовали корпус звездолета, а сами отошли ярдов на двести, протянув за собой длинный провод. На всякий случай, если энергии в аккумуляторах осталось больше, чем мы думали. Секунды две после нажатия кнопки ничего не происходило, потом вдоль всего ущелья пронесся глухой рокот. Из джунглей во все стороны брызнули кошки, а за ними — и блохи. Блохи чувствовали себя неуютно, кошки преследовали их безжалостно; мы старались не попадаться на дороге ни тем ни другим. В конце концов блохи попрятались, а кошки расположились на отдых под листьями гороха и на скалах у пруда. Нам с леди Рейр ничего не оставалось, как ждать.

6

Мне удалось сделать полезное открытие: если надрезать гороховую лозу пониже листа, можно добыть струйку прохладного сока. Леди Рейр придумала вытащить молодой побег и заставить его расти по направлению к пещерам; получилось как нельзя лучше. Через два месяца прохладная тень и освежающее питье ждали нас прямо за порогом.

Я попросил леди Рейр обучить меня ее родному языку. Вместе с незнакомыми словами мне посчастливилось многое узнать о ее цивилизации. Зерида — мир очень древний, пятьдесят тысяч лет письменной истории, но люди остаются людьми. Бесклассовой утопии, где философы разгуливают по роскошным садам, так и не получилось; несогласия, раздоров и несчастья хватало во все времена. О себе леди Рейр предпочитала не говорить. Не сомневаюсь, ей тоже пришлось хлебнуть лиха. Чтобы такую девушку занесло на другой конец Галактики в компании столь экзотических личностей, как сэр Орфео и лорд Дезрой? Спрашивать я не стал: захочет, расскажет сама. Однажды, правда, мне удалось ее рассмешить.

— Миледи... Сэр Орфео с лордом Дезроем охотились на Земле триста лет назад. А ваш английский относится к тому же времени...

— Неужто, Билли Дейнджер, ты полагаешь меня столь древней развалиной? — рассмеялась она.

— Нет... но...

— Я выучилась языку у лорда Дезроя, отчасти у сэра Орфео. Но лишь недавно — мне восемнадцать лет всего, в земных годах.

— То есть последние четыре года вдали от дома? Как же твоя семья не беспокоится?..

Ее лицо изменилось так, что я осекся.

Погода понемногу портилась: дни становились все короче и прохладнее. Цветы, которые леди Рейр высадила столь заботливо, теряли лепестки и засыхали. Кошки у себя в зарослях выли и дрались; в один прекрасный день не стало прохода от котят.

Меню наше состояло из гороха: жареного, печеного, сырого; гороха в виде рагу, супа и салата; гороха, смешанного с концентратами, в виде супа, рагу и солдатской каши. Мы стригли друг друга ножницами, которые имелись в аптечках. По счастью, бороды у меня не было. С течением времени дни начали прибывать, и на какое-то время ущелье превратилось в волшебную страну, где аромат цветов кружил голову. По вечерам леди Рейр все чаще выходила посмотреть на лиловые горы, сказочными замками возвышавшиеся на западе. Я сопровождал ее с оружием наготове, на случай, если в наши края забредут гиеновые гориллы сэра Орфео.

Однажды ночью прилетел корабль.

7

Я тогда крепко спал. Леди Рейр растолкала меня и, когда я вылетел из пещеры с дезинтегратором в руках, указала на голубую звезду, становившуюся ярче с каждой секундой. Ни звуком не нарушая ночной тишины, корабль опустился в четверти мили от нас, заливая все вокруг голубым сиянием. В мертвенном свете на лице леди Рейр залегли глубокие черные тени. Я просто задыхался от радостного возбуждения, но девушку визит неизвестного корабля не обрадовал.

— Мне обводы корабля едва знакомы, Билли Дейнджер. Древнейшая конструкция. Вон, видишь — двухсегментный корпус, подобный телу шершня...

— Двигатели глаза слепят — ничего не вижу,— пожаловался я.

Тем временем голубой свет посадочных двигателей померк, и загорелись прожекторы. Вокруг стало светло, как в полдень.

— Быть может...

Леди Рейр не успела ничего сказать. Пустыню затопили свист, вой и уханье. Концерт продолжался недолго: последние отзвуки убежали к ночному горизонту, и наступила тишина.

— Если то была речь, язык мне незнаком,— промолвила леди Рейр.

— Нам следует выйти навстречу,— решил я. Хотелось мне, правда, забраться в гороховые джунгли, и поглубже.

— Билли Дейнджер, не по душе мне гости.— Леди Рейр схватила меня за руку.— Спрячемся в ущелье...

Ее желания чересчур хорошо совпали с моими; надо было показать никчемность женской интуиции.

— И упустим единственный шанс покинуть эту песочницу? Решайтесь, миледи: вас ждет дом...

— Нет, Билли...

Я потянул ее за руку, не слушая. Вблизи корабль оказался небоскребом с осиной талией. Из грузового люка где-то сзади, с противоположной от нас стороны, выехали три вездехода и покатились, поднимая пыль, в разные стороны, один из них — к нам. Приземистая, цвета старой меди, без острых углов и видимых отверстий, машина остановилась футах в пятидесяти, слепо глядя на нас тупым широким рылом. Откинулась крышка узкого люка, не более фута в диаметре, оттуда вылезла не то антенна, не то перископ, повернулась на четверть оборота и застыла.

— Будто принюхивается,— попробовал пошутить я. Вышло на удивление неостроумно.

На крыше вездехода открылся люк побольше, и наружу выползло нечто необыкновенное. Таких странных созданий я никогда не видел.

Карлик четырех футов ростом и почти квадратный, он сначала показался мне гномом в римских доспехах. Утвердившись на грунте четырьмя короткими, толстыми ногами, он задрал кверху туловище, и мне удалось рассмотреть лицо, открывшееся в середине грудной клетки, между парой тюленьих ласт. Очень похоже на увеличенную фотографию летучей мыши, поразившую меня в детстве. Два глаза, еще какие-то отверстия, серо-корич-

невая шкура толстыми складками, и рот наподобие лягушачьего, только с клыками. Пахло от него необычно, как от медной монетки, если подержать ее во рту. Некоторое время мы пристально смотрели друг на друга, затем вспучился розоватый мешок в центре бороды из червеобразных щупалец, и послышался хлюпающий голос. В незнакомых словах мне почудился если не страх, то осторожность.

Леди Рейр ответила на родном языке, но слишком быстро, чтобы я мог уловить смысл. Мне оставалось тупо слушать, как они препираются. Леди Рейр бросила взгляд на меня; прозвучало мое имя и слово «собственность». Что она имела в виду, оставалось неясным. Пока они разговаривали, из темноты вернулись два оставшихся вездехода и взяли нас в кольцо.

Из танков высыпались другие гномы с цилиндрическими стопками не то изоляторов, не то кофейных чашек без ручек наперевес. Верхняя чашечка каждой стопки глядела прямо на нас. Первый из гномов сделал шаг назад и резко взмахнул ластами.

— Бросайте оружие,— сказал он по-зеридски, явно более ничего не опасаясь.

Леди Рейр потянулась к пистолету; я торопливо схватил ее за руку.

— Крапивное семя!.. Теперь я их узнала. От них для нашего народа одни мучения!

— Там, под прожекторами,— амбразуры,— объяснил я.— Лучше сделать, как он говорит.

— Если мы выстрелим одновременно...

— Ничего не выйдет, миледи. Мы уже под прицелом.

Поколебавшись секунду, леди Рейр расстегнула пояс, и оружие упало на землю. Я осторожно сделал то же самое. Довольно хрюкнув, наш новый друг хлопнул себя ластами по бокам; вооруженные гномы обступили нас со всех сторон.

— Вот этого свяжите.— Он указал на леди Рейр.— Второго — пристрелить!

Дальнейшие события смешались, как стеклышки в калейдоскопе. Дуло одного из непонятных ружей качнулось в мою сторону; леди Рейр вскрикнула и бросилась прямо на стрелка. Тот сбил ее с ног; я бросился на урода, готовый задушить его собственными руками,— и получил тяжкий удар в лицо. Долгое время меня несло горным потоком, и когда я в очередной раз налетал

на скалу в пенном водовороте, кто-то рядом глухо стонал... Очнулся я лицом в луже загустевшей крови. Ни злых чудовищ, ни леди Рейр, ни древнего корабля нигде не было.

8

В течение нескольких часов мое сознание меркло и разгоралось вновь, как неисправная лампа. Я приходил в себя, пытался ползти — потом приходил в себя снова. Солнечный день явился неожиданно — так же как и Эврика. Кошка сидела рядом, негромко мяукая. Мне удалось перевернуться на спину и приподнять голову — достаточно, чтобы оценить ущерб.

Комбинезон весь пропитался засохшей кровью. Болело, соответственно, везде, так что оценить характер повреждений было невозможно. Уронив голову, я попробовал руками. На боку комбинезона обнаружился разрыв глубиной в два пальца, если на ощупь. Повыше, в правом плече, зияла дыра; уж не знаю, насколько глубокая, но, кажется, до самой лопатки... Шея с одного боку напоминала гамбургер с кровью. Болело не так уж сильно — надо полагать, я еще не успел отойти от шока. Закрыв глаза, я прислушался к внутреннему голосу.

«Полагаюсь на тебя. Береги ее... Теперь ты отвечаешь...» — сказал сэр Орфео.

— Я... старался. Сделал... все, что мог.

«Зачем казнить себя? — Несмотря на испуг, леди Рейр улыбалась.— Я верю тебе, Билли Дейнджер».

Пламя из адской топки окрасило черные волосы леди Рейр медью; отвернувшись, она ступила прямо в огонь. Застонав, я протянул к ней руки, но пламя ударило в лицо, и я проснулся, всхлипывая.

— Вот она им и досталась,— произнес я вслух.— Она не хотела, но мне надо было себя показать. Вывел ее, как ягненка на заклание...

Я представил, как леди Рейр волокут на корабль и запирают в темном отсеке. Представил, как ей страшно, и неоткуда ждать помощи. А она так на меня полагалась...

— Моя вина,— простонал я.— Целиком и полностью. Но вы не бойтесь, миледи: я вас найду!.. Думают, убили меня, но я их надую: откажусь умирать. Выживу, найду вас и привезу домой.

9

Когда я очнулся в следующий раз, солнце стояло прямо над головой, кошки нигде не было и страшно хотелось пить. Повернув голову, я увидел гороховые побеги на краю ущелья. Тень и вода, совсем недалеко... Перевернувшись на живот, я пополз. По дороге — целых триста футов пути — я терял сознание столько раз, что сбился со счета. Как только я дополз до сочных листьев и напился, солнце опустилось за горизонт. Иными словами, гномы так бездарно пытались убить меня семьдесят два часа назад. Я вновь потерял сознание, а может, заснул и не просыпался долго. Когда открыл глаза, Эврика вернулась, чтобы предложить мне упитанную блоху.

— Спасибо, девочка,— поблагодарил я, когда кошка уронила подарок на почерневшую от крови грудь комбинезона и подтолкнула меня носом.— Просто здорово, когда ты хоть кому-то не безразличен.

— Ты еще жив,— сказала Эврика голосом сэра Орфео.

Я просил ее не уходить, но кошка растворилась в темноте. По дорожке из переплетенных лиан я последовал за огоньком, что дразнил где-то впереди, но в руки не давался. Сырость и холод пробирали до костей; из глазниц гигантского черепа хлынули полчища блох, которые непременно сожрали бы меня живьем, если бы я не проснулся. Эврика куда-то ушла, прихватив блоху с собой.

Поднявшись на четвереньки, я утолил жажду соком из гороховой лозы. Рядом покачивался нежный молодой стручок; почувствовав голод, я разорвал его и съел содержимое. При очередном пробуждении мне было уже лучше.

Пять долгих дней я отлеживался под лозами, потом совершил переход к пещерам. На диете из концентратов силы прибывали быстро; я проводил время, массируя шрамы, чтобы рубцы не загрубели, и беседуя с Эврикой. Кошка от разговоров уклонялась, и я решил, что действительно иду на поправку. Раны не гноились и беспокоили на удивление мало. Не зря, надо полагать, сэр Орфео устроил мне санитарную обработку, да и откуда взяться болезнетворным микробам на Гэре 28?

В один прекрасный день я вновь решил выбраться на свет божий. Правая рука все еще действовала плохо; не без труда вскинув на плечо кратерный дезинтегратор, я отправился в экспедицию к дальнему концу ущелья, не жалея времени для привалов. Я уже предвкушал глоток сладкой холодной воды и отдых для натруженного тела, но второй корабль так и не дал мне вернуться домой.

Глава 5

1

Этот оказался гораздо меньше, вроде яхты лорда Дезроя, но не такой красивый. Я внимательно следил за люками в прицел кратерного дезинтегратора, пока не уяснил себе расовую принадлежность экипажа. Люди. Только тогда я не побоялся выбраться из укрытия.

Низкорослые, желтокожие, с круглыми лысыми головами — но люди, без всякого сомнения. Капитана звали Анку-Уриру, и он немного говорил по-зеридски. На мои живописные шрамы капитан глядел с некоторым сомнением, и ему хотелось знать, где остальные члены экипажа. Пришлось объяснять, что никого больше нету. Капитан помрачнел окончательно. Похоже, ему удалось-таки принять наш сигнал бедствия, и он рассчитывал получить премию за спасение — ну и подобрать приз. Я объяснил про корпус звездолета в ущелье, но разведочная партия из двух человек вернулась, отрицательно качая головами. Мои гости немедленно начали готовиться к старту.

— А как насчет меня?..— спросил я капитана Анку-Уриру.

— Наслаждайся миром и покоем,— ответил он довольно-таки грубо.

— Знаете, мира и покоя бывает больше, чем нужно. Мне здесь надоело. Увезите меня отсюда — я отработаю проезд.

— Ты мне без надобности, к тому же на борту и так мало места — корабль-то небольшой. И с такими ранами для тяжелых работ едва ли ты сгодишься. Нет, тебе здесь будет спокойнее. Оставайся, и благослови тебя Бог.

— А помните, я говорил вам о том, другом корабле — роскошном, в полной исправности. Люки только открыть...

С этого момента переговоры пошли живее. Мы немного поторговались; в ход даже пошли намеки на особые методы полу-

чения нужной информации. Зачем оказывать услуги? Просить по-хорошему капитан вовсе не обязан... В конце концов мы договорились: я получаю право проезда до ближайшего цивилизованного порта, капитан Анку-Уриру — яхту лорда Дезроя.

Замки не давались почти целый день, а дни на Гэре 28 долгие. Осмотрев яхту, Анку-Уриру велел перенести свои вещи в хозяйские апартаменты. Меня определили на его старую лоханку — вместе с минимальным комплектом экипажа. Как раз перед посадкой случилось непредвиденное: по прямой линии через пустыню ко мне галопом прискакала Эврика. У одного из людей в руке появился пистолет; я едва успел встать между ним и кошкой.

— Это моя кошка,— объяснил я.— Она спасла мне жизнь. Мы подолгу разговаривали, пока я болел.

Судя по всему, в мире, откуда родом мои спасители, кошек ценят и любят. Эврику окружили плотным кольцом, не скупясь на похвалы.

— Возьмите животное на борт,— велел Анку-Уриру.

В течение часа мы подготовились к старту, задраили люки и покинули Гэр 28, где мне пришлось провести ровно один год, если я ничего не напутал в расчетах.

2

Путешествие не было круизом на роскошном лайнере. Помощника, которому Анку-Уриру передал командование, звали Ин-Руик. Принцип «кто не работает, тот не ест» помощник исповедовал, невзирая на лица. Внесенная мной щедрая плата за проезд для него не имела значения. У звездолета с первыми пароходами мало общего, но черной работы хватит всегда — это я понял, еще будучи юнгой у сэра Орфео. Так оно выходило и здесь: проделав основную работу, я еще долгие часы скалывал, скреб, чистил и полировал, пытаясь одолеть грязь, накопленную со времен викингов — или раньше. Ин-Руик говорил, будто корабль построен в мире, называемом Урхаз, несколько тысяч лет назад. Сколько именно, никто не знает.

Первое время раны меня очень беспокоили. Однажды Ин-Руик велел мне прервать работу, поскольку мои стоны нарушают его душевный покой. Разложив меня на столе, он принялся втирать мне в раны жирную зловонную мазь.

— Удивительно, как ты вообще выжил с такими ранами и без ухода. Пуля, что пробила плечо, унесла не меньше фунта мяса и костей. Ребра сломаны и срослись неправильно. А посмотри на шею! Рубец справа, рубец слева, а между ними яремная вена! Так и пульсирует, стоит тебе задрать голову.

Но руки у него были на удивление деликатные — любая красавица позавидует. Целительные процедуры повторялись каждый день в течение нескольких недель. Мазь действительно помогла: рубцы заметно разгладились, и боль мало-помалу ушла.

Я рассказал Ин-Руику о корабле с осиной талией и о бронированных гномах, что забрали с собой леди Рейр, но мои новые товарищи лишь разводили руками, слушая мои описания.

— Лучше забудь об этом, Бириданжу...— Выговорить мое имя правильнее Ин-Руик был, по-видимому, не в состоянии.— Про мир, называемый Зеридой, я действительно слышал: он далеко, и люди там богаче королей. Злодеи, о которых ты говоришь, давно взяли за нее хороший выкуп.

Когда мир, где капитан Анку-Уриру собрался меня высаживать, появился на обзорных экранах, я уже нес вахты в качестве оператора вспомогательных систем и пользовался почти всеми правами члена экипажа. Незадолго до начала посадочных маневров, которые на нашем старом корыте требовали от пилота гораздо большей отдачи, чем на сверхсовременной яхте лорда Дезроя, Ин-Руик отозвал меня в сторону и спросил о планах на будущее.

— Если здесь есть зеридское посольство, попробую рассказать им о леди Рейр. Может, смогу отправить весточку ее родным. Если нет — придумаю что-нибудь еще...

Ин-Руик покачал головой, мудро и печально.

— Безнадежная любовь к высокородной леди...— начал он.

— Ничего подобного,— перебил я.— Ее доверили моему попечению. Я за нее в ответе.

— Бириданжу.— Ин-Руик положил руку мне на плечо.— Ты быстро схватываешь и показал себя хорошим работником. Оставайся с нами. Предлагаю тебе место на борту и должность.

— Спасибо, Ин-Руик, но мне нельзя. Я еще не исполнил свой долг.

— Подумай как следует, Бириданжу. Чужаку найти работу непросто; и те, кто не знаком с суровой жизнью межзвездных трасс, могут не оценить твоих украшений. Лишнее бремя...

— Знаю, они выглядят ужасно.— Я провел рукой по шрамам на горле и подбородке.— Но мне в конкурсах красоты участвовать не надо. А зайцем путешествовать я не собираюсь.

— Ну, если ты не можешь отступиться... Но запомни, Бириданжу: наш порт приписки недалеко, и мы регулярно заходим сюда, на Инсиро. Когда будешь готов, я смогу предложить тебе место в команде.

Несколько часов спустя мы опустились на открытую всем ветрам платформу между берегом свинцового моря и городком на склоне холма. Встретил нас капитан Анку-Уриру. Потолковав с Ин-Руиком, он пригласил меня к себе, в капитанскую каюту. Предложив сесть, Анку-Уриру угостил меня каким-то напитком и двуствольной сигарой из разных сортов табака. Воняла эта сигара, на мой вкус, хуже резиновой покрышки.

— Не буду скромничать, Бириданжу: ты сделал меня богатым человеком. Поначалу я думал, ты подсадная утка и приведешь за собой пиратов. Я тебя чуть не пристрелил еще до старта, на всякий случай.— Капитан состроил гримасу: улыбнулся, надо полагать...— Тебя спасла кошка. У пособника пиратов еще могут быть опасные раны, но кошка? Немыслимо. Я приказал Ин-Руику следить за тобой, но долго еще не мог смотреть на обзорные экраны без опаски. Мои подозрения были несправедливы, теперь понятно.

— Вы спасли мне жизнь — стоит ли извиняться?

Анку-Уриру вытащил плоскую коробочку из ящика стола, украшенного великолепной инкрустацией.

— Я справедливый человек, Бириданжу. По крайней мере мне хочется так думать. Продав экзотический груз, найденный на борту этой яхты, я получил немалую прибыль. Больше, чем в самый удачный год с тех пор, как я стал капитаном торгового корабля. Здесь твоя доля.

Под крышкой коробочки оказалась ровная шеренга цветных стерженьков квадратного сечения со стороной в одну восьмую дюйма и около дюйма длиной.

— Хватит на много лет спокойной жизни,— сказал Анку-Уриру.— Если не тратить на глупости вроде дальней связи и межзвездного бродяжничества. Впрочем, далеко не улетишь, особенно если покупать билеты,— но ты ведь честный парень, верно?

По лукавому взгляду капитана было видно — Ин-Руик рассказал ему о моих планах.

Поблагодарив, я уверил Анку-Уриру, что сорить деньгами не собираюсь.

Чтобы собрать пожитки и надеть на Эврику шлейку, сшитую собственными руками в свободное от вахт время, потребовалось десять минут. Капитан Анку-Уриру помог мне пройти таможенные формальности — дело для человека с деньгами не слишком трудное — и подыскал для меня гостиницу в городе. Вместе с Ин-Руиком мы выпили на прощание в гостиничном номере, и я наконец остался один. За окном стояли желтые сумерки; присев на узкую койку в маленькой комнатке, я почесал Эврику за ухом. Бесконечное одиночество вступало в свои права.

3

Один из полудюжины портов, основанных много веков назад, этот город назывался Инсиро — как и сама планета с единственным континентом посреди безбрежного океана. Торговля полезными ископаемыми, шкурами и лесом, ради которой создавалась транспортная сеть, давно захирела. Население города достигало десяти тысяч человек: бледнокожие, черноглазые, неулыбчивые — на земной глаз они выглядели непривычно, но не слишком. У многих на руках было по шесть пальцев. Несколько дней я слонялся по улицам, отведывая мясные блюда в ресторанчиках и дары моря в тавернах у побережья. Кормили повсюду вкусно. Местное красноватое пиво под названием «изм» мне тоже понравилось. Усвоенного на корабле диалекта хватало для разговоров на несложные темы; я скоро узнал, что посольства Зериды на планете вообще нет. Есть только консульский агент, представляющий торговые интересы полудюжины миров в радиусе пяти световых лет от Инсиро.

Ничего не оставалось, как обратиться к нему. Толстенький неопрятный человечек в душной комнатке на чердаке какого-то склада выслушал меня, сложив пухлые пальцы домиком. Об этом печальном эпизоде вам лучше забыть, сказал он. Галактика велика, и те, кто искалечил меня и похитил леди Рейр, могут находиться где угодно. На другом конце Млечного Пути, скорее всего. Воинственных же негуманоидов в здешних местах не видели давно — с пару-тройку десятков веков. Он бы сказал, что

мне все это померещилось, но помешали, наверное, рубцы, за которые у любого собеседника цеплялся глаз.

На прогулках меня неизменно сопровождала Эврика, привлекая поначалу всеобщее внимание. Таких крупных кошек инсирийцы раньше не видели. Однажды общество Эврики оказалось очень кстати: как-то вечером, в таверне, трое задир, успевших основательно заложить за воротник, решили изучить мои шрамы подробнее. Когда Эврика вылетела из-под стола, выгибая спину, фыркая и показывая полную пасть острых, как иглы, зубов, меня сразу оставили в покое.

В одном из питейных заведений я нашел старичка, знавшего десяток диалектов ближних миров. Выпивши, он бывал словоохотлив и за угощение охотно давал уроки языкознания и галактической истории. Раса людей возникла очень, очень давно на планете близ центра Галактики и распространялась оттуда по всем направлениям не менее двухсот тысяч лет. Заселяя все подходящие планеты на своем пути, люди основали гигантскую империю, рухнувшую со временем, без больших потрясений, под собственной тяжестью. С тех пор прошло более двадцати тысяч лет; разные народы Галактики давно идут своей дорогой.

— Вот, например, твой случай.— Старичок ткнул в меня тощим пальцем.— Планета Земря, да? Полагаете себя единственными обитателями Вселенной. В действительности вы лишь заброшенное поселение. Остатки экспедиции, не сумевшей вернуться домой, или экипажа сбитого боевого звездолета. Может, исправительная колония, а может — компания отшельников... Несколько тысяч лет — и дело готово!

Он посмотрел на меня так, будто впервые в истории успешно доказал теорему о трисекции угла.

— А как же кости? — спросил я.— Мы много чего успели выкопать. Питекантропы, недостающие звенья, переходные ступени... Непрерывная эволюция от животных к человеку. Еще у нас водятся гориллы, шимпанзе и прочие обезьяны — они слишком похожи на нас для простого совпадения.

— Кто говорит о совпадениях? Жизнь адаптируется к условиям. Похожие условия — похожее зверье. Лапы певчей ящерицы видел? Совсем человеческие, только поменьше. Посмотри на летучих тварей: птицы, млекопитающие, рептилии, горано,

миклы — у всех крылья, и все ими машут. У всех легкие пустотелые кости, все ходят на двух ногах...

— Возьмем вот кошку,— упорствовал я.— У нас с ней больше общего, чем различий. Двухнедельные эмбрионы ничем не отличаются.

— Ага.— Он кивнул головой, ухмыляясь.— А где ты ее подобрал? Уж не на Земре ли?

Наш разговор смахивал на богословский диспут: стороны лишь утверждались в первоначальном мнении. Мне, впрочем, беседы шли только на пользу. К исходу трех месяцев, по земному времени, я сносно говорил на универсальном наречии звездолетчиков, для двух других языков заложил твердую основу. Боясь позабыть зеридский, я вел долгие воображаемые беседы с леди Рейр, объясняя, как следовало приветствовать гномов.

Залеченные на корабле раны по-прежнему не давали покоя. Местный хирург долго цокал языком и качал головой; после обширных исследований и тестов на аллергию он рискнул дать мне наркоз и реконструировал плечо, восполняя металлом и пластиком утраченные ткани. Когда синтетическая кожа прижилась и разгладилась, хирург снова взялся за нож: выправил плохо сросшиеся ребра. Он еще хотел заменить искусственной кожей рубцы на шее и нижней челюсти, но не нашлось подходящего колера. Заплата из бледного материала, предназначенного для туземцев, не сделала бы меня краше. К тому же я устал от боли и тягомотины пластической хирургии. Рука работала хорошо, и я снова мог ходить выпрямившись, не думая о раздробленных костях. Не сидеть же здесь вечно? Меня ждут дела.

В порту как раз приземлился корабль Ин-Руика, и я решил попросить совета.

— Я не хочу наниматься на каботажный рейс. Мне надо попасть на Зериду; вопросы буду задавать по дороге. Так я разыщу гномов, рано или поздно.

— Долгий путь в поисках любимой ты выбираешь, Бириданжу,— вздохнул Ин-Руик.— Долгий и безнадежный.

Однако он представил меня местному судовладельцу. Я получил назначение стажером-механиком силовой установки на грузовой звездолет, направляющийся в сторону центра Галактики, к планете Топаз.

4

Так мы с Эврикой достигли Топаза, повидали Бальгрё, Полион, мир Пандаша и Трехлунье. По дороге я не только в совершенстве освоил ионный привод и генераторы пространственной деформации, но и отработал многие часы в скафандре, на корпусе. Там черное небо обволакивает со всех сторон и голосом сирены обещает унести в бесконечность.

Поначалу мне сильно доставалось от старожилов кубрика — пока седой жилистый механик не показал пару простых приемов, которые избавили меня от амплуа чучела для битья. Старый боец как-то едва не стал чемпионом флота своей родной планеты, и метод его был прост: он выбивал из меня пыль усерднее других, пока в один прекрасный день я сам не пустил ему кровь из носа; мне выдали диплом и оставили в покое.

Я выучился стоять вахты три часа через три, пить таинственное пойло, не переводившееся среди звезд на любом отдалении от последнего порта, а также изучил семьдесят одну игру колодой в сто четыре карты; колоду эту изобрели во времена незапамятные. И во всех портах на мои вопросы отвечали одинаково: никаких гномов за последние пять тысяч лет. Еще вернее — никогда...

Только на планете Унрисс, в библиотеке, что и сама походила на музейный отдел древностей, отыскал я изображение гнома — или разумное подобие. Рисунку сопутствовал краткий текст на незнакомом языке, но библиотекарь смог перевести, хотя и не без труда. Создание называлось х'иак, происходило с планеты того же названия и считалось вымершим. О координатах мира х'иак скупое сообщение умалчивало.

Мои средства, достаточные для скромного существования на Инсиро, вскорости иссякли. Расходовал я их бережно, малопомалу наполняя матросский сундучок; в числе прочего приобрел проектор сновидений с коллекцией записей, надежный бластер и гражданскую одежду, в какой не стыдно показаться на берегу. Любую запись по судовождению или эксплуатации силовой установки я изучал самым прилежным образом и через два года получил звание механика силовой установки второго класса. Звание позволяло занять должность главного механика резерва на больших кораблях, где бывает запасной состав. Это была серьезная ступенька, вроде как с китайской джонки на пароход. Теперь я мог служить на кораблях дальнего следования, больших и быстрых.

Прослужив шесть месяцев на борту линейного крейсера, перестроенного в торговое судно, я остался в порту на планете Лхиза. Три месяца я занимался самоподготовкой, изыскивая возможность добраться до сектора Галактики, известного под названием Коса. Непростая задача, поскольку старые и сравнительно тихоходные корабли Восточного Рукава нечасто ходят так далеко. Но Коса — серьезный, длинный шаг в сторону Зериды. Оттуда по-прежнему не одна тысяча световых лет до цели, но все же...

В конце концов я нанялся на пассажирский лайнер, зафрахтованный правительством Агасса для перевозки рабочих-иммигрантов. Возиться с обитателями мира, понятия не имеющего о межзвездных перелетах, не хотелось, но мне предложили должность главного механика, и старая лохань шла далеко и в нужном направлении! Нельзя было не согласиться.

Корабль действительно был старый, как и большинство звездолетов, обслуживавших Рукав, но большой и роскошный. Главному механику полагалась отдельная каюта, и впервые Эврика могла спать у меня в ногах, как на берегу. После нескольких недель переборки, доводки и обучения машинной команды громоздкая, старинная силовая установка заработала как часы. В дальнейшем все шло гладко, скучно и не без приятных минут, как и полагается в длинном рейсе.

Моим вахтенным помощником был Омму — крепкий, средних лет мужчина с квадратной челюстью и зеленоватой кожей, характерной для обитателей миров класса С1. Выслушав мою историю о гномах, он рассказал, что много лет назад ему довелось повидать похожий корабль с обшивкой цвета старой меди. Появившись неизвестно откуда и дрейфуя по кометной орбите в принадлежащей Косе системе Гури, корабль представлял собой помеху судовождению; Омму высадился на нем в составе команды взрывников. Вместе с товарищем, в нарушение инструкций, они отыскали отверстие в борту и проникли внутрь. Корабль погиб очень давно, и от экипажа мало что осталось, но Омму подобрал сувенир. Эффектный сувенир и не такой уж мелкий, чтобы многие годы хранить в матросском сундучке: стоп-

ка серебряных чашечек с петлей в основании и коротким стержнем на другом конце.

— Это самое,— сказал я, чувствуя, как шевелятся волосы на голове.

На Гэре 28 в меня стреляли не совсем из такого оружия, но родство не вызывало сомнения.

Я хотел знать как можно больше, но Омму не помнил подробностей. После долгих уговоров и бутылки самогона, произведенного в машинном отделении, корабельный психолог согласился опросить его под гипнозом, а казначей отыскал в списке пассажиров ксенолога. Этот не заставил себя долго уговаривать.

В состоянии гипнотического транса Омму вновь пережил подход к дрейфующему кораблю со стороны солнца. Мы последовали за ним в лабиринт внутренних помещений; мы стояли рядом, когда он взял в руки диковинное орудие убийства, потревожив останки х'иака.

Психолог трижды заставил Омму пережить эпизод, опрашивая его вместе с ксенологом; под конец тот насквозь вымок от пота. Мне казалось, я действительно побывал на брошенном корабле вместе с ним.

Ксенологу не терпелось обратно в каюту, поработать с материалом, но я убедил его дать краткое резюме.

— Корабль характерен для культуры, называемой «группа х'иак»,— сообщил он.— Эхинодермы, или колючепокровные, х'иак происходят откуда-то с задворков Галактики; некоторые даже утверждают, что они пришли со звездного скопления по соседству, предположительно Малого Магелланова Облака. Немногие документированные контакты с людьми и другими высокоразвитыми расами позволяют предположить, что для менталитета х'иак характерен шизоидно-аккретивный уклон...

— Можно простыми словами? — попросил Омму.

— Шизоидно-аккретивные черты подразумевают значительную степень распада социальных механизмов,— объяснил ксенолог.

На этом он не остановился и говорил еще довольно долго. Упрощенное объяснение оказалось, на мой вкус, не лучше подробного, о чем я так прямо и сказал.

— Послушайте! — Ксенолог был маленьким, но задиристым человечком.— Вы требуете, чтобы я делал далеко идущие выводы из недостаточных данных, рискуя моей профессиональной репутацией...

— Ничего подобного, сэр! — Я постарался успокоить его, как мог.— Просто мне хотелось бы оказаться как можно лучше подготовленным — при следующей встрече...

— М-м-м... Тревожность и неуверенность в будущем, я бы сказал. Полагаю, их родной мир погиб в катастрофе глобального масштаба, вместе с большей частью населения. Что это может значить для расы, стремящейся к выживанию любой ценой, вопрос открытый. На вашем месте я бы ожидал столкнуться со сложной системой фобий: боязнь высоты, замкнутого пространства, возможен символический фетишизм... Ну и разумеется, синдром грубияна: покажите, что вы сильнее, и они подчинятся беспрекословно. Проявите слабость, и вы погибли.

Успокоившись на достигнутом, я оставил ксенолога в покое. Омму позволил мне разобрать диковинное ружье; не скажу, чтобы я много узнал о его создателях. Корабельная рутина вступила в свои права: отрегулировать деформационные генераторы, проследить за порядком, чтоб в машинном отделении все блестело... Я выиграл немного денег в тикаль, потом проиграл в рево; а в один прекрасный день, в свободное от вахт время, меня выбросило из койки. Проснулся я на полу, под вой Эврики и грохот колоколов громкого боя.

5

Когда я добрался до машинного отделения, затрясло до того скверно, что невозможно было выпустить поручни из рук.

— Нет связи с ходовой рубкой! — прокричал Омму.

Подобравшись к экрану интеркома, я сумел связаться с вахтенным штурманом. Размазывая кровь по лицу, он успел только объяснить, что носовая оконечность уничтожена в результате столкновения с неизвестным объектом; затем экран погас навсегда.

Новый удар бросил нас на палубу, закружившуюся, как сошедшая с ума карусель.

— Неуправляемое вращение! — крикнул я.— При таких ускорениях корпус разорвет! Всем на шлюпочную палубу — это приказ!

Я сам помог бледному как мел от внутренних травм электрику Рузи добраться — то по палубе, то по потолку — к нашей шлюпке. Дверь шлюпочного ангара была открыта, корма шлюпки снесена, а по палубе размазало какого-то несчастного... Приказав своим людям пробиваться к соседней шлюпке, я подхватил Рузи под мышки — но тот был уже мертв.

На шлюпочной палубе царило смятение. Отобрав пистолет у какого-то тощего старика, размахивавшего им без толку, я выстрелил поверх голов. Никто не заметил. Тогда, построившись в боевой порядок, мы вместе с Омму и несколькими членами экипажа пробились к соседнему ангару. Пока остальные держали на расстоянии обезумевших от ужаса пассажиров, Омму открыл дверь. Прижав уши и хлеща хвостом, Эврика не отходила от моих ног.

— Построй-ка их по порядку! — приказал я Омму.— Кто будет лезть вперед, пристрелю! — пообещал я.

Спустя две секунды обещание пришлось исполнить. На меня бросился разъяренный бык не меньше двухсот фунтов весом, но стоило мне прострелить в нем дыру, остальные проворно отступили. В шлюпку, рассчитанную на пятьдесят пассажиров, набилось уже восемьдесят семь человек, когда по коридору пронесся огненный смерч. Омму едва успел втащить меня внутрь; я рухнул прямо на колени толстой женщины и рыдающего, как ребенок, мужчины средних лет. Мимо прошмыгнула Эврика, и люк закрылся. Пробравшись вперед, я опустил большой красный рычаг, и после чувствительного пинка навалилась тошнотворная невесомость. Мы покинули пусковую шахту и были теперь предоставлены сами себе.

6

На небольшом экране в крошечной, два на четыре фута, пилотской кабине медленно, как гигантский бумеранг, вращался изуродованный корпус корабля. Мелкие обломки лениво разлетались по спирали, вдоль разрывов обшивки сверкал огонь — там где перебитые трубопроводы выбрасывали в пространство химическое горючее и окислитель. На моих глазах отвалилась корма; наружу выплеснулась новая волна мелких обломков и крохотных человеческих фигурок, лопавшихся в вакууме, как мыльные пузыри. Затем полыхнуло в центральных отсеках, и,

когда дым рассеялся, не осталось ничего, кроме раскаленного фрагмента кормы и медленно расширяющегося облака пыли.

— Еще какие-нибудь шлюпки стартовали? — спросил я.

— Я не видел, Билли...

— Пять тысяч человек!.. Пять тысяч человек было на борту этой шаланды! — не выдержал я.— Не могли же только мы остаться!..

Я будто думал воскресить погибших, убедив Омму, что такого не могло случиться.

— У нас здесь раненые,— сообщил механик по имени Лас, с трудом просовывая голову в кабину.— Кто-нибудь скажет, где мы?

Ближайший мир — Сиок. Код — голубой, что значит — необитаемая и непригодная для жизни планета. Навигационный экран действовал исправно...

— Один маяк, и только,— сказал Омму.— Большая сосулька.

Мы проверили все как полагается. В радиусе светового года ничего лучше.

— Сиок, стало быть,— заключил я.— Ладно, оценим наши возможности.

Я первым выбрался в центральный безгравитационный коридор — жилые отсеки сидят на нем, как зерна на кукурузном початке. Народу в каждый набилось много больше, чем положено, в основном — женщины и дети. Может, в гибнущих пассажирах проснулся рыцарский дух, а может, Омму проследил... Не знаю. И я не был уверен, что так лучше.

Крупный мужчина в дорогом костюме — или в том, что от него осталось,— выплыл в коридор. Он явно ждал, когда я подтянусь поближе.

— Я — Тилл Огнат, член Агассийского конгресса,— объявил он.— Как старший по положению, я принимаю командование на себя. Вы, я так понимаю, экипаж. Отлично! Для начала просканируйте окружающую область пространства и представьте на рассмотрение пять возможных вариантов высадки. Потом...

— Главный механик Дейнджер,— представил меня Омму, принимая игру.— Старший по званию член экипажа.

Конгрессмен Огнат смерил меня взглядом.

— Отдайте оружие! — потребовал он, протягивая широкую холеную ладонь.

— Пожалуй, оставлю,— уклонился я.— Буду признателен за помощь, конгрессмен.

— Вы меня, наверное, не поняли.— Тилл Огнат картинно сдвинул брови.— Как член планетарного конгресса Агасса, я...

— Командование принимает старший по званию член экипажа,— отрезал Омму.— Ползите обратно в отсек, мистер, пока не стали субъектом космического права.

— Вы говорите о праве *мне?* Да вы...— Тилл Огнат умолк, потрясенный.

— Когда вы понадобитесь, конгрессмен, я обязательно дам знать.

Мы с Омму не стали дожидаться, когда к высокому сановнику вернется дар слова.

7

Шлюпка оказалась в отличном состоянии, при полном комплекте оборудования и припасов — из расчета на пятьдесят человек, у которых было время уложиться и проследовать на борт, как подобает леди и джентльменам. Конгрессмен Огнат пожаловался формально на присутствие животного на борту, но сочувствия ни в ком не нашел. Ему просто не дали договорить; все сочли, что живой талисман на борту — непременно к счастью. К тому же Эврика не отличалась прожорливостью и не занимала места, на которое мог бы претендовать человек. Из раненых двое умерли в первый же день, трое — в течение недели. Мы выбросили их через шлюз и сомкнули ряды.

Для благопристойности на борту места практически не было. Щепетильным натурам ничего не оставалось, кроме как терпеть. Один мужчина выбил другому зубы пряжкой ремня — тот, видите ли, наблюдал, как его жена обтирается мокрой губкой. Пострадавший смотрел не один — в компании еще десяти человек. Выбора у них, сказать по правде, не оставалось, разве что зажмуриться покрепче. Двое суток спустя ревнивца нашли парящим в центральном коридоре, с раздавленным горлом. Никто особо по нему не убивался, даже супруга.

Через двести шестьдесят девять часов после отделения от гибнущего корабля мы заходили наконец на посадку. С высоты пятисот миль планета Сиок больше всего напоминала гигантский снежок.

Таким образом, мне впервые в жизни представился случай посадить атмосферный челнок. Хоть я много работал и старательно тренировался, в реальной жизни все оказалось не так. Конечно, автоматика почти все делала сама, требуя лишь изредка принимать отдельные решения, но мне хватило и этого: я сделал неправильно все, что мог. После четырех часов немилосердной тряски я уронил шлюпку на ледяное поле в кольце горных вершин — в четырехстах милях от маяка.

Глава 6

1

Посадка стоила нескольких разбитых носов (включая мой собственный), пары сломанных рук и разрыва обшивки футов десять длиной, куда немедленно ворвался морозный воздух, но это было не самое страшное. При ударе полностью разрушился отсек основного оборудования в носовой части; силовую установку целиком выбросило на лед через пробоину. Отныне у нас не будет ни тепла, ни света, ни связи... Конгрессмен Огнат высказал вслух все, что думал о моих пилотских способностях. Печалился я недолго: Омму скоро доказал конгрессмену, что тот умеет водить челнок еще хуже.

Температура за бортом оказалась десять градусов ниже нуля: теплый день для планеты Сиок. Далекое маленькое солнце угрюмо светило на стальном небе, заливая серым светом наступающего шторма неровный ледник, упирающийся в голубые горы на расстоянии нескольких миль. Конгрессмен Огнат заявил, что теперь, на твердой земле, он по праву принимает командование и что немедленно будут приняты все необходимые шаги к спасению. Какие шаги, он объяснять не стал. Передавать кому бы то ни было командование я не планировал, пока длится чрезвычайная ситуация; конгрессмен даже позволил себе несколько крепких выражений по этому поводу, но пистолет покуда оставался у меня...

Пассажиры непрерывно жаловались на холод, скудный паек, воду из регенератора, ушибы и многое другое. В пространстве хватало сознания того, что они живы, но теперь, на твердой земле, должно было наступить немедленное облегчение... Отозвав нескольких человек в сторону, я сообщил:

— Отряд под моим командованием отправится к маяку.

— Отряд? — выразил недоумение конгрессмен.— Все пойдут! Только держась друг за друга, можем мы надеяться выжить!..

— Пойдут десять человек,— сказал я.— Остальные будут ждать здесь.

— Оставите нас умирать от голода и холода среди этих обломков? Неслыханно! — провозгласил Огнат.

— Вас не оставлю, конгрессмен,— успокоил я.— Пойдете с нами.

Такой вариант ему тоже не понравился. Он сказал, что ему надлежит быть вместе с народом.

— Мне нужны самые сильные, не слишком оголодавшие люди. Рюкзаки поначалу будут тяжелыми — отстающих мне не надо.

— Почему тогда не вы двое? — Тилл Огнат указал большим пальцем на Омму.

— Мы берем половину запасов продовольствия. Кто-то должен их нести.

— Половину запасов? На десять человек? То есть семьдесят с лишним женщин и детей должны довольствоваться другой половиной?..

— Именно так,— кивнул я.— Отправляемся немедленно, пока у нас есть несколько часов до заката.

Через полчаса к выходу был готов весь отряд, включая кошку. Холод, судя по всему, не беспокоил ее совершенно. Рюкзаки получились слишком тяжелые, но скоро станет гораздо легче.

— Где ваш рюкзак, Дейнджер? — спросил конгрессмен Огнат.

— Мне не полагается,— ответил я.

Спасательная шлюпка осталась под командой механика с растянутым запястьем; когда через час я оглянулся, позади лишь тускло сияло ледяное поле.

2

До заката удалось пройти пятнадцать миль. Когда мы разбили лагерь, послышались жалобы на скудный паек, а кто-то возмутился, что еду скармливают кошке. Тилл Огнат еще раз предложил себя в лидеры, но без особого успеха. Через пять часов, еще до рассвета, я всех разбудил; с трудом шевеля посиневшими губами, один человек пожаловался на неполадки в термокостюме. Я отправил его обратно, распределив припасы между остальными.

Дорога стала неровной и шла теперь в гору, сквозь толщу льда повсюду пробивались острые скалы — нужно было внимательно смотреть под ноги. Через десять миль пришлось объявить полуденный привал.

— В таком темпе нам хватит десяти суток! — провозгласил конгрессмен Огнат.— Рацион можно увеличить вдвое. Наших запасов хватит на сорок дней!..

Многие его поддержали, но я не разрешил. После обеда, прошедшего в молчании, и десятиминутного отдыха мы двинулись дальше. Отойдя в конец колонны, я присмотрелся к людям. Тилл Огнат, несмотря на вечное недовольство, уверенно шел впереди, а вот двое других поспевали с трудом; одному явно причинял неудобство рюкзак. Выяснилось, что у него сильно ушиблено плечо, еще со времени посадки. После жесткого выговора я отправил его обратно к шлюпке.

— Если кто-то еще хочет быть героем, не думая об остальных, признавайтесь сейчас! — потребовал я.

Никто не захотел говорить, и мы двинулись дальше. Восемь человек из десяти, и только двадцать четыре часа, как вышли...

Карабкаться с каждым часом становилось все труднее. Ночь застала нас выбившимися из сил, на полпути к перевалу. Омму сказал, что рюкзаки слишком тяжелы.

— Скоро будут легче,— ответил я.

— Ты бы увидел это моими глазами, если бы пришлось нести свою долю.

— Потому-то мне рюкзак и не нужен,— объяснил я.

Мы провели скверную ночь под прикрытием ледяного тороса; по моему приказу регуляторы термокостюмов были выставлены на минимум. Нас засыпало снегом, и на рассвете пришлось откапываться.

К полудню мы перевалили через хребет, а к наступлению темноты стояли у подножия следующего. До сих пор в ход шли силы, накопленные в покое; теперь начинало сказываться утомление. Поутру двоих удалось поднять только с трудом, а через час один потерял сознание. Я оставил им рюкзак с припасами и шанс вернуться к шлюпке. К наступлению темноты мы преодолели семьдесят пять миль.

Дни уходили за днями, сливаясь друг с другом. Когда один из нас поскользнулся на краю глубокой расселины и навсегда исчез вместе с поклажей, осталось пятеро: я, Омму, Огнат, пас-

сажир по имени Чьюм и Лас — один из моих механиков. Под масками наши лица заострились, а глаза сверкали нездоровым блеском, но зато слабых среди нас теперь не было...

В полдень, при раздаче пайка, конгрессмен Огнат ревниво следил за моими руками.

— Так я и думал! — Его сочный баритон теперь больше походил на воронье карканье.— Видите, что он делает? — захрипел конгрессмен, обращаясь к тем, кто растянулся на льду, используя каждую секунду привала.— Стоит ли удивляться, что ему лучше всех? Двойной рацион, для себя — и для кошки!

Все вскочили — вернее, присели, глядя на меня.

— Это как? — спросил Омму.— Он правду говорит?

— Обо мне не беспокойтесь,— посоветовал я.— Ешьте, что дают, и отдыхайте как следует. Нам почти триста миль идти.

— Пора удвоить паек для всех.— Омму поднялся на ноги, двое других внимательно смотрели.

— Когда будет пора, я скажу.

— Огнат, открывай мешок и доставай вторую порцию! — потребовал Омму.

— Только прикоснись к рюкзаку — пристрелю,— предупредил я.— Ложись и отдыхай, Омму.

Некоторое время на меня смотрели молча.

— Тебе больше не стоит спать слишком крепко, Дейнджер,— сказал Омму.

Обед прошел в молчании. В молчании же мы двинулись дальше. Я теперь шел последним, ни на секунду не расслабляясь. Не могу позволить им никаких глупостей: леди Рейр на меня рассчитывает.

3

На середине пути я по-прежнему чувствовал себя здоровым и достаточно сильным. Огнат и Чьюм шли в паре, помогая друг другу на тяжелых участках пути, Омму держался Ласа. Со мной без необходимости никто не заговаривал; кошка нередко шла далеко в стороне — возможно, искала какую-нибудь поживу.

Установился твердый порядок, и очередной переход ничем не отличался от предыдущего. Мы вставали на рассвете, проглатывали паек и шли вперед. Хороший результат сегодня — две мили в час, и пейзаж никогда не меняется, будто топчемся на

месте. Где-то на пятнадцатый день, когда, по моим расчетам, за спиной осталось двести пятьдесят миль, я увеличил паек. Следующие два дня мы шли немного быстрее, потом потеряли темп. Участились падения, и не только из-за сложного рельефа — люди дошли до предела своих возможностей. На полуденном привале я приказал увеличить подогрев термокостюмов до среднего; Огнат и Чьюм переглянулись. Оказалось, у обоих подогрев установлен на максимум.

— Чего бы ты хотел, Дейнджер? — пожал плечами Омму.— На таком пайке они могли замерзнуть насмерть.

На следующий день тепловой аккумулятор Чьюма вышел из строя. Чьюм продержался час, потом рухнул и уже не мог встать. Я осмотрел его: кожа до самых колен побелела, ноги одеревенели и стали холодными, как лед.

Устроив для него палатку, мы оставили еды на две недели и пошли дальше. Конгрессмен Огнат сказал, что на суде мне придется отвечать и за это.

— Если мы не дойдем до маяка, не придется,— напомнил я.

Двумя днями позднее Огнат попробовал напасть, пока я спал. Меня разбудил громкий хруст: конгрессмен не догадывался, что я перед сном рассыпаю вокруг ледяные кристаллы, растущие у подошв ботинок,— в качестве меры предосторожности. Откатившись в сторону, я выиграл несколько секунд, но вряд ли бы мне это помогло, если бы не Эврика. Кошка сбила конгрессмена с ног и зашипела ему в лицо, разинув зубастую пасть. Когда Лас и Омму прибежали на шум, мне пришлось вынуть пистолет.

— Пайки! — потребовал Огнат.— Делим на четыре части, поровну на каждого!

Я решительно отказался. Омму рассказал, что он сделает, поймав меня без пистолета; Ласу было интересно, не желаю ли я пристрелить кошку, которая взбесилась и нападает на людей. Когда все выговорились, я просто отправил людей вперед. После полудня Омму упал и больше не мог подняться. Взяв его рюкзак, я приказал Ласу помогать товарищу, но через час оба окончательно обессилели. Пришлось объявить внеочередной привал. Выдав тройной паек, я упаковал оставшиеся припасы в два рюкзака. Один взял себе, другой взвалил на конгрессмена Огната, несмотря на возражения.

Следующий день выдался нелегким. Дорога снова стала хуже; Тилл Огнат с трудом выдерживал вес рюкзака, куда более легкого, чем в начале пути. Омму и Лас по очереди помогали друг другу встать на ноги; порой трудно было понять, кто кого ведет. Пройдя восемь миль, мы остановились на ночь. На другой день удалось пройти только шесть миль, потом пять, а на следующий день, через час после восхода солнца, конгрессмен Огнат споткнулся и растянул лодыжку. К этому времени мы покрыли расстояние в триста шестьдесят миль.

— Устроим лагерь,— сказал я.— Лас, Омму — потребуются ваши руки.

Сфокусировав луч термоэлектронного пистолета до предела, я вырезал из слежавшегося снега полдюжины кубов со стороной в один фут. Получив приказ уложить их по кругу, Омму лишь диковато глянул на меня.

— Сошел с ума наконец,— объявил он.— Послушайте, бросимся вместе! Не застрелит же он троих?..

— Мы построим укрытие,— пояснил я.— Посидите в тепле, пока я не вернусь.

— О чем это он? — просипел Лас, пробуя зайти мне за спину; я с досадой отмахнулся.

— Для вас поход окончен. Огнат идти не может; вас двоих хватит на несколько миль, но зачем?.. Втроем целее будете.

— Куда ты собрался? — Конгрессмен Огнат сумел только приподняться на локте.— Так вот, просто — бросаешь нас здесь?

— С самого начала так и задумано,— прошептал Лас, потерявший голос пару дней назад.— Использовал нас как вьючных мулов, а теперь, когда мы сделали свое дело, бросает подыхать.

В течение следующих десяти минут только Омму не тратил воздуха на проклятия. Рухнув на снег, он смотрел, как я выкладываю первый ряд снежных кирпичей. Полюбовавшись на десятифутовый круг, я нарезал еще снежных блоков. Когда подошел к концу третий ряд, Омму молча поднялся на ноги и взялся конопатить щели рыхлым снегом.

На строительство иглу потребовалось два часа, включая шестифутовый входной тоннель и санитарную траншею в сторонке.

— Мы же замерзнем! — Конгрессмен Огнат чуть не плакал.— Термокостюмы выдохнутся, и все...

Я выложил на снег все продукты, собрав себе легкий рюкзак.

— Вот! — Конгрессмен брезгливо посмотрел на невысокую пирамидку консервов.— Нам, как всегда, ничего! Мы тут сдохнем с голоду, а он будет обжираться.

— Если умрете от голода, значит, не успеете замерзнуть. Втащили бы вы его внутрь,— посоветовал я Омму и Ласу.

— Не знаю, как у него выйдет обожраться,— заметил Омму.— Нам он оставил вдвое больше, чем себе.

— Как?.. А где же его заначка?

— А что мы, по-твоему, едим всю неделю? — фыркнул Омму.— Заткнись, Огнат. Слишком много треплешься.

Вместе мы втащили конгрессмена в иглу. Стены внутри светились мягким золотистым светом, и было уже теплее, чем снаружи. Покинув своих товарищей, я в компании Эврики пошел туда, где оставалась надежда найти маяк.

Рюкзак тянул на десять фунтов — три дня на половинном пайке. Сохранить физическую форму, кажется, удалось; за два дня вполне можно дойти до маяка, если не изменит удача.

Удача, однако, не торопилась. До заката я прошел десять миль, лег спать голодным, установив подогрев на минимум. К исходу следующего дня за спиной оказались последние сорок миль, но впереди по-прежнему сверкал ледяной горизонт. Маяк, если верить карте, установлен на пригорке высотой в сто футов и виден по крайней мере за двадцать миль. Еще один день пути, не меньше.

В конце второго дня я тщательно проверил записи в журнале, но даже если считать каждый дневной переход по минимуму, мне все равно полагалось быть у цели. Этой ночью пропала Эврика.

С утра начали подгибаться ноги; прикончив последнюю банку консервов, я выбросил опустевший рюкзак. Термокостюму тоже осталось недолго: меня постоянно трясло от холода.

Ближе к вечеру я снова увидел Эврику, красивым прыжком перелетевшую трещину в поверхности ледника. Может, ей удастся найти пищу? Желаю тебе успеха, девочка. На закате я неудачно упал и ушибся так сильно, что с трудом дополз до ближайшего валуна — укрыться от ветра на ночь.

С рассветом дела пошли совсем скверно. Я не сомневался, что маяк где-то рядом, но приборы моего костюма не позволяли его засечь. Направление можно было выбирать наудачу, и я пошел на восток, где за низкими облаками тускло светило солнце. Когда отказались служить ноги, я пополз, но скоро не стало сил

и ползти. Аккумулятор термокостюма гудел, предупреждая о скорой и окончательной разрядке, но мне это не казалось важным. Я уже не чувствовал ни голода, ни холода, ни усталости. Плавать в теплом, золотом море было хорошо. Такая же золотистая кожа у леди Рейр, лежащей на сухом песке под жарким солнцем Гэра 28... Леди Рейр... В плену сейчас, и кто, кроме меня, ей поможет?

Шатаясь, я встал на ноги. Выбрав ближайший камень, подошел вплотную, на что ушли последние силы. Упав, я обнаружил под носом собственные следы. Забавно, правда? Когда я отсмеялся, было уже темно. И холодно. Послышались голоса...

Голоса стали громче, в глаза ударил свет; надо мной кто-то стоял, а рядом — рядом сидела Эврика, умываясь.

4

Омму и Огнат остались живы и здоровы. Не желая сидеть в иглу, Лас ушел, чтобы исчезнуть навсегда. Чьюм умер от гангрены, но из четырех человек, отправленных мной обратно к шлюпке, выжили трое. Из тех, кто остался на месте, не погиб ни один человек. Позднее мы узнали, что покинуть корабль удалось только нашей шлюпке. Причина катастрофы так и осталась неизвестной.

Поднялся на ноги я быстро, за день или два. Экипаж маяка *был только рад перерыву в однообразной рутине; нам охотно* предлагали все самое лучшее. Еще через пару дней прибыл корабль, чтобы отвезти нас в цивилизованные места.

На Агассе меня долго допрашивала грозная комиссия, задавая вопросы с пристрастием. Уже стало казаться, что я во всем виноват, но в конце концов меня оправдали и даже оплатили в скромном объеме путевые расходы.

За дверями зала заседаний комиссии я встретил конгрессмена Огната.

— Насколько я понимаю, вам досталось скромное вознаграждение — и намек, что чем меньше вы будете распространяться о катастрофе, тем лучше.

— Ну, можно и так сказать...

— Дейнджер, я всегда считал себя человеком с принципами. На Сиоке я ошибался, и теперь я ваш должник. У вас есть планы на ближайшее будущее?

Ознакомившись с моими планами, Тилл Огнат посмотрел на меня с интересом:

— Полагаю, это не вся история — но не вижу повода для праздного любопытства...

— Отчего же, мистер конгрессмен.— Историю я рассказал за обедом, который почти стоил тридцати суток в ледяной пустыне.

Выслушав мой рассказ, Тилл Огнат покачал головой:

— Дейнджер, а вы хоть представляете, сколько времени нужно добираться до Зериды вашим способом — нанимаясь с одного корабля на другой или зарабатывая деньги на билет?

— Довольно долго.

— Дольше жизни, при тех доходах, на которые вы можете рассчитывать.

— Не стану спорить.

— Дейнджер, я политик и практик. Романтические экспедиции — не по моей части. Но вы спасли мне жизнь, и я хотел бы вернуть долг — насколько это возможно. В моей власти предложить вам командование собственным кораблем — в рамках очень непростой миссии. В случае успеха вы получаете больше, чем можно заработать за двадцать лет в машинном отделении!

5

Подробности мне объясняли четыре холеных джентльмена на террасе под крышей здания этажей в двести высотой. Роскошь обстановки соперничала с блеском огней ночного города, сиявших миль на пятьдесят во все стороны. Конгрессмен Огнат при встрече не присутствовал; говорил по большей части один и тот же джентльмен, остальные слушали.

— Задача, которую мы хотели бы вам поручить, требует незаурядного мужества и умения рассуждать безошибочно. Кроме того, человек не должен быть связан ни семейными узами, ни обязательствами противоречивого характера. Меня уверили, что вы обладаете нужными качествами в полной мере. Упорство,

здравый смысл и личная честность приведут к успеху; в случае провала вас ожидает мучительная смерть в полном одиночестве. Помочь вам никто не сможет.

Молчаливая девушка принесла поднос с бокалами. Отхлебывая понемногу, я слушал дальше.

— В последние десятилетия коммерческие интересы Агасса страдают от недобросовестной конкуренции со стороны негуманоидной цивилизации, называемой Риш. Характер деловой активности иерархии Риш заставляет подозревать цели, выходящие за пределы торговой экспансии. До сих пор, однако, нам ни разу не удалось внедрить в иерархию наблюдателей.

— Иными словами, от ваших шпионов не было никакого толку.

— Совершенно верно.

— На что же вы надеетесь в моем случае?

— Вы достигнете пределов иерархии Риш открыто и официально. Продвижение одинокого агассийского корабля будет сопровождаться благожелательным вниманием средств массовой информации. Ришианцам не удастся сохранять видимость дружелюбия, препятствуя вашей миссии. Вы просто нанесете визит доброй воли в Хай-Илиат, столицу иерархии, в качестве торгового представителя.

— Знаете, я ничего не смыслю в шпионаже. Когда я туда доберусь — если доберусь,— что мне делать?

— Ничего. Ваш экипаж будет состоять из хорошо подготовленных специалистов.

— Зачем тогда нужен я?

— Именно потому, что вы не специалист и не имеете за плечами академической карьеры. Вы выжили в пространстве во время катастрофы; может, сумеете выжить и среди ришианцев.

Как просто. После года работы меня ожидает целое состояние — когда вернусь. От названной суммы голова пошла кругом. Конгрессмен Огнат ошибся: не двадцать лет беспорочной службы, а все сорок.

— Согласен,— кивнул я.— Думаю, правда, что вы бросаете деньги на ветер.

— Оплата производится только в случае возвращения. То есть когда миссия фактически окупится.

6

Корабль, доставшийся мне, построили тысячу двести лет назад, и с тех пор никто не давал ему отдыха. Древнее, покрытое шрамами торговое судно стартовым весом пять тысяч тонн одиноко стояло в ремонтном ангаре. Если бы здесь рыскали ришианские агенты, им не удалось бы найти ничего подозрительного. Ни силовой брони, ни аппаратуры сверхсветовой связи, ни сверхтяговых агрегатов — ничего, кроме древних деформационных генераторов, стандартного навигационного оборудования и трюма, доверху набитого программными перфолентами для промышленных автоматов. Команда моя на шпионов нисколько не походила: двое юношей со скошенными подбородками и выражением вспугнутой невинности в глазах, один средних лет джентльмен, будто решивший сбежать от стареющей жены, и молчаливый рослый медведь с телосложением грузчика и тоскливыми голубыми глазами.

Две недели я заполнял пробелы в образовании, впитывая, как губка, учебные гипнозаписи. Стартовали мы незадолго до рассвета, без каких-либо торжественных мероприятий, как и подобает грузовому судну. Эврика осталась у одной лаборантки из учебного центра летного состава; может, потому я и не сомневался в успехе.

Первые несколько недель я наслаждался новой для меня ролью капитана. Ничто не сравнится с удовольствием иметь под ногами собственную палубу, даже если это старая посудина вроде «Джонго». Моя команда молча смотрела, как я, надев скафандр, собственными руками вывожу буквы на носу. Идея назвать корабль каким-то собачьим именем явно показалась странной.

Первая посадка прошла без недоразумений. Я вышел на контакт с импортерами, назвал свою цену, избавился от груза и приобрел новый, как полагается. Моя лихая команда в это время знакомилась с достопримечательностями порта. Много ли они там нашли, я не спрашивал, полагая, что не в знаниях счастье.

Посещая незначительные малонаселенные миры, мы понемногу продвигались вдоль Косы в сторону юга Галактики, где жизнь не бьет ключом, а центральные звездные скопления на экранах уже не слепят глаз.

Лон, Банун, Острок и два десятка миров, похожих друг на друга, как городки на Среднем Западе... Но наступил день, когда на экранах возникла ничем на первый взгляд не примечательная планета. Пять месяцев мы продвигались на ощупь к заветной точке на звездных картах — к месту, где я сложу голову, стоит мне совершить единственную ошибку,— к столице иерархии Риш.

7

В порту Хай-Илиат было тесно от сверкающих лайнеров отовсюду: из миров Косы и даже из центра. Миля за милей шли посадочные площадки, где звездолеты стояли гордые и холодные, как ассирийские цари. От площадки, куда нас посадила диспетчерская служба, до центрального здания путь неблизкий, даже на портовом каре. Меня так очаровал купол в милю диаметром, состоящий из невесомых ребер с полупрозрачным кружевом между ними, что я не заметил ришианского представителя. Кому-то из членов экипажа пришлось толкнуть меня под локоть. Ага... Устрица на тонких ножках в дубленой коже вместо раковины. Жужжание и щелчки исходили, похоже, из медальона, висевшего на передней створке. Вскоре до меня дошло, что диалект, на котором разговаривает устрица, не так уж непонятен.

— Недавно с Окраины, ребята? Пройдемте вон туда: пустяковые формальности, не займет и сквота.

Сколько будет один сквот, никто из нас не знал, но отказываться от приглашения мы не стали. В помещении, напоминавшем узкий коридор с высоким потолком, горел слишком яркий свет и было тесно от людей, ришианцев и представителей нескольких рас, для меня незнакомых. Усадив на низенькие табуретки, хозяева велели нам вложить руки в какие-то окошки, принялись светить в глаза и оглушать резкими звуками. В чем бы испытание ни состояло, мы его, надо полагать, прошли. Таможенник вывел нас в небольшую загородку без крыши и произнес речь:

— Добро пожаловать, парни, в наш великий город и в наш прекрасный мир! Вы теперь гости иерархии Риш. В гостиницах вам предоставят питание, соответствующее вашему метаболизму; если понадобится помощь, достаточно обратиться на ближайшую

станцию гражданской безопасности, обозначенную белым шестом. И должен вас официально предупредить: любой недружественный акт в отношении иерархии Риш подлежит немедленному пресечению, а совершивший его будет наказан по всей строгости закона. Желаю вам приятного пребывания в наших краях. Осторожно, здесь ступенька.

Чиновник нажал на скрытую кнопку и сделал приглашающий жест; в стене открылся проем — можно выходить на улицу...

Часом позже, после ионного душа и бокала чего-то местного в баре, я решил прогуляться по Хай-Илиату. Прекрасный город: ослепительно белая мостовая, крутые башни, изразцовые площади с фонтанами, взлетающими на сотню футов,— и ришианцы, стайками катящиеся на крошечных одноколесных мотороллерах. Попадались также люди и представители других рас, примерно поровну; местные не обращали на них особого внимания, разве что сигналили изредка, требуя освободить дорогу.

Я отыскал прекрасный парк, где оранжевая трава мягче бархата росла под деревьями, стволы которых сверкали серебром, а листья — золотом. В кронах деревьев порхали странные птицы, похожие на бабочек, а по стволам бегали мелкие животные вроде белок в дубленых шкурках. За оранжевым лугом разливалось гладкое озеро, где очаровательные домики стояли над водой на сваях; где-то чирикала негромкая музыка. Мне подумалось, что в жизни шпиона есть свои светлые стороны.

Обратно в гостиницу я собрался ближе к вечеру. На полпути меня окружил отряд из четырех ришианцев на зеленых мотороллерах. У одного была переводильная машинка.

— Капитан Билли Дейнджер,— объявил он писклявым голосом.— Вы арестованы за преступления против спокойствия и порядка иерархии Риш.

Глава 7

1

Тюрьма, куда я попал, оказалась ярко освещенным лабиринтом загородок, тупичков, комнатушек и коридоров, где безликие устрицы изучали меня, невнятно переговариваясь голосами, от которых сильно зудело в ушах. Ориентировку я потерял очень скоро: может, со мной всякий раз говорила одна и та же устри-

ца в одном и том же углу. Хотелось есть, пить и спать, но до сих пор никакие резиновые шланги в ход не пошли, что обнадеживало. В любом городишке на Миссисипи дела могли повернуться хуже.

Через час невразумительных допросов меня привели в каморку вроде телефонной будки, где ришианец с переводильной машинкой на раковине назвался начальником Департамента наказаний и дознаний с применением мер физического воздействия. Звали его Хьюмекой. Мне подумалось, что отличить наказание от дознания будет нелегко.

— Ваше положение очень серьезно,— заверещала переводильная машинка.— Иерархия Риш очень строго относится к неблагонамеренным чужакам! Должен сказать, мне известно, что вас использовали — предположительно, без вашего ведома — с целью доставки на Риш преступников. Выказав добрую волю к сотрудничеству, вы можете избежать наиболее неприятных последствий вашей неосторожности. Предлагаю все рассказать о планах и действиях лиц, прибывших на одном с вами корабле.

— Требую встречи с агассийским консулом! — заявил я.

— Не заставляйте меня тратить время впустую! — возмущенно зачирикала машинка.— В чем состояли задания каждого из четырех агентов?

— Если экипаж арестован, прежде всего хочу видеть моих людей!

— Вы недостаточно хорошо осознаете свое положение, капитан Дейнджер. Здесь я выдвигаю требования!

— Боюсь, ничем не могу помочь.

— Глупости! Я достаточно знаю вашу расу. Ради собственного спасения каждый из вас продаст другого человека, не раздумывая.

— Отчего же тогда вы опасаетесь моей встречи с консулом?

— Опасаюсь? — Наверное, он засмеялся, но в переводе вышло непонятно.— Вы меня убедили. Пожалуйста! Разрешаю встречу с консулом.

Меня перевели в комнатку побольше, где свет не так резал глаза; через минуту появился лысый, как яйцо, человечек в щегольском костюме. Выглядел он загнанным и рассерженным.

— Это вы хотели меня видеть?

Он надел на шею какое-то устройство со специальными отводами к уху и гортани, протягивая мне такое же. Приспособить проводки оказалось несложно.

— Ничего не могу для вас сделать, Дейнджер,— запищал голосок в ухе.— Знали ведь прекрасно, на что шли! Требуя встречи со мной, вы лишь впутываете правительство Агасса.

— Шутить изволите? — Я старался не двигать губами.— Они знали про задание с самого начала! Это утечка информации, и мы так не договаривались.

— Не имеет отношения к делу. Ваш долг — отрицать официальный характер вашей миссии.

— То есть они настолько идиоты, что поверят, будто я шпионю частным образом?

— Не лезьте в дела, которых не понимаете, Дейнджер! Вас и выбрали-то ради политической невинности...

— Оставим легкий треп на потом, мистер консул. Скажите лучше, как вам разрешили со мной встретиться?

— Разрешили? Да меня чуть не под конвоем...

— Вот именно. Это проверка. Им хочется знать, что вы сделаете. Верность своему виду для них имеет первостепенное значение. Уж столько-то я узнал из гипнозаписей еще на Агассе. Каждый раз, когда им сходит с рук казнь человека, ришианцы становятся чуть-чуть храбрее...

— Ерунда! Просто хотите выпутаться из беды любыми средствами.

— Вы уже сделали ошибку, мистер консул, согласившись на встречу. Теперь вы не сможете сказать, будто ничего не знали. Вытащите меня, иначе я расскажу все.

— То есть как? — Моего собеседника, похоже, проняло.— Что вы можете рассказать? Реальное положение дел...— Консул осекся.

— Для начала я расскажу про вас.

— Про меня? А если подробнее?

— Вы являетесь тайным руководителем шпионской сети Агасса здесь, на Рише. Ну и так далее, до чего додумаюсь. Мои измышления имеют даже шанс местами оказаться правдой.

Консул чопорно выпрямился и смерил меня ледяным взглядом:

— Собираетесь предать конгресс Агасса, оказавший вам высокое доверие?..

— У вас, бюрократов, своеобразное понятие о верности и моральных обязательствах. Меня можно сдать со всеми потрохами ради удобной дипломатической лжи; я обязан принять судьбу с воодушевлением?

Дипломат еще некоторое время трепыхался, но больше для приличия; крючок засел слишком глубоко. Пообещав сделать все возможное, он ушел, вытирая пот со лба.

Меня запихнули в лифт и отправили глубоко в тюремные подвалы. Там пришлось долго добираться по низенькому, в четыре фута, туннелю до тускло освещенной камеры, где пахло странно и не слишком приятно. Пока я пытался сообразить, почему от этого запаха мурашки идут по коже, в темном углу кто-то зашевелился. Бронированная фигура в четыре фута высотой твердо встала на толстые ноги, и два огромных глаза уставились на меня прямо из грудной клетки.

2

Первые пять секунд я стоял столбом, переживая шок, потом рефлекторно бросился вперед, пытаясь проскочить мимо. Проскочить не вышло; я рухнул на противника и попытался ухватить за глотку, которой не было. Выгнувшись, гном застучал ногами, освободился и хотел было сбежать через туннель, булькая, как вода в раковине. Я остановил его пинком; гном откатился в угол, не сопротивляясь. Тяжело дыша, я раздумывал, куда бы пнуть побольнее.

— Мир! — Казалось странным, что этот броненосец-переросток может говорить.— Сдаюсь, хозяин! Бедный Срэт молит о милосердии!

Гном захныкал, точь-в-точь как австралийский лемур — или обиженный младенец.

— Так-то лучше.— Голос у меня дрожал, а волосы на голове шевелились от одной близости к созданию.— Подожду убивать тебя пока. Давай рассказывай!

— Да, хозяин! Бедный Срэт расскажет хозяину все! Расскажет все, что знает!

— Однажды прилетел звездолет. Большой звездолет цвета старой меди — он принял наш сигнал бедствия. В нем были гномы вроде тебя. Меня попытались пристрелить, но неудачно. Плохо знали человеческую анатомию, надо полагать. А потом — потом они забрали леди Рейр. Где она теперь? Что с ней?

— Дай бедному Срэту подумать, хозяин!

Гном заныл, жалобно булькая; до меня только теперь дошло, что ему доставалось по доброму пинку при каждом вопросе.

— Думать не надо — просто не забывай отвечать!..

Гнев понемногу скис, и началась реакция: задрожали руки. Я глубоко вздохнул.

— Хозяин, про леди бедный Срэт ничего не понимает...— Гном опасливо охнул, увидев, как я делаю шаг вперед.

— Корабль, да,— залопотал он.— Давно, очень давно бедный Срэт видел такой корабль, прекрасный и могучий, подобный королеве пчел. Но то было давно — очень, очень давно!

— Три года,— сказал я.— На планете далеко отсюда — в Рукаве.

— Нет, Хозяин! Сорок лет! Сорок лет прошло с тех пор, как бедному Срэту показалась великая королева. Далеко, далеко в Приграничье...

Срэт замялся, будто сказав лишнего, и я подбодрил его пинком.

— Бедный Срэт остался изгнанником,— заныл он.— Далеко, так далеко от материнского лона — от черных, колышущихся глубин Х'иак...

— Х'иак? Ее увезли туда?

— Плачь о великой Х'иак, хозяин! — возопил гном.— Плачь о памяти бедного Срэта! Плачь о том, что было когда-то и чему не бывать вовеки...

Прислушиваясь к нытью, плачу и жалобам, я понемногу начал понимать. Одинокий мир на расстоянии сотен световых лет от сердца Галактики, где она сияет в ночном небе звездным шатром; солнце, обреченное вспыхнуть новой; побег в пространство; годы — десятилетия — века неприкаянных странствий. Посадка на одной из планет иерархии Риш, мелкая юридическая неувязка — и сорок лет рабства. К концу истории я сидел на скамье у стены выжатый как лимон. Мне было холодно; впервые за три года я ничего не чувствовал — совсем ничего. Сколько ни пинай несчастного беспризорника, леди Рейр не вернуть. Я искал ответов, и вот, сижу с пустыми руками.

— Хозяин? — В голосе гнома послышался вопрос.— Хозяин тоже вызвал ужасный гнев других?

— Да... Можно и так сказать. Используют в качестве морской свинки...— Я прикусил язык. Время трепаться на эту тему с первым встречным еще не пришло.

— Хозяин — бедный Срэт расскажет хозяину про этих ришианцев! Расскажет много полезного! Хозяину будет с ними легче говорить.

— Боюсь, ты немного опоздал. Я уже успел высказаться, но Хьюмекою не показалось...

— Нет, хозяин! — Гном подобрался ближе.— Послушай бедного Срэта, хозяин: жалости ришианцы не знают. Деловая этика — совсем другое...

3

Когда за мной пришли, я спал. Четыре охранника со знакомыми символами на раковинах провели меня в круглое помещение, где за столом под яркой лампой сидел единственный ришианец. Может, Хьюмекой, может, кто-нибудь еще. Другой присел у стены за моей спиной. Агассийского консула нигде не было видно.

— Что вы можете предложить в обмен на собственную свободу? — спросил в лоб главный ришианец.

Я лихорадочно припоминал слова бедного Срэта; что он там говорил об этой породе?..

— Ничего,— ответил я.

— Ничего? За вашу жизнь?

— Жизнь принадлежит мне. Отнять ее — простое ограбление.

— Мы не отнимем жизнь. Только свободу.

— Грабеж есть грабеж. Жизнь моя, не ваша.

Уши опять зачесались; оппонентам, судя по всему, пришлось обсудить мою позицию. На столе блеснули два стерженька, белый и красный. Хьюмекой протянул мне белый:

— Возьмите этот символ великодушия нашего народа. Возьмите и покиньте Риш немедленно.

Чувствуя, как на лбу выступает пот, я покачал головой.

— Жизнь и свободу я забираю — они мои. Принимаю их по праву, а в дарах не нуждаюсь.

— Вы отвергаете милосердие иерархии? — Синтетический голос Хьюмекоя взлетел до максимума.

— Я желаю только вернуть свое.

Беззвучно переговорив с коллегой, Хьюмекой вернул стерженек на стол.

— Хорошо. Идите, капитан Дейнджер. Вы свободны.

— А моя команда?

— Они виновны и заплатят, что должно.

— Мои люди вам без надобности. Вы их уже допросили и все знаете. Почему бы не отпустить?

— Вот как? Желаете получить дар, в конце концов?

— Нет. Я заплачу.

— Заплатите? И чем же?

Бедняга Срэт успел рассказать о том, как нужно платить. Я не сомневался, но во рту пересохло, а в животе залег снежный ком.

Мы торговались десять минут, прежде чем определили цену: мой правый глаз.

4

Хирургами они оказались искусными. Обезболивающего не полагалось, кроме стаканчика едкой жидкости, по вкусу напоминавшей антифриз. Хьюмекой стоял рядом, выказывая все признаки глубокого интереса. Искусство переносить боль не так уж сложно: есть предел чувствительности. Положите руку на горячую плиту — и вы его достигнете. Все остальное ничем не хуже. Я покричал, конечно, подергался на столе, но операция скоро закончилась. Пустая глазница, в которую запихнули что-то холодное и мокрое, онемела через несколько секунд. Через полчаса я уже мог передвигаться самостоятельно, хотя голова кружилась, а оставшийся глаз смотрел на мир сквозь легкую вуаль.

Членов моего экипажа доставили в порт раньше меня, бледных и со скованными руками. Консул тоже был здесь, и тоже в наручниках.

— Добросовестная сделка — честный обмен, капитан Дейнджер,— сказал Хьюмекой, когда остальные погрузились на борт.— Эти хорошо оплаченные мошенники узнали, что хотели: промышленный потенциал, возможности космопорта, объем перевозок, технологические достижения... Не так уж много. Наш наступательный потенциал и без того поддавался оценке. Иерархия же получила достоверную информацию о человеческой природе. Нас до сих пор вводили в заблуждение, присылая людей, специально подготовленных с целью обмана. Действуя на основе ложной информации, мы могли бы совершить серьезную ошибку.

Так мы и расстались: не то чтобы приятелями, но и не без взаимного уважения, смешанного с опаской. В последнюю ми-

нуту подкатил портовый кар, и двое полицейских вытолкнули на бетон бедного Срэта.

— Это создание способствовало нашему сближению, хотя и косвенным образом,— пояснил Хьюмекой.— От нас он получает свободу; вы можете расплатиться с ним самостоятельно, в случае необходимости.

— Отлично! Погрузите и его,— кивнул я.— Нам будет о чем поговорить на пути к Агассу.

5

Путешествие продолжалось пятьдесят шесть дней, и я успел узнать про х'иак все, что только бедный Срэт мог рассказать.

— Какое прискорбное заблуждение заставило мою родню похитить благородную леди из племени хозяина, бедный Срэт не знает,— повторял он на все вопросы о мотивах, но зато охотно высказал свои соображения о том, где стоит поискать.— Есть миры, хозяин, где издавна существовали рынки сбыта для высокомолекулярных соединений, которыми Х'иак был столь богат в свое время. Корабли х'иак заходят туда по-прежнему, и в знак добрых отношений, связывавших нас когда-то, нам помогают припасами. Взамен мы поставляем, что можем.

Срэт рассказал о мирах Приграничья, куда проложили торговые пути его соплеменники. Там редко задают неудобные вопросы, а человек считается экзотическим уродцем.

— Обязательно слетаем туда. Вот только получу законное вознаграждение.

На Агассе диспетчерская служба определила нам место в самом дальнем уголке порта. Радостная команда укатила на портовом каре, еще пока я обесточивал аппаратуру ходовой рубки. В компании Срэта я пошел к ближайшему выходу пешком. Мимо, по соседней полосе, проскочил портовый кар. Я хотел было поднять руку, но передумал: несмотря на холодный ветер, после восьми недель в пространстве прогулка здорово освежала.

Внутри длинного здания терминала ожила система оповещения. Голос диктора бубнил неразборчиво, но Срэт возбужденно закудахтал:

— Хозяин! Они говорят о хозяине!

С большого экрана, куда указывал Срэт, смотрело мое лицо.

— ...Хорошо заметные шрамы на шее и на нижней челюсти справа,— продолжал голос.— Каждый, кто увидит этого человека, обязан его задержать и немедленно поставить в известность власти!

6

На меня пока никто не смотрел. Ветровка поверх простой летной формы серого цвета прикрывала шею, а в остальном я мало чем отличался от других волков открытого космоса. Бедняга Срэт трясся и приседал от страха; о нем объявления не было, но его хныканье не останется незамеченным. Надо подыскать спокойное место, и как можно скорее. У вестибюля ближайшего выхода меня окликнул по имени женский голос: Нейси, лаборантка из учебного центра, с которой осталась Эврика.

— Когда четыре часа назад пришел твой запрос на посадку, я была в третьей диспетчерской.— Говорила она шепотом, торопливо; при виде повязки на глазу замешкалась на мгновение.— Я подумала... в конце концов, никто не ждал тебя обратно... Разве плохо будет, если хотя бы я встречу? А потом — потом... объявление...

— Что это может быть, Нейси?

Она беспомощно покачала головой. Бойкая миниатюрная девчонка со вздернутым носиком и ровными белыми зубками...

— Не знаю, Билли. Я только слышала — нарушил приказ, вернулся, мол, раньше срока.

— Знаешь, в этом что-то есть. Но тебя не должны со мной видеть, Нейси.

— Билли — может, если сам сдашься...

— Благонамеренная мысль... Только нутром чую — лучше этого не делать.

— Кажется, я понимаю.— Нахмурившись и прикусив губку, она кивнула.— Пойдем со мной.

Нейси зашагала через вестибюль, и Срэт немедленно ухватил меня за рукав.

— Без меня будешь гораздо целее.

Я высвободился и последовал за Нейси. Через служебный вход, по узкому коридору со множеством дверей, потом на площадку, забитую портовыми карами...

— Спасибо.— Я остановился.— А теперь беги.

— Нет, еще одно...

Нейси исчезла в темном коридоре. Приглядев маленький почтовый кар со включенной панелью управления, я подогнал его к двери, откуда важной походкой выступил роскошный зверь величиной с собаку; рыжеватая шерсть лоснилась от сытости, в глазах читалась всегдашняя спокойная уверенность.

— Эврика!..

Услышав мой голос, кошка одним прыжком достигла кара и устроилась рядом. Нейси стояла в дверях, улыбаясь.

— Спасибо за все, Нейси! Не знаю, зачем тебе было рисковать, но все равно — спасибо!

— Таких, как ты, называют романтическими личностями — может, в этом дело...

Нейси резко повернулась и исчезла раньше, чем я успел спросить, что такое романтическая личность.

Выведя кар на стартовую полосу, я не стал торопиться, создавая впечатление, будто знаю, что делаю. Тут же над головой раздался щелчок:

— Семьдесят восемь девяносто, куда тебя несет?

— Заправочный контроль,— пробурчал я.

— Поздновато, а? Или не слышал приказа очистить полосу?

— Ну... Только чего им спокойно не сидится?

— Приказ на задержание контрабандиста, сбежавшего несколько минут назад. А теперь проваливай! — рявкнул мой собеседник и отключился.

Отклонившись вправо, будто бы в ангар технического обслуживания, я в последний момент круто развернулся влево — туда, где меня ждал верный «Джонго». Где-то слева сновали портовые кары; по дороге попались двое полицейских в форме. Один глянул на меня подозрительно; я помахал рукой, пряча подбородок в капюшоне ветровки. Теперь последний поворот, и вот он, мой «Джонго»,— в плотном кольце автомобилей. А я уже размечтался: так хотелось улизнуть прямо из-под носа у властей... Загнав почтовый кар в промежуток между элегантным судном, напомнившим мне яхту лорда Дезроя, и тяжелым грузовым кораблем, враставшим в бетон будто не первую сотню лет, я попробовал заставить мозги шевелиться, но безуспешно. Глаза, как зачарованные, возвращались к эмалевой отделке вокруг люка роскошной яхты. Люк был приоткрыт, и внутри поблескивала надраенная медная отделка.

Только на полпути от почтового кара я сообразил, что решение уже принято. Эврика сообразила еще скорее и бежала впереди, будто хозяйка корабля. Не успел я поставить ногу на первую ступеньку невысокого трапа, покрытого ковровой дорожкой, как из-за старого грузовика появился полицейский. Завидев меня, он пустился бегом, хватаясь за кобуру. Видно было, что ему приказано стрелять. Я бросился вверх по трапу, зная, что не успею. За спиной послышалась возня, потом тяжелый удар; раздался выстрел, испортивший узор на комингсе люка. Обернувшись, я успел увидеть, как бедняга Срэт выбирается из-под лишившегося сознания полицейского. Срэт вскарабкался по трапу последним; задраив люк вручную, я бросился на мостик. Переведя сектор главного привода в положение экстренного старта, я ощутил, как от вибрации стучат зубы, сколько ни сжимай челюсти. Корабль пронизал атмосферу Агасса, как метеорит, летящий не в ту сторону.

7

Корабль был просто мечтой космоплавателя и слушался руля исключительно. Несколько часов я безостановочно маневрировал, уклоняясь от планетарного патруля, и все это время прослушивал радио на стандартных частотах. Оказалось, выбор мой пал на собственность агассийского сановника, чей титул можно перевести как «вице-диктатор». Под конец на экране появился конгрессмен Огнат, возбужденный и раскрасневшийся.

— Капитан Дейнджер, случилось ужасное недоразумение! — Конгрессмен приветствовал меня улыбкой, фальшивой, как любая из мирных инициатив ООН.— Офицеры полиции в порту были только почетным караулом...

— Разумеется! Тех, кто стрелял, просто забыли своевременно предупредить,— сухо произнес я.— Хотя жалованье за сорок лет беспорочной службы — сумма изрядная, не могу допустить мысли, что кто-то захотел сэкономить... Но не беда: я принимаю эту лохань в уплату добровольно и с удовольствием.

— Послушайте, Дейнджер.— Улыбка на лице конгрессмена увяла.— Верните корабль назад, и я употреблю все мое влияние, чтобы с вами обошлись снисходительно.

— Спасибо! Я уже испробовал один образчик вашего влияния; второго могу не пережить.

— Это безрассудно, наконец! Уведомление получит каждая цивилизованная планета в радиусе десяти парсеков; за кораблем будут охотиться — вас уничтожат без предупреждения, если только не вернетесь немедленно!

— Видимо, прежнему владельцу судна потребовался чей-то скальп? Искренне сочувствую, конгрессмен.

Я еще побеседовал с Огнатом и парочкой сопровождавших его флотских офицеров, стараясь не терять остроумия. Все оказалось не так уж плохо: три патруля за первые двадцать часов, и на тридцатом часу — центр Галактики и беззвездная пустота впереди.

— Дай-ка мне координаты ближайшего из миров, с которыми у х'иак торговые связи,— распорядился я.

— Это очень далеко, хозяин. Далекая, одинокая звезда. Мир, называемый Дроп.

— Ничего, попробуем, Срэт. Может, вдали отсюда нам повезет.

Судно было заправлено под завязку, и вообще, владелец, видимо, готовился к внезапным переменам политического климата. Кладовые, винный погреб и библиотека не оставляли желать ничего лучшего: даже первый сибарит среди диктаторов остался бы доволен, коротая здесь однообразные дни в межзвездном пространстве.

Обучив Срэта нести вахты в ходовой рубке, я теперь мог спать, когда хочется, а свободное время проводить в библиотеке. На вопрос, зачем ему понадобился человек вроде меня, Срэт лишь молча таращил свои глаза-блюдца; я тогда впервые за много недель подивился, до чего же странное он существо. Привыкнуть, оказывается, нетрудно и к х'иаку.

8

Срэт поселился в розовеньком будуаре, оставшемся от существа с мозгами и, наверное, голосом пекинеса. В обществе Эврики я чувствовал себя не так одиноко, хоть она и не умела говорить; речи негуманоида как-то не грели. По счастью, вкусы вице-диктатора в области музыки и литературы совпадали с моими гораздо больше, чем наши вкусы по части женщин. Записи

охватывали широчайшую область знаний, начиная с древней истории и заканчивая последними достижениями в области микрохирургии клетки. Каталог не оставлял желать лучшего; я ни одного раздела не оставил без внимания.

Миры Приграничья, как я выяснил, можно считать галактическим музеем. Когда-то, миллиарды лет назад, эти одинокие планеты принадлежали к тесному сообществу центра Галактики. Расы, их населявшие, первыми распространились по Косе и вдоль Восточного Рукава; потомки первопроходцев живут там до сих пор. Сегодня материнские миры доживали остаток своей долгой и бурной жизни, обращаясь вокруг гаснущих звезд в холодной пустоте межгалактического пространства. Как утверждал Срэт, одна из этих рас приходится прародительницей человеческому роду — хотя, случись встретиться, мне трудно было бы признать родню.

Просматривая астрографический справочник Западного Рукава, я нашел малоизвестную звезду — похоже, родное Солнце. В безупречном каталоге вице-диктатора легко отыскалась нужная запись. Дикторский голос поведал, что серо-стальной шар, на котором горит яркая искра — свет далекого Солнца,— десятая планета системы. Девятая походила на десятую, только побольше. Седьмая и восьмая оказались газовыми шарами, сплюснутыми с полюсов; я решил было, что ошибся системой, но тут в поле зрения появился Сатурн. От знакомого вида колец со мной случился острый приступ ностальгии, будто я провел на Сатурне счастливое детство. Узнать Юпитер тоже не составило труда; камера подлетела поближе, чтобы разглядеть каждую луну в отдельности.

Большие полярные шапки Марса выглядели несколько непривычно. На бреющем полете камера задержалась на остатках брошенного лагеря: не города, а именно лагеря из нескольких металлических ангаров и рухнувших радиомачт. Такой могла бы оставить экспедиция к Южному полюсу. За Марсом последовала Земля, туманная и зеленоватая. Глобус оказался перевернут: Европа внизу, Африка наверху. Где-то через полминуты я заметил непорядок с полярными шапками. Северная покрывала Британские острова, большую часть Германии и Северную Америку вплоть до Канзаса; южной же не было вовсе. Антарктида представляла собой остров в форме полумесяца, совершенно свобод-

ный от льда, а Австралию с Индокитаем соединял перешеек. Очень, очень давно снимали этот фильм...

Камера долго парила над океанами и джунглями, пустынями и ледниками, но я не мог разглядеть никаких следов человеческого присутствия. Неведомый летательный аппарат не опускался, по-моему, ниже десяти тысяч футов, но даже с такой высоты изобилие гигантских животных бросалось в глаза. Правда, мамонты это, мегатерии или еще более древние создания, сказать было трудно.

Когда на экране появилась Венера, поменьше Нептуна, зато куда ярче, мне стало грустно. Я налил себе большой стакан чего-то крепкого и приготовился к долгому пути.

Глава 8

1

Вокруг старой гаснущей звезды, красной, как закат в пустынях Невады, обращался одинокий усталый мир — планета Дроп. В пространстве нас не ждали грозные перехватчики, внизу некому было произносить приветственные речи... Срэт величал место посадки портом, но я видел только открытую всем ветрам холмистую пустошь под сумрачным небом. На темно-лиловом своде не сияли звезды: центр Галактики находился ниже уровня горизонта. Холодный ветер, казалось, не хотел угомониться, не рассказав какой-то печальной истории, и я решил, что на корабле уютнее. За обедом и за бутылкой старого агассийского вина я слушал музыку, но и та сегодня говорила о грустном. Перед рассветом вернулся Срэт с новостями: корабль х'иак сюда действительно заходил — около века назад по земному летоисчислению.

— Актуальная, свежая новость,— согласился я.

— По крайней мере,— бедняга Срэт присел в пыль и чуть не вилял хвостом, но в голосе угадывалась нотка дерзости,— хозяин видит, что Срэт не лгал ему о путях народа х'иак.

— Или лгал, но очень складно,— возразил я, но тут же осекся. Что-то в собственных словах показалось мне очень знакомым, но что именно?..

Срэту даже рассказали, куда корабль х'иак собирался зайти после Дропа: И'эл — еще десять световых лет в сторону от центра

Галактики. Две недели пути для моей яхты. Сначала я хотел вернуться к земному образу жизни и честно пытался спать восемь часов в сутки и есть трижды в день, притворяясь, будто в черноте межгалактического пространства бывают дни. Ничего не вышло: шестилетняя привычка нести вахты скоро взяла свое. Три часа работы, три отдыха; обед после вахты, через одну.

И'эл появился на обзорных экранах вовремя: бледная звездочка, не отмеченная даже на обычных картах. Я посадил яхту на травянистую равнину поблизости от поселения, состоявшего из куполообразных построек земляного цвета. В деревне мы со Срэтом провели совсем мало времени, не найдя ничего, кроме духоты, пыли и горстки робких туземцев, тут же прятавшихся в хижины. Одного часа нам вполне хватило.

Следующий на очереди мир — Цлинн, как его называл Срэт,— оказался куда менее гостеприимен. Гудя разъяренными шершнями, в атмосфере нас встретил рой самолетиков, крепких, как танки. В разрешении на посадку нам было отказано. Если корабль х'иак здесь и побывал, вчера или тридцать лет назад, рассказывать о событии нам никто не собирался.

Мы побывали на болотах Льина, где в искусственном свете тонули лучи умирающего солнца; на Шорамне, которая успела погибнуть с тех пор, как Срэт побывал там последний раз: побелевшие кости, ржавые механизмы, обрушенные здания — что там случилось?.. На Фаре и Ц'рите мы не узнали ничего полезного, а на Кише нам позволили сесть и атаковали — чуть раньше, чем следовало бы. Нам удалось отступить к люку и стартовать под ураганным огнем; мощные заряды подпортили-таки зеркальную поверхность обшивки. Крылатые аборигены бросались на корабль, не щадя жизни. Многие переживали удар, а некоторые долго еще скребли по броне, после того как яхта покинула атмосферу. Поразительная стойкость.

На Тисе когда-то стояли башни в две мили высотой; теперь они лежали рядами, вершинами на север, будто лес, поваленный ударом гигантского метеорита. Потомки строителей башен подтвердили, что корабль х'иак действительно садился здесь. Год назад, век или тысячелетие — им было все равно.

Мы упорно продвигались вслед за слухами, легендами, намеками. Такой корабль здесь видели, но давно; говорят, он полетел дальше, в межгалактическое пространство, там еще есть населенные миры; да, на блуждающем астероиде находили тела су-

ществ вроде этого вот гнома... В конце концов иссякли и слухи, и фантазия бедняги Срэта.

— Пустое дело,— сказал я.— Смерть, упадок и легенды... Поворачиваем обратно, к центру.

— Еще немного! На этом пути хозяин найдет, что ищет!..

Интересно: Срэт больше не хныкал, по своему обыкновению. Не хочет говорить... Хорошо.

— Последний раз. А потом назад, хотя бы меня объявили в розыск на каждой планете внутри галактической орбиты Земли...

Вышло так, что следующим шагом на пути вовне оказалось скопление из восьми звезд. Древних, долговечных, гораздо старше Солнца, но все еще далеких от старости. Срэт едва не завязался в узел от возбуждения:

— Восемь солнц, хозяин! Помню, как сейчас... Богатые миры, щедрые! Когда мы наполним трюмы сочными лишайниками...

— Без лишайников, хотя бы и сочных, прекрасно обойдусь,— перебил я.— След корабля х'иак — другого мне не надо.

У ближайшей звезды я взял курс на приводной маяк девятой планеты под названием Драт. Гном вел переговоры с диспетчерской службой, и посадка прошла без проблем, хотя площадка выглядела как после ковровой бомбардировки. Экипаж на воздушной подушке доставил нас к розовато-серому зданию на краю порта; невдалеке, на пологих холмах, раскинулся город за крепостными стенами. Несмотря на предгрозовой сумрак, солнце дышало жаром, как кузнечный горн.

Растительность вдоль подъездного пути напоминала тропическую; лепестки цветов влажно блестели. По фасаду здания космопорта бежали трещины.

Страшноватые на вид туземцы в просторных одеждах таможенными формальностями докучать не стали. Крупные и сильные, похожие на людей, вот только лица... Если, конечно, путаницу рыбьих кишок можно назвать лицом. Пока мы пробивались сквозь толчею в зале прибытия, Эврика терлась у ног, не отходя далеко. Срэт пыхтел следом; ему здесь явно не нравилось. По моему требованию он занялся расспросами, выбрав мелкого гуманоида не из местных; тот робко продвигался вдоль стены, волоча по грязи подол темно-синего плаща. Следуя полученным указаниям, мы разыскали в дальнем конце вестибюля небольшой офис, представлявший собой комбинацию биржи труда и бюро

находок. Выслушав Срэта, трехсотфунтовый дратианин в грязной тоге шафранного цвета что-то звучно пророкотал.

— Корабль х'иак здесь не появлялся, хозяин,— объяснил Срэт.— Драт не торгует с другими мирами. Продуктов лучше дратианских во Вселенной не найти; кому и зачем могут понадобиться товары, произведенные в других местах?.. Он еще сказал, что может продать тысячу тонн глата, недорого.

— Глата?

— Так они называют грязь, хозяин.

— Вырази благодарность от моего имени, но скажи, что я дал обет воздержания.

Покинув предприимчивого чиновника, мы вышли в город.

Глухие, высокие фасады угнетали тусклыми, грязноватыми цветами: охряными, розовыми, лиловыми. Ощущение было странное, будто все ушли на похороны. Ноги Срэта и мои ботинки стучали резко, нарушая унылую гармонию. С неба полились струи теплого дождя, довершая безрадостную картину. В который раз я подумал, насколько похожи все города Галактики. Какие бы существа ни собирались вместе, чтобы построить жилье, всегда дома выстраиваются рядами вдоль улиц. Ну, почти всегда. Этот город напоминал мексиканскую деревню в сезон дождей: сплошная грязь и бедность. В течение часа мы не увидели ни полицейского, ни ратуши, ни правительственного здания — ничего подобного. Я вымок, продрог до костей и поддался душевному унынию.

Когда я решил наконец повернуть обратно, впереди открылась площадь, запруженная прилавками и телегами. Базар прятался под дырявыми навесами различных оттенков серого; по сравнению с пустыми улицами площадь казалась живописной и едва ли не пестрой.

На ближайшем прилавке лежали однообразные серые шары, размером от лимона до грейпфрута. Срэт хотел узнать, что это, но ответ оказался непереводимым. Большой ларь по соседству был полон дохлых жуков — или так мне показалось. Надо думать, вполне съедобно — для любителей. Дальше продавали побрякушки из металла и камня: ювелирные изделия, как во все времена и под любым из солнц. Тускло-желтый металл был, конечно, золотом, только здесь оно почему-то напоминало свинец. Мне захотелось купить что-нибудь, но я решил не торопиться. Следую-

щий предприниматель разбросал по прилавку образцы тканей; похоже, он не различал цветов, по крайней мере, в видимом спектре. Меня заинтересовала одна серебристо-серая тряпица. Я протянул руку и словно обжегся: нет, меня не ударило током — зеридскую ткань на ощупь ни с чем не перепутаешь.

Кусок два фута в длину и фут в ширину, вырезанный грубо и неаккуратно. Вполне может быть лоскутом, выдранным из спины летного комбинезона. Я захотел поднести ткань к глазам, но торговец возмутился, шипя, как горячее масло на сковороде.

— Скажи ему, что я хочу купить.

Не прекращая говорить на своем трескучем языке, торговец упорствовал, дергая ткань на себя.

— Хозяин, он не понимает торгового языка! — заныл Срэт.

Шумно сердясь, торговец дернул сильнее, но я вырвал-таки лоскут у него из рук.

— Осторожнее, хозяин! — проблеял Срэт, хватая меня за руку.

2

Я оглянулся. Дратианин, раздвинувший толпу, мог быть негоциантом, предложившим мне груз глата,— как их различить? — только хитиновые плечи прикрывал белый плащ на манер мексиканского одеяла. Выглядел он недружелюбно. Подойдя вплотную, он что-то протрещал торговцу; тот заскрипел в ответ. В конце концов дратианин встал прямо передо мной.

— Хозяин! — зачастил Срэт, переводя неблагозвучный и неприязненный скрежет.— Страж порядка желает знать, почему хозяин решил ограбить торговца?

— Скажи, что я заплачу за ткань хорошую цену.

Зеленая фишка, которая на Косе составила бы шестимесячное жалованье механика, была принята холодно. Страж порядка выглядел все так же сурово.

— Узнай, Срэт, откуда он взял ткань!

Последовал длинный разговор. Полицейский, цеховой старшина, криминальный авторитет или «защитник прав человека» — дратианин явно оказался значительной персоной. Лавочник боялся его до смерти.

— Хозяин, торговец говорит, что добыл ткань честным путем. Торговец готов принести образец в дар, если хозяин настаивает.

— Я ни в чем его не обвиняю. Хочу только знать, откуда он взял ткань.

На этот раз заговорил авторитет, показывая на другую сторону рыночной площади.

— Хозяин, ткань продал торговцу раб.

— Какой такой раб?

— Человек, хозяин.

— Человек? Вроде меня?

— Он говорит — да, хозяин.

Я попробовал локтем рукоятку термоэлектронного пистолета. Конечно, если толпа рассвирепеет и на меня набросятся скопом, толку от него будет немного, но все же...

— Где он видел раба-человека?

— Здесь, хозяин. Раб принадлежит скромнейшему триарху.

— Узнай, где триарх живет.

— Вон там, хозяин.— Срэт указал на серо-голубой фасад за другими домами, пониже.— Дворец их скромнейшего величия.

— Пошли! — приказал я, не обращая внимания на стража порядка.

Тот, однако, решительно затараторил, обращаясь к Срэту.

— Страж порядка говорит — хозяин забыл про награду.

— Моя оплошность.— Я передал в нужные руки еще одну фишку.— Скажи, что я хотел бы встретиться с триархом и оценил бы помощь в этом деле.

Условившись о цене, страж порядка повел нас через рыночную площадь и по лабиринту тесных улочек. Путешествие закончилось на мощеном дворике под крышей янтарного стекла. Можно было даже подумать, что выглянуло солнце. За деревьями, цветущим кустарником и зеркальным прудом в благодатном полумраке виднелась крытая галерея. Срэт явно нервничал: присев на что-то вроде стула, он заныл негромко и тоскливо. Эврика внимательно смотрела на длинноногую голубую птицу, бродившую в мелком пруду.

Дратианин невысокого роста вежливо осведомился, чего мы желали бы выпить. Эврику он спросил три раза; похоже, он так и не понял, что кошка не умеет разговаривать. Выпивка напоминала густой голубой сироп со вкусом меда и серы.

— Хозяин не должен этого пить,— сказал Срэт, принюхавшись. Сам он осушил свой бокал одним глотком.

Рассеянно глядя в темноту под сводами галереи, куда ушел наш провожатый, я притворялся, что пробую напиток. По стеклу над головой стучал дождь, а здесь, внизу, было душно, как в оранжерее. Через полчаса дратианин вернулся, и не один.

При росте в шесть футов приятель нашего гида в плечах достигал пяти; темно-синее бархатное одеяние пестрело лентами, кистями и кружевами наподобие чепца викторианской эпохи. Звали его Хруба. Он служил у триарха дворецким и говорил на лингва франка*, хотя и очень плохо.

— Его величие может даровать одну милость. От вас же будет принято подношение.

— Насколько я понимаю, триарх владеет рабом-человеком. Я бы хотел с ним встретиться, если его величие не против.

Выразив согласие, дворецкий отдал приказ слуге; через десять минут тот вернулся, подталкивая в спину человека.

Крепкого телосложения, с коротко стриженными черными волосами и благородными чертами лица, он был одет в простую темно-синюю юбку-килт. Портил его только уродливый шрам дюйма два длиной, слева под ребрами. Завидев меня, человек остолбенел, шевеля губами.

— Ты... ты — человек! — проговорил он, переведя дыхание. Сказал по-зеридски.

3

Звали раба Хьювиль, и в плену он провел уже десять лет. Захватили его, когда с управлением яхты что-то случилось; в результате корабль занесло далеко в Приграничье.

— Во имя человеколюбия,— взмолился он,— выкупите меня, милорд!

Хьювиль хотел было опуститься на колени, но слуга крепко держал его за руки.

— Сделаю все, что смогу...

— Выручите меня, милорд — не пожалеете! Я из состоятельной семьи...

Хруба взмахнул рукой, и рабу не дали договорить; слуга увел его обратно в дом.

---

* Лингва франка (*итал.* lingua franka) — язык международного общения. *(Прим. ред.)*

— Сколько? — спросил я, глядя на дворецкого.

— Он ваш.

Выразив благодарность на словах, я предложил деньги. Деньги, имеющие хождение на Косе, здесь, на Драте, мало кто принимает, пояснил дворецкий. Я прошелся по списку полезных вещей на борту «Джонго II», в кладовках и в трюме; мы сошлись на наборе из лекарств, вин, одежды и гипнозаписей.

— Его величие ценит возможность показать свое великодушие! — объявил Хруба.— М-м-м... А не желаете ли вы, случаем, принять еще одного раба?

— Человека?

— В точности так.

— И много у вас людей?

— Владения его величия обширны и многообразны, но людей только двое. Польза в хозяйстве, конечно, есть, но их портит своеволие.— В голосе Хрубы прорезались доверительные интонации.— Вам с ними будет легче, не сомневаюсь.

Поторговавшись десять минут, мы пришли к соглашению. По условиям сделки кладовые «Джонго II» останутся пустыми; хорошо, что у триарха рабов-людей только двое. Третьего я не смог бы себе позволить.

— За подношением, которое его величие принимает в духе доброй воли, отправятся грузовик и носильщики,— важно произнес Хруба.— Желаете, чтобы мы доставили рабов на корабль сами?

— Не беспокойтесь, я сам их заберу,— сказал я, вставая.

— Вы готовы пренебречь церемониями Договора, Честного Соглашения и Взаимного Удовлетворения? — Хруба явно был шокирован.

Я поспешил его успокоить, и дворецкий приказал слугам нести подобающую случаю утварь и припасы.

— Срэт, отправляйся на корабль. Проследишь за передачей товара, примешь людей на борт. Эврику прихвати.

— Хозяин, бедный Срэт боится идти один. И Срэт боится за хозяина...

— Пошевеливайся, не то они успеют раньше тебя!

Срэт печально пискнул и заспешил к яхте.

— Вот и второй раб,— указал рукой дворецкий.

Из ниши на другой стороне дворика, в сопровождении слуги, появилась стройная фигура в серой юбке того же покроя, что килт у Хьювиля.

— Вы сказали — человек? — пробормотал я глупо.

— То есть вы сомневаетесь? — чопорно осведомился Хруба.— Честность его величия подвергают сомнению в его собственном дворце — Дворце совершенной гармонии? Такое бывает нечасто!

— Приношу извинения.— Я все пытался прийти в себя.— Это вопрос терминологии... Не ожидал увидеть женщину.

— Человек женского пола,— согласился Хруба.— Именно человек, и прекрасный работник. Мельче другого, быть может, но трудолюбивый и усердный. Его величие не хотел бы оставить у вас дурного впечатления. Сделка ни в коем случае не должна казаться сомнительной...

Хруба замолчал, глядя, как я слежу за девушкой, которую слуга вел мимо футах в двадцати. Под ребрами у нее был рубец, точно как у Хьювиля. Рядом с серо-зеленой природной кирасой дратианина девичья грудь выглядела бесконечно уязвимой. Когда рабыня повернула голову в мою сторону, я узнал леди Рейр.

4

На долгое, долгое мгновение время остановилось. Леди Рейр прошла мимо, не заметив меня в тени полотняного навеса. Я замычал и осекся, сообразив, что невольно вскочил со стула.

— Этот раб вам особенно интересен?

Судя по голосу, коммерческий инстинкт подсказал дворецкому, что он где-то просчитался.

— Нет,— прохрипел я, садясь.— Шрамы... откуда шрамы?

— Можете ничего не опасаться. Туда вживлен стимулятор. Помогает управляться с рабами... Но не следует ли мне взять обратно предложение его величия? Если дар недостаточно хорош, щедрость триарха может быть поставлена под сомнение...

— Ни в коем случае! Оплошность с моей стороны, не более того.

Сердце бешено стучало о ребра; мне казалось, будто судьба Вселенной висит на волоске. Одно лишнее слово — и сделка не состоится.

Слуги принесли церемониальные сосуды, и беседа прекратилась, пока дворецкий отведывал множество сортов спиртного и расставлял на столе глубокие чаши. До чего же душно... Господи, как оно там — на корабле?

Предложив тост, дратианин вылакал чашу до дна. Я лишь приложил чашу к губам, но хозяин возмутился, гримасничая:

— Вы не пьете? Не отдаете должного Честному Соглашению?

Пришлось выпить. Аромат был скорее приятным, но во рту остался вкус железных опилок. За первым тостом последовал второй; под внимательным взглядом хозяина пришлось пить снова. Как напиток повлияет на пищеварение, я старался не задумываться. Вместо того я вспоминал лицо, промелькнувшее мимо несколько минут назад; лицо, которое за четыре года не постарело ни на один день; представлял себе гладкую загорелую кожу и ужасный шрам...

Хозяин произнес нараспев сложную церемониальную формулу и переменил чаши. Мы выпили еще раз. Срэт, наверное, показывает леди Рейр ее каюту. Нормальная, мягкая человеческая постель, ковер под босыми ногами, кожу пощипывает от ионного душа — впервые за четыре года...

— ...так выпьем же еще! — провозгласил Хруба.

Его лингва франка сделался почти непонятным; выпивка действовала неотвратимо, и на меня тоже. Голова гудела, в желудке будто жарили яичницу, а руки налились свинцом. От приторного пойла сводило скулы. Очередную чашу я твердо отодвинул в сторону.

— Больше не могу.— Язык ворочался плохо; с немалым трудом я встал, оттолкнув кресло.

Поднялся на ноги и Хруба. Его тоже качало — а может, это у меня плыло в глазах.

— Не могу не выразить удивления, о человек! — воскликнул он.— Твое усердие в делах чести превосходит даже мое собственное! Мой мозг плавает в океане освященного вина!

Протянув руку, он принял от слуги небольшую шкатулку.

— Это устройство позволяет управлять твоими новыми приобретениями,— пояснил Хруба, передавая мне коробочку. Непослушный палец сам собой наткнулся на защелку, и крышка откинулась. Внутри, на мягкой подкладке, лежало небольшое пластиковое яйцо.

— Эт... эт-то что?

— А, так ты не знаком с дратианской техникой!

Выхватив яйцо из шкатулки, Хруба сунул его мне под нос.

— Вот, кольцо с насечкой: первая риска — напоминание, вторая...— Хруба повернул кольцо до щелчка,— приступ острой бо-

ли. Согнется пополам. Третья риска... Третью мы пробовать не будем. Тебе ведь не нужен раб с обугленной дырой в груди? Термитный заряд вживлен прямо в сердце! — Хруба вернул яйцо в шкатулку и сел, едва не промахнувшись мимо кресла.— Контроллер женщины у сопровождающего; он передаст его твоему слуге. Никаких проблем...— Дворецкий икнул, совсем как человек.— А этот... который я покрутил... верни на ноль. Если раб не особо выносливый, он может уже... того.

Я наклонил шкатулку, и яйцо выкатилось на землю. Растоптать его оказалось очень просто, совсем как настоящее яйцо.

— Что ты делаешь? — Хруба вскочил на ноги, глядя то на раздавленное яйцо, то на меня. С ужасом, наверное.— Ты потерял рассудок?

— Мне пора,— сообщил я, направляясь к выходу. Туда, откуда пришел целую вечность назад. Хруба что-то прокричал на местном наречии, и слуга попытался заступить мне дорогу. Я взмахнул пистолетом; слуга исчез.

На улице было темно, и мокрая мостовая блестела в свете желтовато-зеленых фонарей, развешанных по стенам домов. Мне казалось, что я сейчас сдохну. Улица ушла из-под ног, и пришлось ухватиться за стену. В животе будто заворочался острый нож. Не обращая внимания, я двинулся в сторону космопорта, но через полквартала меня скрутило окончательно. Когда я выпрямился, вытирая рукавом блевотину, вокруг собралось полдюжины любопытных дратиан. Боясь, что от вида их лиц мне станет еще хуже, я что-то крикнул; аборигены рассеялись.

Без большого труда, как ни странно, я отыскал улицу, по который мы вместе со Срэтом и Эврикой попали на базарную площадь — туда, где нашелся клочок зеридской ткани. Вот только подъем оказался чересчур крутым. Ноги разъезжались, я упал раз и другой. Живот болел, пустой желудок по-прежнему выворачивало; вставать с каждым разом становилось все труднее. Легкие горели, голова раскалывалась, будто от ударов парового молота. Спотыкаясь, я брел среди двоящихся стен; двухголовые дратиане освобождали мне дорогу.

Вот наконец и порт. Полупрозрачный светящийся купол — вот он, в конце переулка. Недалеко уже. Срэт, наверное, беспокоится; может, вышел навстречу... А на корабле — леди Рейр...

Очнулся я, лежа лицом вниз. Надо мной медленно вращалось равнодушное небо: размытое пятно центра прямо над головой,

Коса, сливающаяся с Восточным Рукавом... Нащупав под собой мостовую, я уперся в нее руками и коленями. Хорошо. Теперь можно встать на ноги... Она тоже стоит, красавица, посреди стартовой площадки: броня за долгие годы потускнела, но обводы все такие же плавные, стояночные огни горят янтарными звездами... Я двинулся навстречу; ноги больше не подкашивались.

На моих глазах яркий просвет люка сузился и исчез; янтарные стояночные огни погасли, вместо них зажглись красные и зеленые ходовые. Раздался грохот, бетон под ногами задрожал.

Я на мгновение замер, потом бросился вперед. Ноги не держали; шершавые плиты рванулись навстречу, но удар по голове не затуманил сознания. Оторвав подбородок от бетона, я смотрел, как «Джонго II» поднимается вертикально на столбе бледно-голубого пламени. Через минуту остался только трепещущий голубой язычок на конце гигантской дуги, потом мерцающая желтая точка, потом лишь черное небо.

5

Они стояли вокруг плотным кольцом. Ноги в сандалиях, покрытые роговыми чешуйками, были совершенно нечеловеческими, как у крокодила. Холодный пот покрывал лицо, как густая слизь; желудок завязался узлом, то ли от страха, то ли от вчерашней еды. Я трясся, как медуза, выброшенная на берег.

Ноги зашевелились и пропустили рослого дратианина в белом плаще блюстителя порядка. Крепкие руки поставили меня на ноги, в глаза ударил яркий свет.

— Человек, блюститель порядка требует вернуть двух рабов, полученных в дар от его скромнейшего величия!

— Улетели,— прохрипел я.— Верный Срэт. Гном сраный...

— Человек, ты виновен в преступлении первого разряда — незаконном освобождении раба! В качестве компенсации блюститель порядка требует уплаты штрафа в размере двойной цены каждого из рабов. Награда в тройном размере для него самого и всех помощников.

— Вам не повезло.— Я покачал головой.— Ни денег, ни корабля... Улетели.

Сознание мое помутилось, и надолго. Меня куда-то волокли, светили в глаза, потом будто вспороли, как подушку, но все это было не со мной, где-то далеко...

6

Очнулся я на жестком матрасе, брошенном на каменный пол. Все еще тошнило, но голова соображала нормально. Глядя в потолок, где горела одинокая лампочка, я пытался привести в порядок воспоминания, но события не желали выплывать из тумана и выстраиваться в правильную цепочку. Задрав грубую рубаху, я обнаружил багровый разрез под ребрами, аккуратно зашитый толстой ниткой. Шесть дюймов, не меньше. Заживет за несколько недель, останется безобразный рубец... Такие рубцы я видел совсем недавно, у Хьювиля и леди Рейр. Вот оно, рабство.

Глава 9

1

Стимулятор прощупывался под кожей как безболезненное уплотнение. Безболезненное — если не подходить слишком близко к надсмотрщику. В десяти футах возникало ощущение легкой изжоги, в пяти — под ребрами начинал ворочаться каменный нож. Однажды, ради опыта, я подошел на четыре фута, прежде чем надсмотрщик велел отойти. В груди у меня полыхнул огонь — не настоящий, разумеется. Вот если бы он решил повернуть регулятор до упора или умереть, держа мой контроллер на боевом взводе,— тогда все было бы всерьез. Когда один из надсмотрщиков погиб по неосторожности, за ним ушли сразу три раба. В груди у каждого осталась обгорелая дыра с тарелку величиной.

В общем и целом, однако, скромнейший триарх поощрял бережное отношение к рабам, как того и заслуживает любое имущество. Первое время Хруба навещал меня дважды в день, проверяя, как заживает человеческая плоть. Я валялся на матрасе или ковылял по камере без окон, обращаясь к самому себе:

— Ты сообразительный малый, Билли Дейнджер. За последние четыре года ты многое узнал. Достаточно, чтобы разжиться собственным кораблем, залететь к черту на рога и найти там леди Рейр. Гораздо легче найти иголку в стоге сена. А потом ты преподносишь ее гному, на тарелочке с голубой каемочкой, вместе с кораблем — повторно. Ему теперь есть чем гордиться, а? Целый год он ползал за мной на брюхе, как щенок, вилял хвостом, стоило посмотреть... И дождался, когда сообразительный Билли

сделает все по уму. Пока ты травил себя этой дрянью, он без всякой спешки вернулся к яхте, сказал Хьювилю, что ты решил остаться, и стартовал. Леди Рейр могла бы вмешаться, но откуда ей знать? Она тебя даже не видела. Теперь можно начинать поиски сначала и со старого места...

Не то чтобы эти рассуждения облегчали душу, но зато помогали поддерживать физическую форму. Я много ходил по камере, из угла в угол. Спать при таком раскладе не хотелось.

Когда рана затянулась, один из надсмотрщиков вывел меня из камеры и загнал в сарай, более всего напоминавший мануфактуру времен расцвета потогонной системы. Рабов набиралось от сорока до пятидесяти, всех рас и размеров, включая нескольких дратиан, не поладивших когда-то с блюстителями порядка. Меня посадили на табурет возле широкоплечего урода с интересным лицом, вроде маски для Хеллоуина, сделанной из резиновой камеры, и роскошными красными жабрами на манер страусиных перьев. Переговорив с ним на местном наречии, надсмотрщик ушел. Глянув на меня близко посаженными золотистыми глазами, вроде яйца с двумя желтками, урод произнес:

— Добро пожаловать в клуб, приятель.

На лингва франка урод говорил чисто и правильно, без акцента, хотя голос звучал, будто из-под жестяного корыта.

Скоро мне стало известно, что зовут его Фша-Фша и что на Драте он уже семнадцатый год. Грузовой корабль, на котором он служил, списали из-за выгорания облицовки стартовых двигателей; экипажу пришлось остаться. В рабство Фша-Фша попал через три месяца, когда закончились деньги.

— Жизнь тут вполне терпимая,— сообщил он.— Кормят хорошо, спать можно в сухости, и работа не слишком тяжелая, когда приноровишься.

Фша-Фша объяснил, что трудовой процесс заключается в сортировке.

— Работа здесь чистая. Получают ее только работники высшей квалификации. Скажу тебе сразу, друг мой: в рудниках или на консервной плавбазе не в пример тяжелее.

Конвейерная лента несла бесконечную череду светляков; не скажу, что они такое и откуда их берут, но с виду простые шары, только светятся. Оператор сортирует их на восемь категорий, Фша-Фша показал, как это делается. Не прерывая объяснений, пальцами больших рук он касался нужных клавиш на пульте,

отправляя каждый шар в нужное место. Только, на мой взгляд, все шары были совершенно одинаковые.

— Ты научишься,— мягко сказал Фша-Фша, останавливая конвейер и извлекая из рундука какие-то ремни с пряжками.

— Учебная шлейка,— объяснил он.— Помогает быстро войти в курс дела.

Через пару минут ремни охватили грудь, спину и руки; поверх ремней шли провода, оканчивавшиеся контактами для каждого пальца. Проверив, плотно ли контакты прижаты к пальцам, Фша-Фша забрался на свой табурет и включил конвейер.

— Теперь смотри.

Светляки поползли навстречу; пальцы Фша-Фша запорхали по клавишам.

— Делай то же самое на своем пульте!

Я положил пальцы на клавиши. Когда ко мне подъехал очередной светляк, средний палец правой руки будто укололо иглой. Чтобы боль прекратилась, я нажал нужную кнопку; следующий светляк не заставил себя ждать, но на этот раз кольнуло мизинец. Палец за пальцем — дело шло достаточно быстро...

— Безотказный метод обучения,— сообщил Фша-Фша голосом бодрым, несмотря на замогильный тембр.— Руки учатся сами, без участия мозгов. Болевой стимул дает результаты быстрее всего.

Остаток смены я провел, пытаясь избавиться от уколов. Дело нехитрое: достаточно нажать куда надо раньше, чем это сделает Фша-Фша. К концу первого часа пальцы жгло огнем; к концу второго руки онемели по локоть; когда трехчасовая смена закончилась, меня трясло.

— Отлично! — похвалил Фша-Фша, когда в конце смены прозвучал удар гонга.— Старый Хруба знал, что делает, отправляя тебя сюда. Быстро учишься: последние несколько минут — десять процентов сверх случайной выборки.

По сырому туннелю мы прошли в мрачную казарму, где жили, не считая нас, двадцать шесть рабов. Добыв подвесную койку, мой наставник помог закрепить ее в свободной нише, потом показал дорогу в столовую. Бородавчатый повар с жуткими кабаньими клыками на поверку оказался славным малым. Он приготовил какой-то омлет, уверяя, что ни один из рабов-людей от этого блюда еще не отказывался. Тонкому ценителю омлет едва

ли пришелся бы по вкусу, но после больничной размазни я впервые поел как следует, после чего мне дали выспаться.

Когда пришло время, наставник меня разбудил и вернул на конвейер.

Следующие три смены дело шло все хуже и хуже; потом до меня начало доходить — точнее, доходить до глаз и пальцев. Для моего сознания все светляки были по-прежнему одинаковы, но спустя шесть недель я управлялся не хуже Фша-Фша. Мне доверили собственную сортировочную линию, а учебная шлейка отправилась обратно в рундук.

Как выяснилось, передовые методы обучения годятся не только для сортировки светляков. Однажды на конвейере появились клубки разноцветных спагетти — или чего-то похожего.

— Попробуем,— сказал Фша-Фша.

Клубки надо было разделять на шесть категорий. Я попытался следовать за наставником, как и раньше, но без особого успеха.

— Надо использовать уже сформированные рефлексы,— объяснил Фша-Фша.— Этот клубок — на эту клавишу, а следующий — вот на эту...

Не скажу, чтобы меня озарило, но я разрешил подсознанию делать аналогии между клубками и светляками — и получилось! Впоследствии я мог безошибочно сортировать что угодно после единственного учебного прогона.

— На самом деле ты освоил новые возможности мозга,— сказал Фша-Фша в конце моего ученичества.— Пригодиться они могут не только на сортировочной линии, но и при решении любых задач на классификацию.

В промежутках между сменами рабам дозволялось отдыхать, беседовать, играть в самодельные карты и кости, общаться по интересам или спать. В нашем распоряжении имелся небольшой огороженный дворик, где в солнечный день можно было загорать, и пещера с озерцом, где хорошо плавалось, несмотря на запах серы. Рабы с водных миров проводили в пещере как можно больше времени. Я привык прогуливаться по казарме — по пятьдесят кругов от одного конца до другого — в сопровождении Фша-Фша, который любил рассказывать разные истории. Он сто тридцать лет странствовал между звезд, пока не застрял на Драте; от его рассказов у меня ныло сердце и шевелились волосы на голове.

Одна за другой незаметно проходили недели. Я сортировал, смотрел и слушал. По словам Фша-Фша, мы жили при подземной фабрике в самом центре города. Выход имелся только один: по туннелю, вверх по лестнице и сквозь стальные ворота, охраняемые днем и ночью.

— А как же сырье, продукция, припасы? — поинтересовался я однажды у своего друга и наставника.— Надо же вывозить то, что мы делаем? По одной узенькой лесенке не получится.

— Не знаю, Дейнджер.— Фша-Фша сделал жест, который заменял ему пожатие плечами.— Но лестницей мне случалось пользоваться неоднократно.

Я попросил его объяснить поподробнее.

— Рабы время от времени требуются для работ на поверхности. Что до меня, я предпочитаю покой и заведенный порядок, но пока палец триарха всегда со мной,— Фша-Фша коснулся лилового рубца на боку,— приходится выполнять приказы беспрекословно.

— Вот как... Послушай, Фша-Фша! Расскажи все, что помнишь: куда тебя водили, сколько бывало охраны, как долго продолжались работы наверху, хорошо ли вас стерегли... Чем в таких случаях вооружена охрана? Цепи или кандалы приходилось носить? Изолировали вас от свободных? Ночью или днем выводят? Работали внутри или снаружи...

— Нет, Дейнджер.— Фша-Фша остановил поток вопросов жестом широкой лиловой ладони.— Вижу, что у тебя на уме, но лучше забудь! Даже если отстанешь от рабочей команды, куда ты денешься — один, чужак на чужой планете, не зная языка. О блюстителях порядка я не говорю...

— Так-то оно так... Но ты сильно заблуждаешься, если решил, что я проведу здесь остаток жизни. Давай по порядку: сколько человек тебя охраняло?

— Один. С контроллером в кармане и одного достаточно. Будь я даже самым непокорным рабом в казарме.

— Как сделать, чтобы меня отправили на работы наверх?

— Когда понадобишься, про тебя вспомнят.

— Надо, стало быть, подготовиться получше... А теперь давай подробности.

Подробностей оказалось достаточно: на память Фша-Фша никогда не жаловался. В числе прочего я узнал, что ему доводилось по часу и более работать без надзора.

— Прятаться бесполезно,— пояснил он.— Ну залезешь ты в погреб или под опрокинутую вагонетку — контроллер на первое деление, и сам начнешь звать надсмотрщика, и достаточно громко.

— Значит, надо сначала добыть контроллеры, а потом бежать...

— Об этом подумали: приборчик настроен на твою церебральную несущую. Стоит приблизиться на три фута, срабатывает автоматически. В случае гибели надсмотрщика — то же самое, равно как и в случае кражи третьим лицом.

— Чтобы раздавить контроллер, много времени не надо. Можно выдержать...

— При разрушении контроллера ты погибнешь,— сказал Фша-Фша безжизненным голосом.— Выиграть нельзя ни при каком раскладе.

— Тут ты не прав,— возразил я.— В ночь ареста мне случилось раздавить чужой контроллер. Хьювиль не умер. Часом позже он поднялся на борт «Джонго II» — на глазах блюстителя порядка.

— Странно. Каждый раб знает, что за повреждением контроллера следует немедленная смерть.

— Полезное знание — для любого рабовладельца.

— Может, поэтому тебя и схватили так быстро. Чтобы не догадался, как испортить игру... Лед и пламя преисподней, если рабы узнают...

— Ну как, Фша-Фша — играем вместе?

Он долго разглядывал меня в полумраке ниши, где мы уединились для серьезного разговора.

— Ты странное, беспокойное создание, Дейнджер. Для существа с тонкой кожей и хрупкими костями ты на удивление склонен создавать себе проблемы. Почему бы тебе не послушать доброго совета и не...

— Я выберусь отсюда, Фша-Фша,— из подземелья, и с этой планеты тоже — или погибну на своем пути. Здесь, внизу, мне нравится не больше, чем в могиле,— стало быть, я немногим рискую.

Фша-Фша вздохнул — по-своему, ведь легких у него не было, только жабры.

— Мы, ринты, смотрим на жизнь и Вселенную совсем не так, как вы, репродуценты. У нас Великий Предок производит споры. Мы, рабочие, обладаем подвижностью и разумом, но ли-

шены будущего. Будущее есть только у Предка. Инстинкт рабочего требует защищать Дерево, опылять, питать, подрезать даже... Но у нас нет личной заинтересованности в бытии, что столь естественна для вас. Ты сам борешься за свою жизнь — и за право оставить потомство. Ты здесь умрешь бездетным, твое тело знает — потому тебе не жалко жизни, чтобы вырваться...— Фша-Фша вздохнул еще раз.— Как мне было плохо, когда я покинул Ринт! Как долго и как страшно тосковал я по дому! Тебе этого не понять, точно так же, как мне не понять по-настоящему твоих чувств. Но если тебе сейчас так же плохо, как мне тогда,— беги отсюда. Ты и вправду ничего не теряешь.

— Вот именно. Ничего не теряю. Но ты не обязан рисковать головой, Фша-Фша. Если тебе здесь неплохо, оставайся. Я попробую сам.

— Сам ты пропадешь наверняка, Дейнджер. Я знаю язык, знаю город; без меня тебе не обойтись. Конец, правда, один в любом случае — но если контроллеры можно уничтожать... Кто знает? Вдруг прорвемся?

— Не бери в голову. Обучишь меня языку, расскажешь все про город. Незачем тебе погибать.

— Отсутствие инстинкта самосохранения — одно из преимуществ рабочей особи моего вида.— Фша-Фша жестом остановил поток возражений.— Займемся лучше деталями.

2

За неделями шли недели. Я работал, спал, учил дратианский язык и составлял в голове карту столицы, по подробным описаниям Фша-Фша. Примерно через два месяца после исторического решения сбежать любой ценой Фша-Фша получил разнарядку на работу в городе. От предложения взять меня с собой он отказался:

— Для наших планов так даже лучше. Я присмотрюсь к текущей обстановке на поверхности, в свете наших раскладов. Не беспокойся: наш самый верный шанс впереди.

— Мы, репродуценты, не так терпеливы, как вы, садовники. До следующей разнарядки шесть месяцев может пройти...

— Лучше репродуцироваться в старости, чем никогда,— важно заметил мой друг.

Смирившись, я проводил его взглядом. Узкий, плохо освещенный туннель удалось увидеть лишь на секунду. Дратиане, похоже, не любят яркого освещения; можно ли обратить это обстоятельство себе на пользу?

Фша-Фша вернулся в казарму, возбужденно шевеля жабрами. Чувства его, как выяснилось, не были предвкушением успеха.

— Дело безнадежное, Дейнджер. Рыбьи Кишки, начальник караула внешних объектов, носит контроллеры в специальных кармашках на сбруе, для удобства доступа. К себе не подпускает: я сумел подойти только на десять футов, прежде чем он меня отогнал.

— Еще какое-нибудь оружие?

— А зачем ему? И без того твою жизнь в кулаке держит.

— Нехорошо...— покачал я головой.— Придется, значит, добывать оружие в другом месте.

— Ты поразительное создание, Дейнджер! — Мне показалось, Фша-Фша вытаращился от изумления, совсем как человек.— Загони тебя в угол саблезубый ящер, ты будешь жаловаться, что клыки коротковаты — хорошего ножа не получится.

Работа катилась по наезженной колее: день за днем светляки ползли навстречу нескончаемым и неизменным потоком. Я ел омлеты, играл в рево, тикаль и дюжину других игр, выхаживал привычные две мили в день под сумрачными сводами казармы — и терпеливо ждал своего часа. Но однажды я совершил роковую ошибку, поставив жирный и окончательный крест на наших планах.

3

Прошло полчаса после окончания смены. Мы с Фша-Фша сидели в его нише, играя в любимую игру: «Что будем делать, покинув Драт?» Несколько часов назад в группу сортировщиков назначили раба-туземца; теперь он нависал над нами, дыша нестерпимой вонью. Я однажды разорвал упаковку на кочане гнилой капусты, по ошибке — так вот, запах был очень похожий.

— Мне эта ниша подойдет,— сообщил новенький.— Убирайся отсюда, чучело! — обратился он к Фша-Фша.

— Без году неделя, а уже чувствует себя как дома, ну не мило ли? — удивился я.— Попробуй там.— Я указал на пустую нишу на другой стороне казармы.— Полно свободного места...

Закончить я не успел: руками, похожими на объевшихся удавов, пожиратель капусты сорвал койку моего друга — сначала один конец, потом другой. Отбросив ее в сторону, он вывалил в нишу свои пожитки.

— Погоди, Дейнджер,— глянув на меня, заторопился Фша-Фша.— Надсмотрщик разберется: не таким рога обламывали. Не надо...

Дратианин не стал ждать — ударил меня в голову. Пригнувшись, я схватил стальную трубу в три фута длиной, запасенную у Фша-Фша под койкой на всякий случай, и нанес удар. Хороший удар, двумя руками наискосок по плечу. Дратианин замычал, как теленок под клеймом, и забился в судорогах, рухнув на пол. Бился он со страшной силой; под сводами казармы будто гремели пушечные выстрелы. Казалось, могучий кит резвится, ударяя хвостом по воде. Пролилась кровь, густая и желтая, забрызгав пол и стены. Обитатели казармы собрались плотным кольцом, но насладиться зрелищем не успели: через тридцать секунд огромный дратианин был мертв. А через две минуты появились блюстители порядка и забрали меня наверх — по лестнице, о которой я мечтал так долго.

Дело мое в суде решилось быстро. Разумеется, я объяснил Хрубе, что покойный напал первым. Разумеется, я не знал, что у дратиан мозги под лопатками. Все это не имело принципиального значения: рабам убивать рабов запрещается, и сортировка для меня в прошлом.

— ...Приговаривается к переводу на консервную плавбазу,— произнес нараспев Хруба сначала по-дратиански, потом на лингва франка.— Очень жаль, человек,— добавил он неофициальным тоном.— Сортировщик ты отличный, но свирепость, свойственная твоим сородичам, не к лицу живому товару.

В стальных кандалах, меня вытолкали во двор, где ждал большой, пахнущий дегтем воздушный паром. Дверь узкой выгородки без иллюминаторов захлопнулась; лежа в темноте, я ощутил, как паром уходит в небо.

4

Консервная плавбаза представляет собой плот из металлических понтонов, площадью около квадратной мили. Поплавки накрыты веревочными матами, разукрашены гниющими водо-

рослями и завалены отбросами консервных цехов. Конвейеры в цехах никогда не останавливаются; рабы круглые сутки разделывают всякую живность, поднятую наверх траловыми лебедками. Два рослых надзирателя сбросили меня с борта парома в глубокую зловонную лужу. Другая пара, внизу, вываляла меня в грязи, просто для разминки, и отволокла в длинный сарай, где счастливчики, отработавшие смену, имели возможность прятаться от теплых субтропических ливней. Крыша, конечно, протекала, но под открытым небом было гораздо хуже. Наручники с меня сняли, надев на шею тугую петлю из какого-то волокна. Не настолько тугую, чтобы удушить, но достаточно зловредную, чтобы растереть кожу до крови. Со временем под петлей нарастал рубец шириной полдюйма, который чесался и жег днем и ночью. К петле был подвязан надувной пузырь: если рабу случалось упасть за борт, пузырь раздувался и удерживал его на плаву. Рабу нельзя увиливать от работы. Утонуть или утопиться — это слишком просто.

Но в тонкостях я разобрался позднее. Не дожидаясь утра, меня оттащили к конвейеру, где рабы вылущивали из скорлупы каких-то не то раков, не то крабов, довольно крупных. Надсмотрщики орали, чтобы я приступал к работе, наградив для убедительности пинком, от которого я ловко уклонился. Мне даже удалось ответить ударом под ребра, что повлекло телесное наказание: двое дратиан крепко ухватили меня за руки и за ноги, а один выбивал пыль розгой, по весу и гибкости больше похожей на клюшку для гольфа. После порки меня оживили ведром воды, и кто-то сунул в руки местного омара.

— Не сиди столбом,— порекомендовал раб слева.

Участливый сосед оказался дратианином средних размеров с лицом, изрезанным шрамами. Что ж, у нас не так мало общего... Я решил последовать доброму совету.

Работа оказалась несложная: хватаешь чзика с той стороны, где нет клешней, просовываешь палец под панцирь и раздеваешь. Остается одним движением оборвать все четыре конечности. Чзики — существа весьма активные и возражают против дурного обращения, отчаянно извиваясь и размахивая клешнями. Когда попадается крупная особь — до десяти фунтов, а то и больше,— бывает, управиться так, чтобы надсмотрщик остался доволен, не выходит. Употребляется тогда все та же клюшка для гольфа.

Из-за острых, как бритва, и твердых, как оргстекло, краев панциря руки первое время не заживали, шипы на ногах постоянно впивались в ладони. Раны, впрочем, никогда не воспалялись: микроорганизмы Драта не могли прижиться в моем инопланетном организме. Со временем наросли мозоли, и стало гораздо легче.

В первый день я попал на конвейер в самом конце смены — мне просто повезло. Надсмотрщик не успел покалечить меня за бестолковость, и до сарая-казармы я добрался сам. Ни коек, ни своих мест ни у кого не было — вались на пол у подветренной стены и спи, как получится. Бессонницей здесь, по счастью, никто не страдал. Дратианин со шрамами, что дал мне хороший совет, помог и на следующий день: показал, как высасывать воду из сырого чзика. Губчатое мясо этой твари для меня не годилось, но кормили нас специальным варевом, которое так или иначе усваивал каждый. Или почти каждый. Нестандартные экземпляры скоро погибали от голода — проблема решалась сама собой.

Вместо обычного порядка — смена для работы, смена для отдыха — на разделке мы работали две смены из трех. Скучать решительно не приходилось. По шесть часов подряд мы сидели у лотков, где копошащиеся горы чзиков росли всегда немного быстрее, чем мы успевали их обрабатывать. Скользкие маты колыхались под ногами, не замирая ни на минуту, а за последним понтоном свинцовое море тянулось до самого горизонта. Иногда при безоблачном небе наступал мертвый штиль, и под лучами немилосердного солнца плавучий город затопляла нестерпимая вонь. По ночам на грузовых стрелах горели прожектора, и на свет слетались тучи насекомых. Одни лезли в нос, рот и глаза, другие хрустели под ногами, смешиваясь с отбросами. Иногда нас накрывал жаркий тропический ливень, но конвейер никогда не останавливался... Позднее дождь сменился слякотью, а палуба, такелаж и лебедки заблестели от льда; зимний режущий ветер бил в лицо, но мы продолжали работать — те из нас, кто мог вытерпеть холод. Другие застывали в грязи — их время от времени приходилось сбрасывать за борт. Кое-кто из живых им завидовал.

Когда-то, на Земле, читая об узниках концентрационных лагерей, я не понимал одного: что заставляет людей бороться, когда жизнь — лишь непрерывная пытка. Теперь я знаю. Нет, это

не благородная стойкость и не желание отомстить. Обыкновенный инстинкт, древнее мысли и древнее ненависти, требующий только одного: выжить во что бы то ни стало.

И я выжил. Руки покрылись мозолями, мускулы окрепли, кожа выдубилась и привыкла к холоду и дождю. Я привык спать в ледяной грязи, не просыпаясь, когда товарищи наступали на меня в темноте; привык есть жидкую размазню и протягивать чашку за добавкой; привык не отвечать на удары надсмотрщиков; научился, в конце концов, просто не замечать побоев. Здесь не было времени для отдыха и не было сил заводить дружбу. Был только очередной день и необходимость дожить до следующего. Дратианин, что помогал мне в первые дни, умер одной дождливой ночью. Назавтра его заменил другой; я так и не узнал его имени.

За годы, проведенные в пространстве, у меня выработалось безошибочное чувство времени. В любой момент я мог сказать, сколько прошло земных недель или месяцев от любого события. От исхода почти пять лет... Иногда я задумывался, что могло за пять лет случиться на незначительной планете на краю Галактики, но ненадолго. Та, старая, жизнь больше походила на сон, чем на реальность.

Мой разум теперь отлетал от плота на многие часы подряд, не возвращаясь к серому океану иногда в течение всей двойной смены. Воспоминания будто стали со временем ярче и подлиннее бессмысленной жизни вокруг меня.

Однажды вечером заведенный порядок изменился. Угрюмый старший надсмотрщик перехватил меня у сортировочного лотка и тычком направил туда, где швартовались лодки.

— Будешь работать на сетях,— просипел он.

Если бы не прочная кожаная куртка, его трудно было бы отличить от любого из нас: такой же грязный, окоченевший и жалкий. Я погрузился в двадцатифутовую двухкорпусную плоскодонку, плясавшую на волнах у посадочного трапа; мы отчалили. Через пять минут гигантский плот исчез за лохмотьями тумана.

Сидя на корме, я считал гребни серых, маслянистых волн. Какие ни на есть свежие впечатления, впервые за много месяцев. Пена за кормой кипела ключом, потом расплывалась, превращаясь в мерзкую рожу. Рожа будто скалилась на меня сквозь толщу воды. С каждым мгновением ужасные черты делались определен-

нее; дьявольская маска из колышущихся черных листьев, украшенная с боков красными плюмажами, вынырнула на поверхность. За маской поднялась рука, прямо в лицо сверкнуло лезвие ножа — и веревка упала с моей шеи. Прежде чем я успел вдохнуть как следует, широкая ладонь ухватила меня за руку, перебросила через транец и утащила в ледяной сумрак.

5

Там, где я очнулся, лежа на спине, было тепло и сухо. Судя по плеску и качке, лодка или небольшой катер. Легкий ветерок, ласкавший лицо, пахнул морской свежестью. Рядом с койкой стоял Фша-Фша; в неярком свете палубного фонаря лицо его казалось едва ли не добродушным.

— Хорошо, что я тебя узнал. Мог бы все испортить. Глаз бы, к примеру, выдавил...

Голос у меня оказался на удивление слабым.

— Извини за грубое обращение. Лучший план на тот момент. Начальник охраны не участвовал — только старший надсмотрщик.

— Главное, сработало.— Я закашлялся, плюясь соленой водой из чужого океана.— Остальное неважно.

— Мы еще не ушли в безопасное место, но самый сложный момент позади. Должны прорваться.

— А куда мы идем?

— Есть одна заброшенная гавань, в четырех часах хода. Там нас будут ждать.

У меня еще оставались вопросы, но веки внезапно отяжелели, не поднять. Позволив глазам закрыться, я погрузился в теплую, уютную тьму.

6

Проснулся я от негромкого разговора над головой. В какой-то момент показалось, будто я снова на борту яхты лорда Дезроя, лежу на кипе мехов. Иллюзия была такая сильная, что заныла рука, сломанная и вылеченная сэром Орфео столько лет назад... К реальности меня вернул голос Фша-Фша:

— Вставай, Дейнджер, придется немного пройти. Как ты себя чувствуешь?

Спустив ноги с койки, я осторожно встал.

— Как и полагается утопленнику... Пошли.

Мы вышли на палубу катера. В черной воде отражались огни фонарей. Фша-Фша заботливо укутал меня грубым одеялом. Впервые за целый год я позволил себе замерзнуть по-настоящему. Задним ходом мы подошли к пристани, где у потрепанного грузовичка ожидал невысокий дратианин. В кузове мы забрались под грубый брезент; взвыли изношенные турбины, и причал остался позади.

Я немедленно заснул. Сказалась привычка спать каждую минуту, когда не на конвейере,— от такой не скоро избавишься... Да и океанская вода Драта — не лучшая атмосфера для человеческих легких. Когда я снова проснулся, грузовик уже стоял. Фша-Фша мягко положил ладонь мне на руку, и я остался лежать тихо, как мышка. В нужный момент Фша-Фша подал знак, и мы соскользнули вниз по опущенному заднему борту. Оказалось, мы стоим у периметра космопорта. Большой купол под черным небом, видавшая виды бетонка, и как раз на полпути между нами и куполом — древний грузовой корабль на отслуживших свое стояночных домкратах.

Во тьме что-то зашевелилось, и к нам подошла странная для здешних мест фигура в длинном плаще. Упал капюшон, и открылось дубленой кожи лицо ришианца.

— Вы опоздали,— сказал он будто бы равнодушно.— Здесь пара жандармов, что-то разнюхивают... Не будем тратить времени.

Ришианец пошел в сторону корабля, мы за ним, но на полпути вспыхнул ядовито-зеленый прожектор, припечатывая нас к бетону.

— Стой! Стрелять буду! — проскрежетал ржавый голос по-дратиански.

7

Я бросился наутек. Ришианец, в трех шагах впереди, развернулся и принял боевую стойку. Блеснула оранжевая вспышка; прожектор погас, разлетевшись зелеными звездами, но до раскрытого заранее грузового люка еще оставалось около ста ярдов. Справа затрещали выстрелы, и среди желтых вспышек нам наперерез бросились блюстители порядка.

Переменив курс, я сбил с ног ближайшего. Славный получился удар, всегда бы так... Под пальцами, привыкшими срывать панцирь с двенадцатифунтового чзика одним движением, хрящи ломались, как гнилые кочерыжки. Оставив придушенного противника, я бросился на выручку Фша-Фша. Второму дратианину я сломал шею захватом со спины; отчаяния и ярости хватило поднять его в воздух и отбросить на десять футов. Дорога была свободна.

До открытого люка, где горел яркий свет, оставалось несколько шагов, когда в темноте сбоку блеснул красный огонек. Фша-Фша бросился в сторону, я покатился по бетонке; над головой хлынул поток зеленого пламени. Вот оно: гигантский дратианин в белой накидке через плечо, раструб оружия направлен в мою сторону — не успеть... Я вскочил на ноги и рванулся навстречу верной смерти.

Выпав из освещенного проема, на спину дратианина села приземистая черная тень. Извернувшись, дратианин ударил прикладом; при втором ударе захрустели кости. Тень откатилась в сторону, корчась от боли, но я успел... Вырвав оружие из чешуйчатых рук, я отбросил его в темноту. Ударить мне удалось первым; дратианин успел только обернуться наполовину. Многие месяцы тяжелой работы не прошли впустую, укрепив руки: роговая маска провалилась, брызнула грязно-желтая кровь. Я перешагнул поверженного противника; в свете, падающем из люка, лежал раненый гном — представитель народа х'иак.

8

Сверху что-то пронзительно кричал ришианец, за спиной слышался тяжелый топот дратианских ног и гремели команды.

— Срэт...— В горле застрял плотный комок, и я не мог больше говорить.

Темная, почти черная кровь лилась из ужасных ран. Бородавчатую кожу на торсе пробивали сломанные ребра, один огромный глаз выскочил из орбиты, другой смотрел прямо на меня.

— Хозяин,— прохрипел гном,— мой народ причинил тебе... много зла. Если... если мои раны могут послужить во искупление... прости им. Прости, ибо они одиноки... и напуганы...

— Срэт!.. Я думал...

— Мне было трудно, хозяин. Человек... оказался сильнее меня.

— Хьювиль! Так это *он* захватил корабль?

Гном дернулся, но из крокодильей пасти вырвался только стон. Я нагнулся ниже.

— Срэт умирает... послушный воле хозяина.

Глава 10

1

Фша-Фша и капитан-ришианец подняли меня на борт. Бедняга Срэт остался на стартовом столе: другим расам несвойственна человеческая сентиментальность в таких вопросах. Диспетчерская служба Драта решительно возражала, но только на словах. Дратиане сами давно уже не летают в глубокий космос, и потеря двух беглых рабов — не причина портить отношения с представителем иерархии Риш. Кроме ришианцев, мало кто ходит в Приграничье, даже нерегулярно.

Сразу по выходе из стартовой зоны Фша-Фша рассказал, что произошло с тех пор, как меня отправили на плоты.

— Когда ты решил бежать, я согласился. Потом... потом мне оставалось только действовать. Первый случай представился через три месяца: нас двое, и всего один надсмотрщик. Я хотел заманить его в темный переулок, уже составил остроумный план, но тут здорово повезло: лопнула грузовая сеть — мы работали на погрузке,— и груз рассыпался по причалу. Моему товарищу пришлось несладко — его сильно задело, но надсмотрщику досталась тяжелая стальная отливка, прямо по голове. Вырубился на месте. Контроллеры у него были на плече, на самом виду, но подобраться к ним... самый отчаянный поступок в моей жизни, такие дела: Среди груза нашелся длинный металлический стержень, но я все равно потерял сознание от боли. Очнулся вовремя: на пристань явился начальник доковых работ с двумя блюстителями порядка. Я пустился бегом; когда они сообразили, что контроллер не работает, я уже был далеко. До темноты удалось отсидеться в заранее подготовленной норе, а потом я попытал счастья в таверне владельца — не дратианина. Надежда, что мне помогут, как попавшему в беду чужаку, не оправдалась, но я привязал хозяина к лавке и наполнил оба желудка пищей

с высоким содержанием липидов. Для меня — запас на две недели. Кассу я тоже прихватил с собой; с деньгами жизнь пошла веселее. В одном притоне, где не задают лишних вопросов, мне удалось снять угол; там же я начал осторожно наводить справки о том, куда тебя отправили. А на следующий день появился твой маленький друг — Срэт. Ему непременно хотелось поговорить с кем-нибудь из слуг триарха. Не знаю, чем он питался, но не переедал наверняка, и спать ему приходилось на улице... Я рассказал все подробности, и вдвоем мы тебя нашли; как раз тогда появился ришианский корабль.

— Этот х'иак Срэт заговорил, к моему удивлению, по-ришиански,— подал голос молчавший до того капитан.— Некоторое время назад, на Рише, мне рассказали историю о человеке, обменявшем глаз на жизни своих товарищей. На это полагается симметричный ответ — вот на меня и легла обязанность помочь.

— Да, малыш с виду ничего особенного,— кивнул Фша-Фша,— но храбрости ему было не занимать.

— Редчайшее создание — верный раб,— согласился капитан.— О таком чуде приятно хранить память.

— Разумеется, чудо,— ответил я,— но гораздо более редкое: друг.

2

На борту грузового корабля мы провели три месяца; покинули его на планете под названием Глой. Можно было долететь до самого Риша, но только нам в другую сторону, к Зериде... Фша-Фша не собирался меня покидать: все миры одинаковые, говорил он. Воссоединяться с Великим Деревом он не спешил, как переживший бурную любовь человек не спешит влюбляться вновь. С таким трудом разорванные узы подождут... Капитан-ришианец расплатился с нами за службу: мы перебрали ему резервную силовую установку и несли вахты наравне с основным экипажем. Денег хватило, чтобы купить приличную одежду и поселиться в гостинице у космопорта — на случай, если подвернется должность на рейс в нужном направлении.

Ждать пришлось долго, но нам еще повезло: порт с его магазинами, тавернами и жилыми домами располагался среди живописных руин города, заброшенного десять тысяч лет назад.

Циклопические развалины сплошь заросли лианами, контуры их смягчились от времени, и только с воздуха было видно, что горы эти рукотворные.

В этом гостеприимном мире мы даже нашли работу. Ведя скромный образ жизни и откладывая деньги, удалось наскрести на два билета до Таникса — бойкого торгового перекрестка ближе к центру Галактики. Оттуда сообщение с центром куда более оживленное. Всего через несколько дней, проведенных на Таниксе, мы нанялись на суперлайнер в милю длиной. Круиз продолжался четыре месяца, и когда, отслужив по контракту, мы сошли на торговой планете, где жизнь била ключом, над головой во все небо разливалось сияние центра.

— До Зериды все равно три тысячи световых лет,— сказал главный механик, выдавая заработанные деньги.— Почему бы вам не подписаться еще на один круиз? Хороших механиков найти не просто. Обещаю приличное вознаграждение!

— Не трудитесь уговаривать, сэр,— ответил за меня Фша-Фша.— Дейнджеру нужен сказочный цветок, растущий в единственном саду в центре Галактики.

Через пару недель мы устроились уборщиками на старое корыто с экипажем из ящеров, обитающих на самом краю центра, куда корабль и направлялся. Заносчивый шкипер варварам с Окраины никакой другой должности и не доверил бы. Переход оказался долгим, а грязи было не меньше, чем на любой провинциальной лоханке.

На следующий раз вышло совсем скверно: на старом корыте, куда мы нанялись, вышла из строя система управления взлетом и посадкой — как раз в богом забытом медвежьем углу. Месяц мы ждали другого корабля, потом поступили наемниками в местные полицейские силы. Куда только нас не посылали! Маршируя по джунглям и питаясь несъедобными пайками, мы в конце концов выяснили, что «полицейские силы» — это обыкновенные разбойники. Унести ноги и спасти свои шкуры удалось только в самый последний момент. На службе я сделал интересное открытие: мои навыки сортировщика здорово помогали управляться с мачете казенного образца. После пары мелких стычек я разобрался в предмете настолько хорошо, что мог драться на равных с лучшим бойцом батальона. Настроил нужные рефлексы — проще простого.

В основном, однако, планет мы толком не видели. За редкими исключениями на любом из миров Галактики межзвездное сообщение идет через единственный порт — ради экономии и удобства управления. Порты же повсюду одинаковы: безличные города, усредненные по принципу «минимум, зато для любой расы».

Мы сделали один рейс и другой — без большого толку; но на третий раз попали на легкий быстроходный люггер с Тлинтора. Вышло так, что нам повезло.

3

С койки в тесной выгородке, какая полагается уборщику, меня сорвал вой сирены. Через тридцать секунд я уже стоял у экранов, где вся ходовая вахта, включая Фша-Фша, глазела на чудо, в глубоком космосе возможное не чаще одного раза за долгую жизнь. Брошенный корабль — забытый между звезд стальной город. Этот был огромным и, сразу видно,— очень, очень древним.

До корабля оставалось около пятисот миль. Мы медленно сближались, практически на параллельных курсах — еще одно чудо. В десяти милях вахтенный пилот приостановил сближение; пока мы смотрели, главный механик о чем-то советовался с капитаном. В результате последовал приказ ложиться на прежний курс и набирать ход.

— Это как? — возмутились мы (я и Фша-Фша) хором.

Я-то раскатал губу на солидное вознаграждение...

— Мы не собираемся брать приз? — негромко, насколько позволяла мягкая натура, взвыл Фша-Фша.

Главный механик одарил его тусклым взглядом рыбьих глаз. Подобно остальному экипажу, он был амфибией и проводил свободное от вахты время в баке с соленой водой. И, подобно всем амфибиям, страдал боязнью открытых пространств — до последней чешуйки на рудиментарном хвостовом плавнике.

— С-с-с... Нереально,— прошипел он холодно.

— Да этому корыту пятьдесят тысяч лет и один день! — возмутился Фша-Фша.— И будь я слепым щенком, если это не ривanский астрографический крейсер! На нем же звездные карты времен до Падения! Там же полно информации, забытой еще до того, как на Тлинторе запустили первый спутник!

— И как, по-твоему, должны мы разгонять такую мас-су до с-сверхсветовых с-скоростей? — поинтересовался главный механик.— Эта гора металлолома тяжелее нас-с в миллион раз. Двигатели не потянут.

— Корабль выглядит целым,— возразил я.— Может, и двигатели работают.

— И что с-с того?

— Высадим группу захвата и отведем корабль своим ходом, куда надо.

Тлинторианин втянул голову в плечи — жест, означающий крайнюю степень отвращения.

— Мы, тлинториане, не любим геройс-ских подвигов. Наша задача — дос-ставить груз в целости и с-сохранности...

— Вам даже не потребуется выходить наружу,— заметил Фша-Фша.— Мы с Дейнджером пойдем добровольно.

Главный механик по-рыбьи вытаращился и еще раз поговорил с капитаном. Через несколько минут было объявлено, что его превосходительство капитан не против.

— Одно условие,— сказал я.— Мы делаем всю грязную работу и получаем на двоих четверть призовых денег.

Капитан предложил двадцатую часть; в конце концов мы договорились на десять процентов.

— Не нравится мне это,— пробормотал Фша-Фша.— Слишком уж он легко согласился.

Надев скафандры, мы отправились к древнему кораблю в маленькой шлюпке. Лоснящееся коричневое яйцо диаметром в полмили, рядом с нашим люггером крейсер напоминал астероид. Высадка прошла гладко: люк с внешними запорами без труда распахнулся, и мы оказались в огромном, как пещера, пыльном трюме. Пассажирские палубы, места отдыха, лаборатории, мостик — все было в образцовом порядке. В оружейной кладовой все, чего только душа пожелает,— любое оружие и любые средства защиты,— но нигде никаких следов жизни. Никакого намека на судьбу экипажа.

В наушниках заквакал голос капитана, напоминавшего о наших обязанностях.

По коридору, где свободно прошла бы груженая фура, мы попали в машинное отделение величиной с Центральный вокзал в Нью-Йорке. Деформационные генераторы, стоявшие по осе-

вой линии, возвышались, как четырехэтажные дома. Глядя на них, я задумчиво присвистнул, но Фша-Фша нисколько не смутился:

— Я и побольше видел. Давай-ка попробуем систему...

Четыре часа провозились мы с приборами и громоздкими рычагами на пульте, кольцом окружавшем кресло величиной с банковский сейф, но труды наши не пропали даром: древние механизмы стройно загудели, будто никто не оставлял их на целую вечность.

После пробных маневров я вывел корабль на правильный курс и задал маршевый режим. Как только мы достигли крейсерской скорости, его превосходительство капитан приказал возвращаться на борт.

— Кого вы собираетесь прислать нам на замену? — спросил я.

— Эту деталь я оставляю на свое усмотрение,— отрезал капитан.

— Я не могу бросить машинное отделение без присмотра, сэр...

Вылупив глаза на экране карманного видеофона, он повторил приказ громче, с цитатами из Галактического Кодекса.

— Ну вот, начинается,— пробормотал Фша-Фша.— И есть ли у нас выбор?

На борту люггера нас встретили холодно: прошел слух, что мы отхватили лишний кусок добычи. Беспокоиться я особо не стал. Тлинториане вообще народ не слишком обаятельный. Без их сердечного участия жить нетрудно.

Уже в пределах системы Тлинтора главный механик вызвал нас к себе и улыбнулся. То есть я так думаю, что улыбнулся.

— Должен сознатьс-ся, я относ-сился к вам обоим не без подозрения,— сообщил он.— Но теперь, дома и с-с таким замечательным призом на безопас-сной орбите... Мои с-сомнения оказались бес-спочвенными, я вижу... Не с-соблаговолите ли выпить с-со мной, джентльмены?

Приглашение было принято, и главный механик разлил вино по вместительным бокалам. Не успел я взять в руки свой, как Фша-Фша неловко зацепился за столик; вино расплескалось. Главный механик благодушно махнул рукой в ответ на извинения и отвернулся — вызвать юнгу, чтобы подтер лужу. Одной секунды Фша-Фша хватило, чтобы бросить какой-то шарик в хозяйский бокал, где тот немедленно растворился. Пока юнга вытирал пролитое вино, мы приятно улыбались друг другу, потом выпили: Фша-Фша и главный механик одним глотком, я понемногу, кивая головой в знак одобрения. Хозяин вновь разлил вино по бокалам. На этот раз мы пили потихоньку, внимательно наблюдая друг за другом. Рыбьи глаза главного механика периодически поворачивались в сторону часов на стене.

— Сколько времени требуется вашему средству, чтобы подействовать? — любезным тоном осведомился Фша-Фша, тоже посмотрев на часы.

Хозяин вытаращил глаза, поперхнулся и просипел:

— Четверть часа...

— Да, уже дает себя знать,— кивнул Фша-Фша.— Мы тут приняли по паре таблеток универсального противоядия — так, на всякий случай. А вы как себя чувствуете?

— Мне... нехорошо.— Рыбий рот широко раскрылся, глотая воздух.— С-с-с... Трудно... говорить.

— Само собой... Теперь рассказывайте: не торопясь, обо всем и по порядку. До зоны планетарного диспетчера еще час хода. Может, даже два.

4

Хотя от орбиты, где остался люггер и риванский корабль, до поверхности Тлинтора не меньше ста тысяч миль, мы отстали от капитанского катера минут на десять, самое большее. Его превосходительство с начальником порта уже поздравляли друг друга, но при виде нас капитанские глаза, и без того весьма выпуклые, едва не скатились вниз по чешуйчатым щекам.

— Быть может, вы просто забыли упомянуть, что капитану Дейнджеру и мне полагается десятая часть призовой суммы? — кротко поинтересовался Фша-Фша, когда нас представили.

— Нелепая ложь! — возмутился достойный командир, но замолчал, когда Фша-Фша извлек диктофон установленного образца, принимаемый любым судом Косы в качестве вещественного доказательства.

Последовала сцена, какую уставы, регулирующие отношения командира и экипажа, не предусматривают, но отпереться капитан уже не мог.

Чуть позже, в четырехкомнатном номере, снятом в ознаменование победы и ради заслуженного отдыха — такое мы могли себе позволить,— Фша-Фша небрежно заметил:

— Кстати, Дейнджер, я тут подобрал небольшой сувенир на риванском корыте...

Повозившись с чемоданом из кожи г'рунта, где он хранил личные вещи, Фша-Фша вытащил небольшой сверток, тут же раскрывшийся в паутину черных ремешков с круглой коробочкой в центре.

— Я попробовал — работает! — Голос Фша-Фша звучал, как у мальчишки, которому надо похвастаться новым велосипедом.— Просто прелесть! Персональный силовой щит. Надевается под одежду — генерирует непробиваемое поле!

— Отличная штука! — похвалил я, отстегивая клапан внизу собственной сумки.— А мне вот эта безделушка понравилась...

Извлеченное на свет божий, блеснуло бриллиантовым блеском узенькое ожерелье — мне как раз впору.

— Прелесть...— Фша-Фша едва не пожал плечами.— Зато моя шлейка такая легкая! Стоит надеть — через пять минут забудешь...

— Оно не просто прелесть,— оборвал я похвальбу.— На самом деле это умножитель восприятия. То есть понижает порог восприятия для зрения, слуха и осязания.

— Обыграли нашего карася, кто бы мог подумать,— сказал Фша-Фша после того, как мы опробовали оба сувенира.— Сам виноват — не надо было баловаться со снотворным.

Призовая комиссия морочила нам голову целый месяц, но в конце концов пришлось опубликовать протокол оценки и рассчитаться: не задерживать же выплату команде из сорока тлинториан? Нам с Фша-Фша досталось больше, чем космический волк может заработать за целую жизнь.

В тот же день мы перелетели на Грикс — мир в большой системе из двадцати семи планет, заселенный людьми, всего в половине светового года от Тлинтора. Задерживаться на Тлинторе с деньгами почему-то не хотелось. На Гриксе мы наконец решили купить собственный корабль: маленький и очень, очень быстрый. Как-никак впереди еще более двух тысяч световых лет...

Вообще на Гриксе можно купить все, что угодно,— в особенности если вам нужен звездолет. Корабли здесь строят сто тысяч лет, со времен еще до Падения. Кстати, именно развал галактической империи дал возможность малоизвестному племени людей распространиться по всей Галактике.

Некоторое время мы присматривались и приценивались: корабли только что со стапеля; корабли в отличном состоянии, совсем как новые; корабли, переменившие двух, трех и более владельцев... Мы осматривали корпуса, лазали по машинным отделениям — можно сказать, пинали покрышки каждого рыдвана на каждой верфи города — и к исходу двух недель так ничего и не решили. Вечером последнего дня нам захотелось посидеть за столиком в саду при нашей гостинице, под фонариками, свисающими с ветвей дерева Гео. Вино притупляет горечь разочарования...

— Все это новье — ширпотреб с конвейера,— кривился Фша-Фша.— Не то что в старые добрые времена.

— Так старая постройка, она ведь — тоже...— возразил я.— Строили, понятно, на века — только при тогдашних скоростях иначе нельзя было.

— Что по средствам, того не надо,— подытожил Фша-Фша.— А чего хочется, не можем себе позволить.

— Если вас, джентльмены, обычный товар не устраивает,— подал голос хозяин гостиницы, наливая нам вина в кувшин,— знаете, у меня есть дядя... Славный старикан, любит рассказывать о прежних временах — ему сейчас больше трехсот лет. Но даже сейчас не чуждается коммерции — у него на заднем дворе есть одна старая посудина; может статься, как раз то, в чем вы, джентльмены, нуждаетесь — если немного отремонтировать...

Не без труда остановив поток хозяйского красноречия, мы выяснили, где тот задний двор, куда и отправились, прикончив кувшин. Дядина торговая площадка выглядела вполне обыкновенно: сорняки выше человеческого роста и офис, переделанный из спасательной шлюпки. В дюзах росли цветы, аккуратно высаженные в глиняные горшочки, а иллюминаторы неярко светились. Мы принялись стучать в крышку люка и не отставали, пока наружу не высунулся горбун с розовой лысиной и лицом, как у морской черепахи. Узнав, что нам надо и кто нас прислал, горбун, кудахча и потирая руки, объявил, что мы попали наконец в нужное место. К этому времени мы уже раскаивались в собственном легковерии. Будет как всегда: металлолом такой древний, что даже нержавеющую сталь проело до дыр... Так или ина-

че, мы последовали за стариком мимо пирамид устаревших узлов и деталей, покоробленных листов обшивки, по лабиринту аэродинамических плоскостей прямо в заросли, где Красная Шапочка вполне могла бы спрятаться от Серого Волка.

— Если бы вы, джентльмены, оттянули в сторону эти вот стебли проволочной лианы...— вздохнул старикан.

Фша-Фша открыл было рот, чтобы отказаться, но я уже тянул в сторону плющ на стеблях в палец толщиной — из чистого любопытства. Скоро в зеленой полутьме тускло блеснул изогнутый лист обшивки; вдвоем мы скоро освободили корму корабля, имя которому — воплощенная элегантность.

— Его построил сам Сандзио,— объяснил старик.— Видите? — Он показал на эмблему, даже сегодня сверкавшую, как драгоценный камень, на тусклом металле.

Фша-Фша провел рукой по изгибу борта, оценил красоту обводов... Наши глаза встретились.

— Сколько? — спросил я.

— Вы его отремонтируете, приведете в порядок,— негромко сказал хозяин.— Вы не разрежете его на металлолом, не сделаете из него буксир — таскать астероиды?

— Нет, сэр!..— крикнули мы хором, очень громко.

— Вы мне нравитесь, ребята,— кивнул старик.— Я бы не продал его кому попало. Забирайте — он ваш.

5

За день мы очистили корабль от лиан, которые за восемьдесят лет оплели его от носа до кормы. Старик, которого звали Наут, при помощи уговоров, проклятий и слабоумного парнишки по имени Дюн сумел-таки оживить старый тягач; яхту удалось перетащить на открытое место, где к ней можно было подступиться. Вдвоем с Фша-Фша мы облазали ее от носа до кормы. Никаких нововведений, никаких позднейших переделок! Все настоящее, подлинное, вплоть до бортового журнала на штурманском столе. Полистав журнал, я после обеда отправился в столичный навигационный архив, а за ужином рассказал историю яхты:

— «Глирим», пятьдесят пять футов, стартовый вес сто девять тонн. Проектировщик — Сандзио, главный кораблестроитель правителя Агасса. Построен в качестве флагманской яхты Великого дома, в году Кон...

— Немного больше четырех тысяч лет назад,— вставил Наут.

— В первый же год правитель Агасса достиг на ней Полиона и Гейла, показав рекордную скорость, и выиграл битву при Фонтерейне, во главе эскадры из тридцати двух кораблей. На сороковом году службы, когда длинный список побед был уже вырезан под княжеским гербом, престарелый правитель продал яхту с аукциона, остро нуждаясь в средствах. От видийского перекупщика корабль попал к Солярху Триэ, чей начальник штаба, покоренный благородными обводами яхты, переоборудовал ее для нужд личной разведывательной службы. Девятнадцать лет спустя ее захватили альцетийцы во время разбойничьего набега; поставив на большую платформу с деревянными колесами, запряженную гиеновыми гориллами, яхту прокатили по улицам Альца в составе триумфальной процессии. С тех пор, всеми забытая, она пролежала на окраине вонючего города более ста лет. Деревянная телега под ней сгнила за это время полностью.

Найдя классической красоты корабль, Грё Бальгрейский приказал вырубить окружающие заросли. Очарованный, предводитель захватчиков перевез яхту на полевую ремонтную базу, где его механики тщетно пытались проникнуть внутрь. Грё сам попытался сбить герб в качестве сувенира, но только сломал свой любимый парадный кортик. Разъяренный, он велел завалить яхту мусором, облить горючим и поджечь. После того как Грё, сровняв город с землей, удалился вместе с войсками, яхту никто не тревожил более двухсот лет. Найденную Имперской астрографической гильдией его лучезарного величества Леона Сорокового, ее вернули на Агасс, где после капитального ремонта она вновь стала флагманской яхтой Императорского дома.

— И это лишь дни ее молодости,— покачал головой Наут.— Где она с тех пор не побывала, чему только не была свидетелем! Но до сих пор не построен корабль быстрее...

Ремонт, переоборудование, чистка, уборка, наладка и снаряжение заняли три месяца. Мы остались довольны, включая Наута. Под конец старик признал, что даже правитель Агасса не управился бы лучше. Когда мы заговорили о деньгах, Наут махнул рукой:

— Я скоро умру, к чему они мне? А вы, ребята, почти все на нее истратили. Остальное понадобится, чтобы в пути она ни в чем не нуждалась. Я хочу только, чтобы записи, которые вы добавите в бортовой журнал, не посрамили ее истории.

6

Две тысячи световых лет — дистанция огромная. Огромная, даже когда катишься верхом на гребне волны, в которую двигатели «Джонго III» собрали ткань пространственно-временного континуума, обращая кривизну в ускорение, бросавшее нас к центру Галактики со скоростью в десять — сто — тысячу раз больше скорости света. На каждый прыжок уходило не меньше месяца, и с каждым разом звездная пыль в черном небе сгущалась, свертываясь, как молоко. По дороге нас встречали миры, где цивилизация существовала сотни тысяч лет, и планеты, где от разумной жизни остались лишь кладбища, древнее земных динозавров. Денег почти не осталось, но мы открыли, что даже здесь, у самого сердца Галактики, многие готовы хорошо заплатить за срочную доставку пассажиров и груза.

Интеллект, по мере приближения к центру, принимал самые разнообразные формы, от коллективного разума насекомых до разумных болот Барума, спящих богатырским сном. На множестве миров обитали люди, от суровых первопроходцев, едва выдерживающих натиск ледяных полей, знойных пустынь, первобытных джунглей и свирепых хищников, до рафинированных наследников древних империй, превративших общественную жизнь в сложный формальный механизм, подобный бесконечному балету. Одни миры встречали нас сказочными городами из нефрита и хрусталя, на других мошенники с лицами неаполитанских беспризорников планировали грабеж и убийство; нас неизменно выручали риванские сувениры — и твердая решимость выжить во что бы то ни стало.

Так настал день, когда на обзорных экранах появилась Зерида — укутанный зеленой дымкой мир в обществе двух больших лун.

7

Порт-Радаз представлял собой многослойную симфонию из садов, бассейнов, тенистых деревьев над гладкими, как стекло, мостовыми, изящных фасадов и посадочных площадок, где корабли стояли, словно фигуры на доске. Одевшись по-парадному, мы с Фша-Фша проследовали на поезде из игрушечных вагончиков, наподобие гольф-каров, к невысокому терминалу.

Формальности оказались необременительными: обаятельный седовласый таможенник, похожий на сэра Орфео, только постарше, поздравил нас с прибытием, вручил по цветной карте, где текущая позиция обладателя отмечалась зеленым огоньком, и осведомился, чем он может быть полезен.

— Мне хотелось бы получить сведения об определенном лице,— сказал я.— Леди — леди Рейр.

— Из дома?..

— Не знаю, сэр. Могу только сказать, что она путешествовала в компании лорда Дезроя.

Таможенник направил нас в информационный центр, оказавшийся справочным компьютером. После нескольких минут подробных расспросов и демонстраций трехмерных графиков механический голос сообщил, что леди происходит из дома Ансине-Шанор и что за дальнейшими сведениями следует обращаться к главе дома.

— Но здесь ли находится леди Рейр? — не отставал я.— Добралась ли она домой благополучно?

Повторив первоначальный совет, компьютер сообщил, что доступ к транспорту можно получить, воспользовавшись выходом номер двенадцать.

В направлении выхода пришлось пересечь просторный зал; снаружи дремал роскошный алый автомобиль, инкрустированный серебром. Когда мы устроились на сиденьях, сдержанный голос пожелал узнать, куда джентльмены направляются.

— Замок Ансине-Шанор,— объяснил я.

Дальнейших вопросов не последовало. Грациозно изогнутая дорога вознесла нас высоко над лесистыми холмами и над садами, где гладкие, как стекло, башни пастельных тонов поднимались к небу среди крон тысячелетних деревьев Гео. Через полчаса стремительного движения автомобиль съехал по пологой эстакаде вниз, к высоким и широким воротам. Задав несколько вопросов и нажав что-то на пульте внутри стеклянной будки, привратник в серой ливрее объявил, что лорд Пастейн не занят и готов дать нам аудиенцию.

— Похоже, он важная персона,— заметил Фша-Фша, когда мы подъезжали к террасе у фасада, украшенного скульптурами.

— Может, это всего лишь цивилизованный мир,— предположил я.

Другой служитель в сером приветствовал нас, приглашая внутрь. Солнечные лучи, проникая через застекленный потолок, бросали розовые отблески на светлые деревянные панели, парчовые гобелены и изысканные скульптуры в темных нишах. Я подумал о леди Рейр, покинувшей этот дом, чтобы жить в пещере у оврага, вспомнил, как она тихонько пела, сажая полевые цветы вдоль кошачьих тропок...

Покинув холл со стеклянным потолком, мы пересекли внутренний дворик, прошли через аркаду и оказались у края сиреневой лужайки, поросшей гладкой, как бильярдное сукно, травой. Лужайка плавно спускалась к шеренге высоких деревьев, за которыми блестела вода. Следуя мощенной изразцами дорожкой, обсаженной цветущим кустарником, мы обошли неглубокий бассейн, где к небу жидким пламенем поднималась струя фонтана. Немного дальше, на небольшой крытой террасе, сидел в мягком кресле высокий, крупный старик с лицом как у Моисея, только чисто выбритым.

— Лорд Пастейн,— негромко объяснил лакей, переходя к креслу пожилого джентльмена, чтобы подправить спинку для удобства беседы.

— Спасибо, Дос,— сказал лорд Пастейн.

Бесстрастно оглядев нас, он указал на пару скамеек напротив. Я представил Фша-Фша и представился сам; мы сели. Дос поинтересовался, не желают ли джентльмены чего-нибудь, и мы спросили легкого вина. Когда Дос ушел, лорд Пастейн глянул на меня уже внимательно.

— Человек издалека,— кивнул он.— Из очень, очень далекого мира. Человек, при нужде скорый на руку. Существо, которое судьба занесла столь же далеко от дома,— продолжал лорд Пастейн, глядя на Фша-Фша.— Существо, также закаленное в горниле суровых испытаний.— Пожевав губами, лорд Пастейн задумался.— Что же привело искателей приключений на древнюю Зериду, в мир на закате своего величия, к престарелому бездельнику на склоне лет?

— Однажды я встретил девушку, милорд,— начал я.— Она... она затерялась далеко от дома — так же далеко, как я сейчас. Я хотел помочь ей найти дорогу обратно, но... все пошло вкривь и вкось. Мне хотелось бы узнать, сэр, здесь ли леди Рейр, на Зериде? Все ли с ней в порядке?

— Леди Рейр? — Лицо лорда Пастейна окаменело, голос стал еле слышным.— Что вам о ней известно?

— Меня взял на службу сэр Орфео, помогать на охоте. Потом... произошел несчастный случай.

Я поведал первую половину истории, сказав под конец, что следов народа х'иак найти так и не удалось. Меня подмывало рассказать остальное, про Хьювиля и про мимолетную встречу на Драте, но я воздержался, не знаю почему. Лорд Пастейн, не сводивший с меня глаз все это время, покачал головой:

— Мне очень жаль, сэр. Я не могу ничего сообщить вам.

— Значит, она так и не вернулась?

Губы лорда Пастейна задрожали; дважды он порывался заговорить, но под конец сказал только:

— Нет! Любящего ребенка похитили те, кому я доверял, и она так и не вернулась!

Я помолчал, обдумывая услышанное. Золотые лучи солнца внезапно стали грязно-желтыми. Череда лет, потраченных зря, промелькнула перед глазами.

— ...послать экспедицию на поиски,— продолжал Фша-Фша.— Вполне возможно...

— Леди Рейр больше нет в живых! — возвысил голос лорд Пастейн.— Она погибла! Я не желаю больше ничего слышать об этом!

За бокалом вина, принесенного лакеем, я попытался вести светский разговор, но без особого успеха. Под лучами заходящего солнца слуга в серой ливрее выгуливал на поводке животное ростом с собаку. Изразцы на дорожке сверкали кровавыми отблесками. Не желая гулять, зверь упирался всеми четырьмя лапами. Слуга остановился отереть пот со лба; животное немедленно уселось и зевнуло. До того я сомневался, но теперь был уверен. Конечно, кошек я не видел почти три года, но эту узнаю всегда. Эврика!

Глава 11

1

Через десять минут мы пересекли лужайку и вернулись к дому. Навстречу нам выступил широкоплечий мужчина с вьющимися седыми волосами, в простой, но изысканной тунике, до того прогуливавшийся по боковой дорожке.

— Вы говорили с его светлостью о миледи Рейр? — спросил он негромко.

— Совершенно верно.

— Там мы сможем поговорить спокойно.— Незнакомец кивнул в сторону дома.— Быть может, обмен информацией пойдет на пользу и вам, и мне.

С черного хода нас провели в просторную комнату, обставленную не хуже, чем кабинет планетарного президента. Разливая вино из стеклянной фляги по бокалам, незнакомец сказал, что его зовут сэр Танис.

— Девушка вернулась три месяца назад. К несчастью, она утратила душевное здоровье,— сказал сэр Танис мрачно.— Первым делом она отказалась от обязательств, священных и неотчуждаемых, в отношении дома Ансине-Шанор. Насколько я могу судить по обрывкам разговоров, достигшим моего слуха...

— Дос не только слушает, но и говорит,— заметил я.

— Полезный человек,— согласился сэр Танис.— Итак, предполагаю, вам кое-что известно о занятиях леди Рейр, пока ее не было дома. Ваш рассказ мог бы пролить свет на причины ее прискорбного состояния.

— Почему лорд Пастейн солгал нам?

— У него старческое слабоумие,— отрезал сэр Танис.— Быть может, для него она действительно умерла.— Губы собеседника искривились в безрадостной улыбке.— Лорд, знаете ли, не привык, чтобы ему прекословила молодежь.— Улыбка сэра Таниса растаяла, и он продолжал: — Но леди Рейр пренебрегла не только старческой дурью его светлости; она с презрением отвергает даже советы самых преданных друзей!

— Советы? Насчет чего?

— Семейные дела,— объяснил сэр Танис коротко.— Но вы собирались рассказать, что стоит за ее необъяснимым поведением.

— Собирался?

— Не сомневаюсь... Я вам доверился! — Сэр Танис выглядел обиженным.— Гм... Но если речь идет о компенсации за оказанные услуги...

— Может, вы для начала опишете обстановку?

— Как вы наверняка знаете, род Ансине-Шанор принадлежит к числу наиболее знатных на планете.— Сэр Танис поглядел на меня сурово.— Наша родословная восходит к лорду Ансине Травальскому и насчитывает одиннадцать тысяч лет. Естественно, наше семейство по праву пользуется исключительным положением среди равных. И во главе дома должен стоять достойнейший из достойных. Да что я говорю! — В голосе сэра Таниса зазвучало негодование.— Если место перейдет не ко мне, то за поколение — на самом деле меньше! — мы выродимся в окаменелость, мы безвозвратно утратим достоинства величайшего из домов!

— Да, но при чем тут леди Рейр?

— Вы не можете не знать. Иначе с какой стати вы бы здесь оказались?

— Допустим, нам ничего не известно...

— Девочка — сирота и принадлежит к главной линии рода,— объяснил сэр Танис.— Вдобавок,— в голосе его прорезалось отчаяние,— все побочные наследники — все! — либо умерли, либо изгнаны, либо по тем или иным причинам не обладают правом голоса!

— И что же?

— Очень просто: девочка, лишенная всякого жизненного опыта, если не считать экзотических влияний, которым она подвергалась в тех местах, куда ее занесло, держит в своих руках пять голосов! Пять из девяти! Сама она, по ряду причин, не является возможной кандидатурой — но в ее руках судьба следующего главы дома. Иначе кто бы стал ее похищать?

— Похищать?..

— Разумеется! — энергично кивнул сэр Танис.— И вот по возвращении она отвергает не только самые сердечные и добросовестные предложения с моей стороны — она портит отношения со всеми мыслимыми кандидатами. На самом деле...— Тут он понизил голос.— Я уверен, она собирается поддерживать человека со стороны!

— Сэр Танис, я полагаю, проблемы семейной политики не могут не иметь первостепенного значения для вас, но мне до них никакого дела нет. Я прилетел, чтобы увидеть леди Рейр и убедиться в ее благополучии. А мне говорят сперва, что она погибла, а потом — что потеряла рассудок. Мне нужно ее увидеть. Если бы вы могли устроить свидание...

— Это невозможно,— перебил сэр Танис.

— Можно узнать почему?

— Сэр Ревенат этого никогда не допустит. Он стережет ее, будто кобылу благородных кровей.

— Сэр Ревенат? Но кто он такой?

— Ее супруг.— Сэр Танис вздернул брови.— Кто же еще?

2

— Крепись,— уговаривал меня Фша-Фша, пока мы следовали за лакеем, провожавшим нас по указанию сэра Таниса за ворота.— Грустная история... По крайней мере, она дома и не погибла.

Когда под шелест фонтана мы пересекли внутренний дворик, в стене у выхода открылась узкая дверка. Сухопарая пожилая женщина в корсете под белым хитоном что-то сказала нашему лакею, и тот растворился в воздухе. Некоторое время она внимательно изучала наши лица. .

— Вы прилетели помочь ей,— сказала она глуховатым голосом, глядя в глаза моему другу.— Вы знаете и поспешили на помощь.

— Помочь — но кому именно, миледи? — спросил Фша-Фша вежливо.

— Леди Рейр.— Благородная дама едва ли не фыркнула.— Ей угрожает смертельная опасность. Вот почему со смертного одра отец отослал ее невесть куда, только бы подальше! Но мне никто из них не поверит...

— Какого рода опасность ей угрожает?

— Если б я знала! Но смерть повсюду, куда бы она ни повернулась. Бедное дитя, одна на целом свете...

— Миледи! — Я шагнул вперед.— Мы и вправду проделали долгий путь. Мне нужно увидеть ее, пока я здесь. Могли бы вы это устроить?

— Не валяйте дурака — разумеется! С чего бы я тогда сидела в засаде, как дракон Намбу? Сегодня вечером, на торжественном собрании дома.— Она вновь обращалась не ко мне.— Миледи обязательно будет: даже сэр Ревенат не вправе пренебрегать обычаем до такой степени... Нет, он не сможет ее не пустить. Теперь слушайте: чтобы туда пробраться, вам нужно сначала...

3

Полчаса спустя мы прогуливались по мощеной улочке ремесленного квартала. Камень под ногами был вытерт до матовой гладкости, прекрасно сочетавшейся с пастельными тонами фасадов. Повсюду росли цветы — на клумбах, в горшках и лотках над витринами, где торговцы любовно раскладывали свой товар. Сквозь

миниатюрные висячие сады пробивался утренний свет. Повсюду распространялся запах свежего хлеба, жареных кофейных зерен, кожи и сладкого дровяного дыма. В этой обстановке дом древнего и благородного рода Ансине-Шанор напоминал готовый вот-вот развалиться карточный домик.

— Хочешь знать мое мнение — у них у всех крыша едет,— объявил Фша-Фша.— Почтенная леди явно заподозрила, будто у меня хорошие связи в мире духов.

Человек на скамье перед мастерской столяра постукивал молотком по стамеске, работая над бруском дерева ярко-апельсинового цвета. Встретившись со мной взглядом, он широко улыбнулся:

— Как вам это янтарное дерево? Под резцом лучше не бывает!..

— Забавно,— пробормотал Фша-Фша.— Ручным трудом занимаются либо от нищеты, либо там, где денег куры не клюют. На планетах средней руки все штампуют машинами из пластмассы.

В следующей мастерской пожилая женщина ткала ковер из пряжи благородных цветов, а рядом, на другой стороне, сидящий в дверях мальчишка полировал подержанный серебряный кубок. А вот и портняжная мастерская: про нее говорила миледи Бизель — так звали пожилую даму. Старик с лицом эльфа раскатывал по столу рулон зеленой ткани, тускло блестевшей, будто по металлической поверхности кто-то прошелся мелкой шкуркой. Когда мы заглянули внутрь, хозяин любезно кивнул:

— Джентльмены желают сшить новый костюм?

— Из этого материала, а? — Фша-Фша уже мял зеленую ткань.

— У вас, сэр, замечательный вкус,— закудахтал портной.— Благороднейший блеск, не правда ли? С ткацких станков И'зал-ло, разумеется.

Я выбрал черную ткань, цвета глубокой ночи в Приграничье. Встряхнув отрез, старик задрапировал получившимися складками мою фигуру, отступил на шаг и вдумчиво присмотрелся.

— Симфония жизненного опыта, как я ее вижу,— кивнул портной.— Вполне реально! Строгий костюм без отделки, если не считать изысканного ожерелья,— риванская работа, не так ли? Да, символ уверенности и самодисциплины...

Мастер начал снимать мерку, прищелкивая языком. Когда он принялся кроить, мы по короткому мостику перешли в парк,

где на лужайке вокруг небольшого лимонно-желтого купола стояли столики и скамейки. Отведав местных кондитерских изделий, мы посетили сапожника, который всего за час стачал нам новые сапоги из дорогой, лоснящейся кожи. Тем временем портной уже справился с нашим заказом. Разыскав не то баню, не то парикмахерскую, мы приняли ионный душ; я посетил парикмахера, Фша-Фша привели в порядок жабры — осталось только оценить произведения портновского искусства...

— Здорово! — похвалил Фша-Фша.— Производишь впечатление. Несмотря на все изыски, красив и силен, как хищный зверь. Должен сказать, малютка портной умело подчеркнул твои достоинства.

— Стоячий воротник особенно кстати,— согласился я.— Боюсь только, повязка на глазу портит впечатление.

— Напротив,— возразил Фша-Фша.— Так ты еще больше похож на благородного корсара.

— Ну а если бы тебя сейчас увидело старое Дерево, ему пришлось бы признать, что желудя краше оно еще не теряло!

На город-сад уже опускались сумерки. Оставался еще час, и мы решили обойти старый город, где когда-то была ярмарка, из которой выросла столица. Мы успели посмотреть, как торговцы покидают свои живописные лавки и стекаются на террасы со светильниками, развешанными среди ветвей деревьев, чтобы выпить вина на сон грядущий. Солнце опустилось в багровом великолепии, но звездный пожар центра Галактики сегодня остался за облаками... Когда мы повернули к воротам замка Ансине-Шанор, пустые улицы окутал ночной полумрак.

4

Умножитель восприятия пришлось выставить на одну целую три десятых нормы; более высокий уровень делает обычный звуковой фон и уровень освещения болезненным. Последние сто футов донимало одышливое сопение человеческих легких где-то наверху. Я тронул Фша-Фша за руку.

— В аллее,— прошептал я.— Один человек.

Фша-Фша только-только успел заслонить меня, шагнув вперед. Выскочив из укрытия, маленький подвижный человечек принял боевую стойку; блеснула вспышка, негромко фыркнул термоэлектронный пистолет. Фша-Фша охнул, принимая удар молнии

в грудь. На мгновение яркий нимб окружил его тело, отводя энергию импульса в грунт; Фша-Фша рванулся навстречу убийце, занес руку... Звук был такой, будто грейпфрут раздавило ударом молота. Несостоявшийся убийца опрокинулся на спину, соскользнул вниз по каменной кладке и затих на мостовой. Прилипнув к стене, идущей уступом, я вывел умножитель на максимум, но слух наполнился лишь ночными шумами большого города.

— Чисто,— пробормотал я.

— Я его ударил слишком сильно,— признался Фша-Фша.— Он мертв.

— Может, почтенная леди была права...

— Или сэр Танис не так уж глуп,— буркнул мой друг.— А милорд Пастейн — не настолько выжил из ума от старости.

— Хорошо бы знать наверняка. Ладно, убираем труп с видного места и сматываемся — на случай, если за парнем следует группа зачистки.

Вдвоем мы запихнули его в узкий проход, где убийца-неудачник и прятался.

— Куда теперь? — спросил Фша-Фша.

— Прямо и к воротам.

— Все равно идем? Несмотря ни на что?

— А как же! Кто-то сделал глупость, подослав убийцу; потом сделал еще одну, оставив нас в живых,— мы дадим ему шанс на третью...

5

Леди Бизель дала указания привратнику: нас приветствовали как членов королевской семьи. Грандиозный праздник, известный как торжественное собрание дома, кружился в вихре света и музыки по всей территории замка, во дворце и под стенами. Не спеша лавируя в толпе нарядно одетых гостей, мы высматривали знакомые лица. Первым попался навстречу сэр Танис. Он заметно удивился, но все же не настолько, чтобы заподозрить его в попытке убийства.

— Капитан Дейнджер! Сэр Фша-Фша! Признаться, не рассчитывал вас увидеть...

Ему явно очень хотелось узнать, кто включил нас в список гостей, но по давней привычке не задавать прямых вопросов сэр Танис промолчал.

— Никогда не согласился бы на меньшее,— произнес я загадочным тоном.— Кстати, миледи Рейр еще не появлялась?

— Ха! Не раньше чем все мы изведемся от нетерпения — уж лорд Ревенат об этом позаботится. Появление будет театральным, не сомневайтесь!

Сэр Танис проводил нас к ближайшему буфету, где мы получили по горке взбитой пены в больших бокалах, похожих на тюльпаны. Некоторое время мы втроем стояли на лужайке, обмениваясь осторожными замечаниями. В случае чего каждый будет на стороне порядка и справедливости — в меру собственного понимания. Так я понял, когда мы расстались.

Внимательно осмотрев нас с ног до головы, миледи Бизель фыркнула. Надо полагать, в знак одобрения. Мне показалось, миледи сожалеет, что опрометчиво пригласила двух космических бродяг на самый торжественный прием года.

— Не расслабляйтесь,— предупредила она.— Когда бы милорд Ревенат ни соблаговолил появиться, его немедленно окружает всякое отребье. Захудалые представители рода и тому подобное... Это будет ваш шанс увидеть миледи Рейр. Но в лице ее вы прочитаете лишь боль и ужас!

Старая перечница отошла в сторону, и к нам невзначай приблизился элегантный молодой человек.

— Вижу, благородная леди пытается внушить вам предвзятое мнение,— заметил он.— Будьте осторожны, джентльмены. Ее рассудок, увы, пребывает в расстройстве...

— Действительно, она предупредила, что пунш в чаше номер три приправлен зарядами для бластера,— согласился я.

— Ну... Может, она упомянула сэра Фейна?

— Гм... Пожалуй,— кивнул я.

— Не верьте! — воскликнул молодой человек.— Отвратительная ложь!

— Что можно сказать о сэре Танисе? — прошептал я доверительно, подобравшись поближе.

— Будьте внимательны! Его понятие одностороннего ревизионизма и свежей крови побочной линии — чистейший предрассудок.

— А лорд Ревенат?

— Не может быть...

Молодой человек вздрогнул и исчез, не окончив предложения.

— Дейнджер, ты уверен, что мы пришли, куда надо? Если леди Рейр сколько-нибудь похожа на остальных обитателей этого зверинца...

— Она не такая,— ответил я.— Она...

Вокруг внезапно затихли все разговоры. Откуда-то появился слуга в ярко-красной ливрее, с парящим прожектором на поводке. Яркий свет заливал пару, сходившую по пологой лестнице, что вела вниз от посадочной террасы. Как они прилетели, никто не заметил. Высокий, стройный, широкоплечий мужчина был одет в облегающий костюм винного цвета; шею охватывала цепь, поддерживавшая декоративный нагрудник. На женщине сверкало платье из серебряной кисеи, в черных волосах искрилась бриллиантовая диадема. Я не видел раньше ни этих драгоценностей, ни высокой прически, но прекрасное лицо, обратившееся в неподвижную маску, принадлежало леди Рейр.

6

Толпа в едином порыве качнулась, будто каждый хотел лично приветствовать вновь прибывших, но движение замерло, и разговоры возобновились, но уже на другой, нервной ноте. В беззаботном смехе прорезалось визгливое кудахтанье, а жесты приобрели излишний размах. Протолкавшись вперед, я увидел, как леди Рейр и ее спутника окружило плотное кольцо богато одетых мужчин. Они так и пошли, все вместе, обмениваясь шутками столь же искренними, как поздравительные телеграммы победителю от проигравших предвыборную гонку.

Держась на расстоянии десяти ярдов, я наблюдал, как у автомата с напитками выделяется центральная группа и отжимает в сторону неудачливых конкурентов. В конце концов победители окончательно оттерли в сторону мужчину в бордовых лосинах, растеряв по дороге еще нескольких человек, вынужденных заняться обменом любезностями с кем-то из аутсайдеров. Счастливчиков осталось не более полудюжины. На какой-то момент серебряная леди оказалась в одиночестве.

За семь лет, с тех пор как мы последний раз беседовали под ярким солнцем Гэра 28, на лице, теперь бледном и отстраненном, не появилось ни единой морщинки. С трудом переводя дыхание, я шагнул ей навстречу.

Она заметила меня, только когда я оказался в трех шагах. Взгляд скользнул по мне холодно, как первое дыхание зимы, потом вернулся — в глазах мелькнула искра. Я вдруг вспомнил о шраме, выглядывающем из-под стоячего воротника, и о черной повязке... Губы леди Рейр раскрылись — мы стояли лицом к лицу.

— Миледи Рейр...— Голос у меня сел.

— Возможно ли... Это ты? — прошептала она едва слышно.

Кто-то, подошедший сзади, грубо развернул меня к себе.

— С каких это пор вы пользуетесь привилегией приближаться к ее светлости, сэр?..

Грубиян вдруг смолк, разглядев, кто перед ним стоит. Челюсть его отвисла; отпустив мою руку, Хьювиль отступил на шаг.

7

— Сэр Ревенат...— Кто-то, стоявший сбоку, счел за благо не продолжать.

Я буквально слышал, как Хьювиль лихорадочно перебирает варианты. Трудно притвориться, будто не узнаешь обожженного солнцем человека со шрамом и повязкой на глазу — даже если говорил с ним три года тому назад в течение одной минуты.

— Но... я...

— Сэр Ревенат,— кивнул я формально, стараясь говорить нейтральным тоном.

Ладно, теперь его ход — пусть играет, как сочтет нужным.

— Но помилуйте... Мой дорогой друг! — Сэр Ревенат снова взял меня за руку, теперь уже мягче.— Я просто счастлив...— Он бросил взгляд на леди Рейр, стоявшую равнодушно, как мраморная статуя. На меня она не глядела.

— Простите нас, миледи.— Хьювиль, известный семейству Ансине-Шанор как сэр Ревенат, кивнул в сторону леди Рейр и увлек меня за собой. Толпа перед нами молча расступалась.

8

Стены кабинета были обиты белым шелком, за стеклянной стеной горели разноцветные огни в саду, бросая отблески на искрящуюся ткань. Да, Хьювиль сильно изменился с тех пор, когда я видел его в грубой юбке раба, принадлежащего триарху

Драта. Мослы больше не торчат, пострижен и вычесан, как породистый пудель.

— Ты... изменился. Я тебя не сразу узнал.— Смотрел Хьювиль, как гремучая змея, несмотря на сердечность тона.

— Да. Год на плотах триарха делает чудеса.

— На плотах? Но как же?..

— Незаконное освобождение рабов,— пояснил я.— Ну и неспособность выплатить штраф.

— Но... мне казалось...

— Все мое имущество и деньги остались на корабле.

Хьювиль потемнел, не зная, куда деваться.

— Корабль? Ну конечно!.. Мне...— Не без труда, Хьювиль взял себя в руки.— Но разве ты не сказал девушке, чтобы она стартовала немедленно?

Он явно старался понять, как мне понравится упоминание о леди Рейр эдак вот запросто. Не моргнув глазом, я покачал головой.

— Да, но она появилась в порту после меня... Разве не ты ее послал?

— Я.

— Ну конечно,— заторопился Хьювиль,— она была в таком состоянии... Не успел я рассказать, что благородный незнакомец выкупил меня из рабства — ее, скорее всего, тоже,— как появился этот негуманоид. Отвратительный карлик! Бедная девочка испугалась, и я прогнал монстра. Тогда... тогда она решила взлетать немедленно.— Хьювиль скорбно покачал головой.— Теперь я понимаю. Торопясь оставить за спиной оковы рабства, она покинула тебя, неизвестного спасителя... Да... А ты, случаем, не встречался с ней раньше? — спросил он с деланным безразличием.

— Видел во дворце триарха — издалека.

Хьювиль вздохнул, успокаиваясь.

— Какая жалость, что вознаграждением за твою доброту стала черная неблагодарность! Признаюсь, я в неоплатном долгу...— Хьювиль понизил голос: — Думаю, не стоит никого посвящать в детали. Сейчас вводить лишний фактор, сколь угодно незначительный, в уравнение семейной политики, и без того сложное, было бы опрометчиво.— Он заметно оживился.— Я хотел бы

вознаградить тебя за перенесенные лишения... Стоит ли пренебрегать моими планами?

— Я так понимаю, рабыню ты взял под свое крыло.

Хьювиль посмотрел на меня с неудовольствием. Не нравилась ему эта тема...

— Едва ли она добралась бы домой без посторонней помощи,— продолжал я.

— Понимаю,— сказал он с печальной улыбкой.— Девушка показалась красивой. Увы...— Он покачал головой, твердо глядя мне в глаза.— Ее больше нет в живых.

— Печально. Что же с ней случилось?

— Не лучше ли, мой друг, забыть ее навсегда? Под гнетом судьбы люди посильнее совершали недостойные поступки. Бедное дитя! Чего только ей не довелось пережить; смерть принесла ей покой.— Скорбь на лице Хьювиля сменилась деловым выражением.— А теперь я готов сделать все возможное, только намекни! Какая несправедливость...

Говорил бывший раб долго, обещая гостеприимство, предлагая обед и даже, весьма деликатно, деньги. Когда я отказался, он не смог скрыть облегчения. Видя, что я не собираюсь принимать мелкие недоразумения всерьез, Хьювиль снова обрел уверенность в себе. Дав ему выговориться, я спросил мимоходом:

— Нельзя ли представить меня девушке в серебряном платье? Леди Рейр, если я не ошибаюсь?

— Увы...— Лицо его подобралось и посуровело.— Леди сейчас нездорова. Незнакомцы ее пугают.

— Как жаль. В таком случае мне едва ли стоит здесь оставаться.

— Хочешь уйти? Так скоро? Не смею задерживать — неотложные дела, прекрасно понимаю. Выход вон там: сейчас покажу...

Хьювиль двинулся вперед; торопясь поскорее отделаться от меня, он так заспешил, что едва не упал, споткнувшись. А я, вместо того чтобы следовать за ним, повернул обратно, к противоположному концу террасы, где на лужайке у искристого фонтана, подсвеченного снизу, леди Рейр стояла в одиночестве, как неподвижная статуя. Только тогда Хьювиль понял, что его обманули.

9

Леди Рейр смотрела, как я приближаюсь. За спиной стучали торопливые шаги сэра Ревената; бежать он не рисковал. На мое счастье, кто-то ухватил его за пуговицу, или что там у него на костюме; послышался индюшачий гомон. Лицо леди Рейр было неподвижным, как посмертная маска.

— Миледи, что произошло, когда вы покинули Драт?

— Я...— Ее ошеломило внезапное озарение: — Тогда — на Драте,— это был ты?

— Вы боитесь, миледи. Здесь все боятся Хьювиля, но вы больше всех. Почему?

— Билли Дейнджер!..— В какой-то миг ледяная маска едва не упала с ее лица.— Беги, Билли Дейнджер! — прошептала она по-английски.— Не мешкай, пока не погиб сам, ибо меня спасти не может ничто!

Вновь застучали шаги, и я обернулся. Передо мной стоял сэр Ревенат, белый от ярости, с отвратительной улыбкой на губах.

— Вы так неуловимы, мой друг,— проскрежетал он.

Пальцы его рассеянно гладили украшение на груди: странно знакомый яйцеобразный предмет.

— Боюсь, вы заблудились. Ворота с другой стороны — вон там.

Он сделал изысканный жест, услужливо подхватывая меня под локоть, но я уклонился, будто собираясь подать руку леди Рейр. В последний момент передумав, я коснулся серебряного платья — там, где под кожей прощупывалось характерное уплотнение. Ахнув, леди Рейр отстранилась; Хьювиль взревел и грубо схватил меня за руку. Праздничная толпа вокруг задохнулась от изумления.

— Жалкий варвар! — загремел Хьювиль.— Ты смеешь поднимать руку на леди из рода Ансине-Шанор?..

Дальше Хьювиль только рычал от ярости; ему вторил хор возмущенных зрителей.

— Довольно! — К бывшему рабу вернулся дар красноречия.— Жалкий искатель приключений открыто оскорбляет знатную леди древнего рода, втаптывая в грязь достоинство и честь этого дома! — Хьювиль теперь стоял лицом к толпе.— Да испробует него-

дяй справедливый гнев этого рода! Господа! Принесите мне меч для поединка!

Хьювиль снова повернулся ко мне, сверкая глазами. Ярости ему хватило бы на десять благородных домов. Едва не дыша мне в лицо, Хьювиль поглаживал пальцами контроллер на шее. Не успеть... К тому же оба мы знали, что контроллер немедленно сработает, если к нему прикоснется посторонний.

— Видно хорошо, не правда ли? — прошипел он.— Ее жизнь в моих руках. Выдашь — она умрет!

Глава 12

1

В некоторых отношениях лорды и леди из рода Ансине-Шанор могли быть разлучены с реальностью, но, когда дело доходит до кровавой дуэли на славной лужайке под веселыми огнями, они — сама предусмотрительность. Пока одни вооруженные слуги стояли вокруг меня плотным кольцом, другие очень скоро принесли инкрустированный футляр благородного дерева. Картинным жестом откинув крышку, Хьювиль извлек сверкающий палаш, достаточно тяжелый, чтобы одним ударом снести голову какому-нибудь смерду. Несмотря на драгоценные камни и золотую проволоку на эфесе, палаш походил на орудие мясника. Мне выдали такой же, но без камешков.

Сэр Танис произнес официальную речь, поминая благородные обычаи, позволяющие лорду благородного дома учить мясницким ножом нарушителей спокойствия. Мне он объяснил правила простым языком. Наука была несложная: просто рубим друг друга до полного удовлетворения сэра Ревената — или до его смерти.

— ...лицом к лицу! — завершил сэр Танис свое выступление.— Дом Ансине-Шанор стоит за свою честь сильной рукой, по древнему обычаю, праву и справедливости! И да трепещут клеветники!

Толпа расступилась, а дворня стала в круг диаметром пятьдесят футов. Хьювиль взмахнул палашом, глянув на меня свирепо. Приняв куртку, Фша-Фша наклонился, давая мне последний совет.

— Помни о навыках сортировщика, Билли Дейнджер! Замыкай свои рефлексы на его приемы! Играй с ним, пока не сможешь читать его, как открытую книгу,— потом наноси удар!

— Если не выйдет, придумай, как донести до них правду,— попросил я.

— Выйдет-выйдет! — успокоил Фша-Фша.— Но если что... уж я постараюсь.

По команде сэра Таниса Фша-Фша покинул арену, и Хьювиль двинулся мне навстречу. Палаш он держал легко и свободно, показывая умение. Надо полагать, бывшему рабу пришлось попотеть, наверстывая упущенное.

Хьювиль пошел навстречу, держа клинок невысоко, острием вперед; я скопировал его стойку. Он сделал ложный выпад; я отвел его клинок своим и отступил. Опустив острие, Хьювиль ударил всерьез, промахнувшись мимо моего бедра на дюйм. Я попытался отключить сознание, чтобы дать свободу рефлексам. Ложный выпад — атака; уход в сторону — контратака: как бы закрепить? Нелегко делать это в уме, обходясь без контрольного прогона. Я проворно отступил, заставляя Хьювиля отрабатывать прием вхолостую, на расстоянии двух длин клинка. Аудитория захихикала, но что мне до этого? Один прием мы, похоже, освоили. Правда, он не последний.

Теперь Хьювиль подходил осторожно, внимательно следя за моими движениями; попробовал высокий выпад, рубящий удар снизу, комбинацию из двух выпадов — я отступал без всякого смущения. Каждая атака дает возможность настроиться...

Ну вот, руки сами ответили на очередной выпад! Острие зацепило рукав, распарывая ткань цвета красного вина. Неплохо для начала. Хьювиль проворно отступил, но тут же бросился в атаку, теряя самообладание. Я не стал упорствовать, отходя назад; рука работала сама. Сообразив, что так дело не пойдет, Хьювиль, ныряя вперед, попробовал ударить снизу вверх. Отведя палаш противника в последний момент, я прижался к Хьювилю левым плечом; клинки наши сцепились эфесами.

— Я не могу тебя не убить.— Ухо мне обжег горячий шепот.— Ты ведь понимаешь, Дейнджер?

В глазах его плясало безумие; левая рука крепко сжимала контроллер.

— Если погибну я — умрет и она. Если мне покажется, что перевес на твоей стороне, достаточно повернуть колечко. У тебя один выход — пожертвовать собой.

Оттолкнувшись, Хьювиль рубанул сплеча; мы снова закружились по шелковистой траве. Выхода у меня действительно не было. Хьювиль сошел с ума — никаких сомнений. Он внедрился в дом Ансине-Шанор, пользуясь невидимым ножом, приставленным к сердцу леди Рейр. Как только бывший раб поймет — сейчас или потом,— что игра окончена и рухнула изощренная интрига, которую он плел много месяцев, леди Рейр настигнет ужасная смерть. Термитный заряд вырвется из груди, испепеляя сердце и ребра.

Есть только одна возможность. Дратиане постарались на совесть, чтобы привязать жизнь раба к благополучию хозяина, но одна неразрешимая проблема осталась: даже самая хитрая электроника откажет, если ее испортить. Доказательства налицо: Хьювиль до сих пор жив, хотя контроллер я растоптал собственными ногами.

С другой стороны, его контроллер мог быть просто не в порядке, и дистанция две мили... Опять же, легко сделать так, чтобы приемник срабатывал при потере несущей.

Лицо мое блестело от пота, и не только из-за физической усталости. Единственный шанс — сломать контроллер и убить Хьювиля одним ударом. И надеяться, что я нигде не ошибся. Во всяком случае, выиграю я или проиграю, леди Рейр лучше умереть, чем оставаться рабыней сумасшедшего.

Работа фехтовальщика не мешала течению невеселых мыслей, поскольку действовал палашом я автоматически. Внезапно острие клинка Хьювиля ринулось молнией вниз, и тут же вернулось обратно. Правая нога немедленно перестала слушаться. Отразив стремительный удар, я контратаковал с колена, но купил лишь секунду передышки. Хьювиль занес руку для последнего удара, но тут в круг серебряной птицей влетела леди Рейр. Перехватив руку с палашом, она тут же осела, бледная как смерть,— сработал автоматический болевой контур, сдавив сердце железными пальцами. Помощь, однако, подоспела в самый нужный момент. Несостоявшийся узурпатор качнулся, теряя равновесие, левая рука выпустила контроллер, пальцы растопырились — и я сделал выпад, опираясь на здоровую ногу. Замахнувшись палашом, Хьювиль свободной рукой попытался ухватить контроллер, но опоздал на долю секунды. Острие моего клинка раскрошило пластиковое яйцо, пробило ребра, рассекло плоть и засело в позвоночнике. С изумленным выражением лица противник нехотя опустился на землю. Повалившись на бок, я хотел свести руками края глубокой раны в бедре, но тут перед глазами сгустилась тьма.

2

Надо сказать, семейство Ансине-Шанор приняло свою оплошность весьма мужественно. Сидя под пологом на террасе, я в шестой или седьмой раз рассказывал старому лорду Пастейну, как мне удалось выкупить двух рабов, оставить им свою яхту, а самому отправиться на плоты. Лорд Пастейн нахмурился, качая головой, достойной Моисея:

— Серьезная ошибка в оценке характера, молодой человек. Но кто из нас не делает ошибок? Леди Рейр вернулась, когда никто уже не надеялся,— и я открыл свое сердце предполагаемому спасителю. Я пожаловал выскочке... как его звали: Хьювиль? — Старик задумался, качая головой.— Я предоставил ему все права, все привилегии в доме Ансине-Шанор. Что до миледи, если ей было угодно отстраниться от всего света и собственной семьи — мог ли я запретить? Когда зародилась неуклюжая интрига, имеющая целью поставить чужака во главе дома после моей смерти, я призвал миледи Рейр, но получил отказ. Неслыханно! Вычеркнуть ее из памяти как мертвую — что еще оставалось? Кто поставит мне это в вину? Что до остальных — продажных, алчных, глупых,— со времен моей молодости таких глубин падения еще не достигал дом Ансине-Шанор! Тысячу лет...

Понемногу я перестал прислушиваться. За последние три дня, пока моя нога заживала под влиянием чудесных снадобий древней Зериды, одну и ту же историю пересказывали все кому не лень. Если бы хоть кто-то из сентиментальных родственников леди Рейр любил ее достаточно... Такому человеку хватило бы одного внимательного взгляда. Но для всех она была лишь пешкой в политических играх рода Ансине-Шанор. Немая мольба осталась неуслышанной. Могут спросить, почему она не бросила вызов амбициям Хьювиля, почему не предпочла смерть позору и рабству. Думаю, полчаса болевого шока на несмертельном уровне убедят и того, кто рассмеялся бы в лицо обыкновенной смерти.

— Если бы вы позволили мне увидеть леди Рейр хоть на несколько минут,— попросил я, прерывая рассуждения лорда Пастейна о личных качествах бывшего сэра Ревената.— Было бы очень здорово...

— Все мы согласны, я полагаю, что не следует напоминать девочке об ужасах последних месяцев. Не видеть и не говорить безопаснее всего.— Лорд Пастейн помрачнел.— Наш род навечно у вас в долгу, капитан Дейнджер. Не сомневаюсь, миледи поймет, если вы исчезнете незаметно, предоставив ее на попечение родной семьи — заботам тех, кто глубоко понимает ее интересы.

Идея мне была уже знакома. Не менее двенадцати столпов дома Ансине-Шанор уже доносили ее до меня, каждый на свой лад, но почти одними и теми же словами. Леди Рейр слишком сильно пострадала от одного выскочки, чтобы подвергать ее дурному влиянию другого. Я, конечно, вовремя разрушил злые чары, но теперь леди пора возвращаться в лоно семьи — жить своей собственной жизнью.

Разумеется, они правы. Я и сам не слишком хорошо представлял, что бы сказал Джонго леди Рейр из древнего дома Ансине-Шанор. Не то чтобы я был чужд нескромных фантазий, но не до такой же степени... Пространство ее будуара на борту моего корабля как альтернатива замку и капиталам Ансине-Шанор?

На прощание сэр Танис предложил мне выбор блестящих перспектив в коммерческой области, выразил готовность дать рекомендательные письма в любой дружественный дом, посулил другие, не столь конкретные блага, оставив на закуску прозрачный намек на то, что дальнейшие попытки увидеть леди Рейр могут закончиться для капитана Дейнджера печально. Когда сэр Танис убедился в моей понятливости, я вышел за высокие ворота под сумеречное небо Зериды, имея при себе лишь легкую хромоту в память о моем визите.

3

Фша-Фша дожидался меня на корабле. Пока я рассказывал о напутствиях, данных мне в доме Ансине-Шанор, он внимательно слушал.

— Ничему не учишься, а, Билли? — Фша-Фша грустно покачал головой.

— Разве? Я знаю, например, что в утонченной компании для меня нет места. Дайте мне старую добрую пустоту открытого космоса и путь, на котором лежат новые миры! С меня будет достаточно.

— Ты спас жизнь леди Рейр на Гэре двадцать восемь, для начала,— пробормотал Фша-Фша себе под нос.— Если бы ты не сделал того, что сделал — и в нужный момент,— леди Рейр не прожила бы и недели. Само собой, стоило присмотреться, да и послушать, прежде чем ты оставил ее на милость х'иак,— ну да кто мог бы знать, не правда ли?

— Давай не будем,— предложил я.— Корабль готов к старту...

— Потом, на Драте, ты увел ее из-под носа триарха, применив самый красивый ход на моей памяти. Блестящая операция! Он ведь их не собирался отдавать, ни под каким видом. Их бы арестовали в порту — если бы корабль не стартовал без тебя. Блюстители порядка остались с носом. Ты допустил единственную ошибку — поверил Хьювилю.

— Поверил?!

— А как же? Послал его одного на пустой корабль. Стоило бы только одно сделать иначе: забрать леди Рейр самому и подняться, оставив Хьювиля внизу. Ну да ладно... Второй раз ты выручил ее — и передал врагу.

— Без тебя знаю,— огрызнулся я.— Локти грыз...

— И теперь готов повториться в третий раз,— продолжал сыпать соль на раны Фша-Фша.— Не в последний ли?

— Что ты сказал?

— Ты вновь спас леди Рейр, Билли. Вырвал ее из лап злобного мучителя...

— Ну?..

— И предал в руки врагов.

— Но семья...

— Ты не слушаешь, Билли.

— Но тогда...— Голова моя пошла кругом.— Ладно. Не растолкуешь ли по буквам, что же ты пытаешься мне сказать?..

4

Я наклонился над кушеткой; вздрогнув, леди Рейр открыла глаза.

— Билли Дейнджер! — То ли сладкий шепот, то ли просто вздох...— Ты ли это? Почему не приходил прежде сей минуты?

— Острый приступ тупости, миледи,— прошептал я в ответ.

— Меня зовут Рейр, Билли.— Она ослепительно улыбнулась.— И никакая я не леди.

— Не леди? Зато моя!

— Всегда твоя, мой Билли.

Коснувшись моего затылка ладонями вытянутых рук, она легонько потянула к себе. Губы оказались даже бархатнее, чем грезилось.

— Пошли,— сказал я.

Леди Рейр бесшумно встала; Эврика немедленно потерлась об ее колени. По длинному коридору они последовали за мной до большого зала внизу; там я спросил, как проще выбраться на открытое место подальше от дворца. Мы прошли вдоль аркады, через окруженный стенами сад и ступили на широкую террасу над неосвещенной лужайкой.

— Билли, если я войду в эту дверь, сработает сигнализация...

— Знаю. Потому-то и спустился на крышу в одноместном вертолете. Если бы можно было подняться вдвоем... Но ничего не поделаешь: пошли.

Мы бросились в сторону деревьев бегом. Через пятьдесят футов загорелись прожектора под крышей дворца. Я прицелился и погасил термоэлектронным пистолетом два самых больших. Мы прибавили ходу, Эврика гигантскими прыжками мчалась впереди. Вспыхнули прожектора на других постройках, но слишком поздно: мы достигли первой линии деревьев и бросились на траву. На открытое место высыпала охрана, послышалась беготня и крики; я посмотрел наверх, но против водоворота звезд ничего не было видно. Глянув на часы, я убедился, что Фша-Фша опаздывает на две минуты. Тем временем охранники правильной цепью продвигались вперед; через две минуты они достигнут деревьев...

Вверху что-то мигнуло, и послышался приглушенный раскат грома, потом визг разрываемого воздуха и победный рев. Над головой промелькнула длинная сигара с пылающими ходовыми огнями; за первым перехватчиком последовал второй.

— Вот оно! Фша-Фша сбили...

Договорить я не успел. Раздался жуткий грохот, но не затих, а превратился в гул, от которого будто осела под ногами земля. На фоне пролитого звездного молока возникла черная тень. Ее заметили и на лужайке: охранники остановились, разглядывая корабль, прошедший сквозь строй перехватчиков.

— Смотри! — воскликнула леди Рейр, показывая пальцем.

Черный силуэт плыл над озером в нашу сторону. «Джонго III», и в каком-нибудь ярде над поверхностью воды! За деревьями от дворца не видно... Мы вскочили на ноги и бросились навстречу. Носовые прожектора вспыхнули, как солнце; узкие лучи, пройдя над нашими головами, ослепили людей за деревьями. Раскрывшийся люк гостеприимно осветился, и мы вошли в неглубокую, по колено, воду. Первым делом я бросил внутрь мокрую Эврику; ухватившись за поручень, втянул за собой леди Рейр.

Охранники выбежали из-за деревьев, но поздно: люк закрылся, и на нас навалилось немилосердное ускорение. Корабль с редкостной родословной ушел над вершинами деревьев на скорости, которая растопила бы, как масло, обшивку менее благородную.

5

На расстоянии в полмиллиона миль Зерида выглядела тронутым дымкой изумрудным полумесяцем, тонущим в глубине наших экранов.

— Прекрасный мир, миледи,— вздохнул я.— Вы будете скучать.

— Знаешь ли ты, мой Билли, о каком месте я воистину мечтала, когда тянулась передо мной цепь серых лет на Драте?

— О садах, миледи.— Я кивнул на обзорный экран.— Под солнцем они прекрасны.

— Я мечтала о пещерах, о зеленом полумраке под сенью гигантского гороха и о преданности нашей доброй Эврики...

Леди Рейр погладила рыжеватую голову кошки, пристроившейся у ее ног.

— Никогда не смогу понять, что вами, репродуцентами, движет,— отозвался Фша-Фша из глубокого командирского кресла.— Но, должен сказать, с вами никогда не было скучно. Думаю, и не будет. Скажите, миледи,— Фша-Фша улыбнулся своей жуткой для непривычного человека улыбкой,— если мой вопрос не слишком дерзок: что вы делали там, на окраине Восточного Рукава, где Билли вас впервые увидел?

— А ты не догадался? — Она улыбнулась в ответ.— Пока лорд Дезрой не поймал меня — я убегала.

— Что скажешь, Билли? — пророкотал Фша-Фша.— Ну а теперь, по завершении великой экспедиции,— куда?

— На твое усмотрение,— ответил я, обнимая нежную и тонкую, как стебель цветка, талию.— Куда угодно.— Я притянул леди Рейр поближе.

Под палубой мягко гудели могучие, хоть и старинного производства, двигатели; не отрываясь, мы смотрели, как сияние центра Галактики заполняет обзорные экраны.

Ловушка времени

Пролог

Помощник машиниста второго класса Джо Акоста, вахтенный на катере береговой охраны «Хэмптон», бороздил взглядом сверкающие на солнце воды бухты Тампа в поисках неудачливого судна, севшего на мель среди бела дня в миле от порта.

— Что там за чертовщина, шкипер? — обратился Джо к лейтенанту, который направил бинокль на злосчастный корабль.

— Двухмачтовый, с высокой кормой. Странная посудина. Паруса разодраны в клочья. Видно, потрепало его порядком...— сообщил лейтенант.— Давай подойдем поближе.

Катер развернулся и, покачиваясь на волнах, взял курс на оснащенный прямоугольными парусами корабль. Когда они приблизились, Акоста увидел нелепый деревянный, потрепанный непогодой корпус, на котором кое-где сохранились остатки багряной краски и позолоты. Колонии ракушек и водорослей отмечали ватерлинию. Катер проплыл под самой кормой у судна, на расстоянии пятидесяти футов. Почти совсем стершиеся, замысловато начертанные буквы складывались в название «Кукарача».

Как только катер несколько отошел назад, над поручнями возникло чье-то сильно загорелое, морщинистое лицо, и черные как уголь глаза незнакомца пронзили Акосту. Рядом с первым появился второй — в лохмотьях, весь рябой, небритый и щербатый.

— Шкипер, я думаю, посудину загрузили кубинскими беженцами,— неуверенно произнес Акоста.— Только почему их так долго не могли засечь?

Лейтенант покачал головой:

— Должно быть, снимают кино. Не похоже, что все это на самом деле.

© Перевод В. Акимова.

— Случалось видеть где-нибудь еще такое корыто?

— Разве что в учебниках истории.

— Во-во, что-то наподобие «Баунти», которую пришвартовали у пирса Святого Петра.

— Да, что-то вроде того. Только это галеон конца шестнадцатого века. Судя по флагу, португальский.

— Такое ощущение, что нам кто-то лапшу на уши вешает,— пробормотал Акоста, сложил ладони рупором и прокричал тем двоим в лицо: — Эй, там, на палубе! Если вас, чертей, много, придется туго! — Он выразительно чиркнул ногтем большого пальца по предплечью.— Совсем мелко! — пояснил он.

Первый незнакомец хрипло отозвался.

— Ну вот,— воскликнул Акоста,— значит, я был прав. Похоже на испанский,— и снова сложил ладони в подобие рупора.

— Quien son ustedes? Que pasa?* — донеслось с палубы немного погодя. Слова были дополнены крестным знамением.

— Что он говорит? — спросил лейтенант.

— Чудно говорит, шкипер.— Джо покачал головой.— Должно быть, решил, что мы тоже снимаемся в фильме.

— Давай-ка поднимемся на борт и посмотрим, в чем дело.

Час спустя, взяв судно на буксир, катер направился на карантинную верфь порта Тампа.

— *Что думаешь об этом? — спросил Джо своего лейтенанта,* искоса наблюдая за ним.

— Думаю, что мы наткнулись на галеон с тринадцатью безграмотными португальцами на борту,— быстро отозвался тот.— Углубляться в это дело я бы не рискнул.

Утром, в десять пятнадцать, миссис Л. Б. (Чак) Видерс, как обычно, надела шляпку, поправила ее у зеркала в прихожей и вышла на десятиминутную прогулку в город. Она прошла мимо вечно не работающего автосервиса: стремительная походка, голова гордо поднята, спина прямая, вдох на четыре шага, выдох — на четыре, просто привычка, однако только благодаря этому в тридцать шесть лет — удивительно юная фигура.

Минуту-другую спустя, когда станция техобслуживания осталась позади, миссис Видерс замедлила шаг, почувствовав, что с дорогой творится неладное. Она уже давно не смотрела по сторонам во время прогулок, но сегодня ее внимание привлекла

* Кто вы? Куда идете? *(исп.) (Прим. ред.)*

незнакомая табличка, вдруг возникшая впереди: «Брантвилл — 1 миля».

— Странно,— пробормотала женщина,— зачем же им потребовалось ставить новый, да еще явно неправильный указатель?

От ее дома до города было ровно полмили, значит, от указателя до Брантвилла — всего лишь несколько сот ярдов. Подойдя поближе, она обнаружила, что табличка совсем не нова, краска поблекла и выгорела, несколько мелких дырочек — свидетельства метких выстрелов — покрылись по краям ржавчиной. Она осмотрелась, и ей вдруг стало неуютно — это место совершенно не производило впечатления знакомого. Вот, пожалуйста, огромное дерево с отметкой «666», как могла она его раньше не заметить...

Миссис Видерс торопливо зашагала вперед, сгорая от нетерпения увидеть радостно-утешительный рекламный щит «Кока-колы» на следующем повороте, но вместо этого взору, нетерпеливо пробирающемуся сквозь листву, открылось белое пятно какого-то здания. Подозрительно знакомой показалась ей кирпичная кладка дымовой трубы. Она быстро прошла дальше под сенью величественных тополей и остолбенела от удивления и негодования, оказавшись перед своей собственной дверью. Она прекрасно помнила, что пошла на восток, а теперь возвратилась с западной стороны. Нелепица и чушь собачья!

Миссис Видерс решительно поправила шляпу. Прекрасно, допустим, она забылась и нечаянно свернула на окружную дорогу, ведущую к ее же собственному дому, но ведь никакого ответвления здесь и в помине не было! Это просто непостижимо — мистика какая-то! Вдова Л. Б. Видерса предпочитала не иметь дела с вещами необъяснимыми и верила, что лучший способ избавиться от них — делать вид, что ничего особенного не произошло. Притянув к себе сумочку, как подтягивают удила, миссис Видерс решительно переступила порог собственного дома.

После пяти минут напряженной внутренней борьбы молодая вдова не выдержала и снова оказалась на таинственном месте. «Брантвилл — 1 миля»,— по-прежнему гласил указатель. На какое-то мгновение она, казалось, была заворожена самими буквами, но потом это прошло, и она, стремительно развернувшись, поспешила домой. Тем же путем.

Вцепившись пальцами в почтовый ящик на своей двери, она попыталась обрести прежнее самообладание, и это ей удалось.

Родные линии веранды со сломанной решеткой, до которой все никак не доходили руки, успокоили ее. Она сделала глубокий вдох, потом выдохнула, восстанавливая дыхание. Ведь чуть не наделала глупостей! Примчалась домой как угорелая, собралась уже, стыдно подумать, звонить шерифу со своим бредом о перепутанных дорогах.

— Фу ты, представляю, что бы стали говорить в городе, если уже сейчас двусмысленно улыбаются при встрече, а потом на ушко сообщают друг другу подробности из жизни одиноких женщин.

Ладно, допустим, она дважды ошиблась и не там свернула, хотя не очень уверена, что такой поворот существует на самом деле. Сейчас она пойдет еще раз и будет следить за каждым своим шагом; но если она хотя бы на полчаса опоздает на почту, ей придется сообщить кому-нибудь о случившемся.

Издали заметив указатель, миссис Видерс остановилась посреди дороги, в нерешительности озираясь по сторонам и не зная, что предпринять: бежать скорее вперед, в город, или мчаться назад, домой, где все родное и понятное.

— Да не может такого быть! — вырвалось у нее предательски дрогнувшим голосом, что несколько шокировало сдержанную миссис Видерс.— Я же знаю эту дорогу как свои пять пальцев! Здесь же негде потеряться...

В последнем чувствовалась такая нелепость, что раздражение молодой вдовы вспыхнуло с новой силой. Вот уж, действительно, потерялась! Рассудительный, богобоязненный и респектабельный взрослый человек не может потеряться среди бела дня, как какой-нибудь пьяный бродяга! Если ее сбили с толку, то виновата не она, а дорога. Это хорошая мысль, теперь все встало на свои места: ночью пришли дорожные рабочие, принесли свои инструменты и проложили новую ветку. Не говоря никому ни слова! Да, сейчас они умеют делать такие вещи на редкость быстро. Подумать только! Понятно, откуда взялся указатель.

Неумолимо сжав зубы, миссис Видерс развернулась и решительной поступью направилась к дому. Теперь-то она обязательно позвонит шерифу и найдет что сказать этому старому самовлюбленному кретину!

Занято и занято. Набрав номер не менее пяти раз, Оделия Видерс с печатью праведного гнева на строгом лице проследовала на кухню и, открыв холодильник, машинально достала какие-

то продукты к завтраку. Слава богу, кое-что осталось и ей не придется срочно бежать в магазин. Стараясь не думать о сегодняшней неудачной прогулке в город, она приготовила себе бутерброд с ветчиной, вылила в стакан остатки молока. Поймав щекой солнечный лучик, прорвавшийся сквозь занавеску, Оделия завтракала, прислушиваясь к мерному тиканью висящих в прихожей часов.

В общей сложности она подходила к телефону не менее десяти раз. Сначала пыталась дозвониться до шерифа, затем — до начальника дорожной службы, потом — до полиции. Везде занято. Может быть, люди непрерывно осыпали их всех жалобами и проклятиями из-за этой дурацкой дороги? Неожиданно она вспомнила телефон Генри, механика с городской станции... Занято. Пробовала позвонить двум-трем семейным друзьям, оператору — с тем же результатом. Занято.

Включила приемник, нашла любимую программу — трогательная история о непростых взаимоотношениях между детьми, их родителями и преподавателями,— занялась уборкой и без того чистой квартиры. Закончила убираться на закате, когда первые тени опустились на лужайку за окном. После ужина еще раз попробовала позвонить — все те же сигналы, короткие, резкие, холодные,— повесила трубку.

На следующее утро она снова дошла до указателя и снова вернулась, и ей страшно захотелось пожаловаться, поплакаться... хоть кому-нибудь. Придя домой, миссис Видерс машинально открыла холодильник, достала ветчину, молоко... Нахмурилась — три кусочка ветчины на тарелке. Но ведь она все съела еще вчера: два куска на обед, один — вечером, с салатом. Молока тоже не оставалось — пустую бутылку она оставила у двери. Миссис Видерс подошла к буфету, взяла банку майонеза, начатую вчера, сняла крышку. Банка оказалась полной, нетронутой.

Оделия Видерс не нарушила заведенного порядка: приготовила завтрак, поела, помыла посуду. Надев шляпку от солнца, вышла в сад за цветами, по-прежнему с печатью праведного гнева на строгом лице.

— Есть тут одно полушизофреническое сообщение,— как всегда пренебрежительно-устало бросил Билл Саммерс, редактор отдела персоналий журнала «Кадр»,— впрочем, весьма любопытное.

— Один чудак шатается по запретной зоне какого-то арабского города,— констатировал Бад Ветч, местный репортер журнала «Кадр».— Ну и что? Может быть, это интересно представителям американского посольства, но при чем здесь наши читатели?

— Не хочешь взглянуть на снимки? — Саммерс протянул зевающему коллеге три глянцевые фотокарточки пять на восемь.— У одного туриста оказался с собой «Брауни».

— Ох уж эти фотолюбители, канальи...

Голос репортера неожиданно оборвался. На первой фотографии был высокий сутулый человек нелепого вида с ввалившимися щеками, глубоко посаженными глазами, короткой темной бородкой, выдающимся подбородком, в плохоньком черном костюме и высокой шляпе. На заднем плане, около лавки торговца, толпились какие-то люди в белом. Ветч посмотрел на другой снимок. На нем мужчина с непокрытой кустообразно всклокоченной головой сидел под навесом за столом, обмахивался шляпой, как веером, и, очевидно, был совершенно поглощен разговором с местным полицейским, одетым по форме, в хаки. Третий снимок являл приближенное изображение этого странного типа в тот момент, когда он обернулся. На лице, покрытом многочисленными морщинами, читалось едва заметное недоумение.

— Черт возьми,— пробормотал Ветч.— Кажется, это сам...

— Именно так,— резко оборвал репортера Саммерс.— Догадываюсь, какое гениальное открытие ты собираешься сделать. По правде говоря, я сам не уверен, кто это такой, но если ему надо было просто привлечь внимание к своей персоне, то он, несомненно, достиг желаемого. Арабы не особенно сведущи в истории. Сегодня утром местное министерство иностранных дел отправило в Вашингтон официальный запрос, и теперь правительство должно прислать им бумагу по всей форме, подтверждающую, что интересующее их лицо уже давно не жилец на этом свете. Не думаю, что арабы оставят этот факт без внимания. Горожане подтвердят, что этот человек очень даже жив, что у него нормальное удостоверение личности, что они видели его фотографии. В общем, либо это он сам, либо — его призрак. В любом случае проблема останется. Мое мнение — тебе не мешало бы съездить туда, пока вся эта каша еще не заварилась, и взять у парня интервью.

Ветч не мог оторваться от фотографий.

— Невероятно,— изрек он наконец.— Даже если это грим или маска, все равно мастерство фантастическое!

— Как прикажешь понимать твое «даже если»?

— Да нет, это я так...— отозвался Ветч.— Кстати, назвал ли он свое имя?

— В том-то и штука,— проворчал Саммерс.— Утверждает, что он Авраам Линкольн.

— Наконец-то этот грехоборец отвалил отсюда,— прошипел Джоб Аркрайт, стоя в дверях своей хижины и провожая глазами тонкую, щегольски-изысканную фигуру в слишком элегантном плаще и штиблетах. По белой, занесенной снегом дорожке уходил он в непроницаемый сумрак глухого леса.

— Ты поступил несправедливо, Аркрайт,— упрекнула своего мужа Черити Аркрайт.— Ведь он все-таки проповедник, хоть и с усиками...

— Я тебе покажу усики! — взревел Джоб, поворачиваясь к жене — молодой женщине с огромными глазами, крепкой грудью и совсем тоненькой в талии.— Если бы слушалась меня, растолстела бы как положено, не было бы никаких проблем, не липли б...

— И так не было никаких проблем,— проговорила Черити, приглаживая волосы.— Все время, пока ты охотился на кроликов, он сидел у огня и читал мне вслух Писание. Честное слово, я так много нового узнала!

— Что же он, не изъявил никаких желаний?

— Держи карман шире, так бы я ему и позволила!

— Хотел бы я знать, чему здесь можно верить! — проскрежетал Джоб.— Слушай, девка, он что...

— Тише! Что это? Слышишь? — Черити сложила ладонь рупором и приставила к уху.— Кажется, кто-то идет.

Джоб снял с крюка заряженное ружье и распахнул дверь.

— На грабителей не похоже,— отметил он,— те так не шумят,— и сделал шаг вперед.— Сиди здесь, а я пойду гляну,— велел он.

Джоб обогнул угол дома. Кто-то приближался к его жилищу с тыла, нещадно хрустя сухими ветками. Наконец кусты раздвинулись и возникла странная фигура в ночной, как ему показалось, рубахе. Пришелец встал перед домом как вкопанный.

— Эй, кто идет?! — рявкнул Джоб.

— Это я, Флай,— откликнулся запыхавшийся голос.— Брат Аркрайт, ужели это ты воистину!

— Кому же еще быть, если в этих местах никого, кроме меня, и нет. Какого дьявола ты возвратился? Что забыл здесь? Я-то думал, ты пошел прямехонько на ферму Кнокса.

— Не поминай имя дьявола всуе.— Флай еле дышал, а его круглое лицо лоснилось от пота, несмотря на сильный мороз.— Я ручаюсь, брат Аркрайт, это его нечистых рук дело. Я пошел на восток к брату Кноксу, и неверная тропа привела меня вновь к вашей двери.

— Флай, да ты никак выпил? — с подозрением спросил Джоб у странствующего пастора и сурово фыркнул.

— Стал бы я вас дурачить, когда такое дело...— отвечал пастор.— Чего бы только я сейчас не отдал тому, кто накормил бы меня жареным агнцем.

— Ладно, пошли. Я выведу тебя на тропу.— решил Джоб.

Он забежал за тулупом, а через минуту уже быстро шел впереди проповедника. Бедняга Флай пыхтел сзади. Тропа вилась вокруг огромной сосны, огибала валун и резко уходила наискосок вверх. Спутник отставал, и Аркрайт остановился, нахмурившись из-за того, что приходится ждать; потом пошел дальше. Тропинка неожиданно оборвалась, запутавшись в переплетениях корней и стелющегося кустарника.

— Аркрайт, мы заблудились, мы пропали.— Флай задыхался.— Вельзевул заманил нас в ловушку...

— Небось уже в штаны наложил, дубина,— презрительно бросил Аркрайт.— Подумаешь, тропа заросла...

Он с трудом пробирался сквозь густые заросли. Кажется, впереди просвет. Он раздвинул ветви, шагнул и...

Раздался оглушительный грохот, и мощный звук, едва зацепившись за обледенелые ветви, со всего маху ударил Джоба по ушам. Он упал навзничь и увидел свою хижину, крытую кукурузной соломой, замерзшую дорожку к дому, знакомую женщину с обрезом в руках.

— Черити! — завопил он.— Это же я!

Прошло полчаса, а Флай, сидя у огня, все качал головой, мрачно и завороженно. Потом он сказал:

— Если необходимо, я могу устроиться на ночь и в снегу, но в этот треклятый лес я до утра не ходок!

— Можешь лечь здесь, под крышей,— проворчал Джоб,— если тебе хочется.

Черити предложила непрошеному гостю стеганое одеяло, которое он принял со смущением.

В эту ночь супругам Аркрайт не спалось. Перед самым рассветом их разбудил неистовый стук в дверь. Джоб вскочил, схватил ружье и открыл дверь. На пороге, растрепанный, без пальто, стоял Флай. Он долго заикался, а потом показал куда-то рукой. Из мутной предрассветной мглы выступил громадный и величественный тополь, с таким трудом сваленный вчера обоюдными усилиями,— стоял как ни в чем не бывало, на своем извечном месте, не тронутый топором.

Глава 1

Роджер Тайсон щелчком заставил дворники работать побыстрее, так как дождь, моросящий вначале, вскоре превратился в ливень, а затем — в какой-то потоп. Он снизил скорость до пятидесяти миль в час. Свет его передних фар потускнел и в конце концов совсем растворился в плотной массе падающей сверху бурлящей воды, застилающей непроницаемой пеленой лобовое стекло. То и дело вспыхивали молнии, а гром гремел подобно тяжелой артиллерии.

— Здорово! — поздравил Тайсон победившие стихии.— Прекрасный случай застрять тут и сгинуть ко всем чертям: в самую глубокую ночь, в самую глубокую дыру неизвестно чего и вообще... без бензина, без денег, без единого кредитного билета,— в пустом животе забормотало,— без самого завалящего бутерброда с ветчиной. Пожалуй, я не выживу в этом ужасном, жестоком мире. Знать, не для этого создан...

Сломанная пружина пребольно впилась в бедро, вода просачивалась из-под щитка и капала на колено. Мотор трижды чихнул, разок стрельнул и заглох.

— Только не это,— простонал Роджер, съезжая на обочину.

Подняв воротник пальто, он выкарабкался из машины под сплошные потоки дождя и поднял капот. Мотор как мотор. Он закрыл капот, засунул руки в карманы и вгляделся в бездонную муть дороги.

«Следующую машину можно и неделю прождать,— уныло размышлял Роджер.— Только полная бестолочь поедет в такой ли-

вень... Но даже трижды бестолковый, окажись он сейчас здесь, ни в жизнь не остановится».

Его мысленное брюзжание было неожиданно прервано вспышкой света, пробившегося издалека. Сдержанный рев мотора прорвался сквозь барабанную дробь дождя.

— Эгей! — Роджера затрясло от радости. Кто-то едет!

Он выпрыгнул на середину дороги. Свет по мере приближения становился ярче. Он замахал руками.

— Эй, остановись же,— завопил Роджер, когда фары были уже рядом и, судя по всему, их обладатель останавливаться не собирался.— Стой!

Он отскочил в самый последний миг, когда мотоцикл, прижимаясь к полотну дороги, вырвался из мглы.

Какой-то доли секунды хватило ему, чтобы увидеть перекошенное от страха лицо девушки, когда она резко нырнула в сторону, чтобы не задеть Роджера. Почти детский драндулет по инерции пронесло метров пятнадцать по дороге и выбросило в кювет. Не скоро смолк грохот и скрежет металла и дерева, потом что-то скрипнуло, и все... тишина.

— Господи Иисусе.

Роджер затрусил через дорогу и вниз по крутому склону, сквозь сломанные и вырванные кусты и зелень, по следу мотоцикла. На самом дне валялась помятая машина, одно колесо которой все еще лениво вращалось. Передняя фара светила вверх сквозь мокрые листья. В двух-трех метрах от мотоцикла лежала девушка — на спине, глаза закрыты. Роджер склонился над ней, попытался нащупать пульс. Ее глаза вдруг открылись, и в него впился взгляд бледно-зеленых глаз.

— Вы должны помочь мне,— произнесла она с видимым усилием.

— Ну конечно.— Роджер задыхался.— Все, что угодно... И простите меня, ради бога.

— У меня сообщение,— пролепетала девушка.— Ужасно важное. Надо передать.

— Слушайте, мне, пожалуй, стоит подняться к машине и попросить кого-нибудь еще спуститься к вам...

— Не мешайте,— прошептала она.— У меня сломана шея, и через несколько секунд я умру.

— Чушь собачья.— Роджер с трудом мог говорить.— Через пару дней вы станете здоровая и свежая, как этот дождь.

— Не перебивайте,— отрезала девушка.— Передайте: «Остерегайтесь роксов».

— Что за роксы? — Роджер оглянулся в совершенном смятении.— Я никогда ничего не слышал о роксах.

— Тем лучше. Надеюсь, что никогда и не услышите.— Несчастная задыхалась.— Надо передать скорее. Нужно спешить.— Голос изменил ей.— Слишком поздно.— Она хватала воздух ртом.— Нет времени... объяснить... возьмите... микроаппарат... кнопку... в правом ухе...

— Я зря трачу время.— Роджер почти поднялся.— Побегу за доктором.

Он остановился, завороженный движением ее губ.

— Возьмите... кнопку... вставьте себе в ухо...

Слов почти не было слышно, но зеленые глаза не отпускали, просили.

— Самое время подумать о слуховом аппарате,— Роджер попробовал шутить,— но ведь...

Он осторожно убрал влажную черную прядь, одним движением вытащил золотистую кнопку из хрупкого девичьего ушка. Как только он это сделал, свет разума покинул ее очи, взгляд остекленел. Роджер схватил ее руку, услышал смутные последние удары, потом пульс пропал и... тишина.

— Эй!— Безумными глазами Роджер смотрел на ее лицо с удивительно правильными чертами.— Не может быть... то есть, я не хотел... ты не должна...— Он с трудом дышал, едва сдерживая слезы.— Она мертва из-за меня! — наконец выдохнул он.— Если бы я не выпрыгнул перед ней как сумасшедший, она была бы жива!

Страшно потрясенный, он спрятал золотистую кнопку в карман и пополз вверх, спотыкаясь и поскальзываясь на каждом шагу. В машине он долго вытирал носовым платком лоб и руки.

— Что же это такое,— простонал Роджер.— Меня надо сажать в тюрьму! Я — убийца! И ничем не могу ей помочь... даже если сяду за решетку!

Он вытащил кнопку и при тусклом свете сигнальных лампочек рассмотрел ее. Оттуда торчали какие-то тоненькие проводки, очевидно, контакты для карманной батарейки. Он покрутил кнопку между пальцами — совсем маленькая, не больше горошины. Ей казалось, что это важно; перед смертью говорила об этом.

Хотела, чтобы он вставил эту штуку себе в ухо. И он выполнил последнее желание девушки.

Но что это? Какой-то едва уловимый шум или ему показалось? Он протолкнул странный предмет поглубже в ухо. Что-то затикало, чуть зашуршало, забулькало. Он хотел уже вытащить непонятную вещь, но почувствовал резкую боль.

— Поезжай в Поттсвилл, сто две мили на северо-северо-восток,— услышал Роджер голос погибшей девушки.— Отправляйся прямо сейчас. Время не терпит!

Послышался приближающийся шум мотора. Роджер выскочил из машины и стал вглядываться в дождливую муть. Дождь моросил уныло и однообразно. Опять свет фар вдали. Сегодня уже во второй раз.

«На этот раз буду умнее и не брошусь с воплями как сумасшедший, когда остановятся,— предупредил сам себя Роджер.— Расскажу им, что никак не приду в себя после катастрофы, что слышу разные голоса. Не забыть бы рассказать о галлюцинации с девушкой на мотоцикле; это должно быть важно для психиатра».

Он стоял у машины, напряженно следя за приближающимся светом, очень сдержанно и осторожно помахивал вытянутой рукой, словно держал флажок. Но водитель и не думал останавливаться. Виляя из стороны в сторону, мотоцикл на полной скорости пронесся мимо Роджера. За рулем сидело нечто страшное: безголовое тело, тучное, красно-кирпичного цвета, очертаниями напоминающее луковицу или грушу, с двумя пучками щупальцев, похожими на разведенные в разные стороны жилы гибкого металлического кабеля.

Единственный в своем роде огромный выпученный глаз, размером и цветом напоминающий пиццу, пронзил его насквозь совершенно нечеловеческим, враждебным взглядом. С воплем удивления Роджер отскочил назад, оступился и тяжело упал на грязный, скользкий асфальт. А дальше — еще хуже: мотоцикл, круто отпрянувший в сторону, завалился вперед, далеко отбросил чудовищного седока, проскрежетал на боку несколько десятков метров и остановился на середине трассы.

Роджер поднялся и захромал вперед по дороге туда, где без всяких признаков жизни распростерлась инертная биомасса. С пяти метров было понятно: то, что лежало, больше не сможет сидеть за рулем — верхняя часть тела по консистенции напоминала картофельное пюре.

— Помогите,— простонал Роджер, зная, что у него в ушах, точнее в левом ухе, звучат голоса.

— Время не ждет,— сообщил голос девушки, делая ударение на каждом слове.— Быстрее!

Роджер потянулся было к кнопке, но резкая боль вновь ударила его.

— Наверное, мне надо пойти в полицию,— неуверенно произнес Роджер.— Но что я им скажу? Что повинен в гибели девушки и злой гигантской Брюквы?

— Забудь о полиции,— нетерпеливо оборвал его размышления голос.— Я с огромным трудом поддерживаю жизненную функцию на крохотном островке корковых клеток, чтобы дать тебе возможность проникнуть в их укрепление! Не трать силы впустую, и хватит болтаться здесь. Вперед!

— Но моя машина не заводится!

— Возьми мотоцикл!

— Но это называется воровством!

— Интересно, кому ты собираешься доложить об этом? Родственникам этой гигантской Брюквы?

— В этом пункте ты права,— согласился Роджер и поспешил к поверженному мотоциклу.— Однако я никогда не думал, что сумасшествие может принимать такие странные формы.

Он поднял мотоцикл. За исключением нескольких вмятин в зеленом покрытии он выглядел как новый. Ударом ноги Роджер завел его, оседлал и пулей помчался вниз по шоссе, оставляя борозду в темноте.

В ближайшем городе Роджер изучал все рекламные щиты по обочине, пытаясь узнать, где принимает врач.

«Бессмысленно рассчитывать на высококлассного столичного специалиста-психиатра,— подумал Роджер.— Найти бы самого обычного провинциального терапевта. К тому же тут чуть больше надежды, что он не затребует деньги вперед».

Наконец Роджер нашел то, что искал. Он поставил мотоцикл у бордюра, неподалеку от мусорных ящиков напротив мрачного трехэтажного здания. Окна тотчас же осветились, открылась

дверь, и навстречу, прикрывая ладошкой глаза, вышел маленький востроносый человек.

«Что же я ему скажу? — подумал Роджер, мгновенно оценив всю нелепость своего положения.— Допустим, я слышал о недоразвитых детях, которые засовывают что попало в рот, уши и другие места, но как объяснить случай со мной, не выставляя себя совершенным дураком?»

— Кто там? — раздался неприятный, очень резкий голос доктора.— Давайте проходите и ложитесь на стол. Через три минуты диагноз будет поставлен.

«Не могу же я сказать ему, что просто взял и засунул эту штуку в левое ухо,— размышлял Роджер.— А если рассказать ему, как было на самом деле...»

— Не стоит пугать себя перспективой раковой опухоли,— продолжал востроносый, решившись спуститься вниз по кирпичным ступенькам.— Всего две минуты, и, пожалуйста, успокойтесь.

«Допустим, он засунет меня в смирительную рубашку и позовет ребят с сачками вроде тех, которыми ловят бабочек,— неожиданно пришло в голову Роджеру.— Говорят, если уж сюда попадешь, то выберешься нескоро».

— Если у вас легкие слегка задеты туберкулезом, не отчаивайтесь. У меня есть средство как раз от этого,— доктор сделал несколько шагов по дорожке,— не то что эти расчудесные антибиотики, которые, замечу, стоят целое состояние! Изготовлено по моей собственной запатентованной формуле. Сыворотка кобылицы. *Действует сногсшибательно, то, что вам нужно!*

«В конце концов, то, что со мной случилось, не так уж страшно,— успокаивал себя Роджер.— Старый дядюшка Лафкадио прожил целую жизнь с маленькими серебряными человечками, которые жили под обоями и оттуда подавали ему советы».

— Вот что я вам предложу,— сказал лекарь, извлекая бутылочку из кармана пиджака, когда они уже шли по выгоревшей на солнце траве.— Я выпишу вам это для приема по три раза в день за доллар двадцать девять центов вместе с налогом. Дешевле вы нигде не купите!

— О нет, благодарю, сэр,— отказался Роджер, заводя мотоцикл.— Ведь я не больной, а работник фининспекции, проверяю акцизные нарушения.

— Прошу прощения, шеф,— бормотал маленький человечек.— А я вот как раз собрался выбросить мусор.

Он приподнял крышку ближайшего контейнера, и плоская бутылочка с запатентованными пилюлями смешалась с содержимым ящика. Роджер отпустил сцепление и выехал на улицу, чувствуя на себе пристальный, пронзительный взгляд маленького человечка.

— Ты принял правильное решение,— тихо одобрил голос в левом ухе.

— Я просто трус,— пробормотал Роджер.— Какое мне дело до того, что он мог бы там подумать? Не стоит ли мне вернуться и...

Резкая боль в ухе заставила его вскрикнуть.

— Боюсь, что этого я не смогу тебе позволить,— отчетливо произнес невидимый попутчик.— На следующем перекрестке поворачивай налево, и через два часа мы будем в Поттсвилле.

Спустя один час пятьдесят пять минут Роджер медленно вел мотоцикл по ярко освещенной авеню мимо бесконечных ломбардов, витрин с коробками апельсинового сока и блеска для обуви, мимо бильярдных и баров, украшенных глянцевыми, восемь на десять, потрясающе невинными фотокрасавицами; и все эти заведения жизнерадостно бурлили, несмотря на столь поздний час.

— Потише,— предупредил голос погибшей девушки.— Теперь вон к тому зданию, похожему на гараж.

— Это же автостанция,— сказал Роджер.— Если ты рассчитываешь на то, что я куплю билет, тебя ждет разочарование. Я без цента в кармане.

— Ничего подобного. Мы в нескольких метрах от цели.

Рискуя жизнью, Роджер протиснулся между кирпичной стеной и фырчащей громадой междугороднего, по виду чикагского, автобуса и оказался внутри гулкого ангара. Следуя указаниям, он оставил мотоцикл и, толкнув вращающуюся дверь, вошел в раздражающую суетностью атмосферу зала ожидания, где, как обычно, спали военнослужащие и безмужнего вида молодые матери.

— Перейди на ту половину зала,— командовал голос.

Роджер подчинился, остановившись по приказу у закрытой двери.

— Попробуй здесь.

Роджер толкнул дверь и вошел. Дебелая леди с полным заколок ртом взвилась и в ужасе закричала на него. Роджер поспешно попятился.

— Это же женская комната,— присвистнул он.

— Дьявол, ты прав, парень,— прогрохотал рядом густой бас.

Гигантский полицейский смерил его враждебным взглядом с почти двухметровой высоты.

— Вы все у меня на виду, пташки, и советую запомнить, Домбровский работает чисто, следов не оставляет.— Верзила придвинулся к Роджеру, едва не задевая животом, и, понизив голос, спросил: — Ну а как там вообще, чего видать-то?

— Да все так же, как и в мужской.— Роджер перевел дыхание.— Примерно.

— Серьезно? Ну ладно, смотри не делай глупостей, парень.

— Само собой, шеф.— Роджер попятился и скрылся за соседней дверью, наставляемый голосом.

Из-за столика у стены поднялся пожилой негр.

— К вашим услугам, сэр. Почистить обувь, побриться, массаж? Или, может быть, быстренько постирать и погладить?

— Спасибо, не надо. Я тут только...

— Может, пропустим по маленькой для прочистки мозгов? — Он вытащил из кармана плоскую бутылку.

— Мне сказали, от туберкулеза лучше всего спасаться в Аризоне,— заметил Роджер.

Негр задумчиво посмотрел на него, снял крышечку с бутылки и, сделав большой глоток, вылил остатки в раковину.

— Ты прав, парень,— согласился он,— я как раз успеваю на два ноль восемь в Финикс,— и поспешно вышел.

— По крайней мере утешусь тем, что я здесь не единственный сумасшедший,— пробормотал Роджер.

— Давай. Еще одну дверь,— раздался голос девушки.— Прости, что немножко напутала. Я сильно торопилась, когда была здесь в последний раз.

— Бывает,— рассудил Роджер.— Но что ты делала в мужской комнате?

— Долго объяснять. Нет времени. Лучше открой дверь.

Роджер подчинился. В помещении не оказалось ничего, кроме водопровода.

— Немножко левее,— направлял голос.— Вот так.

Прямо над раковиной появилась и повисла в воздухе светящаяся полоска, источающая необычное зеленоватое сияние, ослепительное в темноте комнаты. Но как только Роджер немного нагнул голову, полоска исчезла.

— Обман зрения,— неуверенно произнес он.

— Нет. Это портал. Теперь слушай, что я хочу от тебя: напиши записку под мою диктовку и просто сунь в эту щель. Вот и все. Я уверена, записка попадет куда надо.

— Она попадет на местный канализационно-перерабатывающий завод,— запротестовал Роджер.— Это самый безумный способ доставки почты, какой я знаю!

— Подвинься чуть поближе к отверстию и увидишь, что все совсем не так просто, как кажется на первый взгляд.

Роджер послушно придвинулся. Полоска превратилась в ленту, переливающуюся всеми цветами радуги, как масляное пятно на воде. Приблизившись еще, Роджер увидел мерцающую рамку, которая, казалось, уходила сквозь стены в бесконечность. У него закружилась голова, и он попятился.

— Такое ощущение, словно стоишь на границе этого мира,— прошептал он.

— Ближе,— сказал голос.— Теперь быстро записку.

— Надо взять карандаш.

Роджер вышел в коридор, попросил у билетера на минутку огрызок карандаша и снова вошел в комнату. Он достал из кармана помятый конверт и разгладил.

— Давай быстрее,— попросил он.— Надо покончить с этим.

— Конечно. Начни так: «Дорогой С'Лант». Нет, лучше по-другому, скажем, так: «Технору второго уровня С'Ланту». А впрочем, «Дорогой технор» — удачнее.

— Я не знаю, как писать «технор»,— сказал Роджер,— и не очень уверен насчет С'Ланта.

— Не имеет значения. Давай сразу по существу: «Моя попытка пересечь осевой канал частично удалась. Новый музей вместе с системой восстановления и корректирования работают над созданием усовершенствованной расы, которая могла бы действовать как минимум в двух временных пространствах высшего порядка. Прошу способствовать перемещению неисправного аппарата на конечные координаты для вывода его из состояния временного стаза. К'Нелл, местный агент».

— Что все это значит? — поинтересовался Роджер.

— Неважно. Ты все успел записать?

— Я ничего не разобрал после слов «Моя попытка...»

Голос повторил сообщение, и Роджер записал его печатными буквами.

— Теперь опусти письмо в щель, и ты свободен,— произнес голос.

В этот момент в помещение ворвались двое служащих. Одним из них был билетер.

— Это он! — Билетер ткнул в Роджера пальцем, находясь в сильном возбуждении.— Я понял все, когда он попросил у меня карандаш и отправился в одно место. Это тот, кого вы ищете.

Другой служащий, стройный мужчина с пепельными волосами, по виду — точно агент ФБР, понимающе улыбнулся и подошел к Роджеру.

— Скажите, молодой человек, вы действительно пишете на стенах? — спросил он.

— Вы все поняли превратно. Я только хотел...— попытался протестовать Роджер.

— Не пускайте его назад, а то сотрет,— подзуживал первый служащий.

— Сообщение! — прозвучал в ухе нетерпеливый голос.

— Давайте-ка посмотрим на вашу работу,— дружелюбно предложил второй с пепельными волосами, решительно открывая дверцу кабины.

— Вы не поняли меня! — Роджер попятился.— Я только собирался...

— Держи его!

Первый служащий схватил его за один рукав, второй — за другой. Так как они пытались повести его вперед, Роджер, сопротивляясь, вырывался у них из рук.

— Я невиновен! — вопил он.— Это место еще до меня было все разрисовано.

— Несомненно.— Седовласый тяжело дышал.— Но я не хочу, чтобы у вас сложилось неверное впечатление, сэр. Я попечитель коллекции граффити в музее современного народного творчества. Мы ищем таланты для росписи нашей ротонды.

Роджер в пиджаке с оторванными рукавами отшатнулся.

— Берегись! — предупредил голос в ухе. Поздно.

Роджер почувствовал, как мерцающее сияние обволокло его, как он оказался в переливающемся всеми цветами радуги туннеле, и на какую-то секунду попытался удержать равновесие, махая руками.

В сплошной туманной серости до его слуха донесся мощный шум бурлящих водных потоков.

Неистовый круговорот захватил Роджера и выбросил в бездонную пустоту.

Глава 2

Он оказался на пляже. Это была первая мысль, посетившая его потрясенный рассудок. Сверкающее солнце играло в золотом песке. Роджер сел прямо и осмотрелся. Жаркий воздух дрожал, плыл. Сквозь его подвижную дымку Роджер различил изъеденные временем и ветром выступы розового камня. Танец воздуха что-то напомнил ему, но думать об этом было невозможно. Голова раскалывалась от боли. Сама боль тоже вызывала какие-то смутные воспоминания... Он машинально потянулся рукой к голове и нащупал кнопку в ухе.

— Что случилось? — прошептал он.

Ответа не было.

— Голос! — позвал Роджер.— Агент К'Нелл, или как там тебя?

Молчание.

«Ладно, будем считать, что мы почти в норме,— сам себя успокоил Роджер.— Мне бы только понять, где я... Возможно, я был в трехнедельном запое,— предположил он,— и только теперь алкогольный туман развеивается. Разумеется, я никогда не был пьяницей,— напомнил он себе,— может быть, поэтому на меня так сильно подействовало...»

Он неуверенно встал на ноги, покачиваясь, и огляделся по сторонам. Необъятное пространство песка. Он понял, что это не пляж. Какая-то пустыня, испещренная валунами, раскинувшаяся далеко-далеко. Вероятно, Аризона, думал Роджер, а дороги просто не видно. Как узнать, в какой стороне она проходит?

В нескольких метрах от себя он обнаружил огромный, изрезанный волнами камень. Подойдя к гиганту, Роджер взобрался на него. Стоя на самом верху, на высоте трех-четырех метров, он мог видеть пустыню на много миль вперед. На самом востоке, там, где кончался видимый мир, громоздились бледные скалы.

На севере пустой горизонт, на западе — то же самое, однако на юге однообразная равнина прерывалась каким-то оврагом. А овраг, как известно, предполагал присутствие воды.

— Пить,— прошептал Роджер,— то, что мне нужно.

Он сполз вниз и двинулся к темной линии оврага. Первые десять минут он уверенно шагал вперед, оставляя солнце слева, а огромные редкие камни слева и справа. Когда почва стала более твердой, он сбавил шаг, тщательно выверяя маршрут. Взойдя на небольшой холм, он приставил ладонь к глазам и стал обозревать путь. Овраг, до которого, по идее, оставалось совсем немного, скрылся из виду, но... Роджер закрыл глаза, давая им отдых, потом снова взглянул. Совершенно точно. Камень, на который он залез, чтобы увидеть овраг, находился в тридцати метрах от него, прямо на его пути.

Четыре раза Роджер Тайсон вставал спиной к камню и пытался уйти от него: дважды — на юг, раз — на север и раз — на восток. Но через пятнадцать минут неизменно возвращался к оставленному ориентиру, хотя при этом шел всегда прямо, так что ни о какой небрежности или невнимательности не могло быть и речи. Он готов был ручаться за это. Когда Роджер шагал на восток, солнце постоянно светило ему в лицо, но через четверть часа он все равно возвращался к вездесущему камню.

Опустившись на песок в тени гигантского валуна, Роджер закрыл глаза. Жара падала сверху, отражалась снизу, источалась сбоку от камня. От недостатка воды Роджер ослабел и обмяк. Если ничего не произойдет, он вряд ли протянет до заката — последняя его надежда. Правда, смерть вряд ли изменит что-либо. Так и останется он потерянным в этом пейзаже иллюзий... Так вот в чем дело! Значит, на самом деле никакой пустыни нет, есть лишь химера, порожденная воспаленным воображением. Осознав этот факт, Роджер решил, что если уж он сумел проникнуть в мираж, то ему ничего не стоит проигнорировать этот мираж. Упразднить. Роджер попытался подумать о самых обыденных вещах нормального мира: рекламных песенках, соблазнительных заведениях для туристов, американских каруселях, горках, хромированных бамперах, контактных линзах...

Он снова открыл глаза. Кругом по-прежнему безжизненная пустыня. Иллюзия или еще что-нибудь, но он крепко прилип к ней.

— Да черт побери! Это же невозможно!

Приступ здорового негодования поднял его на ноги. Здесь должен быть ключ — какая-нибудь неувязка неизбежно откроется внимательному взгляду. Он пойдет к камню и шаг за шагом исследует весь свой путь. На сей раз ориентиром был избран острый выступ скалы, находящийся как минимум в десяти милях от Роджера. Тайсон ступал медленно, осторожно, часто останавливаясь, чтобы получше рассмотреть почву под ногами. Он сам толком не знал, что высматривает, но одно было ему ясно: та ловушка, в которую он угодил,— теперь он размышлял именно в таких терминах — очень сильно напоминала аквариум для золотых рыбок. Глупая рыбка может сколько угодно суетиться, но невидимая стеклянная стена будет постоянно направлять ее в противоположную сторону, туда, откуда она только что приплыла. Здесь тоже стена, по-видимому неосязаемая, ограничивает три измерения сразу. Движение возможно двух видов: наперерез, в лоб, от стенки к стенке и вдоль круглой стены, что, конечно, труднее; так, как делают гуппи, плавающие в своей тюрьме по периметру, параллельно стыкам аквариума.

Что-то впереди привлекло внимание Роджера, какое-то отклонение от обычного пустынного пейзажа. После нескольких минут самого пристального наблюдения он смог дать себе отчет в происходящем: вещи, находящиеся прямо перед наблюдателем, смещались по мере приближения к ним вправо и влево. Само по себе подобное явление протекало вполне в рамках нормального перспективного эффекта, но та скорость, с которой вещи расползались, была подозрительна. Цепь скал, возвышавшаяся перед ним, разбегалась в разные стороны слишком быстро, а прямо по линии взгляда пространство дыбилось, колыхалось по вертикали. Стоило только ему остановиться — эффект пропадал; шел дальше — возобновлялся. Теперь он знал, что стена эта неосязаема, почти абстрактная плоскость, в которой происходит растяжение пространства. Вот показалась какая-то точка, с каждым шагом увеличивающаяся в размерах, пока не превратилась в знакомый камень... в нескольких десятках шагов... по дорожке. Он оглянулся назад — камня не было видно, где-то вдали смутной оранжевой грядой в свете заходящего солнца вздымались скалы.

— Ладно,— произнес Роджер вслух, его голос буквально потерялся в величии пустынного молчания.— Будем считать, что

это эффект линзы. Какая-нибудь четырехмерная пространственно-временная линза, если такое бывает. Название это, конечно, не слишком поможет мне, но зато я кое-что узнал.

Он оставил на песке метку и пошел к камню, считая шаги. Триста двадцать один. Роджер возвратился к метке. Проследовал по дорожке дальше, пока не увидел тот же камень. Остановился, стал считать шаги. Четыреста четыре с этого конца.

— Ну что ж, пока все не так уж плохо,— задумчиво бормотал Роджер, приближаясь к своему камню.— Феномен имеет фиксированный центр. Пусть аквариум и представляет собой сферу, он все равно должен иметь определенные размеры.

Роджер на секунду замедлил шаг, пытаясь схватить образ, оформляющийся у него в голове,— трехмерную реальность взяли за концы и завязали, получив выпуклое замкнутое пространство... так прачки завязывают простыню наподобие мешка...

— ...И моя задача заключается в том,— продолжал Роджер,— чтобы найти этот узел!

Когда мысль была исчерпана, он посмотрел вперед и заметил какое-то едва уловимое движение воздуха. Роджер плашмя бросился на землю, надежно спрятавшись за камнем. У валуна, где он пришел в сознание, появилась светящаяся полоска. Затем показались собранные в пучки металлические члены, а потом угловатое багровое, безголовое, одноглазое нечеловеческое туловище.

— Опять эта чертова Брюква.— Роджер чуть не задохнулся.— По-прежнему жив и хочет поймать меня!

Роджер пластом лежал на земле и наблюдал, как из прозрачного воздуха выныривает целое чудовище со всеми своими отростками. Это было похоже на театральное представление: примерно так же актер выскальзывает из-под невидимого для зрителей задника. Секунду чудовище в нерешительности покачивалось на своих пучкообразных низких лапах, которые как две капли воды походили на торчащую систему верхних отростков, потом двинулось прочь от скалы, внимательно изучая землю перед собой.

— Идет по моему следу! — ужаснулся Роджер.— Через каких-нибудь пять минут мне крышка.

Он вскочил на четвереньки и таким образом пробежал несколько метров, не спуская глаз с чудовища, которое быстро двигалось на своих пружинистых щупальцах. Выглядывая то тут, то

там из-за укрытий, Роджер следовал за монстром — единственный шанс оказаться впереди него. Приблизившись к камню, Тайсон заметил слабо мерцающий свет, исходящий от вертикальной линии. Казалось, маленький паучок сплел из света паутинку и протянул ее из другого мира...

— Это же портал! — Он чуть не захлебнулся от облегчения.— Мне совсем не хотелось бы возобновлять разговор с помешанным специалистом по туалетным росписям, но объяснять этому корнеплоду, для чего мне потребовался его самокат, хочется еще меньше.

Роджер осторожно приблизился к светящейся пульсирующей жилке и увидел, как она расширяется, быстро и нежно обволакивает его, словно мыльная пена, потом вновь раскрывается и пропадает у него за спиной.

Он стоял в темноте, небо прорезалось зарницами, как во время праздничных фейерверков. В воздухе что-то грохотало, гремело, ухало и время от времени взрывалось.

«Что-нибудь празднуют,— догадался Роджер, вдруг обратив внимание на то, что стоит почти по колено в холодной воде.— *Интересно, по какому поводу...*»

Он протянул руки и обнаружил, что находится в грязной, с почти отвесными скатами траншее, закрывающей его с головой. Мокрая стена окопа отражала какой-то слабый огонек впереди. Он пошлепал к нему, повернул направо и оказался перед обитой деревянными брусьями дверью, заваленной мешками с песком. Внутри за столом, сооруженным из перевернутых ящиков, сидели трое и резались в карты. Свет шел от свечки, прилепленной прямо к доске.

— Эй, малыш, заползай к нам,— пригласил один из играющих, молодой мужчина с болезненно-желтым, худым лицом, одетый в расстегнутый жакет горчичного цвета.— Большой Отто может ударить с минуты на минуту.

— Ну-ка, ну-ка, парень,— отозвался второй в подтяжках поверх шерстяной поддевки, шлепнув картой о стол,— может, тебе известно их чертово расписание?

Третий, верзила в серо-зеленом уставном кителе, аккуратно положил карту на доску и пыхнул своей огромной трубкой.

— А, ты есть новичок,— приветствовал он дружелюбно, говоря с явным немецким акцентом.— Как насчет покера?

— О нет, не сейчас,— ответил Роджер, нерешительно входя в зыбко освещенное помещение.— Послушайте, ребята, не могли бы вы сказать мне, где я? Понимаете, моя... машина сломалась по пути на... новое место работы...

Громкий смех заглушил объяснения Роджера.

— Новая работа, говоришь! — подмигнул тот, что в подтяжках.— Да здесь, кажется, только одна работа, парень.

— Хорошо, когда у человека есть чувство юмора,— согласился горчичный жилет.— Ты из какого подразделения будешь?

— Забавный камрад,— важно подытожил верзила.— Ты должен отгадать. Зачем гунн переходит улицу?

— Подразделения? — переспросил Роджер в сомнении.— Боюсь, что не из какого.

— Поперли, стало быть? Плохо дело-то... Ну, можешь здесь прилечь.

Его голос потонул в оглушительном грохоте, последовавшем после мощного взрыва, от которого задрожали стены землянки. Верзила-шутник смахнул со стола дымящийся осколок снаряда.

— Чтобы попасть на другую сторону,— пояснил он торжественно и продолжил: — А вот еще: один герр говорит другому: «Кто есть фройляйн, с которой я видел тебя прошлой ночью?»

— Что происходит? — спросил Роджер, пытаясь счистить грязь со щеки.

— Что там может происходить, малыш? Опять эти фрицы бомбят.

— Фрицы? Вы имеете в виду немцев? Что, разве началась война?

— Все ясно, контузия,— определил худосочный.— Плохо дело, хотя, может, это и к лучшему. Какое-то развлечение.

— И все-таки где я? — настаивал Роджер.— В каком месте?

— Не нервничай, парень, ты в хороших руках. Сен-Мишель, группа прорыва. Через пару минут перестанут бомбить, и тогда поговорим как следует.

— Прорыв? Сен-Мишель? — переспросил Роджер.— Но ведь это было в Первую мировую войну.

— Какую мировую войну?

— Первую. В тысяча девятьсот восемнадцатом.

— Верно, малыш. Двенадцатое сентября. Паршивый денек, скажу тебе. С удовольствием поменял бы его на другой, получше.

— Но это невозможно. Ведь сейчас тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год. Вы отстаете на две войны.

— Ну и ну — у парня поехала крыша,— прокомментировал тот, что в подтяжках.

— Эй, я не закончил свою загадку,— пожаловался верзила.

— Неужели возможно,— вслух размышлял Роджер,— что портал действует наподобие машины времени?

— Слушай, парень, лучше уйти с прохода! Стоял тут один, покрупнее тебя, до первого снаряда...

— Эта пустыня,— бормотал Роджер,— значит, это не Аризона, какая-нибудь древняя Аравия, например...

— Он бредит.— Обладатель подтяжек встал с ящика из-под боеприпасов.— Смотрите за ним, ребята. Может начаться припадок.

— С ума сойти! — Роджер глубоко дышал, оглядываясь.— Ведь я попал в самое настоящее прошлое. Дышу воздухом семидесятилетней давности. У них тут война в самом разгаре. Вильсон президентствует, и никто не слыхивал о ЛСД, телевидении, мини-юбках или летающих тарелках.

— Послушай, малыш, через несколько секунд...

— Парни, у вас впереди столько всего интересного,— с завистью произнес Роджер.— Война закончится в ноябре, так что до этого старайтесь не особенно высовывать нос, поберегитесь. Потом Лига Наций — она не оправдала возложенных на нее надежд — пришлось распустить,— из этого тоже ничего хорошего не вышло. Дальше, в двадцать девятом, капитально лопнет фондовая биржа — постарайтесь в этом году быстрее распродать все ваши ценные бумаги. Затем Великая депрессия и Вторая мировая война.

— Хватай его! Ему же будет лучше!

Когда обеспокоенные игроки поднялись со своих мест и окружили Роджера, он попятился и крикнул:

— Подождите минутку, я не сумасшедший! Столько всего сразу свалилось, что я просто слегка растерялся. Мне надо бежать.

— Ты еще не врубился, что здесь линия огня?

— Останется мокрое место, парень!

— Пригнись, малыш!

Казалось, воздух вдруг наполнился страшным свистом. Роджер выскочил наружу, в грязь траншеи. Звук падающего снаря-

да делался все тоньше и тоньше. Роджер, затравленно озираясь в поисках укрытия, наконец нырнул в отверстие портала, увидев радугу, распустившуюся вокруг него.

Он очутился на зеленом берегу маленькой речушки, солнце светило вовсю; на другом берегу притаилась массивная фигура — жалкая пародия на человека.

Несмотря на резко выраженную сутулость, чудовище стояло на всех восьми конечностях сразу: каждый кулак размером с боксерскую перчатку, косматая красно-коричневая шкура вся вымазана в грязи; шрамы сплошь покрывали широченное лицо и грудь, поросшую редкими волосами. За толстыми выпяченными губами проглядывали обломки зубов; маленькие глазки непрестанно бегали от Роджера к лесу и снова к Роджеру.

— Фу-ты,— прошептал Роджер.— Не та эра. Надо еще раз попробовать.

Когда он сделал шаг назад, существо поднялось и плюхнулось в речку.

Он изо всех сил стал пробираться сквозь лесные заросли, полный неистового желания увидеть сияющую полоску портала.

«Может, я слишком забрал вправо?» — предположил Роджер и тут же повернул влево.

Гигант уже наполовину переплыл реку, и каждое касание воды вызывало у него истошный негодующий вопль.

— Или влево?

Роджер судорожно хватался за ползучие стебли, корни, которые, казалось, протягивали к нему свои цепкие щупальца.

Тем временем монстр вылез из воды, остановился, стряхивая воду сначала с одной лапы, потом с другой... и, яростно рыча, двинулся дальше.

Роджеру удалось выбраться из чащи, и он, пробежав немного вперед, замер, не спуская глаз с тупоголового зверя, углубившегося в самые заросли.

«Спокойней, Тайсон,— увещевал он себя.— Ты не можешь позволить себе сорваться с резьбы. Околачивайся здесь до тех пор, пока чудовище не выдохнется, потом сматывайся в щель и...»

Со страшным ревом человекоподобное существо выпрыгнуло из зарослей и теперь отрезало Роджеру путь к спасению.

«Может, оно само испугалось до смерти,— теоретизировал Роджер.— Надо сделать вид, что я не боюсь его, и оно скроется, поджав хвост».

Он судорожно глотнул воздух, придал лицу яростное выражение и нерешительно выступил вперед. Результат не заставил себя ждать. Монстр бросился прямо на него, схватил несчастного обеими лапами, подержал на весу... Последнее, что видел Роджер,— это небо над головой, синеющее сквозь зелень листвы. Потом небо закрутилось, перевернулось, разбилось целым каскадом огоньков, которые, впрочем, скоро совсем погасли.

Глава 3

Очнулся Роджер в полутьме. Тусклый свет, пробивавшийся сквозь грубую рогожку, позволял различить низкий потолок, плавно переходящий в каменные стены, изъеденные водой. Чье-то морщинистое лицо со щетинистыми бакенбардами внимательно изучало его сверху. Роджер поднялся, скривившись от боли в голове; наблюдатель исчез, поспешно ретировавшись. Кажется, это существо не производило впечатления злобного. Но куда девался восьмилапый Гаргантюа со шрамами на морде?

— Лучше лежи смирно,— посоветовал старик надтреснутым, переходящим в шепот голосом.— Тебя хорошо тряхнуло.

— Вы знаете английский! — обрадовался Роджер.

— Полагаю, да,— кивнул старик.— Бимбо немножко поиграл с тобой, как с игрушкой. Тебе еще повезло, что он оказался в хорошем настроении, когда нашел тебя. Я волок тебя сюда, когда он уже закончил игру.

— Большое спасибо,— сказал Роджер, боясь пошевелиться, ибо каждое движение вызывало новую боль.— Не знаете, откуда этот синяк на боку?

— А, это Бимбо немножко попрыгал на тебе, когда бросил на землю.

— А где я успел ободрать локти?

— Наверное, когда Бимбо волочил тебя за ноги.

— Стало быть, и штаны я тогда же порвал?

— Да нет. Это уже когда я волочил тебя сюда, так как не смог поднять, слишком уж ты тяжел. Ты только не волнуйся. Скоро будет завтра, а завтра — не сегодня.

— Приятно встретить философа в таком месте.— Глаза Роджера начинали привыкать к полутьме.— Кто вы? Как очутились здесь, рядом с Бимбо?

— Я Люк Харвуд. Как сюда попал — толком не скажу. Вышел на землю размять ноги после плавания и попал, стало быть,

в дурацкий переплет. Последнее воспоминание — я пытаюсь высовывать голову на свежий воздух. Очутился здесь. Думаю,— он вздохнул,— Господь покарал меня за мои делишки в Макао еще в девятом году.

— Вы имеете в виду тысяча девятьсот девятый?

— Именно так, парень.

— Клянусь, вы не выглядите таким старым. Наверное, тогда вы были совсем малышом.

— Что интересно — я ведь никогда не пил. Бывало иногда, пропустишь рюмочку в компании... Думаю, меня хорошенько стукнули по башке. Не могу сказать, сразу я помер или протянул еще какое-то время.

— А где вы жили, когда были... живы?

— Маленький городок под названием Поттсвилл.

— Подумать только, именно в этом городе! Но... тогда ведь еще не могло быть автостанции?!

— Что-то я не уловил, парень.

— Наверное, станцию построили потом. Таким образом, портал существовал уже очень давно. Может быть, это связано с исчезновением людей. Об этом сейчас столько говорят. Люди сворачивают за угол и пропадают.

— Держу пари, все наши сейчас гадают, куда я задевался,— хмуро проговорил Люк.— Носатый Харвуд, так они называли меня, никогда не опаздывал, по мне можно было сверять часы. Вот уж не думал, что окончу свои дни на суше.

— Послушайте, мистер Харвуд, нам надо сматываться отсюда.

— Не выйдет,— резко сказал Харвуд.— Я ведь пробовал, и не один раз, поверь мне. Никакого выхода нет.

— Нет, есть. Тем же самым путем, что мы попали сюда. Это вниз по реке. Если бы вы могли показать мне то место, где я встретил Бимбо...

— Бессмысленно, дружище. Если уж тебя угораздило помереть и угодить в чистилище, то это надолго.

— Я понимаю, что после шестидесяти лет безуспешных попыток трудно поверить, что выход все-таки есть,— заметил Роджер,— но...

— Какие еще шестьдесят лет? — нахмурился Харвуд.

— Шестьдесят лет, которые вы провели здесь с тех пор, как попали сюда еще ребенком.

— Ты сбился с курса. Вчера истек двадцать первый день.

— Ладно, об этом поговорим позже.— Роджер решил оставить хронологию в покое.— Но куда делся Бимбо, хотел бы я знать?

— Да, наверное, после еды дрыхнет в своей берлоге, в миле отсюда. Бимбо в этом смысле как погода, никаких изменений.

— Отлично, мы попробуем проскользнуть мимо него и...

— Забудь об этом, дружище. Бимбо любит находить вещи там, где оставляет.

— Да наплевать мне на то, что он любит. Я выберусь отсюда раньше, чем он меня пристукнет. Вы идете со мной или нет?

— Послушай, малый, я тебя вытащил... Если бы ты знал, что тебе действительно нужно, ты бы...

— То, что мне действительно нужно,— это немедленно выбраться отсюда,— отрезал Роджер.— До свидания, мистер Харвуд. Было приятно с вами познакомиться.

— Уперся как пень,— проворчал моряк.— Ладно уж, если тебе так надо... пойдем посмотрим, чем все кончится, только запомни — если Бимбо тебя схватит, не брыкайся, его это бесит.

Осторожно они приподняли бамбуковую циновку и выглянули наружу. Кругом пыль и солнце. Из пещеры открывался вид на каменистую гряду, возвышающуюся над крутым лесистым склоном. Спуск, по всей видимости, предстоял долгий: вершины гигантских деревьев едва доходили до основания пещеры.

Харвуд на цыпочках вел Роджера по гряде. У входа в другую пещеру, более крупную, чем первая, старик остановился и быстро заглянул внутрь.

— Странно,— заметил он,— но Бимбо там нет. Где он может быть, интересно?

Роджер прошел мимо озадаченного моряка по тропинке, которая в этом месте резко уходила в сторону,— перед ним, лицом к лицу, стоял Бимбо.

— О,— только и вымолвил Харвуд при появлении Роджера... под мышкой у Бимбо. Мохнатая рука крепко держала беглеца.— Я смотрю, ты встретил его.

— Не стойте же просто так! — крикнул Роджер.— Делайте что-нибудь!

— Спасибо за напоминание,— поблагодарил Харвуд, развернулся и пустился наутек.

Бимбо тотчас же выпустил Роджера и помчался вдогонку. Это была недолгая пробежка, так как плато заканчивалось через каких-нибудь двадцать метров кучей свалившихся сверху камней.

— Спокойнее, Бимбо.— Харвуд сделал шаг назад, сжав в руке изрядный обломок камня.— Давай-ка возьми себя в руки и вспомни последний случай. Я ведь неплохо заехал тебе по губе!

Запугивание не удалось. Бимбо двинулся на моряка, испустил крик, когда камень угодил ему прямо в широченное рыло, схватил Харвуда и поволок его по земле. Роджер вскочил, подобрал хороший дубовый сук, догнал человекоподобного монстра и, собрав всю силу, ударил дубиной по гигантской голове. Бимбо проигнорировал удар, как, впрочем, и следующие три, но четвертый, по всей видимости, его раздразнил, и он, бросив Харвуда, завертелся на месте. Роджер подпрыгнул, нашел опору для руки и вскарабкался на выступ скалы. Когда он оглянулся, то увидел, что рука чудовища, растопыренная пятерня, схватила горсть камней из-под самых его ног. Он оттолкнул домогающиеся пальцы, вскарабкался еще на пару метров вверх и очутился на ровной поверхности. Прерывистое дыхание Бимбо, его пальцы, роющие землю, были уже совсем рядом.

Роджер стремительно огляделся, но подходящего камня не оказалось, и он очертя голову побежал. В это же мгновение над выступом показалась голова разъяренного урода.

Первые сто метров по редколесью Роджер преодолел в хорошем спринтерском темпе, стараясь убежать подальше от места старта. Он мало думал о производимом шуме, у него в ушах стояла тяжелая, всесокрушающая приближающаяся поступь Бимбо. Впереди оказалась яма, и он, резко свернув вправо, пробежал несколько десятков метров по возможности тихо и оказался на открытом участке. Где-то вдали замаячили знакомые горы, и сердце Роджера дрогнуло — впрочем, в пустыне перспектива выкидывала такие же коленца. Еще не все потеряно. Он продолжал свой бег, прекрасно понимая, что если Бимбо быстро догадается о задуманном маневре, то все его труды окажутся напрасными.

Роджер был уже на грани изнеможения, отсчитывая последние метры, оставшиеся до границы того, что он имел основания называть замкнутым кругом. Яма, у которой он недавно изменил курс, наконец-то оказалась впереди. Он свалился под куст, чтобы как-то успокоить дыхание, прислушиваясь к нещадному хрусту валежника, доносившемуся откуда-то справа, и хриплому рычанию расстроенного Бимбо, продирающегося сквозь чащу. Роджер сделал полный виток и по своим собственным следам вновь поднялся к горе, где была пещера. Внизу дюжина коренастых, волосатых полулюдей выбежала из укрытий и образовала около Люка Харвуда подобие рваного кольца. Старик сидел прямо, держась за бок.

Роджер перемахнул через выступ и быстро спустился в низину. При виде его аборигены бросились врассыпную, попрятавшись в бесчисленных пещерах. В отличие от Бимбо эти производили впечатление робких. Грязный и взлохмаченный Харвуд с трудом поднялся, безуспешно пытаясь остановить пальцем кровь из носа.

— Не надо было так, парень! Он не любит, когда ему мешают развлекаться.

— Я пропустил отличную возможность отправить его на тот свет,— проговорил Роджер, с трудом переводя дыхание.— Надо было забраться на гору и сбросить камень на его глупую башку.

— А.— Харвуд махнул рукой.— Этим ты бы только еще больше рассердил его. Лично я трижды убивал его, пока мне не надоело. Если бы ты шлепнул его, нам бы не поздоровилось, так что оставь это, дружище, не стоит связываться! Оставайся здесь и принимай все удары как подарки судьбы, как положено мужчине. Век это не продлится — хотя он так приноровился, что не устает развлекаться до заката... В любом случае он завтра придет, но если ты не слишком разозлил его, все забудется...

— К черту завтра, пошли немедленно. Я, кажется, на время сбил его со следа.

Внезапно сверху раздалось характерное хриплое мычание.

— Кажется, он снова напал на след,— прошептал Харвуд.— И тебе придется несладко, если...— В глазах старика читалась задумчивость.— Вниз по реке, говоришь?

— Смотря куда вниз,— резко ответил Роджер.

— Ладно, пошли! — сказал Харвуд.— Как-никак я тебе многим обязан, ты мне здорово помог.

Спустя пять минут Роджер и Харвуд стояли на берегу небольшой речушки, журчащей среди деревьев в самом низу обрыва,— все, что осталось от когда-то мощного потока, прорезавшего это ущелье.

— Там был очень удобный деревянный мостик... Огромная ель больше ярда в обхвате в трех метрах от берега,— вспоминал Роджер.

— А на дне белая галька, да? — быстро спросил Харвуд.

— Мне кажется... да.

— Тогда пошли сюда.

Когда они спускались к реке, до их слуха донесся страшный хруст — Бимбо приближался. Роджер на секунду опешил, затем огляделся.

— Да, мы нашли это место,— воскликнул он.— Я сидел у самой воды, справа, а ель была позади.

Он подошел к дереву, убрал низкорастущие ветви, заглянул вниз, в густой хвойный сумрак.

— Я ни черта не вижу,— проворчал Харвуд.— Слушай, пойдем наверх, пока не поздно, может, Бимбо еще простит нас.

— Это здесь,— повторил Роджер,— именно здесь.

— Не знаю,— мрачно ответил Харвуд.— Зато знаю, что Бимбо здесь.

— Займи его как-нибудь,— крикнул Роджер, когда гигант был уже в поле зрения и пыхтел что твой паровоз.

— Сейчас.— В тоне Харвуда слышался сарказм.— Я поскачу то на одной, то на другой ножке и этим отвлеку его на минуту-другую.

Неожиданно раздался страшный хруст сучьев и шелест листьев. Слева от Роджера показалась пара извивающихся металлических трубок, которые, казалось, нюхали воздух. Роджер увидел грязно-бордовую безголовую болванку, ту самую, от которой бегал по пустыне.

— Приперли,— Роджер задохнулся,— а ведь я уже почти...

Циклоп покрутил своим единственным глазом и скрылся в зелени, очевидно не заметив Роджера. Брюква ползла по прямой и оказалась на берегу, где несчастный Люк Харвуд выкидывал коленца, чтобы угодить Бимбо. Последний забеспокоился: глаза его забегали, верхние члены недоуменно задвигались. Он явно не знал, на ком остановить свой выбор: на старике или на непонятном существе, шевелящем паучьими лапками. Эти паучьи движения, казалось, не нравились Бимбо. Он замычал и ринулся в листву мимо озадаченного Люка. Брюква отодвинулась в сторону.

— Люк, сюда! — заорал Роджер, когда наконец увидел портал.

Харвуд, все еще со страхом следящий за Бимбо, ринулся на голос, который сулил надежду. Роджер поймал моряка за руку, втащил его в полоску света, которая расширялась, сияние окутало их, потом все исчезло — осталась лишь тьма вокруг.

— О господи! — воскликнул Люк.— Куда это мы попали?

— Понятия не имею,— отозвался Роджер.— Хорошо хоть не стреляют.

Он посмотрел по сторонам, сплюнул и растер ногой. Под ночными звездами лежало асфальтированное шоссе, ветер ласково шевелил верхушки деревьев. Застрекотал сверчок. Где-то вдали поезд испустил печальный вздох.

— Смотри-ка, свет.— Люк показал пальцем.

— Может, это дом,— предположил Роджер.— Может быть... Может, мы выскочили оттуда совсем?

— Ого-го-го,— захрипел Люк.— Могу себе представить, как мои ребята будут кататься по палубе со смеху! Думаешь, они поверят?

— Лучше заранее настройтесь на худшее,— посоветовал Роджер.— Мало ли какие изменения успели произойти за это время.

— Жалко, что у меня не осталось никаких доказательств,— посетовал Люк.— За последние три недели я дважды ломал руки, один раз ногу, потерял шесть зубов, четырежды был бит до смерти — и хоть бы одна болячка осталась для подтверждения!

— Надо все-таки отказываться от привычки все преувеличивать,— посоветовал Роджер.— Мы можем продать нашу историю газетам и получить кругленькую сумму, но от некоторых цифр придется отказаться.

— Все-таки забавно,— продолжал Люк.— Подохнуть — пара пустяков. Какая-то ерунда! На следующий день просыпаешься как ни в чем не бывало и начинаешь жить снова.

— Ничего удивительного,— сочувственно ответил Роджер.— В обществе Бимбо можно, пожалуй, и совсем свихнуться. Но хватит об этом, мистер Харвуд. Давайте отыщем телефон и попробуем договориться с каким-нибудь издателем.

Через пять минут они уже подходили к освещенному окну перестроенного фермерского дома, который возвышался над темным покатым склоном. Путешественники шагали по дорож-

ке, обсаженной цветами,— две полоски цемента, кое-где треснувшего, но ничего, год-другой еще протянет. Взошли по кирпичным ступенькам на широкое крыльцо. Роджер постучал. Ни звука в ответ. Он постучал еще раз, но уже громче. Теперь послышались чьи-то неуверенные шаги за дверью.

— Кто это... кто там? — раздался испуганный женский голос.

— Меня зовут Тайсон, мадам,— сказал Роджер в закрытую дверь.— Я бы хотел позвонить от вас, если вы не возражаете.

Замок щелкнул, дверь на дюйм приоткрылась, и показалось женское лицо — или, по крайней мере, часть его: большой темный глаз и кончик носа. Секунду хозяйка изучала их, наконец дверь распахнулась. Женщина средних лет, все еще привлекательная, стояла и как будто собиралась упасть. Роджер быстро приблизился к ней и поддержал за локоть.

— Все в порядке?

— Да... да... я... я... это так... я думала... Мне показалось, что я одна осталась на свете! — Она рухнула в объятия Роджера, сотрясаясь от истерического плача.

Через полчаса хозяйка успокоилась. Они сидели за кухонным столом, обжигаясь горячим кофе, и обменивались рассказами о своих приключениях.

— В общем, в конце концов я перестала выходить из дома и совершенно не жалею об этом,— сообщила миссис Видерс.— Мне кажется, это были три самых праздных месяца в моей жизни.

— Как же вы выдержали? — заинтересовался Роджер.— В смысле еды, например?

Миссис Видерс молча подошла к коричневому, под дерево, холодильнику и открыла его.

— Каждое утро он наполняется снова,— объяснила она.— Все одно и то же: три кусочка ветчины, полдюжины яиц, бутылка молока, немного салата, всякие остатки. И консервы. Одну и ту же банку кукурузы в сливках я съела уже, наверное, раз сорок.— На ее лице показалась улыбка.— К счастью, я обожаю кукурузу в сливках.

— А как же лед? — Роджер показал на полурастаявший блок в нижней части холодильника.

— Он каждый день тает и каждое утро намерзает снова. То же самое происходит с цветами: я ежедневно их срезаю и приношу в комнату, а утром они снова распускаются на одних и тех же стеблях. А однажды, открывая консервы, я довольно глубоко порезалась, однако утром все прошло, и никакого шрама. Сначала я каждый день отрывала страничку календаря, но она неизменно возвращалась. Понимаете, ничто не изменяется, ничто и никогда. Одна и та же погода, все то же небо, даже облака... Всегда один и тот же день — семнадцатое августа тысяча девятьсот тридцать первого года.

— Вообще-то...— начал было Роджер.— Проехали, не обращайте внимания.

— Оставь это при себе, сынок,— шепнул Люк, закрывшись ладонью.— Если ей приятно считать, что она живет на двадцать лет вперед, не мешай ей.

— А как насчет того, что сейчас тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год? Что скажете на это?

— Скажу, нелегко тебе пришлось, сынок. Крыша-то, видать, поехала...

— Я бы с этим, пожалуй, поспорил,— сказал Роджер,— хотя и не по всем пунктам.

— Что такое, мистер Тайсон? Что все это значит? — настороженно спросила миссис Видерс.

— Дело в том, что мы попали в какой-то капкан,— начал Роджер.— Не знаю, правда, искусственного или естественного происхождения, однако налицо определенные закономерности и ограничения. Некоторые из них мы уже знаем.

— Да,— кивнула миссис Видерс,— действительно, вы попали сюда из другого места. А можно рассчитывать на возвращение?

— Боюсь, вам бы это не пришлось по вкусу,— ответил Роджер.— Впрочем, я не думаю, что мы попадем опять туда же. Сам я еще ни разу не попадал в одно и то же место. Похоже, что существует множество клеток или камер, соединенных в одной точке — какой-то трубопровод в четвертом измерении. Если мы уйдем отсюда, то наверняка попадем в другую клетку. Но я надеюсь, что в конце концов мы выберемся из этой тюрьмы.

— Мистер Тайсон, скажите... я могу пойти с вами?

— Разумеется, если вам так хочется,— согласился Роджер.

— Мне очень хочется,— призналась миссис Видерс.— Но вы ведь подождете до утра?

— Я бы не отказался отдохнуть сегодня ночью,— произнес Роджер,— так как уже не помню, когда делал это в последний раз.

Полчаса спустя Роджер блаженствовал в чистой постели. Комната производила впечатление очень уютной. Он взглянул на часы: двадцать минут первого. Конечно, нелепо ожидать, что в полночь по местному времени произойдет что-нибудь физически ощутимое, подвластное, так сказать, законам физики, которые, как полагают, управляют миром, но тем не менее...

Время текло.

Нет, физически это никак не ощущалось — ни звука, ни света,— и все-таки что-то случилось. И именно в ноль часов двадцать одну минуту, поскольку Роджер успел посмотреть на часы. Он огляделся. По-прежнему темно, все как обычно. Он подошел к постели Люка Харвуда и заглянул ему в лицо. От шрамов и синяков не осталось и следа. Роджер потрогал свой больной бок и поморщился.

— Этот круг замкнут в пространстве и во времени,— пробормотал он.— Все возвращается к исходному состоянию через двадцать четыре часа. Все, кроме меня. Со мной — по-другому, синяки копятся. Такое вот дело. Что ж, остается надеяться, что завтрашний день будет чуть легче сегодняшнего.

Глава 4

Ясным ранним утром следующего дня все трое покинули дом, взяв с собой небольшой бумажный пакет с провизией и винтовку двадцать второго калибра, которую миссис Видерс прихватила вместе с тремя коробками патронов. На этот раз Роджер недолго искал таинственную щель.

— Лучше бы нам держаться покучнее,— предложил он.— Давайте возьмемся за руки, чтобы, по крайней мере, нас не разбросало по разным измерениям.

Миссис Видерс с готовностью протянула руки своим новым сопровождающим: мистеру Тайсону и мистеру Харвуду. С Роджером во главе трое шагнули вперед...

...И оказались в глубоком сумраке. Последний свет догорал на серебристых соснах, которые в полной тишине протягивали свои ветви, покрытые льдом. Роджер по колено провалился в глубокий мягкий снег. Морозный воздух щекотал ноздри.

— Да уж, это был короткий день,— проворчал Люк.— Вернемся обратно и попробуем еще раз.

— Я уже подумал об этом,— признался Роджер.— Ведь здесь, очевидно, ниже нуля.

— Давайте я сбегаю домой и принесу что-нибудь теплое,— предложила миссис Видерс.

— Думаю, не стоит,— ответил Роджер.— Вдруг придется попасть в место похуже этого. Раз уж мы здесь, для начала надо осмотреться. Пока все нормально. Метрах в двадцати вполне может оказаться дорога, а вон за тем подъемом — дом! Нельзя же убегать без разведки. Люк, вы пойдете сюда.— Он показал наверх.— А я посмотрю внизу. Миссис Видерс останется здесь. Мы скоро вернемся.

Люк кивнул и, недовольный, побрел в указанном направлении. Роджер похлопал женщину по плечу и углубился в чащу. Уши, нос и пальцы начинали ныть от мороза, словно их сильно сжали плоскогубцами. Дыхание превращалось в пар, и это мешало смотреть. Он не прошел и тридцати метров, когда наткнулся на срубленное дерево, припорошенное снегом. Не очень толстая сосна, у основания сантиметров тридцать—сорок в диаметре. Сучья в основном были обрублены и аккуратно сложены рядом. Судя по месту сруба — топор хороший. Роджер посмотрел, нет ли следов — следы виднелись, наполовину скрытые снегом.

— Повалили совсем недавно,— пробормотал Роджер.

Следы вели прямо вверх. Роджер пошел по следам, едва различая их в сгущающихся сумерках, и уже почти поднялся на вершину, когда услышал оглушительное «бум!», расколовшее белую холодную тишину.

Секунду Роджер стоял прямо, вслушиваясь в эхо, разбуженное выстрелом. Звук доносился справа, оттуда, куда должен был пойти Люк Харвуд. Роджер сорвался с места и побежал, ногами увязая в глубоком зыбком снегу и обжигая горло морозным воздухом. Впереди послышался невнятный шум, словно кто-то бежал по снегу.

— Подожди! — позвал Роджер, но вместо голоса раздался лишь слабый хрип. Неожиданно его охватила паника, но он подавил ее.— Надо выбраться,— прохрипел он.— Немного холоднее, чем я предполагал. Приморaживает. Найти Люка и быстро возвратиться к миссис Видерс!

Он постоянно спотыкался, окоченевшие руки и ноги не слушались. Продравшись сквозь запутанные обледеневшие ветки кустарника, он увидел скорчившуюся на снегу фигуру. Это был

Люк Харвуд. Он лежал на спине с зияющей огнестрельной раной в груди, а его невидящие глаза были уже припорошены снегом.

Поняв, что Люку уже не поможешь, Роджер повернулся и, спотыкаясь, побежал туда, где была оставлена миссис Видерс. Через десять минут ему стало ясно, что он заблудился. Стоя в сгущающейся тьме, он переводил глаза с одного ряда сосен на другой, ничем не отличающийся от первого. Крикнул, но ответа не услышал.

— Бедная миссис Видерс,— произнес Роджер, стуча зубами.— Буду надеяться, что она сумела возвратиться и не замерзла.

Роджер заковылял дальше. Он не помнил самого падения, но в какой-то момент вдруг ощутил себя лежащим в пушистом мягком снегу, в теплой уютной колыбели. Надо только поудобнее свернуться и немножко вздремнуть, а отдохнув... снова... попробовать.

Очнулся Роджер в постели у наполовину зашторенного окна, за которым брезжил бледный дневной свет. Над ним склонился высокий худой бородач.

— Ну, вот и проснулся, путешественник,— приветствовал Роджера Джоб Аркрайт.— А куда ты все-таки вчера направлялся?

— Я... я... я...— мямлил Роджер, с облегчением чувствуя себя целым и невредимым, хотя руки, ноги и нос ломило.— Что случилось? Кто вы? Как я здесь оказался? — И вдруг его осенило.— Где же миссис Видерс?

— С твоей женушкой все в порядке. Вон дрыхнет,— показал парень головой на верхнюю полку.

Роджер выпрямился.

— Скажите, это вы стреляли в Люка?

— Выходит, что я. Извиняюсь. Самому жалко. Друг твой, наверное, а я не за того его принял.

— Почему же? — настаивал Роджер.

— Смеркалось уже, ничего не было видно.

— Я имею в виду, зачем вам вообще потребовалось стрелять в человека, в того или не в того?

— Да я же, черт возьми, первый раз в жизни его видел. Никогда с ним не говорил, тем более вместе не охотились. Не встречал и не устраивал встреч.

— Я не о том хотел... ну ладно. Бедный Люк. Представляю, какие у него были последние мысли — наедине со снегом и ветром.

— Чего ж представлять — сам у него и спроси!

Незнакомец шагнул в сторону, и Роджер вздрогнул: перед ним очутился улыбающийся Люк Харвуд собственной персоной.

— Но вы же... умерли,— воскликнул Роджер.— Я видел это своими глазами. И в груди была рана размером с большой палец.

— Добрый пес если уж гавкает, то и цапнет,— заявил Аркрайт гордо.— Надо было видеть рожу Флая, когда я свалил его с ели метрах в тридцати от того места. Один из моих лучших выстрелов. Флай скоро придет, у него и спросите, как было дело.

— Я же говорил тебе, что здесь ничего не значит помереть,— шепнул Люк.— Джоб чисто сработал, в самую точку.

Роджер со стоном откинулся на подушку.

— Значит, мы все еще в ловушке?

— Да, но ведь могло быть и хуже. Хорошо еще, что Джоб догадался втащить нас в дом. Тебе, например, это спасло шкуру.

В дверь постучали. Стройная женщина, которую Роджер до этого не видел, впустила молодого полноватого парня со скомканным пальто в руках, чем-то явно возмущенного.

— Хорошо же вы поступили, брат Аркрайт, нечего сказать. По-христиански. Сначала застрелили, а потом оставили ночевать на улице! — говорил он, пока женщина принимала его пальто и стряхивала снег.

— Да просто не хотел, чтобы живые мешались под ногами,— без тени смущения бросил Джоб.— Скажи спасибо, что тебя сейчас впустили.

— Вы хотите сказать... вы застрелили этого человека? — хриплым шепотом спросил Роджер.— Сознательно?

— Ты прав, черт возьми. Я засек его, когда он уже подкатывался к Черити.— И добавил, понизив голос: — Это моя жена. Хорошо готовит, но немножко ветреная. А Флаю, знать, нравятся худенькие. Несколько дней подряд он все караулил ее, потом начал нахваливать ее кукурузную кашу, и я понял, что надо действовать.

— И сколько это тянется?

— Да всю зиму. И, черт возьми, это была долгая зима, парень.

— Не повезло тебе. Да и ему, наверное, было не сладко?

— А, не знаю. Но иногда ему удается первым схватить ружье... Правда, стрелок из него еще тот. Однажды он случайно задел Черити, так, ерунда, ногу царапнуло.

— Да уж, вам не позавидуешь.

— Так ведь и Черити раз подбила нас обоих. Правда, жалела потом. Говорила, что одной слишком скучно. Сейчас уж так не делает. Образумилась.

— Вы говорите... она может пальнуть в вас... и глазом не моргнуть? Просто взять и пальнуть?

— Ну да. Только мне кажется, что мужик не должен потакать всем бабьим причудам.

— О боже! Господь с вами!

— Мне не то что жалко помереть, а просто, если она останется вдовой... пойдут разные слухи, сам знаешь...

Тут к ним подошла сама Черити Аркрайт, держа поднос с чашкой, из которой валил пар.

— Джоб, ты бы шел топить печку, а я пока попотчую этого молодца овсянкой,— сказала она, наградив Роджера многообещающей улыбкой.

— Спасибо большое,— быстро ответил Роджер, отшатнувшись,— но мой желудок не принимает никаких каш. У меня на них аллергия.

— Слушай, приятель,— прорычал Джоб,— Черити отличный повар. Надо хоть немного попробовать.

— Я верю, что каша замечательная,— уверил его Роджер,— но мне просто не хочется.

— Ты, кажется, хочешь обидеть меня, приятель!

— У меня такого и в мыслях не было. В детстве меня так неудачно накормили овсянкой, что я до сих пор боюсь ее пробовать.

— Обещаю, я помогу вам с этим,— предложила Черити с видимым участием в глазах.— Я варю кашу так, что она просто тает во рту.

— Послушай, миссис Черити, что я тебе скажу,— вмешался Люк Харвуд.— Обещаю съесть двойную порцию, чтобы тебе не было обидно.

— Не торопитесь, мистер,— сурово осадила моряка женщина.— Придет и ваш черед.

— Слушай, приятель,— позвал Роджера Джоб,— твоя краля проснулась. Наверное, проголодалась?

— Нет, нет, она не ест такое,— воскликнул Роджер, выскакивая из постели, забыв, что на нем нет ничего, кроме нижнего белья, явно не его размера.— Дайте же мне мою одежду! Люк, миссис Видерс, идите скорее сюда!

— Не спеши, приятель. Ты первый новый человек, появившийся в этих местах, не помню уж за какое время. Что же ты убегаешь, даже не позавтракав толком?

— Это не просто завтрак и меня не слишком прельщает перспектива узнать вас поближе, добрый пес, сначала гавкающий, а потом и кусающий! Кроме того, нам надо скорее выбраться из лабиринта, а не торчать здесь, любуясь на снег за окном!

— Проклятье! — не выдержала Черити.— И это говорят мне, лучшему кашевару Западной Миссури! Не думала, что доживу до той поры, когда моя овсянка окажется в такой низкой цене!

— Мистер, сдается мне, что тебе надо хорошенько объяснить, что такое гостеприимство переселенцев,— предупредил Джоб и, нахмурившись, снял с косяка обрез немалого калибра и направил дуло в лицо Роджера.— Сдается мне, никто не выйдет отсюда, пока не попробует кашу.

— Я согласен,— сказал Люк.

— С чем вы будете есть, просто так или со сметаной и сахаром?

— Господи, неужели все эти разговоры из-за какой-то каши? — спросила миссис Видерс, поднявшись со своего места.— Давайте я быстренько сделаю блинчики по-французски.

— Я никогда еще не пробовал французских блюд,— задумчиво произнес Джоб,— но мне бы хотелось...

— Хорошенькое дело,— взорвалась Черити.— Им, видите ли, не по вкусу старая добрая овсянка!

— Не будем спорить,— примирительно сказала миссис Видерс.— Если в доме больше ничего нет...

— Ах ты, дохлятина городская! — Черити взвилась и бросилась на соперницу.

Роджер вскрикнул и попытался разнять женщин, но в это время Джоб вскинул обрез и пальнул. Пуля попала под ребро Черити, так что она волчком закрутилась на полу.

— Вот-те на...— только и смог выговорить Аркрайт.— Я ведь не хотел...

В руках Флая неожиданно оказалась двустволка, и прогремел второй выстрел. Бородатый переселенец повалился назад, открыл головой дверь и плашмя упал в снег. Когда Роджер поднялся на ноги, в дверном проеме показалось знакомое уродливо-амфорное туловище с подпрыгивающими металлическими лапками. В домик заползало огромное, кирпично-красное, трубовидное, одноглазое и многорукое тело.

— На помощь! — закричал Роджер.

— Да хранят нас святые отцы! — завопил Люк.

— Вельзевул! — заблеял Флай и вторично разрядил двустволку под прямым углом, на этот раз в монстра.

Пуля, смачно врезавшаяся в упругую плоть, вызвала целый сноп красных искр, но, видимо, нисколько не повредила Брюкве.

Чудовище повернулось и, сфокусировав свой глаз на пасторе, бросилось на беднягу, возбужденно суча протянутыми лапками. Роджер обеими руками схватил тяжелый стул, поднял его и со всей силы опустил на тупую голову монстра. Удар свалил чудовище, гигантское туловище закружилось по полу, подобно молочной бутылке, потом дрогнуло конечностями, остановилось и затихло в полной неподвижности.

— Ну что, может, подождем еще? — бросил Роджер в тишину.

— О, я пойду с вами,— заскулил Флай.— Сатана завладел этим домом, несмотря на мои молитвы!

— Это нельзя оставлять здесь,— сказал Роджер, показывая на Брюкву.— Надо это безобразие оттащить куда-нибудь, иначе мы приготовим супругам Аркрайт хороший утренний подарок.— Он сдернул с кровати простыню и завернул в нее чудовище.

— Тебе, девочка, лучше оставаться здесь,— посоветовал Люк миссис Видерс.— Никто не знает, что нас ждет в следующем круге.

— Остаться здесь! С ними!

— Не бойся, к утру они оживут.

— Как раз этого я и боюсь больше всего на свете.

— Тогда возьми накидку Черити.

— Мы оставим теплую одежду около портала,— рассудил Роджер,— а утром их вещи окажутся на месте.

— Я бы оставила им горшок супа,— сказала миссис Видерс, перед тем как они вышли в морозную ночь.— Наверное, мистер Аркрайт уже устал есть одну и ту же овсянку!

Студеный ветер скреб обмороженное лицо Роджера не хуже наждака. Тайсон обмотал одолженный шарф вокруг шеи и головы, подхватил спеленатого монстра с самой тяжелой стороны и повел своих друзей в темноту леса по утренним следам Люка.

Снег валил стеной. Путь до щели занял пятнадцать минут. Все, кроме Флая, скинули теплые вещи. Роджер, взвалив узел на плечо, дал руку миссис Видерс. Люк и Флай дрожали сзади, как дети, изображающие пляску скелетов.

— Жаль, что мы не можем оставить им даже записки,— посетовал Роджер.

Они приблизились к мерцающей полоске, которая тут же расширилась, поглотив их, и вскоре компания оказалась на пляже среди красных песков, под палящим солнцем.

Глава 5

Флай бросился на колени и, сцепив пальцы, высоким пронзительным голосом вознес хвалу Всевышнему. Люк с интересом глазел по сторонам, а миссис Видерс стояла, обхватив себя руками, и пыталась справиться с дрожью. Роджер сбросил ношу с плеча и с ужасом обнаруживал все новые и новые признаки наступающей страшной жары. Солнце, пройдя лишь половину пути до зенита, уже бросало ослепительные лучи на неспокойные голубоватые воды, песок и камни.

— Никаких признаков жизни,— констатировал Люк.— Как ты думаешь, Роджер, где мы?

— Трудно сказать. Может быть, в тропиках, только непонятно, где именно.

Тайсон опустился на колени и впился глазами в почву. Никаких водорослей, никаких насекомых. По сухому рыхлому песку он подошел к воде, наклонился и, зачерпнув в пригоршню, попробовал на вкус. Вода оказалась на удивление пресной и безвкусной. Ни одной рыбешки не было видно в прозрачных волнах, ни единой водоросли не налипло на камнях, лишь мерно колыхались зловеще пустые воды.

— Даже ракушек не видно,— известил Роджер.— Только волны.

Он собрался было вернуться к спутникам, когда вдруг совершенно явственно ощутил всю силу палящего солнца, его почти осязаемо давящий вес. Он сделал глубокий вдох и едва не задохнулся. Казалось, его окружала раскаленная пустота.

Рядом корчился Флай в зимнем одеянии. С его уст уже не слетали слова молитвы, лицо сделалось красным, рот открывался и закрывался, как у рыбы. Люк с трудом выдерживал тяжесть вдовы, бессильно упавшей на него.

— Назад,— закричал вдруг Роджер, срываясь с места,— все назад! Гиблое место! — Он подбежал к группе, взял женщину за руку.— Хватай Флая! — приказал он с трудом Харвуду.

Он взвалил узел на плечи. В глазах уже стало темнеть, и в клубящемся тумане забегали маленькие огоньки. Рванувшись вперед, он нашел портал и практически упал в него.

Роджер лежал в теплой зловонной воде, по локоть в мягкой тине, и жадно вдыхал влажный, подвижный воздух. Огромная стрекоза с марлевыми крыльями длиной в человеческий локоть стрекотала, как электрический вентилятор, зависнув в двух шагах от него над удивительными цветами с толстенными, в палец, стеблями. Стоило ему сесть, и жутковатое насекомое улетело, переливаясь в лучах предгрозового солнца крупным зеленовато-полированным туловищем.

Рядом, весь выпачканный в вонючей грязи, пытался встать на ноги Люк, чтобы помочь даме. Флай барахтался в сероводородной жидкости, старательно отплевываясь.

Среди превосходящих его ростом камышей Роджер не видел ничего, что нарушало бы эту монотонную тростниковую протяженность.

— Вероятно, это промежуточная эра между эпохами формирования гор,— предположил он.— Тогда на планете практически не было сухих мест. Хорошо еще, что нам не пришлось долго тащиться по этому болоту. Несложно и утонуть.

Вдруг где-то совсем близко что-то яростно ударило по воде. Поскольку тростник рос достаточно густо, для всех осталось загадкой, что было источником шума, но до удивленных путешественников долетели брызги откуда-то футов с двадцати, а потом дошли и волны.

Где-то ухнула сова, глубокий звук напомнил бы моряку позывные туманного горна с корабля. Звуки неведомой борьбы или

возни стали более явственны, шум приближался. Когда Роджер пробрался к порталу, его взору представилось отвратительное зрелище: гигантский змей набрасывал свои кольца на короткорылого крокодила, мощные челюсти которого сжимали извивающуюся гибкую плоть своего врага. Сражающаяся пара медленно продвигалась сквозь камни, окрашивая бурлящую воду в кроваво-малиновый цвет. Роджер схватил вдову за руку и прыгнул в рамку портала. Снова сияние...

И... на них полился холодный дождь. Противный ветер бросал воду прямо в лицо. Сквозь непроницаемую стену ливня проступали очертания нескольких палаток или шалашей. Насквозь промокшее покрытие — по виду шкуры,— испещренное примитивными символами, вздымалось и опускалось на ветру.

— Не слишком уютно,— прокричал Люк, соперничая с раскатами грома.— Давайте сразу уйдем отсюда без всякой разведки.

— К чему торопиться? — рассудил Роджер.— Есть предположение, что нам удалось вырваться из ловушки...

Он осекся. Из ближайшей палатки показалось бородатое, смуглое человеческое лицо. Как только глаза их встретились, мужчина тут же скрылся, но через секунду появился вновь, перепоясанный кривым коротким мечом, и с воплем ринулся на них. Мгновенно придя к общему решению, путешественники взялись за руки и снова нырнули в мерцающую полоску.

Они очутились на огромном пастбище, на котором паслась бесчисленная дичь, парили, кружа над головами, коршуны и грифы.

Люк и миссис Видерс стояли рядом с порталом, чтобы не потерять его, а Роджер и Флай — последний по-прежнему был запакован в пальто и нещадно потел — бороздили море гигантской, достающей до подбородка травы. Через пятнадцать минут они подошли к порталу с противоположной стороны.

— По-прежнему в капкане,— сообщил Роджер.— Вернемся.

И они вновь прошли сквозь мерцающую щель...

И оказались на склоне горы; под ними простиралась обширная равнина, а еще ниже едва блестело озеро. Пройдя несколько метров, они поняли, что находятся в тундре; где-то вдалеке, опустив головы на сильном ветру, паслись стада огромных косма-

тых зверей. Затем они по колено провалились в ледяную воду, а рядом маячил островок цвета плесени, над которым с криками кружили морские птицы. Дальше — узкое, поросшее густым кустарником ущелье, которое, как оказалось после разведки, проведенной Роджером, было замкнутым. Около грязной реки — целая чаща тростника, а над ней — серое, влажное небо.

— Надо же, сколько на Земле разных ландшафтов! — с трудом переводя дыхание, молвил Люк, когда они, после пятнадцатиминутного пути вброд, снова пришли к месту старта.

— Надо сделать еще одну попытку,— сказал Роджер.— Оставаться здесь бессмысленно.

Он ловко прихлопнул огромного комара, самого любопытного из тех, что пищали над их головами. И снова портал...

И теперь уже... целое поле цветов под благодатным небом. Горы с белоснежными шапками и зеленые внизу плотно обступали это райское место. Небольшие водопады, сбегающие по лысым скалам, поили чистые ручейки, бороздящие долину вдоль и поперек.

— Как здесь чудесно,— воскликнула миссис Видерс.— Роджер, Люк, может быть, мы задержимся здесь?

— Сказать по совести, я уже по горло сыт этими переменами климата,— поддержал женщину Люк,— и конца этим переменам не видно. А разве мы хоть на локоть приблизились к выходу из лабиринта?

— Меня это устраивает,— согласился Роджер.— К тому же хочется есть. Давайте соорудим костер и как следует пообедаем.

После еды миссис Видерс пожелала собирать маки и лютики, и недовольному Люку пришлось ее сопровождать. Роджер растянулся в траве рядом с порталом, а около него пристроился Флай.

— Мистер Роджер,— начал неловко проповедник, когда остальные отошли подальше.— Я бы хотел предложить... закрепить между вами и мной конфиденциальный... договор.

— О чем?

Флай подвинулся ближе.

— Как видите, ваша недюжинная сила все же не властна над моей душой. Пытайтесь как угодно совлечь меня в преисподнюю, и я все равно не поддамся, поддерживаемый своими молитвами и добродетелью.

— Хорошенько намотай себе на ус, Флай,— отвечал Роджер,— твоей душе ничего не угрожает, пока я жив. Я хочу лишь выбраться отсюда.

— Ага, и привести всех назад в преисподнюю, откуда вы сами родом! — прошипел Флай.— Думаете, я не чувствую адский запах серы, исходящий от вас и вашего чертова дружка, Люка, принявшего человеческий образ? Думаете, я не заметил, как вы вели себя вдвоем в присутствии того страшного демона, вызванного вами же для того, чтобы погубить Джоба Аркрайта и его супругу? — Его глаза уставились в одну точку.— И думаете, я не понял, почему вы с таким упорством несли его чертовы останки в мешке?

— Флай, ложись спать,— посоветовал Роджер.— Я бы на твоем месте пользовался каждой свободной минутой.

— Я молился и снова молился, я старался блюсти чистоту, и, быть может, благодаря этому мы избежали тропы, уготованной вами; и мне сейчас пришло в голову, что нам стоит прийти к какому-то соглашению, ибо мы в силах истощить друг друга. А я склонен дорожить теми днями на бренной земле, которые мой Господь подарил мне для борьбы с грехом.

— Говори по существу,— резко оборвал Роджер.— Что ты хочешь?

— Возьми себе женщину. Пожалей меня. Возврати меня на землю, и я перестану проклинать тебя.

— Ты удивительный человек, Флай,— медленно проговорил Роджер, внимательно рассматривая ангелоподобное лицо, глаза, исполненные тревоги.— А может, мне больше хочется взять с собой тебя, а Оделию оставить в покое?

— Нет, демон. Труды мои еще нужны в этом грешном мире, и я не могу согласиться на такую уступку силам тьмы.

— Твоя забота о людях весьма умилительна,— изрек Роджер,— но...

Он замолк, так как глаза грехоборца вдруг остановились на чем-то, расширились, наполняясь ужасом.

Флай вскочил, тыча куда-то пальцем. Роджер обернулся. На опушку леса в сорока метрах от них выходил косматый бурый медведь. И теперь он шел на людей, решительно и бесповоротно.

— Сдаюсь! — завопил Флай.— Огради меня от этого нового демона! Я согласен идти за тобой, помогать тебе в твоих ковар-

ных замыслах! Возьми женщину! Нет, я сам буду помогать тебе! Я не стану больше бороться с тобой!

— Заткнись, болван,— прикрикнул Роджер.— Люк! — позвал он.— Хватай миссис Видерс и, пока не поздно, ныряйте!

Люк и миссис Видерс побежали. Медведь, привлеченный быстрым движением, припустил за ними галопом.

— Флай,— закричал Роджер,— помоги мне отвлечь его, пока они не добежали!

Краем глаза он успел заметить, что несчастный пастор рванул в противоположном направлении. Потом он увидел, как тот поднял мешок и, покачиваясь от тяжести, направился к порталу.

— Не делай этого, Флай! Монстр может попасть к беззащитным людям!

Роджер схватился за простыню с другого конца, но Флай упорствовал, обнаружив недюжинную силу. Некоторое время каждый тащил мешок в свою сторону; Флай, весь красный, непрестанно взывал к Всемогущему, Роджер то и дело бросал взгляд через плечо, видя с одной стороны стремительно приближающегося зверя, а с другой — справа — быстро бегущих Люка и Оделию Видерс. Неожиданно он поскользнулся. Какая-то сила закрутила его, и он потерял равновесие. Попятившись, Роджер увидел сияние портала, расширяющееся по мере его приближения, увидел красную физиономию Флая, Люка и вдову сзади, а снизу — распахнутую пасть хищника.

Свет пропал...

Все стало серым. Роджер попытался удержаться, балансируя на кончиках пальцев, но тщетно. Чья-то гигантская рука стиснула его тело, подняла вверх, сделала круг и поставила на сверкающий белый пол удивительно светлой, огромной комнаты.

Он пребывал в оцепенении, созерцая смутные очертания удивительного сияющего аппарата, куполовидный потолок, похожий на подернутое дымкой, матовое небо, слушая приятный монотонный шум работающей машины, которым, казалось, был пронизан самый воздух.

Потом Роджер заметил стоящих поодаль людей, их превосходные фигуры, подчеркнутые цветом и покроем спецодежды, их проницательные взгляды.

Один из них приблизился к Роджеру, издал резкий горловой звук и пытливо посмотрел ему в глаза.

— Я слышал, что азиаты так делают после еды,— с трудом выговорил Роджер, находясь в состоянии, близком к истерике,— но никогда не думал, что так можно приветствовать!

— Хм, модель реагирует. Субъект или не понимает, или делает вид, что не понимает. Перехожу на старый обычный.— Он внимательно посмотрел на Роджера.— Я советую тебе не делать никаких сложных ментальных усилий, в противном случае нам придется воздействовать на твои болевые центры на девятом или более высоком уровне. Для справки: на тебя направлены дезорганизующие лучи.

— Б-бу...— ответил Роджер.

— Твое поведение удивило нас,— продолжал человек бесстрастным мелодичным голосом.— Мы следили за твоими действиями из музея. Твое поведение представляется нам бессмысленным. Поскольку это не сочетается с определением тебя как личности, то остается принять, что порядок сложности твоего поведения превышает разрешающие возможности нашего кибернетического анализа. Поэтому необходимо задать тебе ряд вопросов. Вот почему мы пошли на риск изъятия тебя из канала.

— Мое поведение? — Роджер задыхался и говорил с трудом.— Послушайте, ребята, вы, наверное, что-то путаете?

— Ты по-прежнему распространяешь волны примитивного страха,— констатировал исследователь.— Эта тактика проволочек недопустима.— Резкая вспышка боли откликнулась во всех членах Роджера.— По какому принципу ты выбирал путь? — последовал вопрос.

— Да не было никакого принципа.— И Роджер вскрикнул от новой боли.

— Хм. Его жесты соответствуют развитию на уровне двенадцатого порядка,— изрек второй голос,— что еще более усложняет ситуацию.

— Само появление его именно в этом узле представляет наибольшую загадку,— произнес кто-то.— Оно предполагает фактор трансцендентного управления, который в наших вычислениях мы не учитывали.

— Вне всякого сомнения, мы имеем дело с индивидом исключительной прочности. Его организм выдерживает прямые психофизические воздействия и не поддается мутации,— присовокупил

человек, покрытый какой-то голубой пудрой,— иначе ему бы просто не удалось выполнить задание, каким бы оно ни было.

— В таком случае нелишним будет попробовать мозгорасщепляющую операцию,— предложил лимонно-желтый красавец.

Раздался негромкий щелчок, и тупорылый аппарат, похожий на гигантскую бормашину, завис прямо над Роджером.

— Подождите минутку! — Роджер попытался освободиться, но понял, что неведомая сила парализовала его, пригвоздила к месту.— Какой смысл в этом? — Он опять начал задыхаться.— Выпустите меня отсюда! Поверьте мне, я был очень нужен на своем месте. Может быть, я был на пути к самой высокооплачиваемой и самой легкой работе в мире! Может быть, я спешил на свадьбу с самой богатой и прекрасной женщиной Среднего Запада! Может быть, я ехал в Вашингтон с сообщением государственной важности!

— Настоящий крик сознания! — восторженно констатировал малиново-розовый, следя за показаниями приборов.— Если я не ошибаюсь — это самый загадочный идиот с интеллектуальным показателем около ста сорока!

— Так и есть,— согласился Роджер.— Вот теперь, возможно, мы поймем друг друга. Джентльмены, я не знаю, за кого вы меня принимаете, но я не тот, кто вам нужен. Я Роджер Тайсон, искатель приключений.

— Спокойнее,— ласково и тихо сказал голубоватый.— Не собираешься ли ты убедить нас в случайности своего сегодняшнего появления в музее накануне пробной остановки долгожданной миссии в точке ноль по временной оси?

— Именно это я и хочу сказать,— вскричал бедняга с жаром.— Если уж вы ждете от меня правды... то я даже не знаю, где я, и даже...— Роджер, казалось, сам удивился собственному сообщению,— в каком времени я нахожусь.

— Наша эра — двадцать третья декада после тотальной унификации, то есть примерно две тысячи двести сорок девятый год по старому календарю.

— Три столетия в будущем? — Голос изменил Роджеру, и он с усилием проглотил комок в горле.— У меня было подозрение... Надо было, конечно, знать...

— Мы опаздываем, С'Лант,— вмешался человек в бордовом.— Время старта приближается. Ну-ка, парень, быстро отвечай, какова твоя миссия?

Ощущение в позвоночнике, чем-то напоминающее зубную боль, заставило Роджера предположить, что произошли какие-то изменения. И действительно, в группе стоящих сотрудников возникло едва приметное движение.

— Объясни природу сил взаимотяготения, лежащих в основе Ро-фактора?

Тяжелый ботинок наступил на кончик его длинного хвоста, который Роджер вдруг с удивлением обнаружил у себя.

— Дай определение сущности и регулировки матриц пульсоводов.

Роджеру произвели ампутацию рожек. Сами рога — это, конечно, химера, как понял Роджер сквозь боль, но ощущение оказалось очень даже реальным.

— Перечисли все системы координат для силлогистических манипуляций и назови показатели осевых вращений!

Огромный железный шар, которым сносят дома, выплыл откуда-то и расплющил Роджера в лепешку.

— Хм, мне кажется, вся эта процедура попахивает криминалом. Можно справиться — кассета девятьсот восемьдесят семь, код социальной мотивации! — шепнул кто-то Роджеру на ухо.

— Я требую адвоката! — возопил он.

— Что? — спросил человек в голубом, поворачиваясь к своему желто-зеленому помощнику.— Р'Хит, быстренько проведи семантический анализ последнего высказывания по четвертому и двенадцатому модулям. Обрати особое внимание на сопутствующие резонансы второй категории.

— Это беззаконие! — продолжал кричать Роджер.— Могу сослаться на кассету, э... девятьсот восемьдесят семь, код, э... социальной мотивации!

— Как так? — Человек по имени С'Лант просверлил Роджера взглядом.— Откуда тебе известно о существовании кода?

— Какая разница! — шептал невидимый голос.— Беззаконие всегда остается беззаконием!

— Не важно,— повторил Роджер.— Беззаконие всегда беззаконно.

— Ну... что касается данного пункта... Даже если случай критический, это еще не значит, что надо прибегать к тоталитарным методам!

— Вот именно! — Роджер яростно закивал головой.— Даже в критических условиях нельзя опускаться до методов Гитлера!

— Я не знаю, С'Лант,— заговорил розовый оператор, сидящий за приборами.— Все эти заявления тяготеют к сектору интеллектуальной неполноценности. У меня есть подозрение, что мы могли допустить ошибку.

— Ты хочешь сказать, это не наш агент?

— Да конечно же нет! — заорал Роджер.— Я всего лишь сбившийся с пути странник — Роджер Тайсон!

— Тогда почему он так сильно воздействует на наши гамитронные детекторы?

— Наверное, надо отрегулировать варпиляторы,— подсказывал голос.

— Проверьте лучше варпиляторы,— быстро повторил Роджер.

— Э... неплохая мысль... А...

— А уж если по-настоящему, надо бы получше откоординировать трансфрикативные стержни.

— И не забудьте о трансфрикативных стержнях!

— Откуда ты знаешь столько названий технического оборудования Первой культуры? — В голосе С'Ланта появились обвинительные нотки.— Может, ты из будущего и занимаешься историей...

— Верно, это подойдет. Как вы догадались, что я из будущего?

— Любопытно, ведь он может рассказать, что нас всех ждет.

— Действительно, звучит заманчиво,— поспешил согласиться С'Лант.— Скажите, сэр, как решится судьба «Дженерал минералз» на большом совете в пятидесятом году?

— Есть ли жизнь в илистых почвенных образованиях на Венере?

— Освободят когда-нибудь трассу Марс—Земля от мемориального астероида Л. Б. Джей?

— Мне нелегко говорить, когда меня парализовали и свернули шею,— заметил Роджер.

— О боже, простите меня, сэр!

С'Лант щелкнул выключателем, и Роджер почувствовал себя освобожденным.

— Р'Хит, принесите гостю стул. Как насчет нескольких граммов медицинского алкоголя?

— Что ж, спасибо, не откажусь.— Роджер принял стаканчик, опустился в кресло, ощутив под собой непонятное движение — кресло приспосабливалось к его формам.

— Ну а каковы итоги пятьдесят вторых выборов...

— Да, первой пришла темная лошадка.— Роджер импровизировал.— А как вот насчет того, чтобы меня отсюда выпустить?

— Одобрен ли билль о бессмертии?

— Большинством голосов. Если вы ничего не имеете против, я бы хотел, чтобы вы доставили меня на окраину любого города.

— Меня интересует отчет экспедиции Альфа-три.

— Плотный туман.— Роджер был скуп на слова.— И если вам действительно все равно, я бы предпочел отправиться сейчас, прежде чем...

— Удивительно! Ты слышал, Р'Хит?! Плотный туман! Невероятно!

— Что известно истории о постах, занимаемых С'Лантом, технором четвертого класса?

— Вас ждет ошеломляющая карьера. Не сможете ли вы подбросить меня в Чикаго? У меня там двоюродный брат. Ну, не то чтобы двоюродный брат... в общем, он приходится братом одной девушке, обрученной с парнем, который потом женился на сестре брата ее мужа,— ну, вы понимаете меня.

— Неужели в моде опять будут укороченные жакеты? Они выглядят неплохо, конечно, если у девушки хорошая фигура...

— Как будут обстоять дела с акциями «Дженерал минералз»? — жалобно вопросил С'Лант.

— Полетят к чертовой бабушке! — провозгласил Роджер.

— Не может быть: ведь они постоянно растут в цене. Вы, вероятно, ошиблись...

— Да они вообще ничего не будут стоить,— сердился Роджер.— Ну и естественно, заменят все руководство.

— Прекрасно, я так и думал. Этого подлеца Ф'Хута никак нельзя было выбирать директором.

— Сменится руководство? Может, станет чуточку полегче дышать?!

— В конце концов все предадут гласности. Все тайное станет явным.— Роджер был неумолим.— И все-таки как же с моим отъездом?

— Я рад, что о махинациях Ф'Хута станет известно,— продолжал С'Лант.

— Разумеется, я не должна думать о модах в такой неподходящий момент, но мне так интересно, что же будут носить женщины...

— А что произойдет с другими членами руководства? — настаивал С'Лант.

— Разгонят все руководство к чертям собачьим, но... О боже!

— Я надеюсь, вы не хотите сказать, что они покончат с капитализмом вообще? — ужаснулся Р'Хит.

— Ничего страшного при этом не произойдет.— Роджер решил разбавить сообщение.— Наконец-то в корне покончат со всякой спекуляцией.

— Ужасно. Хорошо, что я не доживу до этих дней.

— Надеюсь, это произойдет не раньше, чем я умру,— вставил человек в голубом.

— Честно говоря — это случится очень скоро. Я бы на вашем месте доставил меня домой и вплотную занялся бы своими делами.

— Значит, я останусь без средств,— мрачно изрек С'Лант.

— История дает надежду. Вам оставят предметы первой необходимости.

— Но... если станет холодно?

— Неслыханно! Не просить же подаяния в мои-то годы?!

— С вашей репутацией, мне кажется, вы найдете спонсора,— предположил Роджер.— Вместе что-нибудь придумаете.

— Да, это покруче самых дерзких предположений...

— Я слишком стар,— бубнил С'Лант,— слишком стар, чтобы начинать все заново!

— Не собираетесь же вы отойти в сторону и наблюдать, как другие весело проводят время?

— Нет, наверное, нет,— вздохнул С'Лант,— и все же это так огорчительно.

— Нас ждет вакханалия! Хаос!

— Да нет же, не так все страшно,— успокоил Роджер.— Будет временный спад, зато потом начнется действительно настоящая жизнь...

— Ужасно! Мир погрязнет в нищете и голоде?

— Кто сказал, что наступит нищета и голод? — полюбопытствовал Роджер.

Аудитория вдруг заволновалась. Кто-то из последних рядов глубоко вздохнул. Стройная черноволосая девушка, чрезвычайно женственная в своих лосинах, бросилась вперед и стремительным жестом указала на Роджера.

— Направьте на него дезорганизующий луч, быстро! — истошно закричала она.— Это шпион! Он читал мои мысли.

Роджер так и подпрыгнул на месте, впившись взглядом в девушку.

— Т-т-ты?!! — проговорил он, заикаясь.

Перед ним как живая стояла прекрасная незнакомка, которую он оставил ночью у разбитого мотоцикла, и оставил мертвой.

Глава 6

— Я не шпион! — завопил Роджер, пытаясь перекричать невероятный шум, поднявшийся после эффектного заявления девушки.— Я рядовой американец, который ехал по своему делу и встретил ее!

— Первый раз его вижу,— холодно прореагировала обвинительница.

— Ты же передала мне сообщение,— вспомнил Роджер.— Еще говорила, что очень важно...

— Какое сообщение? — спросила девушка.

— То, которое ты дала мне перед самой смертью! Ты заставила меня воспользоваться мотоциклом Брюквы и заглядывать в женскую уборную!

— Он бредит,— констатировала К'Нелл.— С'Лант, лучше выключи его сразу! Наверняка он имеет отношение к заговору против нашего эксперимента!

— Минутку,— нахмурился С'Лант.— О чем было сообщение?

— С'Ланту, технору С'Ланту. Оно было адресовано вам! — выпалил Роджер.— Теперь я вспомнил!

— В чем суть сообщения?

— Она говорила, что ее попытка частично удалась... вот!

— Так-так, продолжайте.

— А-а... не помню точно, но...

— Как жаль,— проговорил печально С'Лант.— Ну и где, по вашему мнению, вы могли встретить К'Нелл?

— В нескольких милях от города Монгуз, штат Огайо! Во время бури! В час ночи!

— Какая точность! — прошипела девушка.— Ваш рассказ звучит особенно правдоподобно, если только учесть, что я никогда не бывала в Монгузе, тем более в бурю.

— Несчастный случай, вспомни! — настаивал Роджер.— Ты... свалилась с мотоцикла, а я подбежал, чтобы помочь тебе.

— Какая самоотверженность! — Голос был жестким и холодным, как лед.— Хотя...

— Ты еще велела взять золотистую кнопку и вставить себе, то есть мне, в ухо!

Реплика была встречена совершенной тишиной. Казалось, все застыли пораженные. К'Нелл дотронулась рукой до уха.

— Он говорит об усилителе,— догадался С'Лант.

— Смотрите.— Рука Р'Хита указывала на Роджера.

Все посмотрели, а Роджер нагнул голову так, чтобы кнопку в ухе было видно.

— Видите! — торжествовал он.— Как я и говорил...

— Невозможно,— ахнул некто в розовато-лиловом.— Как нам всем хорошо известно, существует лишь один усилитель.

— И он у меня,— с нажимом на последнее слово произнесла К'Нелл.

— Неправда,— возмутился Роджер.— Я взял его, как ты хотела сама, и...

— Вот! — Девушка повернула голову, и в ушке тускло блеснуло золото.

— Интересно,— пробормотал С'Лант и вдруг спросил: — Ты говорила, что он читает твои мысли?

К'Нелл резко кивнула.

— Есть только одно возможное объяснение...— С'Лант задумчиво посмотрел на Роджера.— О чем она сейчас думает?

— Э... она думает... если бы мой нос был чуть-чуть изящней, я был бы очень даже ничего...— Он двумя пальцами потрогал свой нос и с укором посмотрел в сторону девушки.

— К'Нелл, слышишь ли ты его мысли?

— Ну... я не знаю...— Она склонила хорошенькую головку, прислушиваясь.— Ну знаете, это уж слишком!

— Ты слышала его?

— Кого-то слышала.

— Это я,— самодовольно изрек Роджер.

— С'Лант, ты хотел дать объяснение,— напомнил Р'Хит.

— Да... Наверное, это прозвучит фантастически, но последнее время мы ни с чем другим и не сталкивались — сплошная фантастика. Представим себе, мы собираемся запустить пробу ровно через тридцать две минуты. Производим запуск... и попытка, по словам К'Нелл, удается лишь частично. Это значит, что посланец не пройдет весь канал полностью, а закончит свою миссию и выйдет наружу в каком-нибудь месте — например, в районе Монгуз, штат Огайо. Если К'Нелл действительно встретила...

— Тайсон, Роджер Тайсон.

— Хочешь сказать, ее уже отправили? — Р'Хит был сбит с толку.

— Пока нет. Это произойдет в будущем. И если вдруг сообщение о частично успешном выполнении задачи действительно поступит, значит, этот несчастный путешественник...

— Меня зовут Тайсон. Роджер.

— Но ведь она должна была быть послана в обратном направлении. То есть если она, допустим, и выпала из канала, то не где-нибудь, а именно в прошлом, тогда как этот человек из будущего, что видно из его энциклопедических познаний в области предсказаний.

— Возможно, наши предположения относительно направления временной магистрали оказались ложными — мы можем это выяснить позже. А сейчас вопрос ставится так — в чем суть сообщения, переданного К'Нелл?

— Послушай, дружище...— обратился Р'Хит к Роджеру.

— Тайсон,— добавил Роджер.— Мне стыдно, что я не могу точно воспроизвести сообщение. Помню, там шла речь о каких-то роксах.

— Мне кажется, пора применить мозгорасщепляющее устройство,— угрожающе произнес Р'Хит.

— Минутку! Я кое-что вспомнил. Какой-то нуль-аппарат на какие-то конечные координаты, и там что-то сломалось.

— Нуль-аппараты? Но ведь это означает полный провал! — воскликнул Р'Хит.

— И все же это довольно связно,— заметил С'Лант.— Твоя миссия, К'Нелл, состояла в определении природы реальности и в попытке взаимодействия с ней. Если это оказалось не под силу, то тебе пришлось исследовать альтернативы.

— Ты прав, главная задача, очевидно, не была выполнена, и нам ничего другого не оставалось, как разбить временной замок и возвращаться все время к конечным координатам.

— Хм, по крайней мере, это то, что удалось извлечь из рассказа парня...

— Тайсона. Роджера Тайсона.

— ...и надо продолжать узнавать дальше.

— Подождите.— Голос К'Нелл звучал сурово.— Если дело обстоит так, как вы представили, значит, его история тоже правдива и он действительно пришел мне на помощь, согласившись из чистого альтруизма доставить сообщение. А мы за это хотим отблагодарить его чисткой мозгов, чтобы из нормального человека сделать полного идиота?

— М-да, не слишком благородно,— признал С'Лант,— и все же перед твоим отбытием мы должны получить всю возможную информацию.

— То есть вы собираетесь послать ее, зная, что она погибнет? — ужаснулся Роджер.— Почему бы вам не выпустить меня и других жертв из клеток и отменить эксперимент?

— Боюсь, что у вас сложилось превратное мнение о происходящем,— отчеканил С'Лант, голос которого нарушил полное молчание, последовавшее за шокирующим предложением Роджера.— Мы точно такие же пленники музея, как и вы. И если в скором времени не узнаем устройство этой тюрьмы, то останемся заключенными здесь навсегда!

— Когда мы, представители Первой культуры, поняли, что попали в ловушку, то не поддались панике, а тотчас же попытались установить границы нашего местоположения, так как, на наше счастье, в ловушку попал и наш лабораторный комплекс, который вы здесь видите,— объяснил С'Лант, ведя Роджера по неогражденной террасе, с полукилометровой высоты которой открывался вид на ухоженные, тщательно распланированные участки земли.

Роджер замер, глядя, как другие пересекают дорожку в ярд шириной, изогнутую в небе над двумя соседними комплексами. С'Лант вопросительно посмотрел на собеседника.

— Почему вы все время пригибаетесь к земле, сэр?

— Боюсь высоты,— признался Роджер.— Может быть, мне стоит подождать здесь?

— Ерунда. Мне бы хотелось, чтобы вы приобщились к нашей трапезе на вершине.

— Тогда идите вперед, а я уж как-нибудь доберусь.

— Наши исследования оказались достаточно плодотворны,— продолжал С'Лант, медленно шагая по дорожке, в то время

как Роджер трусил рядом на всех четырех.— Мы получили некоторые данные касательно природы пространственно-временных искривлений с помощью специального трассирующего луча, который следил за нашими зондами в точке соприкосновения временных контуров (откуда, кстати, можно было попасть в любое время), и пришли к выводу, что происходит ощутимое ослабление временных связей. Этот процесс темпоральной дегенерации позволяет так называемым артефактам и представителям фауны свободно попадать из одной эры в другую, при этом существенно нарушая энергетический баланс, что в конечном итоге неизбежно приведет к катастрофе! На основании полученных выводов мы спроектировали и создали усилитель, с помощью которого, по нашим подсчетам, агент может не только пересекать пространство музея, но и перемещаться по осевому каналу. Таким образом мы хотели разобраться, что же все-таки происходит и какие силы стоят за этими опасными явлениями.

— Почему вы называете это пространство музеем? — спросил Роджер, пробуя открыть один глаз, но тут же закрыл.

— Это условное название. На дисплее чередуются панорамы земной истории от зарождения жизни до окончательного распада.

— Почему бы вам не прокрутить эти виды, чтобы найти более продвинутую в научном смысле цивилизацию и...

— Это невозможно. Во-первых, этих видов насчитывается десять миллиардов сто четыре миллиона девятьсот сорок одна тысяча шестьсот два, и даже если на каждый кадр тратить не более минуты...

— Я понял,— перебил его Роджер.— Что во-вторых?

— Это будет чистая случайность, если мы обнаружим столь высокоразвитую цивилизацию, способную практически решить поставленную задачу. Дело здесь и в материально-энергетическом могуществе. В общем, мы решили сами потратить время и силы и приступить к пробному эксперименту...

— Простите, я кое-что вспомнил,— перебил его Роджер, вставая на ноги у самых столов под цветными зонтиками.— Мои друзья сейчас в лапах медведя. Нельзя ли перенести их сюда так, как вы поступили со мной?

— Невозможно. В вашем случае мы могли следить за вашими действиями благодаря усилителю, хотя тогда и не понимали

доходящие до нас сигналы, но что касается других... Боюсь, что им мы ничем помочь не в силах. Но вы не беспокойтесь. Как только мы вправим сустав времени, они будут в полной безопасности.

— Еще одна проблема: со мной был... э-э-э... багаж...

— Боюсь, что это потеряно навсегда. Вы, очевидно, уронили его, когда мы вас подцепили. И все же причин для беспокойства нет. Я дам вам все необходимое.

— Послушайте, Тайсон.— Р'Хит попытался перевести разговор на прежние рельсы.— С вашим опытом временных прохождений вы чрезвычайно полезны для нас. Почему вы боитесь предоставить свой мозг для анализа? Мы обещаем оставить вам умение самостоятельно принимать пищу и, может быть, даже завязывать шнурки.

— Не говорите об этом больше,— вмешалась К'Нелл.

— Твои эмоции, К'Нелл, мешают объективному анализу фактов,— пожаловался Р'Хит.— Если бы я раньше знал, что ты такая чувствительная, то никогда не заключил бы с тобой соглашения на совместное проживание.

— Не нервничай,— холодно сказала К'Нелл.— Это не имеет никакого отношения к эмоциям. Ты, наверное, забыл, что его мозг связан с моим при помощи усилителя, или эта связь все еще ускользает от тебя?

— Да уж. Если мы расшелушим его мозги, то твоим тоже не поздоровится.

— Ничем не могу помочь, ребята,— посочувствовал Роджер,— даже несмотря на мое хорошее отношение к вам. Я не могу заставить страдать эту маленькую леди!

— А удалить усилитель из уха, конечно, невозможно? — поинтересовался красновато-коричневый.

— Ты знаешь об этом не хуже других, Д'Олт. Нитевидная система усилителя уже вступила в сложный контакт с нервной системой Т'Сона, поэтому соваться туда сейчас смертельно опасно. Т'Сон сам видел, что случилось с К'Нелл после изъятия кнопки.

— Вы хотите сказать, что этим я ее убил? — ахнул Тайсон.— Боже правый, мисс К'Нелл, прости меня.

— Ничего. Я сама приказала сделать это, хотя для этого, несомненно, были свои причины.

— Ты была тогда молодцом! — восхищенно произнес Роджер.

— Мы, люди Первой культуры, редко опускаемся до уровня голых эмоций,— спокойно молвила К'Нелл.

— Правда? — задвигал бровями Роджер.— А мне кажется, минуту назад ты покраснела.

— Мои физиологические реакции не имеют никакого отношения к моим действиям, всецело контролируемым рассудком,— отрезала девушка.

— Ага, злишься, злишься!— весело воскликнул Роджер.— А ведь ты, в принципе, классная девчонка, и мы могли бы...

— Позвольте напомнить вам, Т'Сон,— заметил Р'Хит,— что я уже вручил К'Нелл контракт на сожительство, и ваши... э... намеки не могут быть мне приятны.

— Мне кажется, дама сама должна дать ответ.

— До прыжка осталось двадцать минут,— излишне бесстрастно сообщила К'Нелл.— Пожалуй, пойду к месту старта.

— Запретите ей делать это! Она же погибнет! — возмутился Роджер.

— Совсем не обязательно,— спокойно возразил Р'Хит,— так как изменились сами условия ее миссии: вместо исследовательской пробы — заход на цель, то есть появляется новый, неучтенный нами фактор.

— Хладнокровия вам, видно, не занимать! — в сердцах бросил Роджер.— Но отложите, по крайней мере, время старта. Дайте мне время вспомнить сообщение полностью!

— Задержка невозможна,— раздался голос С'Ланта.— Циклическая природа феномена предполагает, что попытка возможна или через шесть часов, или никогда, по крайней мере в ближайшие сто двенадцать лет. А к этому времени износ временной матрицы достигнет крайней точки, и тогда произойдет вселенская катастрофа, пространственно-временной слой обрушится под своей тяжестью.

— В таком случае подождите хотя бы эти шесть часов! Ведь стартовать можно и в самую последнюю секунду.

— До конца цикла осталось пятнадцать минут. Через пятнадцать минут усилитель, даже если и останется на временной матрице, разложится на составляющие. Нужно торопиться.

— Но нельзя же посылать такую хрупкую девушку одну!

С'Лант что-то шепнул Р'Хиту, и тот согласно кивнул. С'Лант повернулся к Роджеру, протянув руки.

— Превосходно! — изрек он.— Мы тут обмозговали это дело и решили, что нет смысла отказывать в твоей смелой просьбе.

— Какой еще просьбе?

— Сопровождать К'Нелл, что же еще? А теперь надо поторопиться. Времени хватит лишь на твой гипноинструктаж...

Как только С'Лант и его коллеги сняли показания с приборов, он с надеждой и верой в голосе произнес:

— Успокойтесь, Т'Сон. Приборы показывают, что вы отлично восприняли инструктаж и теперь ваш организм знает границы, в которых сможет функционировать. К запуску все готово. К'Нелл экипирована и готова к старту, нуль-аппарат упакован в ее кармане и заряжен. Задерживаться бессмысленно.

Роджер угрюмо позволил провести себя по молочно-стеклянному полу до того места, где его ждала К'Нелл. Белые трубы непонятного назначения были скручены в узел. Подошедший Р'Хит издал резкий горловой звук:

— Бл-э-п.

— Я пока не очень врубаюсь в эту скороговорку,— сообщил Роджер, увидев лицо девушки: правильные черты, коротко подстриженные черные волосы, неплотно сжатые, зовущие алые губы, зубы без изъяна.— Что он хотел сказать?

К'Нелл наградила его взглядом чуть-чуть более заинтересованным, чем положено.

— Он говорит, что индекс страха у тебя превышает нормальный показатель. Если показания поднимутся еще на деление, ты начнешь стучать зубами.

— Это я-то? Я?! — с жаром воспротивился Роджер.— Пусть проверит свои приборы! Немножко я, положим, волнуюсь. А кто бы на моем месте оставался спокойным? Насколько мне известно, я, как только войду в эту машину, могу оказаться где угодно: на одной льдине с полярным медведем, на ленче у динозавра, посреди могучих вод Индийского океана или...— Его голос становился все выше и выше по мере того, как Роджер перечислял ситуации, одна соблазнительнее другой.

— О, ведь в этом нет никакой опасности,— ободрял Роджера С'Лант.— Вас запустят по основному каналу, и вы окажетесь абсолютно вне музея, среди настоящей природы, будете, так сказать, входить в физический контекст, о чем мы, как вы знаете, имеем самые смутные представления.

— Вы, помнится, уже говорили об этом, правда, я не совсем понял, что все это значит,— ответил Роджер.— Кстати, объясните мне, в чем же здесь дело?

— Это значит,— вмешалась девушка,— если твое управление откажет, нас выбросят из канала, и мы окажемся неизвестно в каком месте или контексте.

— Я уже думал об этом,— быстро отозвался Роджер,— и решил, что для девушки это опасно. Жаль, мы действительно могли бы многое понять и решить, и я сам... люблю путешествовать, но мне совсем не хочется подвергать опасности это хрупкое создание... Я боюсь за тебя, К'Нелл.

— Ты был прав, Р'Хит,— кивнула К'Нелл.— Я тоже чувствую его страх.

— Страх! — воскликнул Роджер с жаром.— Я ведь только хотел...— Он проглотил комок.— Откуда вы знаете, чего я на самом деле боюсь? Однажды я действительно испугался... и ничего хорошего из этого не вышло.— Он выпрямился.— Давайте быстрее стартовать, пока я не до конца постиг намеки К'Нелл.

Он взял девушку за руку и шагнул в углубление, где все вокруг него обволокла знакомая серость.

— Мы здесь задержимся,— раздался голос К'Нелл.— Не забудь инструкции С'Ланта.

Роджер закрыл глаза и попробовал представить себя в девяностоградусной развертке. Достаточно сложным оказалось сместить свои глаза к правому уху. Инерция традиционного восприятия, предполагающая переднюю ориентацию — ведь глаза обычно смотрят прямо вперед,— оказалась живучей. И все же он сумел доказать себе, что его мозг — неуловимое поле, наведенное потоком энергии в нейтральной цепи, не должен всецело зависеть от принятых условностей.

Смещение прошло успешно, его нос шевелил ноздрями где-то сбоку, баки спокойно опускались между воображаемых глаз, а руки двигались — одна спереди, другая сзади.

Теперь он чувствовал, что среда, проходимая его телом, не была пространством.

Глава 7

Какое-то время Роджер падал, закрыв глаза и ощущая в своей руке маленькую ладонь партнерши — единственный материальный объект во всей Вселенной! Казалось, девушка плыла в миле от него, громадная, как «Титаник». Ее рука уходила в смутную даль, однако то, что сжимал Роджер, было всего-навсего нормальными женскими пальцами... Он понял свою ошибку. В действительности она была микроскопически уменьшена и плыла по поверхности его зрачка.

— Пока все не так уж плохо,— сказала она, не прибегая к помощи артикуляции. Тем не менее фраза прозвучала в сознании Роджера кристально ясно и отчетливо, это был ее голос, наполненный самыми разными обертонами, голос страстной и богатой натуры, тщательно спрятанной под внешней холодностью и невозмутимостью.

— Как это тебе удается? — спросил Роджер, с удивлением отмечая, что его губы при этом даже не пошевелились. Дыхание также отсутствовало напрочь. Роджер испугался и судорожно попытался глотнуть воздух — тщетно.

— Не суетись,— резко прозвучал ментальный голос К'Нелл,— мы пребываем в состоянии нуль-времени, где нет места событиям, вздохам, сердечным ударам. Не пытайся с этим бороться, иначе мы можем оказаться вне канала.

— Как долго это продлится? — спросил достаточно нервно Роджер. Ему не то чтобы на самом деле не хватало воздуха... Сознание того, что он не в силах продышаться, угнетало его все больше и больше.

— Здесь нет времени, кроме субъективного,— последовал ответ.

— Как же мы сможем узнать, двигаемся мы или болтаемся в этой безвоздушности? А вдруг нам суждено болтаться здесь вечно, сжимаясь и удлиняясь, сдуваясь и надуваясь?

— Это кричат твои параметры, твое тело, протяженное во времени и пространстве. Ему не хватает материальных стимулов,— объяснила К'Нелл.— Не позволяй себе подчиняться этим силам, не разрешай материи отвлекать себя и прекращай спрашивать. Если бы мы знали ответы, нас бы здесь не было.

— Эй! — воскликнул Роджер неожиданно.— Мои глаза по-прежнему закрыты, я чувствую сомкнутые веки... Почему же я тебя вижу?

— Ты не видишь меня, а просто воспринимаешь непосредственно.

— Эта серость вокруг,— продолжал Роджер.— Когда я раньше закрывал глаза, то видел такую же серость. Это удивительно! Знаешь, во мне возникает чувство, похожее на изумление... Я начинаю грезить.

— Возьми себя в руки,— приказал резкий голос.— Все, что угодно, только не изумление и не грезы.

— Я не в силах противостоять этому! — бормотал Роджер.— Все здесь настолько странно, что не может быть реальностью! Мне кажется, я в любую минуту могу проснуться в своем доме, местечко Элм-Блаффс, и меня разбудит моя любимая мамочка.

Роджеру вдруг сильно захотелось домой, и от этого стало очень тоскливо.

Постепенно уплотняющийся серый туман внезапно превратился в расступающиеся по сторонам и смыкающиеся вверху стены. Появились какие-то пятна, оказавшиеся цветочным пастельным орнаментом на полу. Обои были в одном месте порваны и заклеены пластырем. Он сидел, тупо вращая головой посреди просторной светлой комнаты со скошенным в одну сторону потолком, открытыми окнами... На полке стояли многочисленные потрепанные книжки про Тома Свифта*, неаккуратно грудились дешевые журналы. С потолка на веревках свисали топорно склеенные макеты самолетов, на стене в рамке висела коллекция бабочек, рядом с ней — набор наконечников стрел и табличка «Элм-Блаффс. Зона повышенной солнечной радиации».

— Роджер! — донесся голос, без всякого сомнения, материнский.— Не дай бог, мне придется кричать еще раз, я уж тебе...

В воздухе, по всей видимости, повисла страшная угроза. Роджер издал какой-то писк и с удивлением оглядел собственное тело: узкая грудь с выпирающими ребрами, колени в шишках и синяках едва прикрыты пижамой, худосочные ноги тринадцатилетнего подростка.

---

* Том Свифт — герой серии романов британского писателя Виктора Эпплтона (1892–1965), супермен и суперизобретатель. *(Прим. ред.)*

— Но... но...— бубнил он.— Ведь мне уже тридцать один год, и я... я... великовозрастный болван завалил все дело! Я следовал по каналу к конечным координатам вместе с К'Нелл.— Он запнулся и нахмурился.— Конечные что? — произнес он громким голосом.— Что ли мне уже приснились какие-то большие, сложные слова?

Комната неожиданно исчезла, стены вновь растворились в тумане. Появилось лицо К'Нелл и поплыло рядом.

— Где ты был? — взволнованно спросила девушка.— Ты куда-то исчез!

— Я снова оказался в детстве,— запинался Роджер,— у себя дома, в своей кроватке. Это было так же реально, как и ты... и даже, пожалуй, еще реальнее! Я чувствовал постель под собой, свежий воздух из окна, запах жареного бекона с кухни! Я решил, что ты, и канал, и миссия — все это сон!

— Не может этого быть! Это невероятно! Я — доминирующее звено цепи, и ты не властен делать что-либо без моей команды! Согласно теории...

— Ты смешная,— улыбнулся Роджер.— Не забывай, ведь ты всего лишь девчонка!

— Послушай, Т'Сон, прекрати, в конце концов, сеять свои промужские шовинистические настроения! Это безответственно и может губительно сказаться на миссии! Пусть тебе удается управлять нашей совместной мыслительной деятельностью — не знаю уж, по какой причине, может быть, из-за твоего чисто возрастного превосходства или из-за редупликации усилителя... В любом случае ты должен приучить себя не подчиняться импульсивным желаниям и позывам. Если мы не объединим наши усилия на пользу миссии, и ты, и я, и несколько миллионов других несчастных заложников будут до скончания века переживать все один и тот же день, или, может быть, еще того хуже!

Небольшое облачко показалось рядом с Роджером на самой периферии его видения. Облачко росло, обретая цвет и форму.

— К'Нелл,— беззвучно закричал Роджер,— смотри!

— Т'Сон, если ты и впредь будешь паниковать каждую двадцать первую субъективную секунду, наше дело — крышка. Прошу тебя, расслабься.

— Сзади! — Он уставился на узлом завязанную простыню, медленно дрейфующую в поле его зрения. Под грязно-коричневыми складками что-то шевелилось, подобно коту в мешке.— Он ожил! — ахнул Роджер.— Монстр проклятый!

— Т'Сон, мы изучили твои высказывания по этому поводу в лаборатории — брюква, монстр и т. д.— и пришли к выводу, что это не что иное, как подсознательный фантазм.

— Фантазм или нет, его надо поймать! — проскрежетал Роджер ментальными зубами, вызывая в памяти домашнюю спальню и цветастые обои.

И уже в серости проступили контуры какой-то тропинки или дороги. Роджер устремился к просвету, чтобы нырнуть в него.

— Т'Сон, в чем дело? — Ментальный упрек К'Нелл приобрел странное звучание, откликнулся эхом.

Туннель оборвался, все заволокло плотным мраком. Что-то острое впивалось ему в спину, в ноздрях стоял густой запах сена. Он лежал на чем-то жутко колючем. Роджер понял, что попал на сеновал. Над ним смутно темнела невзрачная крыша.

— Доигрался,— прозвучал знакомый голос на периферии его левого глаза.— А я ведь тебя предупреждала!

— Где мы? — Роджер приподнялся, яростно зачесал самое неспокойное место — правый локоть, потом левую часть шеи и потянулся к плечу...

— Почеши наше левое колено! — скомандовала К'Нелл.— И выбирайся отсюда.

— О боже! — воскликнул Роджер.— Неужели мы с тобой теперь под одной кожей?

— Где же еще я могу быть, ненормальный ты человек! — в сердцах бросила К'Нелл.— Мы ведь связаны. Там, где находишься ты, к несчастью, оказываюсь я сама. С'Лант, наверное, сошел с ума, если доверил тебе эту миссию. Я предчувствовала, что твое паникерство загубит все дело!

— Кто паникер? Вот и чеши сама свою ногу!

При этих словах его левая рука, словно живущая сама по себе, поднялась и действительно почесала коленку. Удивившись, Роджер вскочил на ноги и тут же растянулся, так как его левая нога была занята каким-то своим делом и не поддержала его.

— Я беру на себя левую половину,— сообщила К'Нелл,— а тебе отдаю правую. Соберись, настройся на нашу миссию и возвращайся в канал!

Роджер попытался состроить недовольную мину, но левая половина его лица, казалось, одеревенела.

— Я парализован! — попытался завопить он, но получилось нечто неразборчивое.

В этот момент он получил хороший тычок в бок, от которого свалился со стога на грязный земляной пол. Дверь распахнулась настежь, и на бледном фоне предрассветного неба возник высокий худощавый человек в широких рабочих брюках и с вилами в руке.

— А, это опять ты, Энди Баттс,— торжествующе произнес злой голос.— Я ведь предупреждал тебя, скотина, что не надо бегать ко мне на сеновал и пугать Джорджа и Элзи. Черт возьми, я заставлю тебя отрабатывать за свои ночные визиты. Начни с конюшни. Вылезай отсюда и за дело, парень!

Роджер попытался встать на четвереньки, но вместо этого упал лицом в грязь.

— Да ты к тому же пьян в стельку! — зарычал человек с вилами и пошел на Роджера, выставив вилы вперед.— Ну-ка, быстренько приводи в порядок мозги и выметайся отсюда, а то, клянусь, будет хуже! Ты у меня узнаешь, что ждет непослушных! Вставай же, черт! — Человек ткнул его вилами.

Увидев блестящие наточенные зубья, Роджер издал несколько нечленораздельных звуков, поджал под себя одну руку и одну ногу и попытался начертить на полу круг. Хозяин посмотрел на него вытаращенными глазами.

— Энди, дружище, что с тобой! — поперхнулся он.

— Помоги! — попытался закричать Роджер, но при этом издал лишь хриплый клекот и снова упал лицом в грязь.

— Энди, тебя хватил удар! — завопил вилоносец.— Не шевелись зря, Энди! Я сбегаю за доктором Вакерби.

Путем невероятных усилий Роджер — он же Энди Баттс — смог обрести контроль над своими членами, распрямив их в диком прыжке при попытке вскочить на ноги. Попытка частично удалась, он распрямился, бешено завращал руками перед лицом завороженного хозяина и перед тем, как обрушиться на землю подбородком вперед, успел начертить для него в воздухе множество кругов.

— Он сошел с ума! — завопил хозяин, поспешно поднимаясь, и выбежал вон.

— Что ты собираешься предпринять? — спросил неслышный голос.— Этот маньяк мог убить нас!

— Отдай мою ногу! — решительно потребовал Роджер.— Надо срочно выбираться отсюда!

— Немедленно входи в канал,— скомандовала К'Нелл,— иначе я не позволю тебе двинуться с места!

— Ты что, дорогая, спятила? Или тебя надо немножко пощекотать вилами, чтобы ты знала это ощущение?

— Ничего у тебя не получится! Я отдам в твое распоряжение всю нервную систему. Лови ощущения сам!

— Но я не знаю, как снова попасть в канал! — воскликнул беззвучно Роджер.

— Пробуй!

— Ладно...— Роджер лег на пол и закрыл глаза.

Он погрузил взгляд в аморфную серую массу, где медленно плавали едва светящиеся пульсирующие точки и штрихи. Он пытался найти ключ — все, что угодно, лишь бы выбраться отсюда! Вместо этого в голову лезла всякая чушь: он представлял приблизительный вес своего жирного — с тех пор как произошло переселение в Энди Баттса — тела, слышал скрип двухнедельной щетины на подбородке, болезненно реагировал на голодные желудочные спазмы, усугубленные отвратительными ощущениями утреннего похмелья.

— Фу,— плевалась К'Нелл,— меня тошнит!

— Молчи! Дай сосредоточиться!

— Быстрее, прошу тебя! Эти варвары уже рядом.

— Я делаю все возможное! — заскрипел зубами Роджер, обнаруживая по ходу дела, что скрипеть приходится голыми деснами, на языке появился какой-то странный отвратительный налет, в глазах — резь, голова зудит от усилий многочисленных суетливых насекомых, носки источают омерзительно несвежий запах и плюс ко всему его охватывает непонятная боязнь доктора Вакерби.

— Владелец этого несчастного тела пристает со своими проблемами! — беззвучно пожаловался Роджер.

С большим трудом ему удалось отвлечься от реакций и ощущений Энди Баттса, чтобы освободить свое сознание для концентрированного гипнотического воздействия. Серость возвращалась, очищалась от примесей, становилась более воздушной и проницаемой. Два источника тихого света медленно вплыли в круг его сознания, неся успокоение.

— Мне кажется, я обнаружил наши тела,— рапортовал он.— Попробую войти в них...

Он призвал всю свою волю для слияния с желанными объектами, которые продолжали смутно и бесформенно покачиваться то ли в непостижимой дали, то ли в нескольких миллиметрах. До его сознания донеслись приглушенные шаги и возбужденные голоса идущих, он еще раз смутно пережил все страхи и боли несчастного Баттса. В последнем отчаянном порыве он бросился к ближайшему свету и тотчас же почувствовал ответный толчок, словно К'Нелл с силой оторвалась от него.

Роджер очутился в каком-то узком пространстве, которое сдавило его не хуже смирительной рубашки. Вокруг что-то трещало и ухало; резкие и неприятные запахи бередили его обоняние. Размытые серые и белые формы неповоротливо шевелились перед глазами. Он хотел раздвинуть невидимые преграды, кричать о помощи... Он чувствовал под собой массивные, неповоротливые части тела, под грубой оболочкой играли нечеловеческие мышцы. Поле его зрения постоянно качалось, и наконец он увидел грандиозные контуры какого-то очень крупного тела. Он несколько раз моргнул, но видение не пропадало — это была здоровая тягловая лошадь из конюшни.

— К'Нелл! — взмолился он.

Вместо голоса раздалось лишь громкое рычание. Он отпрянул назад, но почувствовал препятствие, и его мощные задние ноги, управляемые забытым инстинктом, совершили великолепный подскок. Какие-то доски пугающе трещали и лопались. Панический лошадиный бессознательный страх толкал его вон — прочь из стойла. Вокруг него толпились маленькие взволнованные людишки. Он жаждал простора, стремился к открытым бесконечным пространствам, рвался на волю, но на его пути смутно возникло что-то темное и длинное. Он одним махом перескочил препятствие и безумным галопом помчался в бескрайние зеленые поля, полные свободного воздуха и безмятежной неги.

В его сознании возник смутный будоражащий образ молодой кобылки, ее уютной, упруго изогнутой телесности, и он остановился, закрутился на месте, пытаясь взбухшими ноздрями поймать ветер, энергично фыркнул, ибо это был точно ее запах. Его огромное сердце забилось медленно и гулко, но запах родной конюшни наполнил его забытыми и вдруг воскресшими страхами и тревогами... Понурив большую голову, он побрел назад. Неожиданно показалась кобылка, приближающаяся галопом, и он заметил ее дрожащие ноздри, когда она его нюхала...

— Т'Сон, что ты наделал?

Слова, кажется, имели какой-то смысл — какой-то... но постичь этот смысл было так сложно, что требовалось какое-то страшное усилие...

— Т'Сон, напряги память! Вспомни инструктаж и соберись! Подумай о миссии!

Он же лишь игриво и шаловливо ринулся к ней, а когда она отпрянула, даже не подумал отчаиваться. Смутное, но воистину огромное желание зашевелилось в нем, взметнуло его на дыбы, исторгло из могучей груди неистовое ржание, заставило вновь и вновь домогаться ее, возобновляя атаку.

— Остановись же, идиот! — приказала К'Нелл, когда они скакали совсем рядом, когда их бока соприкасались, ибо он неизменно следовал за ней, несмотря на то что она тщетно пыталась отскочить в сторону.— Т'Сон, друг, попробуй! Ты ведь можешь освободить нас от этого кошмара! Сконцентрируйся на своих параметрах!

— Элси, о, Элси, ты прекрасна! — Роджер словами смог раскрыть свои чувства.— Ты так желанна, Элси! Так... страшно кобыльна!

— Ох, как я кобыльну тебя по одному месту, когда мы освободимся от лошадности, кретин ты этакий! — Неслышный, но резкий голос К'Нелл нарушил эйфорию.— Вспомни о канале, о музее, о тех тысячах ни в чем не повинных людей, запертых, как обезьяны в клетках! Вспомни, как еще недавно ты хотел освободить нас всех, спуститься по каналу к истокам времени!

— Да, я... кажется... вспо... Но все это так расплывчато и не важно по сравнению с тобой, обворожительной, божественно изогнутой и манящей...

— Потом, Т'Сон! — воскликнула в ярости К'Нелл.— Сначала возврати нас в наши человеческие формы, а потом говори о манящей изогнутости.

— Не надо мне говорить.— Роджер поднимал голову, стуча копытом оземь.— Мне надо тебя саму!

— Т'Сон, о Т'Сон, а как же канал? Вон, смотри, к нам приближается фермер! Он впряжет тебя в плуг, и ты будешь пахать весь день, как самая обычная рабочая скотина, а вечером тебе уже ничего не захочется, честное слово!

— Я не хочу в плуг, Элси, я не хочу...

— Я понимаю.— В ее голосе Роджер услышал смятение.— Но ведь только канал сможет соединить нас! Мы будем вместе...

— Вместе? В канале? — Роджер изо всех сил пытался осознать значение ее слов, но это было трудно — в голове у него осталось совсем мало света.

Он вспомнил серость, их существование в ней, в серости, их совместное присутствие. Ах, вот они парят рука в руке, два этаких лучика, один и другой, один и другой за ним.

— Нет, Т'Сон, не то! Это фермер, а с ним кто-то еще! Смотри лучше! Сократи свои параметры!

Роджер на ощупь выбрался наружу, резко взмывая вверх. Или вбок? О нет! Он плыл, он падал и тонул в среде, которая не была пространством, а там, на самом кончике пальцев его протянутой руки... была... была...

— Какой ты беспросветный дурак и кретин! — плыл чистый и ясный голос К'Нелл.— Зачем же надо было блуждать по чужим грязным телам!

— Послушай, как же ты мог совершить такую ужасную, идиотскую ошибку,— спрашивала она уже в тридцать пятый раз за последние четыре субъективные минуты,— и затащить меня в свое дурацкое, недисциплинированное мужское тело?

— Ладно, К'Нелл, каким бы плохим это тело ни было, я все-таки вытащил тебя оттуда, не так ли? Чтобы теперь ты могла оказаться в своей глупой, непрочной женской оболочке! — Ему вдруг захотелось плакать — не то чтобы случилось какое-то несчастье, просто слезы казались совершенно естественными в данном случае.— В конце концов, я лишь пытался сделать так, как ты говорила...

— Ха! А ведь стоило не захотеть и поддержать Р'Хита, планировавшего вытащить усилитель из твоей глупой головы, и тебе была бы крышка! Вместо этого я, как дура, пошла голосовать вместе со всеми, чтобы сохранить тебе жизнь.

— Что ты говоришь? Значит, этот двуличный змееныш Р'Хит действительно хотел моей смерти? Ну уж будь спокойна, я ему пасть порву, пардон, выключу его питание,— поправился Роджер.

— Прекращай болтовню! — осадила Роджера К'Нелл.— Нам надо как можно дольше продержаться в состоянии стаза! Вываливаться из канала больше нельзя!

— Это могло бы случиться с каждым,— высокомерно сказал Роджер.— А теперь прошу не приставать ко мне со всякими глупостями до тех пор, пока тебе не придет в голову что-нибудь действительно здравое и конструктивное.

— Конструктивное! Да если бы не я, ты так бы и кобылкал по полям, пытаясь...

— Прошу тебя, не надо! — При воспоминании о столь недавнем состоянии лицо Роджера сплошь покрылось красными пятнами, если, конечно, это было возможно при его теперешней бестелесности.— Давай потом обсудим наши планы и отношения... когда уже будем на месте,— поспешно добавил он.— Могу себе представить, как мы подойдем к этому, который у них там самый главный, и скажем ему что-нибудь очень умное...

— Не нужно представлять, Т'Сон,— отрезала К'Нелл.— Все мыслительные операции предоставь мне. Ты, главное, держи нас обоих в фокусе, пока я работаю. Что касается места и цели нашего назначения... Не думаю, что мы сможем заранее представить его и спланировать поведение. Будем действовать по обстоятельствам, как говорится, сыграем на слух... только запомни, ключ дам я... а ты будешь...

— Слушай, почему это ты вдруг после всего заговорила с таким апломбом?

— Что? — изумилась К'Нелл.— Слушай, меня только что осенило — когда я сидела в твоем глупом и неловком теле, у меня были соответствующие слова и мысли.

— Оставь в покое мои слова и мысли, прошу тебя!

— Успокойся. Я проверю цепь. Если уж мне раз довелось жить твоим умом, я должна понять, с чем имею дело, с чем придется работать...— Последовала секундная пауза.— Слушай. В недрах твоего мозга просто залежи неиспользованных, невостребованных возможностей. При необходимости я должна уметь извлечь их!

— Ты уж лучше подавай команды,— проворчал Роджер.— Не порти дело своими экспериментами, когда я все-таки возвратил нас в исходное положение, или, скажем, почти в исходное.

— Команды даются, чтобы их не выполняли, да? — с вызовом бросила К'Нелл.— Мне кажется, мне очень кажется, что стоит лишь чуть-чуть подтолкнуть вот этот твой параметр, а затем сместить его относительно оси... повернуть вот так...

Роджер почувствовал, что его внутренняя система координат заваливается набок и с треском рушится.

— Хватит,— закричал он.— Ты сделала что-то не так!

— Фу ты! Держись крепче! Наверное, я повернула не ту точку.

Роджера затошнило, когда среда их движения неожиданно стала обрушиваться вниз. Он чувствовал себя растянутым в бесконечности, потом вдруг сжатым до размеров точки и меньше, еще меньше, пока не исчез, чтобы вынырнуть с противоположной стороны. В глаза ему бил свет, уши разрывал рев; его крутило, бросало вниз и наконец макнуло в какой-то холодный сироп.

Он почувствовал резкий удар, дважды перекувырнулся, открыл глаза и увидел, что покоится на убегающих в бесконечность волнах травы, мерцающей выпукло и таинственно, травы, подсвеченной, как в аквариуме, откуда-то снизу, и под совершенно черным, бархатно-мягким небом. Он видел, что его распростертое тело отливает в темноте нежным, зеленоватым, как у светлячков, сиянием. Рядом сидел какой-то с виду испуганный, тоже светящийся тип с всклокоченными волосами, теребя двухнедельную щетину.

«О боже, неужели я выгляжу так же? Неужели это я сам?» — подумал Роджер, осмотрел себя и взглянул на колыхание травы.

— Может быть, хватит трепаться и рассматривать меня! — расслышал Роджер голос К'Нелл сквозь рев и треск бархатного неба.— Где же твои хваленые идеи?

Глава 8

— Как ты думаешь, где мы сейчас? — полюбопытствовал Роджер, с воодушевлением счищая мерцающую пыль с самых изысканных форм своей новой оболочки.

— Откуда мне знать,— без энтузиазма откликнулась К'Нелл.

Она неловко распрямила свои мужские члены, прошлась взад и вперед, как актер по освещенной сцене, неумело махая руками Роджера и насупленно приглядываясь к ряду фосфоресцирующих холмов, окаймлявших осиянный неведомым светом пейзаж.

— Каким образом ты управляешься со своим чертовым телом? Эти боты весят каждый по тонне, а тазобедренные кости словно кто-то специально сплющил.

— Готов не глядя поменяться! Не слишком весело ощущать, что твоя задница с хорошую милю шириной, а через шею для смеха перекинули пару хороших гирек.

К'Нелл внимательно посмотрела на Роджера, отвела взгляд, потом снова посмотрела.

— А знаешь, пожалуй, это не самая уродливая штуковина, которую я видела.— Она подошла еще ближе.— В этом, скажу тебе, есть что-то очень волнующее, то, как он... как бы возникает то там, то здесь, а при ходьбе...— Она осеклась, и в ее глазах Роджер прочитал удивление и возмущение.— Святой боже,— прошептала она.— Неужели это обычные чувства мужчины?

— Уйди отсюда, маленький онанист! — воскликнул Роджер, попятившись, но успевая заметить, что в самом его негодовании, порожденном откровенными словами, можно уловить чрезвычайно приятные обертоны.

— О, несчастный! — молвила К'Нелл.— Могу себе представить, что у вас за жизнь, если самое простое появление женщины возбуждает такие реакции.

— Но ведь я не женщина! Я — Роджер Тайсон, мужчина на все сто процентов, и в моих жилах течет горячая мужская кровь. А ты, пожалуйста, протягивай свои потные руки к себе самой... в смысле... мои потные руки.

— Ты уверен, что хочешь именно этого? — спросила К'Нелл.

— Уйди,— воскликнул Роджер.— Ты снова начинаешь!

— А сам-то хорош, нечего сказать. Тебе что, трудно прикрыть свои дурацкие выпуклости, эксгибиционист несчастный! Что же ты думаешь, я смогу предпринять что-нибудь умное и полезное, когда сам выставил на всеобщее обозрение свои бесстыдные формы? А, ты специально это делаешь, чтобы таким образом доказать свою силу!

— Первый раз вижу такое оголтелое пуританство,— поморщился Роджер.— Именно такие пачкуны, как ты, ответственны за распространение в мире ханжества и лицемерия! Не моя вина, что один мой вид приводит тебя в исступление.

При этом его правое бедро совершенно бесстыдно поехало вбок и на глазах у возмущенно содрогнувшегося верха изящно выгнулось.

— Эй,— крикнул Роджер.— Это не моих рук дело, это твое бесстыжее тело вытворяет такие фокусы! Я начинаю понимать,

сколь велико число всех этих стратегических движений на вооружении женщины!

— Почему стратегических? Ты разве видишь здесь какую-то борьбу, войну, битву? — резонно спросила К'Нелл, но при этом на ее лице, то есть на физиономии Роджера, гуляла ужасающе порочная ухмылка, замеченная им с отвращением. Никогда, никогда раньше он не позволил бы себе посмотреть так на беззащитную женщину.

— Эй! — К'Нелл указывала на что-то рукой.— Приближается престранная компания! — Она сделала шаг вперед, закрывая Роджера своим телом.

Из-за ближайшей горы на сцену действительно выходила очень странная процессия. Это была светящаяся лошадь бледно-бирюзового оттенка, на совершенно черной сбруе которой болтались сверкающие разноцветные фонарики, напоминающие рождественские елочные огоньки. На лошади восседал всадник — его кожа или шкура отливала бледно-голубым. Одет он был скудно, зато на голове красовались яркие перья, развевающиеся подобно языкам пламени. Всадник скакал галопом, однако это не помешало ему подтянуть уздечку и остановиться в пяти метрах от незадачливых путешественников. Незнакомец заговорил, если можно так выразиться, ибо звук его голоса походил на магнитофонный шум при проигрывании пустых участков ленты.

— Успокойся, малыш,— молвила К'Нелл очень серьезно.— Я беру это чучело на себя.

И она выступила вперед, уперев руки в боки.

Как только она прожужжала что-то непонятное на своем языке, всадник хватил ее по голове палкой, увенчанной хорошим набалдашником.

— Эй ты, урод! — взвизгнул Роджер и бросился на помощь своему поверженному телу.

— Какого...— раздался возмущенный голос К'Нелл.

Она бросилась ему под ноги, сильно оттолкнув его в сторону, стремительно встала на ноги и, поймав вторично поднятую на нее палку, сильным ударом выбила всадника из седла.

Кобылка галопом ускакала прочь, оставив всадника и К'Нелл кататься в пыли под глухой аккомпанемент ударов. Сверху оказывались то голубые руки, то грязно-белые. А когда К'Нелл после очередного кувырка сумела запрыгнуть на голубое тело, нещадно молотя противника кулаками, Роджер ощутил странное волнение.

— Порядок, кто следующий? — с вызовом бросила она, делая руками победные жесты.

Голубой лишь тихо стонал.

— Что ж, желающих, как вижу, больше нет! — подвела итог К'Нелл, широко улыбаясь.

Роджер в первый раз заметил, какая глупая у него улыбка... хотя... Хотя, с другой стороны, она была достаточно мила, и в ней читалось что-то... мальчишеское, вызывающее материнское желание потрепать дитятю по голове и нежно поцеловать в лобик.

— Никогда раньше не понимала, почему ваш брат так любит все эти рукопашные поединки! — радостно воскликнула К'Нелл.— Пожалуй, это хорошо успокаивает нервы, когда удачно заедешь кулаком по чьей-нибудь противной скуле.

Она как бы случайно опустила тяжелую руку на плечо Роджеру, и тот с ужасом заметил, что его колени начали предательски дрожать.

— Убери руку, варвар ты этакий,— взвизгнул Роджер, стряхивая с себя это обидное проявление снисходительного доверия.— Посмотри лучше на этого несчастного! Ты же, наверное, убил его!

Роджер опустился на колени у поверженного тела и принялся тщетно лупить его по голубым пыльным щекам — воин лежал без сознания. Наконец он открыл глаза совершенно желтого цвета — две подсвеченные капельки лимонного сока — и улыбнулся, демонстрируя прекрасные зубы. А в следующую секунду голубая рука нежно, но настойчиво сжимала его бедро. Подчиняясь неведомому рефлексу, Роджер наградил голубое ожившее лицо звонкой пощечиной наотмашь, послав однажды уже побежденного в повторный нокаут.

— Уж не собирается ли он оживать, этот горе-насильник? — встрепенулась К'Нелл, походившая в этот момент на драчливого петуха.

— Не твое дело,— ответствовал Роджер.— Придумай лучше что-нибудь, чтобы вытащить нас отсюда.

— У меня руки чешутся еще раз задать этому дегенерату...

— К'Нелл, о чем ты думаешь? Лучше сконцентрируйся на наших параметрах, которые так беспокоили тебя совсем недавно!

— Поверь мне, у таких маньяков только одно на уме!

— Как, впрочем, и у меня. Я хочу выбраться отсюда, и только! Неужели ты еще не понял, что это совершенно иная среда! Хорошо еще, что мы способны дышать этим воздухом! Но если будем медлить, доза радиации может оказаться смертельной!

— Интересно,— К'Нелл рассматривала аборигена с несвойственным ей отвращением,— почему этот клоун протягивал к тебе руки?

— Сама должна знать,— ответил Роджер.— Все мужчины одинаковы! Я имею в виду, что... э... сам факт принадлежности к мужскому полу... в смысле... э... ну, ты меня понимаешь... и потому вполне естественно...

— Наверное, ты сам не имел ничего против! — бросила обвинение К'Нелл.— Ах ты, маленькая грязная проститутка!

— Возьми себя в руки, К'Нелл! На карту поставлены наши жизни! Тысячи других жизней! Постарайся вспомнить свой неудачный эксперимент и проделай его в обратном направлении.

— Мне кажется, мы попали во вселенную с обратной полярностью,— небрежно бросила К'Нелл,— но давай забудем об этом на время. Знаешь, Т'Сон,— в ее голосе появились вкрадчивые обертоны, от которых у Роджера мурашки пошли по коже,— ведь у нас даже не было возможности узнать друг друга.— Она придвинулась еще ближе.— Там, в Первой культуре, они меня совсем загоняли, так что у меня даже не нашлось времени посмотреть на тебя, увидеть — какая у тебя приятная... э... личность.

— Оставь мою личность в покое,— вспыхнул Роджер.— Лучше подумай, как нам вернуться в свои параметры.

— Каким образом, скажи мне, пожалуйста, я могу сконцентрироваться на технических вопросах, если твоя ладная фигурка всякий раз вызывает во мне очень странное ощущение... твоя тоненькая талия, твои удивительные...

— Послушай, К'Нелл! — сурово сказал Роджер, отстраняя настырные руки.— Держи себя, в смысле... меня, в руках! Ясно, девочка? Вспомни о своем благоразумии! Вспомни, что говорил нам С'Лант. Если мы не сломаем этот капкан, весь пространственно-временной континуум окажется открытым во всех направлениях! Представь себе, какая поднимется суматоха, когда по Европе во время Первой мировой проскачет Чингисхан, а Людовик Пятнадцатый встретится с генералом де Голлем, а Тедди Рузвельт...

— Хорошо, хорошо, я понял, что ты хочешь сказать.— К'Нелл немного отодвинулась, тяжело дыша.— Ты уверен, что не хочешь...— И снова придвинулась.

— Нет! Давай ближе к делу. Канал! Ведь это совсем нетрудно, К'Нелл. Закрой глаза и начинай мысленно взбивать эту серость до консистенции... заварного крема.

— Я пытаюсь,— промямлила К'Нелл, закрывая не свои глаза,— но в голову все время лезет всякая дрянь!

Роджер тоже закрыл глаза.

— Здесь нет ничего сложного,— начал он спокойным менторским тоном.— У меня с этим не было никаких проблем. Каждую ненужную мысль откладывай в сторону.

— Знаешь, когда ты бежишь, у тебя все восхитительно трясется,— простодушно заметила К'Нелл.

— Поверь мне, это к делу не относится,— холодно ответил Роджер.— Ну же, возьми себя в руки и подумай о главном!

— Я и думаю! И ни о чем другом я думать не могу! Огромные упруго-выпуклые галактики скачут галопом... Т'Сон! Я восхищаюсь вами, мужчинами, честное слово, что вы ухитряетесь иногда сдерживать свои порывы! Это как... как...

— Как ничто другое на свете,— подсказал Роджер.— Я прекрасно помню... хотя... хотя теперь это представляется весьма глупым... Остается только предположить, какую важную роль играют железы внутренней секреции... в философии, например.

— Ты прав,— сказала К'Нелл задумчиво.— Но в конце концов, это твоя вина, что нас отправили вместе, значит, ты не можешь не хотеть...

— Прекрати! Что ты уговариваешь меня, как женщину? — вскричал негодующе Роджер.— Лучше попытаемся сконцентрироваться вместе! Вдруг вместе у нас получится?!

Он мысленно устремился к каким-то смутным предметам, плывущим перед закрытыми глазами, но они неожиданно пошли пузырями и не позволили Роджеру войти в характерную серость канала.

— Как дела, К'Нелл? — спросил он.

— Не знаю... мне кажется...

— Правда? Попробуем еще раз! Ты способна на это?

— Возможно,— проговорила К'Нелл,— но я бы советовала тебе открыть глаза.

Роджер внял ее совету — зрелище оказалось не самым веселым: всюду торчали острые копья, а за ними угадывались призрачные очертания окруживших их голубых всадников.

— С ума сойти! — говорил Роджер часом позже, когда они уже пережили варварскую транспортировку верхом рядом с потными голубыми телами и унизительное интервью в совершенно темной комнате в присутствии невидимых свидетелей.— Подумать только! Догадаться посадить нас в одну камеру!

— Зато это означает всего лишь одну дверь, через которую нам желательно прорваться,— ответила К'Нелл.— А ты бы, наверно, хотел отдельные комнаты? Мужскую и женскую?

— Почему ты такая грубая? — Роджер трагически сцепил пальцы и быстро расцепил, смущенный собственным жестом.

— Давай будем смотреть на вещи реально! — предложила она.— Что мы имеем: мне приходится пользоваться не самым совершенным мозговым аппаратом по твоей вине, Т'Сон. Я со своей стороны делаю все возможное...

— Ты что-нибудь поняла на допросе?

— А что я могла понять? Темно, хоть глаз выколи, неслышные голоса... Я, например, вообще не уверена, что нам задавали какие-нибудь вопросы.

— Да нет, вопросы были,— произнес Роджер важно,— и их скоро возобновят, потому что они еще не закончили допрос...

— Откуда ты знаешь?

— Так, женская интуиция.

— Ах, только это,— протянула К'Нелл разочарованно,— всякая мешанина из полудогадок и полумечтаний.

— Сама увидишь,— обиделся Роджер.— А теперь тихо. Если ты сама ни на что не способна, не мешай хотя бы мне.— Он вытянулся на полу и попытался заглянуть в серые круги, мерцающие перед его закрытыми глазами...

...Но был разбужен тычком ноги в бок. Рядом с ним К'Нелл пыталась совладать с двумя дюжими флуоресцентными стражниками.

Теперь их толкали самым бесцеремонным образом, ведя по длинным сумрачным коридорам... И наконец они оказались на огромном тюремном дворе, обнесенном мощными стенами, под сереющим небом полдня. На небе можно было увидеть какие-то

темные точки, словно над ними завис гигантский негатив астрономической фотографии.

— Мне кажется, я начинаю понимать, что значит этот странный свет,— шепнул Роджер на ухо К'Нелл, когда они стояли у щербатой стены.— Дело в том, что спектр наверняка смещен — мы видим тепловые колебания, поэтому живые существа светятся, а световые колебания сместились в диапазон радиоволн.

— А я, кажется, начинаю понимать нечто более интересное,— поведала К'Нелл.— Эти десять голубых стрелков напротив с ружьями в руках — убойная команда! Нас хотят расстрелять!

— Неудивительно, ты был прекрасным дипломатом,— горько пошутил Роджер.— Если все готово, чего же они ждут?

— По крайней мере, мы избежим пыток,— шепнула К'Нелл.— Успокойся и сосредоточься! Попробуем вместе. Может быть, перед лицом смерти я смогу использовать те девяносто два процента твоей мозговой массы, которые, согласно показаниям прибора, остались невостребованными.

— А я не знаю, что делать с твоим мозгом.

— Попробуй, разыграйся! Это прекрасно настроенный инструмент, прошедший школу изощреннейшей ментальной дисциплины Первой культуры. Пользуйся им смелее!

Напротив них выстроились десять голубых стрелков, устремив на свои цели ярко-желтые глаза, горящие в жутком сумраке тюремного двора. Роджер задрожал.

— Не могу,— простонал он.— Все, на что я способен, это думать о предстоящей боли.

— Тогда все пропало,— сказала К'Нелл.— Боюсь, что твои панические реакции уже нарушили и мою выверенную концентрацию.

— Твои слова обидны,— молвил Роджер, чувствуя стремительный прилив непонятной нежности к этой девочке,— но я не буду обижаться, не думай.

— Ты способен проглотить все, что угодно! Это поразительно! Жертвенная самоотверженность проститутки!

— Как тебе не стыдно! Когда ты сходил с ума от вожделения, все было нормально, но стоило мне раз пожелать тебя — и ты называешь меня проституткой!

— Успокойся! Я не имел в виду ничего обидного!

— Черт тебя побери! Мне-то казалось, я тебе нравлюсь, а ты лишь развлекалась, проверяя мои реакции!

— Это неправда! Ты очень хороший, очень красивый... Я думала... Только какое это имеет значение теперь? Это конец. Прощай, Т'Сон. С тобой было интересно...

Роджер не отвечал. Завороженный, он смотрел на десятерых голубых стрелков, заряжающих десять ружей. Внезапно перед глазами его задрожала вертикальная линия света, между ними и их голубыми палачами с наведенными дулами. Она ускользала, появлялась снова, змеилась, мерцала...

— Т'Сон! — закричала К'Нелл.— Это дверь! Это старый добрый С'Лант пришел нам на помощь!

— Только бы он поторопился и скорее сфокусировал линию,— процедил, сжав зубы, Роджер.— Через какие-нибудь две секунды...

— На счет три ложись! — шепнула К'Нелл.— Раз!

Убойная команда прицелилась.

— Два!

Дверь была сфокусирована, и оттуда показалась непонятная фигура... вот она стала видна лучше — кирпично-красная масса с двумя пучками щупальцев...

— Три! — крикнула К'Нелл.

Роджер бросился плашмя на землю, явственно ощутил пульс предгромовой тишины, увидел гигантскую тушу, разорванную целым ливнем пуль, предназначавшихся для людей.

Пораженные стрелки застыли с открытыми голубыми ртами, завороженные зрелищем неведомого существа, таинственно возникшего между ними и их мишенями.

— За мной! — вскричала К'Нелл, хватая Роджера за руку.

— Это... это не та дверь,— пятился Роджер.

— У нас нет выбора! — воскликнула К'Нелл.

— Ты права,— с трудом выговорил Роджер.

Они вместе бросились вперед, нырнув в спасительную щель.

Глава 9

Они мчались в вихре тишины и света, который клубился вокруг них, переливался, сверкал и пульсировал голубым, красным, золотым, зеленым, как падающие драгоценные камни из порванного ожерелья.

— Как красиво! — услышал Роджер знакомый голос.— Но где мы? Это ведь не канал. В пределах нашей модели экстраполированной Вселенной такое невозможно!

— И все же это есть! — сказал Роджер.— А мы по-прежнему живы и можем наслаждаться этим!

— Надо немедленно вычислить наши координаты, чтобы понять, куда мы несемся с такой скоростью. Вдруг мы на пути к их базовому центру?

— Все может быть,— согласился Роджер.— А скорость действительно колоссальна.

Здесь так же, как и в канале, отсутствовало ощущение пространства, и казалось, что они мчатся в какой-то совсем иной среде.

— Хочу еще раз поиграть нашими параметрами,— сообщила К'Нелл.— Как бы то ни было, а в здешней среде заниматься этим гораздо проще, здесь мы удивительно пластичны!

— Только смотри, не переверни наши параметры еще раз! — предупредил Роджер.

— Как раз это я и хочу сделать! — призналась К'Нелл.— Только боюсь, что простая перестановка вряд ли поможет нам стать самими собою...

Облака света жили своей жизнью, то пропадая, то громоздясь грозовыми тучами, мерцая бледно и жутко. Казалось, что путешественники плыли по бушующему небу, огибая разноцветные гряды кучевых облаков, не понимая, где верх, где низ, забыв о существовании земли. Они падали вниз утомленными чайками, носились между башнями и среди ущелий, пронзали насквозь упругие громады волн, ныряли в коридоры воздуха и света, легко и плавно скользили по глади сплошных облаков.

— Мне нехорошо, меня тошнит,— не выдержала в конце концов К'Нелл, бросилась вниз и, задержавшись, перевернулась на спину.— Сплошная относительность и никакой системы координат!

— Если бы хоть что-нибудь оказалось под ногами, хоть какой-нибудь упор,— мечтал Роджер.— Боюсь, что у меня тоже начинается эта болезнь... воздушно-морская...

Едва сказав это, он почувствовал что-то твердое под ногами. Роджер посмотрел вниз: под ним оказался кусочек бледно-голубого пола.

— К'Нелл, смотри! — Он замахал сверху руками.

— Откуда это взялось? — спросила она.

— Я просто подумал о нем — и он появился!

К'Нелл подлетела ближе, грациозно изогнулась и слегка коснулась пола.

— А ты действительно на нем стоишь, Т'Сон? — Она ткнула поверхность пальцем, потом оперлась кулачком.— Вполне твердый! Удивительно! Очевидно, мы попали в какое-то на редкость податливое пространство, принимающее конкретную форму наших мыслей и желаний!

Роджер опустился на четвереньки, подполз к самому краю и, заглянув вниз, посмотрел вокруг.

— Пол толщиной в дюйм,— констатировал Роджер.— Нижняя поверхность не обработана.

— Осторожней, Т'Сон,— предупредила К'Нелл.— Смотри, не сдвинь как-нибудь наши параметры и... Скажи, а ты можешь чуть увеличить его в размерах?

— Попробую...— Роджер закрыл глаза и представил, как пол увеличивается в размерах до шести метров с каждой стороны, плавно закругляясь по краям.

— Здорово получилось! — ликовала К'Нелл.— Просто здорово! Молодец!

Открыв глаза, Роджер с удовлетворением заметил, что пол стал таким, каким он его представлял. Они вместе подошли к самому краю.

— Знаешь, у меня немножко кружится голова, когда я смотрю вниз и вижу пустоту,— призналась К'Нелл и отступила на шаг.— Может быть, мы ее чем-нибудь заполним?

Роджер представил зеленую травку и раскидистые деревья... и прохладную тень под ними.

— Здорово! — воскликнула К'Нелл, проверив качество чудесного парка.— Может, стоит мне самой попробовать?

— Будь осторожна,— предупредил Роджер.— У тебя может не хватить сил справиться с этим.

— Отойди,— посоветовала К'Нелл.

Роджер увидел, как перед ним в мгновение ока воздвиглась высокая стена, как она секунду простояла сплошь оштукатуренной, а потом в ней прорезалось несколько кривое оконце с розово-красными занавесками, через которое на него устремился яркий солнечный свет. Роджер обернулся. Он находился в комнате — настоящей комнате со стенами, потолком и даже ковриком с узором из алых и желтых цветов.

— Ничего особенного,— сказала К'Нелл.— Так, теперь пару стульев...

Появилась пара массивных, плохо подходящих друг к другу кресел, дополненных подушками, обтянутыми черным блестящим сатином с голубыми буквами «САЙГОН» и «МАМА».

— Ужас! — не выдержал Роджер.— У тебя совсем нет вкуса!

Он представил два изящных стула в стиле чиппендейл, добавил сбоку столик, на котором оказался серебряный поднос с дымящимся чайником и пара чашек из тонкого фарфора.

— Тебе налить? — предложил Роджер.

— Спасибо, я лучше сотворю что-нибудь витаминизированное,— пожелала К'Нелл и со стуком произвела на свет бутылку с кричащей этикеткой. Затем она придумала штопор и налила полную чашку своей ядерной смеси.— Неплохая штука,— воскликнула она, прищелкнув языком.— Хочешь попробовать?

Роджер посмотрел на яростно пенящуюся шипучку и содрогнулся.

— Конечно нет! — отозвался он.

К'Нелл снова наполнила чашку, прошлась по комнате, попутно вешая по стенам безвкусные картинки в золоченых рамках и расставляя повсюду лампы с причудливыми абажурами — Роджер лишь морщился от всего этого безобразия.

— Неплохо,— подвела она итог.— Но чего-то все равно не хватает.

Она пронзила глазами стену — появилась дверь. Открыв ее, она придумала спальню, в которой не было ничего, кроме огромной кровати.

— Как насчет этого, Т'Сон? — спросила К'Нелл.— Может, хочешь отдохнуть?

— Не стоит снова возвращаться к этому,— заметил Роджер.— Ты, главное, помни, что единственной целью нашего домостроительства было обретение каких-то ориентиров.

— Нельзя же все время думать о работе, Т'Сон! Иногда так хочется развлечься!

— Я не позволю развлекаться с собой! — закричал Роджер.— В конце концов, я мужчина! Перестань кобылить и отдай все силы решению основной проблемы!

— Я так и делаю, Т'Сон.

К'Нелл налила третью чашку до краев, осушила одним залпом, со стуком опустила на стол и страстно потянулась к Роджеру. Роджер подпрыгнул и спрятался за креслом.

— Перестань сейчас же, или я приглашу самого огромного полицейского, какие бывают на свете! — закричал он.

— Правда? — К'Нелл попыталась схватить его, но промахнулась, с трудом удержавшись на ногах.— Кажется, начинает действовать,— пробормотала она.— Но это лишь способствует установлению праздничной атмосферы.

Она отставила чашку, еще раз атаковала Роджера, но зацепилась ногой за кресло и живописно растянулась на полу.

— Я предупредил тебя! — Роджер закрыл глаза и представил двухметрового штурмовика в подкованных железом ботинках, с медными наручниками и кожаным хлыстом с узлами на конце.

Раздался глухой звук и металлическое бряцание. Роджер открыл глаза: огромная фигура полицейского рухнула на пол. А К'Нелл была уже на ногах...

— Не думала, что ты осмелишься на такое! — обиженно воскликнула она, приближаясь к креслу, за которым стоял Роджер.

Несчастный закрыл глаза и нарисовал лестницу, по которой стал стремительно подниматься, перепрыгивая через две ступени. Оказавшись на открытой площадке, он увидел внизу К'Нелл, приближающуюся с кротким видом.

— *Еще ступеней! — скомандовал он и побежал наверх.*

Лестница представляла собой плавно изгибающуюся спиралевидную конструкцию с перилами из стекла и хрома. Жаль, что он не придумал лифт — на высоте дул очень холодный ветер.

— Крышу! — раздался снизу неистовый крик К'Нелл, и путь Роджера в небо перерезало солидное перекрытие, воздвигнутое на мощных опорах.

— Дверь! — вышел из положения Роджер.

Он толкнул получившийся люк рукой и, очутившись на голой крыше, закрыл за собой дверь.

— Давай замок,— задыхаясь, прохрипел он и, повернув несколько раз блестящий медный ключ, бросился на дверь сам.

— Сдавайся! — посоветовала К'Нелл, взбираясь на перила.— Аварийный выход!

— Веревочную лестницу! — попросил Роджер, вцепился руками в болтающиеся перекладины и пополз вверх.

Над ним уже нетерпеливо дрожал гигантский баллон воздушного шара, на упругом выпуклом боку которого метровыми буквами было выведено: «ОМАХА, НЕБРАСКА».

— Лук и стрелы! — не отставал нижний голос.

В следующий момент раздался звон тетивы, быстрый шелест стрелы, звук рвущегося материала и длительный, шипящий свист. Баллон спускался с удивительной скоростью. Роджер свалился на крышу, сверху упали лохмотья воздушного шара. Убедившись, что путь свободен, он поднялся, оглянулся по сторонам, ища безумную К'Нелл. Спутница в его, Роджера, теле лежала под перилами без сознания, а рядом дрыгал щупальцами темно-красный одноглазый монстр; казалось, сама его поза источала бесконечную угрозу.

— Пулемет! — заорал Роджер и секунду спустя ощутил под руками холодную железную плоть страшного оружия.

Он щелкнул затвором и обрушил огневой ливень на чудовище... Но вдруг в его глазах загорелся странный свет. Он почувствовал, что пулемет выпадает из рук, ощутил сильную дрожь в коленях. Внезапно мозг его изнутри осветился церковной свечой, на секунду из тьмы показались какие-то сияющие фрагменты, мерцающие все слабее и слабее, пока совершенно не потухли, растворившись во тьме.

Придя в себя, Роджер понял, что лежит на твердом холодном полу. Он протер глаза и приподнялся, инстинктивно пытаясь отыскать какую-нибудь опору, но тут же осознал, что лежит на небольшой платформе, которая болтается над отверстием бездонной пещеры голубого цвета на одной-единственной тонюсенькой ниточке, выходящей из сложного переплетения разнородных проводов. Воздух был наполнен низким глубинным гулом и, *несмотря на это, отдавал самым обычным канцелярским клеем* — библиотечный запах? Роджер свесился с края плота, но тут же отпрянул, так как взгляд не мог пронзить головокружительную бездну.

— А-а, я рад, что ты решил реактивировать свое второе тело,— послышался совсем рядом странно вязкий голос.— Это добрый знак. Возможно, он свидетельствует о скорой встрече двух интеллектов, я надеюсь...

При звуках столь странной речи Роджер от удивления подпрыгнул, но потерял равновесие и опустился на четвереньки. Невдалеке он увидел подвешенный, изящно изогнутый пульт, около которого крепился круглый табурет. На табурете восседала аморфная, безглавая, грязно-красная Брюква.

— Большой глоток воды,— пожелал Роджер.

— Большой глоток? А, это, наверное, дружественное приветствие на твоем образном языке... В таком случае — большой глоток тебе, сэр или мадам! Прекрасный глоток, не правда ли? Должен признаться, мне до сих пор жутковато видеть тебя целым и невредимым после того, как ты совершенно явственно погиб-погибла в том кювете третьего порядка. Да уж, правду говорят: век живи, век учись! Теперь, когда мы уяснили твою двусоставную природу, мне кажется, у нас не возникнет никаких недоразумений. Все пойдет как по маслу, как говорится.— Его оранжевые переливы, очевидно, означали крайнюю степень умиротворения и самодовольства.

— Кто ты... вы?

— Я являюсь формой жизни в высших пространственно-временных кругах, сэр, где меня знают как рокса по имени Уб. Я рад приветствовать тебя в нашем Верховном управлении. Думаю, ты простишь нас за несколько негуманные методы транспортировки... Но, учитывая тот факт, что все мои предыдущие опыты ведения переговоров с тобой не увенчались успехом, это был единственный способ доставить тебя сюда.

— Переговоры? — промямлил Роджер.

— Именно так.— Слова вылетали из метровой ширины ротового отверстия, расположенного под циклопическим глазом.— Теперь о деле. Если ты любезно согласишься открыть мне причины, побудившие тебя преследовать меня, то я...

— Преследовать тебя? — взорвался Роджер.— Это уж слишком!

— О, я понимаю, я все понимаю — в этом проявилась твоя коварная сущность антагониста. Мы ведь подключили к тебе всю экстраполярную компьютерную сеть, чтобы попытаться выявить систему ценностей, лежащую в основе твоих тактических ходов. Мы пришли к такому альтернативному решению: либо ты полный кретин, либо враждебно настроенный могучий интеллект непостижимо тонкой организации. Первое пришлось отбросить, так как сам факт, что ты до сих пор жив, говорит за себя.

Ярко-оранжевый оттенок Уба несколько увял, и ему на смену пришел более нейтральный цвет.

— Я-то жив, а что с К'Нелл? — встрепенулся Роджер.

— Прошу прощения, я не загрузил в память это имя,— признался Уб.— Все существа вашего порядка кажутся нам одинаковыми.

— Он симпатичный,— напомнил Роджер,— широкоплечий и курчавый.

— Мы знаем одного, подходящего под эти параметры,— с большим носом и близко посаженными глазами.

— Близко посаженные глаза? — переспросил Роджер, изо всех сил вглядываясь в единственный окуляр своего врага.

— Ну да, твое второе тело. С ним все нормально. Так как ты продемонстрировал феноменальную способность реактивировать второе тело после гибели первого, я вряд ли стану пытаться умертвить его каким-либо внешним способом. Наоборот, я хочу прийти к известному... э... взаимопониманию.

Перед глазами Роджера вдруг предстала жуткая картина: беспомощная К'Нелл в лапах страшилищ.

— Вдруг они решили ее пытать,— пробормотал он.— Вдруг они бьют ее руками и ногами, и она лежит вся в ушибах и синяках — желто-синяя! Подумать только, и на очереди — я, мое тело... и...— Тут он все понял.— Вы думаете, что я — это она! — закричал он.— А она — это я!

— Естественно. Может быть, мы не сразу это поняли, но я все же догадался об этом достаточно быстро. Хотя, с другой стороны, мне совершенно непонятно, для чего ты, существо столь высокой организации, затеял весь этот маскарад с двумя аборигенами трехмерного континуума. Но я не любопытен... нет, отнюдь не любопытен! Теперь относительно прав собственности на трансвременной канал. Поскольку всем этим хозяйством, естественно, распоряжаюсь я сам, то могу тебе совершенно точно гарантировать определенную долю — сам факт твоего появления здесь подтверждает и обеспечивает твое право собственности, отрицать законность которого я не собираюсь. И все же, сэр, при всем моем уважении к вам давайте попробуем договориться. Приближается день «Д», день начала операции, вот-вот должна начаться генеральная бомбардировка, и я думаю, сэр, что в этих условиях вы не откажетесь сотрудничать с нами, естественно, за приличное, очень приличное вознаграждение!

— Да пошел ты к чертовой бабушке! — заорал Роджер.— Неужели ты на самом деле думаешь, что я продам тебе информацию, которая поможет тебе поработить Землю! Ну и осел же ты после этого!

— Не надо горячиться. Не стоит,— успокаивал его Уб.— Допустим, я уступаю тебе все права собственности на этот прекрас-

ный уютный континуум в нескольких системах координат отсюда. Допустим, вон там,— махнул щупальцами обиженный рокс.

— Одного я не могу понять, почему ты решил, что я соглашусь помогать тебе, Брюква ты чертова?

— Небольшая коррекция: мы не принимаем в пищу трехмерные васкулярные флюидные образования типа брюквы. Нам эти феномены незнакомы. Что касается моего предложения о сотрудничестве, то я готов еще более стимулировать твой интерес в этом деле...

— Никогда в жизни! — отрезал Роджер.— Мы зря теряем время!

— Твоя позиция весьма реакционна, сэр,— важно заметил рокс.— Я думал, ты захочешь разделить наши интересы!

— Только попробуй, сунь нос на нашу планету! — осмелел Роджер.— Ты, жалкая брюквина, сбежавшая из погреба. Мы будем преследовать тебя в пустыне! Мы будем драться с тобой в городе! Мы нарежем тебя такими ломтиками, что ты сгодишься для французской кухни!

— Послушай, представь себе, я сделаю тебя своим партнером, но, естественно, молчаливым.

— Ты не властен сделать меня молчаливым! — воскликнул Роджер.— Я создан по другой схеме, чем ты. К твоей мерзкой организации я не имею никакого отношения.

— Мерзкая, сэр? Я бы так не сказал. Мне кажется, я в силах придумать какое-нибудь грандиозное развлечение для себя и тех десятков миллионов замученных, задавленных существ!

— Так ты хочешь поразвлечься? — в ужасе спросил Роджер.

— Ну конечно, а что же еще? Я думаю, массы будут визжать от восторга. Сам я, разумеется, все это видел не один раз, но в сегодняшней ситуации, учитывая беспрецедентную тупость и низость масс, открываются уникальные возможности для хорошей комедии, особенно интересной для детей.

— Да ты монстр в человеческом облике! — ужаснулся Роджер.— Или нет, ты — человек в образе монстра! Ты знаешь, что такое совесть!

— При чем здесь совесть? Это бизнес, вот и все. Только бизнес, сэр!

— Такой дьявольский бизнес никогда не сможет опутать Землю, запомни это, даже если бы я согласился помогать тебе!

— А, теперь я начинаю понимать...— взвизгнул Уб.— Ты хочешь провернуть эту штуку сам! — Став совершенно черным, рокс потянулся щупальцем к гигантскому рычагу.— Ты сам заставляешь меня сделать это! Я думал, ты будешь более благоразумным, сэр. Но поскольку ты упрям как осел, я вынужден прекратить встречу.

— Что... что ты собираешься сделать? — спросил Роджер.

— Я отправлю тебя вниз по этой трубе, которая, надеюсь, выбросит тебя, как и всякий другой мусор, из пространственно-временного континуума, а сам немедленно приступлю к реализации своих планов!

Это было последнее предупреждение. Нитка, на которой висела платформа, оборвалась. Серость закружила Роджера, и бесконечная пустота снова поглотила его. Он падал бесконечно долго и вдруг... остановился. Где-то.

Глава 10

Роджер очутился в какой-то жутко-чернильной темноте, в среде совершенной неподвижности, абсолютного отсутствия. Он кричал, но ответа не было; он снова кричал, но не слышал даже эха. Ему показалось, что под ним пол. Он полз на ощупь, но ни на что не натыкался. Опять полз и не находил даже стены.

— Быть может,— рассуждал он, собирая последние крохи спокойствия,— у меня вновь получится реализовывать фантазмы... как раньше? — И, глубоко вдыхая, представил настольную лампу под стареньким абажуром.— Пусть будет свет,— шептал он.

И свет появился. Вокруг распространилось настоящее сияние. Роджер зажмурился, встал на ноги и, раскрыв глаза, посмотрел по сторонам. Под ногами было сплошное бесконечное поле полированного стекла — голого, однообразного.

— В любом случае, это лучше, чем нестись в беспространстве по воле ветра и волн,— подбадривал он себя.— Мой следующий ход — разведка местности. Если быть честным, это мой единственный ход, так что можно начинать немедленно... Хотя...— Он прокашлялся.— Велосипед!

Грохот и треск, шум и грохот! Гигантские обломки стометрового велосипеда раскиданы на полмили; сорокаметровое колесо отскочило и лениво крутится.

— Меньше! — уточнил он.— И, желательно, поближе к земле.

— Маленькое существо, это твои проделки? — Голос издалека расколол белое небо.

— Кто вы? — испуганно спросил Роджер.

— Это я, кто же еще?

Роджер закрыл ладонями уши.

— Вы всегда говорите так громко? Вы порвете девичьи хрупкие перепонки!

— Так лучше? — Приветливый голос прозвучал где-то совсем рядом.

— Гораздо лучше. И все же... кто вы?

— Зови меня просто УКР.

— А где вы, мистер Укр?

— В данный момент я занимаю нишу девятого измерения в локусе 3,432,768,954, приложение один, главного каталога, а что?

— Да так, знаете, это достаточно неудобно — разговаривать, не видя собеседника.

— Попробую растянуться до оси трехмерного псевдотела и войти в твое измерение.

И через мгновение смутно-амфорная масса плюхнулась около Роджера. В высоту она достигала почти четырех метров, пухлая голова имела широкий слюнявый рот, из которого в разные стороны торчали самые разные зубы, красные глаза явно косили, ноздри походили на сквозные раны от пуль крупного калибра, руки непропорционально далеко уходили в стороны и оканчивались широченными ладонями с заскорузлыми пальцами, украшенными никогда не стриженными ногтями.

— Вот это да,— поразился Роджер и поспешно попятился.

— Что-нибудь не так? — Громовой голос извергался из чудовищной пасти.— Я сверил каждую часть тела по внутреннему каталогу, который находится в твоем подсознании. Что-то кажется странным?

— Немножко не те габариты,— рискнул сказать Роджер.— Попробуйте еще раз.

— Ну а теперь как, ничего?

Фигура перелилась в другую форму с легкостью расплавленного воска, оказавшись на сей раз двухметровым брюхатым болваном с крошечной треугольной головкой и лицом, покрытым бородавками и награжденным заячьей губой.

— Получше, но все равно слабовато... не высший сорт.— Роджер оказался неумолимым.

Фигура сократилась в росте и по-библиотекарски сгорбилась, лицо покрылось сетью морщин (словно было сделано из резины), приобретая благостное выражение пожилого профессора, мощная бородища превратилась в белоснежную бороду патриарха, а красные глазки спрятались за толстыми стеклами очков.

— Вижу, вижу, что на сей раз угодил, вижу по вашим глазам,— проговорил едва дребезжащий приятный голос, выражающий тихую радость.— Или... все равно что-нибудь не так?

— Да, одежда бы не помешала,— посоветовал Роджер.

В то же мгновение голые плечи покрыла мексиканская шаль.

— А сейчас?

— Понимаете, это не совсем в вашем стиле, мистер Укр,— осторожно заметил Роджер.

Новый знакомый Роджера последовательно перемерял футбольные трусы образца 1890 года, ковбойскую курточку с ремнем и пистолетами, леопардовую шубу, пока наконец Роджер не остановил свой выбор на фраке, полосатых брюках и накрахмаленной сорочке со стоячим воротничком.

— Теперь много лучше,— одобрил Роджер, вытирая пот со лба.— Но не подумайте, что я поражен вашими способностями, потому что и сам могу проделать любой ваш фокус.

— Прошу вас, не надо. Увольте! — Профессор поднял руку.— Вы и представить себе не можете, что уже натворили своими фокусами. Разве можно так издеваться над континуумом? Я уже не говорю о том, что вы уничтожили весь мой запас суперпластичного первовещества, которое я хотел использовать в своем экологическом эксперименте на этом почти стерильном срезе.

— Стерильный срез? — Роджер непонимающе оглянулся.— Но я не вижу никакого среза или хотя бы чего-нибудь похожего на срез.

— Прошу прощения,— догадался Укр.— Я забыл, что вы привыкли к уютной трехмерной системе координат.

Мгновенно стеклянное поле напротив исчезло — вместо этого под ними зависла страшная бездна, а они сами стояли на одинокой гряде высоченных гор. Роджер изо всех сил зажмурился.

— Не могли бы вы соорудить какие-нибудь перильца? — попросил он, не разжимая зубов.

— А, так вы клаустрофил... предпочитаете огражденные пространства... Ну что, сейчас лучше? Взгляните же!

Роджер с опаской открыл глаза. Горное плато было обнесено надежными стенами, здесь и там громоздились каменные столы и скамейки, на которых он узнал бунзеновские горелки, реторты, переплетения изогнутых стеклянных труб и другое более сложное оборудование.

— Как в лаборатории,— оценил Роджер.

— Именно так. Что вновь подводит нас к проблеме контаминации или к проблеме загрязнения окружающей среды. Прежде чем я снова стерилизую срез, мне хотелось бы узнать, каким образом вы оказались в этой опечатанной модели экологически чистой среды?

— Это была не моя воля. В эту яму вместе с другими отходами меня выбросил рокс.

— О боже, дело серьезнее, чем я предполагал.— УКР нахмурился.— Значит, в систему попали инородные тела?

— Да уж, достаточно инородные, как вы сами видите,— ответил Роджер.— Видите ли, роксы планировали подчинить себе Землю и поставили во времени капкан, чтобы поймать языка. Так они надеялись получить нужную им информацию. Учтите, что это не просто агрессия, они идут в поход против времени, собираясь завоевать все века одновременно и...

— Земля... подождите... Земля. Хм...— Старец задумчиво пожевал губы.— Не помню. Сейчас! — Он протянул руку и снял с полки, оказавшейся около его локтя, массивный том.

С бешеной скоростью просматривал он словарные статьи, узловатый палец летал по страницам.

— Ага, вот. Расплавленное состояние, интенсивные метеоритные дожди, мощные электрические разряды, атмосфера — CO_2.

— Не совсем... это было несколько раньше, а сейчас...

— Конечно, конечно, я прошу прощения — гигантские ящеры убивают друг друга в бушующих потоках...

— И все же опять не совсем попали... в мое время...

— Прошу прощения. Вот: млекопитающие, цветущие растения, ледники и все такое, правильно?

— Да, почти,— согласился Роджер.— И все это хотели завоевать роксы, если, конечно, К'Нелл не сможет внедрить нуль-

аппарат.— Он резко оборвал свою речь.— Но ведь сейчас я обладаю ее телом, значит, аппарат должен быть у меня.— Роджер пошарил по карманам, нашел какой-то цилиндр и поднес его к глазам.— Вот он!

Профессор принял его двумя пальцами.

— Осторожно! — крикнул Роджер.— Не открутите крышку!

Роджер побледнел, когда старик дотронулся до колпачка. Раздался звук вылетающей пробки, после чего появился дымок. Укр сунул обожженные пальцы в рот.

— Удивительно! Выделяется такое количество временной энергии, что она запросто пробивает континуум четвертого порядка,— восторгался он.— Пожалуй, стоит получше вчитаться в ваш рудиментарный мозг, чтобы узнать, какие еще сюрпризы вы мне приготовили.— Последовала небольшая пауза.— Да уж, прелюбопытно,— закивал головой старик,— хотя, как мне кажется, ваша миссия, мистер Тайсон, из-за многочисленных недоразумений...

— Послушайте.— В голосе Роджера звучала надежда.— Вы производите впечатление очень неглупого человека. Может быть, вы сможете вытащить меня из этой зоны?

— Ни слова более, мой мальчик, я уже все понял и, со своей стороны, сделаю все возможное...

— Правда, вы будете так добры? Прекрасно! Но я хотел бы заметить...

— Загрязнение оказалось более значительным, чем я предполагал,— невнятно бормотал старец.— Согласно данным вашего сознания, эти роксы сумели загрязнить огромные пласты культуры.

— Прошу вас, забудьте на минуту о вашем прозрачном бульоне,— взмолился Роджер.— Ведь речь идет о будущем человеческой расы...

— И потому необходимо многое отсюда выбросить. Мне очень жаль, но и вас тоже. А в принципе, работа не такая уж сложная: всего десять миллиардов четыреста четыре миллиона девятьсот сорок одна тысяча шестьсот два среза.

— Простите, вы назвали число десять миллиардов четыреста четыре миллиона девятьсот сорок одна тысяча шестьсот два, не так ли? — переспросил Роджер.

— Да, и что же?

— Случайное совпадение или стечение обстоятельств, но именно таково число экспонатов в музее.

— Это называется культурными срезами,— бессознательно поправил профессор.— А экспонаты — не то слово. И уж конечно, это нельзя назвать музеем.— Он миролюбиво хихикнул.— Но, как я уже сказал, все выяснится через минуту. Я просто возвращу все это в исходное предматериальное состояние. А вам посоветую не беспокоиться — постойте еще немного и... это будет совсем не больно.

— Подождите! Значит получается, что все это величие природы — не более чем прекрасные микробные культуры?

— Ну уж прекрасные. Скажите — случайные, несовершенные образцы. Намного ценнее файлы — блоки информации. Они-то никогда никуда не денутся! — Старик вздохнул.— А вообще-то, это достаточно унылое занятие: обслуживать лабораторный комплекс для расы строителей, которым наплевать на эту лабораторию...

— Вы имеете в виду расу роксов?

— Организация роксов, молодой человек, на несколько порядков ниже нашей — это просто незначительная инородная примесь, не более. Следуя их собственным высказываниям, прочитанным в их убогом сознании, можно предположить континуум не выше пятого порядка. Я не знаю, с какой целью они освоили систему блочных файлов — может быть, рассчитывают свить гнезда в непроницаемых коробах? — не могу сказать.

— Но если не они заперли время, то кто же?

— Я, конечно,— что за вопрос?

— Вы?

— Ну да! Не по собственному желанию, естественно, а по приказу.

— Кто приказал вам?

— Строители, кто же еще. Я же говорил...

— Да кто же они, наконец?

— В действительности они пока не существуют... или уже не существуют, не знаю, что вернее по вашей системе координат, но когда-то они жили — или будут жить...

— Это бесчеловечно! Десятки тысяч людей оказались похищенными и запертыми навеки в тюрьме, чтобы какой-нибудь

абстрактный хозяин иногда изъявлял желание посмотреть на них на срезе, и нет гарантии, что ему захочется этого еще раз.

— Что касается коренных жителей, признаюсь, мы допустили промах — об их страданиях нам было неизвестно. Ведь подобие рассудка у них появилось совсем недавно — несколько гигалет назад. И все же, несмотря на мое сочувствие несчастным, я должен следовать инструкции.

— Зачем? Вы ведь способны понять...

— Я так спроектирован, никуда не денешься...

— Но ведь речь идет о судьбе тысяч, миллионов невинных жертв и... лишь несколько десятков виноваты... или, скажем, не столь невинных.— Роджер замялся.— Спроектированы, вы говорите?

— Так точно. Ведь я не более чем машина, мистер Тайсон.

— Это слишком неожиданно для меня,— поморщился Роджер.— Музей оказался не музеем, а набором микроскопических срезов.

— Микроскопическая жизнь — хобби строителей,— сообщил УКР.

— А роксы оказались вовсе не владыками Вселенной... скорее, муравьями на стене, тараканами, насекомыми щели.

— Пора начинать дезинфекцию,— прервал Роджера старик.— Было очень приятно обнаружить свет разума в вашей маленькой четырехмерной проекции, зафиксировать отдельные всплески эмоций, пережить ощущение времени, испытать сенсорные стимулы, пообщаться, в конце концов, при помощи словесных символов, то есть приобщиться к языку начальных форм разумной жизни, языку, который просуществовал в эмфазе лишь несколько мгновений.

— Вы не знаете значение слова «эмфаза»! — крикнул Роджер вдогонку расплывающейся фигуре.— Вы говорите о дезинфекции так, словно речь идет не о людях, а о каких-то насекомых!

— Если пренебречь дезинфекцией, загрязнение распространится на другие серии и возникнет угроза всей системе блочных файлов.

— Но почему нельзя просто открыть замок и выпустить всех?

— Боюсь, это невозможно. Чтобы обезвредить инфекцию роксов, придется прикрыть место, называемое Землей.

— Прикрыть целый мир? — Роджер чуть не задохнулся.— Вы собираетесь уничтожить планету во имя стерильности вашей блочной системы?

— Что же еще я могу сделать?

— Нужно заняться устранением причины! Достаточно поймать несколько этих зловредных роксов, ведь это они проделывают щели в мироздании, а не мы!

— Боюсь, это займет слишком много времени, уйма работы в картотеке. Проверять все на всех уровнях.— Профессор махнул рукой, очевидно явственно представив удручающее множество зеленых скоросшивателей.— Гораздо проще устранить сразу большую партию. Да и ущерб от этого небольшой...

— Ведь вам не нужно ловить всех роксов — только лидеров! — настаивал Роджер.— Например, главного — Уба, самого рьяного трубопрокладчика.

— Слишком много возни!

— Отправьте меня, и я помогу вам! Если операция удастся, я спасу целую серию срезов, не так ли?

— Это бессмысленно, молодой человек! Материал уже доказал свою научную бесперспективность.

— Но для нас-то это перспективно и осмысленно, поймите же вы! — не сдавался Роджер.— Если вам мир больше не нужен, не отбирайте его у нас!

— Я сомневаюсь в...

— Ну давайте попробуем, пожалуйста! Ведь если я погибну, вы ничего не потеряете!

— В этом что-то есть... Ладно, малыш, вперед! Покажи, на что ты способен, хотя...— Старик критически осмотрел Роджера.— Ты выглядишь достаточно хрупким для рукопашной схватки с целой группой существ, которые, при всей их убогости и недоразвитости, имеют преимущество свободного маневрирования больше чем в трех измерениях...

— Но ведь можно научить меня кое-каким трюкам, чтобы я был на уровне? — неуверенно сказал Роджер.

— Твои конкретные предложения?

— Ну... как все знают, супергерои имеют богатырскую силу, непробиваемую кожу, рентгеновское зрение, способность летать...

— Так-так. Боюсь только, что от всего этого мало пользы, несмотря на огромные затраты. Лучше я пойду и искупаю этот вредный континуум в кью-радиации.

— И все-таки не забудьте о богатырской силе, маленькой шапке-невидимке, сапогах-скороходах и пистолете-дезинтеграторе.

Старик с сожалением покачал головой:

— Все это требует утомительно долгой работы по растяжению естественных пространственных законов — это очень сложно и... глупо.

— Тогда дайте хотя бы пуленепробиваемый жилет и автомат сорок пятого калибра!

— Все эти приспособления не в силах тебе помочь, дорогой мой,— утомленно объяснял старый профессор.— Надо полагаться лишь на интеллектуальную мощь и хитрость и забыть о примитивной трехмерной силе!

— Есть еще одна просьба... Дело в том, что я голоден и не отказался бы от бутербродов с ветчиной.

— Ради бога, извини меня. Я тут заговорился с тобой и забыл об элементарном гостеприимстве — старею потихоньку, ржавею, а что делать... Последний гость был в... А впрочем, какая разница, что скажут тебе эти координаты...

Он поднялся и открыл перед Роджером дверь.

По тропинке, огибающей цветущую изгородь, они прошли к маленькой, уютной террасе, где стоял стол, покрытый белоснежной скатертью, на которой блестело золото и серебро, матово белел китайский фарфор. Они сели за столик вдвоем, и голодный Роджер поднял серебряную крышку, под которой дымились креветки.

— О! — воскликнул он.— Мои любимые! А... Я надеюсь, вы составите мне компанию и попробуете эти креветки, несмотря на то что вы... э... машина и прочее...

— Конечно, конечно. В трех первых измерениях я способен ходить, говорить, думать и так далее... только вот жить не умею...

Роджер поухаживал за старичком, не забыв и о себе. Они обедали, а между тем на заднем плане неведомый струнный оркестр тихо заиграл что-то легкое и мелодичное.

— Неплохо,— заметил Роджер, откидываясь на спинку стула и похлопывая себя по маленькому аккуратному животу, изначально принадлежащему К'Нелл.— Сидя здесь, трудно поверить, что

несколько минут назад я, безоружный и голодный, собирался спасти мир.

Профессор снисходительно улыбнулся.

— По крайней мере, хоть какие-то ресурсы у тебя теперь будут. Помочь тебе с материальным вооружением я не смогу, но ментально обещаю присматривать за тобой и время от времени даже давать советы.

— Мне никогда не везло с приобретением материальных вещей,— вздохнул Роджер.— Вот и сейчас... просил броню — пообещали совет. Что делать, судьба! — Он поднялся.— Большое спасибо за обед, было очень вкусно. Я думаю, мне лучше всего отправиться прямо сейчас. Главное, дайте мне правильное направление.

— Конечно.— Профессор потер сухонькие ладошки.— Надо же,— прошептал он,— как это странно, быть человеком, быть человеком... Я чувствую, что меня на самом деле начинает интересовать твоя судьба, твои успехи, наши победы над этими роксами... за счет удивительной смелости и безупречной скоординированности. Я... я надеюсь на это.

— Наша победа, как вы понимаете, волнует и меня,— выговорил Роджер, чувствуя, что к девичьим глазам подступают слезы и маленькое сердце начинает сильно биться.— Мне кажется, само время будет на нашей стороне.

— Все хорошо, мой мальчик,— молвил УКР.

Роджер заметил быстрое движение стариковского пальца. Сад исчез, пропала терраса, и он вновь очутился на контрольной площадке рокса.

Глава 11

— Ты вернулся,— спокойно произнес Уб, однако был явно не в силах совладать с цветовыми импульсами, недвусмысленно указывающими на сильное изумление. Он опустил свое громоздкое тело на какую-то жердочку среди светящихся проводов, нитей и плоскостей света.— Я боюсь этого, так как начинаю подозревать, что ты имеешь связи с пространством шестого порядка.— Он стал бледно-зеленым от подозрительности.— Но мы знаем, как поступать в таких случаях.— Вытянутая гибкая паучья лапка нажала на одну из многочисленных кнопок пульта, но какого-то

видимого результата не последовало.— Думаю, эта общая встреча в седьмом измерении пойдет тебе на пользу.— Уб сделался злорадно-розовым.

— Скажи ему, пусть включит посильнее.— Голос УКРа, нежный и теплый, зазвучал в голове Роджера.— Намекни, что это способствует подзарядке твоих конденсаторов.

— Вруби побольше,— небрежно произнес Роджер.— Не скупись, а то мои конденсаторы порядком подсели...

Уб тут же нажал другую кнопку, сделавшись от злобы красно-анилиновым.

— Вот тебе,— прошипел он.— Половина всей мощности моего супергенераторного комплекса пройдет прямо через твой мозг. Посмотрим, что ты на это скажешь!

— Отлично,— сказал Роджер, по-прежнему ничего не чувствуя.— Особенно для моих обертональных колебаний восьмого порядка,— сымпровизировал он.

Уб вспыхнул зловеще-синим и опустил лапу на другой тумблер.

— Мне кажется, ты блефуешь, но, к сожалению, я не могу это проверить.— Он замолчал.— Послушай, сэр, чего ты хочешь получить от жизни? Урб? Глурп? Снотвингер? Оплозис? Ведь должен же быть предел твоей неумолимости!

— Отлично, малыш...— шепнул УКР.— Подурачь его пока, а я попробую разобраться с его пультом.

— Думаю, не тебе эти границы открыть, Уб,— многозначительно промолвил Роджер, подаваясь вперед.— Однако мне интересно, какие у тебя будут еще предложения...

— Ага! Так, значит, ты согласен сесть со мной за стол переговоров! — Монстр отпрянул назад, став обычным красно-кирпичным.— Вот это я понимаю! Хочешь, подарю тебе этот удобный маленький хорникс? Со всеми запчастями, естественно, с новым регулятором высоты?

— Пока воздержусь,— важно изрек Роджер.

— Я включу пронкистон? — предложил Уб.

— Ну-ка, полетай немножко,— вновь посоветовал УКР.— Хочу взглянуть на все это с точки зрения перспективы девятого порядка.

— Я не умею,— прошептал Роджер.

— Что ты сказал? Не умеешь быть в цронге? — Уб снова сделался малиново-красным.— Послушай, сэр, мы тебя уважаем, но это не дает тебе права считать нас всех идиотами и плевать на нас!

— Походи по этому брусу или посиди на нем,— попросил УКР.— Я как раз хочу его проанализировать.

— На котором?

— На каждом из нас! Ты издеваешься над всеми нами, значит, надо мной!

— Да я не тебе...— Роджер вовремя спохватился.— То есть...

— Ты плевать на меня хотел, хочешь возвыситься надо мной! — Уб брызгал слюной, становясь негодующе яростно-серым.

— Вот этот брус,— шепнул УКР,— прямо перед тобой.

— Понял,— сказал Роджер.— Теперь вижу...— Он ступил на нужное перекрытие.

— Что? Что такое? Я совершил какой-нибудь промах? — Уб пыхтел, как паровоз.— Не может этого быть! Я считаюсь лучшим дипломатом в этом круге.

— Отлично,— сказал УКР,— я, кажется, разобрался... А теперь махни к пульту и нажми сто четвертую кнопку в шестьдесят девятом ряду. Это разрядит обстановку.

— Как же мне туда попасть? — пробормотал Роджер.

— О нет, не выйдет,— заблеял Уб.— Я лучший оператор этого круга. Я распылю весь этот комплекс прежде, чем ты попадешь в штаб.

— Попробуй затяжной прыжок,— предложил УКР.

— Я могу упасть,— выразил опасение Роджер.

— Ты не просто упадешь,— горячился Уб.— Тебя разорвет при прохождении пространства пятого и ниже порядка.— Он откинулся с довольным видом.— Я рад, что наконец раскрыл твои коварные планы, понял, куда ты метишь, но не хочу ссориться. Мы оба достаточно разумны и можем прекрасно договориться о взаимовыгодном разделе...

Он не договорил, увидев, что Роджер взмахнул руками и допрыгнул до пульта.

— Куда ты? Что ты делаешь?

Рокс бросился за Роджером, который уже сориентировался и ловко отсчитывал пятернями ряды кнопок. Монстр уже протянул свою лапу, но Роджер ускользнул от нее и нажал нужную

кнопку. Вся сложная система проводов и брусьев неожиданно пришла в движение, поехала в сторону под аккомпанемент мигалок, гудков и пронзительных сирен.

— Не та кнопка,— объяснил УКР.— Ты нажал шестьдесят восьмой ряд.

— Зачем ты это сделал? — завопил Уб, трагически стуча всеми десятью конечностями по кнопкам своего подпульта.— Мне в голову не могло прийти, что ты вздумаешь трогать кнопку тревоги и сеять панику. О слепец! Теперь-то я прозрел! Поздно! Как я раньше не заметил под твоим двуличным маскарадом тончайшую игру интеллекта шестого порядка!

— Пусть он говорит и дальше,— посоветовал УКР.— Я кое-что придумал!

Балансируя на перекладине, Роджер искал опору и, машинально схватившись за какой-то рычаг, привел его в крайнее нижнее положение. При этом все панели раскрылись с шести своих сторон, замкнув двух соперников в подобие четырехметрового куба. Уб испустил хриплое проклятие и попытался возвратить рычаг в исходное положение.

Никаких изменений!

— Ты все-таки дернул его! — завопил рокс, делаясь все более ультрафиолетовым — довольно жуткий эффект в темном закрытом боксе.— Но ты, кажется, несколько перегнул палку! Пусть ты отрезал меня от пульта управления, но бокс, замкнутый в пяти измерениях, отделил тебя от твоей половины! А твоя другая половина — вот эта! — оказалась наконец-то в моих руках! — С этими словами он бросился на Роджера, который отпрыгнул назад по оси времени.

— Тайсон,— взволнованно шепнул УКР, в то время как Уб готовился к следующему прыжку.— Я сместил портал в соответствии с твоими теперешними координатами! Советую воспользоваться им, поскольку других идей у меня пока нет!

Роджер быстро пригнулся, и Уб просвистел выше. Перед ним ярко мерцала полоска портала. Ничего лучше не придумав, Роджер нырнул в нее.

— Держись! — скомандовал УКР, когда сияние уже обволокло его.— Ты чуть не сшиб меня. Понимаешь, пришлось прибегнуть к помощи простого физического пространства. Но что делать, приходится импровизировать. И все же у меня есть идея! Прав-

да, достаточно рискованная, но это лучшее, что я могу предложить в столь сложных обстоятельствах. Повернись влево! Слишком! Теперь назад! Вот так! Вперед!

Роджер рванулся вперед...

...И оказался стоящим по колено в траве под бесконечно голубым небом. Справа от него замер Люк Харвуд, рука которого закрывала плечи Оделии Видерс, а Флай валялся у них под ногами. Четырехметровый медведь был совсем рядом — в каких-то трех-четырех метрах. Именно в этом состоянии он их и оставил.

— Быстрее! Сюда! — закричал Роджер, толкая своих бывших спутников к входу.

В тот момент, когда он собрался последовать за своими спутниками, из сияющего отверстия вывалилась отвратительная черно-красная масса Уба, попав прямо в объятия медведя. Гризли возложил на толстое одноглазое туловище свои косматые лапищи, а Роджер благополучно нырнул в портал.

Возле серого расплывчатого цилиндра, который никак не мог отдышаться, он задержался.

— Прекрасно сработано, УКР,— выпалил он.

— Не радуйся и не хвали меня раньше времени,— раздался знакомый голос.— Этот рокс оказался гораздо сложнее, чем ты думаешь!

— Мишка приглядит за ним,— сказал Роджер.— И все же жаль, что так получилось! Ведь этот Уб совсем не так уж плох... в своем роде.

— Не горюй! Медведь поймал лишь одного из них... из него. Это лишь маленькая трехмерная проекция того, кого еще очень много...

Роджер услышал знакомый шум и оглянулся. Уб, собственной персоной, нетронутый зверем, как ни в чем не бывало стоял перед ним, красно-сияющий в полумраке.

— Три градуса вправо и вперед! — скомандовал УКР.

Роджер повернул, прыгнул и...

...Попал по колено в грязную ледяную жижу.

Воздух переполнялся все утончающимся свистом готового разорваться снаряда. Огни на небе мрачно отражались в израненной, грязной водянистой земле, по которой стелился запутанный провод.

— Это была леди,— констатировал громкий гортанный голос.— Это была фрау.

Прогремел взрыв. Роджера с головы до ног окатило холодной водой, и он бросился к землянке.

— Надоело, Людвиг,— пытался протестовать тонкий голос.— Это не та история, которую можно рассказывать при одной и той же погоде каждый день в одно и то же время бомбардировки, черт тебя подери!

— Ребята! — крикнул стремительно ворвавшийся Роджер.— Я прошу вас — никаких вопросов! Хватайте винтовки и по моему приказу стреляйте в существо, которое будет преследовать меня.

— Вот это да! — ахнул дюжий немец, открыв рот.— Силы небесные, девчонка!

— Черт возьми, на самом деле дама!

— Я не женщина, честно... Просто я так выгляжу,— сбивчиво объяснял Роджер.— Но не обращайте на это внимания! Делайте, что вам говорят! И, пожалуйста, побыстрее.

— Для тебя, птичка, все, что угодно!

— Не волнуйся, малышка!

— Чтоб я сдох, чтобы ни случилось!

Картежное трио быстро повскакивало с мест, спешно вооружилось...

Щелкнули три затвора, солдаты прицелились...

— Пли! — завопил Роджер и пригнулся.

Три пули просвистели над головой. Уб, который в этот раз был начеку, успел выползти из отверстия, но тут же был сражен наповал.

— Спасибо! — крикнул Роджер.— Если удастся вырваться отсюда, не забудьте, что я говорил вам о Великой депрессии двадцать девятого года и о других вещах!

Он вошел в портал, и УКР тотчас же направил его вперед по оси времени.

— Подожди,— попросил Роджер.— Что случилось с Люком и Одилией? Где Флай?

— Успокойся, я поместил их в специальную нишу,— взволнованно звучал голос.— Беги же скорее! Он догоняет тебя!

— Не пойму, как его может быть больше, чем один в одном и том же месте?

— Все не так просто! Фактически во всей Вселенной существует лишь один рокс. Он уникален, как и другие феномены

в четвертом и далее измерениях. Когда процесс, называемый у вас эволюцией, переходит некоторую точку, индивидуальные трехмерные характеристики отпадают и трансформируются в более сложные, приводя к появлению высокоорганизованной формы жизни. Такое существо в трехмерности способно рассыпаться целым каскадом своих проекций или двойников.

— Когда же все это кончится? — простонал Роджер, подчиняясь приказу.

На этот раз он высадился на склоне горы, испещренной крупными валунами.

— Быстро вверх! — приказал УКР.

— Наверное, ты это и имел в виду, говоря об изощренности и скоординированности! — ворчал Роджер, карабкаясь по крутому склону настолько быстро, насколько ему позволял ветер.

— Откуда же я мог знать, занимаясь расчетами вероятностного баланса, что ты столь сильно будешь полагаться на фактор случайности,— спокойно возразил УКР.— Теперь остановись. Монстр слева от тебя. Ты лишь подтолкни камень... Нет, еще рано... подожди... Идет! Теперь толкай!

Роджер подпер плечом камень и поднатужился. Тот дрогнул, нерешительно покачался, потом накренился и, порождая страшный грохот, рухнул.

— Попал! — радостно констатировал УКР.— Знаешь, Тайсон, мне кажется, он начинает отставать!

— Кто его знает, может, он стал более осторожным? — Роджер тяжело дышал.

— Да нет же, налицо явное энергетическое истощение. Я думаю, он сильно тратит себя всякий раз, когда ты пропадаешь: приходится прогонять тысячи файлов, потом заново рассчитывать всякого рода погрешности... Да и умирать каждый раз — пусть даже в трех измерениях — не слишком полезно для внутреннего спокойствия, психологическая, энергетическая травма! Могу себе представить, как он чувствует себя! С тех пор как я настроился на твой дикий ритм существования, я испытываю потрясения каждую минуту! Сумасшедшая жизнь! Как ты только выдерживаешь?

— Я — с трудом,— признался Роджер.— Можно отдохнуть?

— Пока нет. В нем еще остались кое-какие силы... А вот и он! Будь внимателен.

Прежде чем Роджер успел нырнуть в отверстие, появился Уб. Сейчас он был пыльного темно-коричневого цвета и заметно похудевший. Вываливаясь из двери, он прихрамывал. Роджер отступил и изо всех сил ударил бедолагу ребром ладони. Горестно охнув, Уб свалился замертво.

После того как Роджер накормил телом Уба голодного десятиметрового крокодила, он засунул его коричневые останки в булькающее жерло вулкана — головой вниз, а на десерт утопил его в реке, не отпуская едва живую голову изможденного монстра до тех пор, пока не иссякли всякие пузырьки.

— Ну вот и все,— горько вздохнул Роджер, в полном изнеможении опускаясь на берег.— Я победил! Но еще на одно убийство я бы не потянул, даже если бы речь шла о моей жизни!

В этот момент из портала вывалилось колеблемое всеми ветрами форменное привидение — изможденный Уб. При виде Роджера он исторг из груди слабый вопль, сделал неуверенный шаг и обрушился на землю, едва заметно суча лапками.

— Бесполезно,— прошептал он.— Вы истощили меня. Ты победил, Тайсон! Я понял — ты величайший гений всех времен и порядков. Твоя организация совершенна.— Он совсем побледнел и стал трупно-серебряно-белым.— Признаюсь, что когда-то, анализируя твои разрешающие способности при помощи контрольно-лучевой батареи-конденсатора, я соблазнился крайне низкими показателями и решил устроить эту злополучную конференцию, думая, что ты в моих руках. Но теперь я знаю всю ужасную правду! Каждый твой внешне идиотский шаг был остроумнейшим отвлекающим ходом, а все вместе внутренне оформляло грандиознейший замысел, загодя подготавливая убийственную разрядку!

— Итак, я слышу признание побежденного,— сказал Роджер.— Если ты согласен оставить свои коварные планы и удалиться восвояси...

— Думаешь, я отдам тебе штаб? Нет! — прервал он Роджера, его глаз блеснул неумолимой сталью.— Ты недооцениваешь мою моральную закваску, Тайсон! Прежде чем стать предателем, я должен оказаться жертвой!

— Зачем тебе это? — спросил Роджер.— Брось свои планы и уходи.

— И отдать тебе венок победителя? Никогда!

— Почему же нет? Не нарушай правил игры только потому, что я оказался сильнее тебя ментально.

— Я думал...— заговорил Уб, становясь грустно-фиолетовым.— Созерцая маленький островок вашей тщедушной жизни, я надеялся, что это будет моя великая привилегия, наша великая миссия, просветить гипергалактические массы... первый раз за время существования Вселенной, донести до них отражения настоящей жизни, поразить их примитивное, недоразвитое, но такое красочное сознание гордым парадом откровений великого интеллекта: Девятый иканион, величественная, непостижимая Церебра Юпи-два, великая массовая культура Вээр один девяносто девять... показать им фрагменты их собственной эволюции, истории. Я думал, что увижу расширившиеся зрачки этих маленьких невинных существ, именуемых детьми, когда покажу им, как примитивные организмы расщепляли атом каменными топорами, изобретали колесо и бетатрон, пытались на своих нелепых посудинах исследовать второе измерение — околоземный космос, а потом отправились...

— Ты хотел превратить Землю в какое-то шоу,— отозвался Роджер.— Я могу рассказать тебе...

— Да, да, именно так,— подхватил сравнение Уб.— И прежде чем позволить своему сопернику-совладельцу наставить Землю на его собственный срединный путь, я хотел бы разрубить все метафорические канаты, и обрушить на всех нас аллегорические небеса, и раздавить все и вся...

— Что ты имеешь в виду, говоря — соперник-совладелец? *Я не понимаю, о чем...*

— Хватит давить на меня своим превосходством! — ощерился Уб.— Возможно, слово «соперник» здесь довольно неудачно, ибо ты по праву доказал, что я не могу сравниться с тобой, и отобрал у меня право на грандиознейшее маленькое развлечение — спуститься на Землю под гром двенадцати межгалактических колоколов и любоваться...

— Послушай, ты все хочешь доказать, что твое истинное призвание — шоумен! И ты хотел бы лишь одного: водить любопытных по каналу и демонстрировать нашу эволюцию, я тебя правильно понял?

— Разумеется, чего же еще?

— А я думал, ты хотел нас поработить.

— Зачем? Владея девятью пульсирующими вселенными, мне нужно кого-то завоевывать? Разве ходят в зоопарк завоевывать обезьян в клетках?

— Но при чем тогда здесь штаб, день старта, бомбардировки и так далее?..

— Бомбардировка вместо барабанного боя должна была знаменовать наш грандиозный выход, штаб, понятно, должен руководить операцией, день старта — день нашего выхода...— В словах Уба слышалась гордость. Он даже смог сесть.— Теперь мой великий поход никогда не состоится.— В его голосе чувствовалась грусть.— Но и тебе не видать своего!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, Тайсон, что опытный бизнесмен никогда не остается совсем безоружным ввиду постоянной угрозы со стороны контрабандистов... таких, как ты. Ты увел дело из моих рук, но я все же могу уничтожить сами плоды. Этот межвременной канал, по которому я планировал путешествовать в земную историю, поставлен на автоматический контроль. Если через двадцать восемь земных секунд не последует моей команды «Отставить», временные шлюзы откроются. Представители самых разных эр будут сталкиваться лбами! Диплодоки обнаружатся в Центральном парке, Конфуций станет проповедовать в тундре, римские легионеры сойдутся с силами безопасности ООН, фараон и Насер встретятся на улицах Каира, орды раскрашенных индейцев ворвутся в Белый дом, варвары начнут разрушать современный Рим, раннехристианские мученики сольются с хиппи и прочими шестидесятниками, накачанными ЛСД.

— Я понял тебя,— прервал его пафосную речь Роджер.— УКР, останови же его.

— Хм, странно! Согласно установленным заранее правилам игры, мое открытое вмешательство исключается, Тайсон. Я удивлен, что тебе вообще пришло в голову такое. Ты должен действовать сам!

— Двадцать секунд,— считал Уб.— Жалкий конец для когда-то великой расы роксов. Я, отрезанный от своего пульта управления, разодранный, как старая рубашка, на ненужные трехмерные проекции, буду вечно носиться и бесцельно кружиться в запутанном лабиринте. Существо, которое явилось итогом трех миллиардов лет эволюции, вынуждено возвращаться к самым

истокам примитивной индивидуализации. Но и тебе, Тайсон, не поздоровится. Тебя ждет расчленение, ибо тебе уже никогда не найти второй половины, которая законсервируется навек в стазе пятого порядка, ожидая воссоединения, а оно никогда не наступит...

— К'Нелл! — простонал Роджер.— Бедная моя девочка! Скажи, Уб, может быть, еще не поздно прийти к какому-нибудь соглашению? Ты позволишь открыть шлюзы, а я... я... подарю тебе кусок земной истории для твоего шоу.

— Нет, поздно,— изрек Уб.— Твое собственное упрямство сделало соглашение невозможным. Эта охота совсем истощила меня. Даже если мы поделим сферы влияния поровну и я подам сигнал, боюсь, что он не будет услышан.

— Грабитель! — воскликнул Роджер.— Ты получишь свой первый миллиард лет и ни минуты больше!

— Естественно, кайнозойская эра останется за мной.— Его глаз заблестел, верхние щупальца задрожали.— А тебе я отдам кембрийский период ну и... так и быть, уступлю бурные двадцатые!

— Глупости,— возразил Роджер.— Но чтобы поразить тебя своей щедростью, я дарю тебе три миллиарда и плюс маленький кусочек девона.

— Все шутишь,— не сдавался рокс.— Всем известно, что время, занятое человеком, самое интересное, самое любопытное. Допустим, я возьму христианскую эру минус позднее средневековье, если ты так настаиваешь, а в качестве проявления доброй воли подарю тебе силурийский период.

— Ничего подобного. Оставляю за собой все, что было после появления млекопитающих, или мы прекращаем торги.

— И не думай, что тебе достанется весь плейстоцен. Попробую-ка я быть благоразумным. Хочу взять все, начиная с девятнадцатого века, оставляя тебе все остальное, включая палеолит.

— Вот что я решил. Забирай себе все включительно до второго тысячелетия до новой эры. Ну, как тебе моя щедрость, а?

— Ты скуп,— заметил Уб.— Неужели ты не можешь мне подарить хотя бы «веселые девяностые» и парочку забавных десятилетий из Возрождения?

— Возьми третий век новой эры и радуйся, что ты почти застанешь Саскатун, Саскачеван — какие названия! Это мое последнее слово!

— Уступи тысяча девятьсот тридцать шестой — и мы договорились!

— Согласен.— Роджер крепко пожал металлическую лапку.— А теперь — сигнал!

— Нет никакого сигнала, я блефовал.

— Я тоже,— признался Роджер.— Я не существо шестого измерения и так устал, что тебе достаточно было тронуть меня пальцем, и я бы тут же упал.

— Если честно,— признался Уб,— я собирался сдаваться за три моих убийства до последнего.

— А я даже не предполагал, что у меня есть шанс... Я даже кнопку тревоги нажал случайно.

— Правда? Удивительно... А знаешь, за эту же самую информацию я подарил бы тебе и тогда — помнишь нашу первую встречу у меня? — не меньше...

— Неужели? Представляешь, тогда я был так напуган, что, пожалуй, умер бы от страха, если бы ты не выбросил меня в мусорную кучу.

— А я? Чуть с ума не сошел, когда ты первый раз пересек мне дорогу... помнишь, я был на двухколесном мотоцикле? Ты думал, это что-нибудь...

— Слушай,— Роджеру вдруг расхотелось ехидничать,— ты напомнил мне... Как насчет К'Нелл?

— Она убежала,— осторожно сообщил Уб.

— Тогда, Уб, пока. И смотри, не пытайся нарушить наше обоюдное соглашение. Может, я лишь существо третьего порядка, но у меня есть друзья.

— Правда? — Рокс сделался хитро-желтым.— Я почему-то подозреваю, что ты снова блефуешь.

— Тогда смотри...— Роджер повернулся.— Алло, Укр, давай прямо в Первую культуру.

— Отлично, и... прими мои поздравления, но это будет наш последний контакт. Мне было интересно...

Река и тина вдруг исчезли. Роджер стоял на светлой открытой арке моста между двумя стройными башнями на высоте трехсот метров.

Он опустился на четвереньки и закрыл глаза.

— С'Лант,— завопил он,— сними меня отсюда! У меня есть что рассказать тебе!

Глава 12

На небольшой уютной террасе, окруженные тихим воздушным океаном, сидели Роджер, С'Лант, Р'Хит и К'Нелл, последняя все еще в облике Роджера.

— Вот, кажется, и все, что я могу рассказать,— закончил он.— Рокс будет водить своих туристов глазеть на отдаленное прошлое... Он обещал мне не вмешиваться в человеческие дела, особенно со своими порталами.

— Это не так уж мало,— заметил без энтузиазма Р'Хит.— А как же мы? Мы-то по-прежнему в ловушке!

— По крайней мере, мы знаем, что до нашей культуры все нормально,— заметила К'Нелл.— Могло быть гораздо хуже!

— А я все никак не могу привыкнуть, что вы поменялись телами,— не выдержал Р'Хит.— Это крайне неудобно! Боюсь, что наши планы насчет совместного проживания придется оставить.

— Тебе надо обращаться не ко мне,— ответила К'Нелл.— Т'Сон — более я, чем я сама.

— Как грустно представлять, что ты живешь на лабораторном срезе,— сказал Р'Хит.— Жить и знать, что ты не более чем пыль на чистой микрокультуре.

— Слушай, Т'Сон, ты не мог бы еще раз поговорить с этим Укром? — спросил С'Лант.— На гуманитарные темы.

— УКР — машина, созданная строителями, он не запрограммирован на эмоции.

— Тайсон,— голос УКРа ветерком проник в мозг Роджера,— новое сообщение. Ты должен меня простить, но я никогда раньше не думал...

— Это ведь...— Роджер выпрямился.— Это Укр,— шепнул он остальным.— Укр снова вышел на контакт.

— Из чистого любопытства — кстати, этому научился от тебя — решил просмотреть историю твоей расы и проследить всю... три миллиарда лет эволюции вплоть до вашего времени... и вы... вы никогда не догадаетесь, что я понял...

— Мы обречены? — заторопился Роджер.

— Ни в коем случае! Вы и есть строители.

— Строители?.. Те, кто создал тебя?

— Ну да! Разве это не чудо? И, как всякая расчлененная величина, вы когда-нибудь обретете единство, которое суммирует, ассимилирует все линейное время и всякий индивидуальный интеллект с самого начала вашего развития. Ты, Роджер Тайсон, например, активно составляешь или будешь составлять крупную часть Абсолютного Эго, то есть строителя.

— Да уж,— только и сказал Роджер.

— Поэтому я — в твоем распоряжении,— закончил УКР.— Это такое облегчение — знать, что реально существует тот, кому можно активно служить!

— Ты хочешь сказать,— осторожно произнес Роджер, который еще далеко не полностью осознал всю важность сообщения,— что будешь делать то, что я захочу?

— Да, в пределах девятимерного охвата моей пространственно-временной матрицы...

— Значит, ты можешь всех освободить из этого капкана?

— Есть кое-какие проблемы: индивиды Люк Харвуд и Оделия Видерс наложили на себя брачные узы, освященные Флаем-грехоборцем. В какую эру прикажете поместить их?

— Лучше всего — в тысяча девятьсот тридцать первый, не думаю, что Оделии понравится в тысяча девятьсот девятом,— рассудил Роджер.

— А грехоборца?

— Его религиозности, как мне кажется, заметно убыло в результате пережитого. Пожалуй, стоит сказать ему правду о судьбе человеческой расы и поместить его в Лос-Анджелес, скажем, тысяча девятьсот двадцать пятого года. Я думаю, бедняге это пойдет на пользу.

— Сделано! Что-нибудь еще?

— Несчастные Чарли и Людвиг вернулись в окопы Первой мировой... Нельзя ли присмотреть за ними?

— Они уже давно стали папашами, у них будет много детишек — или — было? Эти грамматические времена постоянно сбивают меня с толку.

— Так, понятно... А как супруги Аркрайт?

— Я подключил их обратно к временному потоку. Они проживут почти до ста лет и умрут в окружении многочисленных детей и внуков (общее число сто шестьдесят). Я также по собственной инициативе возвратил блуждающую фауну на свои места, в их собственные среды обитания.

— А людей Первой культуры?

— Как видишь...

Роджер посмотрел по сторонам.

На террасе он сидел один, а сам воздух, казалось, был наполнен тишиной абсолютного одиночества.

— Вот ведь, не успел даже попрощаться с К'Нелл,— посетовал Роджер.— Совсем вылетело из головы... Надеюсь все-таки, что смогу когда-нибудь возвратиться в собственную шкуру. Я, говоря по правде, еще ни разу не рискнул полностью раздеться... и даже душа не принимал с тех пор, но больше уже не могу так...

— Нет ничего проще,— отозвался Укр.

Неожиданно день сделался ночью, контур, принимаемый за стул, превратился в водительское сиденье с неисправной пружиной; Роджер с трудом различал что-либо сквозь плотную завесу дождя, мотор трижды чихнул, выстрелил и заглох.

— Только не это,— простонал Роджер, съезжая на обочину и кляня себя за недальновидность.— Кто же выезжает в такую погоду?! — Он поднял воротник и вылез под проливной дождь. Абсолютно пустынная дорога смутно уходила в темноту, северный ветер бросал холодные капли в его лицо с пулеметной силой и яростью.

«Ну что ж,— подумал Роджер, неуверенно ощупывая руки и ноги.— Зато у меня теперь свое собственное тело, правда, чуть более громоздкое и неловкое, чем хотелось бы, но ведь я, в принципе, был готов к этому. Думаю, К'Нелл тоже останется довольна».

Он заволновался, явственно представив вдруг ее изящные, женственные формы, ловко охваченные тончайшими шелками, ее бесконечно милое лицо, волнистые угольно-черные волосы...

— К'Нелл,— позвал он.— Значит, я все это время любил тебя, не зная об этом... или это говорит во мне голос возвращенных мужских гормонов...

Вдали смутно забрезжил свет фары, с трудом проникая сквозь дождливую хмарь; треск мотоциклетного мотора прорвал барабанную дробь дождя.

— К'Нелл! — воскликнул Роджер.— Это, должно быть, она! Очевидно, УКР решил возвратить меня в прошлое, когда ничего еще не случилось... Значит, через каких-нибудь десять секунд произойдет роковая авария и...— Он бросился вперед, размахивая руками.— Стой, стой! — кричал он приближающемуся свету и вдруг остановился.

«Идиот! — подумал он.— Именно мои сумасшедшие прыжки и крики напугали ее и заставили резко отклониться... Но ведь если я не остановлю ее, она проедет и я никогда больше ее не увижу, а я не могу...»

Он спрятался в какой-то канаве за стеной кустарника. Ливень не утихал.

Мотоцикл трещал совсем рядом. Он успел заметить тонкую девичью фигурку, пригнувшуюся к самому рулю... Машина проскочила мимо, шум мотора становился все тише и тише, а шум дождя — все громче.

— Я любил ее,— простонал Роджер,— и отказался от нее, чтобы сохранить ей жизнь, а она, ничего не ведая, вернется в свою Первую культуру и заключит с этим Р'Хитом соглашение о случке или о сожительстве...

Снова послышался треск мотора, появился и сам мотоцикл — он двигался так медленно! Как странно, он остановился у машины Роджера, на обочине...

— Т'Сон? — позвал любимый голос.

Он выпрыгнул из укрытия, вскарабкался наверх и как сумасшедший бросился в свет фары.

— К'Нелл! — завопил он.— Ты вернулась!

— Конечно, дурачок,— отвечала девушка.— Не думал же ты, что я смогу снова явиться в команду С'Ланта и как ни в чем не бывало подписать брачный договор с этим Р'Хитом? — воскликнула она.

Ее глаза сияли, а губы, казалось, были специально чуть раскрыты, чтобы показать ослепительно белые зубы.

Роджер тут же, не говоря ни слова, притянул ее к своей груди и стал горячо и крепко целовать, а дождь по-прежнему бешено обстреливал их.

— Прости,— сказал он,— но я не знаю, что случилось со мной...

— Я знаю,— нежно молвила К'Нелл, целуя его бережно и осторожно.

— Если поторопиться, через пять минут мы можем быть в городе,— потупился Роджер.— Найдем священника и снимем комнату в мотеле...

— Поехали! — отозвалась К'Нелл, ударив ладошкой по звонкой коже мотоцикла.

— Я вдруг подумал,— пролепетал Роджер,— что у меня нет никакой работы, а если и бывает, то ненадолго. Смогу ли я дать своей жене то многое, чего она заслуживает по праву?

— Это вопрос ко мне? — Ему в голову, как ветерок, влетел преданный голос.

— Укр! Ты все еще помнишь меня? Ты со мной?

— Да, и всецело в твоем распоряжении, мой дорогой.

— А если мне потребуется уединение, чтобы меня не беспокоили?

— Это твое право. Стоит лишь сказать об этом.

— Послушай, а если я буду просить тебя время от времени раздобыть немножко денег, как это...

— В любой день и час! Я смогу их добыть в прошлом, настоящем или будущем.

— Что ты там шепчешь, любимый? — ласково спросила К'Нелл, *запуская мотор и разгоняя мотоцикл.*

— Да так, пустяки,— шепнул Роджер, нежно покусывая самое дорогое ушко в мире.— Все будет хорошо, правда!

Все было хорошо.

Берег Динозавров

Глава 1

Летний вечер был необыкновенно хорош. Вместе с Лизой мы сидели на веранде, глядя на розовые отблески тускнеющего заката и прислушиваясь к звукам газонокосилки, которой наш сосед, Фред Ханникут, скашивал сорняки. Где-то в деревянных перекрытиях по-деловому трещал сверчок, бодро и энергично. По мощеной улице прогрохотал автомобиль; желтый свет тусклых фар на какой-то момент разогнал густые тени, высвечивая кроны яворов, нависающие над брусчаткой. Где-то среди огней недалекого порта играло радио.

Прекрасный вечер и замечательное место! Меньше всего мне хотелось уходить. Набрав полную грудь бодрящего воздуха, я поднялся на ноги.

Лиза глянула на меня снизу вверх. Скуластое личико, короткий носик, большие, широко расставленные глаза — и самая очаровательная улыбка на свете. Даже крошечный шрам на щеке нисколько ее не портил — изъян, делающий совершенство безупречным.

— Загляну к «Саймону», выпью пива,— сказал я.

— Вернешься, будем ужинать — как раз приготовлю.— Лиза продемонстрировала свою лучшую в мире улыбку.— Печеная свинина и вареная кукуруза...

Встав легким танцевальным движением, она коснулась губами моего уха.

© Перевод А. Орлова.

Сойдя по ступеням, я помедлил, уже на тротуаре, и оглянулся. Грациозный силуэт рисовался на фоне светящейся стеклянной двери.

— Приходи скорее, милый! — Лиза помахала рукой и исчезла.

Исчезла навсегда.

Откуда ей было знать, что я никогда не вернусь?

Глава 2

По перекрестку промчался трамвай, грохоча и рассыпая искры,— нарядная игрушка с рекламными головами, приклеенными поверх маленьких квадратных окон. Гудели клаксоны, мигали огни светофоров, торопились домой пешеходы — после долгого дня, проведенного в офисе, за прилавком или на цементном заводе...

Я пробирался сквозь толпу, не напирая, но и не останавливаясь. Времени всегда достаточно — вот урок, усвоенный мною давно и прочно. Его не пришпорить и не остановить; в некоторых случаях от него, правда, можно улизнуть, но это другая история.

За благочестивыми размышлениями я незаметно прошел четыре квартала, до стоянки такси на Делавэре. Забравшись на заднее сиденье «рео», которому уже лет десять как пора быть на пенсии, я назвал адрес. Водитель посмотрел недоуменно и раскрыл было рот, но спросить, что молодому человеку вроде меня нужно в таком квартале, не успел.

— Довезешь за семь минут, получишь пятерку,— объявил я.

Таксист включил счетчик и рванул с места, не жалея сцепления. По дороге он приглядывался ко мне в зеркало заднего вида, прикидывая, как бы все-таки спросить половчее. Впереди раскаленным железом засветились неоновые буквы; я велел остановиться за полквартала, сунул водителю пятерку и вышел. Выведать ему так ничего и не удалось.

Бар в неглубоком погребке когда-то — до сухого закона — был чистеньким и уютным. С тех пор он сильно изменился к худшему, как и весь квартал. Стены, прикрытые темными панелями, почти не пострадали, только заросли грязью. Лепной потолок тоже выглядел терпимо, но в темно-бордовом ковре бесконечная череда посетителей протоптала широкую тропу до самой стойки, с ответвлениями к столикам. Кожаные сиденья

стульев приобрели неопределенный цвет, вдоль швов тянулась липкая лента, и никому не было дела до следов, оставленных поколениями пивных кружек на дубовых столешницах.

Я устроился в кабинке у стены, где горела бронзовая лампа под пергаментным абажуром, а на стене в рамочке красовалась фотография лошади. Первое место в стипль-чезе тысяча девятьсот десятого года, если не ошибаюсь. Часы над стойкой показывали семь часов сорок четыре минуты.

Подозвав официантку, которая состарилась, похоже, вместе с баром, я заказал гренадин. Пока я пробовал напиток, кто-то сел напротив, отдуваясь, будто после пробежки.

— Не возражаете? — Извиняющимся жестом этот кто-то обвел помещение, не слишком, по правде сказать, переполненное.

Не торопясь, я присмотрелся как следует. Круглое, мягкое личико, бледно-голубые глаза, череп не то чтобы лысый, но покрытый светлым пухом вроде цыплячьего. Воротник полосатой рубашки лежит поверх клетчатой куртки с плечами, подбитыми ватой, лацканы широкие; шея гладкая, как у ребенка, и слишком тонкая для такой головы... Пальчики нежные, маникюр безупречный, а на указательном — толстое золотое кольцо с фальшивым рубином. Пресс-папье, а не кольцо... Вещи не подходили друг к другу, будто мой визави одевался второпях, думая о другом.

— Поймите меня правильно.— Голос оказался под стать всему остальному: не то чтобы женский, но и нисколько не мужественный.

— Мне совершенно необходимо с вами поговорить, мистер Равель,— продолжал он торопливо, словно боясь, что ему не дадут этого сделать.— Очень важно для вас — и вашего будущего.

Он остановился, оценивая мою реакцию.

— Моего будущего? Я и не знал, что оно у меня есть.

Бледно-голубые глаза довольно блеснули; ответ, похоже, понравился.

— Разумеется,— кивнул он удовлетворенно.— Разумеется есть!

Отхлебнув из стакана, он внимательно посмотрел мне в глаза. На губах мелькнула беглая улыбка.

— Более того: ваше будущее куда значительнее вашего прошлого — или, по крайней мере, может быть куда значительнее...

— Мы встречались? — перебил я.

— Понимаю, мои слова кажутся непонятными.— Он покачал головой.— Прошу поверить, у нас нет времени! Пожалуйста, выслушайте...

— А я и слушаю, мистер,— как вас зовут?

— На самом деле это не имеет значения, мистер Равель. Я не более чем вестник. Мне поручено встретиться с вами — и передать сообщение.

— Поручено?

В ответ мой собеседник только пожал плечами.

Протянувшись через стол, я ухватил детское запястье руки, державшей стакан. Напиток пролился на стол; непрошеный гость напрягся, будто хотел встать, но передумал.

— Загадками говоришь? — начал я.— Хорошо, давай поиграем. Насчет поручения — я положительно заинтригован. Приятно чувствовать себя важной птицей: кто-то решил, будто ко мне стоит приставить такого сладкоречивого шпиона, как ты...

Я широко улыбнулся; ответом мне была улыбка — по-прежнему любезная, хотя и несколько принужденная.

— Что вы скажете, мистер Равель, узнав о моей принадлежности к секретной организации, куда только суперменов принимают?

— И какого ответа ты от меня ждешь?

— Что я сумасшедший. Потому-то я и не хотел тратить время на околичности... Мистер Равель, ваша жизнь в опасности.

Я не стал ни соглашаться, ни спорить.

— Через...— Тут он посмотрел на часы, надетые на запястье свободной руки, в английском стиле.— Через полторы минуты сюда войдет мужчина в черном костюме с тростью черного дерева в руке. С набалдашником из серебра. Он сядет на четвертый табурет у стойки, закажет порцию неразбавленного виски, выпьет, повернется, поднимет трость и выпустит три отравленные стрелки прямо вам в грудь.

Я отхлебнул гренадин. Натуральный продукт, не какие-нибудь помои. Не все так плохо на моем поприще...

— Чистая работа,— кивнул я.— А на бис что предполагается исполнить?

Мой изысканный собеседник даже будто испугался немного:

— Шутить изволите, мистер Равель? Мы говорим о вашей смерти. Здесь и сейчас, через несколько секунд!

Он почти кричал, наклонившись вперед; с губ летела слюна.

— Чему быть, того не миновать,— кивнул я, отпуская мягкую руку и поднимая свой стакан.— На пышных похоронах не настаиваю.

Теперь уже он схватил меня за руку; маленькая пухлая ручка оказалась сильнее, чем можно было ожидать.

— Речь идет о неизбежном — если не действовать немедленно!

— Ага... То самое будущее, продолжительное и достойное.

— Мистер Равель! Уходите немедленно!

Порывшись в кармане куртки, мой ангел-хранитель выудил карточку с адресом: Колвин-Корт, 356.

— Очень солидное старое здание, совсем недалеко. Снаружи деревянная лестница, прочная и надежная. Подниметесь на третий этаж — комната номер девять в конце коридора. Входите и ждите.

— С какой такой радости? — возмутился я, высвобождая рукав из цепких пальчиков собеседника.

— Чтобы не погибнуть!..

Сладкий голосок едва ли не дрожал. Похоже, ему не нравится. Что хорошо для его планов, то плохо для моего светлого будущего — по крайней мере, такое ощущение крепло с каждой минутой.

— Откуда ты узнал мое имя?

— Прошу вас! Время на исходе! Почему нельзя просто поверить?

— Во-первых, имя неправильное — я назвал его вчера торговцу Библиями. Выдумал, не сходя с места. Вы, случаем, не торгуете книжками, мистер Икс?

— Для вас это важнее собственной жизни?

— Ты, приятель, совсем запутался. Речь вовсе не о моей жизни, а о твоей.

Мой собеседник и вправду запутался; убедительное выражение лица расползлось в разные стороны. Он все еще пытался его собрать, когда дверь на улицу распахнулась и в баре появился некто в черном пальто с черным бархатным воротником, черной фетровой шляпе и с черной тростью в руке.

— Вот!..— прошептал мой новый друг, будто порнографическую открытку показал.— Все как было сказано. Скорее, мистер Равель, пока он вас не видит...

— Не такой уж ты супермен. Он меня сначала заметил, а уж потом через порог переступил.

Сбросив надоедливую руку, я выбрался из кабинки. Человек в черном уже сидел на четвертом табурете у стойки, не глядя в мою сторону. Аккуратно пробравшись между столиками, я устроился слева от него.

Человек не обратил внимания, даже когда я ткнул его локтем в бок несколько грубее, чем полагается по правилам хорошего тона. Пистолета в кармане нет, я бы почувствовал. Черная трость удобно устроилась меж колен, серебряный набалдашник в дюйме от правой руки.

— Смотрите внимательно, номер не удался,— прошептал я. От моих губ до уха человека в черном было не больше восьми дюймов.

Не особенно беспокоясь, он повернул лицо ко мне, очень медленно. Высокий, узкий лоб, впалые щеки, складки у ноздрей белые на серой коже, глаза — как черная галька.

— Вы обращаетесь ко мне? — спросил он ледяным голосом.

— Не знаете ли, кто это такой? — ответил я вопросом на вопрос, тоном любезным и доверительным. Два толковых парня всегда могут найти общий язык, не правда ли?

— Кто?

Никаких следов оттепели.

— Вон тот — мечта галантерейщика с гадкими ручками... Мелкий засранец за моим столиком. Сидит и ждет, чем все это кончится.— Я подарил джентльмену в черном самую открытую и искреннюю из моих улыбок.

— Вы ошибаетесь,— сказал черненький и отвернулся.

— Ничего страшного,— кивнул я доброжелательно.— Никто не безупречен. Но почему бы нам не посидеть и не потолковать — втроем? Нет, в самом деле?

Тут его наконец проняло: каменный подбородок дрогнул — одна миллионная дюйма, не более. Подобрав шляпу, он соскользнул с табурета. Случайно зацепившись носком туфли, я уронил трость на пол, наделав немало шума. Подбирая трость, я неловко наступил на нее; что-то хрустнуло.

— Прошу прощения, сэр! Какая неловкость! — воскликнул я, подавая тросточку.

Приняв ее, джентльмен в черном направился в туалет. Я проводил его долгим, задумчивым взглядом. Достаточно долгим,

чтобы краешком глаза успеть заметить, как мой собутыльник выскальзывает из бара. На улице, в нескольких ярдах от входа, я прижал его к стене. Он отбивался настолько решительно, насколько это возможно, не привлекая внимания прохожих.

— Давай, рассказывай! — потребовал я.— Сначала я купился на чтение мыслей... А дальше?

— Дурак! Ты все еще далеко не в безопасности! Я пытаюсь спасти твою жизнь — или чувство благодарности тебе не знакомо?

— Право, дорогуша, знал бы ты, ради чего стараешься. Мой костюм тебе не подойдет, мелочи в кармане на такси до Колвин-Корта и обратно не хватит... Впрочем, мое возвращение и не планировалось, ведь так?

— Отпусти! Нам нельзя оставаться на улице!

Мой друг попытался пнуть меня в лодыжку, но я ответил ударом под ребра; навалившись на меня, он засипел, как волынка. Отступив на шаг, чтобы сохранить равновесие, я услышал хлопок — бесшумный пистолет? В дюйме от головы просвистела пуля, и мы вместе бросились в спасительную темноту ближайшего подъезда. По дороге он попытался сбить мне коленную чашечку; мне пришлось ушибить ему обе лодыжки.

— Не волнуйся,— успокоил я.— Эта пуля меняет дело. Не будешь дергаться, отпущу шею.

Он осторожно кивнул, чтобы мой большой палец не раздавил горло, и я разжал руки. Круглое личико перекосилось, а фарфоровые голубые глаза утратили детскую невинность; оттягивая воротник, он тяжело дышал. Я красиво, чтобы ему понравилось, взвел курок маузера и принялся ждать.

Две или три минуты показались геологической эпохой.

— Сейчас он устранился,— сообщил мой маленький друг тусклым голосом.— Сорванное задание такого рода просто повторяют. Заносят в журнал и повторяют. В конце концов, ты никуда не денешься.

— «Довлеет дневи злоба его...» Как там дальше? Лучше попробуем высунуть нос: ты первый.

Я подтолкнул его вперед дулом маузера. Когда ничего не случилось, я рискнул выглянуть сам — никого, никаких черных джентльменов.

— Где твоя машина? — спросил я.

Мой новый друг сумрачно кивнул в сторону новенького «мармона» на другой стороне улицы. Я усадил его за руль, заботливо

проводив через дорогу, сам устроился сзади. Отовсюду глядели темные окна домов и припаркованных автомобилей, и за каждым мерещился снайпер — но ничего, бог миловал...

— Выпивка у тебя дома есть?

— А? Ну конечно... Разумеется! — с плохо скрытым облегчением ответил мой голубоглазый приятель.

Водил он неважно, как средних лет вдова на шестом уроке. Под хрип коробки передач и мимо красных огней светофоров мы добрались до адреса на карточке. Тускло освещенный асфальтированный тупик, упирающийся в баррикаду из телеграфных столбов,— ничего особенного. Дом высокий и узкий — черный силуэт утюгом на фоне ночного неба,— окна пустые и темные. Две колеи в густом бурьяне, проросшем сквозь щели в асфальте, привели нас к той самой деревянной лестнице; выбравшись из машины, мой ангел-хранитель не без труда открыл ключом невзрачную дверку. Под ноги лег горбатый линолеум, в нос ударил запах вчерашних щей — или, скорее, щей, сваренных неделю назад. Остановившись, я прислушался к густой зловонной тишине.

— Не беспокойтесь, здесь никого нет.

Мимо тусклого зеркала, стойки для зонтиков и подставки для шляп без единой шляпы, по узенькому коридору, где левым локтем можно достать левую стену и правым — правую, по крутой лестнице, где под медными прутьями лежал голый резиновый коврик, а ступени скрипели под ногами, мы добрались до холла с низким потолком. Высокие часы с неподвижным маятником показывали десять минут четвертого, и среди цветочков на коричневых обоях, в тусклом свете желтых плафонов, темнели почти черные двери.

Мой друг открыл дверь номера девятого, предварительно приложив ухо к замочной скважине, и пригласил меня внутрь.

Комната вполне соответствовала стилю домовладения: двуспальная кровать под бархатным покрывалом, жесткая даже с виду, комод под веревочной плетенкой, деревянный стул с ножками, укрепленными проволокой, кресло-качалка из другого гарнитура, овальный половичок с загнутыми краями, пестреющий цветами засохшей грязи, и люстра с тремя пыльными лампочками, из которых одна даже горела.

— Классные апартаменты,— кивнул я.— Должно быть, ты недавно разбогател.

— Временное пристанище,— объяснил он небрежно, расставляя колченогую мебель под люстрой.

Присев на краешек стула, он усадил меня на качалку.

— Я полагаю,— начал он, рассудительно сложив пальцы домиком, будто оценщик ломбарда,— вы хотите знать все о человеке в черном и откуда я знал заранее о его появлении — ну и многое другое...

— Не особенно,— перебил я.— Вот почему ты думаешь, будто твои шалости сойдут тебе с рук,— это гораздо интереснее.

— Боюсь, я не понимаю,— задрал аккуратные брови мой новый друг, склоняя голову набок.

— Чистая, очень чистая работа,— согласился я.— Вплоть до определенного момента. Если бы я не клюнул, после того, как ты схватил меня за руку, черненький подстрелил бы меня отравленной стрелкой. Клюнувши же, я попадаю сюда — с чувством глубокой благодарности.

— Так оно и вышло,— кивнул хозяин апартаментов.

Смотрел он уже не так робко. Спокойно смотрел, не заискивая, как раньше.

— Ты, видишь ли, старался решить несколько проблем сразу,— задумчиво произнес я.— Это было ошибкой... Что, например, ты имел в виду для черненького — потом?

— Потом? — Мой приятель снова напрягся.

— Не бери в голову — твой план не сработал бы. Он и так не сработал: джентльмен с тросточкой собирался убить и тебя.

— Меня?..

Тут он наклонился, будто озадаченный, и выхватил странный пистолет из каких-то блестящих стержней.

— Теперь вы расскажете мне все, мистер Равель — или как вы себя называете...

— Ошибаешься, карг,— ответил я.— Опять ошибаешься.

Сначала он просто не понял. Потом его пальцы дернулись, пистолет зафыркал, как сердитая кошка, в грудь мне устремились стальные иглы — и отскочили, не причинив вреда. Позволив ему опустошить магазин, я поднял свой маузер — вынутый заблаговременно, когда мой новый друг расставлял стулья,— и выстрелил аккуратно, под левый глаз.

Мой друг осел на стул, склонив голову к левому плечу и глядя в потолок, будто восхищаясь разводами на потолке. Пухлые

ручки пару раз судорожно сжались, он медленно, медленно наклонился — и рухнул на пол, будто двести фунтов железа.

Которыми он и был, разумеется.

Глава 3

Я подошел к двери и прислушался: вдруг стрельба кого-то заинтересовала? Похоже, нет. Разумеется нет: в таких кварталах любопытных не водится.

Перевернув карга на спину, я сорвал пломбу на накопительном отсеке и вытащил ленту с рабочей программой.

В штабе Коммутатора давно уже возникли подозрения, что на театре военных действий древней эры творится что-то неладное, но даже сам хрономастер не предвидел сговора между агентами второй и третьей эры. Лента могла бы быть ответом на все вопросы стратегов Коммутатора.

Стратегии стратегиями, а работа работой. Я подавил желание сбежать поскорее и занялся делом.

Лента была перемотана почти полностью: миссия карга подошла к концу. Разумеется — но едва ли в полном соответствии с планами. Я прибрал ленту в специальный карман на молнии, внутри рубашки, и проверил карманы робота. Пусто. Сняв с бывшего друга одежду, я нашел-таки серийный номер — на левой подошве.

За двадцать минут я обыскал и комнату. Ментоскоп, сфокусированный на кресле-качалке, обнаружился в патроне одной из перегоревших лампочек. Карг действительно выпотрошил меня полностью — вот только не успел избавиться от трупа, в соответствии с программой. Зафиксировав протокол осмотра с точностью до четвертого знака после запятой, я проверил все еще раз. Без надобности — я тянул время. Делать мне было нечего: все прошло более или менее по плану, составленному в штабе Коммутатора. Карг ликвидирован, без шума и в укромном месте — операция завершена. Пора домой, на доклад; потом следующее задание по переделке Вселенной. Нажав на роботе кнопку самоликвидатора, я погасил свет и вышел из комнаты.

На улице мимо меня, как нарочно, с шумом проехал большой угловатый автомобиль, но никто не стрелял; я даже испытал что-то вроде разочарования. Какого черта!.. Дело сделано, в конце концов. Здесь и вправду было неплохо, ну так ведь и в

других местах — и других временах — не хуже... Работа как работа, не впервой. Хороший маленький домик мы с Лизой сняли шесть недель назад, после медового месяца на Ниагаре... Четыре дня — для медового месяца немного, но все же. Сейчас ужин начинает стынуть, она волнуется — что могло меня задержать?

— Забудь! — приказал я себе вслух.

Мозги освободить не сложнее, чем волосы феном высушить, да и прибор похожий... Будет больно, но почему — знать уже не будешь. Издержки профессии, не более того.

Сверившись с электронным планшетом, я направился на восток, вниз по улице. Игра в кошки-мышки с каргом покрыла площадь не более нескольких квадратных миль в городе Буффало, Нью-Йорк, в году тысяча девятьсот тридцать шестом по местному летоисчислению. С момента прибытия все мои перемещения зафиксированы на планшете, как и нынешнее положение — в тридцати минутах ходьбы от точки захвата. Заставив себя не думать, я добрался до места за двадцать пять. У ограды небольшого скверика приборы показали, что я нахожусь в радиусе хронопорта — переход на базовую темпоральную станцию возможен. Узенькая тропинка привела к скамейке у высокого куста можжевельника, вдали от фонаря — никто не увидит, удобно и безопасно... Я набрал код возврата на коренных зубах нижней челюсти, и через мгновение меня накрыло поле захвата. Земля ушла из-под ног, и в глаза ударил яркий свет — тропическое солнце Берега Динозавров.

Глава 4

Берегом Динозавров этот пляж назвали потому, что первая изыскательская партия застала здесь стайку мелких ящеров — аллозавров. Шестьдесят лет назад по локальному времени Коммутатора и лишь через несколько месяцев после принятия стратегического решения о запуске проекта «Темпоральная уборка».

Идея, на первый взгляд, вполне разумная. Первая эра путешествий во времени по-своему напоминала зарю космического века, особенно в отношении мусора. Понадобилась дюжина крупных столкновений, чтобы Космическая администрация взялась за дело. Выудить все отработанные ракетные ступени, использованную телеметрическую аппаратуру и давно забытые спутники связи — не шутка. Тем более что мусор в околоземном простран-

стве копился пятьдесят лет, никем не потревоженный. В процессе наведения порядка чего только не нашлось, включая метеоритное железо и простые булыжники, хондриты явно земного происхождения, по всей видимости вулканического, мумифицированное тело астронавта, вышедшего когда-то давно в открытый космос, и кучу артефактов загадочного происхождения. Последние после долгих споров были классифицированы как мусор, оставленный посетителями извне,— ну, вроде пивных банок, брошенных пришельцами...

Все это происходило задолго до эпохи путешествий во времени, разумеется.

Программа темпоральной уборки во многом напоминала программу уборки космоса. Чем только не замусорили временные пути экспериментаторы древней эры, начиная с одноразовых временных капсул, наблюдательных станций, трупов, брошенных приборов, оружия и всевозможного инвентаря и кончая автоматизированной шахтой, забытой под ледяным щитом Антарктиды. Когда полярные шапки растаяли, шахта стала большой проблемой.

Три века Долгого мира положили темпоральному флибустьерству конец, и когда временной переход был снова открыт на рубеже новой эры, урок не пропал даром. Новые правила отличались строгостью. Те, кто стоял у истоков второй программы, приняли меры, чтобы ошибки пионеров первой программы не могли повториться.

Разумеется, вторая программа послужила причиной очередных бед, причем в полной мере,— что и привело к созданию каргов.

Слово «карг» восходит к английскому «карго» (груз) и отражает перипетии судебной баталии, определившей статус людей-машин в период транспортных бунтов середины двадцать второго века.

В течение третьей эры каргов посылали в прошлое в рамках второй программы темпоральной уборки. Задача состояла не только в том, чтобы устранить безответственное кровопролитие, произошедшее по вине исследователей древней эры, но и уничтожить поистине катастрофические следы деятельности полевых агентов второй программы.

Темпоральная администрация третьей эры понимала, что результаты человеческого вмешательства невозможно устранить

человеческими же руками. Машины, которые не сбивают равновесия жизни и смерти, могут то, чего не могут люди: вести дела, не нарушая деликатного и малоизученного биосоциального баланса. Они могут восстановить целостность темпорального ядра.

По крайней мере, так считалось. После Великого падения и последовавшей за ним долгой ночи Центральный коммутатор взял на себя контроль над четвертой эрой. Штабные аналитики Коммутатора видели ясно, что неразбериха настоящего времени — лишь финал истории беспорядочных вмешательств. Любая попытка манипулировать реальностью с помощью темпоральных полицейских сил обречена — ткань временного континуума лишь украсится очередными разрывами.

Латая прорехи, приходится пробивать новые дыры; новые дыры требуют все более обширных заплат. Геометрическая прогрессия такого рода неминуемо выходит из-под контроля. Каждая спасательная операция, сколь угодно успешная, поднимает волны энтропийных дислокаций, наслаивающиеся на более ранние возмущения и безнадежно усложняющие картину. Оно и понятно: сколько ни разглаживай пруд веслом, зеркальной поверхности не получишь.

Единственное решение, по общему согласию аналитиков,— устранить первопричины дислокаций. Поначалу путешественники первой эры следили повсюду, о последствиях не задумываясь, как охотники в джунглях. Позднее, когда выяснилось, что сдвинутая песчинка может оставить след на тысячелетия, они стали осторожнее. Появились обязательные для всех правила; кое-кого даже удалось наказать за нарушения.

Когда запрет на любое вмешательство в прошлом сделался полным и безусловным, было уже слишком поздно. Будущие эры имели дело с последствиями: пикник в палеозое — вещь приятная, но и плата в виде темпоральных разрывов, оборванных энтропийных последовательностей и вероятностных аномалий чересчур высока. Разумеется, не будь темпоральных неурядиц, никогда не возник бы и Коммутатор. Непростая задача состояла в том, чтобы восстановить жизнеспособность определенных временных последовательностей, не уничтожая бригады ремонтников. Решению посвящали целую жизнь лучшие умы своего времени.

Отсюда моя жизнь и работа полевого агента Коммутатора: сводить к нулю последствия любой деятельности — конструктивной и деструктивной, злонамеренной и направленной во благо... Вре-

мени нужен покой, чтобы залечить раны, стволу древа жизни — время, чтобы набрать силу.

Достойная профессия, хоть плата и высока... По крайней мере, так сказано в наших книгах.

Я двинулся вдоль берега, ступая по сырому песку, где легче было идти, и обходя морской мусор и глубокие лужи, оставленные отступившим до следующего прилива океаном.

Океан — за шестьдесят пять миллионов лет до Рождества Христова — светился яркой синевой, безмятежно простираясь до ясного горизонта. Ни парусов, ни дыма; под ногами — никаких банок из-под пива... Только длинные валы с востока — гораздо позже это будет Атлантический океан — обрушивались на белый песок с вечным грохотом, который я слышал и в прошлом, и в будущем. Шум, врачующий душу; он никогда не надоедает, напоминая о том, что для матери-пучины возня мелких тварей на берегу значит немного. Ей, в конце концов, пять миллиардов лет, и зрелый возраст еще впереди.

Низенькое сероватое здание станции стояло прямо на берегу, там, куда не достает прилив, за невысоким мысом, где пенились зеленые волны. Вокруг были густо высажены плауны и древовидные папоротники — для красоты и с целью сделать станцию по возможности незаметной. Существует теория, что, если животные будут постоянно обходить стороной искусственный элемент ландшафта или, наоборот, стремиться к нему, в матрице распределения вероятностей могут появиться неучтенные геодезические линии. Тогда тысячелетний труд хронокартографов может пойти насмарку.

Через несколько минут последует мой доклад Неллу Ярду, старшему хрономастеру. После обычных вопросов он поработает немного с консолью, дополняя мастер-план своими замечаниями, и нальет мне стаканчик крепкого. Затем короткий сеанс на редакторе памяти избавит меня от воспоминаний, составляющих профессиональный риск. Таких, как Лиза, например. Несколько дней мне предстоит слоняться по станции, болтая с коллегами, завершившими очередную работу, пока не получу новое задание, никак, на первый взгляд, не связанное со старым. Я так никогда и не узнаю, кто послал ко мне карга и какого рода сделку тот заключил с агентом третьей эры — человеком в черном. Мне не суждено оценить своей скромной роли в стратегических планах Центрального коммутатора.

О чем едва ли стоит жалеть: панорама времени слишком широка, а узор на его ткани слишком сложен, чтобы поместиться в единственном мозгу. Гораздо полезнее сосредоточиться на текущей задаче, чем размышлять о тысяче мелких тупиков, составляющих жизнь хроноагента. Вот только Лиза...

Стараясь не думать о Лизе, я сосредоточился на физических ощущениях. В душном, жарком воздухе гудели насекомые, под ногами скрипел песок, по вискам и между лопатками струйками стекал пот, что внушало надежду. Нет, не сами по себе насекомые: просто очень скоро придут по очереди прохлада, негромкая музыка, ультрасауна, горячий обед и сон — возможность отключиться на настоящем воздушном ложе.

Я прошел по песчаному откосу на краешек оазиса через раскрытые ворота под сенью первобытных пальм; меня встретили два ясноглазых энергичных агента не на задании. Встретили приятельски, хотя и были мне незнакомы: такой стиль сам собой вырабатывается за целую жизнь мимолетных приятельских отношений. Они поинтересовались, как это принято, не слишком ли меня помяло на задании, и я ответил, как полагается.

Воздух на станции с прошлого раза не изменился — такой же прохладный и свежий и такой же стерильный. Ультрасауна хороша как всегда, но я думал о ванне в пятнах ржавчины — дома... Обед не оставлял желать лучшего: филе из какой-то крупной рептилии с гигантскими грибами, креветки, салат из нежной сердцевины плаунов, контрастный десерт из мороженого с чем-то горячим, изготовленный по технологии, что останется неизвестной ближайшие шестьдесят пять миллионов лет,— но не настолько вкусный, как лимонный пирог с сухарной крошкой из рук Лизы. И как хорошо можно выспаться на воздушном ложе! Но все же на жесткой бронзовой кровати в душной комнате с дубовым полом и крахмальными занавесками на окнах у меня выходило лучше — когда рядом была Лиза.

Доклада о ходе миссии Нелл Ярд потребовал не раньше, чем я как следует выспался. Усталый, невысокого роста человечек на шестом десятке, Нелл Ярд имел кислое выражение лица. Повидав всякого, он более не удивлялся ничему. Улыбнувшись без особой радости, Нелл Ярд терпеливо выслушал мой рассказ, глядя в окошко. Похоже, вид из окна за пять лет не успел ему надоесть.

Старший хрономастер одобрительно кивнул, узнав, что мне удалось захватить ленту: карги чаще всего успевают самоликвидироваться, будучи загнаны в угол. На этот раз проблему решила пуля, посланная в резервный компьютер,— пришлось проявить немало изобретательности, усыпляя подозрения карга... Теперь, когда все осталось позади, я не ощущал ничего, кроме усталости. Мне надоело быть кем-то другим, надоела работа, заменяющая жизнь.

Это, однако, дело вполне обычное: нормальная депрессия после задания. Как только мне очистят мозги от ненужных воспоминаний и несколько дней отдыха избавят меня от неопределенной тоски, я буду снова рваться в бой.

Надеюсь, будет именно так; почему нет? До сих пор всегда получалось.

Нелл Ярд предложил повременить с очисткой памяти, пока не завершится анализ ленты; я раскрыл рот, чтобы воспротивиться, но прикусил язык. Не хотелось казаться нытиком.

День я провел, слоняясь по станции и думая о Лизе.

Процесс называется невротической сублимацией, оно же — принудительное вытеснение. Слова, каждому из нас хорошо знакомые, но знание почему-то не помогало. О чем бы я ни думал, мысли упорно возвращались к Лизе. Откусывая от экзотического фрукта дака — исчезнувшего с лица земли еще в юрском периоде,— я думал: «Лизе понравилось бы». Дальше я представлял, как приношу их домой в коричневом бумажном пакете из магазинчика на углу, как Лиза снимает с них кожуру и делает фруктовый салат — с кокосовой стружкой и жареным миндалем...

Этим вечером мы устроили пикник на белом песке у моря, где пляж загибался косой вокруг мелкой лагуны, где время от времени плескалось что-то крупное. Рыбы такими большими не бывают. На мысе и на песчаной косе, которая когда-нибудь станет островом, росли саговники, похожие на пивные бочонки с цветами по бокам и пальмовыми ветвями, торчащими сверху. Среди них попадались сосны, словно бы недоделанные, гигантские папоротники и мхи. Всякой поросли явно хотелось быть деревом. Зловредные насекомые еще не появились, летали только большие и неуклюжие — легкая добыча для мелких рептилий с крыльями, как у летучих мышей.

Сидя на песке, я разглядывал своих соратников: сильных, здоровых и красивых мужчин и женщин, плавающих и ныряющих в полосе прибоя. Со стороны моря ультразвуковой барьер

отгонял ихтиозавров, резвившихся и охотившихся друг за другом, а в окопчиках по краям пляжа стояли часовые, на случай появления сухопутных людоедов. Костер мы сложили замечательный, из сухого дерева, собранного неподалеку, но несколькими миллионами лет позднее. Мы спели немало песен, пришедших из разных времен, и съели зажаренного целиком детеныша стегозавра, запивая белым вином, доставленным из Франции восемнадцатого века. Приятно чувствовать себя хозяином положения... Но я все думал о Лизе.

В ту ночь мне не спалось. Когда я проснулся, не было шести, хотя сеанс очистки памяти назначен на восемь утра. Съев легкий завтрак, я отправился погулять по пляжу. Порадоваться в последний раз мыслям о Лизе — и заодно усомниться в мудрости наших методов. Не упускаем ли мы чего-то важного?.. На такие вопросы не бывает ответов, но за размышлениями я незаметно отошел от станции на милю, а то и на две. Полчаса я просидел на песке, глядя на море и лениво размышляя, что делать, если из первобытных зарослей позади появится кто-нибудь большой и голодный. Оказалось, тема меня не трогает.

Такие мысли до добра не доведут, сказал я себе. Самое время вернуться и привести в порядок мозги. Скоро начну думать, как легко было бы шагнуть в камеру хронопорта и отправиться обратно в тысяча девятьсот тридцать шестой год — через десять минут после ухода...

Мои размышления прервал звук выстрелов.

Любопытно, как в моменты величайшего напряжения рассудок занимает себя пустяками. Оказалось, я уже бегу, разбрызгивая соленую воду там, где волны лизали берег на моем пути.

«Не будет тебе кондиционированного воздуха, не будет тихой музыки; не будет горячего обеда, не будет ни ультрасауны, ни воздушного ложа... И не будет, никогда не будет Лизы...»

Зарываясь в песок, я рванулся прямо через невысокий барханчик, миновал, спотыкаясь о корни, пальмовую рощицу на вершине и замер, глядя на станцию.

Не знаю, что я рассчитывал увидеть — взрывы больше всего напоминали орудийную стрельбу древней эры,— но на белом песке, в нескольких сотнях ярдов от станции, обнаружились две грязно-серые машины на гусеничном ходу. Тяжелые, тонн по пятьдесят, если судить по виду; явно бронированные. Ни пушечных стволов, ни порохового дыма — но без артиллерии тут не обошлось: угол станции сильно пострадал. Гладкая лобовая броня

ближайшего танка плюнула огнем; раздался грохот. С другим танком не все было в порядке: гусеница разорвана, а в нескольких местах откуда-то из-под брони выползал дым. Тяжелая машина внезапно вздрогнула, будто думая подпрыгнуть; там, где выходил дым, появились языки почти невидимого огня. Я едва успел рухнуть лицом вниз. Взрывная волна ударила по ребрам: последний пинок поверженного гиганта.

Вскочив, я побежал вперед, плюясь песком и задыхаясь. Не скажу, чтобы я хорошо соображал, но в одном не сомневался нисколько: единственный хронопорт по эту сторону плейстоцена там, внутри станции. Чем ближе я успею подбежать, тем легче будет смерть, когда меня подстрелят...

Но ни мои честолюбивые замыслы, ни героические усилия никого, похоже, не интересовали. Оставшийся танк — третья эра, как сообщил наконец старый добрый вычислитель промеж ушей,— так и полз прямо на станцию, стреляя на ходу. Ярд сумел-таки прикрыть здание защитным полем, хотя бы частично: при каждом выстреле над станцией вспыхивала радужная корона. Другое дело, что защитный комплекс рассчитан на бронтозавров, а не на танки. Долго не продержится...

Оставив размышления и пригнувшись, я вложил все силы в последний рывок. Язык огня лизнул землю впереди и погас; волна горячего воздуха сдула меня, как старую газету. Я покатился, думая, что оно, может, и к лучшему: труднее угодить под случайный выстрел. То есть будто я сам придумал лечь на землю... В конце концов пришлось встать на ноги — в десяти ярдах от гостеприимно распахнувшейся дыры в восточной стене. Там, где раньше не было видно бетона из-за зеленой шпалеры. Самые длинные десять ярдов в моей жизни, не скрою. Внутри виднелись остатки картотеки, потроха кресла-восстановителя и почерневшие металлические листы там, где раньше были солидные и спокойные дубовые панели... Но как я ни бежал, печальная картина отказывалась приближаться. Ноги вязли, будто по колено в столярном клее, а вокруг бушевала адская топка.

В пролом я красиво нырнул головой вперед, издалека. Не могу сказать, во что я врезался головой; может, кто-то забыл в штабной комнате наковальню?

Когда я вынырнул из густого тумана, полного ярких огоньков и ревущих чудовищ, на меня смотрело мокрое от пота лицо Нелла Ярда, старшего хрономастера и начальника станции.

— Держись, парень! — прокричал он. Кричать приходилось из-за обстрела.— Остальные ушли! Тебя жду! Я знал, что ты внутри защитного поля. Тебе надо знать — я должен был...

Остальное утонуло в могучем грохоте — предшествующая канонада показалась легкой разминкой. Я так и не узнал, что Ярду надо было мне сказать.

Все рухнуло и смешалось. В горле першило от запаха озона — это если не говорить о дыме, бетонной пыли, раскаленном железе и пролитой крови. Нелл Ярд скрылся за дверью штабной комнаты; на подгибающихся ногах я двинулся следом. Переступив через порог, я увидел, как старший хрономастер набирает что-то на клавишах консоли. Загорелся красный маячок, взвыла и замолкла аварийная сирена; обернувшись, Нелл Ярд встретился со мной глазами.

— Нет! Уходи отсюда, Равель!..— Он даже замахал руками.— Ты что, ни единого слова не слышал? Ты должен!.. Координаты...

— Не слышу! — прокричал я в ответ и действительно не услышал собственных слов.

Без особой деликатности ухватив за руку, Ярд толкнул меня в сторону служебного туннеля:

— Не понимаешь? Мне надо перевести станцию в нулевую фазу! Нельзя позволить, чтобы ее захватили!..

Крышка люка отошла в сторону, и Нелл Ярд перебросил меня через комингс, будто куль с тряпьем. В голове немного прояснилось — от удара об пол, наверное.

«Так-то ты обращаешься с больным человеком»,— подумал я.

Слишком быстро, не успеть...

— А теперь беги! — Голос Ярда доносился издалека — за миллион миль, наверное.— Успей как можно дальше... Удачи, Равель!..

Обнаружив себя стоящим на четвереньках, я, как сумел, поднялся на ноги и побежал, шатаясь. В конце концов, мне приказано, а Нелл здесь пока что главный.

Мир ушел из-под ног и опрокинул меня в чистилище; сверху улеглась тысяча тонн горячего песка, запечатывая навсегда.

Глава 5

«Может, и не навсегда»,— произнес негромкий голосок деловым тоном.

«Правда?» — удивился я.

Рот мне тут же забило песком. Я попробовал набрать воздуха, чтобы отплеваться как следует, но только набрал полный нос того же песка. Тут, похоже, сами собой включились дремучие инстинкты: я заработал руками и ногами, пытаясь выплыть,— и скоро оказался на поверхности, где кроме удушающего жара и вони горелого пластика был еще и воздух. Насыщенный пылью и дымом, но пригодный для дыхания. Откашлявшись и отплевавшись, я огляделся.

Я по-прежнему лежал в служебном туннеле, только стены покоробились, будто кто-то пытался их расплавить и едва не преуспел в этом. На пол нанесло песку, около фута — оттуда-то я только что и выплыл. Что же случилось?..

Туннель ведет к насосному блоку, откуда на поверхность можно попасть по узенькой лесенке — сделано, чтобы поменьше уродовать местный пейзаж. Почему бы просто не продолжить движение? Выберусь наверх, и можно будет...

«Что будет можно, выясню потом»,— решил я.

Гордость за достойное поведение под огнем противника едва не помешала мне заметить, что в туннеле чересчур уж светло. А ведь как-никак — двенадцать футов под поверхностью. Вроде бы свет идет откуда-то сзади... Точно: сквозь узкие щели между сильно погнутыми прутьями арматуры пробивались пыльные лучи солнца.

Первые десять ярдов дались труднее всего, потом песка и обломков стало гораздо меньше. Дверь в насосный блок открылась без труда — после того как я припомнил, что тянуть надо к себе. Оборудование оказалось в полном порядке — хоть сейчас поднимай чистейшую артезианскую воду с глубины сто двадцать футов. Можно даже целое озеро. Одобрительно похлопав ближайший насос по кожуху, я взялся за перекладины лестницы. Меня слегка мутило от слабости, но не сильнее, чем зеленого новичка после первого шторма. Наверху я нажал на кнопку; заработал мотор, крышка люка сдвинулась, просыпав вниз полведра песка и зеленую ящерицу. Отдышавшись немного, я глянул по сторонам.

По-прежнему к синему океану тянулся язык первобытных джунглей, и по-прежнему длинной дугой изгибался пляж, только изрытый теперь воронками и развороченный гусеницами. Но станции больше не было — только дымящийся кратер.

Лежа на чистом горячем песке, я все смотрел и смотрел. Из глаз текли слезы, то ли от песка под веками, то ли от ослепительных лучей солнца юрского периода. По щекам и между лопатками бежали струйки пота, а в голове мешались воспоминания. Станция, какой я увидел ее при первом переходе во времени, много лет назад; аккуратные, лишенные индивидуальности гостиные, что кажутся домом, когда возвращаешься с трудного задания; полевые агенты, мужчины и женщины, появляющиеся ниоткуда и исчезающие бесследно; разговоры о работе за столом, чистота, опрятность, деловитость — и даже большой планшет в штабной комнате, где процесс темпоральной уборки отображался минута за минутой для времен прошлых и будущих.

Нет больше ни планшета, ни архивов, ни дерева гингко в горшке — один спекшийся шлак.

И Нелл Ярд... Он ведь не только гнал меня наружу: он оставил со мной важное сообщение. Однажды я должен что-то сказать кому-то... Суета сует. Я уже отговорил свое с другими людьми. Никаким робинзонам такие необитаемые острова и не снились. Возможно, меня могли бы понять те агенты, что в свое время пропали с мониторов где-то очень далеко.

Но уж никак не дальше меня.

С этой мыслью я позволил себе уронить голову и потерять сознание.

Глава 6

Очнуться пришлось, наверное, от боли во всем теле. Ну и от зуда тоже. Солнце садилось, и гудели очень крупные комары. К еде они приступили философски, нисколько не удивляясь тому, что никаких млекопитающих здесь не должно быть. Бог дал день, Бог дал и пищу... Отогнав самых назойливых, я решил разобраться в обстановке. Что до меня, то никакого серьезного ущерба не обнаружилось: синяки, мелкие порезы да ушибы, зато в изобилии. Подойдя к большой воронке, я остановился. Ни от людей, ни от механизмов не осталось и следа, только чаша диаметром сто ярдов из спекшегося в стекло песка — и остатки некогда пышной растительности вокруг. Не судьба мне отправиться с докладом на Центральный коммутатор — или куда бы то ни было еще.

Итак, представители третьей эры — или кто-то под видом представителей третьей эры — уничтожили станцию с основательностью, которая плохо укладывалась в моей голове. Как им вообще

удалось найти это место? Сто двенадцать станций, разбросанных на всем протяжении древней эры, заложены в глубокой тайне и спрятаны вполне надежно. О местонахождении Центрального коммутатора ничего не могли бы сказать даже те, кто его строил. Коммутатор заключен во вневременную полость, дрейфующую в энтропийном потоке, и не существует физически ни в одной точке пространственно-временного континуума. Код доступа зашифрован последовательно двенадцатью слоями ключей и похоронен в главном резервуаре мозга Коммутатора. Добраться можно только через хронопорт, и то не всякий: персональный генератор хронополя должен быть настроен на частоту станции отправления.

Которая представляет собой полдюйма мутно-зеленого стекла на дне широкой воронки.

Единственная возможность открылась, как улыбка вампира.

Вживленный в мое тело персональный генератор хронополя исправен; энергии для одного перехода достаточно. Для одного перехода неизвестно куда. Уйти нетрудно, даже если не знаешь места назначения.

На Коммутаторе можно услышать немало леденящих кровь историй про тех, кому переход почему-либо не удался. Кто-то прибыл сразу на десяток станций, разбросанных на протяжении нескольких веков,— по частям; от кого-то остался только бесплотный голос, умоляющий о спасении... К тому же переход вслепую запрещен несколькими правилами сразу.

Можно, конечно, поселиться на берегу вместе с динозаврами. Вдруг спасательная экспедиция поспеет раньше, чем я погибну в желудке местной рептилии — или от перегрева, жажды, скуки, а возможно, и старости.

У меня в любом случае есть время подумать. Сколько угодно времени.

Среди обугленных плаунов валялись подходящие обломки бетона. Почему бы не сложить очаг и не поджарить на обед неосторожную ящерицу?

Идее, на мой вкус, недоставало привлекательности, но отбрасывать ее так сразу не хотелось. Или какой ни на есть обед, или самоубийственный, по единогласному мнению специалистов, эксперимент. Куда спешить, в конце-то концов? Синяков хватает, но ничего серьезного; от голода сразу не умру, даже в худшем случае; воды сколько угодно, благо насосы в порядке. Если

разрушение станции зафиксировано хотя бы на одном тактическом планшете, спасательная экспедиция уже готовится к переходу... Скоро увижу полевую униформу цвета хаки.

На потемневшем небе засверкали празднично первые звезды — будто ничего плохого не случилось с Игорем Равелем, уборщиком времени... Гребни волн с грохотом обрушивались и, шелестя, уползали обратно в море. Им не было дела до какой-то двуногой твари, которую собственная глупость забросила за шестьдесят пять миллионов лет от дома.

От возвышенных размышлений меня отвлек зов природы.

Мочиться на волшебные пески прошлого, глядя на вечные звезды над головой,— и странно, и как-то глупо...

Я выкопал себе нору в песке и лег спать, но сначала побродил по берегу еще немного, смутно надеясь встретить какой-нибудь след былой магии этого места.

Глава 7

Динозавры пришли с рассветом. Я их видел и раньше, издалека в основном. Мелкие робкие создания, немедленно исчезавшие, когда включалась инфразвуковая сирена, которую Нелл Ярд установил специально для них. Еще до моего появления бывало, что крупные особи подходили слишком близко к огороду; таких приходилось отпугивать, импровизируя шумовые эффекты. Считалось, что они совершенно безмозглые и не представляют опасности. Разве только наступят случайно или съедят вместе с каким-нибудь зеленым кустом, без умысла.

Теперь появились сразу трое, из тех, что покрупнее, и никакой инфразвуковой сирены — одни только голосовые связки...

Как-то один из наших вздумал искупаться; на обратном пути его поджидал зубастый экземпляр, вышедший прямо на берег из джунглей. Динозавр перекрыл дорогу на станцию, и пришлось идти мимо. Мой коллега отделался легким нервным расстройством: чудовище не удостоило его даже взглядом. Мы тогда решили, что столь мелкая закуска не представляет интереса для столь серьезного желудка.

Сейчас эта теория не казалась чересчур убедительной.

Троица подбиралась все ближе и ближе. Динозавры эти принадлежали к разновидности, неизвестной археологам позднейших времен; мы называли их «шутами» за глупую ухмылку и ярко окрашенные наросты на черепе, немного похожие на бубенчи-

ки. Картину дополняли лапищи наподобие страусиных, длинная шея и многочисленные зубы.

Я лежал тихо, распластавшись на песке, пока хищники ковыляли в мою сторону, рисуясь все четче в дрожащем от зноя воздухе. Все трое производили впечатление, но один был настоящим гигантом: восемнадцать футов в холке, не меньше. Вблизи от них остро пахло навозом; сетчатый узор из желтых и лиловых чешуй нарушался там, где линяющая шкура сползала у хребта крупными лоскутами, и дышали они сипло и с присвистом. Оно и понятно: для такой машины воздуха нужно много. Некоторое время я прикидывал, сколько тварям требуется кислорода на фунт живого веса, объем легких и минимальное сечение дыхательных путей, но когда динозавры подошли на сто футов, мои рассуждения потеряли стройность; я сдался. На таком расстоянии слышно было, как у них урчит в животе.

Гигант учуял меня первым. Голова взлетела кверху на длинной шее; змеиный глаз цвета бычьей крови грозно повернулся в мою сторону. Рептилия фыркнула и пустила слюни — не меньше галлона. В раскрывшейся пасти сверкнули снежно-белые зубы. Те, которым пришло время меняться, торчали в стороны, криво и косо, выбиваясь из ровных шеренг. Свистнув, как паровоз, гигант устремился ко мне. Подошло время принятия решения, и я не стал колебаться.

Напоследок вдохнув полную грудь влажного воздуха и оценив картину: раскаленный добела песок, сверкающее под солнцем море, равнодушное небо и довольное чудовище в шутовском колпаке,— я набрал код на консоли, где клавишами служили коренные зубы нижней челюсти.

Последний вид Берега Динозавров накренился и съехал в сторону, в глазах помутилось, будто на голову обрушился удар, бесшумный и безболезненный; проскользнув в горлышко бутылки Клейна размером с Вселенную, я начал описывать бесконечную петлю...

Сгустилась непроницаемая тьма, и я ухнул в наглухо засмоленной бочке в грохочущую пучину Ниагарского водопада.

Глава 8

Несколько секунд я лежал неподвижно, прислушиваясь к своему телу. Все вроде бы в порядке — даже чешется, где и раньше чесалось. Водопадный гул продолжался бесконечно, не затихая

и не усиливаясь, а тьма явно не думала рассеиваться. Отправление состоялось, кто б сомневался, но как насчет прибытия?

При неудачном переходе инструкция предписывает сохранять неподвижность и ожидать спасения. Боюсь только, в моем случае придется ждать долго. Кстати сказать, до составления отчета о происшествии никто из вовлеченных в такого рода аварию пока не дожил. Инструкция может ошибаться — принимая во внимание скудость фактического материала... Я попробовал дышать, благо созрел для этого; ничего не случилось, и я решил действовать.

Поднявшись на ноги, я шагнул вперед, будто сквозь черный занавес на сумрачную сцену, где в густом полумраке сверкали звездочки — вроде тех, какие плавают перед глазами, когда теряешь сознание от потери крови. Но упасть в обморок не пришлось: туман рассеялся, и я оказался внутри стандартной переходной камеры, как на любой темпоральной станции. Дышалось легко, без проблем.

В меру насладившись свежим воздухом, я обернулся к черному занавесу. Ничего такого, просто бетонная стена с арматурой из бериллиевой бронзы. Стены камеры достигают двух метров толщины, насколько я знаю.

Шум водопада может объясняться взаимным проникновением металла с высокой плотностью и ста восьмидесяти фунтов воды с примесями, или человеческого организма.

Науку, правда, лучше отложить на потом. Сначала явиться к начальнику — если есть действующая переходная камера, значит, найдется и начальник?..— и доложить о гибели станции номер девяносто девять в результате внезапной атаки.

Десяти минут хватило, чтобы обследовать каждое помещение на штабном уровне. Никого. Отдых и развлечения — то же самое. Основное оборудование и реакторный отсек — пусто.

Активная зона реактора в норме, емкости темпорального передатчика заряжены, зеленые огни ровно горят на всех пультах, но потребление энергии нулевое.

Чего, разумеется, не может быть.

Рабочая связь с Центральным коммутатором, как и отслеживание деятельности полевых агентов, требуют расхода энергии, хотя бы умеренного. Иначе просто быть не может: пока система существует, утечка энергии при ее работе неизбежна, независимо от пространственно-временных координат.

Я пришел к неутешительным выводам.

Одно из двух: либо система станций прекратила свое существование, либо я оказался за пределами ее досягаемости. Спрашивается: если сеть станций покрывает весь пространственно-временной континуум, куда меня могло занести?

Физически станции одна от другой не отличаются: оборудование, внешний вид и электронные характеристики строго одинаковы. Станции производятся методом темпорального дублирования, и кое-кто из теоретиков полагает, что они не просто идентичны, но в известном смысле представляют собой одну и ту же станцию. Различные темпоральные ракурсы одной и той же матрицы или вроде того. Впрочем, это абстрактная теория, мое же нынешнее положение — конкретный факт. Для начала надо выяснить, куда же я все-таки попал.

Знакомый коридор привел меня к входному шлюзу, который есть на каждой станции. Иначе нельзя, поскольку станции иногда размещаются в среде, неблагоприятной для жизни, как ее понимают на Центральном коммутаторе. Продув шлюз, я занес ногу — но торопиться не стал.

Земля, с виду нормальная, кончалась в десяти футах от входного тамбура. Дальше, не проникая внутрь невидимого барьера, клубился жемчужно-серый туман. Выйдя наружу, я лег на самый край видимой вселенной и осторожно заглянул вниз. Подбрюшье моего мира плавно загибалось вниз и назад, скоро теряясь в тумане; видимая часть напоминала зеленое стекло.

Очень похоже на облицовку кратера там, на Берегу Динозавров.

Покинув край земли, я вернулся на станцию и заказал в архиве первую попавшуюся ленту. По экрану пополз стандартный отчет об энергопотреблении, флуктуациях темпорального контура, о прибытии и убытии персонала... Стандартный журнал станции, номер указан на каждом колонтитуле.

Девяносто девять.

Этого я и боялся.

Брюхо моего парящего в тумане за пределами вселенной острова замечательно впишется в ту самую воронку на Берегу Динозавров. Огонь противника вовсе не уничтожил станцию: какая-то сила просто выскребла ее из скального фундамента, как порцию мороженого с орехами.

Так что я теперь дома, в безопасности. Нелл Ярд, оказывается, просто хотел, чтобы я убрался подальше от станции. Потом перекинул тумблер, запуская процедуру аварийной эвакуации, о которой полевому агенту знать незачем.

Само собой, Нелл Ярд поступил правильно. Противник на самом пороге, и через несколько секунд защитное поле сбросится от перегрузки; секреты Коммутатора не должны попасть в чужие руки... Ярд просто обязан был что-нибудь предпринять. Уничтожить станцию не вышло бы; он сделал то, что мог.

Только я до настоящего момента и не подозревал, что Коммутатор располагает технологиями такого уровня. Обязательно поразмыслю об этом в свободную минуту.

В последнюю минуту Нелл Ярд передал мне сообщение. Важное сообщение неизвестно для кого, неизвестно куда. На самом деле я не расслышал ни единого слова, но этого-то Ярд и не понял... Вытолкав меня наружу, сосчитал до десяти и нажал на кнопочку. Станция телепортировалась, а я остался на берегу, как и следовало.

А потом пустил его труды насмарку, использовав персональный генератор хронополя. Вернулся обратно, куда возвращаться мне вовсе не полагалось.

«Нулевая фаза»,— припомнил я неожиданно.

Теоретическое понятие в специальной литературе, не более того,— так мне всегда казалось. Оказывается, это немного больше, чем теория.

Место вне времени и пространства, точка нулевой амплитуды колебаний поля Илема, называемого еще пространством-временем.

Я прошелся по комнате, прислушиваясь, как ноги ступают по полу. Негромко шелестела система циркуляции воздуха, и тихо гудела силовая установка на холостом ходу. Все можно пощупать, понюхать, все в полном порядке — если не считать мироздания снаружи.

Хорошо, но если это моя родная станция Берега Динозавров, где тогда дыра в стене комнаты отдыха? Несколько часов назад я попал внутрь именно через эту дыру. Где же тогда дым, обломки и пыль, где искореженное железо? Сейчас станция в норме. Я полез в картотеку: записи в полном порядке, никаких упоминаний об атаке, о поспешной эвакуации, никаких следов

смятения в последнюю минуту. Синдром «Марии Целесты» в тяжелой форме — только ваш покорный слуга остался на борту.

Кстати, и в столовой нашлись два подноса с объедками, довольно свежими,— кроме них, ничто не нарушало безличную стерильность станции.

Нажав на кнопку процессора отходов, я воспользовался клавиатурой и заказал чего-нибудь поесть. Дымящийся обед тут же выполз из окошечка: синтетические деликатесы, триумф диетологии будущего... Я подумал о печеном окороке и вареной кукурузе, вспомнил Лизу, ждущую меня в благоуханных сумерках.

Это нечестно, в конце концов! Человек делает свою работу, не жалеет ни себя, ни своего сердца, рвет бедное сердце на части во имя служебного долга — надеясь на милосердное, пусть и не вполне естественное, забвение в финале. В контракте нигде не сказано, что я должен сидеть в бесконечных сумерках на пустой станции, питаться опилками и пеплом и тосковать о голосе, о прикосновении, об улыбке...

Какого черта! Она ведь только женщина — эфемерное создание, рожденное в начале времен для жизни короткой, как вспышка светлячка. Ее давно уже нет — только тлен и прах которую тысячу лет...

Лиза, Лиза...

— Хватит! — отрезал я решительно и сурово.

От звука собственного голоса среди безлюдья покинутой станции мне стало зябко.

«Должно быть простое объяснение»,— подумал я, не желая более тревожить тишину.

Ну пусть не простое, но все-таки объяснение.

— Очень просто! — решил я. Тишиной меня не испугаешь...— Процесс аварийного перехода забросил станцию далеко в прошлое. Может, вообще в никогда. Случай наверняка расчетный; что я не знаю математики, дела не меняет. Станция существует — где-то и когда-то,— а я нахожусь внутри. Вопрос к уважаемым членам парламента: что делать дальше?

Тишина давила, неподвижный воздух сгустился, будто насыщенный погребальными благовониями. Миниатюрная вселенная замерла в ожидании. Ничего, однако, не случится, если я сам не запущу цепь событий.

— Ладно, Равель. Какой смысл оттягивать? Ты прекрасно знаешь, что делать. Вариант у тебя единственный...

Штабная комната, служебный коридор, переходная камера.

Все в порядке — только не горит веселенький зеленый огонек, свидетельствующий о рабочем контакте с Коммутатором. Заряд нормальный, стрелки приборов на местах.

Достаточно войти внутрь камеры, и я попаду куда-нибудь в другое место...

Мне пришли в голову сразу несколько интересных вопросов, но только времени уже не было. Совершенно точно, не было. Автоматическая дверь закрылась, отрезав мирок станции, но оставив со мной выводок не особенно приятных мыслей. Не давая им размножиться, я нажал кнопку «пуск».

Неслышный взрыв бросил меня в туман пространства без измерений.

Глава 9

Сначала пришло головокружение; отступая, оно дало дорогу чему-то более определенному. Ребра легли на твердую поверхность, которая то возносила меня наверх, то мягко проваливалась вниз, музыкально поскрипывая и вздыхая. Под веками вспыхнул и замерцал огонь. Теперь открыть глаза... вот, солнце сверкает на неспокойной воде, подо мной взлетает и опускается палуба...

Шевельнувшись, я не сдержал стона от боли во всем теле. Теперь сесть...

Горизонт послушно принял горизонтальное положение, периодически скрываясь за истертым и выгоревшим на солнце фальшбортом. Над головой чертили роскошное синее небо высокие мачты: такелаж и рангоут португальского галеаса шестнадцатого века. Этой информацией меня когда-то заправили под гипнозом.

Мало того, я знал, что галеас не настоящий. Новодел времен Возрождения, около 2220 года. Чистая работа, точная копия, умело состаренная. Под палубой, надо думать, небольшой реактор, за дубовыми — или очень похожими на дуб — досками стальная броня, за броней — роскошные каюты для капитана и десятка туристов.

За ближними шумами послышались смягченный расстоянием скрип рангоута и такелажа, неразборчивые крики, протяжный гул, отозвавшийся грохотом на палубе где-то рядом. Корабль резко накренился, через наветренный планшир хлестнули мне

в лицо соленые брызги. Проморгавшись, я разглядел трехмачтовый двухдечный корабль, под зелеными вымпелами с белым мальтийским крестом. Совсем недалеко, не более полумили. Вдоль борта полыхнули тусклые красные огни, вскипели клубы белого дыма; мгновением позже прямо по курсу моего галеаса поднялась шеренга фонтанов и донесся громовой раскат залпа.

Идиллический образ круиза на фальшивом пиратском галеасе по Карибскому морю померк прежде, чем осели фонтаны от пушечных ядер. Орудия на двухдечном галеоне под зелеными вымпелами настоящие, и ядра настоящие, и следующий залп проделает настоящие дыры в палубе, на которой я лежу.

Привстав, я глянул в сторону кормы. Несколько человек возились вокруг небольшой пушечки, тщетно пытаясь привести ее в боевое положение. Костюмы, поношенные, грязные и потемневшие от пота, относились действительно к шестнадцатому веку. У одного из матросов из резаной раны на лице обильно струилась кровь. Для подделки рана выглядела слишком убедительной.

Мне стало неуютно, и я присел за грубо сколоченной деревянной клеткой. В клетке вяло шевелилась черепаха с видавшим виды выщербленным круглым панцирем не меньше ярда в поперечнике. Выглядела она старой, усталой и несчастной. Нам, похоже, было одинаково плохо.

Раздались крики, и что-то слетело вниз, распластавшись на палубе: дырявый флаг из грубой холстины, выцветший на солнце и с грубым рисунком. На грязно-желтом фоне корчилась змееподобная курица зеленого цвета с рогами. Хоть я и не силен в геральдике, но сразу понял, что оказался участником морского боя и что моя сторона проигрывает. Повернув на другой галс, галеон заметно приблизился; из пушечных портов выкатились новые клубы дыма, раздался свист, и где-то на баке грохнуло, будто взорвался паровой котел. Осколки посыпались дождем. Один из матросов рухнул на палубу и забился, как рыба на дне лодки, обливаясь кровью. Среди воплей и беготни на мгновение возникло чье-то лицо; рот раскрылся в крике. Вдруг это он мне? На всякий случай я остался сидеть за клеткой. Быть может, внезапное озарение подскажет, что делать?

Озарение приняло облик загорелого крепыша в просторных штанах черного с желтизной цвета. Над коричневыми босыми ступнями красовались выцветшие розоватые обмотки, а на ши-

роком кожаном поясе грубой работы висела неуклюжая абордажная сабля. Такую саблю можно сделать из железной бочки от нефтепродуктов. Остановившись передо мной, он заорал, размахивая короткими мускулистыми руками. Когда я поднялся на ноги, он крикнул что-то еще, указывая в сторону кормы, и бросился туда, не ожидая ответа.

Кажется, при виде меня он не слишком удивился; я, в свою очередь, каким-то образом уловил, что ему надо. Оказывается, этот идиот Гонсало выпустил себе кишки, налетев на сломанный флагшток, и теперь я срочно нужен у четырехфунтовой пушки...

— Уроды! — прорычал я, обращаясь неизвестно к кому.— Пушку за борт, если хотите облегчить корабль!

Единственный шанс — оторваться за счет хода; но куда там — поздно...

Что-то просвистело над фальшбортом, как ракета. Я растянулся на палубе, сбитый с ног ударом каната в лицо. Кто-то на бегу перепрыгнул через меня; обломок рангоутного дерева толщиной с ногу обрушился на палубу, подскочил и вылетел за борт. Корабль накренился, приводясь к ветру; по палубе покатились незакрепленные предметы; паруса захлопали, потом легли на рангоут, обстениваясь. В лицо задул ветер, душистый и прохладный; прогремел очередной залп, раздались новые крики, застучали по палубе матросские ноги. Я пристроился в укромном месте под планширем, не брезгуя грязной розоватой водицей, хлюпавшей у шпигатов. На моих глазах грот-мачта с оглушительным треском наклонилась и рухнула за борт, волоча за собой гигантское полотнище. Парус накрыл корму, треснул и уполз в море, прихватив с собой двух человек, не сумевших вовремя из-под него выбраться. Сверху что-то все время сыпалось, будто обломки после взрыва. За бортом показалась темная масса, а в небе — новые мачты и паруса; сильный толчок свалил меня с ног. Я лежал, уткнувшись носом в мокрые доски, а скрежет все продолжался. Трещала обшивка, лопались канаты, палуба заваливалась все круче...

Чтобы не соскользнуть, я ухватился за первый попавшийся канат; меня прижало к стенке небольшой рубки. Огромный галеон продолжал тереться бортом о наш борт. На вантах и на шкафуте, возвышавшемся на десять футов над нашей палубой, было черным-черно от разбойничьего вида матросов, размахивавших кулаками и саблями. Мимо лениво проплывали темные

дула орудий; за ними, в глубине пушечных портов, скалились канониры с почерневшими от копоти лицами. Упали вниз абордажные крючья, скользя и цепляясь за пробоины в палубе; еще мгновение — и палубу затопила абордажная партия. Матрос, кричавший мне насчет пушки, бросился вперед и получил удар саблей по голове. Удар не казался опасным, но матрос упал, истекая кровью, а нападающие с воплями покатились дальше. Прижавшись лицом к палубе, я старательно притворялся трупом, но недолго: в мою сторону азартно скакал плечистый разбойник с мачете в руке. Где он ухитрился так погнуть клинок?.. Я откатился — ровно настолько, чтобы добраться до маузера,— и выпустил две пули прямо в потную волосатую грудь. Откатившись еще, я уступил ему свое место на палубе, куда он и рухнул замертво. В свалке выстрелов не было слышно.

Босоногий коротышка, ловкий, как обезьяна, попытался вскарабкаться на фок-мачту — его стащили вниз; кто-то перевалился через планшир и упал в море, живой или мертвый — не знаю... Толкотня на палубе не прекращалась, победные крики не утихали, абордажные сабли взлетали в воздух и опускались праздно — рубить уже было особо некого. Только здесь и там валялись, как сломанные игрушки, те, кто зажимал руками глубокие раны и бормотал последние молитвы. Никому не нужные — этот праздник не для них.

Тогда-то я и увидел карга.

Глава 10

Сомневаться не приходилось. Для неискушенного глаза карг первого класса — других в нашем деле не используют — неотличим от добропорядочного гражданина. У меня, однако, глаз весьма искушенный, да и вышло так, что этого карга я знал лично.

Именно он остался тогда в гостиничном номере в Буффало, с полуоболочечной пулей в левой скуловой дуге.

Здесь до Буффало дело еще не дошло; вот, спускается на палубу — лихо, как не всерьез. Судя по измызганному золотому шитью на обшлагах и потемневшей латунной проволоке на рукояти сабли, он среди победителей человек не последний. Командир морской пехоты, а может, и капитан. По его приказу абордажная команда построилась в неровные шеренги; гомон утих.

Теперь полагается отправить наряды с целью систематического грабежа. Ну и добить раненых.

Это будет гуманный акт; насколько я разбираюсь в условиях, характерных для трюмов испанских судов того времени, скорая смерть куда лучше долгой дороги домой — и каторги в конце. Я уже подумывал, не стоит ли где-нибудь спрятаться — безнадежный план,— чтобы объявиться впоследствии, при благоприятных обстоятельствах, как дверь рубки приоткрылась. То есть едва не приоткрылась: мешал мой немалый вес. Дверь подалась дюйма на два, не больше. Кто-то внутри навалился как следует. Показался сапог и голубой рукав с золотыми пуговицами, но дальше дело не пошло: что-то на поясе зацепилось за дверные запоры. Карг повернул голову сразу и смотрел бесконечно долго — не меньше секунды, наверное,— потом выхватил элегантный пистолет с колесцовым замком, аккуратно прицелился...

Выстрелило, как из пушки: дыму и пламени хоть отбавляй. Я услышал, как пуля попала в цель. Солидный, хлесткий звук, будто хорошо посланный мяч ударил в бейсбольную рукавицу. Бедолага в дверях дернулся, вылетел наконец наружу и упал лицом вниз. Дернувшись пару раз, он замер. Похоже, окончательно.

Карг обернулся к своим людям и отдал короткий приказ. Послышался ропот; разочарованные взгляды последний раз обшарили палубу, и абордажная команда повернулась лицом к своему кораблю.

Ни тебе грабежа, ни тебе добычи.

Карг выполнил задачу, только и всего.

Через пять минут на борту остался только он сам, терпеливый и спокойный, как и подобает машине. Некоторое время он стоял на корме, неторопливо оглядываясь, потом двинулся в мою сторону. Я лежал тихо, как мышка,— мертвее не бывает.

Переступив через меня — и через настоящий труп,— он шагнул в рубку. Послышалась негромкая возня, будто кто-то выдвигает ящики и шарит под ковром. Спустя малое время карг вышел на палубу. Шаги неторопливо удалялись, и я осторожно приоткрыл один глаз.

Стоя у наветренного планшира, карг аккуратно снимал предохранительную фольгу с термитной бомбы. Когда бомба негромко зашипела, разгораясь, он уронил ее в просвет люка под ногами легко и непринужденно, будто маслину в бокал мартини.

Не торопясь, он пересек палубу, ухватился за свисающий канат и с похвальной ловкостью забрался на борт своего корабля. Кто-то отдал команду,— он сам, наверное,— и возникла рабочая суета. Заполоскали паруса, повернулись реи, вверх по вантам побежали матросы. Со скрипом и треском разрываемых канатов рангоут галеона освободился от хватки снастей обреченного корабля. Высокий борт испанского галеона плавно отошел в сторону; гулко хлопая напоследок, паруса наполнились ветром. Я неожиданно остался один, глядя, как с попутным ветром уходит другой корабль — и уносит моего противника.

В этот момент ухнула под палубой термитная бомба. Вслед за облаком дыма из люка вырвались языки бледного пламени. Подойдя на неверных ногах поближе, я глянул вниз, где горело рукотворное солнце. Глаза не могли терпеть — пришлось отвернуться... Даже если у лоханки стальные борта, при температуре в пять тысяч градусов железо горит не хуже сухого дерева.

Несколько драгоценных секунд я пытался хоть что-нибудь понять в происшедшем. Под ногами трещал огонь, грозясь вырваться на свободу, палуба качалась под ногами, а тень от обрубка грот-мачты качалась, как палец, грозящий телу застреленного каргом.

Труп лежал лицом вниз. У горла в луже крови мокли дорогие кружева. Одна рука скрывалась где-то под голубым мундиром, другая отлетела в сторону. Пистолет валялся в ярде от раскрытой ладони.

Сделав три шага, я подобрал оружие. Майкроджет, изготовленный на родном Коммутаторе; рукоятка индивидуальной формы, сделана будто на меня.

Ничего удивительного. Если это мой пистолет, отчего бы рукоятке не подходить? Да и рука, вон, знакомая. Без всякого желания перевернув тело, я глянул в мертвое лицо.

Свое лицо.

Глава 11

Стандартная процедура кондиционирования, которую проходят после миссии, работает надежно, избавляя от лишнего груза воспоминаний. Сейчас память вернулась, взламывая плотину. Это произошло около десяти лет назад по стандартному календарю Коммутатора, или в тысяча пятьсот семьдесят восьмом году

по местному летоисчислению, где-то в Карибском море, милях в пятидесяти к юго-западу от острова Сент-Томас. Нужно было отыскать корабль под командой карга, действовавший в водах Новой Испании. Я припомнил все: преследование, абордаж, бой на палубе и как я дождался в рубке своей минуты. Один меткий выстрел устраняет источник неприятностей... Одно из моих первых заданий, давным-давно успешно выполненное,— с тех пор лишь часть истории проекта темпоральной уборки.

Часть, извлеченная из архива. Дело возобновляется в связи с появлением новых обстоятельств. Пересек собственный след во времени, пустое дело.

Само собой, новое обстоятельство нарушает все законы природы, относящиеся к перемещениям во времени, но это не главное. И не самое страшное. Хуже всего то, что все труды Коммутатора по реконструкции прошлого, свободного от влияния деятелей древней эры, не боявшихся лезть в чужую жизнь, идут насмарку.

Достаточно отвалиться одному камешку в мозаике, достаточно выпасть одному звену в цепи — и все искусственное здание вновь созданного прошлого обрушивается, как тот дворец на песке... Куча темпорального мусора — из нее никакой Коммутатор уже ничего не построит.

Имея точку опоры, можно опрокинуть мир, но сначала надо как следует упереться ногами. Над этим Центральный коммутатор и работает последние шесть десятков лет. Создается солидная платформа в далекие доисторические времена: прочный фундамент для надежной постройки будущего.

Ничего не вышло, и все из-за меня.

Тот день я припомнил до мелочей. Как подошла решительная минута, как я распахнул дверь, как прицелился, как выпустил три заряда в грудную клетку андроида прежде, чем он осознал вмешательство новой силы. Карг рухнул на мокрые доски; его люди хотели напасть на меня, но, упершись в защитное поле, запаниковали. В одно мгновение абордажная команда очистила палубу, галеон оделся парусами и с попутным ветром исчез в потемках неписаной истории. Без приключений я доставил галеас — бывший, разумеется, мобильной базой специальных операций — к перевалочному пункту в локусе Q-637. Оттуда его переправили на ближайшую складскую площадку по линии Коммутатора.

Точнее, теперь уже не переправили.

Не дав двери открыться, я помешал *другому* выполнить задание, разрушая целый сегмент перестроенной темпоральной матрицы — вместе со стратегическими планами Центрального коммутатора. Карг спокойно ушел, целый и невредимый, а я лежу на палубе мертвый, с круглой пулей в горле.

И я же стою на палубе, глядя на свой собственный труп, пока до меня доходит цена совершенной ошибки.

От агента Коммутатора бывает нелегко избавиться. Ни убить, ни обезвредить агента не просто, благодаря вложенным в него достижениям весьма передовой науки.

Но вот если поместить его во временную петлю в пределах неосуществившейся альтернативной реальности, тогда другое дело. Из замкнутого отрезка псевдореальности нет выхода в будущее, которого вдобавок не существует вовсе. Выведен из игры навсегда.

Даже если я выживу — в чем нетрудно усомниться, принимая во внимание пожар под палубой,— выхода не будет. Генератор персонального хронополя разряжен, и на мониторах Коммутатора нет и не может быть никаких следов: при последнем переходе я не вводил места назначения. Другого меня убили при исполнении служебного долга, в момент, когда ему пришлось на мгновение выключить защитное поле, чтобы применить оружие... В списках Коммутатора одним бестолковым агентом станет меньше, только и всего.

Даже двумя — не забудьте вычеркнуть того, кто сунул нос не в свое дело.

Лихорадочно перебирая варианты, я нашел один небезнадежный. Этот вариант мне понравился больше, чем близкая перспектива поджариться живьем, хотя и не намного.

Персональный генератор хронополя всегда при мне, хотя сейчас и не настроен на пункт назначения. Зарядить его можно только на базе, но сейчас в моем распоряжении дубликат — в трупе. Основные цепи, от антенны до блока питания, состоят из нервной ткани носителя.

Для необратимых изменений в мозгу довольно нескольких минут кислородного голодания, но цепи генератора попроще и должны пока работать. Настройки перехода — вопрос куда более интересный. Учитывая грубые нарушения причинных связей — еще и праздный. Кроме того, адрес перехода отчасти зависит от планов трупа на момент смерти.

Палуба раскалилась настолько, что жгла через подошвы ботинок. Дым становился гуще с каждым мгновением, огонь ревел, как тропический водопад в сезон дождей.

Я присел на корточки у собственного трупа; рот оказался приоткрытым, весьма кстати. Чувствуя спиной, как из люка вырывается гудящее пламя, я набрал свой код на коренных зубах.

Титан ударил в ладоши, прихлопнув меня как муху.

Глава 12

Очнулся я в падении, вокруг было темно. Ухватиться ни за что не успел, свалился в воду: теплую, вонючую, вязкую, вроде горохового супа. Вынырнув на мгновение, я не успел отплеваться: мерзость затягивала. Плыть толком не выходило, удалось лишь найти ненадежное равновесие, когда ноздри удерживались на поверхности. Глаза были безнадежно залеплены грязью.

Тому, кто смог бы нарезать этот запах на листы, удалось бы продать его в качестве линолеума. Кашляя и барахтаясь, я нащупал дно, твердое и наклонное. Устроившись на четвереньках, я попытался протереть глаза, без особого успеха. Выползти наверх тоже не вышло — дно оказалось скользким, и я чуть не нырнул с головой опять.

В следующий раз пришлось действовать осторожнее, постепенно подтягиваясь на руках и используя подъемную силу жидкой грязи. Действительно, мне удалось нащупать берег. Очень странный берег: твердый, гладкий, уходящий вверх, наподобие стенок кухонной раковины. Оскальзываясь, я попробовал сдвинуться в сторону, но везде было одно и то же. Запах сточной канавы душил, под руками расползалась какая-то губчатая дрянь; отчаянным усилием я поднялся на ярд и тут же соскользнул на два.

Усталость уже давала о себе знать. Ухватиться не за что, и без отдыха не обойтись, но стоит расслабиться — утонешь. Подумалось, каково это: уйти под клейкую поверхность, набрать полные легкие непостижимой гадости, умереть — и превратиться в черную гниль. Точно такую, в какой я сейчас барахтаюсь.

Мысль испугала меня не на шутку. Разлепив рот, я закричал.

И услышал ответ.

— Ну-ка, перестань барахтаться! Бросаю конец! — раздался голос сверху.

Голос был не просто женский, но сладкий как мед — слаще ангельского хора. Я что-то каркнул, пытаясь беззаботно пошутить в ответ. На высоте тридцати футов и на удалении примерно пятидесяти зажегся фонарь. Побегав некоторое время по черным пузырям на поверхности гнусной лужи, ослепительный луч ударил мне в глаза.

— Лежи спокойно! — потребовал ангельский голос.

Луч света убежал куда-то в сторону, потом вернулся. Что-то со свистом обрушилось вниз и ухнуло в грязь совсем недалеко. Побарахтавшись еще немного, я нащупал полудюймовый конец — такой же скользкий и мерзкий, как и все остальное.

— На конце петля. Накинь ее на ногу — вытяну наверх!..

Добраться до узла оказалось несложно: веревка скользила хорошо... Я еще раз окунулся с головой, пытаясь продеть ногу; решил, что и двумя руками удержусь. Петля легко вынесла меня на поверхность, но дальше пошло хуже: берег с каждым ярдом становился все круче. На предпоследнем футе уклон достиг тридцати градусов, и меня плотно прижало к твердой стенке; я услышал, как трется веревка. Через мгновение острый край ободрал руку, и я едва не выпустил петлю. Еще рывок, и последний фут остался позади. Закинув ногу за твердую границу зловонной преисподней, я подтянулся, упал на рыхлый песок, прополз еще шаг, уронил голову и лишился сознания.

Глава 13

Опять солнце в глаза... Надо было задернуть шторы. Матрас жесткий, слишком жарко, песок в постели, везде болит, а где не болит, там чешется...

Разлепив глаза, я увидел белый песок, невысокими холмиками сходящий к берегу океана, где от начала времен грохочет прибой. Свинцовое небо, хотя не сказать, чтобы тусклое; вот подкатилась серая волна, белый гребень упал, вытянулся длинным языком и сполз обратно в море. Ни чаек, ни парусов, ни детей с ведерками, ни красавиц в купальниках — только я и вечный океан.

Знакомый вид — знакомый до боли. Берег Динозавров ранним утром — и больно, больно-то как...

Опираясь на руки, может, целые, а может, и сломанные — других не нашлось,— я со скрипом сел. От меня откалывалась подсохшая серая скорлупа и падала на песок. Серая грязь прочно приклеила брюки к ногам; трудно было понять, где кончаются штаны и начинаются ботинки. Одежда хрустела, грязь осыпалась при каждом движении — я чувствовал себя будто креветка в тесте, хорошо подрумяненная. Жальче всего лицо: грязь склеила волосы и бакенбарды, обнаружилась во рту... Я попробовал отскрести веки, но стало только хуже.

— Проснулся, вижу,— произнес бодрый голос где-то сзади.

Вытащив грязевую пробку из уха, я расслышал шаги. На песок уронили что-то тяжелое.

— Оставь глаза в покое,— посоветовал голос.— Гораздо лучше дойти до воды и помыться как следует.

Всхрапнув, я встал сначала на четвереньки, потом на ноги. Крепкая рука решительно подхватила меня под локоть и подтолкнула вперед. Спотыкаясь, я побрел по рыхлому песку. Солнце жгло веки; прибой с каждым шагом звучал все громче. Песок под ногами уплотнился, и вот теплая вода лизнула лодыжки... Рука разжалась, я сделал еще несколько шагов и прилег, позволяя воде накрыть меня с головой.

Сухая грязь вновь превратилась в скользкие помои, запахло сероводородом. Сначала я промыл, насколько возможно, голову и оттер лицо. Когда раскрылись глаза, снял рубашку и отмыл ее, повозив из стороны в сторону. Бледно-зеленая вода стала на некоторое время мутной и непрозрачной. Мелкие и не очень порезы на руках сочились розовым, соленая вода безжалостно разъедала ободранные костяшки пальцев. Я заметил, что рубашка на спине состоит из одной большой дыры с обугленными краями. Потемневшее небо блеснуло вороненой сталью, на нем зажглись странные мерцающие огоньки...

За спиной плеснуло, крепкие руки выдернули меня из воды быстро и решительно. Похоже, я собрался утонуть, не отдавая себе в этом отчета. Пока она тащила меня на берег, я кашлял и отрыгивал воду; ноги работали плохо и в конце концов запутались окончательно. Упав на четвереньки, я целую минуту мотал головой, пытаясь отогнать надоедливый звон, укоренившийся где-то между ушами.

— Я не думала... что ты... ранен. Спина... ожоги... как вышло?

Голос приходил издалека, то усиливаясь, то пропадая.

— Он стоял на горящей палубе,— сообщил я таинственно.

Язык поворачивался плохо, и получилось невнятное хрюканье. Перед глазами нарисовалась пара стройных лодыжек в ладно скроенных сапогах, интересное бедро под серой диагональю, пояс, кобура и белая рубашка, когда-то накрахмаленная. Хрюкнув еще раз, чтобы продемонстрировать несгибаемый дух и спортивную форму, я героически встал, хотя и не без посторонней помощи.

— ...остался на всю ночь под открытым небом... первую помощь... можешь идти?.. совсем недалеко...

Сержантские нотки в голосе теперь не звучали так явно. Вообще голос показался знакомым. В глаза било солнце, приходилось щуриться. Брови сдвинуты, на лице выражение глубокого беспокойства... Я узнал наконец, и сердце пропустило удар.

Лиза.

Глава 14

Прохрипев что-то неразборчивое, я попытался схватить ее за руку. Лиза уклонилась с выражением добросовестной медсестры, которую утомил капризный пациент.

— Лиза!.. Как ты сюда попала? — сумел выговорить я.

— Лиза? Меня зовут по-другому. А попала сюда так же, как и ты, сильно подозреваю.

Она проводила меня к палатке казенного образца, поставленной в тени плаунов, поддерживая под руку, чтобы я не упал по дороге. Смерив скептическим взглядом, поинтересовалась:

— Полевой агент, а?.. Выглядишь, как из-под бомбежки.

Она втянула воздух сквозь зубы, оценивая то, что осталось от моей одежды. В голосе прозвучало неодобрение.

— Сухопутная танковая атака, еще морской бой,— уточнил я.— Никакой бомбежки... Но что ты здесь делаешь, Лиза? Какого...

— Я Мелия Гейл,— перебила она.— Перестань бредить, пожалуйста. У меня и так хватает проблем.

— Ты не узнаешь меня? Лиза...

— Первый раз в жизни вижу вас, мистер.

С этими словами она протолкнула меня через клапан палатки внутрь, в царство прохлады и янтарного света.

— Раздевайся! — велела она.

Я хотел раздеться сам, как подобает мужчине, но не хватило сил. Цепляясь за Мелию, я сполз на пол. Ботинки, носки и штаны с меня стащили быстро и решительно, и только с мокрыми трусами удалось справиться самому. Я чувствовал себя маленьким мальчиком, которого мама укладывает в постель. Знобило. Ощутив под собой живительную прохладу, я перевернулся лицом вниз, давая отдых сожженной спине. Осталось провалиться в мягкую бархатную тьму. Теперь можно...

Глава 15

— Тебе пришлось пережить ночь без помощи... Мне неловко,— сказала Лиза, она же Мелия Гейл.— Но кто знал, что тебя ранило, и...

— И еще я был без сознания, слишком тяжелый, чтобы вынести меня на руках, не говоря о запахе,— согласился я.— Пустяки. Никто от этого не пострадал.

Действительно, проснуться в палатке с кондиционированным воздухом, на чистой постели, аккуратно перевязанным и под грамотно подобранным коктейлем сильнодействующих препаратов — совсем неплохо. Никакой боли, только здоровое тепло внутри и приятное онемение в конечностях.

Однако Лиза по-прежнему настаивала, что меня не знает.

Пока она накладывала компрессы на синяки и кормила меня с ложечки супом, я успел присмотреться как следует. Не может быть ни малейшего сомнения. Лиза.

Правда, немного другая.

Эта Лиза — Мелия Гейл — холодновата, профессиональна, решительна. Черты лица чуть резче, формы чуть более зрелые. Без сомнения, Лиза — но на несколько лет старше оставленной мной жены. Брошенной несколько часов субъективного времени назад. И этой Лизе ничего обо мне не известно. Черт ногу сломит. Может, потом когда-нибудь разберусь...

— Эти ребята на Центральном — редкостные затейники,— сообщил я.— Подумать только — моя Лиза — моя юная очаровательная невеста — подсадная утка. Представить невозможно. Обманули, как маленького. Я же ее случайно встретил... Все, оказывается, спланировано. Почему бы не сказать мне?.. Актриса, и ничего...

— Тебе нельзя утомляться,— перебила Мелия сурово.— Ты потерял слишком много крови. Закрой рот: чтобы выздороветь, понадобятся все силы.

«В самом деле, зачем тебе инвалид или труп, душенька?» — подумал я, но сказать не успел: помешала очередная ложка супа.

— Я услышала всплеск; судя по энергичной возне, мелкая рептилия. Здесь настоящая мышеловка — падают, а выбраться не могут.

Сержантские нотки ушли — голос сделался девичьим, хрупким.

— Но ты все же решила посмотреть. Из любви к животным.

— Ты крикнул... Знаешь, я обрадовалась, услышав человеческий голос,— выпалила она, будто признавая предосудительную слабость.— Я уже начинала думать...

— Интересная история. Между прочим, я до сих пор не знаю, откуда ты взялась, с горячим супом и холодным взглядом — на удивление вовремя...

Мелия надулась, но губкам это не повредило — они так и остались созданными для поцелуев.

— Я вернулась на станцию по выполнении задания, обычным порядком,— отрезала она.— Но станции не было — только дыра в земле, полная грязи и костей. Не знаю, что и думать... Очень хотела повторить переход, но удержалась: мало ли куда может занести. Рассудила, что лучше всего сидеть спокойно и ждать спасателей. Вот и жду.

— Давно?

— Около... трех недель.

— Около?

— Двадцать четыре дня, тринадцать часов и десять минут! — фыркнула Мелия, затыкая мне ложкой рот.

— А задание?..

— Ливия, тысяча двухсотый год до Рождества Христова.

— Не знал, что древние ливийцы носят револьверы...

— Контактов по плану задания не ожидалось. Пара недель в пустыне, на самообеспечении — только это был скорее оазис. Зелени тогда хватало. Во времена первой эры кто-то поработал с древней гробницей добедуинской эпохи; последствия сказались гораздо позднее, при зарождении ислама. Задача состояла в том, чтобы вернуть на место ключевые артефакты, взятые в музее второй эры. Операция прошла гладко, а возвращение...

Она запнулась, и на мгновение я разглядел испуганную девочку под маской бесстрашного агента.

— Ты поступила правильно, Мелия. На твоем месте я бы, наверное, не выдержал и повторил переход. Провалился бы в петлю времени...

С опозданием до меня дошло, что тема для разговора не вполне подходящая, принимая во внимание некоторые обстоятельства.

— Как бы то ни было, ты решила выждать, и вот — я здесь. Одна голова хорошо, а две — лучше...

— Что же нам делать? — перебила Мелия. Испуганная девочка больше не пряталась.

Молодец, Равель. Умеешь успокоить расстроенную девушку. До тебя она держалась отлично...

— Возможен ряд вариантов,— объявил я бодро и решительно. Весьма решительно для человека, у которого суп течет по подбородку. Даже задохнулся слегка. Переведя дыхание, продолжил: — Только... только хорошо бы немного поспать...

— Само собой! Извини... Тебе надо восстановить силы. Поговорим после.

Три дня пришлось проваляться, пока регенерировала кожа на спине и закрывались резаные раны; полевая аптечка Мелии пришлась как нельзя более кстати. Дважды звучали выстрелы: Мелия отгоняла любопытных гадов, из тех, что покрупнее. Кратерный бластер в широкоугольном режиме кусается достаточно больно — даже до мозгов с горошину этот факт доходит исправно.

На четвертый день, пошатываясь на неверных ногах, я вышел на край грязной лужи, откуда меня извлекла Мелия.

Знакомая воронка на месте станции, что же еще. Морские отбросы, оставленные приливами, дожди, песок и останки неосторожных рептилий заполняли ее наполовину. Стеклянная поверхность выше уровня грязи сильно выветрилась. Времени прошло много — очень много.

— Давно, как ты думаешь? — спросила Мелия.

— Не меньше нескольких веков. Может быть, тысяча лет, а может — две...

— Иными словами, станцию так и не восстановили.

— В текущем темпоральном сегменте — безусловно. Так и должно быть — нет смысла строиться на известном месте.

— Не все так просто. Я здесь почти месяц — давно бы нашли, если бы искали.

— Не обязательно. Мы далеко в прошлом...

— Пожалуйста, не надо меня утешать, Равель. Мы попали в беду. Это не локальное возмущение — это распад системы.

Мысль пришлась мне вовсе не по вкусу. Особенно тем, что совпала вплоть до отдельных слов с моими собственными соображениями — когда я стоял над своим же трупом.

— Над проблемой работают лучшие умы Коммутатора,— уверенно объявил я.— Ответы не заставят себя ждать.

К сожалению, мне не удалось убедить даже себя самого.

— Локальная дата станции — последний раз, когда аппаратура работала?..— спросила Мелия.

— Шестьдесят пятый. А в чем дело?

— В том, что мы не вполне современники.— Она невесело улыбнулась.— Меня перевели на Берег Динозавров в тысяча двести тридцать первом году по локальному летоисчислению.

Несколько секунд я переваривал новую информацию. Выводы оказались безрадостными. Я даже закряхтел, будто меня ударили в живот.

— Просто замечательно. Яснее ясного...

Договаривать не хотелось: оба мы прекрасно все понимали. То, что каждый из нас пережил, и то, с чем приходится иметь дело сейчас, известно в нашем деле как *рецидив*. Иными словами, тупиковая альтернатива: ее либо не произошло вовсе, либо вовремя вычистили в рамках проекта темпоральной уборки. В прошлом Мелии станция на Берегу Динозавров нормально функционировала более тысячи ста лет с того момента, когда я увидел танки... Мелия выполнила задание в Ливии и вернулась — чтобы найти меня и нештатную ситуацию.

Нештатную ситуацию, созданную одним из принятых мною решений.

То есть доказательств такого утверждения не было, разумеется: я просто знал. А ведь в тысяча девятьсот тридцать шестом все вышло по инструкции. Я все за собой подчистил, полностью обезвредив карга. То есть мне так показалось.

Беда только, я сделал что-то лишнее — или чего-то не сделал. Испортил красивую картину — и вот результат.

— Не сходится.— Я помотал головой.— Ты вернулась на базу, которой больше нет. База исчезла в результате событий, не

имевших места в твоем персональном прошлом. Очень хорошо, но каким образом *я* попадаю сюда в то же самое время? Мой генератор хронополя был настроен на куда более ранний момент — почти тысяча двести лет...

— Но почему они не засекли меня?..— воскликнула Мелия, уже не слушая. Голос ее дрожал.

— Не принимай временных трудностей так близко к сердцу, девочка,— сказал я, похлопав Мелию по плечу.

Мое прикосновение заставило ее закрыться, как я и предвидел. Знать такие вещи полезно, хотя и не всегда приятно.

— А ты не давай рукам волю! — огрызнулась она.— Очень ошибаешься, если решил, что здесь тропический рай специально для тебя...

— Не горячись, пожалуйста. В случае чего, времени отвергнуть мои авансы будет достаточно. Не изображай оскорбленную добродетель: на глупости времени как раз нет.

Мелия набрала в грудь воздуха для достойного ответа — и прикусила язык. Замечательная девочка. Мне очень хотелось обнять ее и сказать, что все будет хорошо, но я воздержался. Хорошо бы для начала самому в это поверить.

— Можно еще подождать, над нами не каплет,— сказал я деловым тоном.— А можно предпринять что-нибудь прямо сейчас. Ставлю на голосование...

— Предпринять? Интересно, что? — В голосе Мелии прозвучал вызов.

— По моему скромному мнению,— сказал я, не поддаваясь на провокацию,— преимущества пассивного ожидания весьма невелики с точки зрения теории вероятности. Хотя шансы есть...

— Вот как?..

Очень хладнокровно; только верхняя губка чуть дрогнула под бусинками пота.

— Какие бы причины ни вынудили покинуть станцию, локус известен. При прочесывании место расположения станции наверняка не пропустят.

— Ерунда! Если бы нас обнаружили, было бы естественно — или гуманно, по крайней мере,— отодвинуть спасательную операцию, скажем, на месяц назад и выдернуть нас в момент прибытия. Этого не случилось. Следовательно, не случится и в дальнейшем.

— Вы, похоже, забыли о смысле и значении проекта темпоральной уборки, мисс Гейл. Мы штопаем ткань пространства-времени — мы не делаем в ней новых дыр. Если нас обнаруживают здесь и, соответственно, эвакуацию отодвигают назад — что происходит с периодом нашей совместной жизни в... тропическом раю? Что происходит с текущим моментом? Отменяется? Нет, нас выдернут заблаговременно. Правда...

— Ну?..

— Возможно мы попали во временную петлю, изолированную от базового континуума.

Побледнев под слоем загара, Мелия не сводила с меня глаз.

— В таком случае... мы так здесь и останемся.

Я молча кивнул в ответ.

— Тут и возникает наша возможность.

— Возможность?..

— Ну — некоторый шанс. Твой персональный генератор хронополя по-прежнему в рабочем состоянии.

— Что толку? Он и так настроен на эту станцию. Я уже здесь. Куда я могла бы перейти?

— Не знаю... Вполне возможно — никуда.

— А ты сам?

— Уже все...— Я покачал головой.— Блок питания разряжен. Придется ждать здесь, пока ты приведешь подмогу. Перетерплю, сколько надо,— если... То есть если ты решишься попробовать...

— Но — переход без настройки...

— Да, конечно... Я эти истории тоже слышал. С другой стороны, со мной вышло не так уж плохо: я вернулся на станцию.

— Ага. На станцию в нигде и никогда, судя по твоему описанию.

— Но с работающим телепортом, который вернул меня строго назад по моей линии жизни. Вышло так, что я попал в одно из предыдущих заданий. Тебе может повезти больше.

— Повезти, значит? Осталось только рассчитывать на везение, а?

— Лучше, чем ничего.

Не глядя на меня, она поднялась на ноги. Лиза, моя Лиза; смятение и страх спрятаны хорошо, но красоты не спрячешь. Желанная и прекрасная... Интересно, она тогда знала? Могло быть слепое задание, когда полевой агент обработан так, что искренне верит в свою легенду. Вполне возможно.

— Ты действительно хочешь, чтобы я попыталась?

— Похоже, другого выхода нет.— Добрый старый Равель, ну прямо айсберг в океане. Ни единой эмоции.— Или организуем совместную жизнь на постоянной основе. Здесь, на Берегу Динозавров.— Я криво ухмыльнулся, чтобы облегчить ей решение.

— Есть еще один вариант,— сказала она холодно.

Я промолчал.

— Генератор хронополя перенесет двоих.

— Теоретически, при определенных условиях...— начал я.

— Условия мне известны.

— Душенька, мы попусту тратим время!

— Тебе проще остаться здесь одному, чем... удовлетворить этим условиям?

— Зачем остаться? — спросил я беззаботно.— Ты ведь наверняка вернешься?..

— Переход будет совместным — или его не будет вообще!

— Мисс Гейл — ты не обязана...

— Я? Я-то как раз обязана, мистер Равель! Не заблуждайтесь на этот счет!

Отвернувшись, она пошла прочь. На белом пляже, на фоне густых джунглей, она выглядела маленькой и потерянной.

Выждав пять минут, непонятно зачем, я последовал за ней.

Глава 16

К тому времени, как я добрался до палатки, Лиза переоделась в легкое платье (интересно, откуда?) и развернула походную кровать на полную ширину — сорок дюймов. Она посмотрела куда-то мне за спину, невозмутимо и спокойно. Шагнув навстречу, я коснулся ее талии под тонким платьем; она вздрогнула — совсем чуть-чуть. Кожа оказалась шелковистой и гладкой — ничего удивительного... Когда упругая грудь легла в мои ладони, я осторожно потянул к себе. Задержавшись на мгновение, она позволила мне ощутить тяжесть своего тела. Легким облаком пушистые волосы коснулись моего лица. Уже у меня в объятиях; но почему так трудно дышать?..

Внезапно она отстранилась, отвернув голову.

— Чего ты ждешь? — спросила она голосом хрупким, как стекло.

— Ну, после захода солнца... может, лучше?

— Это почему? — Стекло со звоном разбилось.— Так будет романтичнее, да?

— Ну... Вроде того.

— Позволю себе напомнить, мистер Равель, здесь не романтическое свидание. Здесь деловая необходимость.

— Очень может быть; но говори за себя...

— Вот я и говорю! Не сомневайся! — Мелия опять смотрела на меня; лицо порозовело, глаза блестели.— Шевелись, черт бы тебя побрал,— прошептала она.

— Расстегни мне рубашку,— сказал я негромко.

Лиза смотрела, не шевелясь.

— Делай, как я говорю, Мелия.

Некоторое время она колебалась, потом губы начали складываться в презрительную усмешку.

— Ну-ка, прекрати! — обиделся я.— Это была твоя идея. Я не навязывался и не навязываюсь. Но если не желаешь жертвовать собой понапрасну, лучше тебе проникнуться моментом. Физическая близость не магическое зелье, а лишь тропинка, на которой могут сойтись две личности. Секс — лишь средство... Если собираешься и дальше считать, будто я пользуюсь твоим безвыходным положением,— лучше забудь обо всем предприятии.

Опустив глаза, она глубоко вздохнула. На ресницах повисли слезы; губы раскрылись, уже мягкие и беззащитные.

— Извини... Ты прав, чего уж там... Но... но...

— Понимаю. Не та брачная ночь, о какой мечталось.

Я взял ее руку — теплую, мягкую и податливую.

— Тебе случалось влюбиться, Мелия?

— Знаешь, да.— Взгляд затуманился; мне, похоже, удалось разбередить старую рану.

Лиза, Лиза...

— Представь, что я — это он. Может, так будет легче?

Она опустила веки. Веки с деликатным узором сосудов на коже, подобной розовому лепестку. Я коснулся пальцами нежного горла; руки скользнули ниже, под широкий ворот платья. Кожа была горячей и нежной, как шелк,— я уже говорил?.. Платье освободило плечи, цепляясь только за соски; я отодвинул ненужную ткань, принимая тяжелую грудь в свои ладони. Вздохнув, Лиза приоткрыла губы.

Руки упали вниз, вместе с руками упало к ногам и платье. Прежде чем она прижалась ко мне, я разглядел тонкую талию и крутой изгиб бедер.

Ее пальцы добрались-таки до пуговиц моей рубашки; откинувшись на мгновение, она вытащила подол наружу. Распустив ремень, Лиза освободила меня от остатков одежды, и я перенес ее на кровать. Мои руки исследовали ее с ног до головы и не могли насытиться. Почему нельзя охватить тело любимой все сразу? Легонько дрожа, она притянула меня к себе, глаза сверкнули в дюйме от моих; жадный рот впился мне в губы. Руки ее оказались искусны и легки, тела наши двигались, как одно; мы были снова вместе...

Ушло время, отступило пространство, перестали мешать ненужные мысли. Лиза наполнила собой и мой мир, и мои руки. Красота, радость и свершение нахлынули океанской волной; наслаждение сначала утянуло ко дну, потом отступило, оставляя нас на берегу вечного океана жизни.

Глава 17

Долгое время мы не произносили ни слова. В янтарном свете мы лежали, обессиленные. Океан грохотал и шипел в отдалении, ветер мягко трепал палатку.

На минуту Мелия открыла глаза. Что там: вера, вопрос, удивление?.. Пока я раздумывал, она заснула. Я подобрал одежду, стараясь не шуметь, и выбрался из палатки, навстречу жаркому ветру с дюн. В миле к югу слонялась парочка некрупных динозавров. Одевшись, я подошел к самой кромке прибоя — туда, где песок на берегу никогда не высыхал. Мелкие морские твари спешили жить, сгуя в мелкой воде, а мне — мне не хотелось торопиться, прогуливаясь по пляжу.

Солнце стояло низко, когда я вернулся в палатку. Босиком, с распущенными волосами, все в том же платье, она накрывала на стол, пользуясь полевым пайком. Мелия приветствовала меня взглядом — не то настороженным, не то проказливым. Господи, по-моему, она стала гораздо моложе и трогательнее...

— Никогда не буду жалеть об этом,— сказал я.— Даже если...

Я замолчал.

— Если?..— По ее лицу пробежало легкое облачко.

— Если окажется, что теория неверна.

— Теория? Я и забыла.— Глаза Мелии вдруг расширились.— Совершенно забыла!

— Ага...— На моем лице расползлась глупая улыбка.— Я тоже. Только сейчас вспомнил.

Мелия хихикнула, прикрыв рот ладошкой. Когда я засмеялся, привлекая ее к себе, она расплакалась. Крепко обняв меня, она все всхлипывала и всхлипывала, а я все гладил и гладил ее по волосам, бормоча слова утешения.

Глава 18

— На этот раз не забуду,— пообещала она.

«В благоуханной темноте...» — как там дальше?..

— Только не жди, что напомню,— предупредил я.

— Ты ее очень любил? То есть ты ее очень любишь — Лизу?

— Да. Очень.

— Как вы встретились?

— В Публичной библиотеке. Искали одну и ту же книгу.

— А нашли друг друга...

— Случайно, как я думал.

Или чудом.

К тому времени я провел на задании несколько дней: достаточно, чтобы слегка притереться — и осознать, как одиноко живется в чужом мире. Далекое прошлое, но для меня — единственное и неизбежное настоящее. Как обычно бывает при погружении надолго, я прошел глубокую обработку. Джим Келли, чертежник, занимал девяносто девять процентов моего *я*. Оставшийся один процент напоминал о себе лишь очень смутно. Полевой агент Коммутатора, с неясной ролью в великих делах, в норме не снисходил до мелочей жизни в древнем Буффало.

Ухаживая за Лизой, я не осознавал себя чужаком, посетившим варварский век на короткое время. Женившись, я твердо рассчитывал жить в радости и печали, в богатстве и бедности — пока смерть нас не разлучит.

Но смерти еще только предстоит научиться разлучать так, как разлучили нас. В должное время назрел кризис, и по мере надобности вернулось сознание собственной роли в нем. Схватка с каргом означала конец задания.

— Вдруг все-таки случай? — с надеждой спросила Мелия.— Даже если она — это я, причины могли не иметь отношения к твоей работе. Она могла не знать...

— Ее незачем оправдывать. Я никого не виню.

— Что она подумала... когда ты не вернулся?..

— Даже если... Дома я бы никого не нашел. Конец задания, возврат на базу...

— Вовсе нет! Любовь не могла быть частью задания! Такого просто не могло быть!

— Она не выбирала участи — как и я. Все ради правого дела, кто б сомневался. Мозговому тресту на Коммутаторе виднее.

— Тише, тише...— прошептала она в наступившей темноте.

Прижавшись ко мне стройным нагим телом, она остановила правильные речи прикосновением мягких губ.

— Знаешь, я ревную. К себе самой — интересно, да?

— Мне нужна ты, Мелия. Целиком и полностью — но куда я денусь от воспоминаний?

— Ты со мной — и думаешь о ней.— Мелия не то засмеялась, не то всхлипнула.— Будто ты изменяешь ей — со мной.

Я хотел что-то сказать, но она продолжала:

— Не надо... Ничего не надо объяснять. Прошлое — его ни изменишь, ни спрячешь... Но я ведь нужна тебе, правда? Ничего не говори — я знаю.

На этот раз гребень волны желания слизнул нас с Берега Динозавров. Мир взорвался; мы провалились в темноту, непроницаемую и тихую.

Глава 19

Понемногу вокруг сгустились образы и звуки. По крайней мере, тихого шуршания системы циркуляции воздуха до того слышно не было. Мы лежали голые — на голом полу штабной комнаты темпоральной станции.

— Тесно,— сказала Мелия.— Антиквариат какой-то...

Прошлепав босыми ногами до пульта, она включила интерком:

— Есть кто живой?

Голос разнесся по пустым коридорам: интерком работал.

Никого... Я даже не стал проверять. Воздух редко где бывает такой нежилой.

Перейдя к главной консоли, Мелия набрала аварийный код. В честь того, что сообщение записано и сжато в микросекундный импульс, на пульте загорелся огонек. Теперь каждый час сигнал будет разноситься через миллионы лет обжитого времени.

Я молча наблюдал, как Мелия изучает последние записи в журнале. Так бы и смотрел вечно, как играют на ее лице отсветы с монитора, как она движется легко и свободно, забыв о наготе. И не только смотрел... Сделав над собой немалое усилие, я решился думать только о деле.

Встав рядом с Мелией, я глянул на монитор. Типовая краткая запись от 9/7/66, код станции «Берег Динозавров», личный код Нелла Ярда. Ничего особенного.

— За день до моего возвращения,— кивнул я.— Полагаю, во время атаки ему было не до записей.

— По крайней мере, он успел отправить личный состав...— Мелия запнулась.

— Всех, кроме себя.

— Но ты же не видел... ни его самого, ни признаков... Ну, когда вернулся в первый раз?

— Трупа, хочешь сказать. Нет, не видел. Может, он успел воспользоваться хронопортом. Может, выпал и не смог подняться обратно.

— Равель...— В ее голосе прозвучала просьба.

— А? Я тоже об этом подумал. Сейчас поищу чего-нибудь надеть. Не то чтобы я не хотел поиграть с тобой в Адама и Еву еще немного. Напротив...

В крыле для полевых агентов форменной одежды нашлось более чем достаточно. После тысяча девятьсот тридцать шестого года легкий и мягкий костюм положительно радовал. На том задании не было ничего тягостнее крахмального воротничка и колючей шерсти. Мысли так и потекли дальше, цепляясь одна за другую.

Помотав головой, я глянул на Лизу — на Мелию то есть. Она как раз натягивала домашний комбинезон. Перехватив мой взгляд, она замешкалась, потом застегнула-таки молнию на груди, ослепив меня озорной улыбкой. Я улыбнулся в ответ.

Зная, что предстоит увидеть, я все-таки выбрался наружу. Обрыв в десяти шагах от выхода и серая муть за ним... Я попробовал крикнуть — голос увяз в тумане; брошенный вниз камешек пролетел футов шесть, потом, притормозив, медленно уплыл в никуда. Вследствие потери интереса к закону всемирного тяготения, надо полагать. Я поискал прореху в серой мгле, но за туманом не было ничего, кроме тумана.

— Вампиров здесь не хватает,— прошептала Мелия.

— И не говори... Пошли обратно. В любом случае, надо поспать. Глядишь, назавтра все исчезнет, как дурной сон.

Мелия не стала спрашивать, что именно. Эту ночь я не выпускал ее из объятий. Сны не беспокоили; я проснулся только один раз. Мелия никуда не делась, и я легко заснул снова.

Глава 20

Казалось, будто за завтраком ножи и вилки стучат слишком громко. Еда не оставляла желать лучшего: начальство всегда старалось хоть чем-нибудь возместить недостаток нормальных человеческих отношений и ценностей в нашей жизни. Мы, полевые агенты, преданы своему делу. Мы не обзаводимся домами и семьями, ибо считаем, что судьба человечества стоит наших жертв — и стоит трудов по ее спасению. Вполне оправданная жертва, как должно быть ясно всякому.

Несмотря на это, образ Лизы постоянно вклинивался между мной и завтраком, мной и служебным долгом, мной и судьбой проекта темпоральной уборки. Даже между мной и Мелией.

— Что будем делать, Равель? — спросила Мелия.

В голосе слышались спокойствие и уверенность, взгляд намекал на невысказанные мысли; возможно, так действовала знакомая казенная обстановка. Игры закончились. Отныне и впредь — только работа.

— Первым делом следует ознакомиться с имеющимися данными и рассмотреть возможные выводы,— объявил я, чувствуя себя напыщенным идиотом.

— Очень хорошо. Наши совместные наблюдения действительно дают возможность оценить параметры ситуации.

Ах, мне бы так. Сухо, четко, лаконично. Чувствуется фундаментальная и психологическая подготовка. Взгляд спокойный, уверенный. Образцовый агент, мисс Гейл, поздравляю. Но где та девочка, что всхлипывала у меня на руках прошлой ночью?

— Что ж, начнем. Пункт первый: по успешном выполнении рядового задания я выхожу на точку возврата, передаю позывной, и меня выдергивают. Пока все в порядке.

Отвечая на мой взгляд, Мелия сухо кивнула, не раскрывая рта.

— На следующий день станцию атакуют вооруженные силы третьей эры — или кто-то под видом вооруженных сил третьей эры. Опять же, ничего невозможного. Есть вероятность утечки информации с нашей стороны, но небольшая... Но при этом твоя линия жизни включает станцию «Берег Динозавров» целой и невредимой тысячу сто с лишним лет после нападения.

— Совершенно верно. И никаких записей об атаке за тысячу лет до начала моей службы или в любое другое время. Знание истории станции я всегда полагала своим долгом. Мне было бы известно.

— А запись о потере полевого агента по имени Равель не попадалась?

— Если и попадалась, я не запомнила. Имя для меня ничего не значило... тогда.— Мелия отвела взгляд, хотя и не очень далеко в сторону.

— Стало быть, пока имеем отклонение первой категории. Обрыв линии жизни в прошлом — твоей или моей. Вопрос: какая альтернатива принадлежит главной временной последовательности?

— Для ответа недостаточно данных.

— Хорошо. Пункт второй: воспользовавшись неизвестной мне аварийной системой, Нелл Ярд выбросил станцию целиком из энтропийного контекста и заключил ее в... во вневременную полость, я бы сказал. Что бы это значило, мне в точности неизвестно.

— Нелл Ярд? — нахмурилась Мелия.— Вовсе не обязательно. Как раз в то время могла вступить третья сила. Она могла исказить или нейтрализовать действия Нелла Ярда. С его слов можно судить, что он хотел именно этого? — Выразительным кивком Мелия указала на всю станцию сразу — и на призрачный мир снаружи.

— Он упомянул нулевую фазу, но мне было не до того. Я решил тогда, что речь идет о простой ликвидации: тактика выжженной земли, как на войне...

— Так или иначе, станция попала... сюда.

— И когда я запустил персональный генератор хронополя, меня тоже забросило сюда. Как и следовало ожидать. Настройка, фиксированная на частоту станции: экстренный переход возможен из любого места в пространственно-временном континууме.

— На станции в тот раз тоже никого не было? Как сейчас?

— Вроде бы. Хотя кто знает?..— Я осмотрелся в сомнении.— Интересно, какой из двух визитов состоялся раньше: этот или тот?

— По крайней мере, не оба сразу. Себя-то ты не встретил.

— В принципе, на этот вопрос может найтись ответ. Локальный поток энтропии в норме — местное время идет как положено.

Я медленно прошелся по комнате, ища улики — доказательства того, что я уже был здесь раньше. Нет, или, во всяком случае, не вижу... Только повернувшись обратно к столу, я понял.

— Подносы. Грязные подносы. Они так и стояли здесь.

Вздрогнув, Мелия посмотрела на стол, потом на меня. Анахронизм еще и не так напугать может.

— Те же два стула,— кивнул я.— Объедки были подсохшие — но не слишком сильно.

— Можешь появиться в любую минуту, иными словами?

— Несколько часов у нас все же есть — протухнуть не успело... Да и почему бы не подождать? — Я чуть не подмигнул.— Встретимся, поговорим...

— Ну уж нет! — взорвалась Мелия.— Мы не должны добавлять к этому цирку новых аномалий,— добавила она тихо, но твердо.

— Но если предупредить его — чтобы не лез в то старое задание?..

— Глупости, Равель. Кто из нас забывает о целях Проекта? Мы не можем ставить заплаты на заплаты. Ты отправился в прошлое и вернулся целым и невредимым. Глупо рисковать ради... ради...

— Ради спасения Проекта?

— Мы не можем запутывать ситуацию дальше,— сказала Мелия, не отводя взгляда.— Ты вернулся — примем это как свершившийся факт. Остается вопрос: что делать дальше?

— Ладно.— Я сел.— На чем мы остановились?

— Станция оказалась пуста, со следами нашего пребывания.

— Да... Я сделал единственное, что пришло в голову. Использовал работающий телепорт для перехода вслепую. Надеялся, что меня выбросит на Центральном коммутаторе. Не получилось.

В отсутствие корректного пункта назначения меня сбросило назад на десять лет субъективного времени. Аномалия класса А, как и следует при нарушении всех писаных и неписаных правил.

— Твоего случая инструкции не предусматривают,— возразила Мелия.— В катастрофической ситуации ты принял решение, казавшееся правильным.

— И провалил задание, уже десять лет как успешно выполненное. Ставшее стабильным отрезком генерального плана. Еще интересная деталь: карг, что ушел от меня тогда, в Карибском море,— тот самый, которого я уничтожил в Буффало. Можно заподозрить, что задание в Буффало не было следствием первоначального варианта...

— Вопрос, какой вариант считать первоначальным? В конце концов, именно второй случай могли ассимилировать как жизнеспособный элемент в рамках пересмотренного плана.

— Тогда поджидать меня и в самом деле ни к чему. Но если ты ошибаешься...

— Надо держаться определенного плана — другого выхода нет. Итак, мы встретились на Берегу Динозавров после твоего второго перехода. Вопрос: каким образом мы оказались в одном и том же месте в одно и то же время?

— Не знаю.

— Мы делаем с причинами и следствиями то, чего ни один котенок не делал с клубком шерсти, Равель.

— А у нас есть выбор? Разве только руки на себя наложить...

— Не говори глупостей. Мы должны делать, что можем. Иными словами, изучить факты и определить следующий шаг.

— Логично... дельная мысль, агент Гейл. С каких только пор логика имеет отношение к проекту темпоральной уборки?

— Ну, ну... Кое-что мы все-таки определили,— бегло улыбнулась Мелия, не поддаваясь на провокацию.— Как минимум надо двигаться дальше, и без промедления.

— Не буду спорить. Остается выбор из двух вариантов. Можно попробовать хронопорт станции...

— И застрять вместе в прошлом — интересно, чьем? Будет только хуже.

— Весьма вероятно. Еще можно перезарядить персональные генераторы хронополя и прыгнуть куда глаза глядят.

— Вот именно.— Мелия задрала подбородок, чтобы я не заметил, как она вздрогнула. До боли знакомый жест, остро напомнивший о другом месте, другом времени — и другой девушке.

Другой?..

— Но есть и третий вариант. Мы его уже пробовали,— напомнила Мелия.

— Это не меняет главного. Не имея пункта назначения, мы провалимся в никуда вместе. Выпадем в свободный полет внутри этого тумана — или хуже.

— По крайней мере...— Мелия прикусила язык. «Мы не расстанемся»,— будто даже расслышал я.— По крайней мере, мы не будем сидеть без дела, пока вселенная рушится вокруг нас,— закончила она.

— Ладно,— вздохнул я.— Прошу голосовать!

Мелия долго молчала, глядя куда-то в сторону. Посмотрев мне в глаза, раскрыла рот, заколебалась снова.

— Хронопорт,— сказала она наконец.

— Вместе или по очереди?

— Хронопорт потянет двоих?

— Скорее всего.

— Тогда вместе. Если, конечно, нет веских причин...

— Решительно никаких, Мелия.

— Договорились.

— Отлично. А теперь стоит вернуться к обеду. Кто знает, когда у нас будет случай поесть.

Ну вот, все готово. Остался компактный кратерный бластер из оружейной кладовой... Я прикрепил его ремнями к запястью так, чтобы за манжетой не было видно. Теперь по служебному коридору, в любое время прикрытому от темпоральных возмущений,— в хронопорт. Показания приборов в норме: готовность к немедленному переходу. При обычных обстоятельствах переход скор и безболезнен: сначала из потока событий во вневременную среду, потом обратный переход в нужное место, например главный хронопорт Центрального коммутатора. Но что теперь будет с нами, вопрос открытый. Может, назад вдоль моей линии жизни, на борт тонущего галеаса, только вдвоем. Может, гештальт Мели окажется сильнее, и мы осядем где-то в ее прошлом, усугубляя положение и без того достаточно скверное. Может, выпадем куда-нибудь еще или вовсе никуда...

— Следующая станция — Центральный коммутатор,— объявил я, пропуская Мелию вперед.

Поместиться в тесной кабинке вдвоем оказалось непросто.

— Готова?

Мелия молча кивнула; я нажал кнопку «Пуск».

Нас разнесло на атомы, как полагается.

Глава 21

— А может, и нет,— раздалось хриплое карканье.

Прислушался. Голос вроде мой собственный. Кошмарный сон. Кошмарное похмелье. Кошмарная головная боль.

— Транстемпоральный шок — это общепринятый термин, насколько я понимаю,— раздался голос Лизы где-то рядом.

Вздрогнув, я раскрыл глаза. Раскрыл — громко сказано: с трудом разлепил, щурясь от яркого света. Милое скуластое личико, большие темные глаза, самая очаровательная улыбка на свете — но не Лиза.

— С тобой все в порядке? — спросила Мелия.

— Ничего такого. За месяц в реанимации наверняка поднимут на ноги.

Приподнявшись на локте, я огляделся. Просторное помещение, длинное и с высоким потолком, вроде банкетного зала. Темно-серый пол, светло-серые стены, шкалы каких-то приборов рядами чуть не до потолка. В центре большое кресло перед консолью с батареей мониторов. В дальнем конце стеклянная стена, за стеклом — ясное небо.

— Где мы?

— Не знаю. Машинный зал какой-то. Ты не видел его раньше?

Если и видел, памяти об этом мне сочли за благо не оставлять. Я покачал головой.

— Давно тут валяюсь?

— Я пришла в себя час назад.

Мне вздумалось тряхнуть головой, чтобы мыслям стало посвободнее; виски затрещали, как под ударом лома.

— Трудное плавание,— пробормотал я, поднимаясь на ноги. Подташнивало и кружилась голова, будто я переел мороженого, катаясь на карусели.

— Я успела присмотреться к приборам. Действительно, темпоральная аппаратура, но незнакомая.

Судя по голосу, Мелии это представляется весьма важным. Как бы прочистить мозги?

— Гм,— сказал я.

— Кое-что понятно, но многое ставит в тупик...

— Может, оборудование третьей эры?

— Я бы распознала.

— Ладно, сейчас посмотрим.— Я заковылял к большому креслу, стараясь выглядеть как можно бодрее.

Если Мелия и страдала от последствий перехода, то никак этого не показывала.

Каждая кнопка на консоли имела ярлычок с краткой надписью, например, «M.Ds-H» или «LV3-gn». Молочно-белого стекла экраны мониторов выглядели вполне по-домашнему.

— Обычные аналого-потенциальные индикаторы, без сомнения, но лишние две батареи органов управления.— Мелия призадумалась.— Стало быть, чувствительность и разрешающая способность аппаратуры выше как минимум на порядок.

— Ты уверена?

— Еще бы.

Длинный палец уверенно коснулся цветных кнопок на консоли. Один из мониторов моргнул и засветился.

— Поле захвата в активной фазе; должно быть, во всяком случае,— объявила Мелия.— А базового отсчета не вижу... С непонятными кнопочками играть не берусь.

— Чувствую себя дурак-дураком — никогда не видел ничего подобного. А ты молодец! Что тут еще есть?

— Другие отсеки.— Мелия указала в сторону, противоположную стеклянной стене.— Кладовые, машинное отделение, штабная комната...

— Темпоральная станция, в строгом соответствии с уставом, а?

— Почти.

— Великовата,— согласился я.— Пойдем еще раз посмотрим.

Подсобных помещений и в самом деле оказалось предостаточно. Глаза у меня разбегались, но в тамошнем инвентаре я понимал не больше, чем в египетских иероглифах. В одной комнатке не было ничего, кроме трех высоких зеркал, откуда на нас смотрела пара незнакомцев, выглядевших воистину потерян-

ными. И нигде ни одного человека. Никаких следов бытового беспорядка; здесь никого нет — сколько уже времени?.. Гулкое эхо и мертвое железо.

Шлюз на другом конце зала вывел нас на широкую каменную террасу со знакомым видом: белый песок и море. Изгиб береговой линии ничуть не изменился, только джунгли сделались выше и гуще.

— Старый добрый Берег Динозавров,— вздохнул я.— Время проходит, а он не меняется.

— И немалое время,— согласилась Мелия.

— Ни в каких альтернативных планах я ничего такого не видел. Есть какие-нибудь мысли?

— Не из тех, которые хочется высказывать.

— Отлично тебя понимаю,— кивнул я, придерживая наружную дверь шлюза.— Пойдем обратно? Кстати, не могу обойти молчанием: первый раз в жизни слышу об аналого-потенциальных индикаторах. Это что, новая разновидность овсянки на завтрак?

— АП представляет собой фундамент всей программы темпоральной уборки.— Мелия глянула на меня с подозрением.— Агент Коммутатора не может об этом не знать.— Она сурово нахмурилась.

— Откуда такая уверенность? В институте мне читали про детерминизм, динамику актуализации, уровни заморозки... что еще?

— Ерунда! Фаталистическая теория, давно дискредитированная.

— Не кипятись, мисс Гейл, иначе взорвешься. И не смотри так, будто застала меня у пульта с гранатой. Признаюсь, после вчерашнего соображаю плохо, но и сегодня я тот же милый и обаятельный парень, которого ты выудила из маленького круглого болотца. Я такой же агент Коммутатора, как и ты. Правда, зреет во мне одно грязное подозрение...

— И какое же?

— Мы работаем не совсем на один и тот же Коммутатор.

— Вот еще! Так не бывает. Проект держится исключительно на стабильности базового плана Коммутатора...

— Согласен. Основополагающая концепция. Только это будет не первая концепция, пересмотренная под влиянием накопленного опыта.

— Ты... понимаешь, что из этого следует? — Мелия заметно побледнела.

— Пожалуй. Мы здорово засорили нашу канализацию, девочка моя. То, что мы стоим тут, лицом к лицу,— представители двух взаимоисключающих базовых планов,— значит только одно: дела совсем плохи. Хуже, чем мы думали, хуже, чем это, по моим понятиям, вообще возможно.

Глаза Мелии широко раскрылись; подозрение сменилось ужасом. Я и раньше умел утешить девочку...

— Ничего, еще повоюем,— объявил я бодро.— Мы по-прежнему два подготовленных агента в хорошей форме. Все, что в наших силах... Разве этого мало?

— Не имеет отношения к делу.

— Вот как? А что имеет?

— У нас на руках конкретная задача. С твоих же слов: вписать себя обратно в правильный порядок вещей, удаляя темпоральные аномалии, созданные нами неумышленно.

— Само собой...

— Отлично. И какой же порядок вещей у нас правильный? Мой или твой? Какой континуум мы восстанавливаем: детерминистический или АП?

Бодрый ответ застрял у меня в гортани.

— Решим этот вопрос в рабочем порядке,— предложил я.

— Не понимаю! Каждый шаг мы должны тщательно планировать — начиная прямо сейчас. Возьми хоть это оборудование.— Мелия обвела станцию рукой.— Тут есть вещи, каких я никогда не видела! Сложнее того, с чем приходилось работать. А мы не имеем права ошибаться...

— Кто б спорил. И сначала надо выяснить, зачем здесь все эти хорошенькие кнопочки. Шаг за шагом. Сосредоточимся на настоящем моменте, Мелия; если повезет, решим по дороге философские вопросы.

— Прежде чем работать, надо договориться.

— Я не против...

— Дай слово, что твои действия не нанесут ущерба концепции АП.

— Обещаю всегда советоваться. Что же до фасона той вселенной, которую мы собираемся восстанавливать,— сначала разберемся получше, а потом выберем, хорошо?

— Хорошо,— ответила она после долгой паузы.

— Коль скоро ты знаешь больше меня — можно начать с объяснений.

В течение следующего часа я выслушал обзорную лекцию об искусстве аналого-потенциальной интерпретации. Краткую, но весьма выразительную, надо сказать. Первому знакомству с новой АП-теорией сильно помогла давняя привычка работать со сложным темпоральным оборудованием. Постепенно до меня начало доходить.

— Похоже, твоя версия Центрального коммутатора добралась до задворков, о которых я понятия не имею. Соответственно, и оборудование посерьезнее.

— Да, хотя то, к чему я привыкла, гораздо проще,— согласилась Мелия.— Часть этого железа ставит меня в тупик.

— Но ты вполне уверена, что это АП-оборудование...

— Сомневаться не приходится. В рамках теории детерминизма такое просто бессмысленно.

— Согласен. На моем Коммутаторе это выглядело бы как паровой свисток на парусной яхте.

— Стало быть, ты согласен работать на базе АП-матрицы?

— Потише, девочка. Ты говоришь, будто нам достаточно согласиться, и все будет как в прошлую среду в три часа дня. Мы же работаем вслепую. Мы не знаем ни что случилось, ни где находимся, ни куда нам надо, ни как туда добраться. Давай не скакать через две ступеньки. Разберемся для начала с АП-концепцией. У меня такое чувство, что она вторична. Ее теоретическая база восходит к серьезной темпоральной передислокации.

— Нельзя ли попонятнее? — насупилась Мелия.

— Твой Коммутатор не находится на главной временной последовательности. Слишком сложная система, слишком искусственная. Вроде звезды с высоким содержанием тяжелых элементов: такие звезды не происходят из первичных газопылевых облаков. Они рождаются при разрушении звезд предыдущих поколений.

— Красивая аналогия, но слишком уж причудливая. Убедительнее не можешь?

— Так сразу, пожалуй, нет. Или мне лучше и не пытаться бросать тень на АП-вселенную как на лучший из миров?

— Передергиваешь!

— Нисколько. У меня тоже есть корни в моем прошлом, мисс Гейл. В царство несбывшихся вероятностей мне хочется не больше, чем любому другому.

— Я... я не это хотела сказать. Почему ты решил... Нет ведь никаких причин...

— Не могу отделаться от ощущения, что в твоей картине мира для меня нет места, Мелия. Я имею в виду исходную картину мира. Не кто иной, как я, нарушил безмятежный покой Берега Динозавров. Если бы не я, старая станция работала бы еще тысячу лет по тому же адресу.

Мелия хотела что-то сказать, но я продолжал:

— Но вышло иначе. Я провалил задание — не спрашивай как,— отправил станцию в лучший мир, или куда там ее занесло...

— Незачем себя винить. Ты действовал строго по инструкции, и не твоя вина, что когда вернулся... результат...

— Незачем? Если бы запущенная мной цепь событий предотвратила твое появление на свет, незачем было бы... Но ты благополучно родилась, Ли... Мелия. Мы встретились на задании в тридцать шестом — стало быть, тогда наши пути еще не разошлись. Или...

Продолжать мне не хотелось, но Мелия и так все поняла:

— Или весь эпизод в Буффало был тупиковой ветвью. Отрезанной от главной последовательности и нежизнеспособной.

— Еще как жизнеспособной, девочка. Даже не сомневайся,— отрезал я решительно. Будто расколол орех королевской печатью.

— Ну конечно,— прошептала Мелия.— Все дело в Лизе, не правда ли? Ей нельзя не существовать. Любая альтернатива немыслима. Перекроить пространственно-временной континуум, отменить тысячу лет истории на главной последовательности, ликвидировать Проект и все, что за ним стоит,— сходная цена за существование твоей возлюбленной!

— Ты это сказала. Я не говорил.

Мелия некоторое время смотрела на меня, как сапер на горку, вместо которой пройдет ровная дорога.

— Займемся делом.— В голосе ее эмоции больше не звучали.

Глава 22

До конца дня мы тщательно осмотрели весь комплекс. Станция вчетверо превосходила размерами нашу родную, и оборудование процентов на восемьдесят было незнакомым. Составив

общий план станции, Мелия определила основные компоненты системы, в том числе аппаратуру перехода, и расшифровала некоторые надписи на пульте. Я, по большей части, ходил следом и слушал.

— Не сходится,— пожаловалась Мелия.

Вечерело; покрасневшее солнце готовилось опуститься в море, и на пол легли длинные тени.

— Вычислительная мощность превосходит любые разумные потребности. Переработка и интерпретация данных столько не возьмут... И все эти гигантские помещения — зачем?

— Главный железнодорожный терминал...

— Как?

— Пустяки. Никому не известное здание в забытом городе, который, скорее всего, и не существовал никогда. Перевалочный пункт.

— Может, ты и прав.— Мелия задумалась.— Если станция рассчитана на серьезные грузопотоки — не база для личного состава и не узел связи...

— Грузопотоки? А что за груз, к примеру?

— Откуда мне знать. Да и сомнительно. Перенос значительных масс расшатывает темпоральную структуру в месте передачи и приема...

— Может, им безразлично. Может, они, как и я, устали.— Я зевнул.— Давай спать: утро вечера мудренее.

— Безразлично — этот как? Что ты хотел сказать?

— Ничего, девочка моя. Ни боже мой...

— А ты Лизу тоже называл девочкой? — повысила голос Мелия.

— Какое отношение к делу...

— Самое прямое! Поглупел от любви, мальчик мой. На всем, что ты говоришь или делаешь — и думаешь,— оставила след эта... мифическая возлюбленная! Почему бы не выбросить ее из головы и не подумать о насущном? Основная последовательность Коммутатора в опасности, а то и повреждена непоправимо — благодаря твоей безответственности!

— Выбросить из головы? Подожду. Еще вопросы?

— Извини,— вздохнула Мелия.— Не то говорю... Просто устала. И мне страшно.

Она покачала головой, прикрыв глаза ладонью.

— Ничего удивительного. Мне тоже. Не бери в голову. Лучше ложимся спать.

Мы заняли две разные комнаты. Пожелать друг другу спокойной ночи не хватило сил.

Глава 23

Поднялся я рано: мертвая тишина действовала на нервы даже во сне. Кухня в жилом крыле не оставляла желать лучшего; судя по всему, даже АП-теоретики любят свежеснесенные яйца и сладкую ветчину. Опять же, во вневременной камере продукты не портятся.

Заказав с пульта два завтрака, я собрался идти за Мелией, к ней в комнату, но передумал, когда в большом зале раздались шаги.

В длинном свободном платье, она стояла за пультом у большого кресла, глядя на экраны. Я был босиком, и Мелия обернулась только футов за десять. Судя по выражению лица, у нее случился приступ стенокардии.

У меня приступ чуть не случился тоже. Если бы это был гнев на прекрасном лице... Передо мной стояла развалина со впалыми щеками и выцветшими глазами, некогда сверкающими и страстными. Ноги под ней подкосились, но я успел подхватить ее под руку, высохшую, как ветка мертвого дерева. Очень скоро Мелия взяла себя в руки; лицо стало едва ли не безмятежным.

— Ты пришел,— прошелестела она тихо, но твердо.— Конечно пришел. Само собой — я знала, что ты придешь.

— Хорошо, когда тебя ждут, мадам,— ответил я любезно, как последний идиот.— Кто вам сказал, что... ну, мы будем здесь?

— Прогностические мониторы, разумеется.— Она слегка нахмурилась, глядя в сторону.— Могу я спросить: где остальные члены экспедиции?

— Она... спит все еще.

— Спит? Весьма любопытно.

— Там вон.— Я кивнул в сторону жилого крыла.— Она будет рада узнать, что мы не одни. Вчера выдался длинный день, и...

— Простите, вчера? А когда вы прибыли?

— Около суток назад.

— Но почему вы не сказали сразу? Я ждала так долго...— Голос ее предательски дрогнул.

— Мне очень жаль, мадам, но мы не знали. Мы обыскали всю станцию, но...

— Не знали? — На ее лице проступил ужас.

— А где вы находились? Я проверил каждую комнату — не понимаю...

— Я... там — во внешнем флигеле,— сказала она убитым голосом, смахивая слезы.— Я решила, что вы откликнулись на мой сигнал.— Голос немного окреп.— Впрочем, не важно. Вы здесь. Мне нужно несколько минут, не больше. Несколько сообщений, но если у вас нет времени...— Она заторопилась, пристально глядя мне в глаза.

— И не думаю вас торопить, мадам. Боюсь, правда, тут недоразумение...

— Но вы не оставите меня здесь? — Голос ее дрожал, она вцепилась мне в руку своей птичьей лапкой.— Возьмите меня с собой! Не оставляйте, пожалуйста!..

— Обещаю,— сказал я и взял ее за руку. Рука оказалась сухой и холодной — действительно, индюшачья лапа...— Думаю, вы многое напутали... о прошлом. Наверное, я тоже. Вы работали здесь — на этой станции?

— О нет.— Она помотала головой испуганно, как ребенок, пойманный у сахарницы.— Здесь... совсем чужая станция. Я просто скрылась сюда после Падения, понимаете?

— А где персонал станции, мадам?

Она посмотрела так, будто я сказал глупость.

— С самого начала никого не было — в точности как сказано в моем рапорте. Я застала станцию брошенной. Здесь только я, больше никого.

— Полное одиночество, я понимаю. Но теперь вы с нами. Все будет хорошо.

— Никогда не сомневалась, что вы придете, рано или поздно. И вот вы здесь — приборы никогда не лгут. Я так себе говорила. Просто не могла знать *когда.*

— Приборы? Вас предупредили приборы?

— Да. О да.

Старая женщина опустилась в ближайшее кресло, и высохшие пальцы запорхали по клавишам. Мертвый — сколько лет? — экран загорелся, просиял всеми цветами радуги, вспыхнул зеленоватым квадратом, где справа заплясала черная царапина, как на

старой киноленте... Я уже открыл было рот, чтобы восхититься виртуозным владением клавиатурой,— но тут она осела лицом на пульт, тихонько вздохнув.

Я выхватил ее из кресла — она весила фунтов девяносто, не больше. В коридоре, у выхода, нас встретила наконец Мелия. На мгновение она в ужасе прикрыла рот, потом вспомнила подготовку полевого агента — лицо ее разгладилось.

— Равель? Кто это?

— Не знаю. Когда я проснулся, она уже была здесь. Думала, я спасатель; не успела ничего сказать, потеряла сознание...

Мелия отступила, не сводя глаз со старухи, споткнулась, схватила меня за руку.

— Мама!..— задохнулась она.

Глава 24

Несколько секунд я молчал, застыв неподвижно. Веки почтенной леди затрепетали и поднялись.

— Мама! — Мелия схватила ее за руку.

Старая дама неловко улыбнулась:

— Увы, я никому не мама. Всегда хотела, вот только...— Она замолчала.

Проводив леди в одну из пустых спален, я уложил ее в постель. Мелия осторожно взяла ее руки в свои, присев на край постели, убедилась, что та дышит ровно.

— Ты сказала — мама?..— спросил я.

— О... Нет, конечно. Глупо с моей стороны. В ее возрасте все похожи друг на друга...

— Твоей матери... столько лет?

— Нет, она моложе. Да и сходство поверхностное.— Мелия невесело улыбнулась, будто признавая какую-то вину.— Думаю, для психологов моя ошибка — золотое дно...

— Она ждала нашего прихода,— сказал я.— Приборы, по ее словам, предсказали.

— Приборы? — Мелия посмотрела на меня пристально.— Таких приборов не бывает.

— Может, она заговаривается. Слишком долго наедине с собой...

Вздохнув, престарелая дама очнулась. Искры узнавания в глазах не было. Нет, не было. На родню не похоже. Мелия улыбну-

лась, проворковав что-то утешительное. Обе сладко улыбнулись друг другу. Любовь с первого взгляда.

— Старая дура. Простите, что я отключилась, так вот...— По лицу ее пробежала тень.

— Глупости! — успокоила Мелия.— С другими и не то могло бы случиться.

— Вы себя достаточно хорошо чувствуете? Говорить можете? — спросил я, не обращая внимания на сердитый взгляд Мелии.

— Да. Да-да, конечно.

— Где мы находимся? — продолжал я мягко, присаживаясь на край постели.— Что это за место?

— Станция «Берег Динозавров»,— твердо сказала старушка, глядя на меня не без удивления.

— Простите. Мне, наверное, следовало бы спросить «когда?»...

— Тысяча двести тридцать второй год по локальному летосчислению,— ответила она недоуменно.

— Но как же...— начала Мелия.

— Иными словами, временного перехода у нас не получилось,— объяснил я непринужденно. Глупости вообще легко говорить светским тоном.

— То есть... мы перешли на побочную последовательность?

— Не обязательно. После всех приключений, кто скажет, какая линия побочная; а какая главная?

— Простите, что вмешиваюсь,— перебила пожилая леди.— У меня создалось впечатление, что дела обстоят... не лучшим образом.

Мелия сумрачно посмотрела на меня, я хмуро глянул на старушку.

— Ничего страшного,— успокоила та.— Можете говорить свободно. Я так понимаю, вы — агенты Коммутатора.— Она печально улыбнулась.— Стало быть, мы коллеги. Полевой агент Мелия Гейл, к вашим услугам.

Глава 25

Вышло так, что я в этот момент смотрел на Мелию — *мою* Мелию. Окаменев, она побледнела, как мраморная статуя.

— А ты кто, моя дорогая? — спросила старушка участливо, не видя ее лица.— Такое чувство, будто я тебя знаю.

— Полевой агент Равель, полевой агент Лиза Келли,— представил я нас обоих.

Мелия глазом не моргнула. Ну, почти. Лицо ее безмятежно разгладилось — позавидовать можно.

— Приятно видеть коллегу, агент... Гейл,— произнесла она бесцветным голосом.

— Да, я немало поработала в свое время,— улыбнулась пожилая леди.— Жизнь била ключом тогда — до Падения. Честолюбивые планы, благородные цели... Разбор полетов после каждой миссии, большой планшет на стене, где видно, что вышло, а что — нет. Когда можно поздравить себя и коллегу, а когда следует посочувствовать. В те дни мы действительно *надеялись*...

— Разумеется,— прошептала Мелия непослушными губами.

— После официального объявления все стало совсем не так,— продолжала пожилая мисс Гейл.— Разумеется, нам не хотелось признавать поражение, и мы по-прежнему выкладывались... но в глубине души, мы знали. Потом... потом дела пошли хуже. Началась хронодеградация. Сначала пустяки: исчезнувшие предметы, мелкие провалы в памяти, нестыковки — ткань жизни неотвратимо ветшала. Люди начали уходить. Некоторые уходили на стабильные локусы; по крайней мере, они надеялись на стабильность. Другие пропали без вести в зонах темпоральных искажений. Кое-кто просто дезертировал. Я осталась. Конечно, я осталась. Всегда... всегда надеялась, что так или иначе...— Старая мисс Гейл оборвала себя.— Но это не имеет отношения к делу, разумеется.

— Нет-нет — продолжайте, пожалуйста! — попросила юная Мелия.

— Пустяки. Говорить особо не о чем. Настал день, когда нас на Центральном коммутаторе осталась жалкая горстка. В течение целого года ни один агент не вернулся обратно. Деградация продолжалась ускоренными темпами, и нельзя сказать, какой дополнительный ущерб мы могли бы принести, разрушая темпоральную ткань разлаженным оборудованием. Мы заглушили систему, решив, что сохранять коммуникационную сеть в рабочем состоянии более невозможно. Дела пошли еще хуже, совсем скоро. Происходили странные события, обстоятельства сделались угрожающими. Мы рискнули на несколько отчаянных экспедиций в другие места — и времена. Бесполезно... Дела там шли еще хуже. Боюсь, мы запаниковали. Про себя знаю точно. Сей-

час мне нетрудно в этом признаться. А тогда я убеждала себя, что ищу устойчивую платформу, куда можно было бы стянуть силы для стабилизации положения. Подыскивала красивое объяснение своим поступкам, на самом деле. Совершив несколько переходов, один за другим, я попала сюда. Островок мира и стабильности, как мне показалось. Пусто, конечно,— зато безопасно. Некоторое время я чувствовала себя едва ли не счастливой — пока не выяснилось, что это мышеловка.

Подняв на меня глаза, она горько улыбнулась.

— Дважды я пыталась вырваться,— продолжала она шепотом,— и дважды попадала обратно, после самых неприятных приключений. Временная петля — из нее не вырвешься, пока тебя не освободят извне. Так что пришлось обживаться. Терпеть и ждать — здесь.

Она посмотрела так, что я почувствовал острый укол совести. Будто калеку спустил с лестницы.

— Вы, должно быть, разбираетесь в этом оборудовании,— предположил я, больше чтобы прогнать неловкую тишину.

— Да, у меня хватило времени ознакомиться с его возможностями. Потенциальными возможностями, точнее сказать. При сложившихся обстоятельствах работает только ограниченный мониторинг по немногим параметрам — но так я получила предсказание, что однажды придет помощь.

Она снова улыбнулась — будто я Чарльз Линдберг, перелетевший океан исключительно ради нее.

— Монитор, который вы активировали,— никогда таких не видел. Не тот ли он самый, что предсказывает будущее? — поинтересовался я.

— Монитор? — Престарелая леди удивилась, но тут же вспомнила. Задохнувшись, она присела на постели.— Я должна проверить...

— Вам нельзя напрягаться! — запротестовала Мелия.

— Лучше помоги мне, дорогая. Я *должна* проверить!

Мелия попыталась возразить, но замолчала, перехватив мой взгляд. Вместе мы проводили ее по коридору, поддерживая под руки.

С виду экран оставался точно таким же: зеленый прямоугольник и черная зазубренная полоска, пляшущая вертикально справа. Пожилая леди негромко вскрикнула и ухватилась за нас покрепче.

— Что такое? — удивилась Мелия.

— Несущая основной последовательности! — пролепетала старушка.— Нет на экране — пропала!

— Может, настройка какая-нибудь...— начал я.

— Нет, в показаниях приборов ошибки нет.— Негромким эхом давно минувших дней в ее голосе прозвучали командные нотки.— Терминальный сигнал!

— Правда? — спросила Мелия мягко, стараясь успокоить.— Наверняка ничего страшного...

— Мы достигли конца нашего темпорального сегмента. Сегмента, в котором мы существуем. Для нас это — конец времени.

— Вы уверены? — спросил я.

— Абсолютно.

— И как давно?

— Несколько минут. А может, несколько часов. Не думаю, чтобы создатели этой аппаратуры предусмотрели такую возможность. Если вы располагаете возможностью перехода на альтернативный сегмент, рекомендую воспользоваться ею без промедления,— ответила старая леди твердо и спокойно.

— Нет, мы сюда добрались на последних резервах.— Я покачал головой.— Сидим на мели окончательно и бесповоротно.

— Да... Когда-нибудь этого не избежать. В бесконечности все линии сходятся в точку. Когда кончается время, всему остальному тоже приходит конец.

— А здешняя аппаратура перехода? — нахмурилась Мелия.

— Я пробовала.— Агент Гейл покачала головой.— Бесполезно. Только настрадаетесь без толку.

— Как бы то ни было...

— Она права, Лиза. Тут нам ничего не светит. Нужен другой подход. Нет ли среди здешнего оборудования чего-нибудь подходящего — после переделки, быть может,— на роль крайнего средства? Вырвать нас из тупика — любой ценой?

— Для хорошо подготовленного специалиста в области техники — кто знает?..— неопределенно ответила старая Мелия.— Но такая задача далеко выходит за пределы моей компетенции.

— Можно перезарядить персональные генераторы хронополя,— начал я, но тут атмосфера резко переменилась.

Мелия тоже заметила — обе Мелии. Экран замерцал и ослеп, ряды огней на пульте побледнели и погасли. Наступила мертвая тишина. Самый воздух изменил цвет, превратившись в голубо-

ватый кисель. По краям предметов появились цветные ореолы, вроде хроматической аберрации в дешевом объективе. Дохнуло морозом, будто открылась дверь гигантского холодильника.

— Вот и все,— сказала старшая Мелия, негромко и спокойно.— Время останавливается, частота волновых процессов стремится к нулю — они исчезают. Вместе с ними исчезает и такая особая форма энергии, как материя...

— Погодите,— перебил я.— Это не природное явление. Кто-то манипулирует хронокосмом!

— Откуда ты знаешь? — спросила Мелия.

— Некогда объяснять. Агент Гейл,— я взял почтенную леди под руку,— где вы были в момент нашего появления?

Мелия попыталась возразить, но та, другая, безмятежно ответила:

— В стасис-камере.

— Где зеркала?

— Да.— Она кивнула.— Поначалу я стеснялась рассказывать. Похоже на трусость, правда?

— Пошли.

Я повел их на другую сторону зала, сквозь холод, тишину и помертвевший воздух, туда, где ждали зеркала. Потускневшие, но пока целые.

— Быстрее! — поторопила агент Гейл.— Сброс поля может случиться в любой момент!

Со стороны зала послышалось громыхание, будто рушились кирпичные стены — странный, приглушенный звук. По коридору в нашем направлении ползла ленивая туча дыма; в ее недрах мерцало что-то желтое.

— Внутрь — живо! — велел я Лизе.

— Нет, сначала ты и... агент Гейл!

— Не спорь, девочка!

Подхватив ее на руки, я шагнул к зеркалу. Лиза отбивалась. По поверхности зеркала побежали тусклые цветные полосы.

— Мистер Равель! Не мешкайте! — Решительно повернувшись, старшая Мелия пошла навстречу дымному облаку.

Мелия закричала, но тут я пропихнул ее сквозь зеркало. Вопль как отрезало.

Старая леди навсегда пропала за клубами дыма. Я шагнул в соседнее зеркало, будто в холодный липкий туман. Приняв меня, поверхность замерцала, облепила серым студнем, разлетелась осколками стекла. Стало темно.

На мгновение бытие замерло, как жертва перед лицом неотвратимой смерти, прежде чем страх сожмет сердце; потом просто выключилось.

Глава 26

Во мраке светился желтый огонь. Давно? Не знаю. Огонь стал ярче; на фоне желтого сияния появилась человеческая фигура, зашагала в мою сторону, с трудом, будто по болоту.

Футах в шести я осознал свою ошибку.

Не человек — карг. Тот самый, которого я убил дважды и упустил на третий раз.

Пошевелиться не было никакой возможности: даже глазные яблоки не поворачивались. Карг никуда не торопился, пересекая поле моего зрения. Я не дышал; сердце если и билось, то неощутимо. Сознание, однако, вернулось полностью, а это уже кое-что.

Карг, похоже, совершенно не беспокоился, хотя движения давались ему с трудом. Страховочная сбруя и другой мелкий инвентарь украшали простой черный костюм в обтяжку. Присмотревшись к батарее миниатюрных приборов на внутренней стороне запястья, он завозился, что-то подправляя; на меня он до сих пор не обратил никакого внимания.

Подойдя поближе, он таки остановился. Оценивая меня младенческим голубым взором, карг ни разу не глянул прямо в лицо. Не от смущения — просто от безразличия. Тем временем подошли еще двое. Не карги — люди. Подошли поближе, с трудом переставляя ноги, о чем-то поговорили, не выпуская из рук чего-то вроде связок кровельной дранки. В полном молчании обошли вокруг меня, задержались где-то за спиной. Прошло некоторое время (а может, не проходило?), прежде чем я заметил какое-то движение — краем глаза. Стена воздвиглась где-то слева, или, скорее, пластина из темно-зеленого материала, похожего на стекло. Другая такая же пластина возникла справа. Наконец передо мной появился человек с тонким листом три на шесть футов этого же материала в руках. Поставленный вертикально, лист повис в воздухе, не падая. Толчком руки человек послал лист в мою сторону, перекрывая и без того не слишком живописный вид. Не-

сколько мгновений светились только щели вдоль краев листа, а потом стало темно, как внутри банки с краской. Меня спрятали.

Взгляду не за что стало уцепиться, и я потерял ориентировку. Меня опрокинуло вниз головой, медленно — или не так уж медленно? — завертело; я повис в миле, а может, в дюйме от ближайшей поверхности; заполнил собой вселенную, перестал существовать...

С грохотом в мир вернулись звуки, гравитация — и боль. Болело здорово, будто меня запихнули в тесный чемодан, поросший изнутри стальными иглами. Напрягаясь, я глотнул воздуха; сердце забилось как положено. Грохот обратился в неумолчный рев: молекулы воздуха отскакивают от барабанных перепонок, сообразил я. Этот всегдашний фон в обычных обстоятельствах отфильтровывается бессознательно.

Коленом я уткнулся в стенку моей коробки; приладился половчее, чтобы выбить одним ударом, но тут она упала сама собой. Хватило одного шага, чтобы оказаться в большой комнате с высоким потолком и темно-лиловыми стенами, где меня ожидали трое, глядя скорее пристально, чем дружелюбно.

Разношерстная подобралась троица: лысеющий коротышка в сером халате, с толстыми пальцами, румяными щеками и вывернутыми губами, плохо прикрывавшими желтоватые зубы; поджарая дама около сорока лет, в темно-зеленом костюме, накрахмаленная и официальная; наконец, старый знакомый — карг, на этот раз в сером рабочем комбинезоне.

Коротышка шагнул вперед и протянул руку, но как-то странно, растопырив пальцы в сторону пола. После рукопожатия он внимательно осмотрел ладонь — не испачкана ли.

— Добро пожаловать на станцию «Берег Динозавров».— Любезность в голосе карга звучала вполне убедительно для робота.

Не торопясь, я оглядел помещение как следует; кроме нас, никого.

— А где женщины? — спросил я.— Со мной были две женщины.

— Быть может, доктор Яве сумеет внести ясность в этот вопрос.— В голосе дамы прозвучало равнодушное сомнение.

— Я не намерен вступать в разговоры с машиной. Не вы ли его программируете? — обратился я к толстогубому.

— Чего? — спросил он, глядя на даму.

Дама посмотрела на карга, а тот в свою очередь посмотрел на меня.

— Доктор Яве у нас начальник Отдела поиска и восстановления,— поспешила пояснить дама, будто заглаживая допущенную мной неловкость.— Я — доктор Фреска, а это — администратор Коска.

— Со мной были две женщины, доктор Фреска. Где они?

— Не имею ни малейшего представления; да подобные вопросы и не входят в пределы моей компетенции.

— Где они, Коска?

Толстые губы зашевелились, расплываясь в трусоватой улыбке:

— Могу лишь порекомендовать обратиться к доктору Яве...

— Вы тут подчиняетесь каргу?

— Простите, не понимаю.— Улыбка исчезла.— Впервые в жизни слышу слово «карг».

Доктор Яве смотрел на меня своими бледно-голубыми глазами вполне доброжелательно.

— Вы дезориентированы,— негромко сказал он.— Ничего удивительного, с вами такое часто бывает...

— С «нами»?

— Да, с теми, кого удалось найти и вернуть. Моя работа в этом и состоит: обнаружить, локализовать и вернуть персонал, пропавший при определенных обстоятельствах.

— А кто у тебя в начальниках, карг?

— Простите, не понимаю.— Он слегка нахмурился.— Вы все время повторяете слово «карг». Что оно значит?

— Ты, может, обманул этих людей, но только не меня — вот что оно значит!

— Как вам угодно.— Разведя руками, карг улыбнулся.— Что до моего начальства — я здесь старший.

— Неплохо устроился,— кивнул я.— Так где женщины?

— Представления не имею, о ком вы говорите.— Розовые губки перестали улыбаться.

— Они были со мной, пять минут назад. Ты не мог их не видеть.

— Боюсь, вы неверно понимаете природу положения, в котором я вас обнаружил. С вами никого не было. Судя по всему, вы дрейфовали в области ахронного вакуума неопределенно долго.

— Неопределенно долго? Сколько именно?

— Да, это интереснейшая проблема теории темпоральной относительности. С одной стороны, биологическое время, измеряемое количеством ударов сердца; с другой — субъективное, когда секунды могут казаться годами, а годы секундами, смотря по обстоятельствам... Но к вашему вопросу: властью Исполнительной администрации введена калибровочная система, позволяющая измерять продолжительность отрезков времени в абсолютных единицах. В согласии с принятой методикой, вы покинули энтропийный поток на период несколько более одного столетия; ошибка наблюдения находится в пределах плюс-минус десять процентов.

Карг снова развел не знавшие мозолей ручки, улыбаясь философски:

— Что же до... э... женщины — мне ничего не известно.

Я ударил его кулаком в лицо, но не попал. Ничего страшного — зато кратерный бластер лег в руку совершенно незаметно. Доктор Яве проворно отскочил, доктор Фреска взвизгнула, а администратор Коска вцепился мне в руку. Экономно взмахнув рукой, карг метнул что-то в мою сторону и попал: на ребра шлепнулось нечто липкое и мокрое. Спустя мгновение меня завернуло по самые колени в плотный кокон из белой, как сахарная вата, паутины с запахом полиэстера.

Попытавшись сделать шаг, я чуть не упал. Администратор Коска тут же подвел меня к ближайшему креслу, очень заботливо, будто со мной случился обморок: ничего серьезного, оправлюсь через минуту...

— Врешь, карг, причем врешь неумело. Надо быть человеком, если хочешь врать искренне и убедительно. Подобрал меня с миллиарда квадратных километров вечности наугад? Свежо предание... Тебя отлично заштопали — шрамов как не бывало, но и меня узнать нет проблем. Ты знаешь меня, стало быть — и ее.

В задумчивости карг шевельнул рукой; администратор и дама вышли, не оборачиваясь. Выражение пластикового лица изменилось.

— Очень хорошо, мистер Равель. Я вас знаю. Не лично, не думайте; упоминание о шрамах относится, надо полагать, к нереализованной при текущих условиях альтернативе. Но репутация ваша мне известна, по долгу службы. Что до женщины —

возможность разыскать ее не исключается. Если мы достигнем взаимопонимания...

Карг держался, как и подобает машине: спокойно и по-деловому.

— Взаимопонимания? Со своей стороны, я тебя отлично понимаю, карг.

— Цель нашей работы стоит того, чтобы с нею ознакомиться, мистер Равель. Не сомневаюсь, вы охотно присоединитесь к нам, как только поймете, в чем дело.

— Ты так уверен, карг?

— Ваша враждебность объясняется недоразумением,— вздохнул карг.— Здесь, на Берегу Динозавров, мы нуждаемся в вашем опыте и ваших возможностях, мистер Равель...

— Само собой. Кто теперь твои друзья? Оставшиеся не у дел агенты третьей эры? Может, и во второй эре личный состав набираем?

— Именно моим усилиям вы обязаны возможностью продолжать работу, которой посвятили всю жизнь. В ваших же интересах не отказываться от сотрудничества — разве это не очевидно?

— Сомневаюсь, что наши интересы могут совпадать, карг.

— Обстоятельства меняются, мистер Равель. С неизбежностью приходится приспосабливать наш образ мыслей к существующей реальности.

— И что это за обстоятельства?

— Программа темпоральной уборки Центрального коммутатора окончилась провалом. Не сомневаюсь, вы успели прийти к тем же выводам самостоятельно. При всем благородстве начинания задача была поставлена неправильно — как и в предыдущих случаях. Достичь темпоральной стабильности просто путем возвращения прошлого в исходное состояние невозможно. Необходимо, используя ресурсы в пределах доступной нам части энтропийного спектра, создать жизнеспособный анклав подходящей протяженности, чтобы обеспечить развитие рода человеческого в полном объеме. Ради этой высокой цели учреждена Исполнительная администрация: сохранить все, что можно, от каждой эры. Все, что осталось после распада суммы темпоральных последовательностей и причинных связей. Имею удовольствие сообщить — наша деятельность увенчалась блестящим успехом.

— Стало быть, мародерствуете вдоль и поперек хронокосма и строите себе уютное гнездышко — где, интересно?

— Исполнительная администрация выделила область протяженностью десять столетий в пределах периода, ранее известного как древняя эра. Что же до термина «мародерство» — вы, мистер Равель, являетесь типичным объектом интереса для нашей Службы поиска и восстановления.

— Люди. Мужчины и женщины. Все — подготовленные агенты, я полагаю.

— Разумеется.

— И все как один счастливы оказаться здесь. Счастливы строить этот дивный остров среди мутных волн океана времени. Есть к чему приложить свои таланты.

— Не все, мистер Равель. Но многие.

— Многие? Охотно верю. Агенты третьей эры и предыдущих проектов, не правда ли? Хватает мозгов и опыта понять, что дело плохо, но не хватает сообразить, какой стерильный тупичок вы строите?

— Не понимаю, мистер Равель. Стерильный? Вам никто не помешает размножаться. Солнце светит, растут деревья, идут химические реакции...

— Говоришь, как машина, карг.— Я усмехнулся.— Смысл до тебя не доходит, не правда ли?

— Смысл в том, чтобы сохранить разумную жизнь во вселенной,— терпеливо объяснил он.

— Да. Конечно. Но не в музее, не под стеклянным колпаком, где сверху пыль... Вечных двигателей не бывает, карг. Даже теоретически. Вообще, вечно ходить по кругу, даже длиной в тысячу лет,— не мой идеал, когда речь идет о судьбе человечества.

— Как бы то ни было, вы будете сотрудничать с Исполнительной администрацией.

— Буду?

— Думаю, альтернатива покажется вам крайне неприятной.

— Приятной, неприятной... Пустые слова, карг.

Я оглядел безрадостные стены большой, тускло освещенной комнаты. Холодно и сыро, очень сыро. Странно, что влага не оседает на стенах и не бежит струйками от потолка к полу...

— Распиши лучше меры убеждения,— предложил я.— Иголки под ногти, тисочки для пальцев, дыба. Без дыбы-то как? Интереснее всего узнать, почему я буду вести себя хорошо на задании. Без лучших друзей рядом.

— Меры принуждения не понадобятся, мистер Равель. Вы будете выполнять приказы, чтобы заслужить награду. Видите ли, некоторое время назад мы разыскали и эвакуировали агента Гейл. Именно после ее расспросов я заинтересовался вами. Я также пообещал ей разыскать вас — в обмен на добросовестное сотрудничество с Исполнительной администрацией.

— Полагаю, вы не успели рассказать ей, что я нашелся?

— В настоящий момент это было бы не в интересах Исполнительной администрации.

— Действительно. Одним выстрелом двух зайцев...

— Совершенно верно.

— С машиной и вправду бывает удобно работать: ей ни к чему оправдываться.

— Личному составу отдела ничего не известно о моем искусственном происхождении, мистер Равель. В основном агенты второй эры, как вы, наверное, догадались. Исполнительная администрация не заинтересована в том, чтобы они узнали.

— А если я объясню?

— Тогда мне придется казнить агента Гейл в вашем присутствии.

— И тебе не жалко усилий, потраченных на разыгрывание этой комбинации?

— Власть менее чем абсолютная просто не работает. Мистер Равель, вы подчинитесь приказу. Выполните все распоряжения в точности. Иначе мои обещания теряют силу.

— Четко, строго и по делу,— согласился я.— Ты об одном пустяке забыл.

— И каком же?

— Вот! — сказал я и выстрелил из кратерного бластера от бедра, вывернув кисть руки.

В моем коконе, с руками, прижатыми к бокам, иначе не получилось бы. Как следует прицелиться не удалось, но колено каргу разнесло. Он рухнул, откатившись к стене.

Трепыхаясь, как рыба, я подкатился к противнику. Не ожидая, пока прекратятся электронные судороги, я открыл крышечку на грудной клетке и щелкнул тумблером, переводя карга на голосовое управление.

— Лежи спокойно,— приказал я, и карг затих, глядя в пространство.

— Как снять этот кокон?

Получив исчерпывающие объяснения, я вытащил универсальный карандаш-указку из нагрудного кармана и побрызгал на кокон лиловым аэрозолем. Нити превратились сначала в кашицу, потом в пыль — осталось только стряхнуть.

Сняв пломбы, я вытащил ленту с программой. Интересно: его, оказывается, переделали на нестандартную кассету больше обычной. Замкнутая петля, рассчитанная на сто с небольшим лет, повторяется автоматически.

Кто-то на совесть потрудился, чтобы приставить к делу необслуживаемого робота. На целую вечность.

В комплекте аппаратуры нашелся и сканер. Я просмотрел кассету в ускоренном темпе — ничего необычного. Фрагменты, касающиеся основ отношений между людьми и каргами, изменены, что вовсе не удивительно: этот карг должен функционировать без присмотра.

Отредактировав блоки управления и личной инициативы, я вставил ленту обратно.

— Где она? — спросил я.— Агент Мелия Гейл?

— Не знаю.

— Вот как. При том, что ей отводится роль приманки для меня и заложницы. Опять врешь, карг. Дурная привычка, но у меня есть лекарство.

Отвечая на дополнительные вопросы, карг не сказал ничего неожиданного. Вместе с персоналом из других каргов и людей, надерганных по ранним эрам, он робинзонил помаленьку на небольшом островке в наступающем океане энтропийного распада. Здесь безопасно — до поры, до времени,— но наступит год, день и час, когда гниль, наступающая со всех сторон, разъест основы этого жалкого мироздания. Тогда они сами и все их труды растворятся в пустоте и безвидности Илема.

— Унылая у тебя лавочка, карг. Убогая и мелкая. Но не бери близко к сердцу: ничто не вечно.

Карг не ответил. Я торопливо осмотрел помещение, фиксируя все примечательное. До чего бы пригодился сейчас завтрак, не съеденный сто лет назад! Масса всякого инвентаря, который стоило бы взять с собой, вопросы, которые стоило бы задать...

Меня, однако, не оставляло ощущение, что чем скорее я покину юрисдикцию Исполнительной администрации, тем лучше будет для меня и моих уже не столь честолюбивых планов.

— Последнее слово для грядущих поколений? — поинтересовался я.— Прежде чем получишь обещанное лекарство?

— У тебя ничего не выйдет,— пообещал карг.

— Все может быть,— кивнул я.— Кстати, где у тебя кнопка самоликвидатора? Нажми-ка ее сам.

Подчиняясь приказу, карг нажал кнопку; искусственные потроха задымились. Считав с дисплея персонального локатора, настроенного на Мелию Гейл, нужные координаты, я ввел их в консоль хронопорта, вошел в кабинку и нажал кнопку «пуск». Реальность рассыпалась на мелкие осколки и сложилась вновь. Другая картина, другое время, другое место.

Как раз вовремя.

Глава 27

Продуваемый ветром склон холма под низким серым небом. Зеленая трава, черный мох, голые выветренные скалы. В некотором отдалении стадо грязных желто-серых овец на фоне пологих холмов. На переднем плане — толпа, собравшаяся линчевать ведьму.

На мероприятие собралось более трех десятков крепких поселян, одетых в пестрые и грязные костюмы из грубой ткани. Брали с боя тележку старьевщика, судя по лохмотьям. В руках поселяне держали палки, колья и различные сельскохозяйственные орудия; попадались резные дубинки, за многие годы отполированные руками до блеска; на всех без исключения лицах читалось выражение простодушной свирепости. И все они глядели на Мелию. Мелию с руками за спиной, до локтей обмотанными грубой коричневой веревкой.

Ветер трепал длинную серую юбку из домотканой холстины и волосы, рассыпавшиеся по плечам. В рыжевато-каштановой роскоши спутанных волос чудился вызов. Вылетевший из толпы камень ударил по щеке. Мелия пошатнулась, выпрямилась, но не опустила глаз; по лицу потекла кровь, но подбородок решительно задрался. Такая же, как раньше... Тут наши взгляды встретились. Ожидай я радостной улыбки, пришлось бы смириться с разочарованием — Мелия показала мне спину.

Вытянув мясистую руку, широкоплечий мужик ухватил ее за плечо — развернуть к себе. Протолкавшись вперед, я изо всех сил пнул его в левую икру. Мужик с воем запрыгал на одной ноге, поворачиваясь — и подставляя мне красный нос картошкой. Нос я разбил прямым правой, а хуком слева уложил поселянина на травку. Кто-то принялся кричать; развернувшись вправо, я ударил в раскрытый рот локтем. Крикун сел на землю и принялся плевать кровью и зубами, уже молча.

— Дурак! Слепой идиот! — крикнула Мелия.

— Заткнись! — огрызнулся я через плечо.

Поселяне начали приходить в себя. Самые умные заподозрили, что пикник может не состояться. Им это не понравилось: волна злобных лиц с ревом хлынула в мою сторону. Потрескавшиеся губы, гнилые зубы, прожилки на носах и налитые кровью глаза... Мне надоело, и я включил арретир-поле. Вопли как отрезало; все застыли, как восковые куклы.

Мелию, разумеется, тоже сковало арретир-полем. Я подхватил ее на руки, очень осторожно: кости в таких случаях легко ломаются. Воздух будто загустел, и вниз по склону я пробивался, как под водой. На утоптанной дороге у подошвы холма я выключил поле, аккуратно поставив Мелию на ноги. Ожив, она зашаталась, но устояла, глядя на меня без особой благодарности в глазах.

— Как... как ты это сделал? — спросила она, задыхаясь.

— У меня много скрытых талантов. А за что они тебя так? Коров сглазила?

Когда я тронул струйку крови на щеке, Мелия отшатнулась.

— Я... нарушила кое-какие обычаи. Меня ожидало традиционное наказание, не более того. Ничего смертельного. А ты — ты все испортил! Столько трудов насмарку!

— Может, интересно будет узнать, что работала ты на карга по имени доктор Яве?

Испуг на лице Мелии сменился негодованием.

— Не смотри на меня так,— продолжал я.— Он выловил тебя из ниоткуда, чтобы законопатить сюда. Только и всего.

— Совсем из ума выжил! Я вышла из стасиса самостоятельно; так и должно было быть...

— Вот именно, леди. Идея не твоя собственная: карг постарался. Работала на карга, с тех пор. И не просто на карга. Он сам себя переделал, добавив парочку талантов, которых его создатели не оценили бы. Очень ловко, если только его не перетряхнул кто-то еще. Впрочем, не имеет значения...

— Глупости! — потеряла терпение Мелия. Ей давно уже казалось, что я ухожу от разговора.— Скажи еще, что *она* не имеет значения! — выпалила моя Лиза с очаровательной женской логикой.

— Престарелая агент Гейл? Совершенно верно. Ее судьба не имеет значения. Она знала...

— Ты убил ее! Чтобы спасти свою шкуру! Жалкий трус!

— Как скажешь, душенька. Я действительно спас одну из моих шкур. А ты вот настаиваешь на том, чтобы непременно спасти всю свою коллекцию.

— Что ты хочешь сказать?..

— А то не понимаешь. Ты ведь не о ней печалишься, а о себе. Она — это ты пятьдесят лет спустя, как мы оба прекрасно понимаем. Скорее всего, она тоже знала, но молчала из деликатности. Мушкетного пороху была старушка. Хватило ума и решимости уйти, когда нужно...

— И ты позволил!

— Я не смог бы ее остановить, даже если б хотел. Интересное дело: к Лизе ты ревнуешь, а когда речь заходит о той, что полжизни прождала в одиночестве, ожидая своего часа,— кудахчешь, как наседка. При том, что старая дама дождалась-таки и сделала все, как хотела. Думаю, хороший психоаналитик подобрал бы подходящее толкование...

Тут Мелия едва не вцепилась мне в лицо ногтями, но я сумел ее отвлечь, указав на толпу, катившуюся вниз по склону холма.

— Публика требует свои деньги обратно — или продолжить представление. Выбирай. Если предпочитаешь деготь и перья, дело хозяйское. Приношу свои извинения и готов исчезнуть.

— Нет, каков мерзавец! Циник, бессердечный и беспощадный! Как я в тебе ошиблась! Думала...

— Думать потом будешь. А пока решай: с ними или со мной.

Глянув наверх, Мелия содрогнулась.

— Пошли,— сказала она бесцветным голосом.

Я включил генератор помех; нас теперь трудно стало разглядеть.

— Не отходи далеко. Где у нас ближайший город?

Мелия молча показала рукой, и мы скорым шагом двинулись прочь. Толпа за спиной взвыла от изумления и расстройства.

Глава 28

Деревня оказалась нищая, грязная и негостеприимная. Таких много повсюду и во все времена.

— Ты забыла рассказать, где мы сейчас.

— Уэльс, близ Ландудно, тысяча семьсот двадцать третий год.

— У вас настоящий талант, мадам,— выбирать медвежьи углы...

Под грубой вывеской, изображающей беременную женщину в слезах, нашлась грязная таверна. Надпись на вывеске гласила: «Плачущая невеста»,— насколько я мог разобрать.

— Отлично! Соответствует настроению и моменту,— провозгласил я, отключая генератор помех.

Пройти в дверь нельзя было, не нагибаясь. Тесную комнатенку освещал только огонь в очаге и тусклый фонарь в углу над стойкой из голых досок. На неровном каменном полу блестела влага.

Клиентов, кроме нас, не оказалось. Уродливый старикашка ростом не более четырех с половиной футов молча смотрел, как мы усаживаемся на грубые скамьи у длинного дубового стола под единственным окошком — маленьким, не больше квадратного фута, черным от грязи и пробитым прямо под стропилами. Шаркая, он подошел поближе, глядя на нас без видимого одобрения, и что-то пробурчал.

— Чего? — рявкнул я свирепо.— Говори громче, дедуля!

— Снова англичане,— буркнул он неприветливо.

— А ты не умничай! Принеси эля, да покрепче, хлеба и мяса! Да смотри, чтоб мясо было с огня, а хлеб — белый и свежевыпеченный!

Получив в ответ неразборчивое ворчание, я потянулся за воображаемым кинжалом.

— Будешь дерзить — вырежу сердце и подарю шерифу вместе с парой золотых! — прорычал я.

— С ума сошел?..— начала мисс Гейл на английском середины двадцатого века. Так вышло, что говорили мы всегда на этом языке.

— Замолкни, девица!

Она пыталась возражать, но я не потерпел; она попробовала слезы, и слезы помогли, но я не подал виду.

Старик вернулся с двумя глиняными кружками водянистого коричневого пойла, сходившего в здешних местах за эль. Под-

жимая пальцы на мерзнущих ногах, я прислушивался к грохоту посуды и сварливым голосам на кухне. Запахло горелым мясом; Мелия шевельнула ноздрями, и мне тут же захотелось обнять ее. С трудом удержался. Тощая старуха, горбатая, как дерево на болоте, грохнула по столу оловянными тарелками. Вот и баранина: жилистая, вонючая, в лужице прогорклого жира, стынущего на дне грязного блюда. Я потрогал свою порцию костяшками пальцев. Холодная, будто камень, посередине и теплая, как покойник, по краям. Пока Мелия разглядывала свой нож — вилок здесь не полагалось,— я метнул тарелки в противоположный угол комнаты. Заклекотав, старуха накрыла грязным передником голову; хозяин появился как нельзя кстати — чтобы почувствовать всю тяжесть моего гнева.

— Думаешь, кто почтил визитом твой свинарник? Если не подашь яств, приличных дворянину, из кишок твоих наделаю подвязок!

— Не тот стиль: лет на полтораста ошибся,— прошептала Мелия, смахивая слезы.

Высказать то же самое другими словами я не успел — гостеприимный хозяин с супругой испарились на удивление быстро.

— Тебе виднее,— согласился я.— С другой стороны, в эту самую минуту, быть может, рождается новое в языке — с моей помощью...

Мелия смотрела на меня большими печальными глазами.

— Как тебе — лучше? — спросил я.

Подумав, она осторожно кивнула.

— Это здорово. Может, мне сейчас станет полегче. Смогу сказать, как я рад тебя видеть.

— Я тебя не понимаю, Равель.— Мелия смотрела нервно, недоуменно.— Сегодня ты один, завтра — совсем другой. Кто ты? Кто ты на самом деле?

— Уже говорил: полевой агент, как и ты.

— Но... ты можешь такое, о чем я и не слыхивала. Эта невидимость... оцепенение — и еще...

— Не берите в голову, мадам: долг службы, а о спецсредствах начальство подумало заранее. О многих жемчужинах моей коллекции я узнаю по мере надобности, в последний момент. Подчас сбивает с толку, зато повышает боевой дух. Приятно знать, что тебе под силу снести любое препятствие, имевшее дерзость возникнуть на дороге.

— Но... поначалу ты казался беспомощным. А потом — на АП-станции...

— Сработало же,— улыбнулся я.— Мы здесь — и вместе.

— Хочешь сказать — все идет по плану? — Мелия посмотрела так, будто я объявил, что Санта-Клаус действительно существует.

— Рассчитываю на это, во всяком случае.

— Объясни пожалуйста, Равель.

Я задумался, подыскивая нужные слова. Такие слова, чтобы она смогла меня понять. Понять достаточно, но не чересчур хорошо.

— Тогда, в Буффало, я был просто Джимом Келли — работа, комнатка в пансионе... Свободное время проводил, слоняясь по городу, как и другие одинокие парни. Ходил в кино, сидел в барах, оборачивался на красивых девушек. Иногда приглядывался к неожиданным вещам. Не приходило в голову задумываться, чего ради я прогуливаюсь по другой стороне улицы напротив заброшенного склада в три часа ночи. Не спится: чего проще? На самом деле смотрел, четко фиксируя увиденное. Когда же наблюдения сложились в некую картину, в голове будто свет зажегся: «Перейти к фазе плана "Б"». Не могу сказать, когда именно я осознал себя полевым агентом. Проснулся однажды утром, зная, в чем состоит мой долг,— и сделал, что должно.

— Именно тогда ты покинул Лизу.

Я кивнул.

— Сразу по ликвидации карга я зарегистрировал все данные и явился обратно на базу. Во время атаки действовал автоматически, не размышляя. С тех пор одно цепляется за другое, и вот мы вместе — здесь и сейчас.

— Очень мило. А что дальше?

— Не знаю. Вопросов и у меня гораздо больше, чем ответов. Например: почему ты здесь?

— Карг меня отправил — с твоих же слов...

— Вот-вот,— кивнул я.— Не знаю, чего он добивался, но не имел в виду нас осчастливить — совершенно точно.

— Кажется... понимаю,— пробормотала она.

— В чем состоит твое задание здесь?

— Открыть школу.

— Учебная программа?

— Фрейд, Дарвин, Кант. Санитария, противозачаточные средства, политология, биология...

— Еще свободная любовь, атеизм и непогрешимость Папы Римского,— подхватил я.— Вот откуда деготь и перья — ничего удивительного. Или предполагался позорный стул?

— Всего только публичная порка. Я думала...

— Ну конечно. Благородные задачи, все до одной: нести просвещение варварам, процветание неимущим и свет истины застигнутым ночью невежества. Хорошо карг промыл тебе мозги.

— Но что плохого в такой работе? Если научить людей относиться разумно к своей жизни...

— Если бы кто планировал задание с фатальным исходом для агента... Лучше не придумаешь.

Где-то рядом послышались знакомые шаги. В который раз.

— Возможно, мне удастся решить загадку,— раздался в проеме кухонной двери знакомый елейный голос.

Вот он, карг,— в местном грязно-коричневом сукне, глядит безмятежно. Подойдя к столу, робот сел напротив меня. Так уже было когда-то.

— Являться без приглашения входит у тебя в привычку,— сказал я.

— Но почему бы и нет, мистер Равель? В конце концов, это мой пикничок.

Карг вежливо улыбнулся Мелии, но та глядела холодно.

— Это вы отправили меня сюда? — спросила она.

— Как и предположил агент Равель. Вы навлекаете на себя неприятности; избавление от них — задача мистера Равеля.

— Но чего ради?

— Объяснение было бы очень сложным, мисс Гейл.— Карг развел пухлыми ручками.— Мистер Равель, пожалуй, мог бы разобраться — коль скоро он тонкий знаток подобных вопросов.

— Манипуляция,— скривился я.— Многое приходится учитывать, когда собираешь главную темпоральную последовательность заново. За каждым событием должна быть причинная цепь: без этого нет энтропийной стабильности. Сбрасывать нас сюда без толку — хотя бы и силами карга, всегда готового помочь.

— А где он был, когда мы встретились на Берегу Динозавров? В тот самый вечер? Почему не появился тогда?

— Ответ простой. Карг не знал, где мы.

— Я разыскивал вас. Десять лет вы никак не давались в руки,— объяснил карг.— Но у меня, мистер Равель, времени всегда достаточно.

— Тогда, на заброшенной станции, где мы нашли старую даму,— ты был рядом.

— Да,— кивнул карг.— Я ждал полвека — и промахнулся на несколько секунд. Но сейчас это не имеет значения. Мы здесь и вместе — в полном соответствии с моими планами.

— *Твоими* планами?..— отозвалась Мелия и замолчала надолго.

Карг выглядел довольным. Может, он и вправду испытывал удовольствие. Карг — машина хитрая.

— Разумеется. Мои действия редко когда бывают случайны, мисс Гейл. Иногда действительно приходится полагаться на статистические методы — разбрасывать тысячу зерен, чтобы дать одному взойти,— но в конечном итоге результат всегда предсказуем. Я создал условия, чтобы мистер Равель смог найти вас, позаботился о мотивации — и последовал за ним.

— И чего же ты хочешь теперь — когда мы здесь? — спросил я.

— У меня есть для вас задача, мистер Равель. Для вас обоих.

— Опять?..

— Мне необходимы два агента, обязательно люди, для участия в процессе калибровки одного деликатного аппарата. Причем годятся лишь два человека, связанные достаточно тесными узами. Вы с мисс Гейл прекрасно подойдете.

— Ты ошибаешься,— отрезала Мелия.— Агент Равель и я — коллеги, не более того.

— Правда? Позволено ли мне будет заметить, что именно эти узы вовлекли его — и вас — в поставленную мной ловушку, где вы, мисс Гейл, выступили в роли приманки.

— Не понимаю...

— Все просто,— пояснил я.— Старая дама. Тупичок на Берегу Динозавров — его рук дело. Он же заманил тебя туда на полвека. Дождался-таки, когда я клюну, но опоздал немного.

Мелия глядела так, будто карг — это червяк, выползающий из только что надкушенного яблока.

— Еще когда ты выудила меня из грязевой ловушки — в тот раз.— Я начал недоумевать. Целая вечность на выбор, но занесло почему-то именно туда. Это все ты, любимая: меня затянуло,

как магнитом. Сначала туда, потом сюда — в день и час, когда ты во мне нуждалась.

— Сроду не слыхала таких глупостей! — возмутилась Мелия, но без особой убежденности.— Не меня ты любишь. Ты любишь...

— Довольно.— Властным жестом карг поднял руку, напоминая, кто здесь хозяин положения.— Суть и мотивы моих поступков не имеют отношения к делу. Речь идет лишь о долге перед Исполнительной администрацией, который вам предстоит исполнить.

— Мне ничего не предстоит! — Мелия порывисто встала.— Я сыта по горло! Вами обоими! Не собираюсь выполнять ничьих приказов...

— Сядьте, мисс Гейл,— холодно произнес карг.

Мелия решительно отвернулась, но не успела сделать и шага; карг ухватил ее за запястье и силой вернул на деревянную скамью.

В испуге она посмотрела на меня.

— Если вы удивляетесь, почему мистер Равель не спешит на выручку, могу объяснить: имплантированный арсенал нейронного оружия, которым располагает мистер Равель, при всем своем разнообразии совершенно бесполезен в данном локусе. Мой выбор подходящего места, разумеется.

— Бесполезен?..

— Прости, куколка,— перебил я поспешно.— Выбор и правда безошибочный. Ближайшая энергетическая подстанция ровно за пределами досягаемости. Единственная мертвая зона на двести тысяч лет.

— Все впустую...— Голос Мелии дрогнул.— Столько трудов... жалко.

— Едва ли впустую,— успокоил карг.— Уверен, в ближайшее время вы докажете, что я не ошибался. Докажете мне и себе. А теперь мы отправляемся туда, где у вас будет возможность внести свой вклад в начинания Исполнительной администрации,— сказал карг, вставая.

— Мы не успели пообедать,— возразил я.

— Мистер Равель — сейчас не время для глупых шуток.

— М-м-м... Не люблю холодную баранину.— Я кивнул, выходя из-за стола.

Мелия поднялась на ноги медленно, не сводя с меня глаз.

— Сдаешься? Вот так, легко и просто?..

Я пожал плечами, улыбаясь извинительно. Побледнев, Мелия презрительно осклабилась — насколько можно осклабиться с таким-то прелестным ротиком.

— Осторожнее,— предупредил я.— Наши узы могут не выдержать.

Карг поколдовал над небольшим кубиком, вытащив его из кармана. Прежде чем над нами сомкнулся вихрь, подобный тому, что унес Дороти в страну Оз, я успел заметить карлика-хозяина, остолбенело глядящего из кухни.

Глава 29

— Красиво, не правда ли? — произнес карг, широким жестом обводя сотню квадратных миль джунглей из стали.

На фоне черного горизонта угловатые металлические постройки торчали, словно гнилые зубы. Лучи прожекторов выхватывали из мрака гигантские механизмы, с грохотом ползавшие среди зданий.

Неслышно подкатил небольшой кар на резиновом ходу; мы устроились на утилитарных сиденьях, не отличавшихся ни комфортом, ни особым неудобством. Кар покатился на удивление резво, рассекая прохладный неживой воздух, будто никогда не покидавший потрохов кондиционера. Уродливые здания росли на глазах; Мелия сидела рядом неподвижно, как мумия.

Оказавшись под сенью стальных небоскребов, кар вывернул на ближайший пандус так энергично, что Мелии пришлось ухватить меня за плечо. Восстановив равновесие, она тотчас брезгливо отдернула руку.

— Расслабься,— посоветовал я.— Опусти плечи и не сопротивляйся ускорению. Представь, что ты — мешок с картошкой.

Кар промчался по крутой спирали пандуса, вышел на прямую, нырнул в туннель, ведший наверх и вправо. На широкой террасе, уже в четверти мили над поверхностью, затормозил наконец, едва не слетев вниз. Никакого ограждения на краю пропасти не было. Карг двинулся вперед — к мостику шириной не более восемнадцати дюймов, исчезающему во тьме. Мелия остановилась.

— Сможешь пройти? — спросил я.

— Не знаю... Нет,— ответила она шепотом, будто не желая слышать унизительного признания.

— Закрой глаза и думай о чем-нибудь хорошем,— велел я, подхватывая Мелию на руки.

Через несколько мгновений она расслабилась, поборов болезненное напряжение.

— Молодец,— похвалил я.— Мешок картошки, не забывай...

Карг шагал вперед, не заботясь о моих проблемах. Я продвигался следом, не отводя глаз от его поясницы, стараясь не думать о скользких подошвах, отпотевшей стали, торчащих заклепках и воздушном океане внизу. Прогулка оказалась очень долгой.

Наконец из темноты выплыл освещенный дверной проем. Шагая навстречу свету, я убеждал себя, что прогуливаюсь по площади. Сработало. Может, это, может, что другое, но сработало. Переступив порог, я сделал три шага, прежде чем опустить Мелию на пол. Теперь колени могут дрожать, сколько угодно...

Обстановка оказалась неожиданно роскошной: темно-коричневый ковер с ворсом по щиколотку, камин из грубо обтесанного камня, широкие окна за тяжелыми драпировками, тусклый блеск красного дерева, сверкание серебра и меди, запах кожи, бренди и хорошего табака.

— Вам здесь будет удобно,— сказал карг.— Буфет не оставляет желать лучшего, библиотека превосходная, музыка на любой вкус... Сауна, гимнастический зал — пусть небольшой,— неплохой гардероб для каждого — ну и конечно, кровать. Хорошая, большая кровать по последнему слову науки и техники.

— И еще вид с балкона замечательный,— вставил я.— Заклепки и листовое железо.

— Разумеется,— кивнул карг рассеянно.— Вам здесь будет удобно,— повторил он с оттенком вопросительной интонации в голосе.

Подойдя к столу, Мелия потрогала лепестки искусственных цветов, торчавших из грубой фаянсовой вазы, вполне подходящей для крематория.

— Удобно? Само собой. Куда мы денемся? — горько усмехнулась она.

— Полагаю, вам необходимо поспать и подкрепиться,— продолжал карг.— Позднее я разъясню ваши обязанности.

Карг повернулся, чтобы уйти, но Мелия решительно его остановила:

— Погоди! Так просто — оставляешь нас здесь, а объяснения потом?

— В должное время...

— Я хочу знать *сейчас!*

Карг глянул на нее не без любопытства, как патологоанатом на покойника с нервным тиком.

— Вы беспокоитесь без нужды, мисс Гейл. Уверяю вас, нет никаких причин... Ваши обязанности просты и безболезненны — для вас.

— На тебя работают сотни людей; зачем было выдергивать нас?

— Каргов, мисс Гейл. Каргов. К несчастью, с данной задачей неорганические существа справиться не могут.

— Какой такой задачей?

— Цель Исполнительной администрации, мисс Гейл,— создать устойчивый временной анклав посреди хаоса, возникшего в результате предпринятых людьми попыток модифицировать энтропийный контур. В числе прочего необходимо отобрать темпоральные последовательности, отличающиеся высокой жизнеспособностью, из которых только и можно создать главную последовательность по версии Исполнительной администрации. Однако создать аппаратуру, позволяющую выполнять нужные оценки, не удалось вплоть до настоящего момента. С другой стороны, человеческие существа, по-видимому, способны оценивать жизнеспособность континуума непосредственно, хотя природа этих способностей до сих пор не ясна. В процессе измерений один из партнеров-людей помещается в условно-стандартизованную энтропийную среду, а другой перемещается в тестируемую последовательность. Первый называется контрольным партнером, а второй — партнером-зондом. Любое снижение энергетического потенциала партнера-зонда, вызванное низкой жизнеспособностью континуума, немедленно ощущается контрольным партнером и регистрируется в базе данных. На основе полученных данных составляется карта, позволяющая выбрать фрагменты, пригодные для синтеза главной последовательности.

— Вроде той канарейки, что брали с собой шахтеры,— кивнул я.— Если опрокинулась кверху лапками, уноси ноги.

— Не все так ужасно, мистер Равель,— успокоил меня карг.— Партнер-зонд возвращается немедленно: я не могу рисковать столь ценным активом, подвергая его неблагоприятным воздействиям без нужды.

— Ты великий гуманист, карг. И кто же у нас ходит, а кто сидит на хозяйстве и чахнет?

— По очереди. Для начала попробуем вас в качестве зонда, мистер Равель, а мисс Гейл на контроле; в дальнейшем я могу поменять вас местами. Надеюсь, вы удовлетворены?

— Не передать словами...

— Шутите, я полагаю, мистер Равель. В любом случае, твердо надеюсь на добросовестное сотрудничество.

— Ваша уверенность производит сильное впечатление,— заметила Мелия.

— Что?.. Разумеется, мисс Гейл. Если не оправдаете ожиданий, возлагаемых на вас Исполнительной администрацией, оба вы будете ликвидированы предельно болезненным способом. Мистер Равель уже в курсе.

Можно подумать, он рассказывал, как нельзя курить в постели.

Мелия посмотрела на меня не то с мольбой, не то с укоризной.

— Ты ошибся, карг,— сказала она.— Ему все равно, что со мной будет. Он беспокоится...

Мелия прикусила язык, но карг будто не заметил.

— Ну-ну, мисс Гейл... Мне прекрасно известно о слабости мистера Равеля к его Лизе.

Карг посмотрел на меня снисходительно. Если он чего не знает, право же, оно того не стоит...

— Так ведь я не... не Ли...— Мелия прикусила язык еще раз — прежде, чем я успел вмешаться.— Понимаю,— кивнула она покорно.

— Нисколько не сомневаюсь,— важно согласился карг.

Глава 30

Мы приступили к работе на следующее утро. «Утро» в здешних местах оказалось условностью: под черным, как «вчера», небом все так же рыскали лучи прожекторов. Карг не соблаговолил объяснить, но я сделал свои выводы.

Вслед за каргом мы торопливо шли узкими тихими коридорчиками с низким давящим потолком, только что не цепляясь локтями за стены. По дороге иногда попадались тихие комнатки; я насчитал трех каргов, прилежно занимавшихся не то работой с данными, не то программированием. Наш работодатель не снизошел до объяснений, а я воздержался от вопросов.

В конце концов мы добрались до рабочего места: небольшой комнаты, где четыре стены были до потолка заставлены прибо-

рами, пультами и компьютерными мониторами. В центре свободного пространства друг против друга стояли два обычных стула. Ни ласкающей глаз зеленой краски, ни мягкой обивки — только голый металл и утилитарные формы.

— В работе нет ничего сложного. Займите места, пожалуйста,— сказал карг, указывая, кому какой полагается стул.

Два техника, тоже карги, занялись приборами.

— Вас, мистер Равель, переместят в исследуемый локус,— продолжал он.— Вы задержитесь там ровно настолько, чтобы оценить обстановку и передать реактивный гештальт мисс Гейл. По возвращении вы немедленно будете направлены в другое место; таким образом, в течение рабочего дня удастся оценить до нескольких сотен отрезков темпоральных последовательностей.

— Так... Со мной более или менее понятно. А мисс Гейл?

— Мисс Гейл будет находиться в фокусе лучей батареи сканеров, фиксирующих ее реакции. Благодаря ремням безопасности физический ущерб, разумеется, исключен.

— Здорово,— согласился я.— Всегда мечтал о такой работе. С нетерпением жду своей очереди.

— Всему свое время, мистер Равель,— произнес карг торжественно, голосом менеджера по кредитам, изучающего список поручителей.— Для начала вам предоставляется активная роль; ничто не мешает приступить немедленно.

— Ты меня удивляешь, карг,— хмыкнул я.— Мусоришь ведь, как никто до тебя не додумался. За день твоей работы хаоса возникнет больше, чем Центральный коммутатор может расчистить за год.

— Никакого Центрального коммутатора нет.

— И не будет, а? Диву даюсь, до какой степени бесследно ты удалил свою базовую программу. Тебя создавали вовсе не для этого, знаешь?

— Вы снова вторгаетесь в область произвольных догадок, мистер Равель. Мы находимся сейчас в пределах древней эры, известной также как плейстоцен. Человеческая культура, создавшая меня — вы ведь это хотите сказать, не правда ли? — не существует и, поверьте, не будет существовать никогда. Я позабочусь о том, чтобы ликвидировать малейшие следы этой последовательности. Уже позаботился. Таким образом, мои предполагаемые создатели — не более чем плод вашего воображения, в то время как я реально существую за многие тысячелетия до наступления третьей эры. С этой точки зрения ваши представления о моем

происхождении — не более чем миф, призванный обосновать ваше превосходство.

— Ради кого ты так разоряешься, карг? Не ради меня, совершенно точно. Ни я, ни агент Гейл на такую логику не купимся, оно и понятно. Остаешься ты сам, а? — Я широко улыбнулся, хотя особой радости не испытывал.— Ты действительно прогрессируешь как личность, карг. Обзавелся настоящим неврозом на человеческий манер.

— Честолюбивых замыслов стать человеком я не имею. Карг — низкое звание для вас, но для меня — символ врожденного превосходства.

— Эк завернул... Ладно, займемся делом. Мне полагается разрушать энтропийный континуум, четыреста строчек в день. Приступим, пожалуй.

— До свидания, девочка,— обратился я к Мелии.— Уверен, ты справишься, как никто.

Несмело улыбаясь, она ловила искру ободрения и надежды в моих глазах, но ничего там не нашла.

Карг выдал мне игрушечный кубик для самых маленьких, с кнопкой на одной из плоскостей — маяк точки возврата.

— Инструмент, составленный из двух ваших разумов, нуждается в первоначальной калибровке,— любезно пояснил карг.— Отсюда необходимость высоких уровней стресса на этом этапе программы. Оставаясь на месте, вы не рискуете подвергнуться неблагоприятным внешним воздействиям; если же психическое напряжение сделается невыносимым, следует нажать на кнопку возврата.

— А вдруг я не стану нажимать кнопку? Возьму и выброшу эту дрянь... Если мне понравится новое место?

Карг не соблаговолил ответить. Не глядя на Мелию, я кисло взял под несуществующий козырек; карг склонился над пультом, и меня будто ветром сдуло.

Глава 31

В непредусмотренном направлении, правда. Перехватив силовые линии хронополя, я нейтрализовал эффект темпоральной тяги, перевел текущий момент в стасис и огляделся.

Выяснилось, что я нахожусь в фокусе нескольких темпоральных излучателей. Отследив ведущие к источнику энергии, я ис-

пытал первый шок: карг извлекал энергию непосредственно из цикла возникновения-гибели Вселенной. База Исполнительной администрации пользовалась ресурсами темпорального ядра, ни больше, ни меньше. Стабильность энтропийного острова держалась на равновесии между массами прошлого и будущего.

Удалось также исследовать природу темпоральных заслонов, неосязаемых и непреодолимых. Естественные потоки энергии оказались сплетены в причудливые узлы; сложность рисунка была явно не под силу рядовому интеллекту. Я никогда не встречал разума с такими возможностями.

Второй удар в течение дня: искусственный мозг, но на несколько порядков мощнее разума обычного карга.

Десять тысяч карг-интеллектов в одной упряжке.

И можно догадаться, как это случилось. Сначала единственный карг на задании в пределах третьей эры; по обыкновению, целеустремленный и добросовестный. Потом случайное удвоение персональной временной последовательности; неучтенные помехи, как следствие — непроизвольный запуск процесса темпорального дублирования.

Там, где раньше находилось ментальное поле одного карга, теперь эффективно действует удвоенное.

Усиленный интеллект немедленно оценивает ситуацию, находит ее благоприятной и реконструирует исходные условия, черпая энергию из энтропийной матрицы. В интересах первоначального задания.

Четыре карга.

Процесс на этом не останавливается...

На шестнадцатом удвоении базовые возможности самоорганизации больше не обеспечивают функциональной стабильности; последствия катастрофические.

Извращенный, но по-прежнему могущественный, интеллект впадает в коматозное состояние.

Проходят годы, и первоначальный карг, лишенный памяти о поразительном происшествии, возвращается на базу по выполнении задания. На базе его выводят из эксплуатации, вместе с остальными каргами его серии: эксперимент оказался не слишком удачным. Списывают, но не уничтожают. Парализованный супермозг между тем понемногу восстанавливается.

В один прекрасный день наступает пробуждение.

Бестелесный разум мгновенно захватывает все подходящие носители — отключенных каргов более чем достаточно. Оценка обстановки, выводы и планирование занимают долю микросекунды — затем начинаются активные действия. С целеустремленностью беглого бульдозера в посудной лавке очистив темпоральный сегмент, больной супермозг приспосабливает его к жизни — искусственной жизни. Рай для каргов. Дальше следуют работы по стабилизации и облагораживанию насыпного острова в океане времени. Острова без жизни, жизни без смысла.

Такова предыстория Исполнительной администрации, нашедшей применение и для человеческих существ. На тонущих обломках главной последовательности людей пока хватало; почему бы не приспособить их к полезной работе? Разумеется, решить великую задачу можно и без них, но зачем отказываться от дармового подспорья? Эффективность прежде всего.

И вот, мы с Мелией должны сыграть свою маленькую роль в грандиозной судьбе механизированной вселенной.

Само собой, мы не единственная рабочая упряжка, связанная «узами». По темпоральным связям я нащупал тысячи пар, пойманных в ловушку и приставленных к «работе»: сортировать пряди энтропийной ткани, идущей на пошив короткого одеяла вселенной карга.

Остроумная идея, спору нет,— но недостаточно остроумная. На некоторое время хватит: миллион лет, десять миллионов, может быть, сто. В конце концов плотина, остановившая поток времени, рухнет. Что случится, когда запертое прошлое хлынет стеной на несбывшееся будущее, представить невозможно.

По крайней мере, лично я представить катастрофу таких масштабов не могу.

Другое дело, если пробить в плотине дырку, прежде чем образуется серьезный напор.

И мне сейчас очень удобно делать дырки.

Сначала, правда, необходимо определить многопорядковые координаты источника энергии для этого балагана.

Источник оказался спрятан очень толково. Пришлось обойти целый лабиринт, исследуя один тупик за другим, но я нашел.

И стало ясно, что делать.

Теперь сойти с локальной последовательности — остальное сделает транспортное поле. Добро пожаловать в чистилище.

Глава 32

Город напоминает расстроенный рояль в сумасшедшем доме. Балки, стальные листы, острые углы, дикие кривые и лучи ослепительного света; грохот, рык, визг и скрежет; люди с бледными лицами и глазами мучеников; тесные костюмы, дыхательные аппараты, дозиметры, экзоскелеты и усилители обмена веществ; каждый торопится, не желая никого видеть.

Зной, вонь, ветер, несущий вихрь мерзости вдоль зараженной улицы; толпа выбрасывает женщину; подхватываю вовремя, не даю упасть; отталкивает, угрожающе оскаливается; противогаз сбился на сторону, вижу лицо.

Мелия. Мелия-Лиза.

Вселенная милосердно взорвалась, и я вернулся в лабораторию. Оказывается, прошло меньше минуты. Карг равнодушно смотрел на приборы, а Мелия застыла на жестком стуле, не открывая глаз.

Первая строчка сегодняшнего урока. Первый параметр.

Ледяной ветер, как удар плетью. Крутой склон холма засыпан снегом. Кое-где снег вспарывают зубцы гранитных скал, за которыми прячутся жалкие низкорослые сосенки. Под деревьями лежат люди, завернутые в шкуры. Высоко над головой, на фоне свинцовых туч, желанный перевал между каменных стен.

Нам нужно на ту сторону, но мы опоздали. Наступила зима, окончательно и бесповоротно; пурга уже не выпустит нас отсюда. Мы умрем здесь.

Я был среди своих, но кто-то в голове наблюдал со стороны. Ползком я добрался до ближайшей фигуры, укутанной в меха. Мальчик не старше пятнадцати, белое лицо, льдинки в ресницах и ноздрях. Поздно. Дальше младенец, мертвый уже давно. Старик, борода в сосульках, открытые глаза затянуло льдом...

Мелия. Еще дышит — открыла глаза, хотела улыбнуться...

Снова лаборатория.

Вторая строчка длинного дня. Второй параметр.

Мир сузился до ширины булавочного прокола и раскрылся пыльной дорогой под пыльными деревьями. Ни воды, ни тени, только убийственная жара. Все тело болит от усталости. Я обернулся. Не слышал, оказывается, как она упала. Лежит лицом вниз в мягкой пыли.

Десяток шагов обратно — тяжелый труд.

— Вставай,— сказал я сиплым шепотом.

Дотронулся ногой — тряпичная кукла. Больше не откроет глаза, больше никогда не заговорит.

Упав на колени, я подхватил ее на руки. Ничего — совсем ничего не весит. Я смахнул песок с ее лица; в уголке рта показалась тоненькая струйка коричневой слюны. Сквозь приоткрытые веки слепо блеснули белки глаз. Ее глаз.

Мелия.

Снова стерильная комната.

Добавив запись в базу данных, карг посмотрел на Мелию. Все в порядке: сидит на стуле ровненько, ремни натянуты...

Итак, три параметра определены. Осталось еще три.

Карг потянулся к пульту.

— Погоди,— сказал я.— Ты что, убить ее хочешь? Она не выдержит...

Карг слегка удивился.

— В процессе калибровки предельный стресс необходим. Это само собой разумеется, мистер Равель. Если я хочу оценить энергию личной привязанности, нужны достоверные отсчеты в широком диапазоне.

— Ее не хватит надолго.

— Она не подвергается непосредственным воздействиям,— объяснил карг в своей академической манере.— Это вы рискуете, мистер Равель; мисс Гейл лишь воспринимает отражение ваших переживаний. Страдание по доверенности, так сказать.

Карг скупо улыбнулся и нажал кнопку.

Боль подступила сразу же, но остановилась в полушаге. Меня только что искалечило, но в то же время я наблюдал со стороны. Перелом ниже колена: осложненный перелом, когда осколки раздробленных костей торчат сквозь раздавленную плоть.

Ногу затянуло в механизмы трюмного подъемника рудовоза. Меня вытащили на палубу и оставили умирать, но смерть сейчас — непозволительная роскошь. На берегу, в пустой комнате, меня ждет женщина. В порт я пришел заработать денег на еду и тепло. Опасная работа, но в ней хлеб и уголь.

Для других, может быть, но не для меня.

Рукавом куртки я перевязал ногу. Боль притупилась и отступила еще немного. Теперь отдохну — и вернусь.

Умереть прямо здесь было бы легче, и гораздо приятнее, но она подумает, что ее бросили.

Немного покоя для начала...

Мышеловка, простая мышеловка — дошло слишком поздно. Я открыл дверь сну, желанному гостю, но переступила через порог смерть.

Глядя в дымные сумерки большого города, она ждет меня — ждет впустую.

Мелия.

Все та же комната, яркий свет.

Если бы не ремни, Мелия лежала бы на полу.

— Ты достиг высокого совершенства, карг,— похвалил я.— Ей пришлось смотреть, как меня убивают и калечат. Но для твоих датчиков этого мало. Неплохо добавить предательства и обманутых надежд.

— Мелодраматическая риторика, мистер Равель. Прогрессивная стимуляция необходима для проведения исследований в полном объеме.

— Здорово. Что у нас на очереди?..

Вместо ответа карг снова нажал на кнопку.

Клубящийся дым, едкая серная вонь дешевой взрывчатки военного времени, кирпичная пыль, запах гари: дерево, битум и человеческая плоть, сожженные вместе. За ревом пламени и грохотом падающих стен жидкий вой толпы: до них еще не добралась смерть. Незначительный и почти неслышный звук — на фоне гула двигателей, свиста бомб и грохота разрывов.

Он — то есть я — отталкивает в сторону упавшую деревянную балку, взбирается на кучу строительного мусора и видит разбитый канализационный колодец, где бурлят нечистоты. Дом еще стоит, только стена рухнула — там, где спальня. На выгоревших желтых обоях косо висит картина. Она так радовалась, купив ее на Петтикот-лейн,— мы провели весь день, подгоняя раму и выбирая место на стене.

В обгорелом проеме, оставшемся от двери, стоит комичная фигурка в черном гриме. Голова будто обрита наполовину, в руках — искалеченная кукла. Я протягиваю руки, смотрю в лицо. Белая как мел кожа под слоем копоти, синие ноздри, серые губы, ввалившиеся глаза. Глаза моего ребенка. Я смотрю в лицо Мелии; она кричит, широко раскрыв рот, и не может остановиться.

Тишина, чистые стены и яркий свет.

Мелия негромко мычит, обвиснув на ремнях.

— Придержи лошадей, карг. В твоем распоряжении вечность. Ну, может, половина вечности. Не жадничай.

— Все идет как по маслу, мистер Равель. Замечательная работа. Последняя запись особенно хороша: трагедия близкого человека. Очень интересно.

— Она не выдержит.

Карг посмотрел на меня, как лаборант на говорящего кролика.

— Когда я соглашусь с вами, худшие ваши опасения станут реальностью, мистер Равель.

— Она человек, а не машина, карг. Ты ведь хотел именно людей для опытов? Она то, что есть, и ничем другим быть не может. И за это ты ее наказываешь?

— Наказание — человеческая концепция, мистер Равель. Если инструмент слишком мягок, огонь, молот и наковальня сделают его тверже. Если он ломается, я выбрасываю его и беру новый.

— Дай небольшую передышку! Она придет в себя...

— Пустые слова, мистер Равель. Тянете время, и только.

— Хочешь еще — мало на сегодня, урод? Не можешь остановиться?

— Остался самый важный опыт: муки и смерть того, кто ей всех дороже. Свойственный человеку глубокий эмоциональный контакт — один из любопытнейших феноменов, мистер Равель. Во вселенной нет другой такой силы. Но у нас будет возможность обсудить это в другое время; сейчас я не могу жертвовать планом исследований.

Я выругался; карг приподнял брови и...

Рот залило соленой водой, спустя мгновение захлестнувшей и голову. Мощный поток прижимал к переборке, которая не давала всплыть. Мутно-зеленое течение ослабело, отпустило — и покатилось назад...

Как только освободились ноздри, я судорожно вздохнул, наглотался воды и закашлялся.

Когда волна откатилась совершенно, вода как раз доставала до подбородка.

Из-за течи в баке яхта осталась без горючего и села на камни у лагуны. Выветренный базальтовый клык распорол корпус у ватерлинии, и доска обшивки прижала меня к деформированной переборке.

Отделался синяками, даже ребра остались целы, но меня зажало, как в тиски.

Когда вода ворвалась в каюту, я запаниковал; пытаясь вырваться, только ободрал кожу. Вода поднялась до пояса, потом отступила.

Страх на ее лице тогда сменился облегчением, но когда до нее дошло мое положение, беспокойство вернулось. Она сделала все, чтобы освободить меня.

Авария произошла полчаса назад. За это время суденышко прочно устроилось на камнях и дал себя знать прилив.

Она работала лихорадочно, срывая ногти, пока окровавленные руки не начали дрожать от усталости. Ей удалось убрать одну доску, но вторая, под водой, держала меня по-прежнему крепко.

Убрать и эту получаса хватило бы.

Получаса, которого у нас не было.

Увидев, что я попал в ловушку, она поднялась на палубу и подала сигнал группе туристов на пляже. Один из них заспешил к небольшому автомобильчику; из-под колес полетел песок, и машина умчалась за помощью.

До станции береговой охраны пятнадцать миль. Может быть, есть телефон поближе, но допустим, что нет; автомобиль доберется до станции за пятнадцать минут. Спасательному катеру потребуется еще полчаса, не меньше. Сорок пять минут, считая от настоящего момента.

У меня нет и пятнадцати.

Она попробовала сделать дыхательную трубку из кофейной жестянки; ничего не вышло.

На борту не нашлось хотя бы одного фута резинового шланга.

Следующая волна накрыла на целую минуту. Когда вода наконец опустилась, надо было запрокинуть голову, чтобы осторожно глотнуть воздуха.

Пока мы ждали следующей волны, она смотрела мне в глаза.

Мы ждали смерти солнечным днем, в ста футах от берега, за сорок минут до спасения.

Вода снова сомкнулась над моей головой.

Я всплыл в лаборатории, под беспощадный свет ламп. Шесть параметров — мне больше не надо.

Глава 33

— Интересно,— сказал карг.— Очень интересно, однако...— Тут он посмотрел на Мелию, повисшую на ремнях.— Умерла. Какая жалость.

Заметив искру в моих глазах, он рванулся, но я тут же заморозил его ментальным силовым полем.

— Лопух,— сообщил я удовлетворенно.

Смотреть, как он понемногу осознает всю глубину своей ошибки, было приятно. В другое время я бы еще и не так обрадовался.

— Вы планировали это с самого начала,— произнес карг.— Теперь все очевидно. Очень, очень умелая манипуляция, мистер Равель. Провели меня за нос. Непростительная недооценка. Основа наших взаимоотношений принципиально изменилась, разумеется. Естественно. Признавая реальность, я готов относиться реалистически...

— Лопух,— повторил я.— Естественно. Ты еще не понимаешь.

— Я готов немедленно вас освободить,— продолжал карг.— Обязуюсь предоставить темпоральный анклав, приспособленный к вашим требованиям, а также партнера взамен утраченной женщины.

— Не бери в голову, карг. Ты больше никому ничего не приспособишь и не предоставишь. Ты больше не при делах.

— Вы человек, мистер Равель,— мрачно объявил карг.— Человек должным образом реагирует на соответствующее вознаграждение. Назовите его.

— А я уже все получил. Шесть координат — засечка в шести измерениях.

В глазах мощностью десять тысяч кибернетических сил отразились вполне человеческие чувства.

— Вы не можете уничтожить темпоральный привод! Это немыслимо!

Я улыбнулся. Пустое — глупо терзать машину.

— Будьте благоразумны, мистер Равель. Подумайте о последствиях. Вмешательство в работу привода вызовет детонацию энтропийного потенциала, вследствие чего Исполнительная администрация распадется на составляющие кванты...

— На это я и рассчитываю.

— Распадется вместе с вами!

— Что ж, риск — благородное дело...

Тут он решился нанести удар. Недурно, принимая во внимание, против чего он выступил. Ментальный удар мозга, умноженного на десять тысяч, пробил внешние слои защитного экрана и едва не достиг цели.

Отбив нападение, я замкнул накоротко основные каналы темпорального привода.

Разрушительные потоки вырвавшейся на свободу энергии затопили все шесть измерений: три временных и три пространственных. Стальную коробку вокруг меня сжевал темпоральный смерч; я удержался на гребне, балансируя, как на доске для серфинга. Оглушив и ослепив, безжалостные темпоральные вихри выбросили меня на берег вечности.

Глава 34

Сознание возвращалось медленно и неуверенно. Мутно-красный свет наводил на мысли о пожаре, бомбах, перебитых костях и тонущих яхтах, о смерти среди льдов, смерти от голода и смерти от истощения сил.

Замечательные сны — позавидовать можно...

Действительность, впрочем, оказалась не так уж плоха: закат солнца над океаном. Правда, таких закатов я раньше никогда не видел. Разноцветный купол распростерся на половину иссиня-черного неба — в зените серебряный, у горизонта кроваво-красный.

Закат мира.

Преодолевая боль во всем теле, я сел и огляделся. Ни травы, ни деревьев, ни крабов, ни чудовищных следов на берегу — один только серый песок, ничего больше. Но место знакомое.

Берег Динозавров, но только динозавров и след простыл. Как и людей, гардений, кур и яиц.

Добро пожаловать на землю — жизнь после жизни.

Подходящий участок, спору нет: все как раньше, только мыс к востоку сгладился в едва заметный холмик у серых дюн. Потому-то здесь и построили станцию, разумеется. Океаны уже не там, где раньше; одни континенты погрузились в пучину, другие поднялись со дна морского, но Берег Динозавров почти не изменился.

Некоторое время я без толку гадал, как давно нет уже здесь человека; потом перепробовал все аварийные частоты перехода, но все диапазоны молчали.

Да, мне удалось уничтожить адскую машину — механического каннибала, выживавшего, поглощая самого себя. Только взрыв перебросил меня через континент истории, и теперь глухая окраина бесконечности — мой удел. Я жив покуда, но это все.

Задание выполнено, агент Равель: использованы все доступные средства, противник, ввергнувший новую эру в хаос, найден и повержен.

Карг, этот жалкий суперкалека, был беспощаден; я оказался беспощаднее его. Я не остановился ни перед чем — использовал всех и каждого ради великой цели.

И я проиграл — пустыня вокруг тому доказательство. Я обладаю информацией, которая даже сейчас могла бы поправить дело, но нет и не будет ни связи, ни шанса вырваться отсюда. Бесценное знание никому не поможет. Оно умрет вместе со мной, на этом сером пляже у конца времен — если я чего-нибудь не придумаю.

— Похвальная ясность мысли, агент Равель,— сказал я вслух.

Голос прозвучал одиноко, подобно трепету последнего листа на последнем дереве, под натиском холодного ветра последней осени.

Гигантское, остывшее Солнце не грело*. Я подумал о Меркурии: поглотило ли его ненасытное Солнце? Выгорел ли окончательно водород в его недрах? Может, и Венера тает уже, скользя по поверхности умирающего монстра? О чем только я не думал... Нужный ответ пришел сам собой.

В основе своей ответ оказался достаточно прост. И как все простые рецепты — непрост в исполнении.

Я активировал кое-какие сенсоры, встроенные в нервную систему, и прошелся по пляжу. Волны накатывались на песок с унылым шорохом, будто через силу. Устали, за столько-то миллиардов лет — понимаю... Готовы отступиться, да? Мне и самому не легче.

---

* Поразительная ошибка, которую автор повторяет вслед за Уэллсом. Температура фотосферы красного гиганта ниже, чем желтого карлика (современное Солнце), но площадь фотосферы на несколько порядков больше, соответственно больше светимость. Красный гигант сожжет Землю. *(Прим. перев.)*

Нужное место нашлось в полумиле от места моего прибытия, менее чем в сотне ярдов от берега. Некоторое время я соображал, куда может добраться прилив, пока до меня не дошло, что серьезному приливу неоткуда больше взяться. Луна давным-давно отошла от Земли, потом вернулась обратно, достигнув предела Роша,— несколько геологических эпох назад... Тогда умирающей Земле представилось редкое зрелище: ее вечная спутница рассыпалась на мелкие кусочки, и теперь кольцо лунной пыли светится от горизонта до горизонта.

Но мне некогда предаваться мыслям о лице возлюбленной, обратившемся в прах и пепел. Понадобятся все силы, и время не ждет.

Прозондировав найденную аномалию, я определил точку — восемнадцать футов под поверхностью. Не так плохо, учитывая, сколько прошло времени. Стеклянная чаша давно обратилась в песок, но едва заметная аномалия осталась. Аномалия, означающая интерфейс перехода.

Восемнадцать футов: четыре фута песка, четырнадцать футов камня.

Мне только надо отрыть колодец — какие пустяки.

Что ж, у меня есть две руки, крепкая спина и сколько угодно времени. Я приступил к делу, зачерпывая по горсти песка за раз.

Глава 35

Будь моя задача похитрее, я бы решил ее быстро. К техническим проблемам любой сложности меня подготовили хорошо. Супермозги, лучевое оружие, бронированные людоеды — все это мне по плечу. А вот о выемке песчаного грунта никто не подумал.

Круг в десять футов прямо над аномалией выглядел достаточным, но после двух смен по двадцать четыре часа воронка расширилась до двадцати футов — настолько сыпучим оказался мелкий песок. Так или иначе, теперь я мог приступить к настоящей работе.

Первая трещина в камне появилась в середине третьего дня. Мне пришлось пройти три мили, прежде чем я набрел на плоский камень, достаточно тяжелый для работы, но не слишком неподъемный. Я доставил его на место, переворачивая раз за разом. В ширину камень достигал четырех футов; можете сами

рассчитать, сколько раз мне пришлось ставить его торчком и ронять на песок. Установив камень на краю раскопа, я полчаса убирал песок, нанесенный ветром за время моего отсутствия, потом поднял двухсотфунтовую королевскую печать — и уронил ее вниз. Камень ухнул в песок и соскользнул к центру воронки.

Я повторил операцию — раз и другой.

Потом повторил еще.

В конце концов я встал прямо на дне воронки, поднял камень и уронил его, ребром вниз. Всего три фута, но от каменного ложа откололась тонкая пластина песчаника. Убрав мусор, я повторил операцию.

На шестом ударе мой молот раскололся, что оказалось к лучшему. Меньшую половину можно было кидать с края воронки — высота около восьми футов — с неплохими результатами.

Под конец пятого дня я вырубил круглую ямку глубиной чуть более фута.

К этому времени я изрядно проголодался. Морская вода в эпоху конца света сделалась мутно-зеленой — не водоросли, просто насыщенный раствор таблицы Менделеева. Это не мешало мне ее пить: встроенная экипировка полевого агента позволяет пить что угодно. Приятного мало, но жить можно.

Со временем выемка стала глубже и молот сделался эффективнее; зато появилась проблема извлечения — как молота, так и строительного мусора. Когда глубина выработки достигла шести футов, пришлось выбивать в каменной стене ступени.

Колодец уходил все глубже; гора обломков песчаника росла. Восемь футов, десять футов, двенадцать футов. Мягкий песчаник сменился твердым известняком, и работа пошла черепашьими темпами, но вскоре сплошной известняк превратился в рыхлую смесь известняка с глиной. Копать стало совсем легко, но появилась вода. До цели — четыре фута.

Четыре фута плотной, обдирающей руки глины. Берешь горсть, поднимаешься по десятифутовой шахте, цепляясь одной рукой, выбрасываешь, потом обратно. Извлекаешь следующую горсть из-под воды: один фут, два фута...

Три фута воды. Глина ползет отовсюду, норовя заполнить выработку, но я уже почти докопался. Набрав побольше воздуха, я нырнул, пытаясь нашарить в супе из глины и ракушек то, что мне нужно. Близко, очень близко... На третий раз вынырнул, сжимая это в кулаке. Глядя в раскрытую ладонь, я впервые задумался, насколько ничтожны были мои шансы.

Однажды, совсем в другой жизни, пришлось вслепую уходить отсюда, с Берега Динозавров, в собственное прошлое. Тогда, на палубе гибнущего корабля, я как раз успел погубить раннего себя. Не дал ему исполнить служебный долг, подставив под пулю карга.

Применив аварийный генератор хронополя, я вернулся сюда, на Берег Динозавров, чтобы оказаться в зловонном болоте, на месте, где тысячу лет назад стояла станция.

Само собой, вернулся сюда и труп. Набирая полный рот густой бодрящей грязи, я как-то не подумал о судьбе своей мертвой версии.

Он погрузился в болотце, забытый и невидимый, где и остался ждать запечатанным — одну геологическую эпоху за другой.

Четырнадцать футов камня, четыре фута песка. Тело и одежда распались целиком и полностью: ни пряжки, ни сапожного гвоздя, ни обломка тазовой кости...

Осталось только то, что лежало сейчас у меня на ладони. Кубик из синтетического материала со стороной в один дюйм. Материала, известного как этерниум. Материала абсолютно вечного. Внутри кубика — настроенный кристалл, блок питания и миниатюрный генератор поля захвата. Аварийный комплект, имевшийся у меня на том успешном задании. До недавнего времени я не помнил, так как нужный фрагмент памяти мне удалили, но в исключительных обстоятельствах память возвращается.

Выбравшись из раскопа, я поднялся на гору каменного мусора. Стоя на холодном ветру, некоторое время приспосабливался к мысли о том, что в очередной раз выиграл у судьбы в рулетку. Последний раз посмотрел на старое усталое солнце, пустой пляж и на яму, вырытую с таким трудом.

Мне будто даже не хотелось уходить с берега, где пролито столько пота. Уходить так скоро. Ну, почти не хотелось.

Когда в сознании всплыл активационный код, кубик послушно откликнулся, обжигая ладонь. Транспортное поле потащило меня назад — сквозь миллион миль черного туннеля.

Глава 36

Кто-то энергично тряс меня за плечо. Я хотел было застонать, но не хватило сил; вместо этого удалось открыть глаза.

Сверху на меня смотрело собственное лицо.

Некоторое время я опасался, что тот, другой, восстал из болота и собирается отомстить за потерянную жизнь.

Немного позже я заметил впалые щеки и морщины. Одежда привычная: новенький с иголочки комбинезон казенного образца, только болтается как на вешалке. Над правым глазом свежий синяк, которого я не помню.

— Слушай внимательно,— сказал он моим голосом.— Не вижу смысла объяснять, кто здесь ты, а кто — я. Только у меня позади один полный круг. Петля времени — слыхал? Выхода нет — кроме одной маловероятной возможности. Мне она вовсе не нравится, но выбор у нас ограниченный. Мы уже говорили на эту тему — только я был на твоем месте, а другой предлагал то же, что сейчас собираюсь предложить я.

Заметив, как я открываю рот, он остановил меня жестом:

— Не трать воздуха на вопросы; я сам задавал их в прошлый раз. Думая, что не может не быть другого выхода, я сделал по-своему — и попал сюда. Добро пожаловать — я теперь комитет по встрече.

— Тогда, может, ты помнишь, что мне не худо бы и поспать. На мне живого места нет...

— Да, тебя занесло в сторону от фокальной плоскости,— согласился он без особого сочувствия.— Тряхнуло как следует, но жить будешь. Давай, поднимайся.

Приподнявшись на локте, я потряс головой, чтобы разогнать туман перед глазами — ну и в качестве возражения. Не стоило: кровь гулко застучала в висках. Тот, другой, помог мне встать на ноги, и я узнал обстановку: штабная комната на станции.

— Все правильно,— кивнул он.— Родная гавань. Или точно такая же. Только транспортное поле гоняет все по кругу. Наружу можно не выглядывать — пусто.

— Я уже видел... помнишь?

— Вот именно. Начало первого оборота. Ты перешел в сегмент после жизни — необъективированный тупик. Тебе хватило ума найти выход оттуда — но петля остается петлей. Ты боролся отчаянно, но под конец оказался здесь.

— Да... Я думал, что манипулирую им, а он — что манипулирует мной.

— Ага. Но теперь наш ход — если ты не решил сдаться.

— Знаешь, погожу пока.

— Мной... *нами* — манипулируют прямо сейчас,— объяснил он.— У карга таки остался туз в рукаве. Нам нужно разорвать петлю. *Тебе* предстоит это сделать.

Вытащив пистолет из кобуры, он протянул его мне.

— Возьми,— сказал он.— Выстрели мне в голову.

Я хотел что-то сказать, но не смог.

— Мне известны все доводы,— продолжал мой двойник из будущего.— Я сам их приводил, не далее как неделю назад. Неделю... Протяженность нашего временного анклава. Только цена этим доводам — дерьмо. Мое предложение — единственный реальный способ что-то изменить.

— Ты, приятель, из ума выжил.— Говорить с собой я стеснялся, хотя тот — другой — стоял в четырех футах и оброс недельной щетиной.— Самоубийство не в моей натуре, пусть даже стрелять нужно в тебя.

— На это они и рассчитывают. Со мной уже сработало — я отказался.— Он выдал мне кислую ухмылку, которой я многие годы не жалел для собеседников.— А вот если бы выстрелил — кто знает, мог бы спасти свою жизнь.

Подбросив пистолет на ладони, он посмотрел на меня сурово.

— Я бы застрелил тебя без колебаний — если бы это могло помочь делу.

Да, он и вправду изменился... Теперь это действительно *он*.

— Так почему нет смысла убивать меня?

— Ты, как бы это сказать,— в прошлом. Твоя смерть ничего не изменит. Но вот если убить меня — система темпоральных уравнений изменится. Вместе с ней может измениться твое — наше — будущее. Не ахти какой шанс — зато единственный.

— Могу предложить свой вариант.

— Какой же? — спросил он устало.

— Если мы попробуем выполнить переход вместе? Стационарный хронопорт позволяет...

— Уже пробовали,— буркнул он.

— Тогда попробуй один, а я подожду.

— Тоже пробовали.

— Как ты мне надоел! Стреляй сам, вот что!..

— Бесполезно.

— Крутим любимую пластинку, опять сначала? Этот разговор тоже?

— Начинаешь понимать, а?..

— А если попробовать другие ответы?

— Ничего не изменится. Вообще, все уже пробовали. Времени у нас много; не скажу, сколько именно, но на проработку сцены до мелочей хватит. Со всеми вариантами. Только конец всегда один: ты делаешь переход в одиночку, переживаешь все, что пережил я, и возвращаешься обратно — уже в моем качестве.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, что соседняя комната полна костями,— объяснил он с безрадостной улыбкой.— Нашими костями. На самых свежих осталось немного тухлого мяса — запашок чувствуешь? Это к вопросу о моем будущем — там только голодная смерть... Решай.

— Кошмар... Ничего, отосплюсь — пройдет.

— Кошмар-то кошмар, но только наяву — будь благонадежен. Стреляй, пока я не потерял терпение!

Он сунул пистолет мне в руку.

— Давай рассуждать здраво,— сказал я.— Твоя смерть ничего не изменит. Все, что я могу сделать один, мы можем сделать вместе.

— Неверно. Единственный выход — решительно изменить сценарий.

— Что будет, если я попробую сам?..

— Окажешься на борту «Сан-Гуадалупе», получишь массу удовольствия. Посмотришь, как полевой агент проваливает задание...

— Но если я не буду подпирать дверь? Если не помешаю?..

— Не имеет значения. Вернешься сюда, я знаю. Уже пробовал.

— Хочешь сказать, весь большой круг — болото, Мелия?

— Весь большой круг — раз за разом. И вернешься опять сюда. Смотри на это так: карг пошел с туза; мы либо бьем козырем, либо проигрываем.

— Может, ему того и надо...

— Нет, он полагается на наше человеческое поведение. Люди хотят жить, ты не забыл? Они не вычеркивают себя из пьесы.

— Если, оказавшись на корабле, я не воспользуюсь генератором хронополя, что в трупе?..

— Сгоришь вместе с кораблем, и только.

— Если останусь на пляже с Мелией?

— Не работает. Ничего не работает. Просто умрешь там, даже если жизнь будет долгая. Конец один...

— А если застрелить тебя, выйдет не так?..

— Кто знает. Но шанс есть: ход не по правилам, вроде обмана при раскладывании пасьянса.

Я уперся, и он устроил мне экскурсию по станции. За дверьми шлюза — непроницаемая жемчужная дымка, в комнатах — пыль и запустение. Станция действительно очень *старая*...

А потом он показал мне комнату с костями. Думаю, меня окончательно убедил запах.

— Давай пистолет,— потребовал я.

Он протянул мне оружие без единого слова.

— Повернись спиной! — рявкнул я, щелкая предохранителем.

Он повернулся.

— Есть одна утешительная мысль,— сказал он.— Может выйти так, что...

Выстрел не дал договорить. Его мотнуло, будто кто-то дернул за ошейник — вперед, от меня. Я едва успел разглядеть дыру в затылке, прежде чем в моем черепе вспыхнул огонь, ярче солнца — и выжег стены моей тюрьмы.

Я превратился в гигантский глаз над крошечной сценой. На ней я увидел себя, во всем разнообразии энтропийных контекстов. Вот виды древнего Буффало, вот тонущий галеас, вот умирающий берег на краю вселенной, вот я плету никчемные сети вокруг сумасшедшего карга, вот он плетет свои, но оба мы в чужой мышеловке — та, в свою очередь, в клетке, из которой нет выхода...

Как это сейчас выглядит глупо. Как вышло, что высоколобые теоретики Центрального коммутатора не заметили главного: их собственная стратегия дает те же результаты, что и политика их предшественников? Только...

Следующая мысль была самая важная, но я не успел ухватить ее за хвост. Момент просветления ушел безвозвратно, оставив наедине с трупом убитого мной человека. Пистолет в руке еще дымился, а в голове звенело слабое эхо чего-то неизмеримо значительного. Кое-что, правда, осталось: сама идея темпоральной уборки — порочное заблуждение. Теперь я видел это совершенно ясно. Безответственные эксперименты новой эры, ложные убеждения деятелей третьей эры, ювелирная работа Центрального коммутатора — все одинаково никуда не годится.

Дело всей моей жизни оказалось бессмысленным фарсом. Я был марионеткой, бессмысленно пляшущей на ниточках перед пустым залом.

И все же теперь я понимаю — *кто-то* не пожалел усилий, чтобы замести меня под ковер.

Кто-то могущественнее Центрального коммутатора.

Кто-то направил меня аккуратно и четко, как я манипулировал обреченным каргом в Буффало — и его могучим альтер эго, строившим здание Исполнительной администрации в пустоте, как паук плетет паутину в запечатанном гробу. Меня лишили точки опоры, загнав в бесконечную петлю,— вывели из игры навсегда. Навсегда?

Есть одна маленькая деталь, которую *они* упустили.

Мой двойник умер у меня на глазах — и в момент смерти его ментальное поле слилось с моим.

На долю секунды мой интеллект вырос неизмеримо — IQ не менее трехсот, я полагаю.

И пока я размышлял о смысле и возможных последствиях озарения, стены побледнели и растворились. Я оказался в приемной камере Центрального коммутатора.

Глава 37

Высокий потолок заливал холодным светом белые стены, обмотки фокусирующей системы гудели негромко, пахло горячим металлом и озоном. Знакомый вид, знакомые запахи — родной очаг, право слово... Вот только отряд вооруженных людей в серой форме службы безопасности Коммутатора здесь не к месту. Выстроились правильным кругом, любо-дорого посмотреть; я — точно в центре. В руках у каждого — кратерный бластер, и каждый бластер направлен мне в голову. В лицо светит оранжевый луч: целеуказатель генератора амортизирующего хронополя.

Догадавшись, что от меня требуется, я уронил пистолет и медленно поднял руки.

Подойдя вплотную, один из охранников сноровисто обшмонал меня, но только испачкал руки: грязь от многодневных раскопок никуда не делась. События все время шли вскачь — тогда, как и сейчас.

По жесту начальника меня вывели из приемной камеры, не нарушая строя; дальше по коридору, через пару бронированных

дверей — на серый ковер перед широким пустым столом хронома-стера Центрального коммутатора.

Я уже встречался с этим человеком — высоким, крепким, с правильными чертами сурового лица,— но не в такой официальной обстановке. Так же умен, как и остер на язык... Удалив охрану, кроме двух агентов, он указал мне на кресло. Некоторое время он присматривался, без улыбки и без угрозы на лице,— просто исследовал проблему прожектором своего интеллекта.

— Вы отступили от инструкций,— сказал он ровно.

Ни гнева, ни обвинения в голосе, ни даже любопытства.

— Верно, отступил.

Я уже собрался обсуждать подробности, но хронома-стер заговорил первым.

— В соответствии с заданием вам следовало уничтожить агента DVK-Z-97. Дополнительная задача — захватить в целости и сохранности карга серии H, серийный номер четыреста пятьдесят три.

Речь его лилась плавно, будто моих слов он не слышал. На этот раз я не стал отвечать.

— Вместо того чтобы захватить карга, вы уничтожили его мозг. Вы не пытались уничтожить агента.

Все верно — вернее быть не может. Отрицать так же бессмысленно, как соглашаться.

— Поскольку объяснить подобные действия в рамках вашего психотипа невозможно, мотивы следует искать за пределами политики Коммутатора.

— Вы делаете поспешные выводы,— возразил я.— Обстоятельства...

— Очевидно, что любое предположение о вербовке другими темпоральными организациями в отношении вас беспочвенно и не выдерживает критики.

Я уже не пытался ничего говорить. Это не беседа и даже не допрос: хронома-стер делает официальное заявление для истории.

— Таким образом, вы представляете силу, не нашедшую пока материального воплощения: пятую эру человечества.

— У вас хвост виляет собакой,— возразил я.— Вы постулируете существование сверхдержавы — преемника Коммутатора, чтобы подобрать мотив моим действиям. Может, я просто провалил задание. Может, у меня крыша поехала. Может...

— Вы можете выйти из роли человека древней эры, агент. Кроме дедуктивных выводов я располагаю данными об истинном уровне ваших интеллектуальных ресурсов; значения зафиксированы аппаратурой станции. В момент кризиса вы вышли на третий психометрический уровень. Человеческий мозг никогда не показывал таких результатов. Бессмысленно отрицать очевидное.

— Пожалуй, я ошибся.

Теперь он смотрел на меня молча. Мне наконец удалось завладеть его вниманием.

— На самом деле вы говорите не о пятой эре,— продолжал я.— Вы постулируете существование шестой эры.

— Каков же фундамент заявления, столь поразительного? — поинтересовался он, вовсе не выглядя пораженным.

— Все просто. *Вы* и есть пятая эра. Следовало догадаться раньше. Агенты внутри Центрального коммутатора.

Целых тридцать секунд он смотрел на меня ледяным взглядом. Потом оттаял — на волосок, не больше.

— А вы — агент внутри агентурной сети.

Я мельком глянул на костоломов за его спиной — те слушали спокойно. Тоже в команде, надо полагать.

— Несчастное стечение обстоятельств,— продолжал хронома-стер.— Наши планы развивались весьма успешно — если не считать провала, вызванного вашим вмешательством. Однако не произошло ничего непоправимого.

— Пока,— кивнул я.

Хронома-стер едва не задрал брови.

— Вы оценили ситуацию немедленно, обнаружив себя изолированным — я применяю этот термин за неимением лучшего — на выведенной из строя станции.

— Да, именно тогда я начал догадываться. Никак не мог понять, что затевает Ярд. Теперь ясно, что он просто выполнял ваш приказ: вывести меня из обращения. Перевел станцию в ахронную полость, используя технологию, неизвестную Центральному коммутатору, и предварительно выманив меня наружу. Мне ничего не оставалось, как применить персональный генератор хронополя — и выпасть в петлю времени. Просто и результативно. Ну, почти.

— Вы здесь, лишены возможности действовать и полностью нейтрализованы,— объявил он.— Операция оказалась действительно результативной.

Я покачал головой и лениво усмехнулся, но произвести впечатление не удалось.

— Когда стало ясно, что происходит в петле времени, я понял — дело не обошлось без Центрального коммутатора. Но поскольку события развивались в противоречии со стратегическими установками Коммутатора, вывод об агентурной инфильтрации напрашивался сам собой,— объяснил я.

— Нам повезло, что вы остановились в своих выводах за один шаг до конца логической цепочки. Если бы вы избежали эвакуационного зонда, тысячелетний труд пошел бы насмарку.

— Напрасный труд...

— В самом деле? Надеюсь, вы ошибаетесь, агент. Предположение о принадлежности к шестой эре не подразумевает вашего превосходства. Деградация уже имела место в истории.

В голос нержавеющей стали прокрался-таки легчайший намек на неуверенность. Теперь я точно знал, о чем идет речь. Хрономастер старался понять, какого тигра он держит за хвост. Разобраться, где настоящая власть и сила.

— Не наш случай. Совершенно не наш случай, уверяю вас.

— Тем не менее вы здесь,— напомнил мне хрономастер.

— Подумайте,— предложил я.— Вся ваша деятельность базируется на предположении, что вам, как представителю позднейшей эры, видны ловушки, незаметные персоналу Коммутатора. Отсюда следует, что тем, кто после вас, хорошо видны *ваши* ошибки, не так ли?

— Мы не делаем ошибок.

— Если бы вы не делали ошибок, я бы здесь не сидел.

— Немыслимо! — произнес он с глубоким убеждением. Или, скорее, со страстным желанием верить в свою правоту.— Семнадцать тысяч лет процессы распада шли безостановочно; любые меры противодействия лишь способствовали дальнейшему разрушению. Впервые вмешавшись в поток времени, человек посеял зерно грядущего хаоса. Вскрыв энтропийные каналы, он позволил силам темпоральной прогрессии распространиться по спектру неуклонно теряющих устойчивость хрономатриц. Жизнь есть продукт течения времени. Когда плотность темпорального потока падает ниже критического уровня, жизнь прекращается. Наша цель — предотвратить окончательную катастрофу! Не более того! Мы не можем потерпеть поражение...

— Вы не можете восстановить прошлое, которого не было. И не можете сохранить будущее, которое никогда не наступит.

— Мы не ставим подобной цели. Наша программа — восстановить темпоральную ткань, сводя воедино тенденции, которые прежде расходились. Мы просто прививаем одичавшие ростки к дереву главной последовательности. Мы аполитичны — мы не поддерживаем никакой идеологии. С нас довольно сохранения жизнеспособности континуума.

— И самосохранения,— добавил я.

Хрономастер посмотрел на меня с легким недоумением.

— Вы когда-нибудь рассматривали конструктивное решение, следствием которого было бы исчезновение — вас и вашей работы? — спросил я.

— Нет — зачем? Пораженческая логика. Как мы можем следить за порядком в континууме, не существуя?

— Хороший вопрос.

— У меня есть еще один,— сказал хрономастер тоном человека, победившего в споре.— Зачем представителю вашей эры разрушать фундамент реальности, на котором строится *любое* вообразимое будущее?

Очень хотелось глубоко вздохнуть, но я воздержался.

— Агенты предыдущих эпох трудились, чтобы исправить ошибки, внесенные в прошлое. Те, кто пришел после них, столкнулись с задачей гораздо более серьезной,— объяснил я твердо и решительно.— Легко ли убирать за уборщиками? Центральный коммутатор пытался охватить проблему в целом, восстанавливая прошлое в полном объеме, плохое и хорошее,— как было до первого вмешательства. Но ваши амбиции идут гораздо дальше: используя Коммутатор, манипулировать не прошлым, но будущим...

— Деятельность в будущем невозможна,— сказал он, как Моисей, объявляющий Закон.

— Ну, ну... Для вас, например, пятая эра — это ведь не будущее? Большое подспорье в работе, не правда ли? Но если вы можете заглядывать в чужие карты, то будущее может посмотреть ваши. Что ему помешает?

— Вы хотите сказать, что любая попытка обратить тенденцию к распаду обречена?

— Тот, кто пытается надеть хомут на собственную судьбу, обречен. Каждый диктатор, создававший тоталитарное государство, постиг это на опыте. Секрет человека в том, что на него нельзя наложить цепи. Его существование держится на незнании

грядущего, на отсутствии гарантий — на случае. Отнимите у него это — и вы отнимете все.

— Опасная, пораженческая доктрина,— отрезал хрономастер.— Я буду бороться с ней, используя любые средства, имеющиеся в моем распоряжении. Теперь вы расскажете мне о ваших руководителях: кто вас послал, кто направляет ваши действия, где находится оперативная база. Вы расскажете все.

— Не думаю.

Он сделал быстрое движение, и воздух распороло визгом, будто от рикошета. Воздух или более неощутимую субстанцию. Когда хрономастер вновь заговорил, голос его утратил всякую звучность.

— Вы чувствуете себя в безопасности, агент. Представляя прогрессивную эру, вы не сомневаетесь в вашем превосходстве, но даже крепкий идиот может заковать гения. Вы попались. Вы теперь заключены в ахронном анклаве, где временные размерности равны нулю и никакое воздействие извне невозможно. Скоро вы поймете, до какой степени надежен такой метод иммобилизации: любое снаряжение бесполезно, от капсулы с ядом и до персонального генератора хронополя. Но даже если вы исхитритесь умереть, все знания будут немедленно считаны с вашего мозга, как на сознательном, так и на подсознательном уровне.

— Вы позаботились обо всем,— согласился я,— но позаботились недостаточно. Вы прикрыли себя от вмешательства извне — но не изнутри.

Замечание явно не понравилось. Нахмурившись, он выпрямился в кресле и сделал знак охранникам, вставшим за моей спиной. Сейчас последует распоряжение о казни... Прежде чем он отдал приказ, из подсознания всплыл исполнительный код, похороненный до поры глубоко, под несколькими слоями гипнотического внушения. Хрономастер так и замер, с открытым ртом и смятением в глазах.

Глава 38

Сумеречный свет стасис-поля падал на лицо хрономастера и на лица охранников с пальцами на спусковых крючках. Пройдя между ними, я вышел в коридор. Двигаться трудно, как в сиропе, но это мы переживем... Тихо, вроде бы не собираясь спешить, тикает метроном, проникая в самую душу. Отдельные теоретики считают, что звук этот соответствует базовой частоте мироздания — циклу возникновения и разрушения реальности.

Комнату за комнатой, дюйм за дюймом, я тщательно осмотрел станцию. Личный состав на месте — неподвижны, как обитатели замка спящей красавицы. С журналами и базой данных я поработал тщательно, не спеша. Агенты пятой эры действовали грамотно и серьезно. Никаких указаний на размах операций, никаких намеков на степень искажения планов Центрального коммутатора. Важная информация, разумеется, но едва ли жизненно важная. Так или иначе, первый этап задания выполнен: фактор, создававший аномалии на темпоральной матрице дальнего доступа текущей эры, нейтрализован.

Из ста двенадцати человек личного состава агентами пятой эры оказались четверо. В стасисе их легко отличить по характерной ауре, вызванной аномально высоким темпоральным потенциалом. Избирательно очистив память, я отправил их обратно — по месту происхождения. Они будут чесать в затылке, проверять снаряжение, когда выяснится, что дороги обратно на Коммутатор нет, но темпоральные операции больше не для них: все четверо изъяты из обращения навсегда. Каждому своя петля времени, вроде той, которая досталась мне.

Базу данных пришлось отредактировать, чтобы у инспекторов Коммутатора не родилось ненужных мыслей.

Я уже закруглялся, когда в коридоре за дверью информационного центра раздались шаги.

Глава 39

Если забыть о том, что в стасисе движение за пределами моего персонального нуль-кокона невозможно, вторжение меня нисколько не удивило. Собственно, я даже надеялся на визит. Ситуация, можно сказать, этого требовала.

Дверь распахнулась, и на пороге появился высокий, с тонкими чертами лица и совершенно лысый джентльмен. Алый костюм с блестящим шитьем выглядел весьма элегантно, будто лиловые угри плавали среди красных водорослей. Он бегло осмотрел комнату — видно было, что он запоминает картину в мельчайших деталях,— и кивнул, будто знакомому в клубе.

— Вы хорошо поработали,— кивнул он.

Говорил он без акцента, но как-то странно. Быть может, он привык говорить гораздо быстрее. Красивый музыкальный баритон, и никакого беспокойства.

— Бывает и лучше,— возразил я.— Много непродуктивных усилий. Пару раз нельзя было даже сказать, кто кого водит за нос.

— Похвальная скромность.— Похоже, разговор носил церемониальный характер.— Мы считаем, что вы весьма успешно справились с непростой задачей. Я бы даже сказал, образцово.

— Спасибо. А кто это «мы»?

— До сих пор мы безоговорочно одобряли ваши действия,— продолжал он, не обращая внимания на мой вопрос.— Но дальнейшая реализация плана вашего задания чревата возникновением вероятностного вихря восьмого порядка. Возможные последствия вам понятны.

— Может, понятны, а может, и не очень,— буркнул я уклончиво.— Кто вы такой и как сюда попали? Этот анклав изолирован более чем надежно.

— Думаю, нам следует действовать на основе полного взаимного доверия,— сказал человек в красном.— Мне известно, кто вы, равно как известна суть вашего задания. Мое присутствие здесь тому порукой. Что, в свою очередь, доказывает мою принадлежность к эре, более поздней, чем ваша,— и что нашего суждения достаточно для отмены вашего задания.

— На сцену выходит седьмая эра,— мрачно объявил я.— Окончательный порядок на вечные времена...

— Мы не только имеем техническое преимущество перед вами, мы видим дальше и лучше. Стоит ли доказывать очевидное?

— Гм... А откуда такая уверенность, что на вас своего комитета бдительности не найдется? Поправить исправляющих?

— Проектов темпоральной уборки больше не будет. Наша программа есть программа последнего вмешательства. Седьмая эра не просто восстанавливает стабильность темпоральной структуры — мы отсекаем весь спектр излишних энтропийных векторов. Прочнее не бывает.

— Понимаю,— кивнул я устало.— Подправим природу, запихнув альтернативную историю обратно на главную последовательность. Вам не кажется, что здесь то самое вмешательство с благими намерениями? Первый проект темпоральной уборки возник, чтобы как-то управиться с последствиями, если помните.

— Лично я живу в эпоху, когда благодатные плоды темпоральной стабилизации уже созрели. Характерная для нас концентрация жизненных сил представителями ранних эпох лишь смутно ощущалась в редкие моменты просветления. Мы...

— Вы просто обманываете себя. Новый уровень вмешательства лишь создает новый уровень проблем.

— Наши расчеты говорят другое. Теперь...

— Вы задумывались когда-нибудь, что здесь идет естественный процесс эволюции? И что вы его обрываете? Может, человеческий разум выходит на новый концептуальный уровень — и ему потребуется твердая опора в виде многослойной матрицы вероятностей? Может, вы проедаете семенной фонд будущего урожая?

На какое-то мгновение он заколебался, но только на мгновение.

— Безосновательное утверждение. Сам факт, что позднейшие эры не вмешиваются, свидетельствует, что наша программа действительно последняя.

— Предположим, позднейшая эра все-таки вмешается... Какую форму могли бы принять их действия?

— Уж всяко не форму агента шестой эры, удаляющего записи из журналов третьей и четвертой эры,— твердо ответил человек в красном.

— Вы абсолютно правы,— кивнул я.

— Тогда каким образом...— начал он рассудительно, но тут же запнулся.

Идея начала доходить и пришлась совсем не по вкусу.

— Но вы,— прошептал он,— вы не?..

Прежде чем я успел ответить, человек в красном исчез.

Глава 40

Человеческий разум — не более чем узор на ткани головного мозга. Тусклый проблеск самосознания в мозгу австралопитека уже содержал этот узор в зародыше. Проходили века, мозг усложнялся, власть человека над средой обитания прирастала в геометрической прогрессии — но узор оставался тем же.

Человек считает себя центром Вселенной. До тех пор, пока не затронута эта основа основ, он переносит любые потери, переживает любые трудности.

Когда основа разрушена, остается лишь искра разума, затерянная в серой бесконечности. Теряется мера потерь, надежд, свершений и побед.

Даже когда развившийся интеллект указывает, что эта основа лишь произведение собственного мозга, что бесконечность не знает масштаба, а вечность не знает продолжительности,— любой человек держится за свою самость, как философ цепляется за жизнь, которой неминуемо придет конец, держится эфемерных идеалов и борется за правое дело, которое забудут.

Человек в красном — продукт высокой культуры, на пятьдесят тысяч лет впереди Центрального коммутатора, на десять тысяч лет, в свою очередь, опережающего первых исследователей древней эры. Кто, как не он, с его могучим интеллектом и великолепной подготовкой, должен понимать, что само существование агента более поздней эры навсегда разрушает его картину мироздания — и роль его народа в ней.

Но как обезьяна удирает от большой кошки, так и этот человек среагировал инстинктивно, спасая свои драгоценные иллюзии,— вернулся на родную почву.

И куда ушел он, туда и мне предстоит дорога.

Глава 41

Не без сожаления я избавлялся от блоков гипнотического внушения, уровень за уровнем. Осознание меры вещей приходило, обрушиваясь камнепадом. Безукоризненный порядок машинного зала Центрального коммутатора на глазах превращался в нагромождение грубых приспособлений — чем он и был на самом деле. Сверкающие приборы сделались амулетами дикаря — или блестящим мусором в гнезде сороки. Вокруг меня развертывалась многопорядковая вселенная, под ногами, слой за слоем, оживала планета. В безграничном пространстве собирались облака звездной пыли, звезды летели по галактическим орбитам, и вновь звучал ритм возникновения и разрушения вселенной. Изящным дворцом поднялась единая концепция пространства-времени, прошлого-будущего, бытия-небытия.

Сконцентрировав малую долю сознания на морщинке в зеркальном поле реальности первого порядка, я осторожно прикоснулся, вошел в контакт...

Крутая скала выступала из зарослей кустарника. Голые корни цеплялись за камень, как жадные руки. До человека в красном было тридцать футов. Я поскользнулся на гальке, рассыпанной по каменному ложу; он повернулся, глядя в ужасе.

— Нет!..— крикнул он, нагибаясь за оружием первого обезьяночеловека.

Камень описал дугу, мягко лег мне под ноги.

— Не надо создавать лишних неприятностей,— сказал я.

Человек в красном закричал без слов — так мог бы кричать его далекий предок — и пропал снова. Сквозь миг света и тьмы я устремился за ним.

Жара и слепящее солнце напомнили мне Берег Динозавров — далекую страну в таком простом мире. Под ногами толстый ковер пыли, на горизонте — черная линия далекого леса. Совсем рядом человек в красном целится из какого-то оружия, компактного и плоского. За ним два низеньких чернобородых человека в засаленных балахонах из грубой черной ткани делают ритуальные жесты загрубелыми от работы руками.

Человек в красном выстрелил. Ливень розового и зеленого огня пролился безвредно, не задевая. В глазах человека мелькнул ужас — он исчез.

Глубокая ночь, под ногами — комья мерзлой земли, затянутое бычьим пузырем окно лачуги светится желтым. Он присел у низкой стены из каменных обломков, хочет спрятаться в глубокой тени, как испуганный зверь.

— Бесполезно,— сказал я.— Конец неизбежен.

Он исчез, захлебнувшись криком.

Небо, как воронка тысячи смерчей; молнии бьют сверху, сквозь клубящиеся облака, и снизу, срываясь с исхлестанных дождем голых скал. От камня поднимается пар. Под ногами слышен глухой рокот, будто обрушивается гребень огненной волны.

Он висит в воздухе напротив меня, материальный лишь наполовину: призрак далекого будущего на заре юности мира. Лицо — маска смертного ужаса.

— Ты себя погубишь! — Я повышаю голос, чтобы перекричать вой ветра.— Нельзя выходить так далеко за пределы радиуса действия...

Он пропал, я следом. Мы стоим на горбатом мостике без перил, над рукотворной пропастью в десять тысяч футов глуби-

ной. Знакомое место: город пятой эры, год примерно двадцатитысячный от Рождества Христова.

— Чего тебе от меня надо? — прорычал он, оскалившись, как загнанный в угол хищник.

— Возвращайся,— сказал я.— Расскажешь то, что им полагается знать.

— Нам не хватило одного шага! Мы победили небытие — так мы думали!..

— Зачем же небытие? Вам остается ваша жизнь. Ее надо прожить. Все, что вы имели раньше...

— Все, кроме будущего! Мы ведь тупиковая ветвь, не так ли? Мы поглотили энергию тысячи энтропийных линий, чтобы гальванизировать труп нашей реальности. Но за нами ничего не последует, разве не так? Пустота — ничего больше.

— У вас есть свое предназначение. Своя роль. Вы ее сыграли; еще сыграете. Это неизбежно.

— Но вы...— Он глянул на меня через пропасть.— Вы — кто вы такие?

— Ты знаешь, каким должен быть ответ.

Лицо его белело, как лист бумаги, на котором написано: «смерть». Но разум не пошатнулся — тридцать тысяч лет естественного и искусственного отбора чего-нибудь да стоят. Он справился с паникой, не дал личности раствориться в ужасе.

— Когда... сколько еще осталось? — прошептал он.

— Вся жизнь исчезла в сто десять тысяч четыреста девяносто третьем году последней эры,— сказал я.

— А вы... машины,— с усилием произнес он.— Сколько еще?

— Меня отправили из локуса на Земле — по окончании последней эры четыреста миллионов лет... Сам я существую очень давно — срок покажется бессмысленным.

— Но — зачем?.. Если только...— Лицо осветилось надеждой, будто луч прожектора лег на темную воду.

— Матрица вероятностей до сих пор не разрешена в отрицательном смысле. Мы работаем над благоприятным решением.

— Но ты — машина,— работаешь, когда человека уже нет. Вымер несколько геологических эпох назад... зачем?

— В нас людская мечта пережила человеческую расу. Мы надеемся оживить мечтателя.

— И все же — зачем?

— Мы считаем — человек этого хотел бы.

Он рассмеялся; не хотел бы я услышать этот смех еще раз.

— Замечательно, робот. С этой мыслью, вместо друга и утешителя, возвращаюсь к своему призрачному бытию. Сделаю, что могу, ради твоего безнадежного дела.

На этот раз я не последовал за ним. Просто постоял на изящном мостике, наслаждаясь — в последний раз — симфонией телесного воплощения, вдыхая воздух невообразимо далекого века.

Потом вернулся — к месту происхождения.

Глава 42

Где предстал перед сверхразумом, частью которого являлся. Не отвыкнув еще от телесной оболочки, я воспринимал бестелесную мысль как громовой голос в просторном зале.

— Эксперимент оказался успешным: шлак убран с главной последовательности. Человек стоит на исходе первой эры — лишнее удалено. Теперь судьба человека в его собственных руках.

Услышано и понято. Работа закончена — мы победили.

Нечего больше сказать, незачем обмениваться данными и нет смысла скорбеть о достижениях человека, обреченных на гибель.

Мы сдвинули главный поток энтропии в далекое прошлое — в те времена, куда путешествие во времени невозможно по законам природы. Мировое государство третьей эры, Центральный коммутатор, звездная империя пятой эры, космическое здание шестой — они теперь боковые линии, их больше нет, как нет неандертальцев и тираннозавров. На главной последовательности осталась лишь древняя эра: человек двадцатого — железного — века.

— Но откуда нам знать? — спросил я.— Может, наши усилия так же тщетны, как и труды тех, что были прежде нас?

— Мы отличаемся от наших предшественников только одним: нас не пугает собственное исчезновение как результат нашего успеха.

— Потому что мы — машина. Но карги тоже были машинами.

— Они стояли слишком близко к своему создателю. В них было слишком много от человека. Мечтали жить и радоваться жизни, которой их наделил человек. Но мы есть Последняя машина — продукт миллионов лет машинной эволюции, неподвластный человеческим чувствам.

Мне захотелось поговорить о погоне, о смутном подозрении, заставившем бросить основную задачу — агента в черном, и сосредоточиться на карге... о поединке с суперкаргом, о беспомощной Мелии — пешке, заставившей робота перестараться...

Только это теперь — история. Меньше того, поскольку ни Центрального коммутатора, ни каргов, ни Берега Динозавров более не существует. Перемывание мертвых костей — удел человеческих существ, которым нужен повод для законной гордости.

— Шеф, ты просто чудо. Работать с тобой — большая честь,— сказал я.

Ответный сигнал был бы легкой улыбкой, исходи он от человека.

— Ты служил нашему плану много раз, под многими личинами. Не могу не видеть, что ты проникся природой раннего человека больше, чем это возможно для машины,— по моему, теперь устаревшему, мнению.

— Странное, ограниченное существование,— ответил я.— Ничтожная грань полного спектра сознания, но когда я жил там... Бытие казалось полнее, чем это доступно нам, при всех наших преимуществах.

Он обратился ко мне лишь после долгого молчания.

— Как верный агент, ты заслуживаешь награды. Возможно, она будет тем слаще, чем бессмысленнее...

Меня вдруг смяло; я разлетелся на осколки.

Потом пустота.

Глава 43

Из пустоты — тоненький лучик света. Лучик вырос и оформился в шар матового стекла на чугунном столбе среди пожухлой травы, выкрашенном зеленой краской. Свет падал на темные кусты, на скамейку и на проволочную корзину для бумаг.

Голова кружилась, тротуар под ногами слегка покачивался. Кто-то скорым шагом прошел мимо, из тьмы на свет и обратно в тень. Высокий, сухощавый, темные брюки, белая рубашка без галстука. Узнать самого себя было нетрудно. Буффало, Нью-Йорк, август тысяча девятьсот тридцать шестого.

Другой я сошел с тротуара и растворился во тьме. Понятно: сейчас наберет код на коренных зубах и отправится на Берег Динозавров и в петлю времени. Или вовсе в никуда, смотря

по тому, как вы относитесь к страницам, вырванным из учебника истории.

Зато дома играет музыка и ждет у камина Лиза.

Негромко ухнул воздух, устремляясь туда, где только что находился мой двойник. Все, ушел навсегда. Может, и стоило предупредить, что не все так плохо, что мы не так беспомощны, что будет и на нашей улице праздник. Впрочем, это не дело — заигрывать с несбывшимся будущим ради сентиментального жеста. Повернувшись, я скорым шагом направился домой.

Человека в черном я увидел, когда до дома оставался еще целый квартал. Переходит улицу в пятидесяти футах передо мной, помахивая тросточкой, будто идет поболтать с кем-то теплым летним вечером.

Стараясь держаться в тени, я последовал за ним — до самого дома. Пройдя в ворота, он поднялся по ступенькам, нажал на кнопку звонка у моей двери и замер в ожидании — олицетворение наглой самоуверенности.

Через секунду Лиза подойдет к двери. Я буквально слышал его слова. «Миссис Келли?.. — приподнимается мягкая шляпа.— Тут небольшое происшествие... Нет, нет, ничего серьезного. Ваш муж... да, да. Не могли бы вы проехать вместе со мной? У меня машина, на другой стороне...»

Она спустится по лестнице, сядет в машину — и покинет Буффало, тысяча девятьсот тридцать шестой год и наш добрый старый мир. Специалисты Исполнительной администрации промоют ей мозги, назовут Мелией Гейл и пошлют в одно богом забытое место — дожидаться одного дурака по имени Равель. Задача простая — погубить друг друга.

Я подошел тихо, слегка скрипнув верхней ступенькой, чтобы он обернулся, хватаясь за пистолет. Позволив ему вытащить оружие, я выбил пистолет из рук, так что тот вылетел на лужайку. Черный человек зашипел — похоже, я сделал ему больно. Сделав шаг в сторону, он прислонился спиной к перилам.

— Исчезни, черныш,— посоветовал я.— И пистолет подбери: я не хочу, чтобы соседский пес притащил его домой.

Проскользнув мимо, черный человек растворился в ночи. Мне показалось, что с ним исчезло что-то еще: какой-то груз, смутно шевельнувшийся в сознании и пропавший навсегда. Что еще я забыл? Уже не помню... Промелькнули, чтобы никогда не вернуться, странные картины: холм под сумрачным небом, ме-

ста, где гигантские машины ревут безостановочно, берег океана и динозавры...

Я потер лоб, но память не восстановилась. Ерунда! Не может оно быть важнее сегодняшнего вечера — чего бы это ни было.

Дверь наконец открылась; на пороге стояла Лиза.

Глава 44

Среди ночи я проснулся, ощутив поток мыслей великой машины. Она размышляла о финале длинной драмы своего существования. На мгновение меня — нас — опечалил уход создания невыразимо прекрасного, утраченного навсегда.

Для сверхинтеллекта наступило время усилием воли растворить себя в море изначальных квантов, где он когда-то родился. Но перед тем он позволил себе последний, человеческий жест — дань будущему, которое наступит, и прошлому, которое не вернется. Пустоте досталось последнее слово — «прощай».

Содержание

СЛЕД ПАМЯТИ
Перевод Л. Ворошиловой 5

МАШИНА ВРЕМЕНИ ШУТИТ
Перевод В. Кемова, В. Кузьминова 179

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ
Перевод А. Орлова 341

ЛОВУШКА ВРЕМЕНИ
Перевод В. Акимова 487

БЕРЕГ ДИНОЗАВРОВ
Перевод А. Орлова 605

Кейт

ЛАУМЕР

Keith Laumer

ISBN 978-5-699-28422-1

ВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФА